

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ 2024

Научные труды
Вольного
экономического
общества России
Том двести сорок
восьмой
№ 4/2024

ANALYTICAL
MATERIALS

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM 2024

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Научные труды Вольного экономического общества России

Том двести
сорок восьмой

Москва
2024

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

**Научные труды
Вольного
экономического
общества
России**

Издается с 1765 года

**Scientific Works
of the Free Economic
Society of Russia**
Published since 1765

Вольное
экономическое
общество России
**Научные труды
ВЭО России**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести
сорок восьмой

Москва
№ 4/2024

The Free Economic
Society of Russia
**Scientific Works
of the VEO of Russia**

SCIENTIFIC
WORKS
OF THE FREE
ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA

Volume two hundred
and forty eight

Moscow
No. 4/2024

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

248 том Научных трудов Вольного экономического общества России – специальный выпуск, посвященный шестому международному Московскому академическому экономическому форуму (МАЭФ-2024), основными организаторами которого являются Вольное экономическое общество России и Российская академия наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 248 of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia is a special issue covering the Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2024), the main organizers of which are the Free Economic Society of Russia and the Russian Academy of Sciences.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2024
© The Free economic society of Russia, 2024

ISBN 978-5-94160-237-7
ISSN 2072-2060

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ ТОМ № 4 (248) 2024

СОДЕРЖАНИЕ

15 ВВЕДЕНИЕ

О Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ-2024)

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭФ-2024

Пленарное заседание МАЭФ-2024

- 52 **Г.Я. Красников**
Приветственное слово
- 53 **Т.Я. Хабриева**
Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности. Роль науки
- 56 **С.Д. Бодрунов**
Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности
- 66 **А.Р. Бахтизин**
Расчет последствий реализации новых решений и антикризисных мер в условиях продолжающейся мировой фрагментации
- 85 **М.Ю. Головин**
Новые тенденции в развитии мировой экономики и их влияние на Россию
- 98 **В.И. Данилов-Данильян**
Тревожное экологическое будущее и экономика России
- 114 **А.Н. Клепач**
Пространственное измерение долгосрочного роста российской экономики
- 130 **А.Д. Некипелов**
От нейтрализации внешних шоков к устойчивому долгосрочному развитию
- 143 **А.А. Широв**
Новое качество российской экономики: стратегия и тактика
- 154 **С.Н. Рябухин**
Трансформации в мировой экономике. Инструменты дедолларизации внешних расчетов стран БРИКС

- 158 **В.А. Крюков, Я.В. Крюков**
Новая индустриализация – в основе синергия науки, инноваций и пространственных особенностей
- 173 **О.Н. Смолин**
Технологический суверенитет и образовательная политика
- 188 **А.В. Мурычев**
Ключевые направления развития российской экономики: взгляд бизнеса
- 192 **Е.В. Панина**
Геополитические аспекты новых экономических реалий России
- 196 **Чен Эньфу**
Новые решения и новые рекомендации по экономическому сотрудничеству России и Китая

ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ-2024

- 206 **А.А. Громыко**
Пленарная конференция МАЭФ в Институте Европы РАН «Хозяйственное пространство России и Европы: навигация стратегий в условиях геоэкономических рисков». Основные итоги
- 209 **Н.А. Невская**
Экономические стратегии ЕС 2020–2024: цели и показатели
- 220 **Н.Б. Кондратьева**
Единый внутренний рынок Европейского союза на 30-летнем рубеже: достижения и новые вызовы
- 229 **А.В. Котов**
Обеспечение сырьевого суверенитета как проблемное поле экономической политики Европейского союза
- 241 **В.Б. Белов**
Стратегии хозяйственно-политического штандорта Германии
- 251 **А.В. Кузнецов**
Краткосрочные успехи и долгосрочные задачи экономического разворота России на Восток

- 263 **В.И. Белов**
Россия и Иран на пути к стратегическому партнерству
- 278 **А.Г. Володин**
Превращение Индии в одного из ключевых внешнеторговых партнеров России: причины и перспективы
- 290 **А.В. Попов**
Основные направления российско-индонезийского экономического взаимодействия на современном этапе
- 300 **П.М. Садыхов**
О роли бывшего СССР и России в становлении и развитии экономики Бангладеш
- 308 **М.В. Ершов**
О новых планах расширения фондового рынка как важной национальной основы развития российской экономики
- 314 **П.С. Селезнев, Н.А. Пономарев**
Динамика доходов населения как фактор изменения качества жизни в Российской Федерации 2020–2023 гг.
- 325 **В.В. Титов, А.Н. Зубец**
Региональные различия в уровне качества жизни: сравнение показателей между городами и сельскими территориями
- 334 **В.Г. Минашкин, К.В. Ордов, Т.Г. Бондаренко**
Зеленые инвестиции: инструменты и сектора классификации
- 344 **М.В. Холод**
Анализ финансовых транзакций клиентов на основе POS и RFID данных с помощью инструментов аналитики больших данных
- 355 **М.И. Ермилова**
Цифровизация и ESG: возможности для российского рынка жилья
- 362 **А.В. Дюжов**
Внедрение ESG-принципов в методическое обеспечение инвестиционных налоговых льгот
- 372 **М.А. Афанасьев**
Автоматизация решения классической задачи паркинсона «О росте кабинетов» путем оптимального подбора лиц, принимающих решения
- 384 **О.И. Солдатенкова**
Влияние расширения состава БРИКС на мировую торговлю сельскохозяйственными товарами
- 394 **Т.М. Исаченко**
Возможности координации торговой политики стран БРИКС
- 408 **К.А. Кугучин**
Регулирование в области биотехнологий в сельскохозяйственном секторе стран БРИКС
- 424 **М.А. Максакова, С.С. Ткаченко**
Инновационное развитие стран БРИКС и его влияние на внешнеэкономическую деятельность
- 441 **Е.Б. Ленчук**
Стратегическое планирование как инструмент обеспечения технологического суверенитета
- 452 **Г.Б. Клейнер**
Стратегическое планирование и экономические циклы: системный подход
- 461 **А.А. Пороховский**
Мудрость истории и вызовы времени (к 220-летию кафедры политической экономики МГУ)
- 471 **А.И. Колганов, Г.А. Маслов, Н.Г. Яковлева**
Россия и Китай: потенциал сотрудничества в области развития человеческого потенциала для обеспечения технологического суверенитета
- 486 **Г.Р. Голов, А.В. Мыльник**
Концептуальные основы реализации технологии предиктивной аналитики на высокотехнологичных промышленных предприятиях
- 495 **С.Г. Камолов, С.С. Глазьева**
Технологическое сотрудничество государств – членов ЕАЭС: перспективы для экспорта российских ИТ-решений
- 507 **Н.А. Мезина, В.С. Лунев**
Концептуальные и стратегические направления повышения экономической безопасности как фактор устойчивого развития предприятий

- 518 **Л.А. Костыгова, Д.Д. Сорокин**
Современные аспекты развития высокотехнологичных отраслей российской промышленности
- 527 **А.В. Петриков**
Антисанкционная политика в сельском хозяйстве: краткосрочные и среднесрочные аспекты
- 543 **М.Ю. Ксенофонтов, Д.А. Ползиков**
О разработке сбалансированной агропродовольственной политики в России
- 555 **Д.Ю. Самыгин, Д.И. Жилияков, А.А. Иванов**
Тенденции территориального развития агропродовольственного сектора
- 567 **В.В. Маслова, Н.Ф. Зарук, М.В. Авдеев**
Инвестиционное развитие сельского хозяйства и его инвестиционная привлекательность в условиях современных вызовов и угроз
- 580 **Е.В. Пономаренко**
Технологический суверенитет России: вопросы теории и практики
- 591 **А.А. Фролов**
Роль институтов развития в обеспечении технологического прогресса страны (на примере Орловской области)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

- 606 **Редакционный совет**
- 610 **Редакционная коллегия**
- 620 **Требования к публикациям**

SCIENTIFIC THE WORKS OF VEO OF RUSSIA VOLUME N° 4 (248) 2024

CONTENTS

15 INTRODUCTION

About the Moscow Academic Economic Forum
(MAEF-2024)

ANALYTICAL MATERIALS OF THE MAEF-2024 MAEF PLENARY MEETING

- 52 **Gennady Y. KRASNIKOV**
Welcome speech
- 53 **Talia Y. KHABRIEVA**
Russian economy 2024+:
new solutions for the new reality. The role
of science
- 56 **Sergey D. BODRUNOV**
Russian Economy 2024+:
New Solutions for the New Reality
- 66 **Albert R. BAKHTIZIN**
Calculating the consequences of
implementing new solutions and anti-crisis
measures in the context of ongoing global
fragmentation
- 85 **Mikhail Yu. GOLOVNIN**
New Trends in Global Economic
Developments and Their Impact on Russia
- 98 **Viktor I. DANILOV-DANILYAN**
An alarming environmental future and the
Russian economy
- 114 **Andrey N. KLEPACH**
Spatial Dimension of Long-Term growth of
the Russian economy
- 130 **Alexandr D. NEKIPELOV**
From Neutralization of external shocks to
stable long-run development
- 143 **Alexander A. SHIROV**
The new quality of the Russian economy:
strategy and tactics

- 154 **Sergei N. RYABUKHIN**
Transformations in the global economy.
Tools for dedollarization of external
settlements of the brics countries
- 158 **Valeriy A. KRYUKOV, Yakov V. KRYUKOV**
New industrialization – based on the
synergy of science, innovation and spatial
features
- 173 **Oleg N. SMOLIN**
Technological sovereignty and educational
policy
- 188 **Aleksandr V. MURYCHEV**
Key areas of development of the Russian
economy: a business perspective
- 192 **Elena V. PANINA**
Geopolitical aspects of new economic
realities for Russia
- 196 **Cheng ENFU**
New solutions and new recommendations
for economic cooperation between Russia
and China

MAEF PLENARY CONFERENCES

- 206 **Alexey A. GROMYKO**
MAEF Plenary conference at the Institute of
Europe of the Russian Academy of Sciences
«Economic spaces of Russia and Europe:
navigation of strategies in the context of
geo-economic risks». Main results
- 209 **Natalia A. NEVSKAYA**
Eu economic strategies 2020–2024: goals
and indicators
- 220 **Natalia B. KONDRATIEVA**
The European Union single market turns
30: achievements and new challenges
- 229 **Alexander V. KOTOV**
Ensuring raw material sovereignty as
a problem field of eu economic policy

- 241 **VLADISLAV B. BELOV**
The strategies of the economic and political space of Germany
- 251 **Alexey V. KUZNETSOV**
Short-term achievements and long-term objectives of Russia's economic turn to the East
- 263 **Vladimir I. BELOV**
Russia and Iran on the path toward strategic partnership
- 278 **Andrey G. VOLODIN**
India's transformation into one of Russia's key foreign trade partners: reasons and prospects
- 290 **Alexander V. POPOV**
The main directions of Russian-Indonesian economic cooperation at the present stage
- 300 **Pasha M. SADYKHOV**
The Role of the former USSR and Russia in the Formation and Development of the Economy of Bangladesh
- 308 **Mikhail V. ERSHOV**
New plans for the development of the stock market as an important national basis for the development of the Russian economy
- 314 **Pavel S. SELEZNEV, Nikolai A. PONOMAREV**
Dynamics of population income as a factor of changes in the quality of life in the Russian Federation 2020–2023
- 325 **Viktor V. TITOV, ALEXEI N. ZUBETS**
Regional differences in the level of quality of life: comparison of indicators between cities and rural areas
- 334 **Vitaliy G. MINASHKIN, Konstantin V. ORDOV, Tatiana G. BONDARENKO**
Green investments: tools and sectors of classification
- 344 **Marina V. KHOLOD**
Analysis of financial transactions of clients based on pos and rfid data using instruments of big data analytics
- 355 **Mariia I. ERMILOVA**
Digitization and esg: opportunities for the Russian housing market
- 362 **Alexey V. DYUZHOV**
Implementation of esg principles in methodological support of investment tax benefits
- 372 **Mikhail A. AFANASEV**
Automating the solution of the classical parkinson's problem «about the growth of offices» by optimal selection of decision makers
- 384 **Olga I. SOLDATENKOVA**
The impact of the brics expansion on world trade in agricultural products
- 394 **Tatiana M. ISACHENKO**
Opportunities for BRICS Trade Policy Coordination
- 408 **Konstantin A. KUGUCHIN**
Biotechnology regulation in the agricultural sector of the brics countries
- 424 **Maria A. MAKSAKOVA, Sofia S. TKACHENKO**
Innovative development of BRICS countries and its impact on their foreign economic activities
- 441 **Elena LENCHUK**
Strategic planning as a tool for ensuring technological sovereignty
- 452 **George B. KLEINER**
Strategic planning and economic cycles: systems approach
- 461 **Anatoly A. POROKHOVSKY**
The wisdom of history and the challenges of the time (for the 220th anniversary of the Department of political economy of MSU)
- 471 **Andrey I. KOLGANOV, Gleb A. MASLOV, Natalia G. YAKOVLEVA**
Russia and China: potential for cooperation in the field of human development to ensure technological sovereignty
- 486 **German R. GOLOV, Alexey V. MYLNIK**
Conceptual foundations for implementation of predictive analytics technology at high-tech industrial enterprises
- 495 **Sergey G. KAMOLOV, Sofia S. GLAZYEVA**
The EAEU technological cooperation: prospects for Russian ict export
- 507 **Natalia A. MEZINA, Vyacheslav S. LUNEV**
Conceptual and strategic directions for improving economic security as a factor of sustainable development of enterprises
- 518 **Lyudmila A. KOSTYGOVA, Dmitry D. SOROKIN**
Modern aspects of the development of high-tech branches of Russian industry
- 527 **Alexander V. PETRIKOV**
Anti-Sanctions Policy In Agriculture: Short-And Medium-Term Aspects

- 543 **Mikhail Yu. KSENOFONTOV,**
Dmitry A. POLZIKOV
Developing a balanced agricultural policy in
Russia: principles and mechanisms
- 555 **Denis Yu. SAMYGIN, Dmitry I. ZHILYAKOV,**
Aleksandr A. IVANOV
Trends in territorial development of the
agrifood sector
- 567 **Vlada V. MASLOVA, Natalya F. ZARUK,**
Mikhail V. AVDEEV
Investment development of agriculture and
its investment attractiveness in the context
of modern challenges and threats

- 580 **Elena V. PONOMARENKO**
Technological sovereignty of Russia:
theoretical and practical issues
- 591 **Andrey A. FROLOV**
The role of development institutions in
ensuring the country technological progress
(on the example of the Orel Region)

EDITION INFORMATION

- 606 **Editorial Council**
- 610 **Editorial Board**
- 620 **Requirements for publications**

Введение

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ МАЭФ-2024

Российская
экономика 2024+:
новые решения
в новой реальности

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

АРХИТЕКТУРА МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2024)

МАЭФ-2024	110 РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК МАЭФ в 61 СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		
	1 апреля – 14 мая 2024 г.		
	ОСНОВНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ МАЭФ НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК		
	15 мая 2024 г.		
	ПЛЕНАРНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ МАЭФ НА ПЛОЩАДКАХ В МОСКВЕ – ВЕДУЩИЕ ВУЗЫ И НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ		
	16 мая 2024 г.		
	ЕЖЕГОДНЫЕ ОТРАСЛЕВЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ МАЭФ в течение 2024 г.		
АРКТИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	ЕВРАЗИЙСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	АГРАРНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	
УРАЛЬСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФОРУМ	МЕЖДУНАРОДНЫЙ УФИМСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ	
ИСТОРИКО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФОРУМ	ФОРУМ «КОММУНИКАЦИИ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»	МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ФОРУМ	

Сопредседатели МАЭФ

Красников Геннадий Яковлевич, президент Российской академии наук, академик РАН, д.т.н., профессор

Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Сопредседатели Программного Комитета МАЭФ

Аганбегян Абел Гезевич, академик РАН, д.э.н., профессор

Дынкин Александр Александрович, вице-президент ВЭО России, президент Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН, д.э.н., профессор

Порфирьев Борис Николаевич, вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н, профессор

Сопредседатели Организационного Комитета МАЭФ

Иванов Владимир Викторович, член Президиума ВЭО России, заместитель президента РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н.

Ратникова Маргарита Анатольевна, вице-президент, директор ВЭО России

ИТОГИ VI МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2024)

15 мая и 16 мая состоялись центральные мероприятия шестого международного Московского академического экономического форума, основными организаторами которого являются Вольное экономическое общество России и Российская академия наук.

**Тема
МАЭФ-2024:
«Российская
экономика
2024+:
новые реше-
ния в новой
реальности»**

В мероприятиях МАЭФ-2024 приняли участие более 15 500 специалистов из 76 регионов России и 32 стран мира, в том числе из Китая, Индии, Канады, Кубы, Германии, Греции, США, Венгрии, Италии, ЮАР, Беларуси, Казахстана, Азербайджана, Грузии, Армении, Кыргызстана.

В преддверии центральных мероприятий с 1 апреля по 14 мая вели работу 110 региональных площадок МАЭФ-2024 в 61 субъекте РФ. На научно-практических мероприятиях выступили 985 специалистов.

VI МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2024)
«Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности»

СТРАНЫ-УЧАСТНИКИ МАЭФ-2023

Эксперты и учёные из 32 стран мира

- Азербайджан
- Армения
- Бангладеш
- Белоруссия
- Болгария
- Бразилия
- Великобритания
- Венгрия
- Германия
- Греция
- Грузия
- Индия
- Индонезия
- Иран
- Италия
- Израиль
- Казахстан
- Канада
- Киргизия
- Китай
- Куба
- Малайзия
- Молдавия
- Россия
- Сирия
- США
- Узбекистан
- Франция
- Финляндия
- Швейцария
- ЮАР
- Япония

VI МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2024)
«Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПЛОЩАДКИ МАЭФ-2024

110 региональных площадок в 61 субъекте РФ

- Республика Алтай
- Республика Башкортостан
- Республика Бурятия
- Донецкая Народная Республика
- Кабардино-Балкарская Республика (4 пл.)
- Республика Калмыкия
- Республика Карелия
- Республика Коми (4 пл.)
- Республика Марий Эл
- Республика Мордовия (2 пл.)
- Республика Северная Осетия – Алания (3 пл.)
- Республика Татарстан (3 пл.)
- Республика Тыва
- Удмуртская Республика
- Чеченская Республика (2 пл.)
- Чувашская Республика
- Камчатский край
- Краснодарский край
- Красноярский край
- Приморский край (2 пл.)
- Ставропольский край
- Хабаровский край
- Архангельская область
- Астраханская область (2 пл.)
- Брянская область
- Владимирская область (2 пл.)
- Волгоградская область (4 пл.)
- Вологодская область
- Воронежская область (3 пл.)
- Ивановская область (2 пл.)
- Иркутская область
- Кемеровская область – Кузбасс
- Кировская область
- Костромская область
- Курганская область
- Курская область (2 пл.)
- Ленинградская область
- Московская область
- Мурманская область
- Нижегородская область (2 пл.)
- Новгородская область
- Новосибирская область
- Омская область
- Оренбургская область
- Орловская область
- Пензенская область
- Псковская область
- Ростовская область (2 пл.)
- Рязанская область
- Саратовская область (3 пл.)
- Свердловская область (21 пл.)
- Смоленская область
- Тамбовская область
- Тверская область
- Томская область
- Тульская область (2 пл.)
- Челябинская область (2 пл.)
- Ярославская область
- Москва
- Санкт-Петербург (2 пл.)
- Ханты-Мансийский АО – Югра

VI МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2024)
«Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности»

Сопредседатели МАЭФ-2024: президент Российской академии наук, академик РАН Геннадий Красников и президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН Сергей Бодрунов.

В адрес форума поступили приветствия от Валерия Фалькова, министра науки и высшего образования РФ, Дмитрия Мезенцева, государственного секретаря Союзного государства, Лидии Михеевой, секретаря Общественной палаты РФ, Романа Артюхина, руководителя Федерального казначейства Российской Федерации, Евгения Примакова, руководителя Россотрудничества, Максима Топилина, председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике, Владимира Гутенева, председателя Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Анатолия Аксакова, председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, Леонида Слуцкого, председателя Комитета Государственной Думы по международным делам, Леонида Калашникова, председателя Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Николая Харитонов, председателя Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики, Александра Двойных, председатель Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, Александра Панкина, заместителя Министра иностранных дел РФ, Александра Шохина, президента Российского союза промышленников и предпринимателей, Владимира Кузнецова, руководителя группы учреждений ООН в России, Александра Калинина, президента Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» и других.

**15 мая 2024 г.
Открытие
МАЭФ-2024
и пленарное
заседание**

15 мая в Большом зале РАН состоялись открытие и основное пленарное заседание шестого международного Московского академического экономического форума. В нем приняли участие представители академического сообщества, комитетов Совета Федерации ФС РФ и Государственной Думы РФ, профильных ведомств, руководители ведущих экономических вузов страны, молодые ученые и экономисты. Прямая трансляция из Большого зала РАН велась на нескольких онлайн-платформах.

Модераторы пленарного заседания – Сергей Бодрунов, сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН; **Борис Порфирьев**, сопредседатель Программного комитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН; **Александр Некипелов**, вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН.

Ведущий мероприятия – руководитель аналитической группы пресс-центра ТАСС **Андрей Журанков**.

Открывая форум, сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России **Сергей Бодрунов** подчеркнул, что центральная идея МАЭФ – объединить ведущих ученых и экспертов страны для выработки идей, решений и рекомендаций, которые позволят сформировать модель перспективного развития страны в условиях глобальной трансформации.

«Широкий тематический и региональный охват Форума позволяет обеспечить масштабную дискуссию, вовлечь в нее экспертов, ученых и специалистов со всей страны, организовав тем самым мощный мозговой штурм для поиска ответов на вызовы времени», – отметил президент ВЭО России.

«Из года в год МАЭФ служит авторитетной площадкой, объединяющей ведущих экспертов, представителей органов государственной власти и деловых кругов для поиска эффективных решений реализации экономического и научно-технологического потенциала России. Сегодня наша страна сталкивается с новыми масштабными вызовами. Такие мероприятия, как МАЭФ, обретают в связи с этим особую ценность, – отметил сопредседатель МАЭФ, президент РАН Геннадий Красников, – В современных условиях необходимо консолидировать усилия по укреплению научно-технологического суверенитета нашей страны. Рассчитываю, что нынешний форум будет в полной мере способствовать решению общенациональных задач и послужит на благо развития нашего государства. Те решения, которые будут аккумулированы в рамках форума, будут переданы правительству для учета в своей работе».

С приветствием к участникам МАЭФ-2024 обратилась академик – секретарь Отделения общественных наук РАН, академик РАН Талия Хабриева.

Ученый рассказала, что в новом политическом цикле российская наука должна занять лидирующие позиции, потому что без научного обоснования поставленные Президентом России задачи не могут быть достигнуты в приемлемые сроки.

«Именно наука должна предложить обществу и экономике точки роста. Это означает, что нужно сформировать новые направления фундаментальных и прикладных исследований, которые воплотятся в новые технологии. Эти открытия будут внедрены в экономику, что даст новый импульс социально-экологическому развитию России», – пояснила Талия Хабриева.

Академик РАН добавила, что при разработке новой стратегии пространственного развития России должны быть учтены вопросы пространственного развития науки.

«Динамика и направленность научной деятельности, воплощение научных открытий в технологиях предопределяет динамику и пространства социально-экономического развития страны. Это должно быть отражено в документах стратегического планирования», – сказала Талия Хабриева.

С пленарным докладом выступил Сергей Бодрунов, сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, член-корреспондент РАН.

«Мы живем в уникальное время – период начавшейся мощной и радикальной трансформации существующей в наше время глобальной геополитической и геосоциально-экономической системы, сложившейся в предыдущие десятилетия. Мир объективно стоит на пороге перемен. Парадигма экономического общества образца конца прошлого века, несмотря на все усилия ее бенефициаров и провайдеров, объективно подходит к завершению своего существования. Бурное продвижение научно-технического прогресса, обеспечивающего переход к шестому (с элементами седьмого) технологическому укладу в общественном производстве, развитие особых пост- и неэкономических тенденций в хозяйственной жизни, стремительно развивающиеся процессы структурной перестройки мировой экономики и многие другие факторы обуславливают переход к новому мирохозяйственному укладу, с формированием новых „центров притяжения“ и развития, который, в свою очередь, порождает новое представление о смыслах и характере взаимоотношений

человека и общества, деятельности общественных институтов, международных отношений», – отметил президент ВЭО России.

Ученый указал на важность определения целей развития экономики, главной из которых должно стать построение социального государства.

«Не всякий рост есть развитие, да и не всякое развитие – благо. Все отдельные индикаторы роста экономики в действительности интегрально должны быть направлены на одну цель – повышение уровня социализации российского общества, решение задач развития личности в соответствии с ценностями гуманитарного характера, соответствующими базовым трендам развития мирового общественного устройства в рамках ноотрансформации к новой парадигме существования нашей цивилизации, контуры которой все более явственно просматриваются в платформах БРИКС, ШОС, в российской концепции создания социального государства, в концепциях „Единого евразийского пространства“, „Большого Евразийского партнерства“, Интегрального мирохозяйственного уклада, инициатив „Пояс-Путь“ и „Единой судьбы человечества“» – полагает президент ВЭО России.

Сергей Бодрунов также подчеркнул, что для реализации потенциала российской экономики важно «выверенное целенаправленное воздействие на чувствительные зоны ее роста».

Одна из таких зон роста – ускорение научно-технологического развития. Чтобы обеспечить его, следует повышать затраты на НИОКР. Россия пока уступает мировым технологическим лидерам по этому показателю.

По мнению члена Президиума ВЭО России, директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Александра Широга, если поднять совокупные затраты в этой сфере с 2 до 3%, это позволит российской экономике усилить конкурентоспособность.

«Ключевая история, которая формируется в нашей экономике – это попытка модернизировать ее и общество на базе нового качества научно-технологического развития. Сейчас наши внутренние затраты на исследования и разработки составляют порядка 1% от ВВП, и еще примерно 1% мы импортируем через покупку готовых технологических решений и оборудования. Если сохранить объем импортируемых затрат и увеличить внутренние до 2%, Россия выйдет на те уровни технологического развития, которые позволят стране быть конкурентоспособной в мировой экономике», – полагает Александр Широга.

Член Президиума ВЭО России, директор Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН Альберт Бахтизин привел расчеты ЦЭМИ РАН, согласно которым увеличение внутренних затрат на исследования и разработки до 2% может за пять лет дать дополнительные 4% роста к ВВП.

«Это, конечно, не быстрый эффект, но, с другой стороны, такие инвестиции быстрой отдачи не дадут. При этом такой шаг крайне необходим для дальнейшего развития страны и выхода на устойчивые темпы роста», – подчеркнул ученый.

Одно из условий сохранения объема импортируемых исследований и разработок – расширение научно-технологического сотрудничества с дружественными странами.

Председатель Всемирной ассоциации политической экономии Чен Эньфу представил комплекс предложений по развитию российско-китайских отношений. Ученый полагает, что страны должны расширять партнерство в сфере инфраструк-

турных проектов, в первую очередь – транспортных, а также создать новую международную клиринговую систему.

«Это позволит постепенно избавиться от зависимости от западной финансовой инфраструктуры. Учитывая уровень зрелости китайско-российского механизма трансграничных платежей, тесные экономические и торговые обмены со странами ЕАЭС, продвижение новой системы SWIFT, возглавляемое Китаем и Россией, имеет прочную экономическую и политическую основу», – считает ученый.

«Мировая валютно-финансовая система переживает период трансформации, которая требует создания новых расчетно-клиринговых международных систем и платежных инструментов, отличных от существующих сегодня», – согласился вице-президент ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам Сергей Рябухин.

Сенатор предложил создать наднациональное платежное средство стран БРИКС, используя финансовые инструменты, обеспеченные сырьевыми товарами и валютами дружественных стран.

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Некипелов выдвинул идею «бивалютной денежной системы».

«Обычный рубль останется средством для внутренних расчетов. Кроме того, из взятых в определенной пропорции и количества биржевых товаров можно сконструировать «валютный рубль», который будет котироваться Центральным Банком. Такая валюта может нейтрализовать риски санкций и быть востребованной для международных расчетов в силу устойчивости ее покупательной способности», – полагает ученый.

По мнению вице-президента ВЭО России, министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии Сергея Глазьева, для модернизации и опережающего развития экономики следует увеличить не только долю затрат на НИОКР в ВВП, но и долю инновационно активных предприятий, а также долю высокотехнологичной продукции в экспорте.

Ученый отметил, что макроэкономическую и денежно-кредитную политику нужно подчинять задачам роста благополучия населения и экономического развития.

«Денежно-кредитная политика должна работать на цели роста инвестиций. Создание целевых кредитов – главная цель в соответствии со стратегическими планами, приоритетами и перспективами развития. Следует также проводить активную промышленную и научно-технологическую политику, внешнеэкономическая политика должна ориентироваться на реализацию конкурентных преимуществ, а институты развития – пронизывать все сферы макроэкономической политики, включая и ценообразование, и природопользование и так далее», – рассказал Сергей Глазьев.

Член Правления ВЭО России, главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ Андрей Клепач указал на проблемы пространственного развития, в частности, на сжатие экономического пространства, то есть, сверхконцентрацию экономической деятельности в столичных агломерациях. Расширение узких мест в пространственном развитии может дать существенный импульс российской экономике.

«Вопрос комплексности развития территории с точки зрения условий жизни людей, глубины переработки сырья, создания всей цепочки, добавленной стоимо-

сти, увязки с транспортной инфраструктурой, к сожалению, пока не стал во главу угла нашего пространственного развития. При этом опыт, который был у СССР, говорит о том, что такая комплексность дает устойчивость экономике и вносит серьезный вклад в темпы экономического развития», – отметил эксперт.

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН Валерий Макаров подчеркнул, что роль стратегического планирования в текущей ситуации растет и призвал возродить стратегическое планирование в стране на всех уровнях.

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Мурычев назвал основные вызовы для российского бизнеса. Среди них – закупка сырья, комплектующих, оборудования: ухудшение условий поставок, сложности с логистикой, рост цен на отечественную продукцию.

«Валютная нестабильность, ограничение импорта, неплатежи со стороны контрагентов серьезно сдерживают развитие промышленных производств. В 2023 г. около 25% компаний жаловались на недостаток оборотных средств, к концу года их доля немного снизилась», – отметил вице-президент РСПП.

Александр Мурычев также озвучил ряд предложений, которые позволят улучшить деловой климат в стране. В частности, бизнесу нужна предсказуемая фискальная нагрузка.

«Прежде всего необходимо перейти от вынужденных, временных, точечных решений к системным мерам, которые будут основываться на долгосрочном видении, как фискальная нагрузка ляжет на бизнес. Мы предлагаем донастроить налоговое законодательство по чувствительным для бизнеса вопросам, в том числе оценить фискальные решения, принятые в 2023 г. Необходимо, на наш взгляд, пересмотреть параметры экспортной пошлины с учетом экономического положения отраслей, активизировать стимулирование инвестиционной активности компаний с использованием фискальных мер, включая дифференциацию налогообложения в зависимости от инвестактивности. Главный принцип – если компания вкладывает больше инвестиций в развитие производства, эта часть вложений должна уходить из налоговой базы и учитываться при расчете федерального инвестиционного налогового вычета или ставки налога на прибыль» – рассказал Александр Мурычев.

Декан Экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Александр Аузан назвал среди факторов экономического роста – межличностное доверие.

«Если бы уровень межличностного доверия, то есть, положительный ответ на вопрос, можно ли доверять большинству людей, в России был, например, такой же, как в Швеции, ВВП на душу в стране вырос на 69%», – отметил ученый.

По словам Александра Аузана, в России есть два культурных центра: И-Россия (это мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток) и К-Россия (все остальные территории).

«Культурные нормы дают спрос на те или иные институты. Россия фактически расколота в вопросе о том, какие институты надо строить. И-Россия хочет демократизации, свободы предпринимательства и модернизации. К-Россия – защиты, государственного участия, перераспределения. И то, и другое – возможный мотор развития. Два сигнала поднимаются вверх, идет аннигиляция, в итоге мы имеем слабый институциональный слой и ручное управление, потому что К-Россия может

быть надежной электоральной базой власти, а И-Россия важна в смысле фронтальной компании, проектов глобальной конкурентоспособности. Для сшивания И-России и К-России институциональными способами на основе коллаборативных институтов нужны культурные пороговые условия. Среди них – долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность», – объяснил ученый.

Альберт Бахтизин назвал факторы, которые позволят переломить тренд депопуляции в России.

«Расчеты ЦЭМИ РАН показывают, что преломление негативного тренда депопуляции возможно за счет механизмов, направленных на деурбанизацию и прирост предоставляемых медицинских услуг. Еще один из нереализованных потенциалов в стране – это строительство жилья. Увеличение метража на одного человека – один из целевых показателей, обозначенных Президентом России. На текущий момент – это 28 м², к 2030 г. планируется повысить его до 33 м², а к 2036 – до 38 м². При этом квадратные метры должны быть доступны. К сожалению, среди 107 стран мира Россия занимает 83 место по соотношению дохода к цене квадратного метра. Здесь также есть большой потенциал для дальнейшего развития, он вынесен в виде отдельного целевого показателя – это повышение доступности жилья», – заявил ученый.

По мнению члена Президиума ВЭО России, директора Института экономики РАН, член-корреспондента РАН Михаила Головнина, в России важно выстраивать систему финансирования структурной перестройки экономики.

«Сейчас это происходит в основном за счет либо прямых инвестиций бюджета, либо косвенных стимулов со стороны банковского регулирования или стимулирования рынка ценных бумаг. Центральную роль в этом процессе важно отвести институтам развития, соединить в их деятельности элементы денежно-кредитной политики, применение ценных бумаг в качестве обеспечения проведения операций Центральным Банком» – рассказал ученый.

Академик – секретарь Отделения наук о Земле РАН, научный руководитель Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, академик РАН Николай Бортников посвятил свое выступление высокотехнологичным редким металлам, которые играют важную роль в разных отраслях экономики – их используют в медицине, электронике, оборонной промышленности.

«Недра нашей страны располагают значительным потенциалом, который позволяет значительно увеличить объемы производства на действующих предприятиях и создавать новые. Основные барьеры, которые мешают это сделать, – отсутствие внутреннего спроса, неразвитая инфраструктура и низкое качество руд. России необходимо провести переоценку запасов комплексных месторождений, открывать новые месторождения, совершенствовать технологии обогащения и извлечения металлов», – полагает ученый.

Научный руководитель Института водных проблем Российской академии наук, член-корреспондент РАН Виктор Данилов-Данильян дал анализ состояния окружающей среды и отметил, что для решения экологических проблем нужно увеличить финансирование этой сферы.

«Ситуация с охраной окружающей среды в России тяжелая. Почему? На нее выделяется мало денег. Простой пример. За восемь лет с 1991 г. по 1999 г. в Российской Федерации было открыто 24 заповедника, в следующие восемь лет – один. При этом в 90-х годах денег не было совсем, а в нулевых – на нас проливался дол-

ларовый дождь. В чем дело? Мы занялись другим. На охрану окружающей среды их уже не оставалось», – рассказал ученый.

Член Президиума ВЭО России, первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию Олег Смолин озвучил ряд предложений по модернизации образования в стране, которая позволит обеспечить экономику России кадрами, необходимыми для технологического прорыва. Среди них – добровольность единого государственного экзамена.

«Большинство (60–65%) выпускников девятых классов уходят в систему профобразования (СПО), чтобы избежать ЕГЭ. Таким образом, мы теряем часть потенциальных инженеров. Если бы ЕГЭ был добровольен, это увеличило бы наш потенциал для формирования будущей технической интеллигенции. Ни для кого не секрет – многие технические университеты не могут набрать студентов с соответствующими баллами ЕГЭ», – пояснил депутат.

Также, по мнению Олега Смолина, следует увеличить прием на рабочие и ИТ-специальности, сделать бесплатным обучение в системе профобразования по рабочим специальностям, ввести дополнительные меры поддержки для студентов, которые учатся на инженеров и педагогов, повысить статус педагогического работника.

«Без повышения качества образования в мнении мы не решим социально-экономические проблемы страны. А кто может повысить качество образования? Естественно, педагоги. Поэтому начинать нужно с педагогических вузов», – отметил депутат.

Президент Союза ученых Казахстана Оразалы Сабден подчеркнул, что приоритетами развития должны стать духовное развитие общества и технологический прорыв, работа по этим двум направлениям позволит стране развиваться опережающими темпами.

16 мая
Основные
пленарные
конференции
и заключи-
тельная пле-
нарная сессия
МАЭФ-2024

16 мая на площадках ведущих вузов и научных центров страны вели работу одиннадцать основных пленарных конференций МАЭФ-2024 – в Финансовом университете при Правительстве РФ (тема: «Фрагментация мировой валютно-финансовой системы: вызовы и стратегии для формирования финансового суверенитета государства»), МГИМО МИД России (тема: «Приоритеты председательства России в БРИКС: экономика и финансы»), МГУ имени М.В. Ломоносова (VIII Международный политэкономический конгресс имени А.В. Бузгалина на тему: «Российская экономическая система: противоречия и потенциал развития»), РЭУ имени Г.В. Плеханова (тема: «„Зеленые“ финансы цифровой экономики: новые инструменты и рынки»), МАИ (тема: «Лидерство России в новой экономической реальности: пространство молодежных идей»), Российском университете дружбы народов (тема: «Технологический суверенитет России: от импортозамещения к лидерству»), Институте Европы РАН (тема: «Хозяйственные пространства России и Европы: навигация стратегий в условиях геоэкономических рисков»), Российской академии естественных наук (тема: «Нейросети и искусственный интеллект как перспективное направление развития систем управления регионами и городскими агломерациями: социально-экономические аспекты»), Институте научной информации по общественным наукам РАН (тема: «Интенсификация экономических связей России с государствами Азии и Африки»), Московском политехническом университете (тема: «Человеческий капитал в новой реальности») и Всероссийском институте аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова (тема: «Новые тенденции в развитии АПК России: настоящее и взгляд в будущее»).

Во второй половине дня в Конгресс-холле ВЭО России состоялась заключительная пленарная сессия МАЭФ. Прямая трансляция из Конгресс-холла ВЭО России велась на нескольких онлайн-платформах.

Модератор заключительной пленарной сессии – Александр Дынкин, вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН.

В своем вступительном слове Сергей Бодрунов отметил беспрецедентно широкий масштаб форума, а также высокий уровень организации, проведения и профессионального состава участников региональных мероприятий.

«Цель МАЭФ – выработка согласованного взгляда на потенциал развития нашей экономики, на пути ее развития. Это большая совместная работа, которая может дать позитивный результат для будущего России. Что еще принципиально важно? МАЭФ объединяет ведущих экспертов, ученых и экономистов-практиков страны, молодых исследователей. Такой сплав очень важен для нашей работы», – рассказал Сергей Бодрунов.

В рамках заключительной пленарной сессии выступили руководители основных пленарных конференций МАЭФ-2024.

Член Правления ВЭО России, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, член-корреспондент РАН Алексей Кузнецов озвучил итоги пленарной конференции на тему: «Интенсификация экономических связей России с государствами Азии и Африки».

«Мы проводим пленарную конференцию МАЭФ в стенах Института научной информации по общественным наукам РАН не в первый раз. В этом году ее тема: «Интенсификация экономических связей России с государствами Азии и Африки». Доклады спикеров были посвящены следующим странам и регионам – Индия, Бангладеш, Африка, Китай, Индонезия, Вьетнам, Турция. Россия смогла изменить географию торговли и избежать угрозы международной изоляции. Азиатские страны стали нашими ключевыми партнерами. В то же время разворот России на Восток пока не завершён, мы имеем дело лишь с резкой переориентацией сырьевого экспорта и наращиванием поставок продовольствия в этом направлении», – отметил Алексей Кузнецов.

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН Алексей Громыко рассказал о ключевых идеях и тезисах, которые были высказаны на пленарной конференции МАЭФ-2024 в Институте Европы РАН на тему: «Хозяйственные пространства России и Европы: навигация стратегий в условиях геоэкономических рисков».

«На конференции многое было сказано о состоянии российской экономики, которая на данном отрезке времени продемонстрировала резистентность, стрессоустойчивость, проявила гибкость и адаптивность. Сегодня 77% внешнеторгового оборота приходится на торговлю с незападными странами. Происходит и суверенизация внешнеторговой деятельности, то есть усиление контроля российских производителей и продавцов над всей цепочкой логистики, продажи, сбыта товаров. Также последние события показали, что механизмы ЕАЭС могут быть демпфером и смягчать внешние негативные шоки. Отмечалось и растущее доминирование Китая в российском импорте. Еще одна важная тема, которую поднимали докладчики, – это долгосрочная проблема реструктуризации россий-

ской экономики. Отдельный вопрос – проблемы социального контракта в период транзита и неопределенности. И здесь первоочередной становится задача развития экономики социальной природы и поддержания высокого уровня социальной сплоченности», – рассказал Алексей Громыко.

Член Президиума ВЭО России, директор Института международных и экономических стратегий – РУССТРАТ, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей Елена Панина посвятила свое выступление геополитическим аспектам новых экономических реалий для России.

Ученый отметила, что Россия по-прежнему зависит от процессов, которые происходят в мировой экономике, и выделила три основных тенденции – это высокая глобальная инфляция, деглобализация и рост военных расходов.

«Инфляционные процессы в мире не могут не влиять на нашу страну. В России по-прежнему велика зависимость от импорта. Выход один – наращивать развитие собственных производств, применять меры ценовой политики и антимонопольного регулирования. Что касается деглобализации – в ближайшие годы все более четко будут прорисовываться контуры макрорегионов, формирующихся вокруг мировых лидеров, и здесь России важно занять свою нишу. Что мы можем предложить кроме сырьевых ресурсов? Военные технологии и ОПК, атомную энергетику и фундаментальную науку», – полагает Елена Панина.

Проректор по научной деятельности РЭУ имени Г.В. Плеханова Виталий Минашкин представил краткий отчет о ходе и итогах пленарной конференции в РЭУ имени Г.В. Плеханова на тему: «„Зеленые“ финансы цифровой экономики: новые инструменты и рынки».

«В ходе работы пленарной конференции экспертами были рассмотрены ключевые аспекты проблем в цифровой трансформации экономики, алгоритмы обработки больших данных, методы искусственного интеллекта для анализа сложных социально-экономических систем. Спикеры также затронули вопрос эволюции мировой финансовой системы и финансовых рынков. Был сформирован ряд предложений и выводов. Я бы отметил два из них. Первый – цифровые финансовые активы должны стать частью государственной программы цифровой трансформации российской экономики и выступить в качестве инструментальной базы нового финансово-инвестиционного механизма. Второй – несмотря на тотальную интеграцию искусственного интеллекта в финансовую систему, бизнес и академическая среда требуют выработать внутренние ограничители и стабилизаторы, способные обеспечить финансовую устойчивость экономики в целом и финансового рынка в частности», – отметил Виталий Минашкин.

Член Правления ВЭО России, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН, заведующий кафедрой международных финансов МГИМО МИД России Владимир Миловидов рассказал об итогах пленарной конференции в МГИМО МИД России, посвященной председательству России в БРИКС.

«Мне кажется, тематика расширения БРИКС, формирования на основе этого объединения интеграционного объединения требует особого внимания и изучения. На сессии рассматривались вопросы внешнеэкономического сотрудничества стран БРИКС, развития транспортной инфраструктуры, электронной коммерции и в целом взаимодействия стран БРИКС в новых условиях. Отдельный трек был посвящен формированию новых расчетов между странами БРИКС, созданию единой валюты», – отметил ученый.

Член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени Никонова, академик РАН Александр Петриков рассказал о результатах пленарной конференции, которая состоялась во Всероссийском институте аграрных проблем и информатики имени Никонова и была посвящена теме «Новые тенденции в развитии АПК России: настоящее и взгляд в будущее».

«Мы пришли к выводу, что та модель, которая работает в сельском хозяйстве с середины нулевых годов, оправдала себя, принесла реальные экономические результаты, и ее не мешало бы изучить представителям других экономических школ. Эта модель основана на усилении государственного дирижизма – на использовании институтов государственного регулирования рынков, институтов государственной поддержки и государственного программирования. Мы полагаем, что те, на первый взгляд, амбициозные и трудные задачи, которые поставил Президент России в майском Указе – а именно, рост производства в сельском хозяйстве на 25% к 2030 г. и увеличение аграрного экспорта в полтора раза – они вполне достижимы», – отметил Александр Петриков.

Декан факультета Международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ Павел Селезнев представил резюме пленарной конференции на тему: «Фрагментация мировой валютно-финансовой системы: вызовы и стратегии для формирования финансового суверенитета государства».

«Вопросы, которые были в фокусе внимания докладчиков конференции, – это альтернативы существующей глобальной финансовой системе и доллару, роль и активная стратегия России на пространстве стран ЕАЭС, новые торгово-экономические пути, ускоренное социально-экономическое развитие России с опорой на собственные силы, на военно-промышленный комплекс, на необходимость проведения форсированной индустриализации», – рассказал Павел Селезнев.

Завершая заключительную пленарную сессию МАЭФ-2024, Сергей Бодрунов поблагодарил за работу Программный и Организационный комитет МАЭФ, организаторов и участников научно-практических мероприятий, которые прошли в рамках форума на региональных площадках, организаторов и участников основных пленарных конференций МАЭФ-2024, а также руководителей Отделений РАН.

Итоговые аналитические материалы Форума будут опубликованы в сборнике МАЭФ-2024 – специальном выпуске журнала «Научные труды ВЭО России», который будет размещен в открытом доступе на информационных ресурсах МАЭФ.

Ход и итоги МАЭФ-2024 освещали генеральный информационный партнер – ТАСС, официальный информационный партнер – «Российская газета», Россия-24, Общественное телевидение России (ОТР), портал РАН, телеграм-канал РАН, ИД «Экономическая газета», журнал «Финансовая жизнь», Российский экономический интернет-журнал, газета «Экономика и жизнь», БизнесONLINE, Научная Россия и другие федеральные и региональные СМИ.

Полный список СМИ, освещавших работу форума, и ссылки на материалы опубликованы на официальном сайте МАЭФ – <https://maef.veorus.ru/>.

Обзор итогов VI Московского академического экономического форума подготовлен пресс-службой ВЭО России.

Приветствия участникам и организаторам VI Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024)

Фальков Валерий Николаевич

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

Приветствую вас на VI международном Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ-2024)!

Форум является авторитетной интеллектуальной площадкой для обмена мнениями профессионального экспертного сообщества по актуальным вопросам современной экономики.

Ваша взвешенная оценка структурных изменений и трендов важна для систематизации мировых тенденций и определения приоритетов устойчивого развития нашей страны. Из таких конструктивных дискуссий рождаются взвешенные решения по установлению конкретных траекторий развития и эффективных путей достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Желаю вам, чтобы экспертный-дискурс на Форуме был максимально продуктивным, а лучшие идеи нашли практическое применение!

Мезенцев Дмитрий Федорович

Государственный секретарь Союзного государства

Сердечно приветствую участников международного Московского академического экономического форума авторитетной интеллектуальной площадки по формированию экспертного мнения по актуальным вопросам экономической теории и определению стратегических подходов и практических рекомендаций к их решению.

Заявленная тема форума – «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности» – чрезвычайно актуальна и значима. Несмотря на усиливающееся санкционное давление, Россия и Беларусь поступательно реализуют совместные инициативы в различных отраслях, строят единое экономическое пространство, укрепляют союзную интеграцию.

Уверен, что в ходе плодотворного обмена мнениями будут определены действенные механизмы и инициативы, внедрение которых стимулирует процессы экономического развития.

Желаю всем участникам Форума успешной и результативной работы, интересных и полезных дискуссий, новых контактов!

Желаю вам плодотворной работы, новых идей и всего самого доброго!

Михеева Лидия Юрьевна

Секретарь Общественной палаты Российской Федерации

От имени Общественной палаты Российской Федерации и от себя лично рада приветствовать участников и гостей VI Международного Московского академического экономического форума!

Форум является важной площадкой для обмена мнениями и опытом представителей органов власти, деловых кругов, некоммерческих организаций и ведущих экономических вузов нашей страны. Такое взаимодействие способствует разработке и реализации актуальных методологий, а также созданию конкретных научно-практических решений, отвечающих национальным целям развития общества в условиях глобальных экономических тенденций.

Убедлена, что совместные усилия всех заинтересованных сторон позволят обеспечить конкурентное продвижение России на международные рынки, разработать предложения по обеспечению суверенного технологического лидерства, а выработанные академические рекомендации будут полезны для будущих исследований и применены в текущей экономической деятельности.

Выражая признательность всем собравшимся за ваш вклад и энтузиазм, искренне желаю вам интересных дискуссий, плодотворной работы и новых идей!

Артюхин Роман Евгеньевич

Руководитель Федерального казначейства России

Уважаемые участники и организаторы Московского академического экономического форума!

Приветствую вас на этом важном мероприятии, которое стало неотъемлемой частью научно-экономической жизни нашей страны. Форум собирает ведущих ученых, экспертов, представителей органов власти, деловых кругов и общественных организаций, ведущих экономических вузов страны, создавая уникальную площадку для обмена опытом и профессиональным мнением.

В свете современных глобальных вызовов устойчивость национальной экономики приобретает ключевое значение. В обращении к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин сказал: «Масштаб исторических вызовов, которые стоят перед Россией, требует предельно четкой, слаженной работы государства, гражданского общества, бизнеса».

Таким образом, тема Форума, посвященная важнейшим аспектам развития экономики России в условиях новой реальности, представляет особую актуальность и значимость.

Цифровое проектное управление на основе анализа больших данных, платформенные решения, программа инфраструктурных бюджетных кредитов, призванная через развитие регионов обеспечивать более эффективное достижение целей национальных проектов и успешную реализацию государственной политики, клиентоцентричность – выбор инструментов, применяемых на современном этапе, демонстрирует неразрывную связь государственного управления, экономики и населения России. Нашей общей целью является умное, сильное, богатое государство.

Уверен, что обсуждения, которые пройдут в рамках Форума, окажут существенное влияние на разработку стратегий и решений, способствующих устойчивому социально-экономическому развитию нашей страны.

Позвольте пожелать вам плодотворной работы, интересного, содержательного общения, удачи, сил и здоровья, энергии в осуществлении всего задуманного.

Примаков Евгений Александрович

Руководитель Россотрудничества

Приветствую организаторов и участников международного VI Московского академического экономического форума!

Все мы видим, как стремительно преобразуется мир в последние годы. Экономический сектор является одним из важнейших факторов независимости России от иностранного влияния, ведь крепкая самодостаточная экономика – это ключевое условие для развития каждой страны. Для обеспечения стабильного и долгосрочного роста благосостояния нашей страны необходимо объединить усилия в разработке новых подходов к решению задач. И я рад, что на этой площадке ведущие российские и иностранные эксперты могут обсудить актуальные вопросы экономического развития России.

Одним из направлений деятельности Россотрудничества является налаживание связей между Россией и заинтересованными странами-партнерами из разных уголков мира. Со своей стороны, Агентство всегда готово предоставить площадки Русских домов за рубежом для международного сотрудничества и презентации потенциала нашей страны.

Желаю всем участникам Форума продуктивной работы, новых идей и успехов!

Топилин Максим Анатольевич

Председатель Комитета Государственной Думы по экономической политике

От имени Комитета Государственной Думы по экономической политике, от себя лично приветствую организаторов, участников и гостей VI Международного экономического форума (МАЭФ-2024).

Форум зарекомендовал себя как площадка, которая объединяет представителей государственной власти, делового и экспертного сообщества. Здесь обмениваются мнениями и лучшими практиками, предлагают эффективные решения вопросов, связанных с развитием экономических процессов.

Наша страна сегодня успешно проходит период адаптации в условиях беспрецедентного количества международных санкций. Реализовано большое число значимых законодательных мер, которые позволили поддержать экономику и адаптировать ее к новым вызовам вопреки давлению извне. Это хорошо видно по динамике роста ВВП. Сейчас идет активное формирование экономики предложения, расширяется внешнеэкономическое взаимодействие с дружественными странами.

Уверен, эти факторы будут учтены в итоговых документах форума и найдут практическое воплощение на законодательном уровне.

Желаю участникам плодотворной работы, конструктивного диалога и успехов!

Результатом Московского академического экономического форума должен стать перечень конкретных инициатив и проектов, которые укрепят экономику страны и обеспечат ее научно-технологическое развитие, откроют возможности для совместных проектов на межрегиональном и межгосударственном уровне.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Гутенев Владимир Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле

От имени Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, а также Союза машиностроителей России приветствую организаторов, участников и гостей VI международного Московского академического экономического форума «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности».

За шесть лет Форум зарекомендовал себя эффективной площадкой, на которой ведущие ученые и эксперты России и других стран в тесной кооперации с представителями органов власти и промышленным сообществом анализируют трансформации нового времени, разрабатывают предложения по решению стоящих перед экономикой задач и вопросов обеспечения устойчивого развития России. Недаром с каждым годом растет число участников форума и расширяется его география.

Уверен, что МАЭФ-2024, как и прежде, пройдет плодотворно, позволит найти достойные ответы на текущие геополитические вызовы, создать эффективные совместные проекты и найти новые инновационные решения для достижения национальных целей.

Желаю организаторам, участникам и гостям Форума успешной работы, реализации намеченных планов, интересных дискуссий и развития плодотворного сотрудничества!

Аксаков Анатолий Геннадьевич

Председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку

Уважаемые коллеги!

Приветствую организаторов и участников шестого Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Наша общая задача – сформировать стратегический задел на будущее, предложить решения, которые позволят экономике России выйти на новый уровень, обеспечат ее суверенитет и конкурентоспособность; позволят эффективно развивать отечественный финансовый рынок, а также реализовать огромный потенциал фондового рынка – превратить инвестиции в длинные деньги, которые работают на экономический рост. Уверен, что результаты МАЭФ-2024 станут ценным источником аналитической информации для принятия решений по реализации безусловных приоритетов социально-экономического и научно-технологического развития России.

Желаю участникам и организаторам МАЭФ-2024 конструктивной дискуссии и всего самого лучшего.

Слущкий Леонид Эдуардович

Председатель Комитета Государственной Думы по международным делам

Уважаемые коллеги!

От имени Комитета Государственной Думы РФ по международным делам и от себя лично приветствую организаторов и участников шестого Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Центры силы мировой экономики и геополитики меняются, мир движется к многополярности. Формирование более справедливой, полицентричной системы мироустройства, смещение фокуса глобальной политики и экономики на Восток и другие актуальные тенденции мирового развития требуют новых решений. В текущей ситуации как никогда важно работать на укрепление суверенитета России, расширять перспективные внешнеэкономические связи, выстраивать новые логистические коридоры, активно участвовать в интеграционных процессах, повышать роль страны в становлении нового многополярного миропорядка.

Наша задача – опираясь на системный научный подход, проанализировать ключевые тренды и проблемы мирового развития, определить степень их влияния на российскую экономику и предложить взвешенные решения, которые позволят стране наращивать уровень торгово-экономических и политических связей на международной арене, обеспечить себя собственными технологиями и необходимой продукцией по всем ключевым направлениям и войти в четверку крупнейших экономик мира.

Убежден, работа участников VI Московского академического экономического форума, который объединяет тысячи ведущих экспертов и ученых, представителей органов власти, образовательного и делового сообществ из всех регионов России и десятков стран мира, внесет значительный вклад в разработку таких рекомендаций.

Желаю участникам и организаторам МАЭФ-2024 конструктивной дискуссии и всего самого лучшего.

Калашников Леонид Иванович

Председатель Комитета Государственной Думы по делам содружества

независимых государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками

Уважаемые коллеги!

От имени Комитета Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками и от себя лично рад приветствовать организаторов и участников VI международного Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Происходящие изменения в мировой экономике диктуют необходимость выработки решений по структурным преобразованиям экономики России и ее ускоренной адаптации к новым вызовам. Это колоссальная работа, в которой

должен быть задействован интеллектуальный потенциал всей страны – научно-экспертного, делового и образовательного сообществ.

За время работы Московский академический экономический форум завоевал статус авторитетной интеллектуальной площадки, которая объединяет ведущих специалистов и ученых из России и других стран мира для анализа совокупности проблем и противоречий текущего периода, разработки консолидированных рекомендаций по обеспечению устойчивого социально-экономического роста и национальной безопасности страны.

Убежден, что работа форума внесет значимый вклад в решение ключевых задач социально-экономического развития страны и укрепление суверенитета России.

Желаю участникам и организаторам МАЭФ-2024 плодотворного диалога, успехов, благополучия и всего наилучшего!

Харитонов Николай Михайлович

Председатель Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики

Уважаемые участники Форума!

От имени Комитета Государственной Думы по развитию Дальнего Востока и Арктики и от себя лично тепло и сердечно приветствую организаторов, участников и гостей VI Московского академического экономического форума!

Указом Президента России Владимира Владимировича Путина от 7 мая 2024 г. № 309 определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. В этой связи представленная тема мероприятия: «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности» преимущественно актуальна и важна.

Время показало, что несмотря на мировые вызовы, российская экономика продолжает динамично развиваться. Сегодня в разных областях используются самые передовые отечественные технологии, ведется серьезная работа по становлению «Цифровой» экономики для обеспечения устойчивого роста и повышения эффективности экономического развития.

Уверен, что площадка VI Московского академического экономического форума вновь обеспечит эффективное и плодотворное взаимодействие, объединив ведущих ученых и экспертов России и других стран, представителей федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, представителей образовательного сообщества России, деловых кругов, молодых исследователей для достижения поставленных перед нами национальных целей развития России.

От всей души желаю вам успешной плодотворной работы и новых успехов на благо нашей великой страны!

Двойных Александр Владимирович

Председатель Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию

От имени Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию и от себя лично приветствую организаторов, участников и гостей VI международного Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024).

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

В центре внимания форума в этом году тема «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности». Участники мероприятий МАЭФ-2024, ведущие ученые и эксперты России и других стран, представители органов власти, деловых кругов подробно рассмотрят характеристики возможной экономической модели на ближайшую перспективу с учетом отраслевых особенностей, определяют макроэкономические условия, ключевые целевые показатели, а также основные риски и меры, которые необходимо предпринять для достижения поставленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным цели: обеспечить к 2030 г. вхождение России в четверку крупнейших экономик мира.

В настоящее время в нашей стране происходит глобальная трансформация экономики, взят курс на достижение технологического суверенитета. В условиях нарастающего санкционного давления особенно остро встают вопросы выстраивания логистических цепочек, адаптации отраслей к новым реалиям, обеспечения их бесперебойной работы. Необходимо также обеспечить опережающее развитие инфраструктуры, нарастить экспорт несырьевых, неэнергетических товаров на рынке дружеских стран. Важно провести трансформацию рынка труда, сформировать систему, которая бы позволила более гибко проводить переподготовку кадров в соответствии с потребностями нашей экономики.

Россия при помощи новых мер по развитию экономики в том числе должна решить задачи по модернизации агропромышленного сектора для удовлетворения растущего потребительского спроса россиян и внешнеторговых партнеров.

Убежден, что VI международный Московский академический форум пройдет успешно, а конструктивные идеи и предложения обязательно найдут воплощение в законодательной деятельности.

Желаю участникам форума профессиональной работы, плодотворной и созидательной дискуссии и всего самого наилучшего.

Панкин Александр Анатольевич

Заместитель Министра иностранных дел РФ

Уважаемые коллеги!

Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Уважаемые участники и гости МАЭФ-2024!

Хотел бы поприветствовать Вас на очередном VI Московском академическом экономическом форуме!

Форум ежегодно объединяет экономистов высокой квалификации и выступает ключевой площадкой для обмена экспертными мнениями. Важно, что участниками мероприятия являются как представители органов власти, деловых и общественных кругов, так и научные деятели международного уровня.

Неоспорима актуальность темы нынешнего заседания – «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности». В быстро меняющихся геополитических условиях особенно важно регулярно проводить оценку текущего состояния мировой экономической и финансовой системы, факторов, оказывающих на нее наибольшее влияние, и значения разворачивающихся процессов для национальных интересов России.

Пусть Форум пройдет ярко, успешно и плодотворно, а результаты дискуссии внесут весомый вклад как с научной точки зрения, так и с практической.

Желаю вам успехов!

Шохин Александр Николаевич

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей

Уважаемые коллеги!

От имени Российского союза промышленников и предпринимателей и от себя лично приветствую организаторов и участников шестого Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Тема МАЭФ-2024 – «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности» – крайне актуальна. Отечественная экономика проходит через масштабную трансформацию, задача которой – преодолеть системные ограничения, связанные с введением технологических и экономических санкций против страны, замедлением роста углеводородного экспорта, дефицитом кадров.

Чтобы выйти на устойчивый рост, необходима структурная перестройка экономики. На первый план выходят задачи по импортозамещению в ключевых направлениях, обеспечивающих технологический суверенитет страны, а также по повышению производительности труда, по развитию взаимодействия с дружественными странами и расширению несырьевого экспорта.

Новые задачи требуют новых решений, и большая роль в их выработке отведена научному и экспертному сообществу. Московский академический экономический форум – это постоянно действующая научная интеллектуальная площадка, которая объединяет экспертный потенциал Российской академии наук и Вольного экономического общества России для поиска решений по актуальным вопросам социально-экономического развития страны. Символично, что в этом году МАЭФ проходит

под эгидой знакового для страны события – в 2024 г. Российская академия наук отмечает 300 лет со дня основания.

Убежден, работа Форума внесет большой вклад в выработку рекомендаций, которые позволят преодолеть текущие ограничения, найти новые треки развития и обеспечить темпы роста национальной экономики выше мирового уровня.

Желаю всем участникам Форума продуктивной работы и интересной дискуссии!

Кузнецов Владимир Валерьевич

Директор Информационного центра ООН в Москве

Уважаемый Сергей Дмитриевич!

Уважаемый Геннадий Яковлевич!

Уважаемые коллеги, друзья!

Рад приветствовать организаторов, участников и гостей VI международного Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024) от имени команды учреждений Организации Объединенных Наций в России и Информационного центра ООН!

Мы в Организации Объединенных Наций знаем и ценим МАЭФ как передовую научную и интеллектуальную площадку. Ее главная цель – предметное обсуждение и анализ наиболее значимых тенденций в эволюции мировой экономики в непростых условиях, складывающихся сегодня на международной арене.

Современный мир характеризуется нестабильностью как в плане складывающейся политической обстановки, так и в отношении перспектив осуществления Повестки-2030 и ее 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) в заданные сроки. Принципиально, чтобы в этих условиях страны подтвердили свою приверженность реализации ЦУР и по возможности усилили работу на всех уровнях. Ожидаем, что важный импульс в этом плане будет дан на сентябрьском Саммите будущего в рамках очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где планируется принятие Пакта во имя будущего. Мировое экспертное сообщество, разумеется, может внести свою значимую лепту в эти важные многосторонние усилия.

Отрадно видеть в числе главных организаторов МАЭФ Вольное экономическое общество России и находящийся в Генеральном консультативном статусе при Экономическом и Социальном Совете ООН (ЭКОСОС) Международный Союз экономистов, – давних друзей и партнеров Организации Объединенных Наций.

Усилия ВЭО и МСЭ по повышению значимости вопросов развития, содействия конструктивному диалогу в интересах устранения неравенства, продвижения устойчивого прогресса и процветания сейчас важны как никогда.

Развитие международных научных связей – одна из важнейших функций другого ключевого организатора сегодняшнего Форума, Российской академии наук, на протяжении всего ее существования. Как известно, в текущем году Академии исполняется 300 лет.

В ООН исходят из того, что мировое научное сообщество способно объединять усилия с целью поиска эффективных ответов на вызовы современности и выработки путей их решения.

Желаю VI Международному Московскому академическому экономическому форуму успешной работы.

Калинин Александр Сергеевич

Президент Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»

Уважаемые коллеги!

От имени общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» и от себя лично приветствую организаторов и участников шестого Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

За шесть лет работы Московский академический экономический форум завоевал статус ведущей интеллектуальной площадки страны, которая объединяет ученых и практиков, представителей органов власти и гражданского общества, деловых кругов и образовательного сообщества для выработки рекомендаций по вопросам научно-технологической и социально-экономической политики.

Уважаемые коллеги, ваша работа крайне востребована в текущей непростой ситуации. Перед Россией стоят новые амбициозные задачи, в числе которых – сделать отечественную экономику более сложной и высокотехнологичной, увеличить долю несырьевых отраслей в структуре роста, войти в ближайшей перспективе в четверку крупнейших экономических держав мира.

Убежден, шестой Московский академический экономический форум внесет большой вклад в выработку рекомендаций, которые позволят решить фундаментальные задачи развития, в том числе дадут возможность отечественному бизнесу расти быстрее и набирать силу, создавать новые рабочие места и повышать устойчивость экономического роста страны.

Желаю участникам и организаторам МАЭФ-2024 плодотворной дискуссии, благополучия, успехов в достижении поставленных целей и всего самого лучшего.

Большой зал Российской академии наук

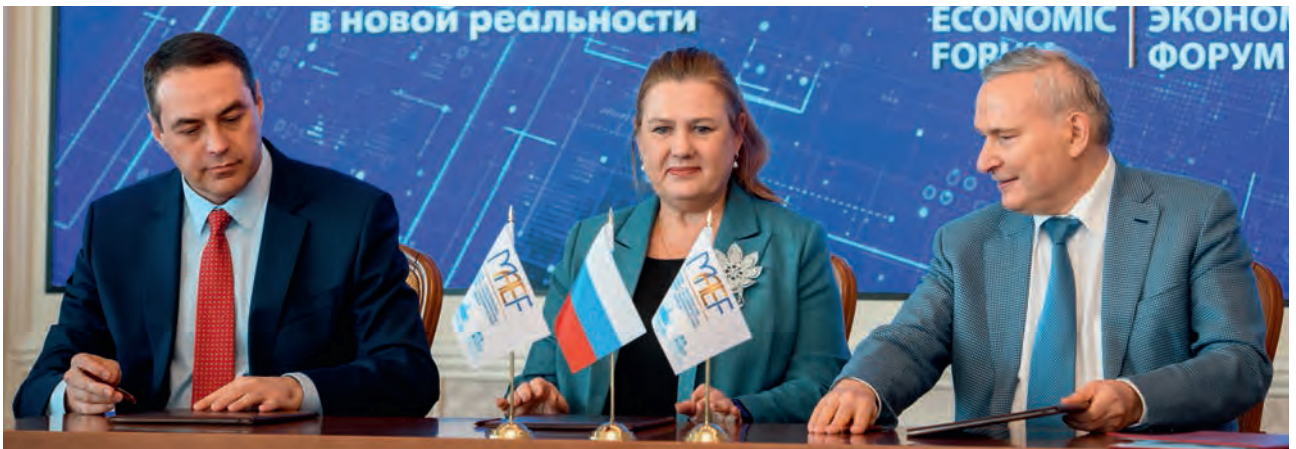

Конгресс-холл Вольного экономического общества России

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
МАЭФ-2024**

**Пленарное заседание
Российская
академия наук,
15 мая 2024 г.**

**В разделе
представлены статьи
и тексты докладов
спикеров Пленарного
заседания МАЭФ-2024**

Приветственное слово

Российская академия наук, 15 мая 2024 г.

Welcome speech

Russian Academy of Sciences, May 15, 2024

КРАСНИКОВ Геннадий Яковлевич

Сопредседатель МАЭФ, Президент Российской академии наук, академик РАН

Gennady Y. KRASNIKOV

MAEF Co-Chair, President of the Russian Academy of Sciences, RAS Academician

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать вас в Российской академии наук по случаю открытия шестого Московского академического экономического форума.

Из года в год этот форум служит авторитетной площадкой, объединяющей ведущих экспертов, представителей органов государственной власти, деловых кругов для поиска эффективных решений по реализации экономического и научно-технологического потенциала России. Его широкий охват позволяет аккумулировать широкий спектр мнений по вопросам социально-экономического развития нашей страны.

Сегодня, когда Россия сталкивается с новыми, масштабными вызовами, такие мероприятия обретают особую ценность. В современных условиях необходимо консолидировать усилия по укреплению научно-технологического суверенитета нашей страны. Рассчитываю, что и нынешний форум будет в полной мере способствовать решению общенациональных задач, послужит на благо развития государства.

И конечно, слова особой признательности — в адрес организатора форума. В истории взаимодействия Российской академии наук и Вольного экономического общества России немало ярких страниц, в том числе связанных с решением актуальных для нашей страны задач в сфере экономики, промышленности, социально-экономического развития.

Желаю вам успешной и плодотворной работы, благополучия и новых достижений.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-53-55

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА 2024+: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ. РОЛЬ НАУКИ

*Доклад на пленарном заседании МАЭФ, Российская академия наук,
15 мая 2024 г.*

RUSSIAN ECONOMY 2024+: NEW SOLUTIONS FOR THE NEW REALITY. THE ROLE OF SCIENCE

*Report at the plenary session of the MAEF, Russian Academy of Sciences,
May 15, 2024*

ХАБРИЕВА Талия Ярулловна

Заместитель президента РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Talia Y. KHABRIEVA

Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Мир стремительно меняется. Научные открытия получают воплощение в технологиях, становясь фактором развития мировой экономики, ее перехода к новому технологическому укладу. Однако эти процессы таят в себе угрозы, которые проявляются, в частности, в череде сменяющихся или порождающих друг друга глобальных кризисов, что обуславливает постановку новых задач перед российским государством и перед российской наукой.

Московский академический экономический форум, объединяющий представителей научных и деловых кругов, является одной площадок, на которых прорабатываются возможные решения этих задач, изыскиваются оптимальные пути использования богатейшего интеллектуального и ресурсного потенциала России для ее поступательного развития. В связи с этим форум так важен для Российской акаде-

мии наук, особенно для Отделения общественных наук РАН. Именно общественные науки рассматривают в первую очередь дальние горизонты решения стратегических проблем развития России.

В условиях нового политического цикла предполагается, что стратегические задачи будут решены быстро, и на российскую науку в этом отношении возлагаются большие надежды. Но новый политический цикл — это не только новое Правительство, не только продолжение финансирования. Это еще и понимание того, что без научного обоснования цели национального развития не могут быть достигнуты в приемлемые сроки.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.», в его инаугурационной речи эти цели четко определены: 1) достижение технологического суверенитета; 2) устойчивая, развивающаяся экономика; 3) развитие потенциала каждого человека; 4) сохранение населения. Очевидно, все они связаны с наукой и требуют углубления научных исследований. По этой причине именно наука должна предложить точки роста российскому обществу и экономике. Следовательно, необходимо сформировать такие направления фундаментальных и прикладных исследований, которые смогут быть воплощены в передовых технологиях, применяться в экономике, дать импульс социально-экономическому развитию.

Появление новых точек роста — это результат исследований прежде всего естественных наук. Вместе с тем вектор подобных исследований должен определяться общественной сферой, причем не только экономическими науками, но и философскими знаниями, и психологией, и социологией, так как общественные науки, кооперируясь с естественными и точными, формируют образ желаемого будущего. Если этот образ будет положительно воспринят российскими гражданами, то он послужит образцом и для других стран. В истории России подобный позитивный опыт и соответствующая социальная технология существуют. Они должны использоваться уже в современном контексте.

Важно подчеркнуть, что в условиях новых вызовов одной из составляющих образа будущего, к которому мы стремимся, ориентируясь на новые национальные цели, может стать идея человека-творца. Речь идет не о квалифицированном потребителе, идея которого почти три десятилетия культивировалась в российском обществе, а о переходе к новой человеко-ориентированной модели правового регулирования науки. При этом основным субъектом научной деятельности признается не только научная организация и юридически связанный с ней научный сотрудник, а именно творец науки — человек, ученый, реализующий свое конституционное право на свободу научного и научно-технического творчества. Такая модель потребует законодательного закрепления.

Первым шагом на этом пути должно стать принятие нового закона о науке (нельзя жить законом о науке 1996 г., все нормативные правовые акты того поколения уже давно поменялись). За этим должно последовать изменение закона о Российской академии наук (РАН), где будут отражены новые полномочия и функции РАН, которыми де-факто она уже наделена и которые исполняет. Это послужит достижению тех целей и задач, которые поставил Президент РФ В.В. Путин и научный лидер РАН Г.Я. Красников.

В связи с этим особое значение приобретает и обеспечение единства научного пространства Российской Федерации. С одной стороны, у нас есть средства для того,

чтобы решать эту задачу – научно-методическое руководство научной деятельностью научных организаций и образовательных организаций высшего образования со стороны РАН. В настоящее время методология и содержание такого руководства совершенствуются, мы над этим работаем. С другой стороны, вопросы науки должны быть учтены при разработке новой стратегии пространственного развития России. Подготовку данной стратегии анонсировал вновь назначенный Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин. Но это только часть задачи, которая стоит перед российским государством, обществом и наукой. Ее решение тесно связано с консолидацией научных исследований и деятельности в области стратегического планирования.

Следует отметить, что государство, разрабатывая документы стратегического планирования в сфере науки, задает направленность научной деятельности, определяет развитие отдельных областей знаний. В настоящее время это связано с новыми технологиями. В то же время воплощение научных открытий в технологиях в известной мере предопределяет и процессы социально-экономического развития страны. Указ Президента РФ о национальных целях развития Российской Федерации создает предпосылки и определяет ориентиры для внесения в законодательство о стратегическом планировании различных изменений, например в части расширения круга субъектов научной деятельности и активного включения в него бизнес-сообщества. 25 апреля 2024 г. на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) вновь поднималась данная тема. Представляется, что экономисты – ученые и практики – должны на это откликнуться. Только тогда яркие, плодотворные идеи будут реализованы в конкретных делах и проектах.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-56-65

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА 2024+: НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

RUSSIAN ECONOMY 2024+: NEW SOLUTIONS FOR THE NEW REALITY

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Сопредседатель МАЭФ, президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Sergey D. BODRUNOV

MAEF Co-Chair, President of the Free Economic Society of Russia, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics Sciences, Professor

Аннотация

Современная российская экономика, как и мировая социально-экономическая система в целом, находится на переломном этапе своего развития. Несмотря на различные деструктивные факторы, и экономика, и социальная сфера России показывают, если судить по имеющимся данным статистики, существенные успехи в развитии. Эти успехи требуют анализа и закрепления через эффективные практики стратегирования и планирования. В статье выделены ключевые условия достижения, сохранения и наращивания достигнутых результатов, а также сформулированы задачи для развития научного обеспечения наблюдаемой позитивной динамики.

Abstract

The modern Russian economy, as well as the global socio-economic system in general, is at a turning point of its development. Despite various destructive factors, both the economy and the social sphere of Russia show significant progress. These successes require analysis and strengthening by the effective strategizing and planning practices. The article describes the key conditions for maintaining and increasing the achieved results and formulates tasks for the development of scientific support of positive dynamics.

Ключевые слова

Российская экономика, ноопереход, промышленная политика, экономическая политика, социально-экономическое развитие, санкции, прогнозирование, стратегирование и планирование развития.

¹ Статья подготовлена по материалам пленарного доклада автора на Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ)-2024, 15–16 мая 2024 г., г. Москва.

Keywords

Russian economy, nootransition, industrial policy, economic policy, socio-economic development, sanctions, forecasting, strategizing and development planning.

Современный период социально-экономического развития отличается исключительно высоким динамизмом протекающих процессов, что требует теоретического осмысления происходящего с тем, чтобы более рационально и прагматически оценивать те события, которые мы имеем возможность наблюдать, а также выстраивать планы развития на перспективу. Анализируя состояние отечественной и мировой экономики, мы ищем и находим причины происходящих явлений, прогнозируем их развитие, предлагаем научно обоснованные решения возникающих задач.

Как было уже отмечено, эти задачи очень сложны. Наблюдаемое усложнение «картины мира» обусловлено многими факторами. В первую очередь, следует отметить, что мы живем в уникальное время – период начавшейся мощной и радикальной трансформации существующей в наше время глобальной геополитической и гео-социально-экономической системы, сложившейся в предыдущие десятилетия. Сегодня мир объективно стоит на пороге перемен. Парадигма экономического общества образца конца прошлого века, несмотря на все усилия ее бенефициаров и провайдеров, объективно подходит к завершению своего существования [1].

Бурное продвижение научно-технического прогресса, обеспечивающего переход к шестому (с элементами седьмого) технологическому укладу в общественном производстве, развитие особых пост- и неэкономических тенденций в хозяйственной жизни, стремительно развивающиеся процессы структурной перестройки мировой экономики и многие другие факторы обуславливают переход к новому мирохозяйственному укладу [2], с формированием новых «центров притяжения» и развития, который, в свою очередь, порождает новое представление о смыслах и характере взаимоотношений человека и общества, деятельности общественных институтов, международных отношений.

Сохраняющийся индустриальный способ удовлетворения общественных потребностей в этих условиях приобретает новое качество – индустриальные процессы становятся знаниеемкими, превалирующее место материальных ресурсов все более занимает специфический ресурс – знание, не только имплементированное в технологии и производство, но и проникающее в рамках процессов цифровизации и информатизации во все сферы жизни общества, что принципиально меняет его структуру и нарративы развития. Все более важными становятся не те вопросы, которые определяют суть уходящей в прошлое парадигмы экономической деятельности – максимизации выгоды и роста любой ценой, но решение иных задач – социальных, направленных на всестороннее развитие человека и удовлетворение его не только витальных, но и растущих культурных и духовных потребностей.

Обращая на это внимание, следует подчеркнуть особую важность определения целей развития экономики. Национальные цели развития России, определенные в соответствующих государственных документах, преследуют главную, глобальную цель – построение социального государства. Такая задача, чрезвычайно сложная сама по себе, осложняется при этом условиями, в которых функционирует современная российская экономика. Обострившаяся борьба между отживающим свое

мироукладом с гегемоном и группой его сателлитов, потребляющими существенную часть результатов мировой экономической деятельности, и разноуровневой периферизацией остальной части мира, с одной стороны, и все более усиливающимися тенденциями социализации глобальной экономики, востребованности равноправного партнерства и приоритизации общечеловеческих интересов, с другой стороны, создает для функционирования отечественной экономики особые условия [3].

Россия, выступая в качестве одного из упомянутых центров притяжения в рамках новой парадигмы (мы именуем ее «ноо-парадигмой») мирового развития, в силу многих объективных специфических причин (наличия уникальной ресурсной базы, необычных территории и географии, интеллектуального потенциала народа и др.) находится в эпицентре и все более выдвигается на передний край этой трансформации, перерастающей все более в противостояние, включая экономическое, и не только. На последнем моменте следует особо остановиться.

На российскую экономику наложены тысячи ограничений практически по всем направлениям деятельности – технологических, финансовых, логистических, информационных и др. [4]. Особенно непростыми для экономики России были последние годы. Многомудрые аналитические агентства, присвоившие себе статус «мировых», дружно предрекали нам обвал ВВП. Этого не произошло. И, по нашему мнению, не могла произойти. Отечественная экономика выстояла. Более того – в кратчайшие сроки адаптировалась к ограничениям и вошла в фазу структурной перестройки.

Сегодня международные организации пересматривают прогнозы роста ВВП России. Так, Международный валютный фонд, не впервые исправляя «сам себя», повысил оценку динамики российской экономики в 2024 г. до 3,2% с ожидавшихся в январе 2,6%. Российская экономика, «разорванная в клочья», по словам одного из бывших американских президентов Б. Обамы, вошла в пятерку крупнейших экономик мира (а по уточненным данным Всемирного банка – уже и в четверку!). И это – не просто необычно. Это – удивительно, ибо достигнуто, несмотря на все вышеупомянутые ограничения.

Основой для поддержки оптимизма МВФ в отношении этого прогноза дают некоторые итоги предыдущего года. Они нам хорошо известны, проанализированы в рамках многих дискуссий, названы Президентом России в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации и ряде других заявлений, и нет необходимости повторяться. Однако, как представляется, следует обратить внимание на очень важные отдельные результаты в общем неплохом итоге прошлого года, которые являются в некотором роде индикаторами изменений и перемен.

Так, впервые за долгие годы мы видим активный рост в обрабатывающей промышленности. Это относится, в первую очередь, практически ко всем машиностроительным областям – транспортному машиностроению, станкостроению, производству дорожной, строительной, сельхозтехники, металлоконструкций. Расширяется производство отечественных товаров народного потребления. Набирает силу процесс импортозамещения, постепенно восполняя ограниченный поток продукции и технологий из «недружественных» стран и замещая «параллельный импорт».

Серьезными темпами продвигается цифровизация производства, сферы управления, сферы услуг – в этом отношении Россия шаг за шагом выдвигается на передовые позиции в мире, что обеспечивает, в свою очередь, повышение в целом знаниеемкости производства, интеллектуализацию труда, повышение темпов внедрения и доступность новых технологий, качества управления, конкурентоспособ-

ности экономики и многое другое. Постепенно меняется в лучшую сторону ситуация в гражданском авиастроении, производстве железнодорожного транспорта, все новые позиции вследствие внедрения новых перспективных технологий занимает в мире российская атомная промышленность. Существенно продвижение в химии, производстве медпрепаратов, энергоемком машиностроении.

Но все это — только частное отражение того, что позитивно продвигается в нашей экономике в последнее время. Как говорится, — «первая линия», наблюдаемые факты.

Второе, на что хотелось бы обратить внимание — на то, что «глубже» — на принципиальное изменение отношения и подходов к развитию базовых компонент нашей экономики. В первую очередь, отметим это в сфере развития инфраструктуры. Инфраструктура, помимо того, что ее развитие само по себе дает солидную прибавку в экономическом росте, создает основу и возможности для роста использующих ее экономических агентов. Таким образом, вложения в нее дают существенную синергию.

Тут, безусловно, важно повышение внимания к инфраструктуре крупнейших наших городов — и мы отметим сильно похорошевшие в последние годы Москву, Тюмень, Кемерово, Екатеринбург, Сочи, многие областные центры. Это, так сказать, центры инфраструктурного развития. Очень важны, однако, в то же время, решения, связывающие эти центры в транспортном, энергетическом, коммуникационном отношении в единое целое. И здесь большую роль могут сыграть инфраструктурные мегапроекты.

В России реализуются десятки мегапроектов. В конце прошлого года был дан старт движению по трассе М-12 «Восток» от Москвы до Казани, запущено строительство новых морских портов, существенно модернизирован ряд аэропортов, продолжается активная модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей, ведется работа по расширению международного транспортного коридора «Север — Юг», строительству космодрома «Восточный», новое освоение Севморпути. Реализация этих проектов позволит повысить связность нашего экономического пространства, сближение российских регионов, сформировать новые грузопотоки, ускорить «поворот на Восток» и мощно расширить экспортные возможности страны, выводя их на новый уровень.

Третье. Еще один обнадеживающий поворот, наметившийся в нашей экономике, — это расширение поддержки инноваций. Для достижения технологического суверенитета нужны конкурентоспособные отечественные инженерные решения. Государство в последние годы активно расширяет финансовую поддержку технологических компаний. Так, в прошлом году ее получили более восьми тысяч высокотехнологичных стартапов. Реестр российского софта только за год пополнился почти пятью тысячами позиций.

Кроме того, Президент России поручил разработать новые меры поддержки для технологических компаний, которые производят оборудование для хранения и обработки данных, создают программное обеспечение. Он предложил увеличить совокупные вложения государства и бизнеса в исследования и разработки, доведя их долю к 2030 г. до 2% ВВП. Правительство России также дополнительно направит бизнесу 120 млрд руб. субсидий для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), а также на расширение промышленной ипотеки.

Четвертое — но, возможно, первое по значимости. Мы многие годы говорили о необходимости структурной перестройки экономики, о необходимости проведе-

ния активной промышленной политики и особенно о настоятельной потребности наращивания инвестиций в основной капитал [5]. Имеющиеся объективные статистические данные неоспоримо доказывают — как говорилось в известном романе — «лед тронулся». Надеемся, начавшийся этот «ледоход» снимет многолетний «ледяной панцирь» с нашей экономики. Усилия институционального характера, меры по поддержке промышленности и бизнеса постепенно начинают давать результат.

По итогам 2023 г., если судить по данным Росстата, инвестиции увеличились на 9,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, или почти на треть за три последних года. Это — максимальный рост за 10 лет. И он, хотя все еще недостаточен, хотелось бы больше — все же — в два раза превысил даже официальный прогноз правительства. Наша экономика благодарно, ростом реагирует на капитальные инвестиции и, следовательно, не утратила способность адекватно отвечать на «хозяйскую рачительную руку». Российский промышленник, отечественный инвестор оказался вполне чувствительным к упомянутым мерам государственной поддержки. Безусловно, инвестиции, и особенно — государственные, в науко- и капиталоемкие отрасли — надо продолжать наращивать.

Все эти четыре ключевые фактора, как и некоторые другие, на которых мы здесь не будем останавливаться, безусловно, оказали позитивное влияние на рост российской экономики. Однако не всякий рост есть развитие, да и не всякое развитие — благо. Как уже было отмечено, важны цели развития. И все отдельные индикаторы роста экономики в действительности интегрально должны быть направлены на одну цель — повышение уровня социализации российского общества, решение задач развития личности в соответствии с ценностями гуманитарного характера, соответствующими базовым трендам развития мирового общественного устройства в рамках ноотрансформации к новой парадигме существования нашей цивилизации, контуры которой все более явно просматриваются в платформах БРИКС, ШОС, в российской концепции создания социального государства, в концепциях «Единого евразийского пространства», «Большого Евразийского партнерства», Интегрального мирохозяйственного уклада, инициатив «Пояс-Путь» и «Единой судьбы человечества».

В рамках достижения таких целей у нас тоже предпринимаются позитивные шаги. Как показывает практика последних лет, направление реальных усилий, а не призывов и лозунгов, на решение задач социального развития приносит обнадеживающий результат. К примеру, просматривается определенная корреляция показателей инвестиций в социальную инфраструктуру, и так называемых «индексов жизни» — уровня бедности, продолжительности жизни, рождаемости. Например, подросли затраты на развитие жилищной сферы, здравоохранения, образование. И они подтверждаются имеющейся официальной статистикой (таблицы 1–4).

Наблюдается положительная динамика ввода жилья (таблица 1). Необычны — и даже в чем-то неожиданны (в условиях нынешних) — данные о реальных располагаемых денежных доходах населения (таблица 2). Они выросли за последний год на 5,4%, а за три года, с учетом некоторого снижения, по понятным причинам, в первый год специальной военной операции, — более чем на 7%.

Последовательно снижается уровень безработицы (таблица 3). А это — важный индикатор и деловой активности в экономике, и уровня благополучия в социальной сфере. В 2023 г. безработица составила 3,2%. Это — ниже уровня «дovоенного» 2020 г. почти в 1,5 раза.

Таблица 1

Год	Динамика ввода в действие жилых домов, %
2014	18,2
2015	1,4
2016	-6
2017	-1,3
2018	-0,5
2019	6,2
2020	0,2
2021	12,7
2022	11
2023	7,5

Источник: Росстат

Таблица 2

Год	Рост реально располагаемых денежных доходов, %
2014	-1,2
2015	-2,4
2016	-4,5
2017	-0,5
2018	0,7
2019	1,2
2020	-3,5
2021	3
2022	-1,2
2023	5,4

Источник: Росстат

Таблица 3

Год	Уровень безработицы
2014	5,2%
2015	5,7%
2016	5,6%
2017	5,3%
2018	4,9%
2019	4,6%
2020	5,7%
2021	4,8%
2022	4%
2023	3,2%

Источник: Росстат

Таблица 4

Год	Уровень бедности, %
2014	11,3
2015	13,4
2016	13,2
2017	12,9
2018	12,6
2019	12,3
2020	12,1
2021	11
2022	9,8
2023	9,3

Источник: Росстат

Мы также сумели снизить уровень бедности – до 9,3%, что все же еще хотя и много (это 13,5 млн россиян), но это, тем не менее, уже на четверть ниже 2020 г. (таблица 4). На это, очевидно, повлияли меры по реализации адресных

социальных программ для наиболее уязвимых групп населения, а также индексация МРОТ, прожиточного минимума и страховых пенсий, при существенном росте зарплат для низкооплачиваемых работников в отдельных отраслях.

В свою очередь, меры социального характера отразились и на демографических показателях. Замедлилась убыль населения – снизилась ее отрицательная динамика. По данным Росстата (таблица 5), численность населения России в 2023 г. сократилась на 244 тыс. человек, до 146 млн 200 тыс. (минус 0,17%). Это – вдвое меньше, чем в 2020 г. Для сравнения: за 2022 г. население страны сократилось на 532,6 тыс. человек.

Таблица 5

Год	Как менялась численность населения России, тыс. человек
2020	-693
2021	-1042,7
2022	-532,6
2023	-244

Источник: Росстат

При этом (таблица 6), с другой стороны, наблюдается рост средней продолжительности жизни. По итогам 2023 г. продолжительность жизни в России превысила доковидные значения; более того, достигнув рекордных почти 73 с половиной лет. Да, здесь еще надо многое сделать. Но – важен тренд. Такой показатель не фиксировался ранее ни в СССР, ни в современной России.

Таблица 6

Год	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
2014	70,93
2015	71,4
2016	71,9
2017	72,7
2018	72,9
2019	73,3
2020	71,5
2021	70,1
2022	72,8
2023	73,5

Источник: Росстат

Более детальный анализ заслуживает отдельного рассмотрения. Приведенные таблицы – лишь иллюстрация динамики некоторых шагов, результатов и зависимостей. Тем не менее, судя как по макроэкономическим, так и по социальным индексам, мы можем констатировать, что, конечно, сделать предстоит еще многое, однако сдвиги в позитивном направлении очевидны.

Учитывая известную в экономической науке связность приведенных выше показателей, мы можем говорить в целом об изменении как состояния российской экономики, так и уровня ее, скажем так, «человеколюбия». Общая картина сегодня говорит о многом – об устойчивости российской экономики, ее адаптивности к внешним шокам, причем – весьма жестким, о ее потенциале и возможностях его реализации при условии осуществления выверенного целенаправленного воздействия на чувствительные для нашей экономики зоны ее роста.

Удивленные этой способностью российской экономики к выживанию и росту, причем в экстремальных условиях структурных и прочих ограничений, санкций и т.п., зарубежные эксперты, да и отдельные отечественные аналитики (а их немало) задаются вопросами: откуда? В чем секрет? В «бэкграунде» советской экономики и науки, давших миру космонавтику, атомную энергетику и многое другое? В огромных ресурсных возможностях России? В высоком интеллекте российского населения, всегда умевшего «варить суп из топора» и «подковывать блох»? В сплоченности россиян и их умении противостоять трудностям? В своевременных мерах поддержки отдельных страт населения и предпринимателей со стороны государства? В патриотизме львиной части российского бизнеса, инвестирующего в условиях ограничения в российскую экономику? И эти вопросы можно продолжить.

Да, все эти аспекты – налицо, на каждый из них мы можем ответить: «Да!». Как и на многие другие. Но главный «секрет», как представляется, был раскрыт российскими учеными и специалистами-практиками из реального сектора экономики достаточно давно. Это – отказ от сурового «эксперимента» с нашей экономикой в постсоветские десятилетия, сравнимого с вивисекцией, от слепого следования рецептам «друзей», навязанной нашей стране в 1990-е гг. и продолжающей все еще жить модели неолиберальной экономики, панегирик которой многократно пропет экономическим «мейнстримом» западной экономической мысли, и непригодной без существенной адаптации к российским реалиям. Это – начало восстановления идеологии первостепенного учета, приоритезации наших национальных интересов. Это, наконец, – возврат к осуществлению элементов активной промышленной политики и институционализации планирования и стратегирования.

Разработки российских экономистов в этой сфере, и особенно – из академической среды, в приложении к практике, оказались существенно более пригодными для восстановления и позитивного развития отечественной экономики. Эксперты ВЭО России, например, об этом говорили многократно. Многие из них, в числе которых – члены Секции экономики Российской академии наук, ученые ведущих экономических институтов, ИНП РАН, ЦЭМИ РАН, Института экономики РАН, региональных и отраслевых научных центров сегодня активно работают в экспертных группах органов государственной власти всех ветвей и на всех уровнях.

Мы понимаем, что доверие народа к нам, ученым, основанное на убеждающей на деле эффективности предлагаемых рекомендаций, конечно, должно, безусловно, сопровождаться нашей высокой ответственностью. Тем более – в условиях дефицита многого из того, чем располагают другие экономики, и теперь уже, в первую

очередь, дефицита времени в условиях стремительной трансформации цивилизации, и, вследствие этого, не имея права на ошибку и на негодные «эксперименты».

В очередной период испытаний наше общество, научное сообщество, экономические структуры, государство демонстрируют со всей убедительностью – мы не забыли суворовскую «науку побеждать». Побеждать трудности, преодолевать барьеры. Над этим работает научное сообщество, власть, в этом остро нуждается наше общество. Следовательно, необходимо усиление практико-ориентированного вектора научных исследований, опора в социально-экономическом анализе на отечественные реалии. За таким подходом – будущее.

Библиографический список

1. Бодрунов С.Д. *Ноономика: монография*. – М.: Культурная революция, 2018. – С. 432
2. Глазьев С.Ю. *На пути становления нового мирохозяйственного уклада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. – 2024. – № 1. – С. 9–10.
3. Плотников В.А. *Транснациональные цепочки создания ценности и глобальные механизмы ценообразования: взгляд теоретика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2022. – № 2 (134). – С. 7–13.
4. Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Логинов Е.Л., Хабриев Б.Р., Ву Ц., Ву З. *Гибридные войны в макроэкономической суперсистеме XXI века // Экономические стратегии*. – 2023. – Т. 25. – № 2 (188). – С. 6–23.
5. Бодрунов С.Д. *Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования*. – 2023. – № 4 (199). – С. 8–14.

References

1. Bodrunov S.D. *Noonomika: monografija*. – M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018. – S. 432
2. Glaz'ev S.Ju. *Na puti stanovlenija novogo mirohozajstvennogo uklada // Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika*. – 2024. – № 1. – S. 9–10.
3. Plotnikov V.A. *Transnacional'nye cepochki sozdanija cennosti i global'nye mehanizmy cenoobrazovanija: vzgljad teoretika // Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*. – 2022. – № 2 (134). – S. 7–13.
4. Bahtizin A.R., Makarov V.L., Loginov E.L., Habriev B.R., Vu C., Vu Z. *Gibridnye vojny v makrojekonomicheskoj supersisteme XXI veka // Jekonomicheskie strategii*. – 2023. – T. 25. – № 2 (188). – S. 6–23.
5. Bodrunov S.D. *Preodolenie vyzovov global'noj transformacii: NTP, znanija, noonomika // Problemy prognozirovanija*. – 2023. – № 4 (199). – S. 8–14.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-66-84

РАСЧЕТ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЫХ РЕШЕНИЙ И АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ МИРОВОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ¹

CALCULATING THE CONSEQUENCES OF IMPLEMENTING NEW SOLUTIONS AND ANTI- CRISIS MEASURES IN THE CONTEXT OF ONGOING GLOBAL FRAGMENTATION²

БАХТИЗИН Альберт Рауфович

Директор Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Albert R. BAKHTIZIN

Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Mathematical Methods of Economic Analysis of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

1 Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта от 23.04.2024 № 075-15-2024-525.

2 The study was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of project No. 075-15-2024-525 dated 04/23/2024.

Аннотация

В статье рассмотрена возможность достижения ряда целевых показателей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации. Также рассмотрены различные сценарии изменения сложившегося в России негативного демографического тренда и приоритетные направления дальнейшего развития нашей страны. Были обозначены проблемы в сложившейся денежно-кредитной политике, осуществляемой ЦБ РФ. В заключении приведены результаты стресс-теста устойчивости экономических систем ключевых стран мира и их способности противостоять масштабным санкциям со стороны остальных государств и международных организаций.

Abstract

The article considers the possibility of achieving a number of target indicators specified in the Decree of the President of the Russian Federation. It also considers various scenarios for changing the negative demographic trend that has developed in Russia and priority areas for the further development of our country. Problems in the current monetary policy implemented by the Central Bank of the Russian Federation were identified. The conclusion presents the results of a stress test of the sustainability of the economic systems of key countries of the world and their ability to withstand large-scale sanctions from other states and international organizations.

Ключевые слова

Прогнозы, моделирование, денежно-кредитная политика, демографическая политика, антикризисные меры, стресс-тест экономических систем.

Keywords

Forecasts, modeling, monetary policy, demographic policy, anti-crisis measures, stress testing of economic systems.

Наша страна входит в новую фазу своего развития. Президент России в своем Послании Федеральному Собранию 29.02.2024 и в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» обозначил конкретные цифры, ориентируясь на которые, Россия будет развиваться в ближайшие годы. Их довольно много, я хотел остановиться только на части из них, связанных с наиболее важными составляющими – с демографической сферой и частично с экономикой.

Национальные проекты – в первую очередь это «Семья», «Продолжительная и активная жизнь», «Молодежь России», «Кадры», «Экономика данных» и др., а национальные цели – «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», «Комфортная и безопасная среда для жизни», «Устойчивая и динамичная экономика» и др. Как видно, явный приоритет дальнейшего развития нашей страны – это увеличение численности населения, его сбережение и прочие вопросы в сфере демографии.

Давайте посмотрим на возможность достижения соответствующих целевых показателей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.».

Так, в частности предполагается увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г. Если посмотреть на умеренные про-

гнозы от ведущих организаций в сфере демографического прогнозирования (отдел народонаселения департамента по экономическим и социальным вопросам ООН и Росстат), то видно, что первый показатель ожидаемой продолжительности жизни в рамках базовых сценариев к обозначенным срокам не достигнет целевых значений (табл. 1). Только ООН предполагает такую возможность, но не раньше 2065 г.

Таблица 1. Прогнозные значения ожидаемой продолжительности жизни в рамках умеренных вариантов

	Года	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
ООН	2030	75,6	70,8	80,2
Росстат	2030	75,8	71,2	80,2
ООН	2036	76,6	72,0	80,9
Росстат	2036	77,8	73,5	81,7
ООН	2065	81,1	77,7	84,4

Другой целевой показатель нового указа предполагает повышение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г. Если опять обратиться к упомянутым прогнозам, то ООН прогнозирует достижение значения 1,6 как раз к 2030 г. (табл. 2), но значение 1,8 не будет достигнуто до конца века ни в расчетах ООН, ни в прогнозах Росстата, причем у последнего даже в рамках «высокого» варианта максимальное значение СКР составит только 1,788 к 2046 г.

Таблица 2. Прогнозные значения СКР в рамках умеренных вариантов³

	Года	СКР
ООН	2030	1,61
Росстат	2030	1,47
ООН	2036	1,65
Росстат	2036	1,60

Также следует обратить внимание на еще один, гораздо более пессимистичный прогноз от Института измерения показателей и оценки состояния здоровья (IHME), опубликованный в марте 2024 г., согласно которому наша цивилизация входит в фазу резкого снижения уровня рождаемости, причем практически по всем странам. Как известно, для простого воспроизводства населения, поддержания его численности на стабильном уровне, требуется, чтобы коэффициент рождаемости был 2,1.

³ Там же.

Так вот, этот институт дает прогноз, что уже к середине века он будет ниже этой цифры в 155 странах. А к концу – уже в 198. По всей видимости, этот переход произойдет не без помощи ВОЗ и Фонда Гейтса, которые финансирует этот институт. Публикуемые им значения СКР для России и других стран сильно ниже, чем у ООН (табл. 3).

Таблица 3. Прогнозы СКР для отдельных стран и мира в целом от ИНМЕ (20.03.2024) и ООН

Страны	Исследовательские организации	2050	2100
Весь МИР	ИНМЕ	1,83	1,59
	ООН	2,15	1,84
Россия	ИНМЕ	1,33	1,21
	ООН	1,72	1,78
США	ИНМЕ	1,52	1,45
	ООН	1,70	1,71
Индия	ИНМЕ	1,29	1,04
	ООН	1,78	1,69
Китай	ИНМЕ	1,14	1,16
	ООН	1,39	1,48
Южная Корея	ИНМЕ	0,82	0,82
	ООН	1,17	1,43

Каковы причины? Выделяемые экспертами ИНМЕ факторы, определяющие уровень рождаемости и используемые для расчетов СКР следующие: (1) уровень образования женщин; (2) смертность детей в возрасте до пяти лет и (3) плотность проживания населения. Другие факторы, такие как финансовое стимулирование, декретные отпуска и т.д. признаются несущественными. Таким образом, возрастающий уровень урбанизации будет способствовать снижению рождаемости практически по всем странам мира.

Что касается России, то отрицательная динамика численности населения у нас, к сожалению, усиливается. Так, по данным Росстата в январе – марте 2024 г. по отношению к аналогичному периоду 2023 г.⁴:

- число рождений уменьшилось с 311,1 тыс. до 300,3 тыс. (-3.5%);
- число смертей возросло с 459,8 тыс. до 479,9 тыс. (+4.4%).

Таким образом, естественная убыль населения возросла с 148,7 тыс. до 179,6 тыс.

Помимо упомянутой урбанизации и возрастающей социальной напряженности, негативно влияет на уровень рождаемости еще один управленческий фактор – перенос программы материнского капитала со второго ребенка на первого.

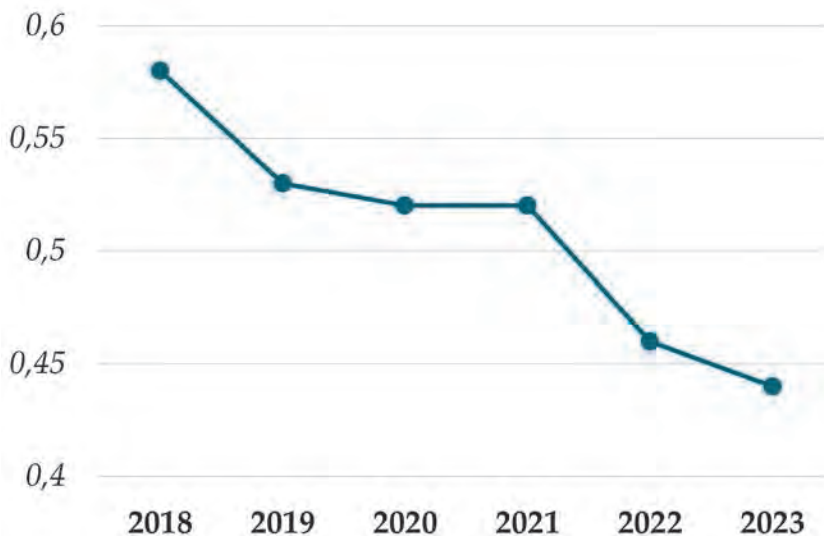
⁴ https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_03-2024.htm.

Рис. 1. Сумма средств материнского капитала, тыс. руб.

Рис. 2. СКР вторых детей

Источник:
<https://www.fedstat.ru/indicator/59771>

На рис. 1 видно, что это произошло в 2020 г., и СКР вторых детей после этого резко снизился и имеет тенденцию для дальнейшего сокращения (рис. 2).

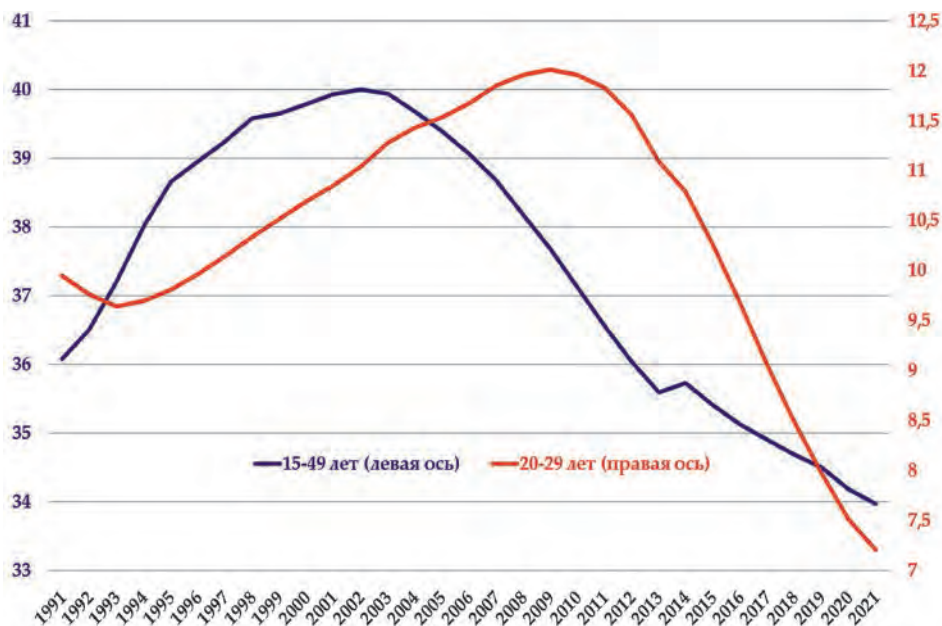
2023 г. поставил антирекорд за последние годы по числу рождений (1,264 млн детей, меньше было в 1999 г. – 1,214 млн). Наши расчеты с использованием цифрового двойника социальной системы России⁵ показали, что за 15 предстоящих лет без принятия экстренных мер численность населения может сократиться почти на 11%.

⁵ Макаров В.Л., Нигматулин Р.И., Ильин Н.И., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сидоренко М.Ю. (2022): Цифровой двойник (искусственное общество) социально-экономической системы России – платформа для экспериментов в сфере управления демографическими процессами // Экономические стратегии. – 2022. – 2 (182). – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.6-19>.

Тому есть две фундаментальные причины – снижение числа женщин в фертильном возрасте и сверхсмертность населения нашей страны (особенно среди мужчин). Численность женщин в возрасте 15–49 лет начиная с 2002 г. сократилась более чем на 15%, а в наиболее репродуктивном возрасте 20–29 лет еще сильнее – почти на 35% (рис. 3). Расчеты показывают, что численность первой из упомянутых возрастных когорт продолжит снижаться, и к 2030 г. сократится более чем на 9%.

Рис. 3.
Численность женщин, относящихся к двум возрастным когортам, млн человек

Источник:
<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

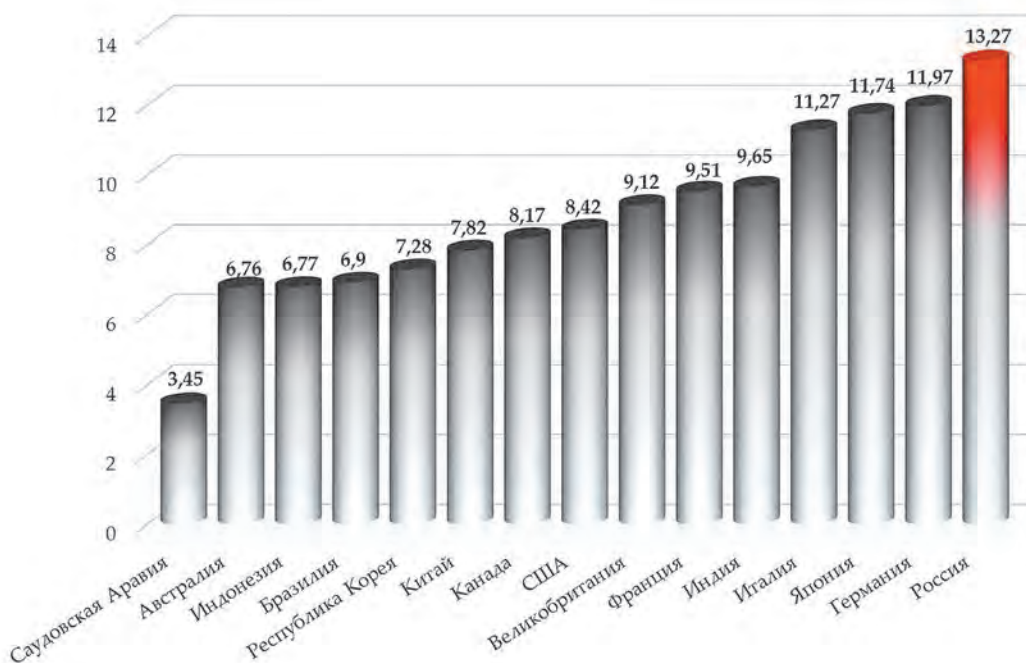
Также возрастает смертность, причем среди 193 стран – членов ООН, Россия по общему коэффициенту смертности уступает лишь девяти государствам в мире (рис. 4), в том числе за счет мужской сверхсмертности.

Одна из причин, помимо стресса, – это повышенное потребление табака и алкоголя. В табл. 4 видно, что практически по всем странам мира есть сильная линейная связь между потреблением табака и смертностью мужчин по данным за период с 1960 по 2022 г. Для России и ряда европейских стран также было обнаружено негативное влияние потребления алкоголя, но более низкий уровень коэффициентов смертности для Германии, Франции и Италии по сравнению с нашей страной является следствием более эффективной работы их систем здравоохранения.

Таким образом, для компенсации этих негативных эффектов необходимо увеличить расходы на здравоохранение примерно в полтора раза для того, чтобы приблизиться к среднемировому уровню (табл. 5), а наши расчеты показали, что для достижения целевых показателей Указа Президента Российской Федерации они должны быть увеличены в два раза.

С помощью цифрового двойника социальной системы России были проведены расчеты для оценки влияния федеральной программы материнского капитала на численность населения России. Реализация этой программы с 2007 г. по 2030 г. повлекла за собой около 3 млн дополнительных рождений.

Рис. 4. Общий коэффициент смертности для 15 стран – мировых лидеров в 2023 г. (число смертей за год на 1000 человек населения)

Источник:
<https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/death-rate/country-comparison>

Таблица 4. Коэффициенты корреляции между данными по смертности мужчин в возрасте 15–59 лет (в процентах от общей численности мужского населения) и показателями потребления алкоголя (литров в год) и табака

Страны	Алкоголь	Табак
Китай	нет связи	0,882
США	нет связи	нет связи
Индия	нет связи	0,869
Россия	0,760	0,890
Германия	0,704	0,988
Франция	0,930	0,989
Япония	нет связи	0,987
Бразилия	нет связи	0,728
Страны	Алкоголь	Табак
Республика Корея	нет связи	0,967
Италия	0,929	0,937
Канада	нет связи	0,950

Страны	Алкоголь	Табак
Великобритания	нет связи	0,755
Саудовская Аравия	нет связи	0,754
Австралия	нет связи	0,790
Индонезия	нет связи	0,819

Таблица 5. Расходы на здравоохранение по отдельным странам, в % от ВВП

Место в мире	Страна	Доля в ВВП, в %
2	США	18,82
6	Канада	12,94
7	Германия	12,82
10	Франция	12,21
11	Великобритания	11,98
13	Швейцария	11,80
16	Австрия	11,47
18	Норвегия	11,42
19	Швеция	11,38
21	Нидерланды	11,14
22	Бельгия	11,06
	Евросоюз	10,91
23	Япония	10,90
	Мир	10,89
28	Дания	10,53
...		
≈ 71-72	Россия	7,60

Также были рассчитаны дополнительные сценарии:

(1) Расселение людей по территории страны, что приводит к постепенному увеличению численности населения до 148,9 млн человек к концу века.

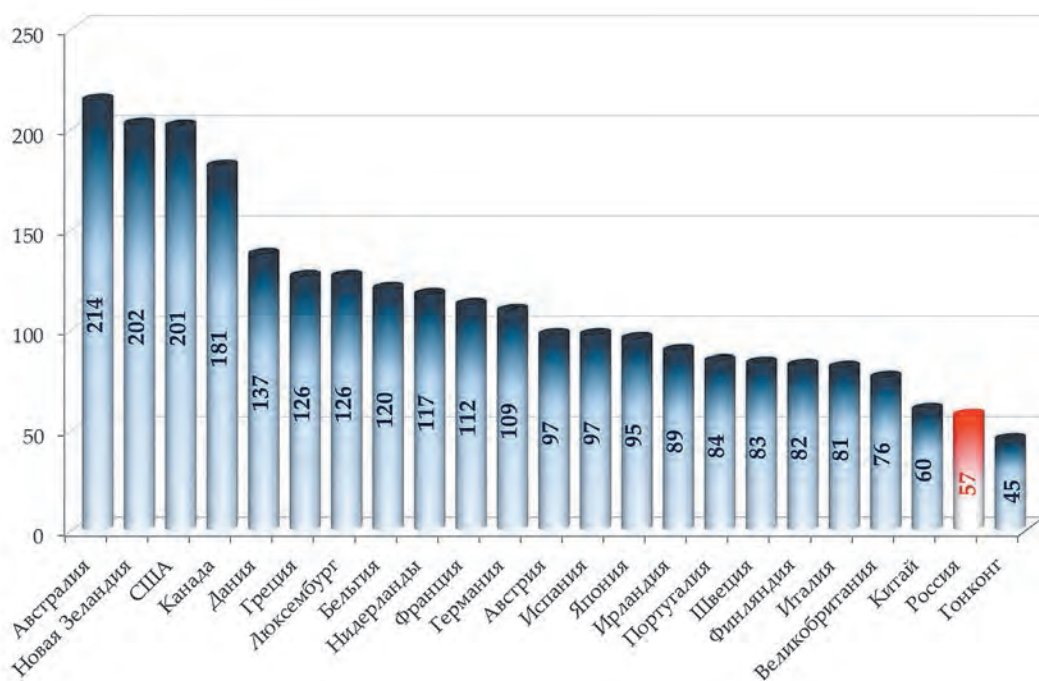
(2) Прирост объема предоставляемых медицинских услуг за счет увеличения числа больничных коек. На данный момент значение этого показателя на 10 000 человек населения составляет 61,3% от уровня 1992 г. В ходе экспериментов этот показатель менялся с шагом 2,5 процентных пункта в год, с тем чтобы к 2040 г. его значение достигло 101% по отношению к 1992 г.

Эта мера сбережения населения позволит сохранить численность жителей страны на дополнительные 1,5 млн человек по сравнению с инерционным вариантом динамики демографической системы, не предусматривающем такого механизма.

Сценарий деурбанизации предполагает не только расселение людей по территории страны, но и увеличение площади жилья, приходящегося на одно домохозяйство. В этой связи следует упомянуть еще один целевой показатель нового Указа Президента – обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 м² на человека к 2030 г. и 38 м² – к 2036 г. (на данный момент 28 м²). И на рисунке 5 видно, что у России относительно других стран большой нереализованный потенциал, позволяющий не только достичь целевого показателя, но и способствовать решению одной из демографических проблем.

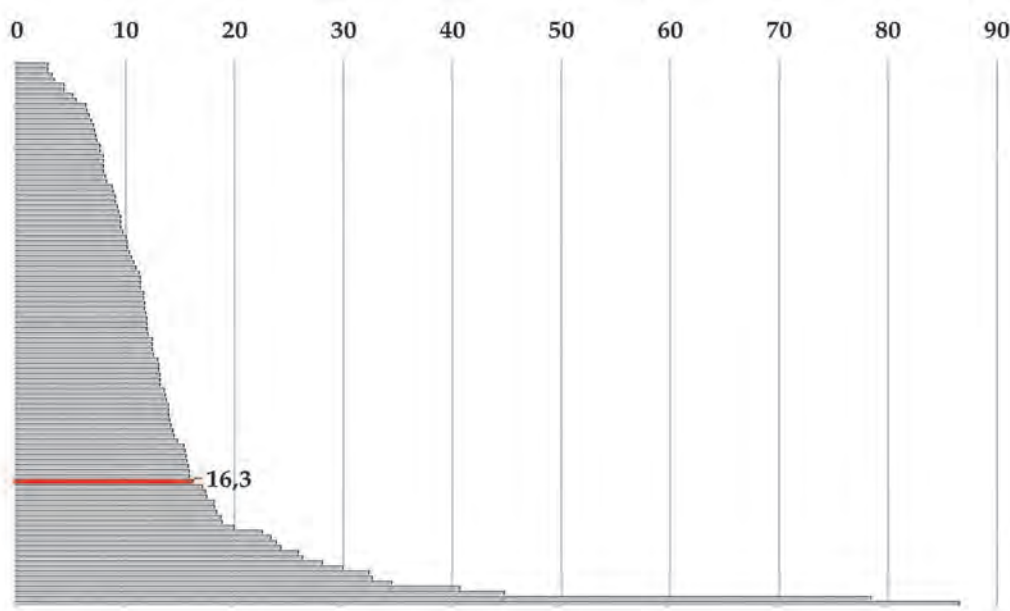
Рис. 5.
Средний
размер жилья
по странам, м²

Источник:
https://www.numbeo.com/property-investment/rankings_by_country.jsp

Но квадратные метры должны быть доступны, а это потребует как снижение ипотечных ставок, так и контроль за ценами со стороны государства. К сожалению, Россия занимает 83-е место среди 107 стран мира по соотношению стоимости жилья к среднегодовому доходу (рис. 6). Чем эта безразмерная величина меньше, тем доступнее для домохозяйства жилье. Среди стран с минимальными значениями этого показателя – Саудовская Аравия, ОАЭ, США, Бельгия и др. Здесь опять-таки есть большой потенциал для дальнейшего развития, и он вынесен в виде отдельного целевого показателя – это повышение доступности жилья. В этой связи необходимы дополнительные усилия в рамках национальной цели развития «Комфортная и безопасная среда для жизни» в части увеличения объема жилищного строительства, частично решающие задачи в сфере демографии и стимулирующие экономический рост.

Рис. 6. Соотношение стоимости жилья к среднегодовому доходу одного домохозяйства по 107 странам мира (16,3 – значение для России)

Источник:
https://www.numbeo.com/property-investment/rankings_by_country.jsp

Отрасль «Строительство» в России имеет один из самых высоких мультипликаторов выпуска (наряду с обрабатывающими производствами). Кроме того, диверсифицированная экономика способствует стимулированию роста, созданию новых рабочих мест, повышает уровень национальной безопасности (практически все расчеты с моделями торговых войн показывают большую защищенность таких экономик в случае атаки). Но развитие этих отраслей невозможно без государственного планирования.

По оценкам Европейской комиссии самые высокие мультипликаторы занятости в обрабатывающей промышленности (особенно в химической – значение мультипликатора в среднем 4,0) и для транспорта (3,2)⁶.

Институт экономической политики (США) опубликовал исследование⁷, в котором наибольшие значения мультипликаторов у сектора, оказывающего коммунальные услуги (9,6), а наименьшие – у розничной торговли (1,2). Также оценивалось влияние падения спроса на продукцию той или иной отрасли на сокращение рабочих мест. Совокупное снижение конечного спроса на \$1 млн вызовет максимальное снижение занятости в сфере услуг по уходу за детьми (потери составят около 20 рабочих мест). В строительстве сокращение составит примерно 5,5 рабочих мест, в производственной сфере около 2,7, и практически полностью влияние отсутствует для отраслей по добыче нефти (0,2) и производству табака (0,2).

Наибольшие мультипликаторы рабочих мест для России у отраслей «Обрабатывающие производства» (2,8), «Строительство» (2,4), «Добыча полезных ископаемых» (2,3), «Транспорт» (2,3).

В этой связи отмечу, что помимо выполнения нового указа Президента РФ и частичного решения демографических проблем, развитие строительной отрасли крайне важно с позиции увеличения темпов экономического роста.

⁶ <https://ec.europa.eu/>.

⁷ <https://www.epi.org/publication/updated-employment-multipliers-for-the-u-s-economy>.

Одна из обозначенных главой государства национальных целей развития заключается в обеспечении темпа роста экономики России выше среднемирового и ее выход не позднее 2030 г. на четвертое место в мире. Отмечу, что текущем году МВФ дал прогноз роста по странам мира до 2029 г. (табл. 6), согласно которому наша страна к этому сроку опустится на седьмую позицию.

За последние 10 лет среднегодовой темп роста ВВП России составил 1,15%, а по прогнозам МВФ на период с 2024 по 2029 г. он предполагается около 1,66% (табл. 7). А учитывая то, что у Индонезии темпы роста предполагаются около 5%, для выполнения Указа Президента Российской Федерации наша страна должна расти не менее 5,5% в год.

Таблица 6. ВВП по ППС для 10 стран – мировым лидерам в 2029 г., млрд долл.

1	Китай	46252,8
2	США	34950,0
3	Индия	21910,1
4	Япония	7628,2
5	Индонезия	6628,0
6	Германия	6580,5
7	Россия	6423,5
8	Бразилия	5186,2
9	Турция	4960,6
10	Великобритания	4786,1

Таблица 7. Среднегодовые темпы роста ВВП, %

	2014–2023	2024–2029 (прогноз МВФ)
Китай	5,98	3,79
США	2,32	2,17
Индия	5,95	6,53
Япония	0,58	0,71
Германия	1,15	0,92
Россия	1,15	1,66
Индонезия	4,22	5,05
Бразилия	0,54	2,06
Великобритания	1,58	1,41
Франция	1,13	1,33

Но вряд ли это возможно, учитывая сложившуюся денежно-кредитную политику. В таблице 8 приведены темпы роста ВВП России от ЦБ РФ, опубликованные спустя 10 дней после прогноза МВФ (табл. 9), причем такая очередность стабильна и повторяется практически каждый раз. В более раннем прогнозе наш денежный регулятор предполагал темпы роста около 1–2% в год и для таких низких значений были и остаются предпосылки. Так, наш ЦБ предполагает снижение темпов прироста денежной массы с 19,4% в 2023 г. до 10–15% в 2024 г. и 5–10% в 2025 г.

Таблица 8. Прогноз темпа роста ВВП России по итогам заседания Совета директоров ЦБ РФ по ключевой ставке 26 апреля 2024 г., в % к предыдущему году

2024	2,5–3,5
2025	1,0–2,0
2026	1,5–2,5

Таблица 9. Прогноз роста от МВФ по ВВП для некоторых стран мира на 2024 г.

Китай	4,64
США	2,73
Россия	3,16
Индия	6,81
Чехия	0,66
Швейцария	1,34
Франция	0,74
Германия	0,15
Финляндия	0,42
Нидерланды	0,63

Помимо снижения прироста денежной массы, Россия является одним из мировых антилидеров по величине ключевой ставки (табл. 10), причем у стран, с которыми мы «конкурируем» за четвертое место по объему ВВП по ППС, процентные ставки сильно ниже – у Индонезии почти в три раза, а у стран Еврозоны, куда входит Германия, почти в четыре раза.

Такая высокая ставка противоречит ряду исследований того же МВФ или же Федерального резервного банка, который в своем исследовании «Does Monetary Policy Have Long-Run Effects?» выявил долгосрочный эффект от непродуманной денежно-кредитной политики. Как правило, денежные власти рассматривают ее как средство краткосрочного воздействия на экономику с целью смягчения спадов и достижения сбалансированного роста. С использованием длинных рядов дан-

Таблица 10. Ключевые ставки центральных банков стран G20 и ОЭСР (по состоянию на 15.05.2024)

Аргентина	60,00
Турция	50,00
Россия	16,00
Колумбия	11,75
Мексика	11,00
Бразилия	10,75
Исландия	9,25
ЮАР	8,25
Венгрия	7,75
Чили	6,50
Индия	6,50
Индонезия	6,25
Саудовская Аравия	6,00
Польша	5,75
Новая Зеландия	5,50
Чехия	5,25
Великобритания	5,25
США	5,25
Канада	5,00
Коста-Рика	4,75
Еврозона	4,50
Израиль	4,50
Норвегия	4,50
Австралия	4,35
Дания	3,75
Швеция	3,75
Южная Корея	3,50
Китай	3,45
Швейцария	1,50
Япония	0,10

ных (с 1900 г.) по многим странам, в работе показывается, что денежно-кредитная политика может влиять на долгосрочную траекторию экономического развития — к примеру, проведенный анализ продемонстрировал, что жесткая денежная политика негативно влияет на объем производства даже через десятилетия.

Высокие процентные ставки ужесточают условия кредитования, замедляют экономическую активность, способствуют сокращению инвестиций в сектор НИОКР, негативно влияют на рынок труда, в долгосрочной перспективе обесценивают человеческий потенциал и снижают общий уровень квалификации в экономике. Расчеты показали, что в среднем повышение процентных ставок на 1% через труд, инвестиции и совокупную факторную производительность влияет на реальный ВВП, снижая его объем также в среднем на 5% за 12-летний период.

Собственно, возникает вопрос: а есть ли вообще связь между индексом потребительских цен и темпом экономического роста? С чем борется наш Центральный Банк, таргетируя инфляцию, завышая ставку процента, сжимая денежную массу и таким образом тормозя экономический рост. А есть ли, в общем-то, такая связь?

Одна из ключевых доктринальных установок МВФ, транслируемая по всем присоединившимся к Фонду 190 странам, заключается в необходимости таргетирования инфляции для обеспечения ценовой стабильности и сохранения сбалансированного роста экономики. Как известно, для России выбранная цель по инфляции определена на уровне 4%. Основным инструментом для достижения обозначенной цели является изменение ключевой ставки процента, при увеличении которой подавляется экономический рост.

И сформулированный выше вопрос этот до сих пор не имеет однозначного ответа. В далеком прошлом (1959 г.) тот же МВФ в своих установках был менее настойчивым и опубликовал исследование «The Relation Between Inflation and Economic Development: A Statistical Inductive Study», в котором отмечалось, что по имеющимся данным по разным странам однозначно выявить положительную или отрицательную связь между инфляцией и экономическим ростом не представляется возможным.

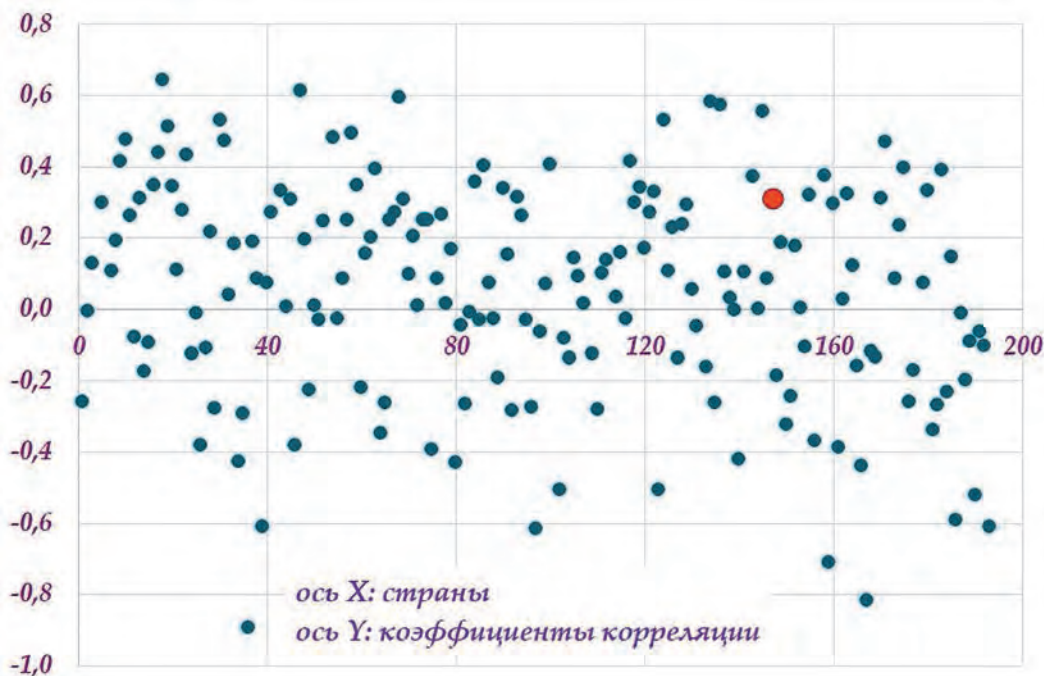
Исследований, посвященных оценке влияния инфляции на экономический рост, очень много, но полученные результаты неоднозначны в силу различия первоначальных гипотез. Объединяет большинство из них то, что в них признается проблема идентификации такой зависимости. В отдельных случаях отмечается, что инфляция имеет не только отрицательное, но и положительное влияние на экономику.

Со своей стороны также продемонстрируем неоднозначность этой связи. Для анализа нами отобраны данные по индексу потребительских цен и темпам экономического роста для 193 стран — членам ООН за период с 2000 по 2022 г. На рисунке 7 приведена инфографика — значения коэффициентов корреляции между этими показателями для всех государств. Облако из 193 точек (красная точка — Россия) показывает, что однозначной закономерности нет.

Что еще хотелось бы сказать? Один из факторов роста, про который говорили коллеги, и он обозначен в качестве одного из целевых показателей — это обеспечение к 2030 г. вхождения России в число 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, и другой целевой показатель — это увеличение к 2030 г. внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2% ВВП (на данный момент чуть более 1%, табл. 11). Наши расчеты показывали, что только этот механизм позволит получить 4% дополнительного при-

роста ВВП за пять лет, по сравнению с инерционным вариантом развития. Это, конечно, не быстрый эффект, но, с другой стороны, такие инвестиции быстрой отдачи не дадут. Но этот шаг крайне необходим для дальнейшего развития страны и выхода на те темпы роста, о которых я говорил ранее.

Рис. 7. Коэффициенты корреляции между индексами потребительских цен и темпами экономического роста для 193 стран за период 2000–2022 гг.

Еще один целевой показатель связан с развитием малого предпринимательства.

В аналитических материалах крупнейших международных организаций (МВФ, ВБ, ВТО) малый бизнес неоднократно назывался основой любой экономики, локомотивом экономического роста, обеспечивающим создание рабочих мест⁸. Во всем мире насчитывается приблизительно 400 млн малых и средних предприятий (МСП), обеспечивающих 70% мирового уровня занятости населения. Из них 25,1 млн находятся в ЕС, 32,5 млн в США, 18 млн в Китае⁹. В большинстве стран ОЭСР МСП создается более 50% ВВП, а в некоторых эта доля доходит до 70%. При этом в России на протяжении длительного времени она находится на уровне 20%. В Китае малый и средний бизнес считается двигателем развития, поскольку, помимо высокой занятости (80%), он производит большое количество инновационной продукции (65% патентов приходится на МСП).

Крупнейшие международные организации – МВФ, ВТО, ОЭСР – предполагают дальнейшую фрагментацию мирового экономического пространства, распад мира на макрорегионы и кристаллизацию новых полюсов в мировой макроэкономической системе. По их расчетам, снижение ВВП различных стран будет в диапазоне от 0,2% до 12% в зависимости от степени фрагментации. На рисунке 8 приведена схема ключевых будущих торговых потоков, рассчитанных на модели глобальной торговли (разработчики – Boston Consulting Group, UN Comtrade, Oxford Economics, IHS, WTO).

⁸ <https://www.worldbank.org/en/topic/smefinance>.

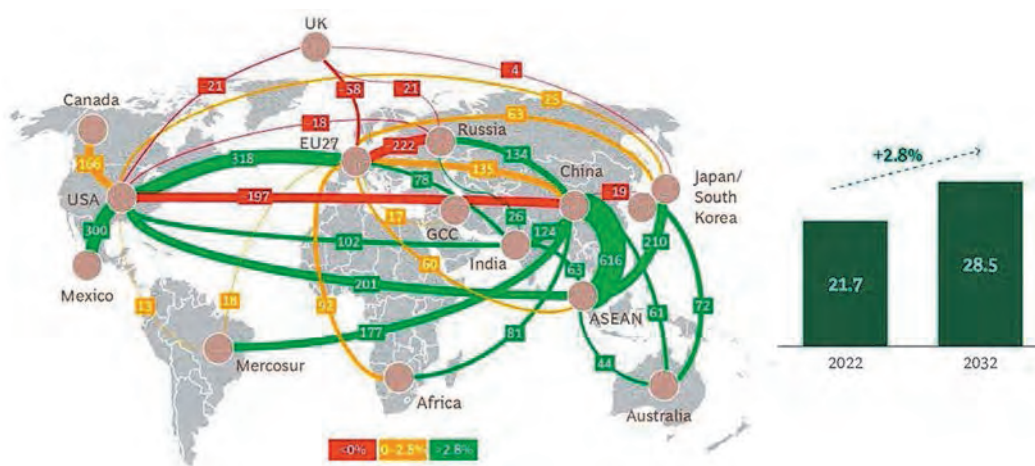
⁹ <https://truelist.co/blog/small-business-statistics>.

Таблица 11. Расходы на исследования и разработки по отдельным странам, в % от ВВП

Израиль	5,44
Корея	4,81
Швеция	3,53
Бельгия	3,48
США	3,45
Япония	3,26
Австрия	3,20
Германия	3,14
Дания	2,96
Финляндия	2,94
Мир	2,63
Исландия	2,47
Китай	2,40
Франция	2,35
Евросоюз	2,32
Нидерланды	2,29
Норвегия	2,28
Россия	1,09

Рис. 8. Рекон-
фигурация
торговых
потоков
к 2032 г.

Источник:
<https://www.bcg.com/publications/2024/job-national-security-and-future-of-trade>

Предполагается, что в ближайшее десятилетие вырастет значимость макрорегиональных торговых блоков (Северная Америка, ЕС, АСЕАН и, возможно, БРИКС).

Соответственно, эти процессы, которые фиксируют крупнейшие аналитические центры, сподвигли наш институт совместно с коллегами с Национального суперкомпьютерного центра Китая, университета Гуанчжоу, Академии общественных наук Китая провести стресс-тест устойчивости экономических систем ключевых стран мира и способности их противостоять масштабным санкциям со стороны остальных государств и международных организаций.

В рамках расчетов оценивались прямые потери ВВП в одном году от полного прекращения торговых отношений с подсанкционной страной; при этом прочие меры воздействия (визовые ограничения, запрет полетов и т.д.) не рассматривались. Оценивалась устойчивость экономики конкретной страны в случае санкционного давления, еще более мощного, чем было предпринято в отношении России, без возможности параллельных поставок.

Результаты были получены на торговой модели, построенной для более 100 стран мира и приведены в таблице 12.

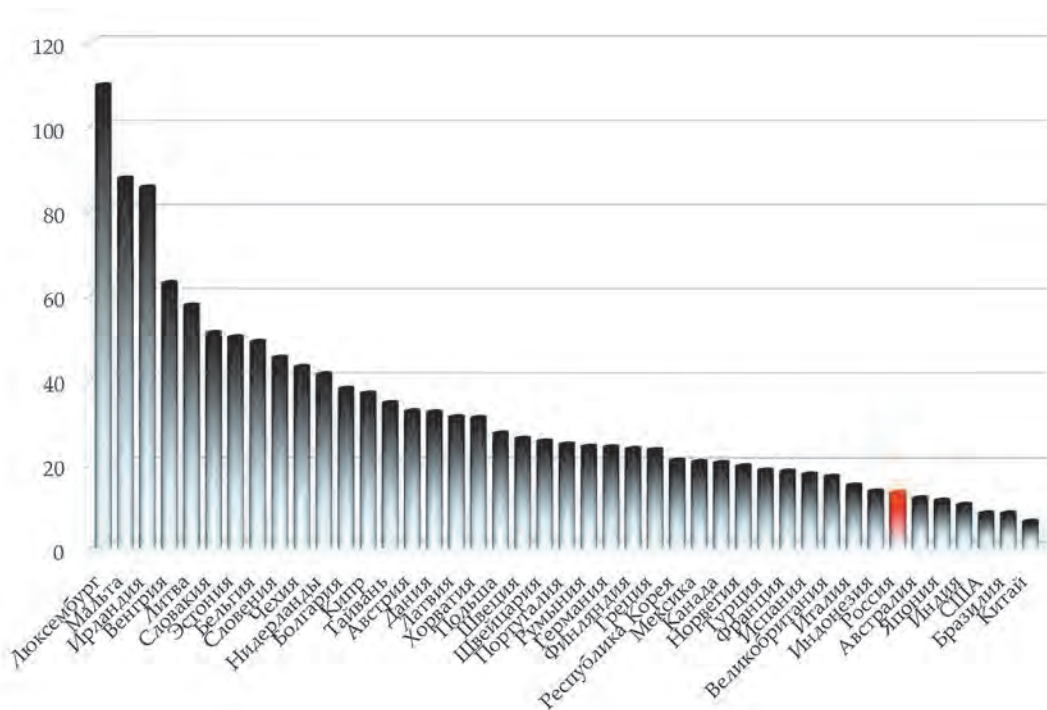
Таблица 12. Снижение ВВП ключевых стран в результате введения масштабных санкций, в процентных пунктах от инерционного сценария

США	-2,25
Китай	-3,09
Россия	-3,54
Австралия	-3,66
Индонезия	-3,66
Япония	-3,81
Индия	-3,98
Иран	-4,15
Бразилия	-4,23
Пакистан	-4,66
Саудовская Аравия	-5,18
Канада	-5,53
Великобритания	-5,66
Италия	-6,01
Турция	-6,58
Франция	-6,95
Мексика	-7,24
Республика Корея	-7,92
Германия	-8,09

Видно, что у США, Китая и России падение есть, но не такое критичное, как прогнозировал в 2022 г. тот же МВФ, предполагая снижение ВВП на -8%, а больше всего пострадают более открытые экономики (в первую очередь страны ЕС).

Полученные нами результаты, как ни странно, перекликаются с другим исследованием МВФ «The Leisure Gains from International Trade», опубликованным в начале 2024 г., в котором рассчитаны последствия для 43 стран от перехода к режиму закрытой экономики, предполагающему минимальное взаимодействие с внешним миром и технологический суверенитет (иными словами, автаркию). На рисунке 9 видно, что в большей степени пострадают европейские экономики, а в меньшей – Россия, США и Китай, то есть выводы МВФ примерно соответствует тем результатам, которые мы получили с коллегами из Китая.

Рис. 9. Потери благосостояния населения в результате перехода к автаркии, в процентах

Почему беспрецедентные антироссийские санкции не смогли обрушить экономику нашей страны или, как обещали в США, «разорвать экономику России в клочья»? Наши совместно с КНР расчеты показали, что устойчивость конкретной страны во многом определяется ее потенциалом, который не ограничивается экономической сферой и также включает в себя другие важнейшие составляющие: ресурсную, военную, научную, финансовую, производственную и др. Так вот, чтобы обрушить страну с большой мощью, одних ограничительных санкций недостаточно. Конечно, их воздействие на продолжительном периоде времени может ослабить любое государство, и Россию в том числе, но эффективность внешнего давления может быть нивелирована форсированным внутренним развитием и диверсификацией отраслевой системы, наблюдаемыми в настоящее время в нашей стране.

Я хотел подчеркнуть, что несмотря на большой потенциал нашей страны, достижение целевых показателей будет возможно только при грамотной денежно-кредитной политике, которая требует сильной корректировки.

Библиографический список

1. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Луо Хуа, Ву Цзе, Ву Зили, Сидоренко М.Ю. (2023): Долгосрочное демографическое прогнозирование // Вестник Российской академии наук. – 2023. – Т. 93. – № 1. – С. 21–35, – DOI: 10.31857/S0869587323010048.
2. Макаров В.Л., Нигматулин Р.И., Ильин Н.И., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сидоренко М.Ю. (2022): Цифровой двойник (искусственное общество) социально-экономической системы России – платформа для экспериментов в сфере управления демографическими процессами // Экономические стратегии. – 2022. – 2 (182). – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.6-19>.

References

1. Makarov V.L., Bahtizin A.R., Luo Hua, Vu Cze, Vu Zili, Sidorenko M.Ju. (2023): Dolgosrochnoe demograficheskoe prognozirovanie // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. – 2023. – T. 93. – № 1, –S. 21–35. – DOI: 10.31857/S0869587323010048.
2. Makarov V.L., Nigmatulin R.I., Il'in N.I., Bahtizin A.R., Sushko E.D., Sidorenko M.Ju. (2022): Cifrovoy dvojniki (iskusstvennoe obshhestvo) social'no-jekonomicheskoy sistemy Rossii – platforma dlja jeksperimentov v sfere upravlenija demograficheskimi processami // Jekonomicheskie strategii. – 2022. – 2 (182). – S. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.6-19>.

Контактная информация / Contact information

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
117418 Москва, Нахимовский проспект, 47
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences
47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia
Бахтизин Альберт Рауфович / Albert R. Bakhtizin
albert.bakhtizin@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-85-97

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ

NEW TRENDS IN GLOBAL ECONOMIC DEVELOPMENTS AND THEIR IMPACT ON RUSSIA

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич

Директор Института экономики Российской академии наук, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Mikhail Yu. GOLOVNIN

Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

На протяжении периода с 2010-х гг. в мировой экономике развиваются процессы фрагментации, характеризующиеся активным использованием протекционистских мер во внешней торговле. Проявлениями фрагментации стали замедление динамики глобальной торговли, сокращение международных потоков капитала относительно мирового ВВП, усиление волатильности на мировых товарных и финансовых рынках. Однако о статистическом подтверждении полномасштабного развития процесса фрагментации в мировой экономике говорить преждевременно. Следует также отметить наличие глобальной долговой проблемы, в настоящее время проявляющейся в увеличении издержек обслуживания долга, и проблемы валютной конкуренции как со стороны частных цифровых валют, так и конкуренции для доллара США со стороны китайского юаня как валюты альтернативного центра притяжения в мировой экономике. Российская экономика испытала в полной мере тенденцию к фрагментации через беспрецедентный санкционный режим, введенный в отношении нее в 2022 г., а также столкнулась с влиянием возросшего глобального инфляционного давления. Вместе с тем, последствия санкций в отношении России сказались на динамике мировых товарных рынков в силу действия эффекта «ловушки большой страны». Экономическая политика, проводимая в России, способствовала преодолению негативных последствий от санкционного шока в краткосрочном периоде. В настоящее время перед экономической политикой стоят задачи решения средне- и долгосрочных проблем, в первую очередь, обеспечения структурной перестройки российской экономики.

Abstract

Fragmentation processes are developing in the world economy since the 2010s. They are characterized by the active use of protectionist measures in foreign trade. Manifestations of fragmentation include a slowdown in global trade dynamics, a reduction in international capital flows relative to global GDP, and increased volatility in global commodity and financial markets. However, we can not find statistical confirmation for the full-scale development of the process of fragmentation in the world economy. It should also be noted that there are also the global debt problem, currently manifested in increasing debt servicing costs, and the problem of currency competition from both private digital currencies and competition for the US dollar from the Chinese yuan as a currency of an alternative center of the global economy. The Russian economy has experienced the full-fledged impact from the fragmentation trend through the unprecedented sanctions regime imposed on it in 2022, and has also faced the impact of increased global inflationary pressures. At the same time, the consequences of sanctions against Russia have also affected the dynamics of global commodities markets due to the «big economy trap» effect. The economic policy pursued in Russia contributed to overcoming the negative short-term consequences of the sanctions shock. Currently, economic policy is faced with the task of solving medium- and long-term problems, first of all, contributing the structural changes in the Russian economy.

Ключевые слова

Фрагментация мировой экономики, санкции, внешняя торговля, международное движение капитала, мировая валютная система, экономика России, бюджетно-налоговая политика, денежно-кредитная политика.

Keywords

Fragmentation of global economy, external trade, international capital flows, international monetary system, Russian economy, fiscal policy, monetary policy.

Последние более чем полтора десятилетия отмечены значительными изменениями, которые происходят в мировой экономике. В данной статье основной акцент будет сделан на те изменения, которые произошли в последние несколько лет (после 2022 г.), но они будут рассматриваться в контексте тех процессов, которые начали развиваться ранее.

Российская экономика испытывает на себе воздействие изменений, происходящих в мировой экономике. Наиболее значительным это воздействие на протяжении последних более чем двух лет было со стороны беспрецедентных санкций, введенных в отношении России странами «коллективного Запада» начиная с 2022 г.¹ Вместе с тем, санкции были лишь одной из составляющих процессов фрагментации, развивавшихся в мировой экономике.

Глобализация и фрагментация в мировой экономике

Среди изменений, произошедших в мировой экономике за последнее время, наиболее значимым, на наш взгляд, является распространение процессов

1 Санкции в отношении России вводились еще с 2014 г., однако масштаб санкций, введенных после 2022 г., существенно превышает масштаб предшествующих санкций.

фрагментации². Фрагментация обычно рассматривается в исследовательской литературе как процесс, противоположный экономической глобализации. Основными характеристиками экономической глобализации являются либерализация, интеграция и взаимозависимость [1, с. 135]. То есть движущей силой глобализации выступало снятие барьеров на пути трансграничного движения товаров, услуг и факторов производства. В результате происходили рост соответствующих потоков между странами и возрастание взаимозависимости между национальными экономиками. В качестве конечной цели глобализации обычно провозглашалось формирование единых рынков товаров, услуг, капитала и труда в масштабе мировой экономики. Однако постепенно, особенно после мирового экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг., стало ясно, что, помимо снятия барьеров, необходимо формирование единых регулирующих норм в мировой экономике. При этом возник вопрос, кто будет формировать эти нормы. В существующей системе глобального регулирования, особенно в финансовой сфере, главную роль играют ведущие развитые страны. К настоящему времени подобные нормы отчасти сформированы в рамках Всемирной торговой организации, кроме того, следует упомянуть нормы Базельского комитета по банковскому надзору, которые разрабатываются на международном уровне и имплементируются в национальных банковских системах. Однако этого недостаточно для эффективного решения проблем, возникающих в мировой экономике. На наш взгляд, неспособность создать справедливый механизм глобального регулирования (прежде всего, учитывающий интересы широкого круга стран) стала одним из катализаторов развития процессов фрагментации в мировой экономике.

Фрагментация, в противоположность глобализации, предполагает возникновение барьеров на пути трансграничного движения товаров, услуг и факторов производства. При этом ряд исследователей уточняют, что возникновение барьеров подразумевает тенденцию деглобализации, тогда как (геоэкономическая) фрагментация предполагает формирование экономических блоков, внутри которых экономические связи развиваются более динамично, чем связи с третьими странами (в отношении которых фактически и воздвигаются барьеры) [2, р. 8].

Как уже отмечалось выше, основа для развития процессов фрагментации во многом была заложена мировым экономическим и финансовым кризисом 2007–2009 гг. Однако явные формы эти процессы начали принимать после начала торговой войны США и Китая в 2018 г., запустившей тренд на усиление протекционизма в мировой экономике. В 2018–2019 гг. в рамках ВТО резко возросло количество ограничительных мер и объем затрагиваемого ими импорта [3, с. 64]. А.Н. Спартак выделяет несколько этапов того, что он называет новым мировым экономическим порядком, важной составляющей которого является фрагментация (которую он рассматривает в нескольких формах): 1) усиление Китая и развязывание против него торговой войны со стороны США, которая привела к фактическому демонтажу многосторонней торговой системы (2010-е гг.); 2) пандемия COVID-19 и ее последствия (2020 г. – начало 2022 г.); 3) введение беспрецедентных санкций в отношении России и распространение фраг-

2 В англоязычной литературе часто используется термин «геоэкономическая фрагментация», чтобы подчеркнуть ее обусловленность геополитическими соображениями.

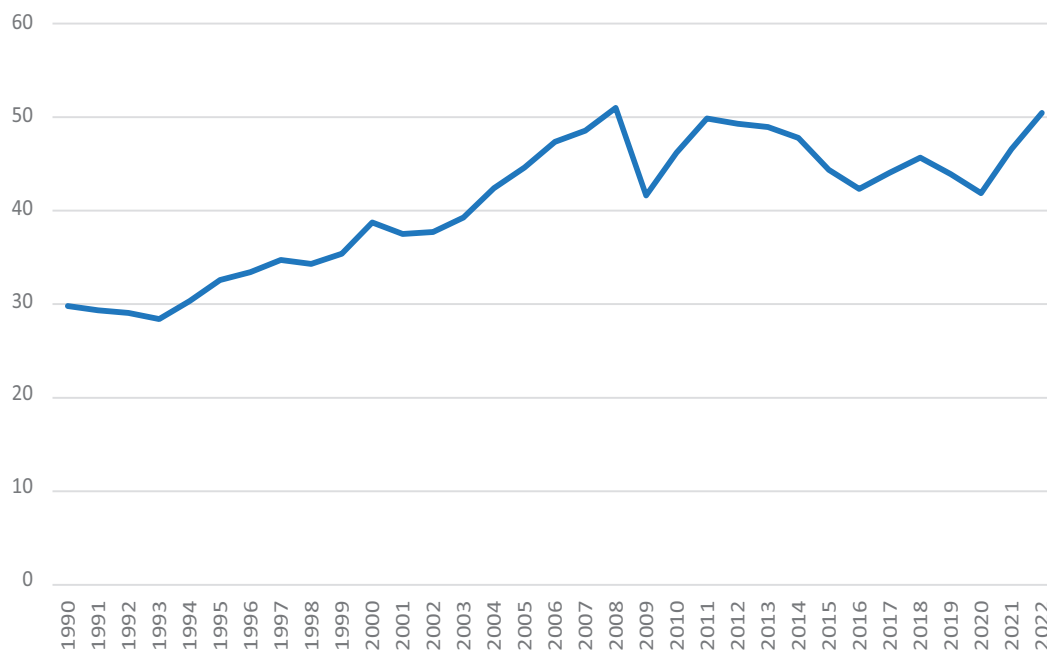
ментации на мировое транспортно-коммуникационное и платежно-расчетное пространство (с 2022 г.) [4].

Фрагментация стала возможной в силу появления в течение последних двух десятилетий новых экономических центров в мире — прежде всего, Китая, а также Индии. Доля Китая в мировом ВВП, измеренная по текущим валютным курсам, выросла с 2007 по 2023 гг. с 6 до 16,9%, а Индии — с 2 до 3,4%. Доля тех же стран в мировом ВВП, измеренном по паритету покупательной способности валют, выросла за аналогичный период у Китая с 11,2 до 18,7%, а у Индии — с 5 до 7,6%³.

Проявлениями фрагментации мировой экономики стали:

1. Прекращение опережающего роста внешней торговли товарами по сравнению с ВВП начиная с 2007–2009 гг., хотя последующая динамика отношения этих двух показателей не была однонаправленной (см. рис. 1). В 2023 г. объем мировой торговли товарами сократился на 1,2%, тогда как реальный ВВП в мировой экономике вырос на 3,2%. Сокращение мировой торговли товарами произошло главным образом в результате снижения спроса на импорт в странах Европы и Северной Америки [5, р. 3].

Рис. 1.
Внешнеторговый оборот по торговле товарами (в % от ВВП)

Источник:
World Bank Database
(<https://data.worldbank.org/indicator/TG.VAL.TOTL.GD.ZS>)

2. Трансграничные потоки капитала в мировой экономике начали снижаться после глобального экономического и финансового кризиса 2007–2009 гг. При этом среднегодовые трансграничные потоки капитала в % от ВВП в ведущих центрах международного движения капитала (за исключением Японии) в период 2018–2023 гг. были ниже, чем в период 2011–2017 гг., тем самым косвенно подтверждается гипотеза о развитии процессов фрагментации после 2018 г. (см. табл. 1).

³ Рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2024 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April>).

Таблица 1. Среднегодовое значение отношения совокупных валовых трансграничных потоков капитала к ВВП (в %)

	2000–2007	2011–2017	2018–2023
США	17,5	11,2	9,7
зона евро	28,5	19,8	13,2
Великобритания	88,3	33,6	33,1
Япония	9,7	13,4	16,2
Китай	10,1	8,0	5,7

Источник: расчеты на основе данных Международного валютного фонда (<https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742>)

3. В 2021 г. началось постепенное повышение темпов инфляции в мировой экономике, которые достигли пика в 2022 г. (на уровне 8,7%, при том, что глобальный среднегодовой темп инфляции в 2000–2022 гг. составлял 3,5%⁴). В 2023 г. темп инфляции в мировой экономике несколько снизился (до 6,8%, по предварительной оценке), а в 2024 г. также будет оставаться на повышенном уровне (5,9%, по прогнозу МВФ) [6, р. 10]. Относительно длительное сохранение глобальной инфляции на повышенном уровне также может быть отнесено к воздействию фрагментации, поскольку во многих работах отмечалось понижающее давление глобализации на инфляцию⁵, которое явно ослабло в последние годы.

4. Возросла волатильность цен на мировых товарных и финансовых рынках, однако этот процесс не носил однонаправленного характера в последние годы. Волатильность на мировом фондовом рынке (измеренная по индексу VIX) резко возросла в 2020 г. во время глобального экономического кризиса, вызванного распространением пандемии COVID-19, а также в 2022 г. В 2023 г. и первой половине 2024 г. значения волатильности постепенно снижались. Схожие тенденции имели место на рынках основных сырьевых товаров, прежде всего энергоносителей.

5. В 2021–2023 гг. произошло возобновление проблемы глобальных дисбалансов, выражающееся в увеличении положительных и отрицательных сальдо текущего счета платежного баланса в отдельных странах и регионах мировой экономики. За усилением этой проблемы могут стоять как упомянутая выше возросшая ценовая волатильность на мировых товарных рынках, так и колебания международных потоков капитала.

6. Замораживание валютных активов России за рубежом, включая официальные валютные активы, привело к резкому снижению спроса на международные резервы в первой половине 2022 г., хотя затем возобновилась их позитивная

⁴ Рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2024 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April>).

⁵ См., например, [7] и [8].

динамика. Тем не менее, на конец 2023 г. общий объем глобальных международных резервов был на 4,6% меньше, чем на конец 2021 г.⁶

Долговая проблема и валютная конкуренция

Еще одной важной проблемой для развития мировой финансовой системы и мировой экономики в целом остается *проблема глобального долга*. Она имеет место уже достаточно длительное время, но ее углубление началось в 2010-е гг. Особенно резко величина глобального долга увеличилась в 2020 г. И хотя впоследствии относительная величина глобального долгового бремени (по сравнению с мировым ВВП) снижалась, она все равно продолжала оставаться на высоком уровне. Так, по итогам 2022 г., совокупная величина долга в мировой экономике (без учета взаимного долга в финансовом секторе) составляла 238% от мирового ВВП, снизившись на 20 процентных пунктов по сравнению с показателем 2020 г. В то же время уровень докризисного 2019 г. (229% мирового ВВП) по-прежнему был превышен [9, р. 7]. При этом в 2022 г. возросли издержки обслуживания долга в результате повышения процентных ставок для борьбы с уже упомянутым всплеском инфляции. В ведущих развитых странах доходность по десятилетним государственным облигациям в 2022-2023 гг. была выше на 1–2 процентных пункта показателей перед глобальным экономическим кризисом 2020 г. При этом сохранение номинальных высоких процентных ставок в 2023 г. при постепенно снижающемся темпе инфляции означало увеличение реальных ставок процента, что дополнительно увеличивало издержки обслуживания долгового бремени. По оценкам Института международных финансов, учитывающего в том числе взаимный долг финансового сектора, величина глобального долга достигла на конец 2023 г. рекордной отметки в 313 трлн долл., хотя в относительном выражении к мировому ВВП она и снизилась на 2 процентных пункта до 330%⁷. При этом основной риск с точки зрения высокой долговой нагрузки связан с ведущими развитыми странами (Япония, США, Италия и др.) и крупнейшими странами с формирующимися рынками (прежде всего, с Китаем). Вместе с тем, процессы фрагментации будут явно усложнять решение глобальной долговой проблемы, увеличивая издержки обслуживания долга и затрудняя согласованную разработку повестки дня по преодолению этой проблемы.

В мировой валютной системе начали развиваться процессы *валютной конкуренции*. Хотя явно преждевременно говорить об утрате долларом США его лидирующих позиций в этой системе, определенные изменения уже наметились.

Во-первых, они связаны с появлением так называемых частных цифровых валют (криптовалют и стейблкойнов). Эти финансовые инструменты отчасти выполняют функции денег и, что важно, изначально были настроены на возможность осуществления сделок вне зависимости от юрисдикции, к которой относится экономический агент (за исключением стейблкойнов), тем самым они частично выполняют и функцию мировых денег. Совокупная капитализация рынка частных цифровых валют существенно колебалась, однако уже в нескольких случаях имело место резкое повышение этого показателя (речь идет о конце

6 Рассчитано на основе данных Международного валютного фонда (<https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175>).

7 Do Rosario J. Global debt hits new record high at \$313 trillion -IIF // Reuters. 2024. February 21-st. — URL: <https://www.reuters.com/business/global-debt-hits-new-record-high-313-trillion-iif-2024-02-21/>.

2017 г., периоде с осени 2020 г. по осень 2021 г. с некоторым перерывом и осени 2023 г. — весны 2024 г.). Хотя в июне-июле 2024 г. имело место некоторое снижение капитализации рынка частных цифровых валют, на 13 июля 2024 г. значение этого показателя составляло около 2,17 трлн долл.⁸ Для сопоставления: объем денежной массы M2 в США в мае 2024 г. был равен около 21 трлн долл.⁹, а объем глобальной ликвидности в долларах США (кредитование небанковских заемщиков за пределами США) на конец 2023 г. — 12,9 трлн долл.¹⁰ Таким образом, мы видим, что частные цифровые валюты (среди которых пока доминируют по уровню капитализации криптовалюты¹¹), уже играют значимую роль в мировой валютной системе.

Во-вторых, усиление конкуренции между традиционными мировыми валютами. На первый взгляд, доллар США по основным показателям сохраняет лидирующие позиции в мировой валютной системе. По данным обзора Банка международных расчетов, доля доллара США в общем объеме торгов на мировом валютном рынке составляла в 2022 г. 88,5%¹², причем эта доля устойчиво росла с 2010 г.¹³ Вместе с тем следует отметить существенное снижение роли доллара США как валюты номинирования международных резервов. Его доля в структуре международных резервов, валюту номинирования которых можно определить, снизилась с 71% на конец 1999 г. до 58,4% на конец 2023 г.¹⁴ Доля доллара США как валюты номинирования международных долговых облигаций (в соответствии с узким подходом к измерению) остается на достаточно высоком уровне — 64,1% на конец 2023 г., хотя она и снизилась на 2 процентных пункта по сравнению с максимальным значением, которое было достигнуто на конец 2021 г. На конец 2023 г. в долларах было номинировано 52,7% международных кредитов и 56,6% международных депозитов [10]. Доллар остается основной валютой международных платежей (доля расчетов в нем в системе SWIFT составляла 46,5–48% в 2023–2024 гг.), хотя здесь его позиции относительно слабее, чем по другим показателям.

Конкурирующие с долларом валюты не демонстрируют пока устойчивого усиления своих позиций по различным направлениям их использования в мировой валютной системе. Так, доли евро и японской иены на мировом валютном рынке по состоянию на 2022 г. по сравнению с 2010 г. снизились, а доля британского фунта стерлингов осталась примерно на том же уровне. Следует отметить значительное усиление позиций китайского юаня, доля которого выросла с 0,9% в 2010 г. до 7% в 2022 г.¹⁵ Китайский юань занял свою нишу как валюта номинирования международных резервов, однако его доля в этом качестве

8 <https://coinmarketcap.com/charts/>.

9 <https://fred.stlouisfed.org/series/M2SL>.

10 https://data.bis.org/topics/GLI/tables-and-dashboards/BIS,GLI_E2_1,1.0.

11 На стейблкоины в общем объеме капитализации рынка частных цифровых валют в начале июля 2024 г. приходилось около 150 млрд долл.

12 Необходимо иметь в виду, что показатель рассчитывается от общей суммы в 200%, так как в каждой валютной сделке участвуют две валюты.

13 <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm>.

14 Рассчитано на основе данных из *Currency Composition of Official Exchange Reserves* (<https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4>).

15 <https://www.bis.org/statistics/rpfx22.htm>.

несколько снизилась за последние два года: с 2,8% на конец 2021 г. до 2,3% на конец 2023 г.¹⁶ В то же время юань несколько усилил свои позиции как валюта международных платежей, выйдя в 2023 г. на четвертое место в системе SWIFT и обойдя японскую иену. Таким образом, хотя явных значительных изменений в мировой валютной системе в связи с процессами фрагментации не произошло, они могут начать накапливаться в перспективе. Важную роль здесь может сыграть процесс введения цифровых валют центральных банков и роль Китая как одного из лидеров в этом процессе.

Влияние на Россию новых тенденций в развитии мировой экономики

Наиболее существенное воздействие среди внешних факторов в последние годы на российскую экономику оказало *введение беспрецедентных санкций* со стороны стран коллективного Запада начиная с 2022 г.¹⁷ В первую очередь санкции повлияли на внешнеэкономические связи страны.

Так, в 2022 г., несмотря на санкции, наблюдался рекордный профицит внешней торговли: по статистике платежного баланса, сальдо внешней торговли товарами и услугами составило 293,5 млрд долл.¹⁸ Одним из основных объяснений значительного увеличения объемов российского экспорта в 2022 г. может служить эффект «ловушки большой страны»¹⁹. Однако уже в 2023 г. произошло существенное сокращение объемов экспорта (в том числе в силу снижения мировых цен на энергоносители) и имел место небольшой рост объемов импорта, что привело к значительному снижению положительного сальдо внешней торговли товарами и услугами (до 86,3 млрд долл.). Представляется важным также отметить, что за последние шесть лет наблюдается общий тренд на снижение уровня внешнеторговой открытости российской экономики, усиленный санкциями в 2022 г. (см. рис. 2). Отношение внешнеторгового оборота к ВВП снизилось с 52,3% в 2018 г. до 42,3% в 2023 г.

Несмотря на рост стоимостных объемов экспорта в 2022 г., внешняя торговля с начала санкционного давления начала давать отрицательный вклад в рост реального ВВП России. Хотя динамика чистого экспорта в реальном выражении не публикуется Росстатом, исходя из динамики остальных составляющих реального ВВП, несложно сделать этот вывод.

Если показатель финансовой открытости российской экономики в 2022 г. вырос за счет масштабного оттока капитала из страны²⁰, то уже в 2023 г. произошло вполне ожидаемое значительное сокращение этого показателя: валовые совокупные трансграничные потоки капитала упали до 4,5% ВВП (уровня, примерно соответствующего 2020 г. и одного из минимальных значений с 2002 г.). При этом по всем основным направлениям движения частного капитала (за исключением пассивов прочих инвестиций) имел место отток средств из страны. Тем самым наблюдается ожидаемый от столь масштабных санкций в среднесрочной перспективе эффект «остановки потоков капитала».

¹⁶ Рассчитано на основе данных из *Currency Composition of Official Exchange Reserves* (<https://data.imf.org/?sk=e6a5f467-c14b-4aa8-9f6d-5a09ec4e62a4>).

¹⁷ Подробную характеристику санкционного режима можно найти в работе [11, с. 7–18].

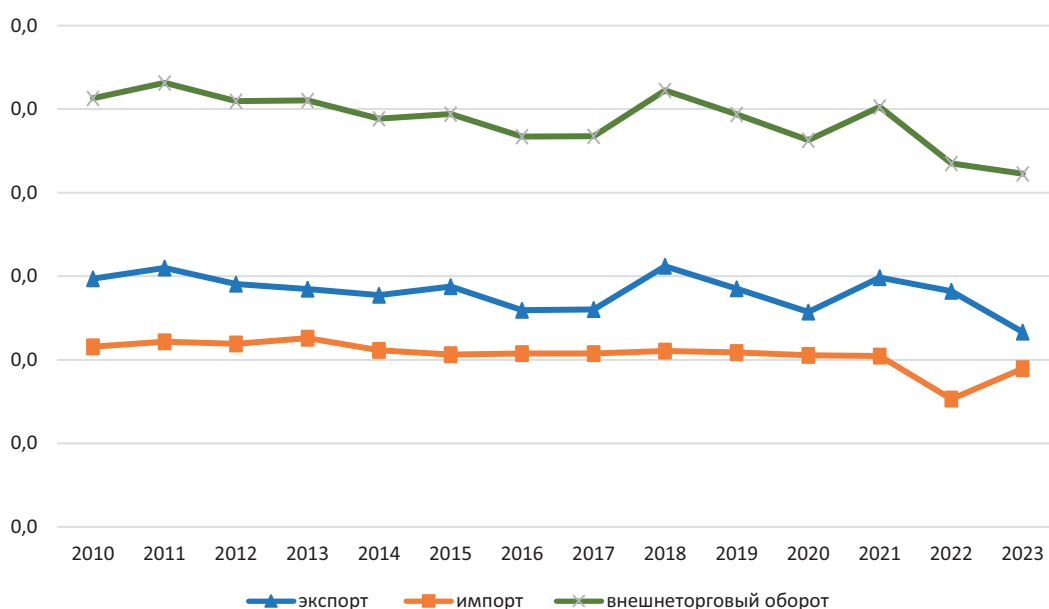
¹⁸ http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/.

¹⁹ См. [12, с. 221–222].

²⁰ См. [13, с. 132–133].

Рис. 2. Основные показатели внешней торговли товарами и услугами России (в % от ВВП)

Источник: рассчитано на основе данных платежного баланса (http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/) и данных по ВВП России в долларах США (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April>)

Санкционное давление отразилось также на динамике валютного курса рубля. Первоначальный шок, связанный с введением санкций, вызвал резкое падение курса рубля, однако по мере дальнейшего увеличения положительного сальдо внешней торговли произошло столь же резкое укрепление рубля в 2022 г. (см. рис. 3). Ухудшение внешнеторговой конъюнктуры наряду с продолжающимся оттоком капитала из страны привели к обесценению рубля в 2023 г., которое удалось несколько сдержать осенью с помощью регулирующих мер.

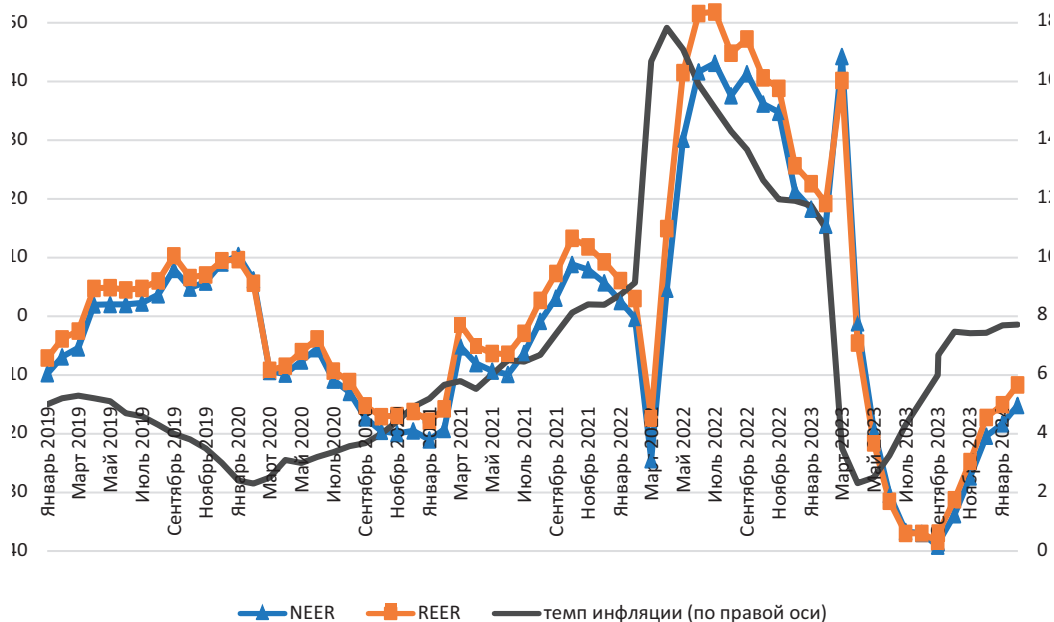
Постепенное ускорение *инфляции* в России началось еще в 2020–2021 гг. как под влиянием повышения общего глобального инфляционного давления, так и в силу снижения валютного курса рубля (см. рис. 3). Введение санкций весной 2022 г. привело к резкому всплеску инфляции под действием нескольких факторов (ограничений на стороне предложения, падения валютного курса, увеличения степени неопределенности и др.). Укрепление валютного курса наряду с резким повышением процентной ставки Центральным банком России (при последующем ее плавном снижении) позволили снизить темп инфляции с апреля 2022 г. по апрель 2023 г. Повторное увеличение темпа инфляции с лета 2023 г. происходило вслед за снижением валютного курса рубля (см. рис. 3) на фоне повышенных инфляционных ожиданий.

Несмотря на негативное воздействие внешних факторов (прежде всего, связанных с санкциями) на отдельные показатели функционирования российской экономики в целом экономика выдержала санкционное давление и в 2023–2024 гг. вышла на траекторию роста. Важную роль здесь сыграла экономическая политика, проводившаяся в ответ на внешние потрясения:

1. В первую очередь необходимо отметить *стимулирующую бюджетно-налоговую политику*. По оценкам Минфина России, совокупный фискальный импульс в 2022–2023 гг. составил около 10% ВВП²¹. В 2022 г. его реализации способствовали резко возросшие нефтегазовые доходы (в результате

²¹ <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2023/651584d09a794773637eb751?ysclid=lyli4545dw813820289>.

Рис. 3. Темпы роста номинального и реального эффективного валютного курса рубля и темпы инфляции в 2019–2024 гг. (в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Источник: Расчеты динамики эффективных валютных курсов на основе данных из базы Банка международных расчетов (<https://data.bis.org/topics/EER/data>)

Примечания:

NEER – номинальный эффективный валютный курс;

REER – реальный эффективный валютный курс.

роста цен на экспортируемые Россией энергоносители). В 2023 г. в условиях снижения мировых цен на нефть и действия «ценового потолка» ситуация с нефтегазовыми доходами осложнилась, хотя в условиях экономического роста улучшилась собираемость нефтегазовых доходов. При этом потребности в государственных расходах в среднесрочном периоде остаются на высоком уровне, что обусловлено продолжением специальной военной операции на Украине, а также заявленными в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 г. и плановый период 2025 и 2026 гг.» приоритетами: 1) социальная поддержка нуждающихся граждан; 2) укрепление обороноспособности страны; 3) интеграция новых регионов; 4) технологическое развитие и поддержка инфраструктуры [14]. В условиях растущих расходов бюджета происходило постепенное увеличение долговой нагрузки. Объем внутреннего государственного долга вырос с 16,5 трлн руб. на начало 2022 г. до 21,4 трлн руб. на середину 2024 г.²² При этом объем внешнего долга (как государственного, так и прочих секторов российской экономики) устойчиво снижался с 488,4 млрд долл. на начало 2022 г. до 302,7 млрд долл. на конец первого квартала 2024 г.²³ В целом уровень государственного долга в России остается невысоким по международным стандартам. Так, в 2023 г. он оценивался в размере

²² https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/structure?id_4=93479-tablitsy_ezhemesyachnykh_znachenii_obema_gosudarstvennogo_vnutrennego_dolga_rossiiskoi_federatsii.

²³ https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/p_balance/.

около 15% от ВВП²⁴. Однако следует отметить существенно возросшие после 2022 г. издержки обслуживания государственного долга (в связи с увеличением процентных ставок, волатильности валютного курса и общей неопределенности в экономике). Тем не менее, в современных условиях проведение активной бюджетно-налоговой политики необходимо для решения стоящих перед экономикой задач (прежде всего, ее структурной перестройки).

2. *Денежно-кредитная политика* России формально нацелена на достижение в среднесрочной перспективе темпа инфляции в 4%. Ее роль в преодолении воздействия внешних шоков не была однозначной. На начальном этапе беспрецедентного санкционного давления перед денежно-кредитной политикой стояла задача, с одной стороны, не допустить чрезмерного раскручивания инфляционной спирали, а с другой – сохранить банковский сектор, который в наибольшей степени был затронут санкциями. Обе задачи были решены с помощью временного повышения процентной ставки Центральным банком и введения регуляторных послаблений для коммерческих банков и специальных программ банковского кредитования²⁵ (здесь бюджетно-налоговая политика дополняла денежно-кредитную через использование механизма субсидирования процентных ставок). Поддержку денежно-кредитной политике с позиций воздействия на валютный курс оказали валютные ограничения, введенные в 2022 г. фактически в качестве контрсанкционных мер. Гораздо больше вопросов вызвало повышение процентной ставки для борьбы со второй волной инфляции: с июля по декабрь 2023 г. ключевая ставка была повышена с 7,5 до 16%. В результате по состоянию на июнь 2024 г. реальное значение ключевой ставки составляло 7,4%. Возникает обоснованное опасение сдерживающего воздействия чрезмерно высокой процентной ставки на экономическое развитие в целом и структурную перестройку экономики в частности в условиях постепенного сворачивания льготных послаблений для банков и специальных программ кредитования (например, льготной ипотеки).

Таким образом, в современных условиях можно констатировать, что в краткосрочном периоде экономическая политика в России способствовала преодолению негативных внешних шоков. Однако теперь она сталкивается со средне- и долгосрочными вызовами, в первую очередь направленными на обеспечение структурной перестройки экономики, играющей особенно важную роль при возможном усилении процессов фрагментации в мировой экономике.

Библиографический список

1. Колодко Гж.В. *Мир в движении*. – М.: Магистр, 2009.
2. Noring A. *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism* // *BoF Economics Review*. – 2024. – No. 2.
3. Оболенский В.П. *Турбулентность в международной торговле: реакция России* // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2020. – № 3.
4. Спартак А.Н. *Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России* // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2022. – № 7.

²⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/6620175>.

²⁵ См. [15, с. 14–16].

5. *Global Trade Outlook and Statistics*. April 2024. WTO, 2024.
6. *World Economic Outlook*. April 2024. Washington DC: International Monetary Fund, 2024.
7. Kohn D. L. *Globalization, Inflation and Monetary Policy // Remarks at the James R. Wilson Lecture Series*. The College of Wooster. Wooster, Ohio. 2005. October 11.
8. Rybinski K. *Globalization and Its Implications for Monetary Policy // BIS Review*. – 2006. – No. 32.
9. *Global Debt Monitor*. 2023. Washington DC: International Monetary Fund, 2023.
10. *The international role of the euro*. June 2024. European central Bank, 2024. *Statistical annex*. – URL: https://www.ecb.europa.eu/press/other-publications/ire/annex/pdf/ecb.ire202406_annex.en.pdf.
11. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию. Под ред. М.Ю. Головнина, Е.Б. Ленчук. – М.: Институт экономики Российской академии наук, 2023.
12. Ушкалова Д.И. *Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2022. – № 3(55).
13. Головнин М.Ю. *Российский финансовый сектор в меняющейся мировой финансовой системе // Научные труды ВЭО России*. – 2023. Том – 241.
14. *Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 г. и плановый период 2025 и 2026 гг.* – М.: Министерство финансов Российской Федерации, 2023. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiТTP__2024-2026.pdf?ysclid=lylj1igz1m134861642.
15. Головнин М.Ю. *Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2023. – № 1.

References

1. Kolodko G.W. *World in Motion*. Moscow: Magistr, 2009 (in Russian).
2. Noring A. *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism // BoF Economics Review*. – 2024. – No. 2.
3. Obolenskiy V.P. *Turbulence in International Trade: Russia's reaction // Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiskoi Akademii Nauk*. – 2020. – No. 3. (in Russian).
4. Spartak A.N. *Transition to the New World Economic Order: Essential Stages, Basic Features, Challenges and Policies for Russia // Russian foreign Economic Journal*. – 2022. – No. 7. (in Russian).
5. *Global Trade Outlook and Statistics*. April 2024. WTO, 2024.
6. *World Economic Outlook*. April 2024. Washington DC: International Monetary Fund, 2024.
7. Kohn D. L. *Globalization, Inflation and Monetary Policy // Remarks at the James R. Wilson Lecture Series*. The College of Wooster. Wooster, Ohio. – 2005. October 11.
8. Rybinski K. *Globalization and Its Implications for Monetary Policy // BIS Review*. – 2006. – No. 32.
9. *Global Debt Monitor*. – 2023. Washington DC: International Monetary Fund, – 2023.
10. *The international role of the euro*. June 2024. European central Bank, 2024. *Statistical annex*. – URL: https://www.ecb.europa.eu/press/other-publications/ire/annex/pdf/ecb.ire202406_annex.en.pdf.
11. *The Russian economy in the face of new challenges: from adaptation to development: Report / Ed. by M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk*. – М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023 (in Russian).
12. Ushkalova D.I. *Russia's foreign trade under sanctions pressure // Journal of the New Economic Association*. – 2022. – No. 3 (55) (in Russian).
13. Golovnin M.Yu. *Russian Financial Sector in Changing International Financial System // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. – 2023. –Vol. 241. (in Russian).

14. *Fiscal, Tax and Customs Tariff Policy Guidelines for 2024 and planned period 2025–2026*. Moscow: Ministry of Finance of Russian Federation, 2023. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP__2024-2026.pdf?ysclid=lylj1igz1m134861642. (in Russian).
15. Golovnin M. Yu. *Monetary Policy in Russia: Reaction to New External Challenges* // *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiskoi Akademii Nauk*. – 2023. – No. 1 (in Russian).

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики Российской академии наук»

117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Institute of Economics of the Russian academy of Sciences, 32, Nakhimovskiy pr., Moscow, 117218, Russia.

Головнин Михаил Юрьевич / Mikhail Yu. Golovnin

mgecon@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-98-113

ТРЕВОЖНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ И ЭКОНОМИКА РОССИИ¹

AN ALARMING ENVIRONMENTAL FUTURE AND THE RUSSIAN ECONOMY

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН Виктор Иванович

Научный руководитель Института водных проблем Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Viktor I. DANILOV-DANILYAN

Scientific director of the Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, professor

Аннотация

Кратко рассмотрены ключевые вопросы становления и развития природоохранной системы в СССР – РФ (1988–2022 гг.), обосновано, что официальные данные недостаточны для анализа состояния окружающей среды в России. На основе данных о качестве воздуха в городах и загрязнении водных объектов экологическая ситуация в России квалифицирована как неблагоприятная, показано отсутствие существенных положительных изменений. Рассмотрены недостатки в разработке федеральных проектов по окружающей среде и иные причины экологического неблагоприятия. Даны предложения по выходу из экологической депрессии.

Abstract

The key issues of the formation and development of the environmental system in the USSR – Russian Federation (1988–2022) are briefly reviewed, and it is substantiated that official data are insufficient for analyzing the state of the environment in Russia. Based on data on air quality in cities and pollution of water bodies, the environmental situation in Russia is classified as unfavorable, and the absence of significant positive changes is shown. Disadvantages in the development of federal environmental projects and other causes of environmental problems are considered. Suggestions for exiting the environmental depression are given.

Ключевые слова

Охрана природы, экология, окружающая среда, загрязнение, мониторинг, качество атмосферного воздуха, качество воды, федеральные экологические проекты.

1 Работа выполнена в рамках государственного задания Института водных проблем РАН (тема № FMWZ-2022-0002).

Keywords

Nature conservation, ecology, environment, pollution, monitoring, air quality, water quality, federal environmental projects.

Введение. Немного истории

К осознанию того, что разрушение человеком среды своего обитания – биосферы может оказаться угрозой существованию цивилизации, мировое сообщество пришло в начале 1970-х гг. После первой Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 г.) очень многие государства стали создавать в структурах исполнительной власти специальные органы, задачами которых объявлялись формирование природоохранной политики, обеспечение экологической безопасности. В СССР подобные события произошли на полтора десятка лет позже: 7 января 1988 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране», которым, в частности, учреждался Государственный комитет СССР по охране природы. Конечно, и ранее (начиная, по крайней мере, с Петра Первого) принимались различные нормативно-правовые акты, касавшиеся тех или иных аспектов охраны окружающей среды, но это не имело системного характера, не было не только экологической политики, но даже и ясного представления о том, что она должна быть.

С 1988 г. развитие природоохранной системы в России происходило по восходящей: были созданы территориальные органы, находившиеся в подчинении Госкомитету (в 1991 г. преобразован в министерство), располагавшие специализированными инспекциями экологического контроля и анализа, система платности за негативное воздействие на окружающую среду, система экологических фондов, механизм федеральных экологических программ (даже при том, что денег на них почти не было), профессионально и при этом жестко работала экологическая экспертиза, открывались новые заповедники, национальные парки и другие особо охраняемые природные территории (ООПТ), расширялось экологическое законодательство. Укрепление системы несколько замедлилось в 1996 г., когда статус ведомства был понижен: вместо министерства экологией вновь стал заниматься госкомитет, но развитие продолжалось (подробнее см. [1]).

В 1990-е гг. экономический кризис обусловил снижение негативного воздействия хозяйства на окружающую среду, но это сокращение было совсем не таким глубоким, как спад производства. В трудные времена предприятия экономят на всем, но прежде всего – на природоохранных затратах: очистные сооружения не ремонтируются, не обеспечиваются необходимыми расходными материалами, а то и вовсе отключаются, сокращается численность обслуживающего персонала и т.п. Конечно, крепнувшая вопреки всему природоохранная система таких событий старалась не допускать (по оценкам, 15% снижения нагрузки на природу – результат ее работы, 85% – следствие спада производства).

В самом конце 1990-х гг., когда цена на нефть подскочила на мировом рынке, а экономика страны начала подниматься после дефолта августа 1998 г., у ряда топ-менеджеров крупных бизнес-структур появилась уверенность в том, что долгожданные инвестиции с Запада теперь, наконец, бурным потоком хлынут в российскую экономику. Но, как представлялось таким деятелям, необходимо устранить все препятствия на пути этого потока, а среди них к самым серьезным относились экологические ограничения – контроль и экспертиза. Давление

лоббировавших эту идею было достаточным для того чтобы добиться такой цели. Но как можно отменить экологический контроль и экологическую экспертизу? Не отменять же Федеральный закон «Об охране окружающей природной среды» или хотя бы все его статьи, касающиеся контроля и экспертизы – это было бы слишком скандально, да и проблематично (изменения в федеральном законодательстве – функция Федерального Собрания РФ). Было найдено и 17 мая 2000 г. реализовано другое решение: упразднение Госкомэкологии. Конечно, совсем без природоохранного ведомства современному государству существовать как-то неудобно, поэтому в 2004 г. в ходе административной реформы была образована Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), а 2008 г. в название Министерства природных ресурсов Российской Федерации добавлено «и экологии».

За период с мая 2000 г. по июнь 2004 г. сформированная с 1988 г. по апрель 2000 г. система охраны природы в России была в значительной мере разрушена: в субъектах федерации не осталось никаких подведомственных федеральному природоохранному органу организаций или подразделений (как и самого федерального органа), экологическая экспертиза была сведена почти на нет (отрицательные вердикты выносились не более чем по 4% представленных документов, в 1999 г. – 34%), экологический контроль остался только на бумаге (за исключением не более 10 субъектов федерации, где вошедшие в структуры субъектовых администраций остатки бывших комитетов по охране природы имели возможность хотя бы иногда проявлять инициативу), экологические фонды ликвидированы, взимание платежей за негативное воздействие на окружающую среду практически утратило регулирующую функцию, превратившись в чисто фискальный малозначимый сбор и т.д. [1]. Без потерь, к счастью, уцелела лишь система ООПТ.

За последние 20 лет, когда государство возобновило практику централизованного управления охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, конечно, удалось добиться определенных сдвигов в этих направлениях. Однако о состоянии окружающей среды и экологической безопасности надо судить по характеризующим их показателям, а не по тому, какие ведомства этими проблемами занимаются, сколько они собрали денег, реализуя принцип «загрязнитель платит», и много ли проектов отклонила экологическая экспертиза. Как же обстоит дело с такими показателями?

Достаточно ли наблюдений за качеством окружающей среды

Главным источником информации о состоянии окружающей среды в России служит Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет). Все первичные данные получают наблюдательной сетью Росгидромета (контактные наблюдения) и дистанционным зондированием (со спутников, самолетов, вертолетов и БПЛА). По количеству гидрометеостанций и постов наблюдательная сеть Росгидромета все еще не достигла уровня конца 1980-х гг. При этом наблюдательная сеть в целом и ее подведомственная Росгидромету часть продолжают сокращаться – см. рис. 1.

Но дело не только в количестве станций и постов: там, где когда-то брали пробы (воды, воздуха) каждый день или хотя бы раз в неделю, теперь берут их раз в месяц, а то и раз в сезон. Спутников, выполняющих экологические наблюдения, у нас на порядок меньше, чем у недружественных стран. Самолеты и вертолеты нынче

Рис. 1. Количество станций мониторинга загрязнений атмосферного воздуха в городах, в том числе в сети Росгидромета, 2013–2022 гг., единиц

дороги, а за БПЛА, конечно, будущее, но для природоохранного мониторинга оно пока не наступило. Как бы у экологов ни была велика потребность в качественной и богатой информации, о Росгидромете приходится говорить: не стреляйте в пианиста, он играет, как может.

Загрязнение атмосферного воздуха² беспокоит, прежде всего, городских жителей. Разные источники указывают заметно различающиеся данные о количестве городов в России, их распределению по численности населения. Воспользуемся самым подробным из них [3], где приведены данные с учетом Республики Крым и Севастополя, но без ДНР и ЛНР. В 2022 г. всего городов в стране было 1117, и 318 из них имели население более 50 тыс. человек. На рисунке 2 представлены данные об изменении количества городов, где производится мониторинг атмосферного воздуха, за период 2013–2022 гг. Из этих данных следует, что в 2022 г. лишь в 249 городах выполнялись такие наблюдения, то есть не более чем в 22%.

Рис. 2. Количество городов, где расположены станции мониторинга загрязнений атмосферного воздуха, в том числе сети Росгидромета, 2013–2022 гг., единиц

Что же показывают наблюдения в наших городах? Исходными показателями для оценки качества воздуха служат концентрации загрязняющих веществ (ЗВ). Для большинства мониторируемых ЗВ установлены нормативы – предельно допустимые концентрации (ПДК), соответствующие либо максимально допустимому (то есть не приносящему ущерба здоровью человека, не вызывающему снижения его трудоспособности и т.п.) краткосрочному (до 30 минут) воздействию ЗВ на организм при вдыхании, либо максимальному, не приводящему к неприемлемым последствиям при постоянном вдыхании в течение многих лет. Мониторируется несколько десятков ЗВ, только основных выделено 11, поэтому для оценки качества воздуха необходимы обобщающие показатели, при их расчете используются концентрации ЗВ, измеренные в единицах ПДК (то есть значение концентрации делится на величину соответствующей ПДК). Нам понадобятся два обобщающих показателя.

Индекс загрязнения атмосферы (ИЗА) – сводный показатель, взвешенная сумма средних за год концентраций наблюдаемых ЗВ в единицах ПДК с весовыми коэффициентами, характеризующими токсичность ЗВ. ИЗА отражает обычную,

2 Кроме атмосферного, в экологии изучают воздух жилых и производственных помещений, но в данной статье речь идет только об атмосферном воздухе.

типичную для данного места ситуацию с загрязнением воздуха. Принято, что $ИЗА < 5$ – низкое загрязнение, $5 \leq ИЗА < 8$ – повышенное, $8 \leq ИЗА < 13$ – высокое, $ИЗА > 13$ – экстремальное.

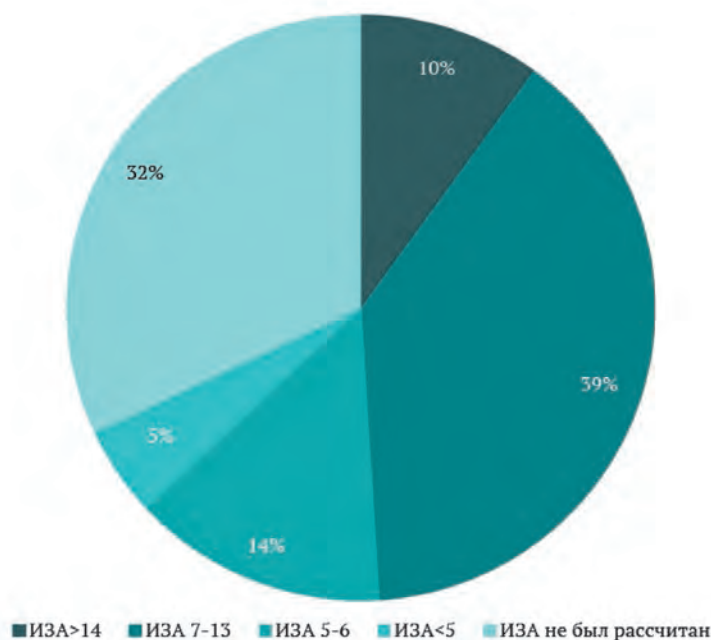
Стандартный индекс (СИ) – максимальная из всех наблюдаемых разовых концентраций одного ЗВ (СИ частный) или всех мониторируемых ЗВ (СИ общий, или просто СИ) в единицах ПДК, обычно за год. СИ отражает наиболее опасную из всех наблюдаемых ситуаций с загрязнением воздуха, обычно его значение соответствует либо аварийному выбросу, либо самым неблагоприятным метеорологическим условиям, способствующим накоплению ЗВ в атмосферном воздухе данного места. $СИ < 1$ означает, что за год ни по одному из мониторируемых ЗВ не было зарегистрировано достижение его концентрацией величины норматива ПДК. $СИ > 10$ означает, что в данном месте за год по крайней мере один раз хотя бы по одному из мониторируемых ЗВ было зарегистрировано более чем 10-кратное превышение ПДК.

Каким воздухом дышат горожане?

Ответ на этот болезненный вопрос надо начинать с анализа значений показателей – характеристик атмосферного воздуха в городах. Диаграмма на рисунке 3 показывает, как распределяется городское население России по группам в зависимости от того, каким интервалом значений ИЗА характеризуется город проживания.

Рис. 3. Численность населения в городах, ранжированных по значению ИЗА, %

Источник: Данные Росгидромета [2, с. 20]

Имеются ли в России города, где превышение ПДК по какому-либо ЗВ наблюдаются практически постоянно? Города, где случаются экстраординарные загрязнения, так что СИ поднимается выше 10? Ответ на эти вопросы дает рисунок 4.

Даже однократное превышение ПДК по одному ЗВ в атмосфере населенного пункта, вообще говоря, недопустимо. Согласно рисунку 3, в России в 2022 г. жители 205 городов обитали в условиях практически постоянного превышения

Рис. 4.

Количество городов, где
1) средние за год концентрации одного или нескольких ЗВ превысили 1 ПДК,
2) СИ>10,
2016–2022 гг.,
единиц

Источник:

Данные Росгидромета [2, с. 18]

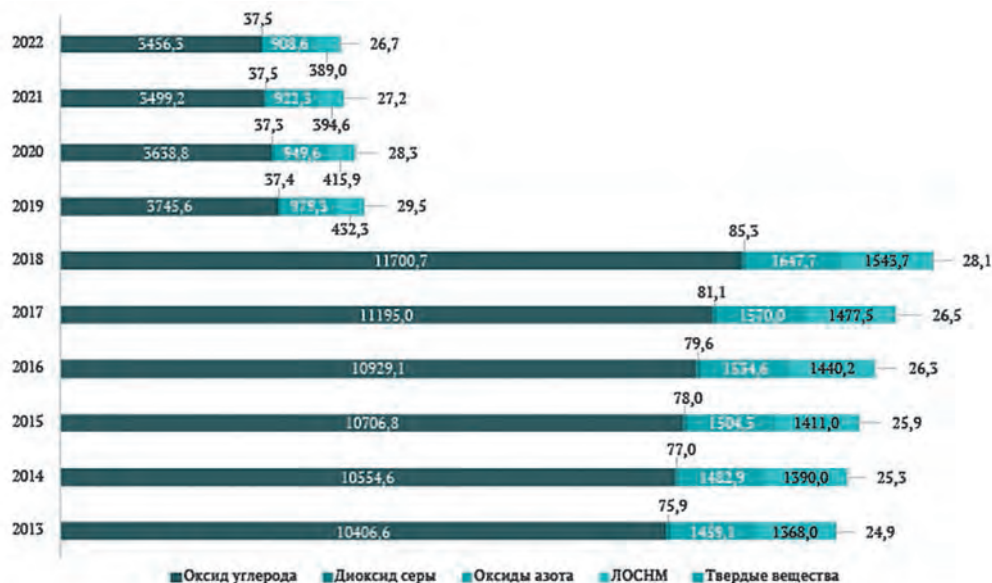
ПДК концентрацией хотя бы одного ЗВ (общая численность населения в этих 205 городах – 71,3 млн человек [2, с. 20], почти половина населения страны). Более того, очевидно, что ситуация за период 2016–2022 гг. не улучшилась. И нельзя не задать вопрос: что случилось в 2021 г., что резко ухудшило ее? Ответ на него в [2] найти нельзя. Однако нет сомнений в том, что причину этого скачка надо искать не в реальной окружающей среде, а в системе измерения ее характеристик и отчетности. Дело в том, что нормативы и критерии качества окружающей среды, в том числе воздуха, меняются. Главные нормативы в этой системе – ПДК – у нас в любой момент могут измениться в два, в три раза, а то и больше, без каких бы то ни было объяснимых причин, без обсуждения проблемы с научным сообществом, без экологической экспертизы. Очевидно, просто потому, что кому-то это нужно.

По поводу этого рисунка в Госдокладе отмечено: «Количество городов, в которых средние за год концентрации какого-либо загрязняющего вещества превысили 1 ПДК, сократилось на шесть городов по сравнению с 2021 г. и составило 205 городов... С учетом ранее действовавших нормативов количество таких городов увеличилось бы на восемь городов» [2, с. 26]. Получается, что изменения нормативов (или методик расчетов) произведены не только к 2021 г., но и еще раз – к следующему 2022 г.? Видимо, сразу получилось не то, что было желательно, результат оказался прямо-таки пугающим, пришлось быстро корректировать.

Наша задача состоит не в том, чтобы искать в [2] «таинственные» места, а в том, чтобы разобраться, что происходит с окружающей средой. Но иногда обе эти задачи приводят к одному рисунку или утверждению в Госдокладе. Вот еще один пример сообщения важной информации в форме, затрудняющей ее понимание.

Главным источником загрязнений воздуха для крупнейших городов стали автомобили. На рисунке 5 приведены данные об этом источнике за десятилетие 2013–2022 гг. Как можно подумать, глядя на этот рисунок, в 2019 г., относительно спокойном, «предковидном», произошло что-то совершенно небывалое с нашим автомобильным транспортом. Но на этот раз некое объяснение в тексте имеется: «до 2018 г. наблюдался рост по всем веществам, а с 2019 г. – резкое снижение (связанное, в первую очередь, с изменением методологии расчета показателя), которое продолжилось и в 2022 г.» [2, с. 26]. Однако это объяснение неудовлетворительно. Во-первых, хотя оно и указывает на причину сдвига показателей, но сформулировано так, что можно подумать, будто изменения произошли в реальности, а не в «цифрах». Во-вторых, в чем состояло изменение методики, какой фактор столь резко «качнул» отчетность? Ведь реального кролика в реальной шляпе у наших факиров не было и быть не могло, так что надо сообщить, откуда он взялся.

Рис. 5. Динамика выбросов основных ЗВ в атмосферный воздух от автомобильного транспорта, 2013–2022 гг., тыс. т.

Источник: Данные Росприроднадзора [2, с. 26]

Методики расчетов обобщающих, сводных и прочих показателей, значения нормативов и т.п. надо совершенствовать, если происходят существенные изменения в отражаемой ими реальности, если обнаруживается несоответствие реальности и ее описания, если получены новые научные результаты, побуждающие к такому совершенствованию. Но нельзя осуществлять такие новации только потому, что не нравится полученное описание. Между тем с состоянием окружающей среды и его оценками подобное происходит огорчительно часто. Если показатели выбросов автотранспорта демонстрируют и таинственный разброс, и непостижимую разнонаправленность изменений, то совокупность стационарных источников отличается стабильностью — рисунок 6.

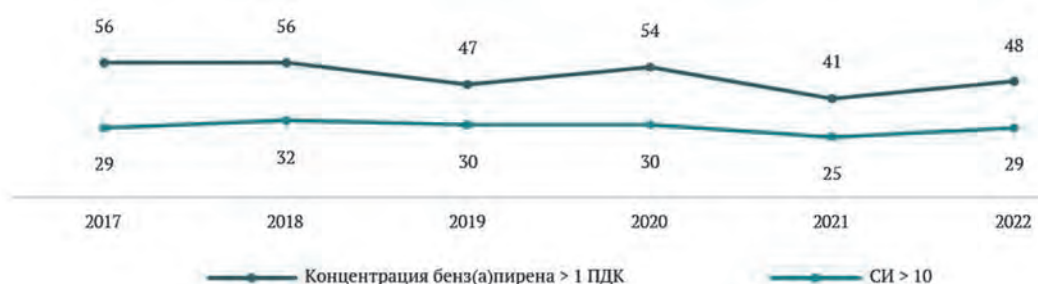
Рис. 6. Выбросы отдельных ЗВ от стационарных источников, тыс. т.

Источник: Данные Росстата (2014–2017 гг.) и Росприроднадзора (2018–2022 гг.) [2, с. 18]

К самым вредным ЗВ в наших городах относится бенз(а)пирен, возглавляющий список веществ 1-го класса опасности. Бенз(а)пирен образуется при горении углеводородов, *пиролизе*, *полимеризации*, *тлении*, это высокотоксичное вещество, опаснейший канцероген, мутаген. Рисунок 7 показывает, как обстоит дело с загрязнением воздуха российских городов бенз(а)пиреном. В европейских городах о нем почти забыли, там концентрация бенз(а)пирена в воздухе — сотые, максимум — первые десятые доли ПДК.

Рис. 7. Количество городов, где сред-негодовые концентрации бенз(а)пирена выше 1 ПДК, СИ бенз(а)пирена >10, 2017–2022 гг., единиц

Источник:
Данные Росгидромета [2, с. 19]

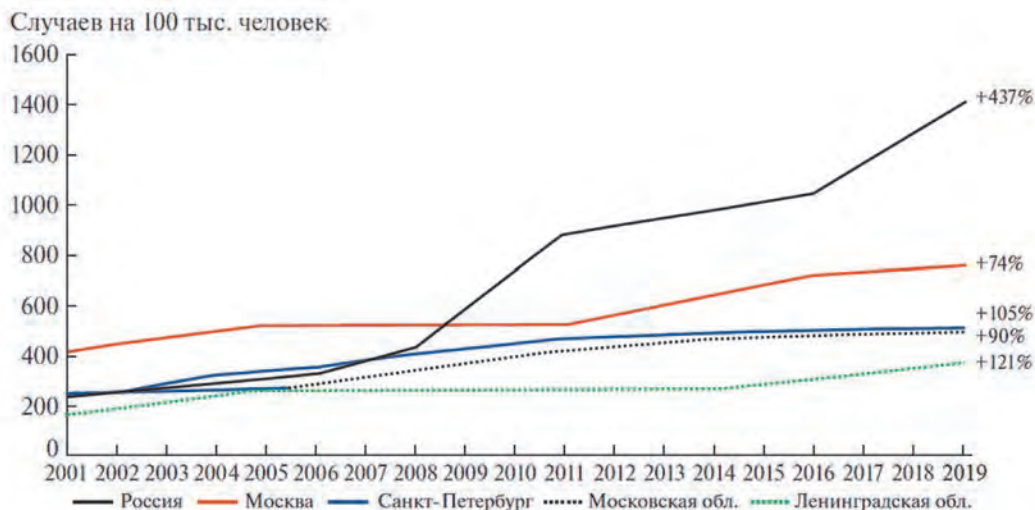
Все имеющиеся данные о состоянии атмосферного воздуха в городах России говорят о том, что его качество практически не меняется – ни за пять, ни за десять, ни за 20 лет, ни с 1991 г., когда был разработан первый Госдоклад «О состоянии окружающей природной среды Российской Федерации». Отдельные исключения можно отыскать, но они не меняют общей оценки.

Но, может быть, такая ситуация – еще не повод для серьезного беспокойства? Может быть, опасения преувеличены, и такой атмосферный воздух в городах не слишком вредит здоровью? Изучению этого вопроса посвящена обширная литература – [4, 5] и многие другие работы. Как представляется, для целей настоящей статьи достаточно привести один яркий пример, показывающий, как велик этот вред.

Серьезная проблема очистки воды – что делать с иловым осадком (шламом), образующимся при широко распространенной биологической очистке стоков. В России за год образуется 7–8 млн т такого осадка [6]. Известны различные способы избавления от него, среди них – сжигание. Именно по этому пути решило пойти ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», обосновывая решение тем, что размещать даже осушенный шлам на поверхности или захоранивать его под землей вблизи Северной столицы негде, вывозить некуда, да и очень дорого, и т.д. Экологи категорически возражали против строительства такого завода на территории города, но водоканал «продавил» проект через экологическую экспертизу, и в 1997 г. первая «сжигалка» заработала. Исследования показали, что выбросы отходящих газов очищаются недостаточно, они токсичны, содержат и бенз(а)пирен, и формальдегид, и – еще хуже – диоксины и фураны (суперэкоотоксиканты). Но первая «сжигалка» обрабатывала только треть питерского илового осадка, и водоканал построил и ввел в эксплуатацию в 2007 г. еще два таких завода, тоже на территории города. Результаты этих «новаторских» решений представлены на рисунке 8.

Чем объяснить столь резкое отличие Санкт-Петербурга (прирост заболеваемости данного вида +437% за 19 лет) от Москвы (+74%)? В этих городах факторы воздействия на качество воздуха имеют близкие значения (количество автомобилей на 1000 душ населения, удельные выбросы предприятий, а ветрами Питер продувается даже сильнее, чем Москва), но есть решающее различие: иловый осадок сжигают в одном городе, а в другом – нет. В графике первичной онкологической заболеваемости детей в Санкт-Петербурге случается перелом через девять лет после ввода как первой «сжигалки» (1997–2006 гг.) и пары следующих (2007–2016 гг.) – это лаг между изменением уровня загрязнения воздуха и следствием – ростом заболеваемости. Таково одно из многих последствий (совершенно неприемлемых) для здоровья населения неудовлетворительного состояния окружающей среды. А ведь Санкт-Петербург – далеко не самый загрязненный город.

Рис. 8. Заболеваемость детского населения (до 14 лет) – новообразования у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, 2001–2019 гг.

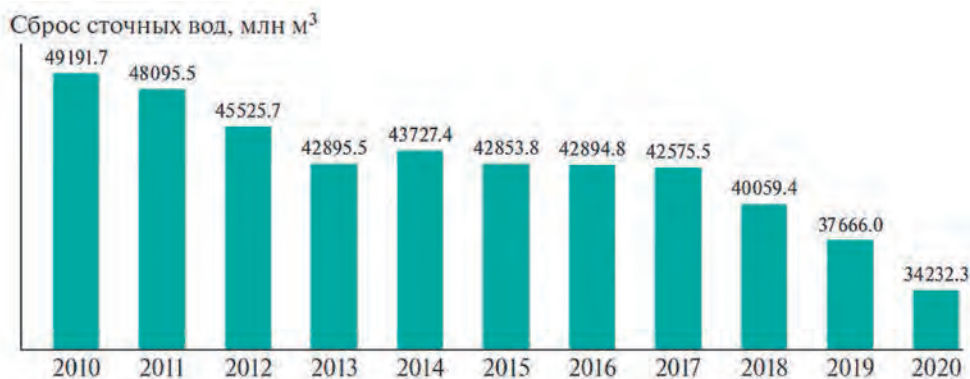

Источник:
Данные Минздрава РФ [7]

Какая вода течет в наших реках?

Одна из немногих положительных в природоохранном аспекте тенденций, проявляющихся в России за последние 25 лет, — сокращение водопотребления. Это тем более отраднее, что в мире в целом водопотребление устойчиво растет. Если водопотребление снижается, то неизбежно уменьшается и сброс сточных вод в водные объекты. Динамика такого снижения показана на рисунке 9.

Рис. 9. Динамика сброса сточных вод в поверхностные водные объекты России, 2010–2020 гг., млн м³

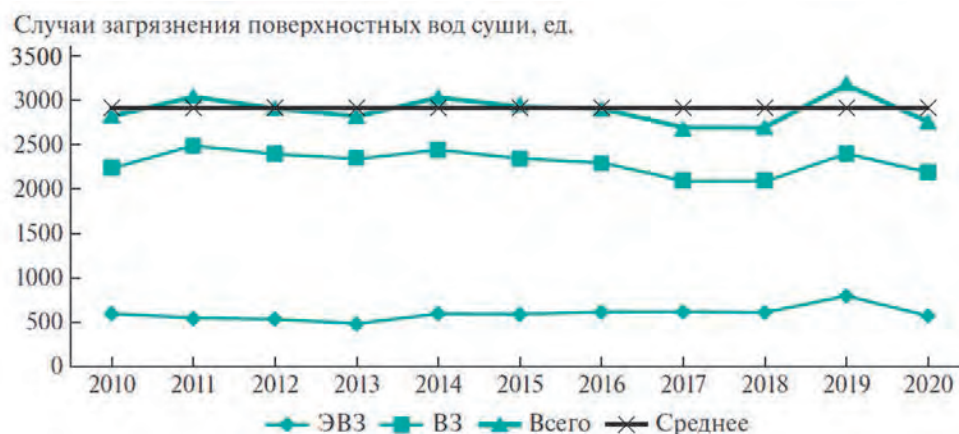

Источник:
Данные Росводресурсов [8, с. 106]

Если сокращается валовой сброс сточных вод, то должно уменьшаться и поступление ЗВ в природные водные объекты. Госдоклады «О состоянии и об охране окружающей среды РФ...» за последние 20 лет пестрят победными реляциями о таких уменьшениях — по стране в целом и по всем разрезам — отраслевому, территориальному, по отдельным ЗВ. По данным [2, 8] и других госдокладов, с 1991 г. по настоящее время общий сброс ЗВ сократился практически вдвое, а по отдельным токсичным ЗВ — даже в несколько раз. Но целью экологической политики служит не сокращение антропогенного воздействия на окружающую среду само по себе, а улучшение ее экологического состояния. Так улучшилось ли качество воды в природных водных объектах за это время? Констатации такого улучшения в отдельных, весьма частных,

малозначимых случаях иногда встречаются в литературе, но отнюдь не по стране в целом, не по крупным водным объектам или регионам. Ситуацию, на наш взгляд, вполне адекватно характеризует рис. 10.

Рис. 10. Динамика количества случаев экстремально высокого загрязнения (ЭВЗ) и высокого загрязнения (ВЗ) поверхностных вод суши на территории РФ в 2010–2020 гг.

Источник:
Данные Росгидромета [8, с. 82]

Острая недостаточность мониторинговой информации ощущается при анализе экологического состояния водных объектов. Приведем только один пример. Из почти 26 тыс. зарегистрированных за 2010–2020 гг. случаев высокого загрязнения поверхностных водных объектов 27 случаев пришлось на один из контролируемых Росгидрометом створов на р. Урал. Летом 2023 г. в ходе выполнения госзадания на НИР Государственным океанографическим Институтом им. Н.Н. Зубова совместно с Институтом водных проблем РАН была проведена экспедиция по р. Урал и ее притокам 1-го порядка. В ходе экспедиции случаев высокого загрязнения было зарегистрировано тоже 27, но только за пару месяцев, а не за 11 лет. Конечно, экспедиция брала пробы каждый день, а Росгидромет, по-видимому, один раз в месяц, и претензий по этому поводу ему предъявлять нельзя, но разницу между официальной статистикой и реальностью почувствовать можно. Однако если бы имелись ежедневные измерения по всем створам, контролируемым Росгидрометом, и по ним были бы построены графики, аналогичные рисунку 10 (то есть примерно с 30-кратным увеличением количества первичных данных), то верхнюю из трех ломаных линий все равно пересекала бы горизонтальная прямая, как на рисунке 10, показывающая, что изменения качества воды в среднем отсутствуют.

Несоответствие между рисунком 9 и рисунком 10 требует объяснений: почему убедительные (казалось бы!) успехи в сокращении сбросов загрязнений в водные объекты не повлекли улучшения качества воды в них? Укажем три основные причины этого парадокса.

Во-первых, статистика учитывает загрязнение, производимое только точечными источниками (их называют также контролируемыми, организованными), то есть теми, сброс которых попадает в приемники через технические устройства, почти исключительно – трубы, но встречаются также желоба и т.п. Именно такие источники контролируются, их сравнительно легко выявлять, наблюдать, брать из них пробы сбрасываемой воды и пр. Но существуют и неточечные, распределенные источники загрязнения (в этом случае оно называется диффузным, так же называют и сами такие источники) – сток с поверхности (сельскохозяйствен-

ных полей, территории населенных пунктов, промплощадок, дорог), от судов и причальных сооружений, выпадения из атмосферы, вторичное загрязнение от донных отложений в самом водном объекте и т.п. По оценкам, на долю диффузного загрязнения в России приходится не менее 60% общего загрязнения, а на отдельных водохозяйственных участках эта доля превышает 90%. Но диффузное загрязнение в России как бы не существует: оно не мониторируется, не контролируется, не регулируется, не отражается ни статистикой, ни законодательством. В ЕС, Великобритании, Японии все это наладили еще в 1990-х гг. Российская наука изучила проблему достаточно для того чтобы решить хотя бы первоочередные задачи [9], и это известно властным структурам.

Во-вторых, статистические данные о загрязнении из точечных источников в значительной степени неадекватны. Чаще всего они получаются не измерениями (сегодня нет технических проблем разместить на сточных трубах автоматически работающие датчики, измеряющие объем сброса и концентрации содержащихся в нем ЗВ), а расчетным методом. Расчеты осуществляют сами контролируемые предприятия: зная паспортные данные всех видов работающего оборудования, в том числе выход загрязнителей при штатном режиме эксплуатации, и имея данные о выпуске всех продуктов, в том числе промежуточных, рассчитывают с помощью двух действий арифметики – умножения и сложения, сколько «сброшено» загрязненной воды и какое количество ЗВ в ней содержалось, и заносят полученные итоговые величины в отчетную статистическую форму 2-ТП (водхоз). Но паспортные данные отнюдь не отражают реальное состояние изношенного оборудования, а оно – не редкость, штатный режим соблюдается не всегда, расходные материалы не обязательно соответствуют стандартам качества, и т.д., и т.п., не говоря уже о том, что аварии при таком методе никак не отражаются в отчетности. Насколько данные, заносимые в форму 2-ТП (водхоз), могут отличаться от реальных? Экспертное мнение, основанное на приборном контроле: случается, что и в 10 раз.

В-третьих, далеко не все водопотребители учтены через формы 2-ТП (водхоз), а только те, кто забирает из водных объектов 50 м³ и более воды в сутки или получает из систем водоснабжения от 300 м³ в сутки. Для производителей сельскохозяйственной продукции начальная норма одна – 150 м³ в сутки, не зависит от способа водоснабжения. Как только были установлены эти нормы, многие «средние» водопотребители поделались на несколько частей и испарились из статистики вместе с водой.

Очевидно, что реальную ситуацию с экологическим состоянием водных объектов на основе имеющейся информации оценить нельзя, как и с загрязнением воздуха. Надо полагать, что реальное количество случаев экстремально высокого загрязнения поверхностных вод суши на территории страны за год надо мерить не сотнями, а тысячами, соответственно, высокого загрязнения – не тысячами, а десятками тысяч. И найти такие водные объекты, последствия загрязнения которых можно представить картинками, похожими на рисунок 8, можно без труда.

Рассматривать в данной статье проблему отходов производства и потребления хотя бы так же бегло, как в двух предыдущих разделах анализировалось загрязнение атмосферного воздуха и водных объектов, нет не только возможности (из-за ограничений по объему), но и необходимости: ситуация здесь гораздо понятнее и обсуждается намного шире, чем с воздухом и водой.

Куда ж нам плыть?

Попробуем порассуждать об ответе на вопрос, который Александр Сергеевич Пушкин задал не себе, а всему российскому обществу.

Надо констатировать: состояние окружающей человека среды в России вызывает крайнее беспокойство, экологическая безопасность населения не обеспечена, ущерб, наносимый здоровью, недопустим, все надежды на демографический подъем окажутся иллюзорными, если экологическая политика будет и дальше такой же вялой, некомпетентной, неэффективной (а иногда и антиэкологичной), как предшествующие почти четверть века.

Для решения экологических проблем разрабатываются федеральные экологические проекты и программы, но с их реализацией дело обстоит плохо. Возьмем для примера федеральный проект (ФП) «Оздоровление Волги» (2018–2024 гг.). Ошибки начинаются на самой ранней стадии работы над ФП – при постановке цели. В формулировке идеи проекта цель, как правило, называется правильно, например: оздоровить Волгу. Но когда дело доходит до формализации, то есть представления цели измеримыми показателями, она заслоняется средствами ее достижения, и вместо улучшения характеристик качества воды появляется снижение объемов загрязненных сбросов. Разработчиками не были услышаны попытки объяснить, что сокращение сброса нефтепродуктов на 10 т в год в одном месте бассейна решит локальную проблему полностью и благоприятно повлияет на ситуацию в целом соответственно цели ФП, а в другом (где-нибудь в низовьях реки) – пройдет незамеченным. Да и само слово *бассейн* осталось невостребованным: из 39 субъектов федерации, территории которых покрывают водосбор Волги, в ФП решили заниматься только «стволовыми», то есть теми, через которые протекает сама река, добавив к ним Москву и Московскую область (без объяснения причин). На 2018–2019 гг. в ФП планировалась теоретическая НИР по анализу диффузного загрязнения (ее финансирование составляло 200 млн руб. из 237 млрд руб. – первоначальной суммы затрат на реализацию ФП, то есть меньше 0,1%). НИР была успешно выполнена [9] и, казалось бы, должна продолжаться как прикладная, но денег на это не нашлось. Науку отставили, а гидротехническое проектирование находится в России в удручающем состоянии, таких специалистов почти не готовят вузы. Неудивительно, что практически все объекты ФП были спроектированы далеко не лучшим образом, часто – неудовлетворительно. И что можно сказать о выполнении семилетнего ФП в середине года его завершения? – Он провален, «Миллиарды бюджетных рублей утекли в канализацию, считают члены парламентской группы» [10], проверявшей выполнение ФП. Причины – помимо уже указанных, невнимание администраций субъектов федерации к ФП, низкое качество строительных работ и оборудования, воровство.

На тот же период 2018–2024 гг. запланирован и ФП «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами». Мировой опыт однозначно свидетельствует о том, что ключ к решению проблемы ТКО – отдельный сбор бытового мусора. Парадоксально, но «Проект не содержит мероприятий, направленных на внедрение отдельного сбора мусора» [11]. Вместе с тем он предполагает «Ввести в строй для промышленного использования до 14 млн объектов, на которых проводится утилизация ТКО после их обработки» [ibid.]; получается, что в среднем по одному такому объекту на 10 жителей страны. Если имеются в виду мусорные ведра, то, пожалуй, мало, если контейнеры – слишком много... Но и те, и другие

используются не после, а до обработки ТКО. Похоже, что итог здесь будет примерно такой, как в «Оздоровлении Волги», остается только подождать, когда ФП по отходам займется парламентская группа.

Два этих ФП включены в национальный проект «Экология», 2019–2024 г. Другие его части и он сам не производят впечатления системно проработанных проектов. Федеральный проект должен строиться из центра, «с головы», через декомпозицию цели и поиск средств для реализации в элементах нижних уровней. Очень похоже, что при формировании наших проектов используется принцип «концерта по заявкам»: собираются предложения субъектов Федерации, госкорпораций, иных заинтересованных, склеиваются, подправляются для соблюдения финансовых лимитов — и проект ФП готов. Исходные предложения и их корректировки не сопоставляются по экологической эффективности, этот вопрос даже не рассматривается (хотя некоторым участникам и доставляет нечто вроде нравственных мучений). И интересанты потому так и называются, что у них свои собственные интересы, с общегосударственными не всегда совпадающие, а уж к системности «концерт по заявкам» вовсе не имеет никакого отношения. Так что на ФП, скроенные по таким лекалам, надеяться не стоит.

Крайне тяжелая ситуация с состоянием окружающей среды и ее охраной возникла не вчера. Она была признана неприемлемой еще в 1988 г., когда принималось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О коренной перестройке дела охраны природы в стране». Перестройка системы управления охраной природы в период 1988–1999 гг. действительно произошла, но состояние окружающей среды практически не улучшилось. Те достижения, которые были в развитии природоохранного законодательства и строительстве природоохранной системы, после 2000 г. в значительной мере утрачены, а то, что осталось (например, ФЗ «Об охране озера Байкал» после 18 поправок к нему, ФЗ «Об экологической экспертизе» после нескольких вивисекций, которые над ним произвели, и т.д.), едва выдерживает натиск лоббистов, представляющих интересы тех, кому эти законы (и подзаконные акты) мешают обогащаться за счет разорения российской природы.

Как мы дошли до жизни такой?

Конечно, денег на охрану природы и экологическую безопасность всегда выделялось очень мало, но это же не причина, а следствие чего-то более глубокого. Что-то мешает их выделять, даже когда их много. Простой пример: за восемь лет с конца 1991 по начало 2000 г. в России было открыто 24 федеральных заповедника, в следующие восемь лет — один. Но в 90-х гг. денег не было совсем, а в нулевых на нас проливался долларový дождь. В чем дело? Элиты, оказывается, занялись другим. Когда у нас было совсем плохо с хозяйством, какое-то внимание охране природы все-таки уделялось. Но как только пошел долларový дождь, надо было деньги ловить. Об экологии просто некогда было думать, все внимание было сосредоточено на другом, а она — мешала. Она — что-то третьестепенное, чуть ли не постороннее. Вот такое восприятие экологической проблемы и толкает нас в экологическую пропасть. Но объявить это восприятие свойством общественного сознания никак нельзя, все гораздо сложнее и тоньше. Социально-психологическое расслоение нашего общества еще ждет своих исследователей.

Экономическая наука, к сожалению, не слишком сильный помощник в решении природоохранных проблем, в ней очень слабо развиты разделы, касающиеся тех

аспектов и сфер хозяйственной жизни, которые не интернализированы, остаются как бы вне рынка, хотя и постоянно взаимодействуют с ним. Это слишком сложные аспекты и сферы, где господствует неопределенность (не изучаемая статистикой случайность, а неопределенность, когда не только функций распределения никаких нет, но и вообще сколько-нибудь достоверных измерений). Знаменитая теорема Коуза с ее невыполнимыми условиями полной спецификации экономических прав и отсутствия трансакционных издержек выглядит нонсенсом на экологическом поле, хотя и предназначена именно для решения проблемы интернализации внешних эффектов (через их «отмену») [12].

Сейчас многие верят в то, что искусственный интеллект уже в близкие годы решит все управленческие, аналитические, прогностические и прочие проблемы, поскольку уже есть алгоритмы и вычислительные мощности, позволяющие обрабатывать огромные массивы данных. Но для того, чтобы работать с большими данными, с big data, нужно сформировать такие массивы информации. В экологии на это требуются весьма значительные средства, их неоткуда взять, да и при деньгах одним-двумя десятилетиями не обойтись. А какой получится экологический эффект, оценить априори не получается, следовательно, велик риск потратиться впустую.

Что дает зарубежный опыт? К сожалению, мало, слишком велика у нас национальная специфика буквально во всех экологических аспектах. Азы мы и без зарубежного опыта прекрасно знаем, а дьявол, как сказано, в деталях.

Нам не хватает, прежде всего, просвещения, образования и науки, для того чтобы грамотно решать экологические проблемы. И, в принципе, современная экономическая теория учит именно этому.

Неблагоприятная, опасная окружающая среда — причина роста заболеваемости, а за ней — и смертности населения, снижения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, ускоренного старения зданий, сооружений и оборудования и т.д. Эти прямые потери поддаются исчислению и оценке. Но гораздо выше не оцениваемые потери. «Плохая экология» снижает качество жизни, репродуктивный потенциал, служит крайне негативным воспитательным фактором, оказывает депрессивное воздействие на психику, способствует развитию социальной пассивности, утрате интереса к жизни.

Многие экономисты очень любят считать: сколько средств придется отвлечь от понятных и полезных экономических проектов на те или иные непонятные и сомнительные (как им представляется) экологические затеи. Однако пора рассмотреть и дуальный вопрос: каким грузом ляжет на экономику крайне неблагоприятная окружающая среда, если тенденции ее неулучшения не будут сломаны? Представляется, что этот груз может оказаться стартером для нового социально-политического кризиса, превосходящего по разрушительной силе тот, что страна пережила в конце 1980-х — 90-х гг.

Но если с охраной природы в нашей стране дело обстоит так плохо, и при этом столь длительное время предпринимаемые усилия дают малозаметные результаты, то, видимо, причины очень серьезны и глубоки, и способа быстро и эффективно исправить положение не существует. Наше экологическое будущее тревожно, и, чтобы худшие опасения не осуществились, нужны крайние меры, их можно объединить под названием «всеобщая экологическая мобилизация». Все дееспособные граждане страны должны отвечать на вопрос: что ты сделал

для сохранения российской природы? И это должны быть наполненные экологическим смыслом, серьезные ответы. Конечно, такую мобилизацию нельзя провести в одночасье. Переход к ней, направляемый политической волей, должен быть процессом, в который постепенно вовлекается все общество.

Библиографический список

1. Данилов-Данильян В.И. Экология России: в ожидании взрыва? // В.И. Данилов-Данильян. Бегство к рынку: десять лет спустя. – М.: МНЭПУ, – 2001. – 232 с.
2. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 г. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова, – 2023. – 686 с.
3. Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой Город» – https://mojgorod.ru/cities/pop2023_6.html
4. Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования / Под ред. Б.А. Ревича и О.В. Кузнецовой. – М.: ЛЕНАНД, – 2018. – 640 с.
5. Ревич Б.А. «Горячие точки» химического загрязнения окружающей среды и здоровье населения России. – М.: Общественная палата РФ, – 2007. – 192 с.
6. <https://dzen.ru/a/ZLEU2zs-UHsyvJYj>
7. Здравоохранение в России. 2021. Стат. сб. – М.: Росстат, 2021. – 173 с.
8. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2020 г. Государственный доклад. – М.: Минприроды России; МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021. – 864 с.
9. Диффузное загрязнение водных объектов: проблемы и решения / Под рук. В.И. Данилова-Данильяна. – М.: РАН, 2020.
10. Литвинов Д. Кто провалил федеральный проект «Оздоровление Волги»? // Парламентская газета, 03.07.2024. 512 с. <https://www.pnp.ru/politics/kto-provalil-federalnyy-proekt-ozdorovlenie-volgi.html?ysclid=lydeqesw9k837326866>
11. Федеральный проект «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» – <https://vyvoz.org/blog/federalnyy-proekt-kompleksnaya-sistema-obrashcheniya-s-tko/>
12. Данилов-Данильян В.И. Теорема Коуза: попытка диагноза // Вестник РАН. – 2012. – Т. 82. – № 9.

References

1. Danilov-Danilyan V.I. Ekologiya Rossii: v ozhidanii vzryva? // V.I. Danilov-Danilyan. Begstvo k rynku: desyat' let spustya. – M.: MNEPU, 2001. – 232 s.
2. O sostoyanii i ob ohrane okruzhayushchej sredy Rossijskoj Federacii v 2022 godu. Gosudarstvennyj doklad. – M.: Minprirody Rossii; MGU im. M.V. Lomonosova, 2023. – 686 s.
3. Narodnaya enciklopediya gorodov i regionov Rossii «Moj Gorod» – https://mojgorod.ru/cities/pop2023_6.html
4. Chelovek v megapolise: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya / Pod red. B.A. Revicha i O.V. Kuznecovoj. – M.: LENAND, – 2018. – 640 s.
5. Revich B.A. «Goryachie tochki» himicheskogo zagryazneniya okruzhayushchej sredy i zdorov'e naseleniya Rossii. – M.: Obshchestvennaya palata RF, 2007. – 192 s.
6. <https://dzen.ru/a/ZLEU2zs-UHsyvJYj>
7. Zdravoohranenie v Rossii. 2021. Stat. sb. – M.: Rosstat, 2021. – 173 s.
8. O sostoyanii i ob ohrane okruzhayushchej sredy Rossijskoj Federacii v 2020 godu. Gosudarstvennyj doklad. – M.: Minprirody Rossii; MGU im. M.V. Lomonosova, 2021. – 864 s.

9. *Diffuznoe zagryaznenie vodnyh ob"ektov: problemy i resheniya / Pod ruk. V.I. Danilova-Danilyana. – M.: RAN, 2020.*
10. *Litvinov D. Kto provalil federal'nyj proekt «Ozdorovlenie Volgi»? // Parlamentskaya gazeta, 03.07.24. <https://www.pnp.ru/politics/kto-provalil-federalnyy-proekt-ozdorovlenie-volgi.html?ysclid=lydeqesw9k837326866>*
11. *Federal'nyj proekt «Kompleksnaya sistema obrashcheniya s tverdymi kommunal'nymi othodami» – <https://vyvoz.org/blog/federalnyy-proekt-kompleksnaya-sistema-obrashcheniya-s-tko/>*
12. *Danilov-Danilyan V.I. Teorema Kouza: popytka diagnoza // Vestnik RAN. – 2012. – T. 82. – № 9.*

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт водных проблем Российской академии наук»
119333 г. Москва, ул. Губкина, 3
Institute of Water Problems of the Russian Academy of Sciences
119333 Moscow, st. Gubkina, 3
Данилов-Данильян Виктор Иванович / Viktor I. Danilov-Danilyan
vidd38@yandex.ru
+7 499 134-54-56

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-114-129

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

SPATIAL DIMENSION OF LONG- TERM GROWTH OF THE RUSSIAN ECONOMY

КЛЕПАЧ Андрей Николаевич

Главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, член Правления ВЭО России, заслуженный экономист РФ, кандидат экономических наук

Andrey N. KLEPACH

Chief Economist of the State Development Corporation VEB.RF, Member of the Board of the VEO of Russia, Honored Economist of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Огромное пространство России создает не только дополнительные издержки, но и экономические и стратегические преимущества для развития России. Их реализация предполагает уменьшение избыточного межрегионального неравенства и создания системы управления развитием на уровне макрорегионов и обеспечение комплексности пространственной политики как единства размещения производительных сил, эффективного природосбережения и использования природных богатств, сбережения народа и повышения качества городской и сельской среды.

Abstract

Russia's vast expanse creates not only additional costs, but also economic and strategic benefits for Russia's development. Their implementation involves reducing excessive interregional inequality and creating a development management system at the level of macro-regions and ensuring the complexity of spatial policy as a unity of the distribution of productive forces, effective Nature conservation and the use of natural resources, saving the people and improving the quality of the urban and rural environment.

Ключевые слова

Пространственное развитие, межрегиональное неравенство, опорные города, качество городской и сельской среды.

Keywords

Spatial development, interregional inequality, support cities, quality of urban and rural environment.

Зарубежные, а иногда и наши эксперты рассматривают пространство не как богатство, а как некоторое проклятие России. Высокие транспортные издержки, весна – потоп, зима – череда аварий коммунальной инфраструктуры и замерзшее население. В традиции нашей экономической науки, связанной с именами Д.И. Менделеева, А.Г. Гранберга, принято рассматривать пространство не просто как географический фактор, или фактор издержек, а, по сути дела, как определенное триединство расселения народа, природно-климатических ресурсов, недр и размещения производительных сил.

Форма организации пространственной жизни может быть разная. У нас в последние годы в Стратегии пространственного развития страны и стратегии федеральных округов делался акцент на кластеры и реализуемые в них инвестиционные проекты. Для этого есть специальные меры поддержки. Есть терминология «полюсов роста», и не только у нас, но и во Франции, которая активно развивала инновационные и высокотехнологичные кластеры – «полюса роста конкурентоспособности». Есть понятие, которое редко используется, но, мне кажется, оно тоже имеет самостоятельный смысл – геотория, то есть это определенная пространство, которое характеризуется однородностью условий жизни, использования ресурсов, взаимосвязей природного фактора земли и климатических условий. Бушуев Виктор Васильевич, дополняет организацию пространства в геоторию фактором ценностей, которые движут людьми (или более современным языком – фактором модели поведения), единством духовного, образовательного и научного развития соответствующего региона. Вопрос пространственного развития как процесса создания ценностей ставит и В.А. Крюков. Я думаю, что нам надо видеть многомерность организации пространства – не только в соответствии с критериями административного деления – регионы, округа, или с точки зрения экономической динамики в виде кластеров, полюсов роста или, напротив, полюсов проблемности, стагнации. Картина организации пространственного может выступать и в виде геоторий, где сосредоточены схожие условия жизни, в единении и ментальных, духовных, производственных, и ресурсных факторов. Собственно фактор населения – это не только количество людей и их демографическая динамика на территории и распределение по формам городских и сельских населенных пунктов, но и образ жизни на различных территориях, притяжение и отталкивание от них людей.

Российское пространство как известно характеризуется крайне низкой плотностью экономической деятельности – в 16 раз ниже, чем в Китае, (по отношению ВВП по ППС на квадратный километр), и в 20 раз ниже, чем в США. Энергетики любят приводить карту России, где только европейская часть и узкий пояс, точнее точки по Южной Сибири светятся, а все остальное покрыто мраком. Соответственно, такое огромное пространство не только с запада на восток, но и с севера на юг, создает повышенный спрос и особые требования к пространственной, а также к энергетической инфраструктуре. Мы педалируем тему, что у нас низкая энергоэффективность, но если делать поправку на разницу климатических условий, что делалось в работах Института прогнозирования, то это дает разницу в удельном энергопотреблении, причем не только электро-, а именно энергопотребление, потому что огромные затраты на тепло, около 20–30%. Если говорить о транспорте, то тоже. Это вопрос связанности. И, соответственно, если наши вложения в транспортную инфраструктуру сейчас около 2% ВВП, то европейские страны, особенно на пике развития скоростных дорог, доходили до 4–5% ВВП, то есть мы в этом плане пока

характеризуем достаточно уязвимой системой транспортной инфраструктуры и существенным недофинансированием в этой сфере.

Наше пространство — это не просто богатство территории. Ее размеры повышают вероятность нахождения природных ресурсов, увеличивают разнообразие условий — лесных, водных, что в условиях климатических изменений становится дополнительным преимуществом России. Здесь вопрос — как его капитализировать. Большое пространство, которое можно рассматривать как экономику Севера и в евразийских теориях как «Хартленд», позволяет нам выстраивать достаточно многовекторную внешнеэкономическую деятельность как с Европой (хотя здесь связи существенно сократились, но не исчезли), Глобальным Югом и Востоком, включая Китай, Индию, Юго-Восточную Азию. Большое пространство — это огромное преимущество России с точки зрения внешнеэкономических вопросов и логистики. Понятно, что пространство играет свою роль с точки зрения безопасности. Это где-то уязвимость, а где-то и наша защита во всех прошедших войнах, потому что стратегическая глубина России имеет свои преимущества.

При этом если мы смотрим не только на последние годы, но все большую роль играют не только такие чисто традиционные экономические факторы (плотность дорожной сети, ВВП на душу населения, наличие тех или иных природных богатств), но социальная и культурная составляющая, люди к чему стремятся, хотя они уезжают из этих сибирских или особенно дальневосточных регионов, которые лидируют по миграционному оттоку, или, наоборот, стремятся их заселить, обжить и укорениться. И в этом плане социальная или духовная составляющая играет все большую роль.

Александр Александрович Аузан говорил о разных ценностных ориентациях российского населения — «индивидуалистическое, или коллективное». Вряд ли такой двухмерностью мы сможем объяснить все то, что притягивает людей в Сибирь, и что потом всех сгоняет в Москву и Питер. Есть понятные факторы — это более высокие доходы (хотя в реальном выражении во многих сибирских регионах они ниже, чем в европейской России), это в том числе и трамплин, чтобы уехать в Европу, как это было для многих научно-технических кадров. Так или иначе здесь, на мой взгляд, нужен многомерный подход, учитывающий притяжение места, природы, возможностей самореализации и освоения новых пространств и проектов.

В 90-е гг. можно было говорить о «сжатии экономического пространства», и концентрации экономической деятельности в столичных агломерациях. Даже в физическом выражении пространство Российской Федерации существенно уменьшилось по сравнению с Российской империей и с Советским Союзом. Однако с 2014 г. и 2022-го мы начали пространственно прирастать и в прямом физическом смысле, и еще ранее в экономическом. Пространственное увеличение намного шире собственно вопроса изменения государственных границ, потому что евразийская интеграция и позиционирование в ней России как Северной экономики, как Северного центра, консолидирующего вокруг себя постсоветское пространство, — это тоже пространственное расширение развития, которое имеет свой экономический и социальный эффект, и нам нужно научиться его оценивать и капитализировать.

В нашем пространственном развитии и в 90-е, да и в 2000-е гг. доминирует преимущественно корпоративный подход, который отражает интересы

не столько государства в целом, а отдельных корпораций и их инвестиционных проектов, вместо комплексного развития территорий в интересах российского государства в целом. Этот подход применительно к Сибири более 100 лет назад Ядринцев назвал «колониальным». Вопрос комплексности развития территории с точки зрения условий жизни людей, глубины переработки сырья и вообще создания всей цепочки добавленной стоимости, увязки транспортной инфраструктуры, как справедливо отмечали коллеги из ИЭОПП Сибирского отделения РАН, пока не стал во главу угла в нашем пространственном развитии.

Пространственная неравномерность экономического роста

Доля Московской и Санкт-Петербургской агломераций выросла в 2018–2023 гг. с 32,5 до 33,2% ВРП России. Уровень доходов на душу населения в них соответствует в целом европейскому уровню и в разы превышает средний уровень российских регионов. В целом наша экономическая организация пространства отличается высокой дифференциацией регионов по темпам развития и уровню жизни многократно превышающая параметры развитых стран. Задача уменьшения этого неравенства поставлена в Указе Президента и при подготовке обновленной Стратегии пространственного развития. Но какая модель экономического роста может обеспечить решение этой задачи? Учитывая, что дифференциация регионов по уровню инвестиций значительно превышает дифференциацию подушевого ВРП, сближение регионов по уровню развития должно начинаться с уменьшения неравенства в распределении капиталовложений и изменении их потоков в пользу новых центров роста.

Дифференциация между «10 первыми» и «10 последними» (раз)

Индикаторы	2023 г.	2030 г.	2045 г.
По уровню ВРП на душу населения (в ценах 2021 г)	14,3	13.9	12-13
Темп роста ВРП на душу населения к 2021 г.		1,31	2,1
По объему инвестиций в основной капитал на душу населения	16,9	20	16-18
По уровню смертности трудоспособного населения	2,3		
По уровню бедности населения	4,2		

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ

Экономическая картина российского пространства начала серьезно меняться в 2022–2023 гг. В 2022 г. Санкт-Петербургская агломерация и Калужская область сильно пострадали из-за закрытия сборочных производства, завязанных на иностранный капитал. В 2023 г. они пошли в рост, но в еще в большей степени от подъема военной экономики выиграли Урал (Екатеринбург и Свердловская область, Челябинская область), и регионы Приволжского федерального округа. В предшествующее двадцатилетие они теряли население, и их доля в ВРП страны умень-

шалась. Сейчас негативная демографическая динамика еще не изменилась, но их относительный вес в экономике страны начал повышаться. Понятно, что рано или поздно оборонная промышленность притормозит и даже может снизить уровень производства, но в целом я думаю, что именно эти регионы с мощной промышленностью и кадровым потенциалом могут стать очень двигателем и промышленного и экономического подъема России в среднесрочной перспективе.

Россия столь многообразна, что нам нужно иметь не просто общий высокий устойчивый темп роста ВВП, около 4% в год. Важно понять, как меняется качество развития, какие факторы и регионы станут драйверами подъема устойчивого роста? Понятно, что огромную роль играют и будут в перспективе расходы на НИОКР, транспортные проекты и уровень нормы накопления, однако сейчас все эти факторы роста характеризуются высокой концентрацией в верхней десятке регионов. Лишь в пяти регионах доля НИОКР в структуре экономики превышает 5% (2022), только в 13 регионах удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгрузки превышает 3% (2022). На 10 регионов (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Нижегородская, Свердловская, Новосибирская, Челябинская, Воронежская, Самарская обл., Республика Татарстан) приходится 75% от общего числа исследователей. Сокращение университетов, научных и образовательных центров происходило прежде всего в малых и средних городах. Такое научно-образовательное «опустынивание», если оно не компенсируется выстраиванием системы научно-образовательного опекунов научно-образовательными центрами-лидерами периферийных регионов, малых и средних городов, само становится фактором усиления неравенства и тормозом развития глубинных регионов.

Перспективная модель пространственного развития будет базироваться на Москве и Питере или все-таки будет подъем Урала, Поволжья и глубинных сибирских регионов? Сейчас и в среднесрочной перспективе агломерации характеризуются повышенным уровнем ВРП на душу населения, инвестициями и уровнем заработной платы. Однако это очень капиталоемкая модель развития и обеспечить высокие темпы роста, в долгосрочном плане выше 2%, если экономика продолжит концентрироваться в Москву, Питер и Сочи, не получится. Чтобы в России были устойчиво высокие темпы роста, опережающим темпом должны развиваться регионы и кластеры Поволжья, Сибири (Южной, Центральной и Восточной Сибири) или, как говорят эксперты, должна формироваться многополюсная система экономического развития.

В экономике столичных агломераций ведущую роль играет третичный сектор услуг — финансовых, торговых, логистических и в последние годы — IT-услуг. При этом столичные агломерации остаются и ведущими центрами оборонно-промышленного комплекса, науки и здравоохранения. В макрорегионе Поволжья, Урала, Западной, Центральной и Восточной Сибири выше доля кластеров как обрабатывающей, так и добывающей промышленности и здесь сосредоточены мощные центры прикладной науки, а также институты Сибирского и Уральского отделений РАН. Однако качество здравоохранения и культурной среды уступает столицам. Пространственная организация научных и технологических работ опирается на сеть наукоградов и территорий высокой концентрации научных и технологических разработок, которые часто

выступаю в формате закрытых территориальных образований. В последние годы появилось много различных институциональных форм пространственной и вертикальной организации научной и образовательной деятельности – НОЦы, ИНТЦ, ТОРы и др. Однако многообразие форм не меняет общего режима «полуголодного пайка» фундаментальной и прикладной науки и крайнего дефицита средств муниципалитетов научно-технологических образований (за исключением возможно Кольцово и Сколково). Фактически во многих ЗАТО, кроме Сарова качество городской среды не улучшается, а становится хуже. Если в советские времена городская среда ЗАТО и качество жизни превышали уровень соседних городов, то в настоящее время это преимущество в основном утеряно.

В среднесрочной перспективе (до 2030 г.) мы ожидаем сохранения опережающих темпов роста в столичных агломерациях, к которым добавятся регионы Поволжья и Урала. Доля столичных агломераций в ВРП страны может повыситься в базовом сценарии к 2030 г. на 0,5 п.п. В долгосрочной перспективе, в соответствии с оптимистичным (или прорывным) сценарием, опережающими темпами смогут расти регионы Сибири по мере формирования новой транспортной инфраструктуры, развития комплексной переработки сырья, опережающего повышения нормы накопления в Восточных регионах и переселения людей в Сибирь. В этом сценарии доля Центральной и Восточной Сибири в ВРП страны может вырасти к 2030 и 2035 гг. на 0,2–0,3 п.п. В 2030–2045 гг. вклад сибирских регионов в прирост ВРП может достичь 26–27%. Одновременно относительно понизится доля столичных агломераций и нефтегазовых регионов.

В 90-е и первой половине 2000-х гг. уральские и сибирские регионы конкурировали с подъемом столичных агломераций и нефтегазовых провинций, которым они в этом межрегиональном соревновании проиграли. После 2014 г. и особенно после 2022 г. сложилась новая геополитическая ситуация, когда значительная часть государственных ресурсов идет и будет уходить на интеграцию новых субъектов России в ее экономическое пространство. Можно говорить о формировании нового макрорегиона Донбасса и Приазовья, включая республику Крым и приазовские районы Ставрополя и Краснодарского края. В этих условиях Сибирь должна будет еще больше, чем сейчас опираться на внутренние источники развития. Более того в нынешних условиях все российские регионы, включая Сибирь, напрямую оказывают помощь (тратят свои региональные ресурсы) в подъеме экономик новых субъектов Российской Федерации. В особые геостратегические регионы, требующие дополнительных усилий федерального центра, превратились многие западные области России, ставшие фактически прифронтовыми регионами. В этих условиях Сибирь объективно не может занимать первые позиции в конкуренции за федеральные ресурсы.

Перестройка экономических и бюджетных отношений федерального центра и регионов давно назрела, но ее время наступит скорее после 2030 г., В случае получения регионами большей свободы в распоряжении своими природными ресурсами, восстановлении правила «двойного ключа» (права региональных властей в условиях разработки недр), Сибирь сравнительно с другими регионами может выиграть в наибольшей степени при условии эффективной капитализации своих недр.

Прогноз развития основных макрорегионов

Территория	Столичные агломерации					Приграничные регионы (Западная часть РФ)					
	Доля в РФ, %	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
			б*	п**	б	п		б	п	б	п
ВРП		33,2	33,7	32,4	33,9	31,7	6,3	6,2	6,5	6,2	6,9
Население		20,2	21,7	20,4	21,7	20,2	9,3	9,1	9,3	9,4	9,3
Инвестиции		29,7	30,5	27,7	31,9	28,0	6,1	6,0	5,9	6,0	6,0
Доходы населения		33,4	33,1	33,0	32,0	31,8	7,7	8,1	8,3	8,4	8,7
Темп роста, %	2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045		
ВРП		1,9	3,1	1,7	3,0		1,6	3,7	1,6	3,7	
Инвестиции		1,9	4,6	2,0	4,5		1,5	5,0	1,6	4,7	
Доходы населения		1,3	4,6	1,1	4,3		1,8	5,3	1,7	5,1	
Территория	Урал (без нефтяных регионов)					Центральная Сибирь					
	Доля в РФ, %	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
			б	п	б	п		б	п	б	п
ВРП		5,0	4,9	4,7	5,0	4,5	7,7	7,3	7,9	6,8	8,3
Население		5,7	5,5	5,6	5,7	5,5	9,7	9,2	10,1	9,6	10,8
Инвестиции		3,4	3,0	3,1	2,8	2,8	7,0	6,9	7,0	6,8	6,9
Доходы населения		5,0	5,1	4,8	5,3	4,7	7,4	7,2	7,2	7,1	7,1
Темп роста, %	2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045		
ВРП		1,7	2,9	1,7	2,8		1,4	3,5	1,1	3,5	
Инвестиции		0,9	4,5	0,8	3,9		1,7	5,3	1,6	4,7	
Доходы населения		1,6	4,4	1,6	4,2		1,1	4,4	1,0	4,3	

*базовый или консервативный прогноз

**прорывной или оптимистичный прогноз. О сценариях долгосрочного социально-экономического развития России см. подробнее доклад Института исследований и экспертизы ВЭБ - [www.inveb.ru/Долгосрочные сценарии развития российской экономики](http://www.inveb.ru/Долгосрочные_сценарии_развития_российской_экономики)

*** Европейская часть России

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ

Южные регионы					Поволжье					Нефтяные регионы				
2023	2035		2045		2023	2035		2045		2023	2035		2045	
	б	п	б	п		б	п	б	п		б	п	б	п
7,5	7,6	7,7	7,8	7,9	14,6	14,7	14,8	14,9	14,9	8,5	8,3	8,4	8,0	7,9
13,9	14,9	14,1	14,8	14,1	19,5	17,9	18,9	19,0	18,3	2,7	3,1	2,9	3,0	3,1
7,1	7,4	7,6	7,6	8,4	13,4	12,5	13,9	11,6	13,5	13,1	13,4	13,6	13,2	13,0
10,8	11,0	11,8	11,2	12,9	15,2	15,0	15,4	14,5	15,4	4,0	3,8	3,5	4,1	3,4
2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045	
	1,9	3,4	1,8	3,4		1,8	3,4	1,7	3,3		1,6	3,2	1,4	2,8
	2,1	5,9	2,0	5,5		1,1	5,4	1,0	4,7		1,9	5,5	1,7	4,7
	1,5	5,4	1,4	5,4		1,3	4,9	1,1	4,6		1,0	3,6	1,5	3,8
Восточная Сибирь					Дальний Восток					Европейская часть***				
2023	2035		2045		2023	2035		2045		2023	2035		2045	
	б	п	б	п		б	п	б	п		б	п	б	п
3,5	3,6	3,5	3,8	3,7	4,2	4,3	4,5	4,4	4,8	9,6	9,3	9,4	9,2	9,4
3,6	3,6	3,8	3,7	4,2	3,4	3,2	3,4	3,3	3,5	12,0	10,4	11,4	11,3	10,9
6,1	6,1	6,1	6,2	6,3	6,0	6,2	6,8	6,4	7,2	8,0	8,0	8,2	7,7	7,8
3,1	3,0	2,7	3,1	2,4	4,0	4,1	3,8	4,6	3,9	9,4	9,5	9,5	9,7	9,6
2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045	
	2,0	3,5	2,0	3,5		1,9	3,8	1,8	3,8		1,5	3,2	1,5	3,1
	1,6	5,0	1,8	4,9		2,1	5,8	2,1	5,4		1,8	5,3	1,6	4,6
	1,2	3,6	1,3	3,5		1,7	4,4	2,0	4,5		1,4	4,7	1,4	4,6

Прогноз развития федеральных округов

Федеральный округ	Центральный					Северо-Западный				
	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
		б*	п**	б	п		б	п	б	п
Доля в РФ, %										
ВРП	35,8	36,2	35,0	36,5	34,5	10,8	10,5	10,9	10,3	10,9
Население	27,5	27,3	27,3	28,1	26,7	9,5	9,4	9,3	9,7	9,1
Инвестиции	31,9	32,4	29,6	33,5	29,3	9,3	9,3	9,8	9,2	9,9
Доходы населения	36,1	35,4	35,2	34,3	34,0	10,7	11,4	11,5	11,8	12,0
Темп роста, %	2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045	
ВРП		1,9	3,1	1,7	3,0		1,6	3,3	1,4	3,3
Инвестиции		1,9	4,6	1,9	4,4		1,8	5,4	1,7	4,9
Доходы населения		1,2	4,5	1,0	4,3		1,9	5,3	1,8	5,1
Федеральный округ	Приволжский					Уральский				
	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
		б*	п**	б	п		б	п	б	п
Доля в РФ, %										
ВРП	14,6	14,7	14,8	14,9	14,9	13,5	13,3	13,2	13,1	12,4
Население	19,5	17,9	18,9	19,0	18,3	8,4	8,6	8,6	8,7	8,7
Инвестиции	13,4	12,5	13,9	11,6	13,5	16,5	16,5	16,8	16,0	15,9
Доходы населения	15,2	15,0	15,4	14,5	15,4	8,9	8,9	8,3	9,5	8,1
Темп роста, %		2024–2035		2024–2045			2024–2035		2024–2045	
ВРП		1,8	3,4	1,7	3,3		1,6	3,1	1,5	2,8
Инвестиции		1,1	5,4	1,0	4,7		1,7	5,3	1,5	4,5
Доходы населения		1,3	4,9	1,1	4,6		1,4	4,1	1,6	4,1

*базовый или консервативный прогноз

**прорывной или оптимистичный прогноз.

Источник: Институт исследований и экспертизы ВЭБ

Федеральный округ	Южный					Северо-Кавказский				
	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
		б	п	б	п		б	п	б	п
Доля в РФ, %										
ВРП	7,4	7,4	7,6	7,5	7,8	2,6	2,7	2,6	2,8	2,6
Население	11,4	11,5	11,4	11,7	11,3	7,0	8,0	7,3	7,7	7,4
Инвестиции	6,5	6,6	6,5	6,7	7,0	3,3	3,5	3,6	3,7	3,9
Доходы населения	10,2	10,4	11,3	10,4	12,5	4,5	4,5	4,5	4,7	4,6
Темп роста, %	2023	2024–2035		2024–2045		2023	2024–2035		2024–2045	
ВРП		1,8	3,5	1,7	3,5		2,0	3,2	1,9	3,2
Инвестиции		1,9	5,4	1,8	5,2		2,3	5,9	2,3	5,6
Доходы населения		1,5	5,7	1,4	5,5		1,5	4,8	1,5	4,7
Федеральный округ	Сибирский					Дальневосточный				
Доля в РФ, %	2023	2035		2045		2023	2035		2045	
		б	п	б	п		б	п	б	п
ВРП	9,3	8,9	9,4	8,4	9,7	6,1	6,3	6,5	6,5	7,0
Население	11,3	10,7	11,7	11,2	12,5	5,4	5,2	5,6	5,4	6,0
Инвестиции	9,7	9,6	9,8	9,3	9,8	9,4	9,6	10,0	10,0	10,6
Доходы населения	8,6	8,3	8,3	8,1	8,1	5,9	6,1	5,5	6,7	5,4
Темп роста, %		2024–2035		2024–2045			2024–2035		2024–2045	
ВРП		1,5	3,4	1,2	3,4		2,0	3,8	1,9	3,8
Инвестиции		1,6	5,3	1,5	4,8		2,0	5,5	2,1	5,2
Доходы населения		1,0	4,3	1,0	4,2		1,7	4,1	1,9	4,2

Новая геостратегическая реальность и новые геостратегические регионы

В Стратегии пространственного развития, которую принимали в 2021 г., выделялись четыре геостратегических региона – Северный Кавказ, Дальний Восток, Калининградская область, Республика Крым. Сейчас геополитическая ситуация изменилась, и критерии, и состав геостратегических регионов нуждаются в уточнении.

Целесообразно говорить о разных уровнях геостратегичности. Чукотка в составе ДВФО имеет другое стратегическое значение, чем Камчатка, или Забайкалье, который вместе с Бурятией переместили из Сибирского в Дальневосточный ФО. Каждый регион или группа регионов России имеют свое геостратегическое значение и свое особое место в реализации Стратегии национальной безопасности, наряду с другими своими характеристиками – уровня развития, урбанистичности, роли природных богатств и специализации. Свое особое геостратегическое значение есть и у столичных агломераций, и регионов российской глубинки.

Можно выделить следующие группы регионов по разному качеству стратегичности:

Калининградская область – анклав, или эксклав, находящийся в полублокаде, которая в любой момент может стать полной. Если раньше это были ворота в Европу, то теперь это крайне уязвимая точка, которая стоит перед поиском новой модели развития и ей необходима поддержка федерального центра как для создания резервов на случай ужесточения санкционных или блокадных ограничений, так и для софинансирования логистики для поставок продукции области как на внутренний рынок России, так и на экспорт. Например, дополнительные транспортные субсидии, или отмена экспортных пошлин на зерно и масличные.

Якутия, Забайкалье и Бурятия выступают как опорные регионы для взаимодействия с Китаем и освоения Арктики (Якутия), но они значительно отличаются от других регионов ДВФО и их правильнее позиционировать как особый Восточно-Сибирский экономический макрорегион. Вместе с регионами Центральной Сибири (СФО) они решают стратегические задачи освоения сибирских пространств и Арктики, а также обеспечения пространственной связанности Дальнего Востока с Уральскими и Европейскими регионами, то есть экономической и пространственной целостности страны.

Северный Кавказ и регионы Южного Федерального округа характеризуются не только особой этнонациональной ситуацией, но и важной ролью в выстраивании отношений со странами Причерноморья и Средней Азии.

Четыре новых субъекта Российской Федерации образуют особую геостратегическую группу как в результате СВО или идущей войны, так и долгосрочного характера проблем их экономической, социальной и культурной интеграции в Россию даже после завершения активной фазы боевых действий. В то же время Донбасс и Приазовье, это потенциально огромный ресурс для экономического развития России. Во-первых, это около 5 млн человек новых россиян. До всех военных событий было 11 млн. Это огромный аграрный ресурс, мощный промышленный комплекс и инженерные кадры, хотя вопрос их будущей модели развития и роли традиционных отраслей (угля и металла) требует глубокой проработки. Пока комплексной стратегии развития макрорегиона еще нет и ее предстоит разработать и реализовать. При этом наряду с традиционными сферами деятельности есть огромный нереализованный потенциал восстановления биопотенциала и рыбного промысла

Азова, а также развития туристического комплекса, особенно семейной направленности. Азовское море было огромной рыбной житницей России. Больше трети всей рыбы, которая добывалась в царской империи – это было Азовское море. Сейчас из-за растущей солености, из-за загрязнений, да и разрушенной инфраструктуры все это на минимальном уровне. Но при поддержке федерального центра и скоординированных действиях Приазовских регионов есть огромный потенциал и для семейного туризма, и для восстановления этой рыбноводческой жемчужины. Если сейчас жизненный уровень в макрорегионе на 30–40 с лишним процентов уступает среднему по России, то при разумной политике и вложениях отставание можно резко уменьшить.

В результате СВО сейчас приграничными и фактически прифронтовыми регионами стали Белгородская, Курская, Брянская, Воронежская, Ростовская область и возможно ряд других. Для этих регионов нужны серьезные дополнительные защитные меры (особенно разворачивание систем ПВО), но и ведение экономики в этих условиях требует тоже новых подходов, и инженерных, и стоимостных. Шагом к этому стало распространение на приграничные области режима особой экономической зоны, которая действовала в четырех новых субъектах РФ. Эти приграничные регионы производят около 5% ВРП России, а с учетом Крыма и Калининграда – 6,3% ВРП России и в них живет более 9% населения страны, но они могут значительно увеличить свой удельный вес в российской экономике и уровень жизни особенно на рубеже 2030–2035-х гг.

Наряду с поворотом российской экономики на Восток и Глобальный Юг, фактически происходит переосмысление всего нашего западного рубежа и приграничных территорий. Это создает запрос на новую модель пространственного развития, в которой надо найти баланс между развитием столичных агломераций, которые по своему уровню доходов, качеству жизни находятся на уровне развитых европейских стран, и в чем-то даже их опережают, и развитием Сибири. Поворачивать на Восток и развивать отношения с Китаем, имея опустошенные пространства и убывающее население Сибири, невозможно. Подъем Дальнего Востока без опережающего развития сибирских регионов как связующего центра страны невозможен.

«Гардарика» по-новому и перспективы сельской России

Экономический рост не может быть устойчивым и динамичным в долгосрочной перспективе при сокращающемся населении в стране в целом и в большинстве российских регионов, за исключением растущих столичных агломераций, республик Северного Кавказа, Якутии и Тюменской области.

Прирост населения в Центральном федеральном округе с 2011 до 2023 г. составил почти 1,8 млн человек, при этом последняя перепись добавила к московской агломерации почти миллион человек. Прирост населения в столичных агломерациях – это не результат рождаемости и даже высокой продолжительности жизни. Продолжительность жизни в Москве – 78 лет, то, что мы должны, по Указу Президента, достичь в стране в целом в 2030 г. Зато рождаемость невысокая, особенно на Северо-Западе. Рост населения – это в основном результат притока населения из других регионов и внешней миграции. При этом при сокращающемся сельском населении оно прирастает в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, в основном как промежуточных трамплинах к переселению в столичные агломерации или как место пенсионной жизни для уехавших с Северов.

Демографический прогноз

Численность населения	2023 г.		2045 г.		2045 г.	
	отчет		Сложившаяся модель приоритетного развития агломераций и стягивания населения в «Центр»		Новая модель равномерного развития территории и концентрации усилий на удержании населения в восточной части страны	
	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
Крупнейшие агломерации	29,4	20,1	30,6	22	31,6	20,3
Москва и Московская обл.	21,8	14,9	22,7	16,3	23,4	15
СПб и Ленинградская обл.	7,6	5,2	7,9	5,7	8,2	5,3
Центральная часть	24,8	16,9	21,1	15,2	24,4	15,7
Юг	26,9	18,4	27,4	19,7	29,2	18,7
Поволжье	28,5	19,5	25,2	18,1	28,3	18,2
Урал	12,3	8,4	12,1	8,7	13,5	8,7
Западная и Восточная Сибирь	19,5	13,4	18,1	13	23,3	15
Дальний Восток	4,9	3,4	4,4	3,2	5,4	3,5
Россия	146,2		138,9		155,8	

Источник: Росстат, Институт исследований и экспертизы ВЭБ

Если эти тенденции снижения рождаемости и сверхконцентрации в столичных агломерациях и крупных городах сохранятся, то к 2045 г. население России может сократиться на 7 млн человек, тогда как население столичных агломераций увеличится с 29 до 31 млн человек и их доля в населении повысится с 20 до 22%. Что может изменить сложившиеся демографические тенденции и что сможет привлекать людей в Сибирь?

При всей важности фактора уровня заработной платы и работы повышается значение качества городской среды и качества жизни в целом, включая доступность и уровень здравоохранения, образования, досуга и культурной среды. Есть разные индикаторы качества жизни Росстата и другие. Москва примерно в 1,5–1,9 раза выше по стандарту качества жизни, чем большинство сибирских городов, а они на 30–40% ниже, чем города европейской части России. Разрыв в качестве жизни между агломерациями (Москва и Санкт-Петербург) и другими городами миллионниками в 2022 г. составил в среднем 41% (в соответствии с Индексом качества городской среды Минстроя России).

Это один из ключевых факторов миграции в европейскую часть и в столичные агломерации. Разрыв с селом вообще трудно оценить, так как достоверных сопоставимых индикаторов качества сельской и городской жизни нет, а разрыв в заработной плате между селом и средней по экономике примерно 40 с лишним процентов, хотя он несколько сократился за последние два года.

Сбалансированное пространственное развитие предполагает, что индекс качества городской среды во всех городах Сибири и Дальнего востока должен расти опережающими темпами. Для Центральной и Восточной Сибири при условии значительного улучшения городской экономики индекс качества городской среды может, по нашей оценке, повысится к 2035 г. в 1,7 раза, а внутрирегиональная дифференциация не превысит 1,2 раз.

В Сибири целесообразно идти не столько на создание новых крупных города, сколько на резкое повышение качества жизни в существующих крупных городах и городах-миллионниках, связывание крупных городов благодаря скоростным трам-сам в конурбации (например, Барнаул – Новосибирск – Кемерово – Новокузнецк) и проращивание вокруг них сети городов-спутников, по примеру Академгородка и Кольцово вокруг Новосибирска.

Правительство поставило задачу уменьшения неравенства в качестве городской жизни и предполагает решать ее через развитие сети опорных городов и населенных пунктов (2000 или 2300). При правильности и важности, поставленной задачи понятие опорного населенного пункта, сохраняет пока высокую степень неопределенности, как и механизмы их бюджетной поддержки. В критериях опорности очень важны качественные параметры – состояние городской и сельской жизни, соответствие базовым требованиям здравоохранения, образования и транспортной доступности, их способность становится центрами предложения этих качественных услуг для населения близлежащих территорий.

Разделяю позицию С.Ю. Юрпалова, что «крупноузловая сборка» пространства России из крупных городов, городских агломераций, соединенных («сшитых») скоростными транспортными магистралями, так называемая опорная система расселения – приемлемая модель пространственного развития, но при одном условии. Элементы опорной сети «должны быть не интроверты, а экстраверты, от них должна исходить энергия освоения, развития, а не сжатия пространства до самых этих элементов. Они должны, образно говоря, сеять семена экономической жизни вокруг себя, возвращать их, постепенно увеличивая экономическую плотность пространства России, степень его освоения, его капитализацию». Образно можно говорить об опорности создания многополюсности, или многообразия форм расселения и организации пространства, а не о опорности как стягивания и опустынивания пространства и увеличения неравенства.

Особого внимания требует поиск баланса между развитием сельских поселений и малых, и крупных городов. По-видимому, определение критериев сельского и городского поселения, как и состава и границ опорных населенных пунктов должно делать не только регионами, исходя из своего особого местного понимания этих вопросов, но при реализации общих (но не унифицированных) принципов организации пространства. В этой связи может потребоваться перенастройка государственной программы развития сельских территорий с учетом появления опорных населенных пунктов и избежания перекачивания ресурсов программы от собственно сельских населенных пунктов к малым городам. Возможно, как

это предлагает академик А.В. Петриков, нужен специальный Закон о сельских территориях с определением критериев сельского населенного пункта.

Становление новой системы управления пространственным развитием

Несмотря на принятие в 2021 г. Стратегии пространственного развития в сложившейся системе управления скорее доминирует политика регионального развития, где основную роль играют межбюджетные трансферты, КПЭ губернаторов и региональные обязательства по реализации нацпроектов. Этой региональной политике, на наш взгляд, еще предстоит стать комплексной политикой пространственного развития, увязанной с другими стратегическими документами, особенно транспортной и энергетическими стратегиями, которые тоже требуют обновления, и Стратегией развития России в целом, которая пока замещается Указами Президента. Можно сказать, что Стратегия как документ есть, а система управления пространственным развитием еще не сложилась. Преобладают точечные решения по отдельным геополитическим территориям, а также движение по переброске на регионы обязательств при сверхконцентрации ресурсов в федеральном бюджете. Хотя в отдельных сферах, где неравенство достигло критического уровня и большинство регионов не могут их решить, как например, подготовка средних профессиональных кадров, возвращается финансирование из федерального центра.

В разрабатываемой сейчас новой редакции Стратегии пространственного развития практически отсутствуют предложения по формированию механизмов управления на уровне макрорегионов или федеральных округов. Упор делается на общие требования по уменьшению межрегионального неравенства и развитие опорных городов и населенных пунктов. В условиях огромной пространственной и межрегиональной сложности и неравномерности развития такой подход может помешать реализации целей Стратегии. Он разрывает пространственную связь: макрорегион – регионы и кластеры – населенные пункты. На наш взгляд, не только в ДВФО, но и в других Федеральных округах и макрорегионах необходимо формировать систему управления на межрегиональном уровне, включая и инструменты финансового взаимодействия и планирования в виде корпораций развития, или Фондов развития макрорегионов.

При всем единстве, но не единообразии экономической политики на российском пространстве нельзя все вопросы решать одним строем. Политика управления в регионах, должна быть гибкой, учитывать многообразие условий и местных традиций, адаптироваться к местным климатическим, экономическим и культурным особенностям, обеспечивать симбиоз между развитием крупных и малых городов и сельских населенных пунктов.

Возможно, что вместо отдельных программ развития слаборазвитых территорий (для 10 регионов) целесообразно создать специальный фонд развития, который бы через программы и проекты способствовал преодолению отставания слаборазвитых регионов.

Наряду с перестройкой межбюджетных отношений на федеральном уровне необходимо разрабатывать реальный прогноз пространственного, регионального развития страны, согласовывающий прогнозы социально-экономического развития регионов с прогнозом социально-экономического развития России в целом. Сейчас такой обобщенный, согласованный региональный прогноз отсутствует.

Прогноз общих видов деятельности должен быть дополнен комплексной надведомственной независимой экспертизой проектов в регионах, с учетом их регионального, межрегионального и общероссийского значения, которой раньше занимался КЕПС и СОПС. Целесообразно воссоздать подобную структуру с участием Академии наук, возможно не как единый институт, а как сетевую организацию. Иначе реализовать действительно общегосударственные интересы и преодолеть господствующий ведомственный корпоративный подход к развитию регионов трудно преодолеть.

В условиях антироссийских санкций и нового значения вопросов национальной безопасности при принятии проектных решений возрастает значение не столько традиционных критериев экономической эффективности (эффект выпуска, прибыль, налоговые поступления и затраты), а вопросов вклада проекта в обеспечение национальной безопасности, экономического и технологического суверенитета. Элементом системы пространственного планирования, как это было в советские времена, должны снова стать и планы территориального обеспечения национальной безопасности.

Перестройка системы регионального пространственного управления на уровне макрорегионов должна быть нацелена не столько на обеспечение федеральной вертикали, она, слава Богу работает, а на выстраивание системы самоорганизации регионов, взаимодействия, а не конкуренции между ними, кооперации и межрегионального сотрудничества в решении и общих проблем. Это позволит внести серьезный вклад в то, чтобы улучшить качество жизни не только в Москве, но и в российской глубинке, чтобы Россия опять же начала наконец-то прирастать не только Москвой и Питером, но и Сибирью, Поволжьем, Уралом. Может быть, для этого потребуется и создание новой третьей столицы в Сибири. Мы на рубеже новых радикальных решений, определяющих судьбу Родины на десятилетия и, возможно, столетия.

Библиографический список / **References**

1 *Институт исследований и экспертизы ВЭБ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.inveb.ru/forecasts>.*

Контактная информация / **Contact information**

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ»
Москва, 125009, ул. Воздвиженка, д. 10
VEB.RF, 10, Vozdvizhenka Street, Moscow, 125009, Russia
info@veb.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-130-142

ОТ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ВНЕШНИХ ШОКОВ К УСТОЙЧИВОМУ ДОЛГОСРОЧНОМУ РАЗВИТИЮ¹

FROM NEUTRALIZATION OF EXTERNAL SHOCKS TO STABLE LONG-RUN DEVELOPMENT

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич

Директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, вице-президент ВЭО России, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Alexandr D. NEKIPELOV

Director of the Moscow School of Economics, Moscow State University M.V. Lomonosov, Vice-President of the Free Economic Society of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Успешная реакция российской экономики на лавину обрушившихся на нее санкций выводит на передний план проблемы долгосрочного развития. В статье анализируется комплекс институциональных преобразований, особенностей финансовой и денежно-кредитной политики, которые могли бы максимально содействовать масштабной структурной перестройке российской экономики. Предложена для обсуждения авторская модель денежной реформы, призванной обеспечить комфортную адаптацию экономических агентов к умеренной инфляции и повышение привлекательности рубля как средства международных расчетов.

Abstract

The successful response of the Russian economy to the avalanche of sanctions that have fallen on it brings to the fore the problems of long-term development. The article analyzes a set of institutional transformations, features of financial and monetary policy, which could contribute as much as possible to a large-scale restructuring of the Russian economy. The author's model of monetary reform is proposed for discussion, designed to ensure the comfortable adaptation of economic agents to moderate inflation and increase the attractiveness of the ruble as a means of international settlements.

1 Статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на пленарном заседании VI Московского академического экономического форума (МАЭФ-20024) «Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности» (Москва, 15.05.2024).

Ключевые слова Государственный сектор, индикативное и стратегическое планирование, институциональные реформы, макроэкономическая политика.

Keywords Public Sector, Indicative and Strategic Planning, Institutional Reforms, Macroeconomic Policy.

Российская экономика оказалась в эпицентре тектонических преобразований всего мирохозяйственного уклада. Как известно, в периоды «больших перемен» их участникам, с одной стороны, приходится иметь дело с серьезными, подчас драматичными вызовами, а с другой, перед ними открывается и то, что сейчас принято именовать «окном возможностей». Анализу особенностей нынешнего положения российской экономики, обоснованию жизненной необходимости расширения горизонта принятия народнохозяйственных решений (соответственно, и особой роли стратегического планирования), а также формулированию ключевых, по мнению автора, мер в области экономической политики и институциональных преобразований посвящена настоящая статья.

Особенности текущей экономической ситуации

В некотором смысле характер проблем, с которыми столкнулась российская экономика после начала специальной военной операции, аналогичен тем, с которыми ей пришлось иметь дело во время коронавирусной пандемии [1]. И в том, и другом случае на повестку дня вышло противодействие комбинации шоков как со стороны спроса, так и предложения. Особая сложность такого рода ситуаций состоит в том, что меры экономической политики, эффективные с точки зрения купирования одного типа шоков, зачастую оказываются малорезультативными или даже контрпродуктивными в отношении другого их типа. В частности, при использовании инструментов стимулирования совокупного спроса позитивный — с позиции динамики выпуска — результат оказывается существенно меньшим, а негативный — с позиции темпов роста цен — существенно *большим*, чем в ситуации, когда дело приходится иметь исключительно с дефицитом совокупного спроса.

Незаконные ограничения (так называемые «санкции»), которые недружественные страны стали накладывать на участие России в международном экономическом сотрудничестве после начала «украинских событий» в 2014 г. и которые они резко усилили после февраля 2022 г., были призваны вызвать в российской экономике комплексный «структурный шок». Со стороны спроса этот шок был связан с искусственными ограничениями экспортных поставок российского топлива и сырья, со стороны предложения — с отсечением российских фирм от доступа к технологиям и высокотехнологичному оборудованию на зарубежных рынках. Обострившаяся обстановка на международной арене требовала от российской стороны введения своих ограничений в чувствительных для коллективного Запада областях (так называемых «контрсанкций»), а также, что существенно важнее, ускоренного перераспределения ресурсов в пользу оборонно-промышленного комплекса. Эффективно эти вынужденные меры не могли не создавать дополнительных проблем и для российской экономики.

Общепризнанно, что наша экономика продемонстрировала выдающиеся способности адаптации к сложнейшим структурным вызовам. Спад 2022 г. (–1,25% ВВП) был с избытком компенсирован уже в следующем 2023 г. (+3,65% ВВП)². Удалось решить многие проблемы в оборонно-промышленном комплексе. Принципиально важно, что сделано это было не за счет снижения жизненного уровня населения: реальные располагаемые денежные доходы населения росли и в 2023 (+4,5%), и в 2024 гг. (+5,8%)³. К числу несомненных успехов следует добавить постоянно поддерживавшуюся общую финансовую стабильность: индекс потребительских цен составил в 2022 и 2023 гг., соответственно 11,9 и 7,4%⁴, а дефицит федерального бюджета – 2,1 и 2,3% ВВП⁵. Интегральным показателем всех этих достижений можно по праву считать обеспечение высокого уровня консолидации общества в сложный для страны период.

Что же стало залогом таких достижений и, что особенно важно, сколь они устойчивы? Дать ответ на эти вопросы нужно для того, чтобы выработать объективную оценку как текущего состояния российской экономики, так и характера долгосрочных вызовов, с которыми ей предстоит иметь дело. Только на этой основе можно сформулировать подходы к экономической политике и структурным преобразованиям, которые обеспечили бы достойное, максимально устойчивое положение нашей страны на длительную перспективу.

Убежден, что в деле обеспечения текущей адаптации российской экономики к резко изменившимся условиям функционирования важную роль сыграл опыт, который и регулятор, и непосредственные субъекты экономической деятельности приобрели в ходе коронавирусной пандемии. Один из важнейших итогов этого периода состоял в отказе от многих догм «рыночного фундаментализма» в пользу прагматичной реакции государства на складывающуюся экономическую реальность.

В условиях обрушившихся на страну санкций борьба с «шоком со стороны спроса» шла в первую очередь по линии переориентации отечественного экспорта с одних стран на другие. Что касается противодействия «шоку со стороны предложения», то здесь успех был связан с усилиями по двум направлениям. С одной стороны, немалых достижений удалось добиться за счет смены стран-поставщиков современных технологий и высокотехнологичной продукции, в том числе при помощи механизма «параллельного импорта». С другой, явно продуктивной оказалась линия на импортозамещение. Причем на данном этапе основная роль принадлежала не столько мерам экономической политики, сколько сугубо рыночной реакции российских фирм на уход иностранных конкурентов с отечественного рынка. Стремление занять оказавшиеся свободными рыночные ниши сопровождалось появлением важнейшего «побочного позитивного эффекта»: отрезанные от рынка западных технологий фирмы существенно повысили интерес к российскому научно-технологическому комплексу. Иными словами, экономическая война, объявленная России коллективным Западом, вызвала появление в нашей экономике того, что можно назвать «автоматическими компенсаторами» внешних шоков.

² <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

³ <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.

⁴ <https://rosstat.gov.ru/statistics/price>.

⁵ Рассчитано на основе https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute?id_57=80041-kratkaya_ezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_mlrd_rub.

Достижения краткосрочной адаптации имеют основополагающее значение. Однако после устранения наиболее острых текущих угроз неизбежно приходит время выработки долгосрочной линии поведения. Это тем более так, что процесс мирохозяйственной трансформации носит игровой характер. На наши успехи в отражении текущих угроз коллективный Запад отвечает «новыми ходами», нацеленными на то, чтобы в борьбе за правила, регулирующие функционирование мировой экономики, склонить чашу весов в свою сторону. Предпринимаются неустанные попытки усилить давление на дружественные России государства («вторичные санкции») с тем, чтобы максимально ограничить ее возможности уменьшать силу структурного шока за счет смены партнеров по внешнеэкономическим связям. Учитываются и объективные ограничения, с которыми сталкивается российская экономика в области импортозамещения. Упомянутые выше «автоматические компенсаторы» срабатывают в тех областях, в которых российские фирмы имеют принципиальную возможность наладить производство, пусть и с более высокими издержками, чем те, которые характерны для западных фирм. Проблема заключается в том, что таких возможностей по целому ряду наиболее современных видов продукции у наших фирм не имеется: в России просто отсутствуют технологии производства соответствующих товаров. Очевидная ставка оппонентами делается и на то, чтобы, заставив Россию сражаться с ворохом все новых и новых текущих проблем, оставить ее за бортом «четвертой промышленной революции» и тем самым вывести из числа игроков, способных оказывать существенное влияние на будущее мирового сообщества вообще и мировой экономики в частности.

Ключевая задача долгосрочного развития российской экономики

Анализ сложившейся ситуации подводит к выводу о том, что важнейшей задачей сегодня становится органическая увязка текущего и перспективного социально-экономического развития. Но такая увязка возможна только в том случае, если выработано понимание целевого образа нашей экономики, движение к которому позволило бы гарантировать стране достойное и безопасное место в мире, а российскому народу – устойчивый прогресс и процветание. Понятно, что эта идеальная конструкция не может быть статичной в условиях, с одной стороны, непрерывного научно-технологического прогресса, а с другой, – начавшихся изменений базовых правил, определяющих функционирование мирового сообщества. Но некоторые общие параметры такой модели уже проявились с достаточной очевидностью.

Россия – крупная держава, обладающая колоссальными природными ресурсами, сохраняющая весьма развитую многоуровневую систему образования и глубокие традиции в области науки и высоких технологий. Это позволяет ей ставить задачу формирования такой структуры экономики, связи которой с остальным миром не носили бы характера односторонней технологической зависимости. Уже сегодня понятно, что достижение этой цели потребует масштабной реаллокации ресурсов в пользу современных наукоемких отраслей. Конечно, явно нереалистично надеяться на организацию в стране полного набора таких производств. Поэтому наряду с определением тех из них, которые целесообразно создавать и развивать в России, особое внимание предстоит уделить ключевым технологиям, овладение которыми даст возможность в случае необходимости максимально быстро налаживать производство практически любой необходимой продукции.

Особое значение в этих условиях приобретает выработка долгосрочного подхода к масштабам и формам организации нашего научного комплекса. Сейчас видны серьезные положительные подвижки в политике государства в отношении всех элементов этого важнейшего сектора нашей экономики. На повестку дня выдвигаются задачи системного характера. С одной стороны, нужно определиться с объемом общих расходов на науку на долгосрочный период и их распределением между ее составными элементами – фундаментальными поисковыми, фундаментальными ориентированными и прикладными исследованиями. С другой, важно отработать оптимальные механизмы организации и финансирования этих областей научного творчества, соответствующие как их внутренней природе, так и специфике стоящих перед страной задач.

Как известно, фундаментальные поисковые исследования в наибольшей степени отдалены от решения текущих производственных задач: здесь выявляются наиболее общие законы природы и общества. Вся история науки свидетельствует о том, что выбор направлений таких исследований – прерогатива научного сообщества. С учетом современной геополитической ситуации власть при выделении средств на развитие фундаментальных поисковых исследований должна исходить из того, чтобы они, в общем и целом, покрывали все основные направления. Только в этом случае можно гарантировать поддержание научной среды, которая требуется для быстрого развертывания, по мере необходимости, ориентированных фундаментальных и прикладных разработок в самых разных областях. Таким образом, в этой сфере науки оптимальной является форма государственного финансирования, получившая название «финансирования на расстоянии вытянутой руки» [2].

Иначе обстоит дело с ориентированной фундаментальной наукой. Ее результаты, не приспособленные для непосредственного технологического применения, являются необходимой ступенькой на пути к получению конкретных прикладных знаний. Это обстоятельство делает такие исследования составной частью проектов, нацеленных на решение крупных национальных задач. Соответственно, их финансирование должно быть частью финансирования таких проектов, а отбор научных исполнителей является прерогативой тех, кто управляет их реализацией.

Наконец, в отличие от результатов фундаментальных исследований продукт прикладных разработок является товаром. Финансирование такой научной деятельности в силу этого является делом бизнеса. В случае необходимости государство, разумеется, может поддерживать бизнес, создавая экономические условия, благоприятствующие вложению средств в прикладные исследования.

Наконец, при формировании подходов к реализации задач крупномасштабной структурной перестройки важно, как представляется, иметь в виду следующие два обстоятельства.

Первое из них связано с особенностями нынешней геополитической обстановки. Жесткий характер противоборства на международной арене, в эпицентре которого оказалась Россия, заставляет нас, выражаясь шахматным языком, действовать в условиях острого цейтнота. Иными словами, мы вынуждены решать сложнейшие проблемы масштабной реаллокации ресурсов – мощного развития научно-технологического комплекса, расширения производства высокотехнологичной продукции и адаптации к новым условиям уровней добычи энергоносителей и других видов сырья – в форсированном режиме. Понятно, что поддержание макроэконо-

мической, социальной и политической стабильности становится в такой ситуации предметом особого внимания.

Вторая особенность состоит в том, что реструктуризацию экономики приходится начинать в условиях, когда она, по крайней мере, по трудовому фактору находится практически на уровне потенциального выпуска. В таких условиях политика стимулирования совокупного спроса, как известно, становится малоэффективной. Можно ли из этого сделать вывод, что исполнительной власти следует проводить политику, которая в макроэкономике получила название политики, основанной на «экономике предложения»? Такой вывод у нас сделан [3], однако, как мне кажется, он нуждается в существенном уточнении. В классическом виде упомянутый макроэкономический подход своим острием направлен против активной роли государства в экономике. Предполагается, что в условиях полной загрузки производственных мощностей задача состоит в том, чтобы дать максимальную свободу действию рыночного механизма. Но когда речь идет не просто об обеспечении высокой динамики развития в условиях полного использования имеющихся ресурсов, а об одновременной реструктуризации производства, а, следовательно, и совокупного спроса ситуация существенным образом меняется.

Реализация долговременного курса на реструктуризацию российской экономики потребует также внесения заметных коррективов как в характер экономической политики, так и в некоторые из действующих в ней институтов. Соображения в отношении изменений, которые представляются автору особенно важными, приводятся ниже.

Прогнозирование, стратегическое и индикативное планирование

Масштабный экономический маневр, который предстоит совершить нашей стране, во многом по-новому ставит вопрос об организации и осуществлении стратегического планирования. Речь идет о том, чтобы, обеспечив вначале формирование общих контуров структурной перестройки, в дальнейшем проводить их периодическое уточнение с учетом изменений, происходящих как в российской экономике, так и в окружающей ее мирохозяйственной среде. Решение этой задачи сопряжено с выводом на принципиально новый уровень прогнозно-аналитической деятельности, а также с осуществлением определенных институционально-организационных изменений.

Прогнозная деятельность призвана обеспечивать выявление потенциально приемлемых траекторий долгосрочного развития экономики в целом и ее основных секторов (начиная с сектора науки и технологий и заканчивая сектором конечного потребления) с учетом ресурсов, имеющихся на соответствующий момент времени и возможностей внешнеэкономических связей. Важной составной частью этой работы является оценка разнообразных рисков, сопутствующих реализации различных сценариев. Прогнозная деятельность, естественно, должна опираться на экспертные оценки специалистов в соответствующих сферах деятельности, включая представителей бизнес-сообщества.

На следующем этапе в рамках политического процесса один из разработанных сценариев должен утверждаться в качестве Стратегии социально-экономического развития на долгосрочный (десять и более лет) период. Представляется логичным, чтобы участниками этого процесса были Совет безопасности, обе палаты парламента и президент Российской Федерации. Важно, чтобы содержащиеся в Стратегии

укрупненные показатели определяли реальные ограничения, которыми должна руководствоваться исполнительная власть при выработке средне- и долгосрочной политики.

Индикативное планирование [4] должно стать важнейшим инструментом реализации принятых стратегических установок в рамках среднесрочного периода (трех-пяти лет). Исполнительная власть, включая Центральный банк, на основе активного взаимодействия с бизнесом и с учетом достигнутых в рамках такого взаимодействия договоренностей определяет масштабы и формы своего влияния на рынок (в частности, особенности налогового режима, государственных расходов, денежно-кредитной политики, мер по регулированию внешнеэкономической деятельности, предлагаемых институциональных изменений). Установки среднесрочной программы, в свою очередь, формируют ограничения для текущей экономической политики, проводимой правительством и Банком России.

В условиях высокой степени неопределенности изменений, происходящих в мировом хозяйстве, особенно важно отработать механизмы периодических (а в случае неожиданных и крупных перемен – внеочередных) корректировок социально-экономической стратегии и индикативных планов, разрабатываемых на ее основе. Естественно использовать с этой целью хорошо известный механизм «скользящей временной базы», применяемый в России в практике бюджетного планирования. Кроме того, целесообразно сконцентрировать деятельность по стратегическому планированию в рамках отдельного органа. Это предложение не является новым; оно, в частности, содержалось в докладе РАН, подготовленном в 2013 г. [5]. Основной аргумент в его пользу состоит в том, что реализация этого предложения позволит избежать конфликта интересов, неизбежного в том случае, когда одно ведомство (например, Министерство экономического развития) несет ответственность за разработку и реализацию как текущих, так и долгосрочных задач развития.

Роль и механизм функционирования государственного сектора

Необходимость осуществления в течение длительного периода масштабного перераспределения ресурсов, выходящего за рамки требований, непосредственно вытекающих из действия рыночного механизма, автоматически предполагает существенное повышение роли государства в российской экономике. В определенной степени это может и должно происходить за счет активного использования исполнительной властью стандартного инструментария налогового и таможенного регулирования. Однако есть серьезные основания полагать, что мер косвенного воздействия на экономические процессы будет недостаточно. Потребность в форсированном создании практически «с нуля» современных высокотехнологичных производств, требующих масштабных вложений капитала, зачастую не сможет быть удовлетворена исключительно благодаря самостоятельным действиям частного сектора. Причина этого состоит в высокой степени неопределенности, связанной как с созданием таких производств, так и своевременным обеспечением спроса на их продукцию. Как известно, государство в таких случаях обладает известными преимуществами, связанными с тем, что в отличие от частных инвесторов распределяет большой риск на все население страны.

Таким образом, успех стратегии, нацеленной на коренную модернизацию нашей экономики, объективно возможен только в том случае, если государство в течение

весьма длительного периода будет играть роль крупного инвестора. Это, в свою очередь, означает, что самого серьезного внимания заслуживает обсуждавшаяся ранее идея об отделении инвестиционных ресурсов государства от средств, которые предназначены для текущих расходов. Финансирование последних в таком случае осуществлялось бы из государственного бюджета, тогда как средства на реализацию инвестиционных проектов концентрировались бы в специальном государственном фонде. Роль последнего мог бы при определенных коррективах его функций выполнять и Фонд национального благосостояния. В этом случае для выравнивания поступлений в государственный бюджет, возможно, имело бы смысл воссоздать стабилизационный (резервный) фонд.

Наряду с имеющимися источниками государственный инвестиционный фонд должен был бы опираться и на заемные средства. Эти средства привлекались бы при помощи облигаций, эмитируемых как самим фондом, так и специальными инвестиционными компаниями. В последнем случае такие компании учреждались бы фондом для финансирования отдельных проектов, отнесенных к числу приоритетных. Разумеется, важно было бы создать все условия для привлечения частных средств к проектам, реализуемым фондом. С этой целью частные инвесторы должны иметь возможность с самого начала приобретать как обыкновенные, так и привилегированные акции предприятий, создаваемых в рамках государственных программ.

Вполне естественно, что от имени государства функции собственника в отношении капитала компаний, создание которых связано с решением задачи структурной модернизации экономики, должен первоначально выполнять уполномоченный орган исполнительной власти (им вполне может быть и фонд, отвечающий за осуществление государственных инвестиций). Но после того, как такие компании окажутся органично включенными в систему рыночных связей и начнут обеспечивать нормальную отдачу на капитал, государству следует избрать один из двух вариантов действий (или их комбинацию). Первый состоит в продаже принадлежащих государству акций таких компаний и использовании полученного дохода для инвестирования в новые приоритетные области. В упомянутом выше докладе РАН такой порядок действий (государственные инвестиции – приватизация – новые государственные инвестиции) был назван механизмом «револьверных инвестиций» [5]. Другая возможность появляется при условии проведения реформы, нацеленной на разделение функций государства как регулятора, с одной стороны, и собственника рыночных активов, с другой. Суть такой реформы, о которой мне доводилось много писать [6], [7], [8], [9], состоит в формировании особого, отделенного от исполнительной власти института, обеспечивающего управление государственными активами в сугубо рыночном режиме. В этом случае принадлежащие государству акции достигших рыночной зрелости корпораций, которые были созданы в ходе структурной модернизации, могли бы передаваться в управление соответствующему государственному институту (государственной холдинговой компании).

Вновь привлекаю внимание к идее органичного включения в рыночную систему основной части государственных активов по следующей причине. В условиях резкого повышения в ходе масштабной структурной перестройки роли государства как собственника производственных активов реализация этой идеи служила бы своеобразной гарантией того, что меры государства, нацеленные на коррекцию действия рыночного механизма, не обернутся подрывом самих основ рыночной экономики.

Особенности денежно-кредитной политики

В ходе системных преобразований 90-х гг. XX в. Россия уже сталкивалась с макроэкономическими последствиями резких изменений структуры производства. Выяснилось, что, по сути, такого рода изменения могут рассматриваться как своеобразный вариант шока со стороны предложения: они оказывают понижающее давление на производство и повышающее – на уровень цен [10]. Причины такого положения дел заключаются в следующем.

Изменение структуры производства неизбежно сопровождается изменением относительных цен, которые реализуются через последовательно пробегающие по всей экономике волны «цены – издержки – цены». Поскольку цены являются «негибкими вниз», постольку в краткосрочном периоде изменения соотношений цен происходят главным образом за счет роста цен на товары, на которые спрос увеличивается, при сохранении цен на товары, на которые спрос уменьшается. Если денежное предложение в ходе структурных перемен не меняется, то результатом такого положения дел может быть только некоторое увеличение общего уровня цен при падении совокупного выпуска.

Увеличение денежного предложения в рассматриваемых условиях выполняет роль своеобразной смазки, позволяющей минимизировать отклонения экономики от уровня потенциального выпуска при повышенной инфляции. При этом допускать следует только такой рост денежного предложения, который необходим для решения задачи наиболее полного использования ресурсов. Отсюда следует, что контрпродуктивными оказываются решения, направленные как на максимально быстрое («любой ценой») снижение инфляции (установка Банка России на доведение ее уровня до четырех процентов годовых уже к концу 2024 г.), так и на осуществление «финансового форсажа» [11], [12], [13], [14], [15] ради финансирования как можно большего количества долгосрочных проектов. Нужно, как представляется, избегать всякой «идеологизации» этой проблемы и прагматичным образом нащупывать оптимальную, с точки зрения стоящих перед страной задач, величину денежного предложения и инфляции. Это, в свою очередь, требует тесного взаимодействия правительства и центрального банка.

Возможная реформа денежно-кредитной системы

Уменьшению негативных последствий повышенной инфляции, а также (что очень важно!) решению проблем международных расчетов могут способствовать и меры институционального характера.

В 70-х гг. XX в., когда в западных странах инфляция была весьма высокой (25–30 процентов в год), поиск шел по пути внедрения адаптированных к ней налоговых систем и систем бухгалтерского учета, а также индексации срочных контрактов [16, р. 518–521]. В краткосрочном плане многие задачи удавалось решить, однако полностью устранить издержки инфляции («от износа башмаков» и «от перепечатки меню») оказалось невозможным. Более того, выяснилось, что меры по адаптации к инфляции снижают интерес к ее сокращению, что, в свою очередь, в долгосрочном плане делает упомянутые издержки, связанные с ней, весьма существенными.

Другое направление связано с разработкой денежных реформ, которые позволили бы обеспечить устойчивость цен. Вновь внимание ученых стали привлекать модели, основанные на «товарных деньгах». В одних случаях – по мотивам «золотого червонца» [17], [18] – рассматриваются варианты возврата в той или иной

форме к золотому обеспечению рубля; в других – изучаются возможности использования в этом качестве набора товаров и финансовых активов [19]. Наконец, во многих моделях частных цифровых валют (криптовалют) покупательная способность последних опирается в определяющей степени на затраты электроэнергии, необходимые для ведения распределенного реестра данных.

Ниже для обсуждения предлагается вариант денежной реформы, своеобразным образом интегрирующий идеи, лежащие в основе механизмов адаптации к инфляции и возврата к товарным деньгам.

Представим себе, что Центральный банк заявляет о возможности экономических агентов использовать особый актив под условным названием «рубль-актив». Особенность последнего заключается в том, что как его появление (эмиссия), так и исчезновение происходит автоматически по инициативе экономических агентов (потребителей, фирм, государства), которые могут получить его, а также «избавиться» от него в обмен на обычный рубль (во избежание путаницы будем называть его далее «рубль – платежное средство») в любой момент по установленному на данный день Центральным банком курсу. Соответственно, эмиссия «рубля-актива» автоматически означает уменьшение предложения «рублей-платежных средств» и, наоборот, продажа экономическими агентами «рублей-активов» Центральному банку означает увеличение предложения «рублей-платежных средств» и уменьшение количества «рублей-активов». Количество «рублей-активов», принадлежащих отдельным экономическим агентам, может отражаться на особых счетах в коммерческих банках, которые в этом случае должны иметь соответствующие счета в Центральном банке. Эти счета функционируют в режиме 100-процентного резервирования; соответственно, проценты на депозиты в «рублях-активах» не начисляются.

Стоимость «рубля-актива» в обычных рублях формируется по строго определенному алгоритму на базе стоимости «товарной корзины». Структуру последней изначально следует сформировать таким образом, чтобы изменение стоимости соответствующего набора благ было максимально синхронизировано с уровнем инфляции [19]. Будучи раз установленным, состав «товарной корзины» не должен в дальнейшем изменяться без особых причин. В момент инициации реформы конкретные количества товаров, входящих в «корзину», могут быть подобраны таким образом, чтобы один «рубль – платежное средство» равнялся одному «рублю-активу». В дальнейшем по мере изменения цен товаров, входящих в «корзину», будет меняться и курс обмена этих двух видов рубля друг на друга.

При формировании «корзины товаров» следует иметь в виду следующее ограничение: входящие в ее состав товары должны торговаться на бирже: наличие их биржевых котировок является необходимым для того, чтобы Центральный банк мог ежедневно устанавливать стоимость «корзины» (курс «рубля-актива»). Конечно, можно использовать и один биржевой товар, например, золото, но в таком случае способность сохранения стоимости рублем-активом, уменьшится.

«Рубль – платежное средство» используется в рассматриваемой модели для осуществления всех видов платежей – оплаты поставок товаров и услуг, платежей по кредитным сделкам, приобретению валюты, выплаты налогов и т.п. Он же выполняет и функцию меры меновой ценности (стоимости) в текущих сделках. Депозиты в таких рублях функционируют в режиме частичного резервирования. Соответственно, сохраняются все стандартные способы регулирования предложения таких

рублей Центральным банком. Но они дополняются упомянутым выше механизмом, связанным с куплей-продажей «рублей-активов» экономическими агентами.

«Рубль-актив» призван служить задаче сохранения стоимости экономическими агентами. Одновременно он может выполнять функции меры стоимости в рамках срочных сделок (величина кредита фиксируется в «рубле-активе», процентная ставка устанавливается в реальном выражении, однако все платежи по кредиту осуществляются в обычных рублях на основе текущих котировок «рубля-актива»).

Наличие «рубля-актива» будет способствовать процессу «дедолларизации» российской экономики: отечественный финансовый инструмент, обладающий 100-процентной ликвидностью, в условиях инфляции сможет вместо иностранных валют эффективно выполнять функцию сбережения (накопления) богатства экономических агентов. Более того, при существовании «рубля-актива» привлекательность обычного рубля как средства международных расчетов должна существенно повыситься. Теперь иностранные экспортеры, получив оплату в обычных рублях, смогут приобрести на них «рубли-активы», обладающие устойчивой покупательной способностью. Они же смогут переуступить фирмам – импортерам российской продукции эти депозиты, получая в оплату интересующие их валюты – доллары, евро и др. Все это позволит снять валютные риски с российских участников внешнеэкономической деятельности, связанные с использованием «токсичных валют» недружественных стран.

Для оценки возможных макроэкономических последствий перехода к такой «двухрублевой системе» рассмотрим действие в ее рамках трансмиссионного механизма. Для определенности будем считать, что в исходный момент имеет место увеличение денежного предложения обычных рублей.

Как это происходит и в условиях стандартной денежной системы, равновесная процентная ставка в реальном выражении снижается, а спрос на реальные денежные балансы увеличивается. Но теперь спрос на деньги может реализовываться в двух формах – через увеличение депозитов до востребования (будем считать, что на такие депозиты начисляются номинальные проценты, равные ожидаемой инфляции) и через приобретение «рублей-активов». В последнем случае, как мы знаем, автоматически произойдет стерилизация денежной массы, используемой в непосредственных расчетах; тем самым будет частично нивелирован эффект от первоначального ее увеличения. Причем, логично предположить, что чем больше ожидаемый уровень инфляции, тем больше экономические агенты будут отдавать предпочтение уходу в «рубли-активы» и тем, соответственно, меньше будет рост предложения обычных рублей и производное от него увеличение инфляции.

Если все это так, то мы можем констатировать, что в рамках предлагаемой системы появляется механизм автоматической (пусть и неполной) стабилизации денежного предложения, а следовательно, также и номинальной процентной ставки и цен. Это в положительную сторону отличает его от упоминавшихся выше мер по адаптации к инфляции. Важно также и то, что роль «товарной корзины» в рамках предлагаемого механизма – чисто счетная: никаких запасов, входящих в ее состав товаров Центральному банку формировать не нужно. Это существенно удешевляет функционирование предлагаемой денежной системы по сравнению с вариантами, основанными на возвращении к товарным деньгам.

Библиографический список

1. Некипелов А.Д. О возможностях макроэкономической политики в преодолении кризиса, вызванного пандемией // *Научные труды Вольного экономического общества России*, – Т. 223, – № 3. – С. 37–46.
2. *The State in a Changing World. World Development Report. 1997.*
3. Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике. Их реализация связана с переходом к экономике предложения // *Ведомости*. 8 мая 2024.
4. Полтерович В.М. О формировании системы национального планирования в России // *Государственный аудит. Право. Экономика*. – 2016. – № 4. – С. 8–14.
5. Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития (ред. Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю.) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – № 6. – С. 18–31.
6. Некипелов А. Кто станет основным субъектом рыночной экономики? // *Проблемы теории и практики управления*. – 1991. – № 2.
7. Некипелов А. Переход к рыночной экономике: роль и судьба госсектора. // *Проблемы прогнозирования*. – 1991. – № 4.
8. Некипелов А. Как все-таки управлять госсобственностью? // *Российский экономический журнал*. – 1994. – № 5–6.
9. Некипелов А. К вопросу о рационализации отношений собственности в российской экономике. В кн.: «Реформы глазами американских и российских ученых // *Общ. ред. О.Т. Богомолова*. – М. 1996: *Российский экономический журнал*. Фонд «За экономическую грамотность».
10. Некипелов А.Д. *Очерки по экономике посткоммунизма*. М. ЦИСН, 1996.
11. Аганбегян А.Г. *Финансы, бюджет и банки новой России*. – М.: 2018. Издательский дом «Дело». РАНХиГС.
12. Глазьев С.Ю. О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 г. и период 2020 и 2021 гг.» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета). // *Российский экономический журнал*. – 2018. – № 6. – С. 3–26.
13. Ершов М.В. Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах. // *Общество и экономика*. – 2017. – № 2 – С. 5–13.
14. Маевский В. И., Малков С. Ю., Рубинштейн А.А. К проблеме монетизации российской экономики. – М. 2021. Институт экономики.
15. Миркин Я.М. *Финансовый форсаж*. // *Банковские услуги*. – 2018. – № 10. – С. 2–7.
16. Begg D., Fischer S., Dornbusch R. *Economics. Third Edition*. McGraw-Hill Book Company. 1991.
17. Сокольников Г.Я. *Финансовая политика революции. Том первый. Общество купцов и промышленников России*. – М.: – 2006 .
18. Сокольников Г.Я. *Финансовая политика революции. Том второй. Общество купцов и промышленников России*. М. 2006 .
19. *Дуальные товары. Отв. Ред. Рябухин С.Н.* – М., 2023.

References

1. Nekipelov A.D. O vozmozhnostyah makroekonomicheskoy politiki v preodolenii krizisa, vyzvannogo pandemiej // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. – T. 223, – № 3. – S. 37–46.
2. *The State in a Changing World. World Development Report. 1997.*
3. Belousov opisal mekhanizm dostizheniya celej majsogo ukaza po ekonomike. Ih realizaciya svyazana s perekhodom k ekonomike predlozheniya // *Vedomosti*. 8 maya 2024.
4. Polterovich V.M. O formirovanii sistemy nacional'nogo planirovaniya v Rossii // *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika*. – 2016. – № 4. – S. 8–14.

5. *Prioritety dolgosrochnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya (red. Nekipelov A.D., Ivanter V.V., Glaz'ev S.YU.) // Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. – № 6. – S. 18–31.*
6. *Nekipelov A. Kto stanet osnovnym sub'ektom rynochnoj ekonomiki? // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 1991. – № 2.*
7. *Nekipelov A. Perekhod k rynochnoj ekonomike: rol' i sud'ba gossektora. // Problemy prognozirovaniya. – 1991. – № 4.*
8. *Nekipelov A. Kak vsyo-taki upravlyat' gossobstvennost'yu? // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. – 1994. – № 5–6.*
9. *Nekipelov A. K voprosu o racionalizacii otnoshenij sobstvennosti v rossijskoj ekonomike. V kn.: «Reformy glazami amerikanskih i rossijskih uchyonyh // Obshch. red. O.T. Bogomolova. – M. 1996: Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'».*
10. *Nekipelov A.D. Ocherki po ekonomike postkommunizma. – M.: CISN, 1996.*
11. *Aganbegyan A.G. Finansy, byudzhet i banki novoĭ Rossii. – M. 2018. Izdatel'skiĭ dom «Delo». RANHiGS.*
12. *Glaz'ev S.YU. O nepriemlemosti proekta «Osnovnyh napravleniĭ edinoĭ gosudarstvennoĭ denezhno-kreditnoĭ politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov» Banka Rossii (osoboe mnenie chlena Nacional'nogo finansovogo soveta). // Rossijskiĭ ekonomicheskij zhurnal. – 2018. – No 6. – S. 3–26.*
13. *Ershov M.V. Ob usloviyah ekonomicheskogo rosta: o valyutnom kurse, valyutnoĭ stabil'nosti i dlennyh den'gah. // Obshchestvo i ekonomika. – No 2, – 2017. – S. 5–13.*
14. *Maevskii V. I., Malkov S. YU., Rubinshteĭn A.A. K probleme monetizacii rossijskoĭ ekonomiki. – M.: – 2021. Institut ekonomiki.*
15. *Mirkin YA.M. Finansovyĭ forsazh. // Bankovskie uslugi. – 2018. – No 10. – S. 2–7.*
16. *Begg D., Fischer S., Dornbusch R. Economics. Third Edition. McGraw-Hill Book Company. 1991.*
17. *Sokol'nikov G.YA. Finansovaya politika revolyucii. Tom pervyj. Obshchestvo kupcov i promyshlennikov Rossii. – M.: 2006.*
18. *Sokol'nikov G.YA. Finansovaya politika revolyucii. Tom vtoroj. Obshchestvo kupcov i promyshlennikov Rossii. – M.: 2006.*
19. *Dual'nye tovary. Otv. Red. Ryabuhin S.N. – M., 2023.*

Контактная информация / Contact Information

Московская школа экономики МГУ им. М.В.Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 61
Moscow School of Economics Lomonosov Moscow State University,
1/61, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia
Некипелов Александр Дмитриевич / Alexandr D. Nekipelov
Nekipelov@mse-msu.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-143-153

НОВОЕ КАЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

THE NEW QUALITY OF THE RUSSIAN ECONOMY: STRATEGY AND TACTICS

ШИРОВ Александр Александрович

Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Alexander A. SHIROV

Director of the Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

В 2024 г. Россия вступает в новый электоральный цикл, который предполагает как формирование новых ориентиров развития, так определенных сдвигов в экономической политике. Новый Указ Президента о национальных целях развития задает общую рамку развития страны на ближайшие шесть лет. В нем насчитывается около 70 целей развития, большинство из которых является количественными, что формирует новую рамку как для формирования управленческих решений, так и для контроля за их реализацией. Российское экспертное сообщество и академическая экономическая наука должны обеспечивать аналитическую поддержку принятию решений по реализации национальных целей развития. Наиболее сложной и востребованной задачей является научно-технологическое прогнозирование, сочетающее в себе понимание сути ряда научных решений и оценки экономической эффективности их внедрения. Существует непосредственная связка между технологическими сдвигами и уровнем производительности труда, что является важнейшим ответом на вызовы, связанные с изменениями на рынке труда. Вопросы структурных дисбалансов спроса и предложения влияния на них налоговых новаций также являются местом приложения интеллектуальных усилий экспертного сообщества и российской экономической академической науки.

Abstract

In 2024, Russia is entering a new electoral cycle, which involves both the formation of new development goals and certain shifts in economic policy. The new Presidential Decree on national development goals sets the general framework for the country's

development for the next six years. It contains about 70 development goals, most of which are quantitative, which forms a new framework for both making management decisions and monitoring their implementation. The Russian expert community and academic economics should provide analytical support for decision-making on the implementation of national development goals. The most difficult and in-demand task is scientific and technological forecasting, which combines an understanding of the essence of a number of scientific solutions and an assessment of the economic efficiency of their implementation. There is a direct link between technological shifts and the level of labor productivity, which is the most important response to the challenges associated with changes in the labor market. The issues of structural imbalances of supply and demand and the impact of tax innovations on them are also the place where the intellectual efforts of the expert community and the Russian economic academic science are applied.

Ключевые слова Национальные цели развития, экономическая политика, научно-технологическое развитие, рынок труда.

Keywords National development goals, economic policy, scientific and technological development, labor market.

В 2024 г. Россия вошла в новый электоральный цикл, который, несомненно, будет сопровождаться определенными изменениями в области экономической политики. Это, прежде всего, связано с тем, что российская экономика постепенно переходит от стадии адаптации к произошедшим после февраля 2022 г. изменениям [1] к стадии формирования новой модели экономического роста [2]. Задача этой модели состоит в том, чтобы не просто компенсировать понесенные из-за санкционных ограничений потери, но и обеспечить разворачивание механизма самоподдерживающего роста, устойчивого к различного рода конъюнктурным колебаниям и нарастанию внешнего давления [3].

Одним из первых документов стратегического характера, описывающих направление развития экономики и общества на ближайшие годы, стал Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» от 7 мая 2024 г. Он не только позволяет проанализировать вектор движения экономики в новом электоральном цикле, но позволяет проследить логику целеполагания в современной российской экономике. Это важно также и в контексте того, какие требования возникают в этих условиях к экспертному сообществу и экономической науке.

Прежде всего заметим, что указы содержат 70 целей национального развития. Среди них 67 измеряемых количественно целей и три — качественно. За исключением первого опыта формирования подобных указов в 2012 г. это наиболее существенный набор конкретных целей развития экономики и общества. Кроме того, обращает на себя внимание существенное расширение целей, имеющих количественные оценки (например, в указе 2020 г. была всего 21 количественно измеряемая цель развития). Можно сделать вывод о том, что одной из целей нового указа является формирование широкого спектра конкретных показателей вокруг которым

может быть выстроена экономическая политика и система контроля эффективности реализации управленческих решений.

Не менее важное значение имеет и концептуальная часть указа. В ней сформулированы основополагающие принципы развития экономики. К ним отнесены: социальная справедливость, равенство возможностей, честная конкуренция, высокая эффективность, технологичность, предпринимательство, частная инициатива, открытость внешнему миру. В этой части подтверждается приверженность построению в России социально ориентированной, эффективной, открытой экономики. В связи с этим можно сказать, что несмотря на происходящие геостратегические перемены в тексте указов можно отследить преемственность с основными положениями Концепции долгосрочного развития, разработанной еще в 2008 г. Однако сохранение фундаментальных целей развития экономики и общества в новых условиях требует существенной корректировки экономической политики, а значит необходима серьезная работа по ее формированию и обоснованию [4].

Цели национального развития, которые были сформулированы в указе президента, являются результатом довольно длительной аналитической работы, которая в течение последнего года проводилась Администрации президента, Правительстве Российской Федерации, экспертного сообщества. Органами власти был сформирован существенный запрос на экспертную поддержку, в том числе и со стороны академической науки. В чем же причина роста востребованности научной поддержки управленческих решений именно сейчас? По-видимому, дело в том, что наша страна находится на такой стадии развития общества, когда требуется фундаментальное понимание направлений сдвигов, происходящих в национальной экономике, осмысление новых принципов ее функционирования. С учетом масштаба происходящих изменений экспертных возможностей органов исполнительной власти или отдельных аналитических структур для этого уже не хватает, необходима концентрация интеллектуальных усилий для поиска наиболее эффективных инструментов управления экономикой для решения задач не только в текущем периоде, но и в средне- и долгосрочной перспективе.

Ключевая тенденция, которая будет определять развитие России в ближайшие годы – это модернизация экономики на базе ускорения научно-технологического развития. В связи с этим требования по увеличению затрат на исследования и разработки не являются какими-то абстрактными пожеланиями по росту инновационной активности. Объем и эффективность реализации этих затрат становится одним из ключевых условий сохранения конкурентоспособности России в мировой экономике [5].

Сейчас внутренние затраты на исследования и разработки (ИиР) в России составляют примерно 1% от ВВП, и еще примерно 1% мы импортируем через покупку готовых технологических решений. Собственно, даже с учетом этого импортируемого объема затрат на ИиР, мы лишь приближаемся по уровню внутренних и импортируемых затрат к Китаю. При этом Китай является более крупной экономикой и по номинальным затратам на ИиР существенно опережает Россию. Если посмотреть на ведущие экономики мира, то цифра в 2% внутренних затрат на ИиР является одним из условий участия в глобальной технологической гонке. При сохранении объема импортируемых затрат на исследования и разработки на уровне 1% от ВВП наша страна может обеспечить уровень инновационности экономики, который позволит обеспечить минимально приемлемые конкурентные позиции в мире.

Понятно, что в развитии научно-технологического комплекса деньги решают далеко не все. Требуется выстраивание эффективного взаимодействия между наукой и бизнесом, развитие исследовательской компоненты образовательной деятельности. Необходимо выстраивать взаимодействие с дружественными странами, обеспечивать эффективный обмен с ними результатами исследований. Отдельно необходимо отметить важность увеличения затрат на фундаментальную науку, которая должна обеспечить заделы по важнейшим направлениям развития технологий на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

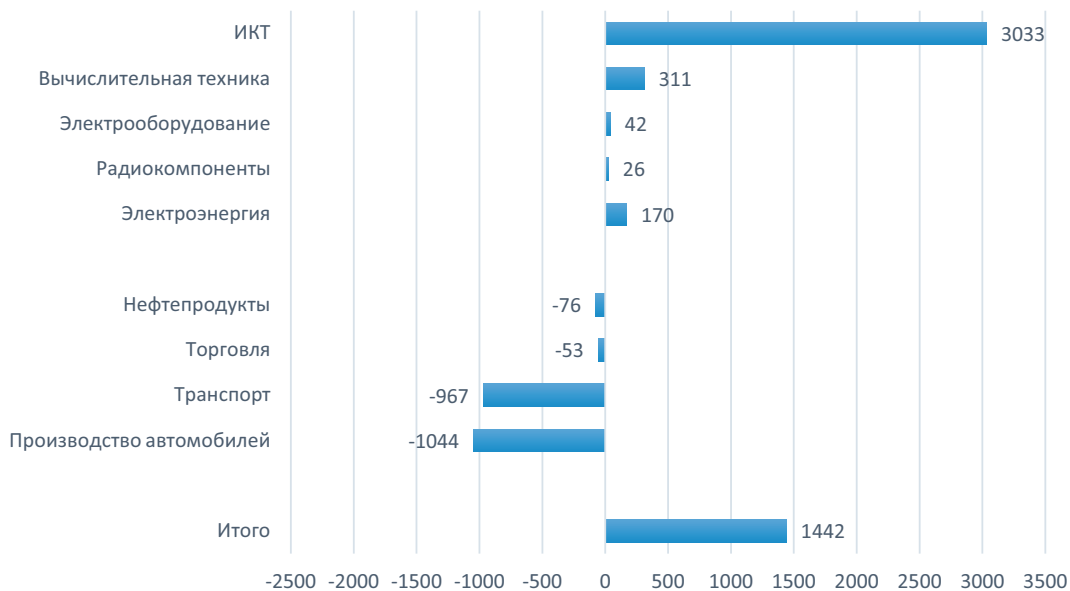
Научно-технологическое развитие – это всегда поиск, который связан с рисками ошибочных решений, распыления средств, трудностями в выборе приоритетов. В связи с этим одной из важнейших задач, стоящих перед исследовательским сообществом и экономической наукой, является научно-технологическое прогнозирование [6]. Недостаточно просто заниматься развитием новых технологий, необходимо понимать, как те или иные технологии влияют на уровень и качество жизни населения, характеристики развития экономики.

Оценка взаимосвязи между технологическими сдвигами, структурными и динамическими характеристиками развития экономики в процессе стратегического планирования связана со значительными трудностями. Они связаны с тем, что происходит выделение средств на реализацию отдельных технологических решений, которые могут оказывать комплексное влияние на развитие экономики. В этих условиях выбор приоритетов научно-технологического развития должен учитывать возможные экономические эффекты в самом широком диапазоне, от формирования доходов, до развития системы межотраслевых взаимодействий и влияние на рынок труда и доходы населения. Конечно, есть технологические приоритеты, которые не могут измеряться в экономических показателях и где вопрос цены не является первостепенным. Речь идет о безопасности и обеспечении жизнедеятельности, но даже в этом случае желательно понимать влияние проектов в этой области на экономику, так как в процессе разработки технологий и их внедрения в производство формируются значительные финансовые потоки, влияющие на доходы и потребление всех экономических агентов, а значит и формирующих общую экономическую среду в стране.

В целом задача научно-технологического прогнозирования в рамках формирования общего прогноза социально-экономического развития должна увязывать между собой несколько уровней. Речь должна идти о формировании системы расчетов, которая обеспечивает переход от отдельной технологии к отраслям экономики и итоговым макроэкономическим индикаторам. Такая схема может быть реализована на базе существующей статистики и методологии «затраты-выпуск» [6]. Суть методологии состоит в оценке эффектов, к которым приводят изменение технологий через структуру затрат и связанных с ними сдвигов в структуре производства, формирования доходов и цен [7].

Например, оценка экономической эффективности ряда технологий, на развитие которых направляются наиболее значительные ресурсы представлена на рисунке 1. Существует масса публикаций, которые описывают масштабные структурные сдвиги в экономике, которые могут произойти в результате внедрения технологий цифровизации, энергетического перехода, развития новых транспортных технологий, однако количественные оценки показывают, что эти ожидания в значительной степени завышены.

Рис. 1. Эффект на ВВП от внедрения новых технологий (цифровизация, новые транспортные технологии, электрическое движение), млрд руб. (в ценах 2023) в год

Источник:
расчеты ИМП
РАН

Можно отметить, что развитие современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) может быть фактором существенного увеличения ВВП. Однако рост доходов за счет расширения технологий цифровизации будет в значительной степени обеспечен через снижение затрат на транспортные, логистические и торговые услуги. Внедрение новых транспортных технологий будет способствовать снижению спроса на индивидуальные транспортные средства [8]. Электромобилизация транспорта связана с уменьшением выпуска в секторе производства транспортных средств и оборудования при росте производства электрических и электронных компонентов в смежных с автомобильным производством секторах экономики. В представленном примере итоговый положительный эффект на экономику составляет порядка 1% от ВВП. Хотя спектр технологий способных существенно влиять на структуру экономики гораздо шире можно отметить, что в любом случае их влияние на экономическую динамику может быть оценено на основе изменения структуры затрат, что предполагает интеграцию инженерных и экономических знаний, а значит и вся задача научно-технологического прогнозирования превращается в мощное междисциплинарное исследование, позволяющее разработчикам технологий и внедряющим их компаниям осуществить связку между наукой, развитием бизнеса и общими экономическими характеристиками.

Однако оценка макроэкономической эффективности решений в области экономической политики может не ограничиваться только получением показателей в терминах ВВП или добавленной стоимости. Дело в том, что в различные периоды времени цели экономической политики могут фокусироваться не только на целях интенсификации экономического роста. Если обратиться к указу президента от 7 мая 2024 г., то его приоритеты можно ранжировать следующим образом: качество жизни населения, место России в мировой экономике, технологическое развитие. Соответственно крайне востребованной задачей является обеспечение х расчетов, которые могли бы демонстрировать, как набор реализуемых меропр-

ятий по управлению экономикой, в том числе в рамках национальных проектов, обеспечивает необходимый вклад в достижение целей развития.

Взаимосвязанность показателей развития экономики можно достаточно хорошо проследить на примере уже рассматривавшейся научно-технологической деятельности. Сама по себе новая технология — это лишь результат работы исследовательских организаций. Основные экономические эффекты возникают тогда, когда эти технологии внедряются в хозяйственную практику. И здесь ключевую роль играют инвестиции в основной капитал. Именно поэтому требуемый рост эффективности российской экономики не может быть запущен иначе, чем через формирование нового инвестиционного цикла [9].

Сейчас в российской экономике наблюдается сильная фрагментация между секторами экономики по уровню развития, эффективности производства и инвестиционной активности. Существуют виды экономической деятельности, где инвестиционная активность в последние два десятилетия была очень высокой, производство модернизировано, а качество выпускаемой продукции позволяет конкурировать с мировыми лидерами как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Именно там сформировался дополнительный производственный потенциал, который стал одним из факторов роста российской экономики в период после 2022 г. Это оборонно-промышленный комплекс, фармацевтика, пищевое производство, химия, производство мебели и ряд других секторов.

Но есть и значительное количество видов деятельности, где уровень инвестиционной активности за последние 10–15 лет оставался достаточно низким. К ним, прежде всего, относятся текстильное производство и производство почти всех видов инвестиционных товаров. Это значит, что вопросы перелива капитала, создания механизмов, которые будут поддерживать модернизацию базового ядра обрабатывающей промышленности, становятся одним из ключевых моментов при формировании новой экономической модели. Это, с одной стороны, формирует требования к денежно-кредитной политике [10], а с другой стороны требует дополнительных мер регулирования, в том числе и налогового. Важно, чтобы налоги выполняли не только фискальную функцию, но обеспечивали распределительную и перераспределительную роль в экономике. К сожалению, до сих пор две важнейшие функции налоговой системы использовались в недостаточной степени.

Налоговые новации, сопровождающие начало нового электорального цикла. Эти меры коснулись налога на доходы физических лиц и налога на прибыль, НДС для предприятий малого бизнеса, а также налога на добычу полезных ископаемых для добычи железа, производства калийных и фосфорных удобрений.

В части НДФЛ новая шкала налогообложения дает в среднесрочной перспективе относительно небольшой выигрыш, который может измеряться суммами в несколько сот миллиардов рублей в год. Поэтому ключевое значение этого шага связано с расширением принципов социальной справедливости, что востребовано российским обществом и будет поддерживать расширение механизмов перераспределения средств в пользу наименее обеспеченных российских семей [11]. Кроме того, механизм налогового «кэшбека» за счет средств федерального бюджета позволит снизить налоговую нагрузку на наименее обеспеченные семьи с детьми и снимет проблему выпадения доходов от НДФЛ для регионов с невысоким средним уровнем заработной платы.

Более существенным выглядит предложение по повышению ставки налога на прибыль до 25%. Здесь речь уже может идти о суммах, составляющих до 2,5 трлн руб. или примерно 5% от объема инвестиций в основной капитал в 2024 г. Ключевым вопросом является не сама по себе ставка, а принципы налогообложения прибыли, которые должны быть зафиксированы на длительный срок, а также принципы налоговых вычетов, которые непосредственным образом влияют на стимулирующую и перераспределительную функцию налога на прибыль.

С точки зрения влияния на экономику принципиально важным является вопрос о том, на что будут потрачены дополнительные налоговые сборы. Если речь идет об их приоритетном направлении на цели структурно-технологической модернизации, то можно говорить о том, что новая ставка налога на прибыль как раз и будет выполнять перераспределительную функцию, направляя средства в приоритетные сектора экономики. С поддержкой технологического развития также связано предложенное правительством увеличение коэффициента налогового вычета для затрат на НИОКР.

Одним из негативных моментов, связанных с активной структурной перестройкой российской экономики после событий 2022 г. стал рост напряжения на рынке труда. Однако, как и во многих случаях, здесь важны детали (рис. 2).

Рис. 2. Изменение в численности занятых обрабатывающей промышленности за 2017–2023 гг., в %

Источник:
Росстат

Если посмотреть на чуть более длинную ретроспективу, то за последние семь лет наибольший рост занятости наблюдался в секторах экономики так или иначе связанных с оборонно-промышленным комплексом. Например, только в производстве готовых металлических изделий, где присутствует значительная оборонная компонента, среднесписочное число занятых увеличилось на 28,5 тыс. чел. При этом основной рост занятости пришелся на 2022–2023 гг. Можно также отметить зна-

чительный рост занятости в секторах экономики ориентированных на внутренний спрос. Однако тенденция роста занятости не носила фронтального характера. Для того, чтобы оценить масштаб произошедших в структуре занятости сдвигов достаточно посмотреть на цифры, приведенные на рисунке 2. Например, в производстве машин и оборудования выпуск в 2017–2023 гг. вырос очень серьезно, примерно на 30%, а при этом занятость сократилась на 25%. Однако в целом, количество видов деятельности, где занятость сокращалась примерно равно тем секторам экономики, где она растет.

Масштабный сдвиг в структуре производства, который переживает наша страна, не мог не отразиться на рынке труда. Постепенно формируются дополнительные требования к внедряемым технологиям, которые должны обладать повышенными характеристиками эффективности использования трудовых ресурсов. Одновременно требуется адекватно оценивать перспективные потребности экономики в подготовке работников различного уровня квалификации [12].

Занятость и производительность труда – неразделимы [13]. Именно поэтому, несмотря на существующее напряжение на рынке труда, можно говорить от том, что в средне- и долгосрочной перспективе жестких ограничений по численности работников в российской экономике нет, хотя есть очевидные проблемы с нехваткой квалифицированных работников отдельных специальностей. А это уже проблема не столько демографии, сколько системы образования, которая в течение длительного периода времени не была ориентирована на масштабную подготовку специалистов для обрабатывающей промышленности.

Предприятия активно задействуют как технологические, так и организационные резервы роста производительности труда [14]. Но есть и виды деятельности, где этого не в достаточной степени не происходит. И здесь мы возвращаемся к вопросу о перетоках финансовых ресурсов внутри экономики, разрывах в уровнях эффективности, доступности заемных средств для нефинансовых предприятий, влияния курса на конкурентоспособность бизнеса и многом другом от чего сильно зависит уровень инвестиционной активности в экономике.

Инвестиционная активность в стране непосредственным образом влияет на «экономику предложения» о которой там много говорится в последнее время. Сейчас это, наверное, ключевое направление, которое позволить решить массу проблем, от снижения инфляции, до импортозамещения. Однако значительные дисбалансы сформировались на стороне спроса. Речь идет о том, что при сложившейся структуре распределения доходов и потребительского спроса сдерживается развитие наиболее эффективных высокотехнологичных производств, ориентированных на внутренний рынок [15]. Значительная часть нашего населения из-за низкого уровня доходов не имеет возможности в достаточной степени использовать услуги высокотехнологичных видов деятельности, в том числе, в области образования, здравоохранения, и не имеет предъявляет крайне ограниченный спрос на высококачественные товары. В связи с этим одним из элементов новой экономической политики должно стать изменение этой ситуации на базе роста доходов наименее обеспеченных граждан, в том числе и за счет использоваться уже упоминавшихся инструментов налоговой политики.

В российской экономике назрел вопрос об изменении пропорций вторичного перераспределения доходов. В среднем за последние 15 лет уровень вторичного перераспределения доходов составлял примерно 7% от ВВП (они перераспределя-

лись, прежде всего, от бизнеса и государства в пользу населения). Однако, в период кризиса 2008–2009 гг., и в период коронакризиса в 2020 г. объемы вторичного перераспределения в нашей экономике возрастали до 10%, из чего можно сделать вывод о том, что механизмы такого распределения в арсенале правительства есть и они отработаны. Постепенное улучшение структуры расходов менее обеспеченных российских семей предполагает дальнейшее повышение объемов вторичного перераспределения в их пользу. Если обратиться к мировому опыту, то в развитых странах он формируется на уровне примерно 15% от ВВП. Движением в этом направлении является расширение прогрессивной шкалы НДФЛ с 2025 г.

Конечно, модернизация экономической политики предполагает множество других решений. Мы обозначили только несколько сюжетов, которые в ближайшее время будут влиять на российскую экономику, и задача экспертного сообщества сейчас стоит не только в том, чтобы заниматься аналитикой, но, конечно, и предлагать определенные решения. И ясно, что в дискуссии о направлениях экономической политики голос экономической академической науки может быть очень востребованным.

Библиографический список

1. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. (2023). Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 г. // Журнал Новой экономической ассоциации. – № 3 (60). – С. 172–180. – DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180.
2. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. / Б.Н. Порфирьев, А.А. Широ, М.Н. Узьяков [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 3(180). – С. 3–15.
3. Клепач А.Н., Макроэкономика в условиях гибридной войны / А.Н. Клепач // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235, № 3. – С. 63–78. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-63-78.
4. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России. Взлеты и падения. Возможности и перспективы // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18. – № 6. – С. 14–46.
5. О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / Под ред. Белоусова Д.Р. и Фролова И.Э. – М.: Динамик принт, 2022. – 168 с. – (серия: Научный доклад ИНП РАН). ISBN 978-5-00204-539-6. – ISSN 2712-9209. – DOI: 10.47711/sr3-2022.
6. Саяпова, А.Р. Основы метода «затраты-выпуск»: Учебник для вузов. Рекомендовано Департаментом экономической теории ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» в качестве учебника для студентов высших учебных заведений и аспирантов, обучающихся по экономическим специальностям / А.Р. Саяпова, А.А. Широ; Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – Москва: ООО «МАКС Пресс», – 2019. – 336 с. – ISBN 978-5-317-06263-7. – DOI: 10.29003/m801.978-5-317-06263-7. – EDN NRHALG.
7. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты-выпуск» / М.Ю. Ксенофонтов, А.А. Широ, Д.А. Ползиков, А.А. Янтовский // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 2(167). – С. 3–13.
8. Ксенофонтов М.Ю., Процесс автомобилизации и определяющие его факторы в ретроспективе, настоящем и будущем / М.Ю. Ксенофонтов, С.Р. Милякин // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 4(169). – С. 92–105.
9. Аганбегян Г.А. Инновации в России: от высокого знания и наличия перспективных научных заделов к эффективному социально-экономическому развитию // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 13–26.

10. Головнин М.Ю. Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 1. – С. 7–20.
11. Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. Макрооценка эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ // Муниципальная академия. – 2020. – № 3. – С. 80–88.
12. Единак Е.А. Влияние межотраслевых экономических факторов на занятость и оплату труда // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 3 (44). – С. 73–83.
13. Воскобойников, И.Б. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике / И.Б. Воскобойников, В.Е. Гимпельсон // Вопросы экономики. – 2015. – № 11. – С. 30–61. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-11-30-61.
14. Долгосрочное развитие российской экономики и проблема эффективности использования трудовых ресурсов / А.А. Широ, М.С. Гусев, А.А. Янтовский, В.В. Потапенко // Проблемы прогнозирования. – 2012. – № 1(130). – С. 3–20.
15. Широ А.А., Парадокс российского потребления / А.А. Широ, В.В. Потапенко // ЭКО. – 2020. – № 6(552). – С. 8–25. – DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-6-8-25.

References

1. Kuzyk M.G., Simachev Ju.V. (2023). Strategii adaptacii rossijskich kompanij k sankcijam 2022 g. // Zhurnal Novoj jekonomicheskoj asociacii. – № 3 (60). – S. 172–180. – DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180
2. Osnovnye napravlenija social'no-jekonomicheskogo razvitija v 2020–2024 gg. i na period do 2035 g / B.N. Porfir'ev, A.A. Shirov, M.N. Uzjakov [i dr.] // Problemy prognozirovanija. – 2020. – № 3(180). – S. 3–15.
3. Klepach A.N., Makrojekonomika v uslovijah gibridnoj vojny / A.N. Klepach // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. – 2022. – T. 235, № 3. – S. 63–78. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-63-78
4. Aganbegjan A.G. Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii. Vzljoty i padenija. Vozmozhnosti i perspektivy // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2023. – T. 18. – № 6. – S. 14–46.
5. O dolgosrochnom nauchno-tehnologicheskom razvitii Rossii: monografija / Pod red. Belousova D.R. i Frolova I.Je. – M.: Dinamik print, 2022. – 168 s. – (serija: Nauchnyj doklad INP RAN). – ISBN 978-5-00204-539-6 ISSN 2712-9209 – DOI: 10.47711/sr3-2022.
6. Sajapova A.R., Osnovy metoda «zatraty-vypusk»: Uchebnik dlja vuzov. Rekomendovano Departamentom jekonomicheskoj teorii FGOBU VO «Finansovyj universitet pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» v kachestve uchebnika dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij i aspirantov, obuchajushhihsja po jekonomicheskim special'nostjam / A.R. Sajapova, A.A. Shirov; Instituta narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN. – Moskva: OOO «MAKS Press», – 2019. – 336 s. – ISBN 978-5-317-06263-7. – DOI: 10.29003/m801.978-5-317-06263-7. – EDN NRHALG.
7. Ocenka mul'tiplikativnyh jeffektov v rossijskoj jekonomike na osnove tablic «zatraty-vypusk» / M.Ju. Ksenofontov, A.A. Shirov, D.A. Polzikov, A.A. Jantovskij // Problemy prognozirovanija. – 2018. – №2(167). – S. 3–13.
8. Ksenofontov M.Ju., Process avtomobilizacii i opredelajushhie ego faktory v retrospektive, nastojashhem i budushhem / M.Ju. Ksenofontov, S.R. Miljakin // Problemy prognozirovanija. – 2018. – № 4(169). – S. 92–105.
9. Aganbegjan G.A. Innovacii v Rossii: ot vysokogo znanija i nalichija perspektivnyh nauchnyh zadelov k jeffektivnomu social'no-jekonomicheskomu razvitiju // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. – 2023. – № 2 (76). – S. 13–26.
10. Golovnin M.Ju. Denezhno-kreditnaja politika Rossii: reakcija na novye vneshnie vyzovy // Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk. – 2023. – № 1. – S. 7–20.
11. Balackij E.V., Ekimova N.A., Jurevich M.A. Makroocenka jeffekta ot vvedenija progressivnoj shkaly NDFL // Municipal'naja akademija. – 2020. – № 3. – S. 80–88.

12. Edinak E.A. *Vlijanie mezhotraslevykh jekonomicheskikh faktorov na zanjatost' i oplatu truda // Social'no-trudovye issledovanija*. – 2021. – № 3 (44). – S. 73–83.
13. Voskobochnikov I.B. *Rost proizvoditel'nosti truda, strukturnye sdvigi i neformal'naja zanjatost' v rossijskoj jekonomike / I. B. Voskobochnikov, V. E. Gimpel'son // Voprosy jekonomiki*. – 2015. – № 11. – S. 30–61. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-11-30-61.
14. *Dolgosrochnoe razvitie rossijskoj jekonomiki i problema jeffektivnosti ispol'zovanija trudovykh resursov / A.A. Shirov, M.S. Gusev, A.A. Jantovskij, V.V. Potapenko // Problemy prognozirovanija*. – 2012. – № 1(130). – S. 3–20.
15. Shirov A.A., *Paradoks rossijskogo potreblenija / A.A. Shirov, V.V. Potapenko // JeKO*. – 2020. – № 6(552). – S. 8–25. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25.

Контактная информация / Contact Information

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47
Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences
47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia
Широв Александр Александрович / Alexander A. Shirov
schir@ecfor.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-154-157

ТРАНСФОРМАЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ. ИНСТРУМЕНТЫ ДЕДОЛЛАРИЗАЦИИ ВНЕШНИХ РАСЧЕТОВ СТРАН БРИКС

TRANSFORMATIONS IN THE GLOBAL ECONOMY. TOOLS FOR DEDOLLARIZATION OF EXTERNAL SETTLEMENTS OF THE BRICS COUNTRIES

РЯБУХИН Сергей Николаевич

Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам, вице-президент ВЭО России, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», доктор экономических наук

Sergei N. RYABUKHIN

First Deputy Chairman of the budget and financial markets Committee of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-President of the VEO of Russia, Director of the Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» (Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics

Аннотация

Настоящая статья посвящена вопросам создания финансовых инструментов, позволяющих осуществлять трансграничные расчеты между странами-участницами интеграционного союза БРИКС. Автор указывает на проблемы, встречающиеся на пути создания наднационального расчетно-платежного средства стран БРИКС, а также указывает на участников инициативы по разработке таких инструментов в Российской Федерации, которые решают задачу создания наднационального платежного инструмента для стран БРИКС.

Abstract

This article is devoted to the creation of financial instruments that allow cross-border settlements between member countries of the BRICS. The author points out the problems encountered on the way to creating a supranational payment instrument for the BRICS,

and also points to the participants in the initiative to develop such instruments in the Russian Federation, which solve the problem of creating a supranational payment instrument for the BRICS.

Ключевые слова Финансовые инструменты, БРИКС, международная интеграция, индексы ценовой устойчивости, индекс мультитоварного значения ценовой устойчивости (МТЗ-индекс), индекс мультивалютного значения ценовой устойчивости (МВЗ-индекс).

Keywords Financial instrument, BRICS, international integration, Price Stability Index, Multi-commodity Price Stability Index (MTZ-index), Multi-monetary Price Stability Index (MVZ-index).

Прежде всего, хотелось бы выразить благодарность академику РАН Александру Дмитриевичу Некипелову, который сделал несколько серьезных предложений, ссылаясь также на те работы, которые мы с группой ученых предложили два года назад на площадке Вольного экономического общества, и которые были поддержаны Советом Безопасности Российской Федерации. Аппаратом Совета Безопасности Российской Федерации была создана Временная межведомственная рабочая группа, которая подготовила предложения Президенту Российской Федерации. Важно отметить посыл, который был обозначен Александром Дмитриевичем в части формирования и создания устойчивых финансовых инструментов в международных внешнеэкономических связях Российской Федерации, а тем более в рамках тех интеграционных групп, в которые входит Российская Федерация – это ШОС, БРИКС и другие. Это не фантазийный материал, как сказал Александр Дмитриевич – это научный продукт. Поэтому я позволю себе очень коротко с учетом того, что Александр Дмитриевич очень много и подробно изложил на эту тему, высказать несколько тезисов и соображений.

В настоящее время мировая валютно-финансовая система переживает период трансформации в рамках перехода от глобального мироустройства к многополярному варианту. Эта трансформация требует создания новых расчетно-клиринговых международных систем и платежных инструментов, отличных от существующих сегодня. Фактически речь идет об изменении правил Бреттон-Вудских и Ямайских соглашений с учетом развития новых интеграционных союзов, таких как БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН и другие. Европейскому Союзу понадобилось более 20 лет, чтобы создать механизм функционирования наднациональной валюты европейских стран (евро). При этом уже существовала финансовая платформа для создания такой национальной валюты в виде экю. Страны Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) потратили более 15 лет на создание наднационального расчетно-клирингового инструмента взаиморасчетов (переводной рубль). Следует отметить, что уже существовала расчетно-клиринговая система неденежных расчетов, основанная на двухстороннем и многостороннем бартере, а также компенсационных сделках.

Международный валютный фонд (МВФ) уже в течение 50 лет пытается придать статус наднационального платежного средства специальным правам заимствования (СПЗ). При этом такая система основывается на Бреттон-Вудских и Ямай-

ских соглашениях. БРИКС, по сути, является интеграционным союзом, не имеющим функций таможенных и валютных союзов, без которых невозможно создание единой наднациональной валюты, поэтому правильней было бы говорить о создании национального расчетно-клирингового инструмента, требующего нетривиальных алгоритмических и политических решений, основывающихся на консенсусных принципах формирования правил и регламентов выпуска, обращения и погашения платежного инструмента, обладающего характеристиками наднационального расчетно-платежного средства.

Проблема состоит в том, что страны-участницы интеграционных союзов не готовы к реальной дедолларизации расчетов в силу того, что их национальные валюты завязаны на процедуру сопоставления их курсовой стоимости с долларом, так как доллар по-прежнему сохраняет за собой роль лидера в системе международных платежей и, что самое главное, является измерителем стоимости и индикатором сопоставления стоимости товаров и услуг. В связи с этим попытка организации наднационального платежного средства интеграционных союзов в виде корзины только национальных валют не может стать заменой доллару.

Какие активы могут стать основой формирования измерителя внутренней меры стоимости? Монотовар (золото, серебро, медь и другие) не может играть эту роль в силу естественных ограничений, накладываемых на него, как на товар, при этом не только с точки зрения его запасов, ликвидности, но и из-за проблем с манипулированием ценообразованием, например попытка Сороса провести спекуляцию по серебру, замена фиксинга на фьючерсное ценообразование по золоту и так далее.

Российскими учеными Научно-исследовательского института «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова» разработан прототип финансовых инструментов, обеспеченных сырьевыми дуальными товарами, валютами дружественных государств и иными активами с использованием алгоритмов построения индексов ценовой устойчивости. Индексы созданы на группе дуальных товаров с якорем в виде золота или меди и на национальных валютах с якорем в виде резервных валют МВФ. Индекс мультитоварного значения ценовой устойчивости (МТЗ-индекс) позволяет осуществить расширение золотой базы, а индекс мультивалютного значения ценовой устойчивости (МВЗ-индекс) позволяет создать синтетическую валюту, волатильность которой от якоря минимальна.

Данные финансовые инструменты позволяют создать наднациональное платежное средство, внутренняя стоимость которого может быть обеспечена товарно-валютными резервами, сформированными по структуре МВЗ-индекса и МТЗ-индекса. При этом конкретные параметры и ограничения, которые используются при расчетах этих индексов, а также определение наднациональных якорей для их вычисления должны являться предметом консенсуса той группы стран, которые готовы реально перейти к дедолларизации.

В этой связи считаю необходимым предпринимать активные шаги по обсуждению указанного предложения об использовании этих финансовых инструментов, разрабатываемых НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», в качестве российской инициативы по созданию прототипа наднационального платежного средства для стран БРИКС в контексте предстоящего в октябре 2024 г. XVI саммита БРИКС в Казани. Дополнительно

отмечу, что указанные выше наработки, можно применять не только в сфере международного сотрудничества и развития интеграционных связей нашей страны, но и в решении глобальных задач, поставленных Президентом Российской Федерации с точки зрения привлечения инвестиций в приоритетные отрасли социально-экономического развития нашей страны.

Библиографический список

1. Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Беленчук С.И. *Переходное состояние мировой валютно-финансовой системы: возможности для России // Научные труды Вольного экономического общества России, Том 231, 2021. – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 220–226.*
2. Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. *Материально-залоговый принцип генерации инвестиционных средств // Научные труды Вольного экономического общества России, Том 231, 2021. – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 227–237.*
3. Рябухин С.Н., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П. *Двухконтурная валютно-финансовая система как инструмент развития национальной экономики Российской Федерации и обеспечения ее суверенитета // Научные труды Вольного экономического общества России, Том 225, 2020. – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 182–200.*
4. Рябухин С.Н. *Новые финансовые инструменты и технологии, позволяющие осуществить асимметричный ответ на вызовы и угрозы российской экономике со стороны коллективного запада // Научные труды Вольного экономического общества России, Том № 3(241), 2023. – М.: ООО «Вольное экономическое общество России». – С. 396–400.*

References

1. Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Belenchuk S.I. (2021), *Perekhodnoe sostoyanie mirovoj valyutno-finansovoj sistemy: vozmozhnosti dlya Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, VEO, vol. 231, pp. 227–237.*
2. Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Zapletin M.P. (2021), *Material'no-zalogovyy princip generacii investicionnyh sredstv, VEO, vol. 231, pp. 227–237.*
3. Ryabukhin S.N., Minchenkov M.A., Vodyanova V.V. and Zapletin M.P. (2020), *Dvuxkonturnaya valyutno-finansovaya Sistema kak instrument razvitiya nacional'noj ekonomiki Rossijskoj Federacii i obespecheniya eyo suvereniteta, VEO, vol. 225, pp. 182–200.*
4. Ryabukhin S.N. *New financial instruments and technologies that allow for an asymmetric response to the challenges and threats to the Russian economy from the collective west // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii, VEO, vol. № 3 (241), pp. 396–400.*

Контактная информация / Contact information

НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» ФБГОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, 36
Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» (Plekhanov Russian University of Economics)
36, Stremyannyj pereulok, Moscow, 117997, Russia
Рябухин Сергей Николаевич / Sergej N. Ryabukhin
Ryabuhin.SN@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-158-172

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ — В ОСНОВЕ СИНЕРГИЯ НАУКИ, ИННОВАЦИЙ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ¹

NEW INDUSTRIALIZATION — BASED ON THE SYNERGY OF SCIENCE, INNOVATION AND SPATIAL FEATURES

КРЮКОВ Валерий Анатольевич

Директор ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения РАН» (ИЭОПП СО РАН), академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Valeriy A. KRYUKOV

Director of the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (IEIE SB RAS), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

КРЮКОВ Яков Валерьевич

Старший научный сотрудник ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения РАН» (ИЭОПП СО РАН, г. Новосибирск), кандидат экономических наук

1 В статье представлены результаты исследований, выполняемых в ИЭОПП СО РАН — Приоритетное направление 5.6.3.2. Механизмы формирования новой модели пространственного развития экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века. Проект 5.6.3.2. Экспертно-аналитические, организационные и методические составляющие системы индикативного планирования научно-технологического и сбалансированного пространственного развития России при реализации крупных инвестиционных проектов. Материал данной статьи также представлялся в форме доклада на Всероссийской научной конференции «Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения», г. Новосибирск, 25–27 июля 2024 г.

Yakov V. KRYUKOV

Senior Research Scientist, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (IEIE SB RAS), Candidate of Sciences (Economics)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы новой индустриализации экономики России в контексте особенностей ее исторического развития, а также с учетом той колоссальной роли и того значения, которое имеет в нашей стране пространственный фактор. Показана та важная роль, которую имеет решение проблемы формирования и развития горизонтальных связей и взаимодействий – как на уровне отраслей и организаций, так и территорий. Вместе с тем решение данной проблемы во многом имеет отложенный характер в силу причин исторического характера. Эти причины сводятся к сложившейся и сохраняющейся до настоящего времени ведомственной (корпоративной) модели вертикальной организации промышленных (прежде всего, индустриальных) структур. Также негативную роль играет недостаточная вовлеченность в процессы индустриализации территорий – как регионов, так и муниципалитетов. По мнению авторов, развитие кооперационных связей и интеграционных процессов – на уровне как отдельных предприятий, так и территорий – в современных условиях невозможно без решения отмеченной выше проблемы отложенного характера.

Abstract

The paper analyzes the problems of the new industrialization of the Russian economy in the context of the peculiarities of its historical development, as well as the colossal role and importance that the spatial factor has in our country. We have shown the importance of solving the problem of the formation and development of horizontal connections and interactions – both at the level of industries and organizations, and territories. The solution to this problem is largely delayed. This is due to historical reasons. The reasons are the departmental (corporate) model of vertical organization of industrial structures that has developed and continues to this day and insufficient involvement in the processes of industrialization of territories. According to the authors, the development of cooperative ties and integration processes in modern conditions is impossible without solving the deferred problem noted above.

Ключевые слова

Индустриализация, кооперация, комбинирование, ведомственный подход, пространственный фактор, государственное регулирование, подходы к согласованию.

Keywords

Industrialization, cooperation, combination, departmental approach, spatial factor, government regulation, approaches to coordination.

Введение

Индустриализация – создание и развитие производств и предприятий, ориентированных на развитие направлений и сфер хозяйственной деятельности, связанных с производством товаров и предоставлением производственно-технических услуг, имеющих важное значение для решения социально-экономических задач той или иной страны в определенный исторический период времени.

Индустриализация – не только (и не столько) создание определенных новых производств, сколько система мер и шагов, направленных на обеспечение поступательного развития экономики той или иной страны. Индустриализация не может иметь законченного и раз и навсегда заданного характера (например, точки зрения состава и структуры производств). Поэтому, как представляется авторам настоящей статьи, является, скорее процессом, находящимся под воздействием достаточно широкого комплекса факторов и условий. В их число входят, в том числе, исходный уровень экономического развития страны, особенности внутренних источников накопления и инвестирования, уровень развития науки и научно-технологической сферы и др. Немаловажную роль в современных условиях играют также и возможности использования форм и методов внешнеэкономических взаимодействий, и связей.

Важнейшей особенностью процессов индустриализации на протяжении более чем столетней истории и мировой экономики и, тем более, нашего Отечества, является определяющая роль государства в ее формировании, а также последующей реализации. Государство может выступать и как непосредственный, прямой участник процессов индустриализации, а может и выполнять в большей мере роль регулятора (скорее, арбитра) ее становления и развития.

Чрезвычайно важным вопросом при осуществлении индустриализации является изыскание и привлечение источников финансирования для реализации намеченных шагов либо по созданию новых производств, либо по модернизации и адаптации уже существующих к меняющимся технологическим процессам создания тех или иных видов продукции или услуг (см., например, ниже о дискуссии 1920-х гг. в СССР). В СССР основными источниками финансирования индустриализации на начальном этапе ее реализации были средства, которые изымались из аграрного и горнорудного секторов.

Пожалуй, чрезвычайно важной особенностью индустриализации является ее нацеленность на обеспечение поступательного развития страны, а также на обеспечение определенной степени устойчивости ее социально-экономической системы к внешним шокам (обусловленным как экономическими, так и политическими причинами).

Современная направленность – научно-техническое развитие + устойчивость экономики страны

В современных условиях актуальность новой индустриализации – или неоиндустриализации – чрезвычайно велика. Свидетельством является, например, доклад под эгидой Международного Валютного Фонда, который увидел свет в 2024 г. [1].

По мнению авторов доклада, о возврате актуальности свидетельствуют меры и шаги в сфере индустриальной политики, которые предпринимают крупнейшие экономические блоки мира – США, ЕС, Китай. В 2015 г. Китай обнародовал стратегический десятилетний план «Сделано в Китае 2025», в основе которого заложено расширение рамок и масштаба государственной поддержки в десяти ведущих секторах экономики критически важных на современной стадии технологического развития – микросхемы, искусственный интеллект (ИИ), робототехника, промышленные датчики, облачные вычисления, накопители энергии (батареи). Евросоюз анонсировал амбициозный стратегический план в области

батарей в 2018 г., суть которого заключается в достижении сначала автономии, а затем и мирового лидерства в рамках всей ценностной цепочки в данной области. Этот план получил развитие в Индустриальной Стратегии ЕС (2020), Европейской Директиве по развитию индустрии выпуска микросхем, в Директиве по достижению нулевых выбросов в промышленности (2023), и направлен на превращение Европы в место чистых технологий, создающих «зеленые рабочие места».

В докладе утверждается, что могут иметь место два принципиальных подхода к реализации современной индустриальной политики, основанные на разных принципах: а) на импортозамещении и б) на экспортной ориентации.

Более важное и принципиальное отличие состоит в том, что экспортная ориентация основана, прежде всего, на действии рыночных сил и процессов в мировой экономике. В этом случае в основе принятия решений – рыночные сигналы/отклики рынка на допустимость того или иного проекта или решения; акцент на доминирующую роль конкуренции, что (по мнению авторов доклада) позволяет ориентировать фирмы на рост производительности; повышенная значимость масштаба как фактора обеспечения большего разнообразия производимой продукции; создание стимулов для преодоления как технического застоя, так и коррупции.

Чрезвычайно важным условием успешности индустриализации является и ее направленность на достижение целей по формированию условий и предпосылок поступательного социально-экономического развития той или иной страны, а также регионов в ее составе. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно и более чем значимо в условиях нашей страны.

Роль и важность региональной составляющей политики индустриализации как на уровне стран, так и отдельных регионов чрезвычайно велика в современных условиях. Так, например, в Европейском Союзе имеют место значительные отличия между странами и группами стран с точки зрения особенностей реализуемой промышленной политики [2]. Важно и то, что вероятность формирования в рамках современной неоиндустриальной политики той или иной новой отрасли специализации положительно связана с особенностями ранее созданных производств. При этом особенно сильная «зависимость от прошлого» наблюдается в тех странах, где явно недостаточен инновационный потенциал (от науки, системы финансирования и до «критически значимого» слоя инновационно-ориентированных компаний самого разного уровня). Вполне очевидно, что «зависимость от прошлого» ослабевает по мере роста инновационного потенциала как стран, так и отдельных территорий в их составе.

Россия – прошлое в нас и с нами

Вопросы индустриализации – сначала в Советской России, а затем и в СССР – вошли в число первоочередных с первых лет Советской власти [3]. Необходимость решения практических задач привела к необходимости пересмотреть многие чисто политические решения с точки зрения их реализуемости: «...советские марксисты 1920-х были вынуждены изменять свои экономические взгляды не менее радикально, чем политическую стратегию. В процессе этого пересмотра они должны были адаптировать марксистскую теорию к задачам, для которых она не была предназначена, и сделать это надо было в условиях, которые не анализировались ранее...» [4. С. 25].

Среди ключевых проблем экономического развития в середине 1920-х гг. были:

■ темпы экономического развития. «Представители двух противоположных школ вели такую уничтожающую критику взглядов своих оппонентов, что напрашивается вывод – советская экономика попала в ловушку между Сциллой слишком медленного и Харибдой слишком быстрого развития» [4. С. 70];

■ источники финансирования индустриализации. Данный вопрос обсуждался, прежде всего, в контексте взаимоотношений «города и деревни» – «...факторы, которые в сложившихся условиях порождали необходимость крупных капиталовложений, делали рост инвестиций опасным для экономической стабильности, а готовность крестьян ответить на инфляционные процессы массовым уходом с рынка грозила вернуть советскую экономику на грань катастрофы, туда, где она находилась накануне нэпа» [4. С. 143].

При этом «...с теоретической точки зрения существовала возможность осуществлять быстрым темпом индустриализацию, основывающуюся в большей степени (хотя и не исключительно) на готовности крестьян увеличить объемы продаж быстрее, чем размеры покупок, особенно при политике жесткого отбора при распределении ограниченных ресурсов и правильного использования обширных резервов рабочей силы. Однако достигаемое таким образом равновесие было исключительно неустойчивым и подверженным резким потрясениям – кризис хлебозаготовок не оставил никаких сомнений в этом...» [4. С. 188].

В конечном счете, как известно, был выбран и реализован подход, основанный на политических шагах и мерах по мобилизации всех имеющихся в стране финансовых ресурсов на цели ускоренной индустриализации. Была принята и реализована политика не только перераспределения доходов государства, но и доходов, в первую очередь, крестьянства. При этом также значимую роль сыграла и горнодобывающая промышленность – включая ускоренное освоение новых золотодобывающих территорий (таких, как Дальний Восток и Северо-Восток).

В настоящее время вопрос о необходимости мобилизации государственных доходов на цели, например, неоиндустриализации не стоит так остро, равно как он и вовсе не встает применительно к доходам аграрного сектора. В то же время данный вопрос достаточно актуален применительно к компаниям топливно-энергетического, горнодобывающего и, в целом, природо-ресурсного блока национальной экономики. Если такие компании, как ПАО «Татнефть», ОАО «СИБУР», ОАО «Иркутская Нефтяная Компания» и др. поступательно шаг за шагом осуществляют достройку производственно-технологических цепочек в экономике страны, то, например, ПАО «Норильский Никель»² следуют ранее сложившейся практике – либо периода «безграничной глобализации» (предложение о переносе медного завода из г. Норильска в Китай), либо индустриализации в ее самом первоначальном представлении (акцент на увеличение выпуска крупнотоннажной энергоемкой продукции начальных переделов) с последующей ориентацией на экспорт.

2 Потанин В. О закрытии речи не идет: «Норникель» планирует перенести мощности Медного завода из Норильска // Newslab.ru. – 2024. – 25 апреля. – URL: <https://newslab.ru/article/1279376> (дата обращения: 19.06.2024);

Парамонова Н. Прощай, «Медный»: зачем Владимир Потанин хочет перенести завод из Норильска в Китай // Forbes. – 2024. – 24 апреля. – URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/511073-prosaj-mednyj-zacem-vladimir-potanim-hocet-perenesti-zavod-iz-noril-ska-v-kitaj> (дата обращения: 19.06.2024).

При этом значительная часть доходов экспортного характера в подобной ситуации оседает на счетах в оффшорных юрисдикциях.

Комбинаты, отрасли, территории – проектируем одно, получаем совсем другое

Чрезвычайно важной целью индустриализации в нашей стране, имеющей колоссальную все еще слабо освоенную территорию, является не только достижение научно-технических и производственно-технологических целей и задач, но также и создание условий для социально-экономически ориентированного развития в самых различных ее регионах.

Достижение отмеченной цели предполагает формирование рамок реализации производственно-технологических проектов, создающих возможности для реализации того социально-экономического потенциала, которым располагает тот или иной регион, или группа регионов.

Чрезвычайно интересным является тот факт, что данные соображения – по очередности постановки и их обсуждения – в 1920-е гг. также обсуждались в контексте направлений и организационных рамок индустриализации.

На начальном этапе индустриализации в 1920-е гг. в основу подхода к решению ее основных задач – прежде всего, создания комплекса взаимосвязанных производств на той или иной территории – был положен принцип комбинирования³.

Так, например, к числу «общих установок генплана Сибири» были отнесены следующие (многие из которых вытекали из накопленного опыта и знания проблем экономики региона на протяжении многих лет): «Преодоление расстояния является для Сибири важнейшей задачей хозяйственного строительства... На рынки должны выбрасываться: не уголь, а кокс и химические продукты; не круглый лес, а пиломатериалы, фанера, древесная масса, целлюлоза и химикалии; не зерно, а мука; не маслосемена, а масло; не молоко, а масло, сыр и казеин; не мороженое мясо и рыба, а бекон и консервы; не волокно, а ткань и т.д.» [6. С. 14].

Важная особенность того подхода, который обсуждался и предлагался к реализации «общих установок генплана», состояла в сочетании централизованного планирования с возможностью развития горизонтальных связей (элементов «новой геометрии») развития инициативы и предприимчивости на уровне проектов, говоря современным языком, инновационного характера – поисковых и ориентированных на удовлетворение локальных потребностей и рынков.

Среди отличительных общих черт и особенностей подходов к решению данных проблем следует, пожалуй, отнести:

- преимущественно технико-экономический характер подходов к выбору и обоснованию решений⁴;
- исключение из рассмотрения вопросов мотивации и, что не менее важно, обеспечения согласованности интересов участников различных проектов;

3 «Полезно различать два типа вертикальной интеграции... Первый тип, который я определяю как естественную вертикальную интеграцию, подразумевает интеграцию смежных производственных стадий, объединяемых стержневой технологией. Вторым типом интеграции... связан с интеграцией периферийных, или нестержневых производств – интеграция «назад» с охватом производства сырья, комбинирование основного производства с производством компонентов, интеграция «вперед» со стадией сбыта и т.п.» [5. С. 181].

4 «В планах и исследованиях намечаются очертания новых промышленных гигантов..., которые завтра встанут перед нами во весь свой огромный рост с тысячами сложнейших технико-экономических вопросов...» [7. С. 3].

■ статический анализ проектов и предложений (неучет динамики – как в процессе возможного их развития с течением времени, так и с точки зрения учета в целом влияния «фактора времени», то есть с учетом разновременности осуществления затрат и получения результатов).

В контексте обсуждаемого вопроса важно то, что с организационной точки зрения рамки решения основных «проблем» развития экономики Сибири и Востока страны выделялись в форме комбинатов. В свою очередь, обсуждению проблем комбинирования 1920–1930-е гг. предшествовало активное обсуждение подходов к формированию и развитию синдикатских организаций как новой формы объединения советской промышленности. В их основе лежало на начальном этапе сосредоточение в едином аппарате операций по сбыту продукции [8]. При этом отмечалось, что «Своеобразная экономическая структура и экономическая сущность нашей страны должны были вложить в объединения производственных единиц: конвенции, советы съездов промышленников, синдикаты – специфическое содержание» [8. С. 1].

Дальнейшим шагом стал переход к рассмотрению организации промышленности на основе экономики комбинирования – производственно-технологических связей переделов сырья, использования энергии, а также определенной близости к источникам используемых природных ресурсов (энергии воды, угля, месторождений руд, древесного сырья и пр.). Комбинаты в значительно большей степени учитывали факторы и обстоятельства, связанные с пространственными особенностями развития производственно-экономических связей. В этом случае, по замыслу авторов, решались, с одной стороны, проблемы предложения необходимых для производства сырья и полуфабрикатов, а с другой, снималась часть остроты проблемы «гнета расстояний» – продукция предыдущих переделов являлась основой последующих циклов производства продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Как отмечал выдающийся эконом-географ, инженер Н.Н. Колосовский в случае Урало-Кузнецкой «проблемы», «основная идея заключается в создании ряда крупных заводов на уральской руде и кузнецком коксе, при условии правильной организации магистрального транспорта между ними...» [9. С. 3]. Идея комбинирования была популярной при поиске решений межотраслевых комплексных экономических задач – не только в горной промышленности и, в целом, в тяжелой промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Как виделось архитекторам индустриализации, данный подход чрезвычайно интересен и многообещающ – решаются вопросы комплексного использования сырья, уменьшается зависимость от спроса на продукцию промежуточных переделов, снижается роль «гнета расстояний» и пр. Немаловажно и то, что создание новых производств в новых районах открывало возможности лучшего использования потенциала строительных и производственно-сервисных организаций.

Вместе с тем очевидно, что рассмотрение и принятие решения о создании комбината не может ограничиваться только рамками начального – строительного – этапа. Авторы и исследователи данных вопросов весьма отчетливо понимали это обстоятельство. Так, Н.Н. Колосовский уже на раннем этапе обсуждения идеи комбинатов отмечал, что: «Теоретически несомненно для каждого конкретного случая существует предельная степень концентрации

комбинирующихся предприятий, дальше которой концентрация становится невыгодной. Наступает момент, когда комбинат начинает превращаться в неудобное сожительство предприятий, теряющее и экономический и технический смысл. Наконец, теоретически может получиться в проекте уродливое нагромождение предприятий, — то есть проект локального комбината может приводить к самоотрицанию комбинирования. ...Иначе говоря, каждый проектируемый нами локальный комбинат должен проверяться на „гибкость“, „эластичность“ частей при возможном расширении производства. В затруднительных случаях выход из положения, это переход от локальных комбинатов на комбинирование технологических процессов в масштабе целых районов. Этот переход предполагает более равномерное, но не произвольное распределение производств по территории. Это такая внутренне связанная система, которая дает наибольший эффект при использовании сырья, энергии, транспорта во всех его видах, трудовых ресурсов и оборудования» [9. С. 7].

Преодоление потенциальной инерционности и негибкости в развитии комбинатов выделось в развитии горизонтальных связей и взаимодействий с предприятиями на региональном уровне (данные соображения на многие годы опередили ныне популярный «кластерный подход»⁵).

В этой связи Н.Н. Колосовский отмечал, что «...пространственная, районная форма наших комбинатов — вот та особенность, которая в перспективе имеет для нас решающее значение» [9. С. 6].

В последующем в первоначальном виде идея комбинатов в нашей стране была реализована, пожалуй, только в «высоких широтах» на Севере и в Арктике. Как отмечал позднее (в конце 1950-х гг.) С.В. Славин, «...„оазисный“ характер освоения при характерных для районов Севера чертах природы и экономики вызвали к жизни особые формы и методы управления процессом освоения. <...> Характерными чертами комбинатов являлись:

- 1) выделение государством территории, на которую распространялась деятельность данного комбината...
- 2) включение в состав комбината всех отраслей хозяйства и всех видов производства, необходимых для решения основной задачи комбината...
- 3) подчинения всех предприятий, входящих в комбинат, единому руководству (управлению), объединяющему все материально-технические и финансовые средства, а также людские силы...» [10. С. 46–47].

Основная причина того, что «каноническая форма комбинатов» оказалась устойчивой только на Севере и в Арктике (полиметаллы Норильска, золото и полиметаллы Северо-Востока), состояла в особенностях тех проектов, для реализации которых они создавались. А именно — уникальные природные объекты (месторождения), которые обеспечивали высокую эффективность

5 «Частая смена теоретических предпочтений (формирование полюсов роста, кластеров, территорий опережающего развития и пр.) на деле оказывается лишь всего лишь оболочкой, институциональная основа которой — восстановление комплексного социально-экономического планирования на территориях» [11. С. 235]. Кластерный подход в его каноническом понимании предполагает наличие определенной «критической» совокупности хозяйствующих субъектов, что обеспечивает возникновение синергетического эффекта от их взаимодействий. Однако при этом упускается из виду, что наличие совокупности с отмеченными выше характеристиками требует длительного времени и поступательной целенаправленной работы и бизнеса и государства и общества.

за счет и в рамках действия «фактора экономии на масштабе». Только с течением времени, по прошествии нескольких десятков лет эксплуатации уникальных источников сырья, действие данного фактора подошло к критической черте, а с этим и исчерпала свои возможности «каноническая форма комбината».

В Центральной и Восточной Сибири замысел создания «канонических комбинатов» постепенно – год за годом, шаг за шагом – трансформировался в замысел создания «производственно-территориальных комплексов».

Основным критерием обоснования и выбора решений при реализации различных проектов был уровень издержек на производство того или иного вида продукции. В их основе лежали: а) применение современных (на момент создания) технологий и б) уникальные характеристики природного объекта (месторождения, гидроэнергетических или лесных ресурсов). Причем уровень принимаемых издержек при реализации ключевых проектов, как правило, был настолько низок, что позволял обеспечивать эффективное использование получаемых продуктов (металла, угля и пр.) на весьма значительном расстоянии от места производства [12]. Следует заметить, что низкие издержки были связаны и с неучетом затрат на восстановительные работы и мероприятия, связанные с рекультивацией и ликвидацией нанесенного окружающей среде ущерба.

При этом рассматривались, тем не менее, вопросы взаимосвязи и взаимодействия различных видов хозяйственной деятельности: «В состав комплексно развитого района должно входить три группы отраслей производства.

Первую группу отраслей района должны составлять те отрасли, развитие которых диктуется требованиями правильного территориального разделения труда...

Вторую группу составляют производства, обеспечивающие развитие первой группы. Так, если в Западной Сибири широкое развитие получает угольная промышленность, то здесь же следует развивать и горное машиностроение...

Наконец, третью группу составляют те отрасли промышленности и сельского хозяйства, которые производят продукты питания и товары широкого потребления, обеспечивают максимальное удовлетворение потребностей населения» [12. С. 14–15].

Если первоначально на уровне «канонического комбината» степень внутренней взаимосвязанности различных сфер хозяйственной деятельности гипотетически могла (начиная с определенного момента времени) иметь достаточно высокий уровень (за счет, например, перекрестного софинансирования различных этапов и звеньев единого производственно-экономического цикла), то, увы, на практике в случае сформированных производственно-территориальных образований о высокой степени внутренней взаимосвязанности говорить уже не приходилось. В результате создание и развитие смежных производств за счет и в рамках инициативы на уровне отдельных территорий было невозможно без привлечения внешних источников и постоянной административной поддержки со стороны органов государственного управления более высокого уровня иерархии.

Масштаб реализуемых проектов, их уникальность являлись основой усиления роли организационных структур, направленных на решение весьма узкого круга специализированных задач. Иными словами, происходило постепенное смещение акцентов от межотраслевого управления проектами развития производительных сил Сибири и Востока к узкоотраслевому. Координация усилий потенциальных участников проектов при этом имела место только на стадии проработки

принципиальных решений при определении ключевых параметров проектов, в то время как дальнейшее их развитие всецело определялось специализированными узкоотраслевыми приоритетами (было прерогативой наркоматов и, позднее, отраслевых министерств – число которых к концу 1980-х гг. уже приближалось к 140).

Времена меняются – проблема сохраняется

Пожалуй, последней значительной попыткой преодоления односторонней направленности развития отраслевых производственно-технологических комплексов, сформированных исключительно на основе дополняемости сменяющих друг друга последовательных стадий передела добываемого сырья (прежде всего, нефти, железной руды, полиметаллов, а также древесины и, в значительно меньшей степени, продукции сельского хозяйства) стало решение о создании сначала межотраслевых научно-технических комплексов (МНТК), а затем и «социалистических концернов» (в числе первых – «Газпром» и «ЛУКОЙЛ»).

Однако декларативная направленность пожеланий о развитии горизонтальных связей в научно-технологической сфере была не в состоянии повлиять на изменение доминирования и преобладания тенденций вертикальных производственно-технологических связей на основе безусловного доминирования индустриального технологического уклада.

Итогом экспериментов и преобразований рубежа XX–XXI веков в ведущих отраслях и производственно-экономических комплексах (прежде всего на Востоке страны) стало безусловное доминирование начальных переделов. Даже те фрагменты цепочек создания ценности (добавленной стоимости), которые были созданы в предыдущие годы, либо прекратили существование, либо получили развитие в сторону усиления сырьевой – прежде всего, экспортной направленности.

Так, например, такие значимые высокотехнологичные составляющие цепочек, которые удалось создать здесь в советское время – завод тяжелых экскаваторов в Красноярске (в связи с реализацией «суперпроекта» Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, КАТЭК) или Иркутский завод тяжелого машиностроения по производству горного оборудования для золотодобывающей промышленности – в период рыночных реформ при изменении относительных цен и ухода государства из управления экономикой прекратили свое существование и были, в лучшем случае, трансформированы в сервисные компании, решающие очень узкие задачи (включая сервисное обслуживание импортной горно-шахтной техники и оборудования).

Весьма красноречива, например, статистика, характеризующая производство и использование алюминия и нефтехимической продукции. В силу этого многие технологии по использованию алюминия в промышленности и различных секторах национальной экономики утрачены. В то же время во всем мире популярность алюминия продолжает расти. Он становится альтернативой меди в энергетических кабелях, замещает сталь в двигателях, конструкциях морских и речных судов, парит над землей в составе мостовых сооружений.

Даже в текущей ситуации, несмотря на санкционные ограничения, экспорт алюминия из России увеличивается за счет роста потребления в «дружественных» странах. Так, по данным Главного таможенного управления Китая, экспорт российского алюминия в КНР в январе – сентябре 2023 г. в физическом выражении вырос втрое в сравнении с аналогичным периодом прошлого года и составил 806 250 т. Увеличилась и доля

России в китайском импорте металла – с 76,1 до 84,3%⁶. В мире около 25% производимого алюминия используется в строительной отрасли. На российский первичный алюминий приходится 5,6% мирового производства. При этом только четверть данного объема потребляется на внутреннем рынке. Основная причина – не только недостаток мощностей высоких переделов, сколько низкий уровень внутреннего спроса. В России потребление алюминия на душу населения составляет 10 кг в год, в то время как среднемировой показатель близок к 15 кг, а в индустриально развитых странах – около 45 кг.

Во многом близкая картина наблюдается по продукции глубокой переработки углеводородов, древесины и многих других видов добываемых и производимых на территории страны минерально-сырьевых и природных ресурсов. По состоянию на конец 2017 г., потребление полипропилена в России было почти втрое ниже, чем в Западной Европе, и вдвое ниже, чем в Китае; по потреблению полиэтилена низкой плотности имело место двукратное отставание от Западной Европы при сопоставимых показателях с Китаем [13].

Преодоление сложившихся негативных тенденций является первоочередной целью неоиндустриализации – формирование утраченных цепочек создания ценности (добавленной стоимости) на новом качественном уровне, прежде всего с учетом особенностей формирования и развития горизонтальных взаимодействий участников на всех стадиях («этажах»).

В случае, например, реализации нефтегазохимических проектов это предполагает не только организацию потоков сырья и полупродуктов между перерабатывающими предприятиями, но и проведение согласованной политики по освоению месторождений углеводородного сырья и утилизации различных сырьевых компонентов (прежде всего углеводородов C_2-C_4 в составе природных и попутных газов). Для повышения эффективности утилизации газовых ресурсов большое значение имеет и согласование графиков добычи (ввода месторождений в эксплуатацию) по объектам с созданием единой газотранспортной системы и выходом на действующие химические предприятия и новые крупные газоперерабатывающие комплексы. Последнее обстоятельство предполагает учет особенностей пространственной структуры экономики страны и, в первую очередь, Востока России [14. С. 17].

Ключевое направление неоиндустриализации – достраивание цепочек создания стоимости (ценности) в направлении формирования спроса на продукты глубокой переработки внутри страны⁷.

Импульсные проекты – основа формирования пространственных взаимодействий

Коллективом ИЭОПП в рамках выполнения работ по крупному научному проекту в течение 2020–2023 гг. было сформировано несколько специализированных пулов критически важных проектов, которые были определены как «импульсные» – то есть реализация которых способна обеспечить значительный синергетический социально-экономический эффект развития экономики страны [15].

Импульсные проекты предполагают их увязку с решением целого ряда задач – таких, как развитие новых производств (например, производство оборудования),

6 Кармакова М. Большое будущее алюминия // Добывающая промышленность. – 2023. – 20 декабря. – URL: <https://dprom.online/metallurgy/bolshoe-budushhee-alyuminiya> (дата обращения: 19.06.2024).

предоставление высокотехнологичных услуг (наука и инновационная среда), развитие творческого потенциала населения (образование). На практике это означает наличие эшелонированных в пространстве и во времени взаимодействий участников этих проектов.

Взаимодействие в пространстве означает связь отдельных стадий цепочек создания добавленной стоимости: добыча полезных ископаемых на определенной территории, научно-технологический потенциал в городах и населенных пунктах, расположенных в других регионах и связанных с данными проектами и т.д. Межвременные связи означают формирование в настоящее время условий развития в будущем. Важную роль здесь играет, например, целевой характер аккумулирования доходов, обусловленных благоприятной ценовой конъюнктурой на энергоресурсы и металлы (что имеет место в настоящее время), с последующим их использованием на реализацию проектов диверсификации экономики в направлении производства более технологически более сложных и более наукоемких товаров и услуг.

Начальный перечень импульсных проектов имеет в своей основе ранее сложившуюся сырьевую специализацию экономики, например, регионов Востока страны. Однако данные проекты – мы их определили со знаком «+» – значительно шире по своему наполнению реализуемых в настоящее время узкоспециализированных проектов, связанных только с добычей сырья и его первоначальной переработкой. Мы выделили три перспективных отраслевых кластера пилотных импульсных проектов – «Металлургия плюс», «Лес плюс», «Уголь плюс». Отличие этих проектов состоит в учете и представлении процесса их поэтапной и все более усложняющихся в технологическом отношении структуре и составе.

Импульсные проекты могут, по нашему мнению, стать основой формирования обновленной системы межрегиональных связей и преодоления узкоотраслевой направленности экономики значительной части территорий страны.

К важнейшим импульсным проектам также необходимо отнести:

■ развитие современной транспортной инфраструктуры (включая как сооружение транспортных и коммуникационных артерий, так и производство современных материалов и транспортных средств для их реализации); важнейший принцип ее

7 «России нужна новая полноценная индустриализация: ее частью станет запуск масштабных проектов длительностью в 10–20 лет, значимых для техсуверенитета страны; в том числе речь идет о создании целых отраслей в радиоэлектронике, химии, станках и беспилотниках... Суть промышленной политики, если вкратце, в достраивании тех критических производственных цепочек, которые необходимы для обеспечения национальной безопасности и роста благосостояния граждан (через повышение экономической эффективности). До 2022 г., когда мы были полностью интегрированы в глобальный рынок, эта задача успешно решалась путем замещения недостающих сегментов импортом. Но сейчас, в новых условиях, мы не можем себе такого позволить – уровень технологической самодостаточности должен быть другим. И для этого нужна полноценная новая индустриализация... Ее частью станет запуск масштабных проектов «длиной» в 10–20 лет, не всегда окупаемых для бизнеса, но значимых для техсуверенитета страны. В том числе по созданию целых отраслей: например, в радиоэлектронике, химии, станках, беспилотниках» (см.: В Минпромторге заявили о необходимости новой индустриализации. – URL: https://nangs.org/news/technologies/v-minpromtorge-zayavilo-neobkhodimosti-novoj-industrializatsii?utm_source=newsletter_2741&utm_medium=email&utm_campaign=n-d-n&auid=1681637 (дата обращения: 19.06.2024).

формирования – переход от древовидной структуры транспортного комплекса к сетевой структуре как основе расширения экономически освоенного пространства;

■ формирование новых энергетических объектов, ориентированных на учет локальных особенностей производства и распределения электрической и тепловой энергии (необходимо рассматривать не просто рост выработки электроэнергии, но и рост электропотребления в социально-бытовой сфере), а также создание и производство технологического оборудования, информационных систем управления и их регулирования.

На макроэкономическом уровне наиболее серьезно препятствует социально-экономическому развитию страны слабость инвестиционной политики, приводящая к увеличению физического и морального износа основного капитала, к снижению темпов и уровней его накопления и, как результат, к стагнации экономического роста. Выход видится в принятии комплексных мер поддержки инвестиций в импульсные проекты, направленных на достижение синергии потенциала и возможностей различных территорий страны. При этом важны не столько инвестиции, сколько их нацеленность на рост научно-технологического уровня экономики.

На этапе запуска предлагаемого подхода ведущая роль, несомненно, принадлежит государству. В дальнейшем усилия государства целесообразно сосредоточить на поддержке развития горизонтальных взаимодействий с целью обеспечения роста научно-технологического уровня экономики и страны с учетом особенностей ее отдельных регионов и из групп.

Библиографический список

1. Cherif R., Hasanov F. *The Pitfalls of Protectionism: Import Substitution vs. Export-Oriented Industrial Policy*. – IMF, – 2024. – 41 p. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/26/The-Pitfalls-of-Protectionism-Import-Substitution-vs-546349> (дата обращения: 19.06.2024).
2. Xiao J., Boschma R., Andersson M. *Industrial Diversification in Europe: The Differentiated Role of Relatedness // Economic Geography*. – 2018. – Vol. 94(5). – P. 514–549. – DOI: 10.1080/00130095.2018.1444989.
3. Lead J. *Sidelights on the Economic Situation in Russia*. – Moscow: The Kushnerev Printed Works, 1922. – 148 p. + Appendices, 48 p. + 3 maps.
4. Эрлих А. *Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 / Пер. с англ.; Под научн. ред. А.А. Белых*. – М.: Дело, – 2010. – 248 с.
5. Уильямсон О.И. *Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация*. – СПб.: Лениздат, – 1996. – 704 с.
6. *Основные положения Генерального плана развития народного хозяйства Сибирского края на 1926/27 1940/41 / Сибирская Плановая Комиссия*. – Новосибирск: Издание Сибирской Плановой Комиссии, – 1927. – 134 с.
7. *1-й Сибирский научно-исследовательский комбинат. Коллективный труд*. – Новосибирск: Издание ЗапСибкрайсовнархоза, – 1931. – 106 с.
8. *Синдикаты СССР. Сборник статей под редакцией и с предисловием А.Л. Соколовского*. – М.–Л.: Акционерное Общество Промиздат, – 1927. – 309 с.
9. Колосовский Н.Н. *Будущее Урало-Кузнецкого Комбината*. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, – 1932. – 136 с.
10. Славин С.В. *Промышленное и транспортное освоение Севера СССР*. – М.: Издательство экономической литературы, – 1961. – 302 с.

11. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. *Очерки по пространственной экономике.* – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, – 2014. – 272 с.
12. Попов В.Э. *Развитие и размещение тяжелой индустрии Сибири.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, – 1962. – 114 с.
13. *Нефтехимическая отрасль России: стоит ли ждать перемен?* – М.: VYGON Consulting, – 2017. – 63 с.
14. Крюков В.А., Шмат В.В. *Динамика становления и развития малотоннажной химии / Малотоннажная химия: разработки, производство, аналитический контроль: сборник тезисов докладов Научно-практической конференции, 11–15 марта 2024 г. Инжиниринговый центр НИОХ СО РАН.* – Новосибирск, – 2024. – 112 с.
15. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2-х т. / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН.* – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, – 2023. – 418 с., – 527 с.

References

1. Cherif R., Hasanov F. *The Pitfalls of Protectionism: Import Substitution vs. Export-Oriented Industrial Policy.* – IMF, 2024. – 41 p. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2024/04/26/The-Pitfalls-of-Protectionism-Import-Substitution-vs-546349> (data obrashhenija 19.06.2024).
2. Xiao J., Boschma R., Andersson M. *Industrial Diversification in Europe: The Differentiated Role of Relatedness // Economic Geography.* – 2018. – Vol. 94(5). – P. 514–549. – DOI: 10.1080/00130095.2018.1444989.
3. Lead J. *Sidelights on the Economic Situation in Russia.* – М.: The Kushnerev Printed Works, – 1922. – 148 p. + Appendices, 48 p. + 3 maps.
4. Jerlih A. *Diskussii ob industrializacii v SSSR. 1924–1928 / Per. s angl.; Pod nauchn. red. A.A. Belyh.* – М.: Delo, 2010. – 248 s.
5. Uil'jamson O.I. *Jekonomicheskie instituty kapitalizma. Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija.* – SPb.: Lenizdat, 1996. – 704 s.
6. *Osnovnye polozhenija General'nogo plana razvitija narodnogo hozjajstva Sibirskogo kraja na 1926/27 1940/41 / Sibirskaja Planovaja Komissija.* – Novosibirsk: Izdanie Sibirskoj Planovoj Komissii, – 1927. – 134 s.
7. *1-j Sibirskij nauchno-issledovatel'skij kombinat. Kollektivnyj trud.* – Novosibirsk: Izdanie ZapSibkrajsovnaarhoza, – 1931. – 106 s.
8. *Sindikaty SSSR. Sbornik statej pod redakciej i s predisloviem A.L. Sokolovskogo.* – М.–Л.: Akcionerное Obshhestvo Promizdat, – 1927. – 309 s.
9. Kolosovskij N.N. *Budushhee Uralo-Kuzneckogo Kombinata.* – М.–Л.: Gosudarstvenное social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1932. – 136 s.
10. Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR.* – М.: Izdatel'stvo jekonomicheskoy literatury, – 1961. – 302 s.
11. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. *Очерки по пространственной экономике.* – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, – 2014. – 272 с.
12. Попов В.Э. *Развитие и размещение тяжелой индустрии Сибири.* – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. – 114 с.
13. *Нефтехимическая отрасль России: стоит ли ждать перемен?* – М.: VYGON Consulting, – 2017. – 63 с.
14. Крюков В.А., Шмат В.В. *Динамика становления и развития малотоннажной химии / Малотоннажная химия: разработки, производство, аналитический контроль: сборник тезисов докладов Научно-практической конференции, 11–15 марта 2024 г. Инжиниринговый центр НИОХ СО РАН.* – Новосибирск, – 2024. – 112 с.
15. *Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития: в 2-х т. / Под ред. В.А. Крюкова, Н.И. Суслова; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН.* – Novosibirsk: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – 418 с., 527 с.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения РАН» (ИЭОПП СО РАН)

630090, г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (IEIE SB RAS)

17 Ak. Lavrent'ev Ave., 630090, Novosibirsk, Russia

Крюков Валерий Анатольевич / Valeriy A. Kryukov

kryukov@ieie.nsc.ru

Крюков Яков Валерьевич / Yakov V. Kryukov

kryukovyv@ieie.nsc.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-173-187

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА¹

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND EDUCATIONAL POLICY

СМОЛИН Олег Николаевич

Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию, член Президиума ВЭО России, академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор

Oleg N. SMOLIN

First Deputy Chairman of the RF State Duma Committee on Science and Higher Education, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philosophy, Professor

Аннотация

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем – кадровому обеспечению технологического суверенитета России. Автор анализирует факторы, актуализирующие данную проблему, в том числе неточно сформулированную стратегию импортозамещения. На взгляд автора, наиболее острыми в данном отношении проблемами образовательной политики являются подготовка высококвалифицированных рабочих, инженерных и педагогических кадров. В статье формулируются конкретные предложения, общий смысл которых – финансовая и социальная приоритизация, позволяющая уменьшить или преодолеть кадровый дефицит в соответствующих областях народного хозяйства.

Abstract

The article is devoted to one of the most urgent problems – the staffing of technological sovereignty of Russia. The author analyzes the factors that actualize this problem, including the imprecisely formulated import substitution strategy. In the author's opinion, the most acute problems of educational policy in this regard are the training of highly qualified workers, engineers and teachers. The article formulates specific proposals, the general meaning of which is financial and social prioritization, which makes it possible to reduce or overcome the personnel shortages in the relevant areas of the national economy.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на пленарном заседании Московского академического экономического форума (МАЭФ-2024), 15 мая 2024 г.

Ключевые слова Технологический суверенитет, экономические санкции, импортозамещение, дефицит кадров, единый государственный экзамен, среднее профессиональное образование, инженерно-техническое образование, студенческие стипендии, идеология образовательной политики, статус педагогического работника.

Keywords *Technological sovereignty, economic sanctions, import substitution, personnel shortage, unified state exam, secondary vocational education, engineering and technical education, student scholarships, ideology of educational policy, status of a teacher.*

Технологический суверенитет: факторы актуализации

Как известно, задача достижения технологического суверенитета заявлена Президентом Российской Федерации как одна из главных национальных целей на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. [1]. При этом существуют, как минимум, четыре фактора, делающие достижение данной цели крайне актуальным.

1. Экономическая катастрофа 1990-х гг. и связанная с ней глубокая деиндустриализация страны.

Согласно данным группы авторов исследования, выполненного под руководством вице-президента Российской академии наук В.А. Коптюга, в середине 1990-х гг. картина российской экономики выглядела следующим образом.

В 1985–1995 гг. сельскохозяйственное производство в России упало в 3,6 раза, промышленное – в 5,3, в том числе в легкой промышленности и оборонном комплексе практически в 10 раз [2]. Хотя официальные данные, характеризующие спад производства, много ниже, неидеологизированные отечественные и зарубежные специалисты признают, что это абсолютный мировой рекорд, значительно превосходящий показатели «Великой депрессии» 1930-х гг. в США и Западной Европе.

Спустя более 25 лет Росстат опубликовал сравнительные данные об уровне экономического развития СССР (1990 г.) и постсоветской России (2022 г.) [3]. Так, по сравнению с советским периодом, в современной России выпуск некоторых видов продукции машиностроения составил:

- комбайнов – 10,3%;
- металлорежущих станков – 9,7%;
- экскаваторов – 7%;
- тракторов – 1,9%.

И если по разным причинам, включая государственную поддержку, сельское хозяйство страны в основном восстановилось, а по ряду показателей превзошло советский уровень, то, как жестко заметил Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин, выступая на встрече с депутатами фракции КПРФ в Государственной Думе 10 мая 2024 г. (цитирую по памяти): промышленность страны 30 лет находилась в загоне!

2. Экономическая политика в духе так называемого нефтяного проклятья.

Вместо того, чтобы использовать очень значительные экспортные нефтегазовые доходы страны для развития современных технологий и человеческого потенциала, на протяжении практически всех 20 лет третьего тысячелетия отечественные правительства концентрировали эти средства в фондах под разными наименованиями: «Резервный фонд», «Фонд будущих поколений», «Фонд нацио-

нального благосостояния» и т.п. При этом аргументация сводилась обычно к двум простейшим угрозам:

- а) «иначе разворуют»;
- б) необходимы резервы, чтобы не повторить опыт СССР.

При этом ситуация с внешним долгом, государственным долгом и профицитом бюджета в этот период радикально отличалась от советской.

Результат хорошо известен: фактическая почти десятилетняя стагнация экономики после 2013 г.

Еще в 2013 г., то есть до начала посткрымских санкций, Председатель Правительства России Д.А. Медведев охарактеризовал положение в отечественной экономике выразительным словом «кисляк». После введения экономических санкций «рост» ВВП в России стал отрицательным – (-0,2%) в 2014–2017 гг. по данным научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академика В.В. Ивантера [4].

В 2018 г. ситуация улучшилась и экономический рост составил 1,7%, то есть более чем вдвое ниже среднемировых темпов (3,9%).

По оценке МВФ (World Economic Outlook), годовой рост экономики России составил:

- 2019 – 2,2%;
- 2020 – (- 2,7%);
- 2021 – 5,6%;
- 2022 – (- 2,1%).

Несмотря на ускорение роста российской экономики в 2023 г. до 3,6% и в первом квартале 2024 г. – до 5,4% ВВП, в среднем за 11 лет (с 2013 по 2023 г.) темпы экономического развития страны были крайне низкими – 0,8%.

Ускорение экономического роста с 2023 г. вызвано двумя группами факторов:

- во-первых, реально начавшимся импортозамещением вследствие значительного сокращения так называемого параллельного импорта и во многих случаях отсутствия возможности импорта «нормального», в том числе из лояльных или дружественных стран. Поскольку даже после окончания боевых действий санкции вряд ли будут отменены быстро, этот фактор следует признать долговременным;
- во-вторых, кратным ростом производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса. Поскольку после окончания боевых действий это производство предстоит сокращать, данный фактор долговременным быть признан не может.

3. Санкции.

Согласно заявлению Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина во время его отчета в Государственной Думе 3 апреля 2024 г., на Россию наложено больше санкций, чем на все остальные страны мира, вместе взятые. Этот показатель постоянно меняется, но явно приближается к 20 тысячам.

4. Неточно сформулированная стратегия (или идеология) импортозамещения.

Многими управленцами она была понята как необходимость замещения импорта из недружественных стран, включая США и Европу, импортом из стран лояльных (особенно Китая). Согласно некоторым оценкам, даже после воссоединения России с Крымом в 2014 г. и наложения первого пакета санкций, импорт во многих областях экономики только увеличился.

По данным **депутата Государственной Думы Н.В. Арефьева (фракция КПРФ)**, рост импорта составил:

- по итогам 2017 г. – 24%;
- в январе 2018 г. – 26%.

Рост закупок продовольствия – 12,4%, в том числе:

- рыба – 24%;
- масло растительное – 10%;
- сахар – 10%.

В рамках программы импортозамещения в России в те же годы:

- добыча рыбы сократилась на 12%;
- производство молока – на 1,8%.

Динамика производства некоторых видов продукции легкой промышленности в 2017 г. по сравнению с 2010 г.:

- пальто – 1 млн штук (1,6 млн штук);
- костюмы – 4,5 млн штук (5,5 млн штук);
- чулочно-носочные изделия – 55 млн пар (89 млн пар).

Нельзя не отметить: стратегема (национальная цель) достижения технологического суверенитета выглядит несравненно предпочтительнее, чем стратегема импортозамещения.

В справочных изданиях технологический суверенитет иногда сводится к сфере IT-технологий². Однако в действительности соответствующая стратегия должна охватывать всю область не только научно-технической, но и научно-технологической политики в целом, что значительно шире³.

Согласно изданию «Компьютерра» [6], термин «технологический суверенитет» упоминался в правовых актах федеральных органов власти еще в 1992 г.; после 2014 г. стал использоваться чаще; однако лишь в 2022 г. заместитель председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев предложил использовать его вместо термина «импортозамещение», что, как уже отмечалось, представляет собой значительный шаг вперед. На взгляд автора, в современных отечественных условиях достижение технологического суверенитета невозможно без новой индустриализации.

Искаженная модель экономического развития не могла не сказаться на характере образовательной политики. Как отметил министр науки и высшего образования РФ В.Н. Фальков на Шестом профессорском форуме «Наука и образование как

2 Технологический суверенитет – это политическая концепция, при которой информационно-коммуникационная инфраструктура и технологии приведены в соответствие с законами, потребностями и интересами страны, в которой находятся пользователи...

3 Научно-техническая деятельность – (1) деятельность, (2) направленная на получение и применение новых знаний (3) для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, (4) обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Научно-технологическая деятельность – (1) научная (научно-исследовательская), научно-техническая и инновационная деятельность, (2) выполнение исследований и разработок, (3) реализация научных и (или) научно-технических проектов, (4) использование полученных научных и (или) научно-технических результатов, результатов интеллектуальной деятельности, (5) в том числе их коммерциализация, по направлениям, определенным в решении о создании инновационного научно-технологического центра в соответствии с приоритетами научно-технологического развития Российской Федерации [5]. (Цифры в скобках расставлены нами для удобства читателей).

основа развития России. Кадры для инновационной экономики» 14 ноября 2023 г., до недавнего времени для этой политики в России была характерна так называемая сервисная ориентация. Впрочем, по этому поводу более определенно высказывался министр образования и науки А.А. Фурсенко еще в 2008 г.: «Недостатком советской системы образования была попытка формирования Человека-творца, а сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя».

Дефицит кадров и образовательная политика: требуется новый курс

Очевидно: достижение технологического суверенитета невозможно без национальных (отечественных) кадров. Более того, этот факт осознан не только экономистами, но, что не менее важно, управленцами и бизнес-сообществом. Так, согласно опросу, проведенному Российским союзом промышленников и предпринимателей, 70–75% опрошенных бизнесменов признали кадровую проблему в современных условиях главной – даже важнее денег.

Наиболее остро ощущается дефицит кадров следующих социально-профессиональных групп:

- квалифицированные рабочие;
- высококвалифицированные специалисты, особенно в инженерной области;
- высококвалифицированные педагоги;
- научные работники, прежде всего в области прикладных исследований.

Сформулируем некоторые предложения по повышению качества образования трех первых названных групп, поскольку реализация этих предложений непосредственно относится к области образовательной политики.

1. Перевод единого государственного экзамена в добровольный режим.

Право выбора для выпускников школ между стандартизированным экзаменом (ОГЭ/ЕГЭ) и традиционным (не стандартизированным) выпускным экзаменом. Такое решение отчасти снимет проблему отбора абитуриентов в технические вузы и на естественноматематические специальности в университеты.

Во-первых, в настоящее время классические и технические университеты на основе результатов единого госэкзамена испытывают трудности с приемом студентов по соответствующим специальностям даже на бюджетные места. В случае, если бы выпускникам школ и абитуриентам университетов было дано право выбора, вузы смогли бы сами дополнительно отбирать талантливых абитуриентов, не получивших образования в математических школах, классах и (или) не имеющих возможности оплачивать труд репетиторов.

Во-вторых, такое решение расширит потенциальную базу для отбора талантливых абитуриентов. Напомню: в настоящее время около 60% всех выпускников 9-х классов продолжают обучение не в старшей школе, но в системе профобразования, причем часть руководителей федеральных министерств считают это плюсом (см., например, стенограмму пленарного заседания Государственной Думы от 14 мая 2024 г.).

Однако в действительности уровень преподавания общеобразовательных предметов в системе профобразования значительно ниже, чем в школе, и их подготовка по естественноматематическим дисциплинам в большинстве случаев не позволяет продолжить обучение по инженерно-техническим специальностям. В случае же перевода ЕГЭ в добровольный режим распределение выпускников 9-х классов явно изменится: их подготовка по естественноматематическим дисциплинам окажется

значительно выше, что расширит потенциальную базу студентов, способных получить инженерное образование.

2. Расширение приема в профессиональные образовательные организации (СПО) по направлениям подготовки рабочих кадров.

Согласно официальной статистике:

- в 1995 г. соотношение приема в профессионально-технические училища (для подготовки рабочих кадров) и техникумы (для подготовки специалистов среднего звена) составляло 58% / 42%;
- в 2000 г. – 47% / 53% [8];
- в настоящее время (2022 г.) – 18,2% / 81,8% [9].

Поэтому в стране наблюдается парадокс: большинство девятиклассников направляются в средние профессиональные учебные заведения, однако вовсе не для того, чтобы получить рабочие специальности, но ориентируясь на профессии специалистов среднего звена с перспективой дальнейшего обучения в высших учебных заведениях, преимущественно в заочной или очно-заочной формах. При этом 43% всех студентов средних профессиональных учебных заведений, вопреки норме статьи 43 Конституции Российской Федерации об общедоступности и бесплатности среднего профессионального образования, учатся на платной основе⁴.

Собственно, этим и объясняется диспропорция между потребностями экономики и деятельностью учреждений СПО: в условиях острого недофинансирования и передачи на региональные бюджеты последние стремятся заработать деньги любым способом, не взирая на запросы народного хозяйства.

3. Введение полностью бесплатного обучения в системе СПО хотя бы при подготовке кадров по рабочим специальностям.

Повторю: согласно ст. 43 Конституции РФ, среднее профессиональное образование должно быть общедоступно и бесплатно, хотя закон об образовании в нарушение той же Конституции дает возможность организовывать конкурс документов:

«В случае, если численность поступающих превышает количество мест, финансовое обеспечение которых осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, образовательная организация в соответствии с порядком приема, установленным в соответствии с частью 8 статьи 55 настоящего Федерального закона, учитывает результаты освоения поступающими образовательной программы основного общего или среднего общего образования, указанные в представленных поступающими документах об образовании и (или) документах об образовании и о квалификации, результаты вступительных испытаний (при наличии), результаты индивидуальных достижений, сведения о которых поступающий вправе представить при приеме, а также наличие договора о целевом обучении с организациями, указанными в части 1 статьи 71.1 настоящего Федерального закона» [10].

Но даже при подготовке студентов по рабочим специальностям около 7% от их общего числа учатся за деньги [11]. Поскольку речь идет о преодолении дефицита рабочих кадров, необходимо хотя бы в этой части соблюсти российскую Конституцию.

⁴ Доля студентов организаций среднего профессионального образования, обучающихся на платной основе – 43%, в том числе: по юридическим специальностям – 92%, по фармацевтическим – 87%, сестринское дело – до 46% и т.д.

Между прочим, об этом говорил и председатель Государственной Думы В.В. Володин на пленарном заседании 14 мая 2024 г.

4. Расширение социальных гарантий для студентов организаций СПО, обучающихся по рабочим специальностям.

Отметим: в советский период власть четко понимала, что приоритетные направления образовательной и кадровой политики должны обеспечиваться финансовыми и социальными гарантиями. Так, стипендии студентов техникумов (организаций среднего профессионального образования) составляли около 60% прожиточного минимума, тогда как стипендии учащихся ПТУ (организаций начального профессионального образования) – около 80% прожиточного минимума. Помимо этого, учащиеся ПТУ обеспечивались бесплатным двухразовым питанием и обмундированием. Тем самым решалась и задача ограничения социального неравенства, поскольку в ПТУ, как правило, шли дети из малообеспеченных семей.

При принятии Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» уровень начального профессионального образования был ликвидирован, в том числе под лозунгом повышения престижа студентов соответствующих организаций. Представители власти много раз повторяли, что никого в стране уже не будут называть «пэтэушниками», не упоминая при этом, что «пэтэушниками» были, например, председатель правительства России Виктор Черномырдин и космонавт № 1 в мире Юрий Гагарин. Как часто бывает в таких случаях, за благородными заявлениями скрывались финансовые интересы: по оценкам экс-министра образования РФ, академика РАО Е.В. Ткаченко, ликвидация уровня начального профессионального образования позволила государству сэкономить более 100 млрд руб. – за счет того же бесплатного питания, которое сохранялось в организациях начального профессионального образования – бывших ПТУ.

С учетом существующих финансовых ограничений, вопрос о том, какие именно преференции будут достаточными для привлечения студентов на обучение по направлениям подготовки рабочих кадров, подлежит обсуждению. Однако общее направление решения этого вопроса совершенно очевидно: повышение стипендий и возвращение хотя бы части существовавших в советский период социальных гарантий.

5. Переформатирование системы высшего образования с целью повышения его качества.

Выступая на Шестом профессорском форуме «Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики» 14 ноября 2023 г., министр науки и высшего образования В.Н. Фальков назвал три главных направления такого переформатирования:

- фундаментальность;
- практикоориентированность;
- развитие (воспитание) личности, включая патриотическое воспитание.

В целом, данное направление не вызывает сомнений и во многом соответствует китайскому лозунгу, выдвинутому по окончании культурной революции «Вперед – назад».

Так, воспитание личности студента ставилось в качестве одной из целей и в советский период, однако не выдержало испытания массовой информационной атакой конца 1980-х гг. Не берусь судить, выдержала ли бы такое

испытание какая-либо другая система воспитательной работы, но опыт и уроки прошлого необходимо учитывать.

Фундаментальность образования во многом связана с пересмотром отношения к принудительному использованию так называемой Болонской системы, где бакалаврское образование, как правило, является довольно широким, но не глубоким, а углубление происходит лишь на стадии магистратуры. Отвечая на вопрос автора при утверждении кандидатуры министра науки и высшего образования В.Н. Фалькова в Государственной думе 14 мая 2024 г., кандидат в министры заявил, что понятию бакалавриата в новой системе образования места не будет. Приведу фрагмент стенограммы пленарного заседания:

Смолин О.Н.

«Уважаемый Валерий Николаевич, в Послании Федеральному Собранию 2023 г. Президент России поставил задачу формирования национально-ориентированной системы образования и ухода от принудительной так называемой болонской системы, однако затем указом № 343 был объявлен эксперимент и формирование этой системы фактически приостановлено до его окончания. Между тем страна остро нуждается в квалифицированных кадрах, особенно инженерных. Не считаете ли вы целесообразным помимо расширения специалитета в соответствии с посланием президента, не дожидаясь результатов эксперимента, ... принять подзаконные акты о совместимых специальностях, чтобы бакалавр коммерции не мог объявить себя магистром юриспруденции или бакалавр ветеринарии – магистром истории...?»

Фальков В.Н.

«[...] В нашей системе высшего образования, которая будет с 2025 г., не будет понятия „бакалавр“, у нас будет высшее образование и специализированное высшее образование. Количество программ продолжительностью пять, пять с половиной лет мы сегодня... постепенно увеличиваем. И... устраняем еще одну проблему...: в результате преобразования даем больше возможностей для наших выпускников. В прежней логике и в прежней системе только бакалавры имели право поступать в магистратуру и получать специализированное образование бесплатно. В новой логике любой, кто получил высшее образование, может пойти и бесплатно получить специализированное образование. Другое дело, что сама по себе эффективная массовая магистратура у нас, к сожалению, не сформировалась. В нашей новой системе магистратура останется, но будет совершенно иной».

Наконец, практикоориентированность в советский период присутствовала при подготовке студентов далеко не по всем специальностям. И в этом смысле может рассматриваться как сравнительно новая тенденция постсоветского времени. Прежде наиболее ярким ее проявлением были втузы, где студенты параллельно учились и работали, а ныне являются базовые кафедры и так называемое дуальное образование.

Еще в 20 апреля 2024 г. Госдума отклонила подготовленный автором этих строк законопроект, который содержал более мягкий вариант реформирования высшего образования, а именно предполагалось:

- 1) сохранить бакалавриат по специальностям, не требующим высокой квалификации;
- 2) резко увеличить долю специалитета по направлениям подготовки, для которых такая высокая квалификация необходима;

3) предоставить право университетам определять образовательные программы, включая бакалавриат и (или) специалитет, в том числе с учетом требований работодателей.

Такая концепция позволяла, с одной стороны, сохранить преемственность деятельности вузов, с другой – продолжать активную работу со студентами из зарубежных стран, в большинстве которых используется двухступенчатая система высшего образования; а главное – не дожидаясь результатов эксперимента, повысить качество отечественного высшего образования по приоритетным для экономического прорыва специальностям (инженеры, педагоги и др.).

Голосование по законопроекту дало следующие результаты:

- КПРФ: за – 94,7%; не голосовали – 5,3%;
- «Справедливая Россия»: за – 82,1%; не голосовали – 17,9%;
- ЛДПР: за – 54,5%; не голосовали – 45,5%;
- «Единая Россия»: за – 0,3%; не голосовали – 99,7%;
- «Новые люди»: не голосовали – 100%.

6. Дополнительные меры поддержки студентов, получающих инженерно-техническое образование.

И в данном случае должен действовать тот же принцип: кадровые проблемы решаются путем, как модно говорить, приоритизации государственных и частных инвестиций.

В советский период стандартная студенческая стипендия в вузе составляла примерно 80% от прожиточного минимума. В то же время стипендия студентов технических вузов, прежде всего готовивших кадры для оборонно-промышленного комплекса, превышала прожиточный минимум.

В настоящее время, согласно закону о прожиточном минимуме (ст. 2, п. 1, абзац 3), он используется также для установления на федеральном уровне стипендий.

В соответствии с пунктом 4 ст. 192 Бюджетного кодекса Российской Федерации, «проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период вносится в Государственную Думу одновременно со следующими документами и материалами...:

...предложениями по минимальному размеру оплаты труда, размеру стипендий, а также предложениями о порядке индексации заработной платы работников федеральных казенных учреждений, денежного содержания (денежного довольствия) федеральных государственных служащих в очередном финансовом году и плановом периоде».

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 17.12.2016 № 1390, расчетная студенческая стипендия составляет 1967 руб. (норматив с учетом инфляции). При этом ежегодно индексируется не размер стипендии, но стипендиальный фонд.

Согласно приказу Минобрнауки России от 27.12.2016 № 1663, «порядок распределения стипендиального фонда по видам стипендий определяется Организацией с учетом мнения совета обучающихся этой Организации и выборного органа первичной профсоюзной организации (при наличии такого органа)».

Согласно Докладу о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образо-

вания на 2024 г., картина студенческих стипендий в настоящее время выглядит следующим образом.

Таблица 1. Нормативы стипендиального обеспечения в соответствии с действующим законодательством и средние размеры стипендий [12]

Название выплаты	Норматив, руб.	Норматив (с учетом инфляции), руб.	Средний размер, руб.	Среднемесячная численность получающих выплату в 2023 г., чел.
Государственная академическая стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам высшего образования	1484	1967	3608	967,0 тыс.
Государственная академическая стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам среднего профессионального образования	539	713	1308	140,2 тыс.
Государственная социальная стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам высшего образования	2227	2953	4021	230,2 тыс.
Государственная социальная стипендия студентам, обучающимся по образовательным программам среднего профессионального образования	809	1073	1578	30,4 тыс.
Повышенная государственная академическая стипендия студентам за достижения в учебной, научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой и спортивной деятельности	Не установлено	Не установлено	10 419	71,7 тыс.
Минимальный размер суммы государственной академической стипендии и (или) государственной социальной стипендии в повышенном размере студентам первого и второго курсов	—	11 653 руб. в 2023 г., 13 919 руб. в 2024 г.	13 584	53,6 тыс.
Государственная стипендия аспирантам	2921	3873	5334	9,9 тыс.
Государственная стипендия аспирантам, обучающимся по направлениям подготовки, определенным Минобрнауки России	7012	9296	11 252	30,2 тыс.
Государственная стипендия ординаторам	7441	9866	11 398	27,9 тыс.
Государственная стипендия ассистентам-стажерам	2921	3873	5140	0,66 тыс.

Таким образом: расчетная академическая стипендия студентов вузов (норматив с учетом инфляции) в 1 967 руб. от прожиточного минимума, установленного для трудоспособного населения в 2024 г. (16 844 руб.), составляет 11,7%; наиболее распространенные стипендии:

- в 3608 руб. для студентов вузов – 21,4%;
- в 1308 руб. для студентов СПО – 7,7%;
- в 5334 руб. для аспирантов – 31,7%;
- в 11 252 руб. для аспирантов вузов Минобрнауки РФ – 66,8%.

И даже сумма академической и социальной стипендии на первых курсах (13 584 руб.), которую получают лишь 53 600 студентов (2,6% от всех студентов вузов, обучающихся на бюджетной основе), составляет 80,6% от прожиточного минимума.

Таким образом, во-первых, уровень студенческих стипендий по отношению к советскому периоду значительно упал; во-вторых, не наблюдается приоритизации стипендиального обеспечения студентов, которые обучаются по наиболее важным для реализации государственных интересов специальностям.

7. Дополнительные меры поддержки студентов педагогических вузов.

В советский период такие меры отсутствовали, поскольку оплата труда учителя и его социальный статус были значительно выше, чем в настоящее время, а потому кадрового кризиса в образовании не было. В современных же условиях кадровый кризис, как минимум, в школьном образовании налицо и, более того, нарастает.

Однако повышение стипендий и иные дополнительные меры поддержки студентов, обучающихся по педагогическим специальностям, должны быть увязаны со значительным ростом целевого обучения, то есть обязательств определенное время отработать в образовательных организациях. В противном случае наметившаяся тенденция увеличения числа желающих поступать на педагогические специальности, которую всячески подчеркивают представители федерального правительства, закончится тем же, чем и в настоящее время: контрольные цифры приема и число студентов, получающих образование будущих педагогов, растет, но большинство из них на работу в образовательные организации либо не идут, либо быстро оттуда увольняются. В итоге кадровый кризис в образовании продолжает нарастать.

8. Повышение статуса педагогического работника и преодоление кадрового кризиса в образовании.

Если руководство федеральных органов исполнительной власти, ведающих образованием, оценивает дефицит школьных учителей от 11 до 30 тыс.⁵, то Центр экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС приводит расчеты, согласно которым при характерной для советского периода и даже первого десятилетия XXI века нагрузке дефицит учителей составил бы примерно 250 тыс.

Например, в Омской области в 2012 г., когда был издан Указ Президента РФ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», нагрузка учителя составляла 1,3 ставки. В 2023–2024 гг. она выросла до 1,9

5 По данным заместителя председателя правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой на пленарном заседании Государственной Думы 18.10.2023.

Таблица 2. Прогнозная оценка дополнительной потребности в учителях для снижения нагрузки, Российская Федерация [13]

Нагрузка учителей, средняя ставка	Дополнительная потребность в учителях для обеспечения нормы нагрузки	
	чел.	%
1,43	–	–
1,35	62,7	5,9
1,30	104,4	9,8
1,25	150,4	14,1
1,20	200,5	18,7
1,15	255,6	23,9
1,10	315,1	29,4
1,05	381,4	35,6
1,00	453,8	42,4

ставки, а в городе Омске – более чем до двух ставок. Немало учителей ведут по 40 уроков в неделю, а некоторые – даже по 50!

Как известно, в выступлении на Госсовете 27 декабря 2023 г. Президент РФ предложил установить дополнительные выплаты учителям, которые работают в регионах со среднедушевым доходом от трудовой деятельности ниже среднего по России. Однако ни в поручения Президента РФ по итогам Госсовета, ни в поручения по итогам послания Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. это предложение не вошло.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, предполагается проведение эксперимента по новым системам оплаты труда в образовании в 2026 г. и внедрение новой системы в 2027 г.

Соответственно, многочисленные попытки автора этих строк провести через парламент проекты федеральных законов о повышении оплаты труда педагогических работников до уровня не ниже средней заработной платы по региону и по Российской Федерации при работе на одну ставку закончились неудачей. До голосования в Госдуме последний из таких законопроектов дошел 2 ноября 2023 г. [14]. Приведу его результаты:

- КПРФ: за – 96,5%; не голосовало – 3,5%
- «Новые люди»: за – 93,3%; не голосовало – 6,7%

- «Справедливая Россия»: за – 81,5%; не голосовало – 18,5%
- ЛДПР: за – 71,4%; не голосовало – 28,6%
- «Единая Россия»: не голосовало – 100%

В настоящее время в Государственную Думу внесен проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“ в части реализации принципа „Образование для всех, в течение всей жизни“, который содержит аналогичные идеи. Однако, согласно заключению правительства от 29.05.2024 № ДГ-П8-16005, он «нуждается в концептуальной переработке».

9. Изменение идеологии образовательной политики.

Поскольку эта тема представляет собой предмет большого самостоятельного исследования, ограничимся двумя общими замечаниями.

Во-первых, необходим отказ от сервисной модели, ориентированной на квалифицированного потребителя, в пользу модели формирования человека-творца.

Во-вторых, в более общем смысле актуальным становится реальное изменение системы общественных ценностей: вместо культа денег – культ труда, образования и науки. Соответствующая переориентация заявлена в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Однако, с одной стороны, шаги по реализации указа оставляют желать много лучшего, а, с другой стороны, границы такой ценностной переориентации во многом заданы характером капиталистической системы общественных отношений вообще и особенностями отечественного капитализма, во многом сохранившего свой первоначальный, примитивный характер, в частности.

Повторю: достижение технологического суверенитета и, следовательно, обеспечение национальной безопасности страны невозможны без нового курса образовательной политики.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.».
2. Коптюг В.А., Матросов В.М., Левашов В.К., Демянко Ю.Г. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. – М.: – Новосибирск: Изд. СО РАН, – 1996. – С. 42–43.
3. Официальный сайт Комитета государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.
4. Ивантер В.В. на IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК – 2018) «Форсайт „Россия“: новое индустриальное общество. Будущее». 2 апреля 2018 г.
5. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», статья 2.
6. Компьютерра. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.computerra.ru/283683/it-trend-2022-ot-importozameshheniya-k-tehnologicheskomu-suverenitetu/>.
7. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка: НИО.2. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016; Ноономика: онтологические тезисы // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4. – С 6–18.

8. Индикаторы образования: 2007. Статистический сборник. – М.: ГУ – ВШЭ, – 2007. – С. 54, 64.
9. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, – 2024. – С. 202, 209.
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», часть 4 статьи 68.
11. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, – 2024. – С. 161.
12. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М., 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orlaXtl.pdf>.
13. Отчет о научно-исследовательской работе «Оценка развития региональных систем общего образования с учетом вызовов и последствий пандемии коронавируса (мониторинг общего и дополнительного образования детей)» – М.: РАНХиГС, 2021. – 440 с.
14. Проект федерального закона № 1075801-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников».

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 № 309 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda».
2. Koptjug V.A., Matrosov V.M., Levashov V.K., Demjanko Ju.G. Ustojchivoe razvitie civilizacii i mesto v nej Rossii: problemy formirovanija nacional'noj strategii. Moskva – Novosibirsk: Izd. SO RAN, – 1996. – S.42–43.
3. Oficial'nyj sajt Komiteta gosudarstvennoj statistiki. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>.
4. Ivanter V.V. na IV Sankt-Peterburgskom mezhdunarodnom jekonomicheskom kongresse (SPJeK – 2018.) «Forsajt „Rossija“: novoe industrial'noe obshhestvo. Budushhee». 2 aprelja 2018 goda.
5. Federal'nyj zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike», stat'ja 2.
6. Komp'juterra. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://www.computerra.ru/283683/it-trend-2022-ot-importozameshheniya-k-tehnologicheskomu-suverenitetu/>.
7. Bodrunov S.D. Grjadushhee. Novoe industrial'noe obshhestvo: perezagruzka: NIO.2. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: INIR im. S.Ju. Vitte, 2016; Noonomika: ontologicheskie tezisy // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. – 2019. – № 4. – S. 6–18.
8. Indikatory obrazovanija: 2007. Statisticheskij sbornik. – М.: ГУ – VShJe, 2007. – S. 54, 64.
9. Indikatory obrazovanija: 2024: statisticheskij sbornik / N. V. Bondarenko, T. A. Varlamova, L. M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – М.: ISIJeZ VShJe, – 2024. – S. 202, 209.
10. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii», chast' 4 stat'i 68.
11. Indikatory obrazovanija: 2024: statisticheskij sbornik / N. V. Bondarenko, T. A. Varlamova, L. M. Gohberg i dr.; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – М.: ISIJeZ VShJe, – 2024. – S. 161.
12. Doklad o realizacii gosudarstvennoj politiki v sfere vysshego obrazovanija i sootvetstvujushhego dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovanija. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii. – М.; 2024. – [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orlaXtl.pdf>.
13. Otchjot o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Ocenka razvitija regional'nyh sistem obshhego obrazovanija s uchjotom vyzovov i posledstvij pandemii koronavirusa (monitoring obshhego i dopolnitel'nogo obrazovanija detej)» – М.: RANHiGS, – 2021. – 440 с.

14. Proekt federal'nogo zakona № 1075801-7 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosu povyshenija statusa pedagogicheskikh rabotnikov».

Контактная информация / Contact information

Комитет Государственной Думы РФ по науке и высшему образованию
RF State Duma Committee on Science and Higher Education
Смолин Олег Николаевич / Oleg N. Smolin
smolin@duma.gov.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-188-191

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЗГЛЯД БИЗНЕСА

*ДОКЛАД НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ МАЭФ, РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК, 15 МАЯ 2024 Г.*

KEY AREAS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY: A BUSINESS PERSPECTIVE

*REPORT AT THE PLENARY SESSION OF THE MAEF, RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES, MAY 15, 2024*

МУРЫЧЕВ Александр Васильевич

Вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), член Президиума ВЭО России, доктор экономических наук

Aleksandr V. MURYCHEV

Vice President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), Member of the Presidium of the VEO of Russia, Doctor of Economics

2023 г. оказался для российского бизнеса, с одной стороны, непростым, а с другой стороны, он дал уникальные возможности для его развития и по всем показателям у нас наблюдался рост. Крупный бизнес, прежде всего, запустил масштабные высокотехнологичные импортозамещающие проекты. Более 80% опрошенных компаний РСПП реализовали инвест-программы по 2023 г. Такой же показатель с учетом нашего опроса ожидается и в 2024 г. Это говорит о том, что деньги, несмотря на сложности и трудности у больших компаний, да и средних, они имеются, и предприниматели видят, во-первых, судьбу своего бизнеса в России, в российской экономике, и все больше вовлекают собственные возможности, в том числе, и из других рынков, на проекты, которые реализуют сами.

Надо сказать, что, несмотря на сложности, компании по 2023 г., начало 2024 г., выходят на новые рынки, существенно наращивают инвестиции в человеческий капитал, и растет доля компаний, которые основывают свой бизнес на принципах ответственного ведения бизнеса. Деловая среда улучшается, и это говорит о динамичной взаимодействии с Правительством. Но это не означает, что бизнес

не имеет проблем, ограничения, они, без всякого сомнения, существуют, и несколько слов о них.

Прежде всего, это кадровый дефицит. Данная проблема фиксируется с момента, когда мы начали опрос 2008 г.

Но по итогам 2023 г. и первого квартала 2024 г., конечно же, этот показатель экстремально вырос, и кадровая проблема — она встала в первые ряды проблем, которые испытывает бизнес, прежде всего по квалифицированным специалистам, которые необходимы сейчас для обеспечения технологического инновационного прорыва.

И вызовом для российского бизнеса в 2023 г. стала, конечно, организация закупки сырья, комплектующих, оборудования. И среди основных ограничений деятельности отмечается как ухудшение условий поставок, так и ухудшение условий транспортировки закупаемой продукции. Мы также отмечаем рост цен на отечественную продукцию, к сожалению. В первом квартале 2024 г., правда, ситуация стала немного меняться в лучшую сторону, но посмотрим, как будет развиваться в целом 2024 г.

Валютную нестабильность отмечают практически все наши предприятия, и тут очевидно существует проблема. Ограничения импорта, неплатежи со стороны контрагентов также серьезно сдерживали и сдерживают развитие производств промышленности. В 2023 г. около 25% компаний жаловались на недостаток оборотных средств, и к концу года их доля немножечко снизилась. При этом стабильно на протяжении 2023 г. примерно 10% наших компаний заявили, что у этих компаний проблем нет и не предвидится. Небольшой процент, но, тем не менее, он имеет место быть.

Мы на съезде, недавно состоявшемся, в апреле текущего года, утвердили «100 шагов к экономическому лидерству» по более чем 20 ключевым блокам, включая вопросы защиты прав собственности, снижения рисков необоснованной деприватизации, повышения эффективности фискальной сферы, развития финансового рынка, кадрового обеспечения и так далее.

Несколько слов об этом.

Предложение в части недопущения необоснованной деприватизации полностью поддержано Президентом Российской Федерации, который присутствовал на съезде. И прямо указал, что речь идет не о пересмотре приватизации, а о случаях, когда действие или бездействие собственников предприятий, имущественных комплексов наносит прямой ущерб безопасности страны и национальным интересам. При этом РСПП предложил создать правовой механизм, защищающий интересы добросовестных приобретателей имущества в случае выявления нарушений при приватизации, в том числе посредством возмещения разницы между ценой сделки и рыночной стоимостью имущества на момент изъятия приватизационного имущества. Практика в последнее время по изъятию государственной собственности в собственность добросовестных приобретателей имущества, решения о приватизации, которое ранее было принято неуполномоченным лицом, остается одной из самых острых проблем для крупного и среднего бизнеса на текущий момент. Для защиты добросовестного приобретателя, которые не участвовали в приватизации и не могли знать о допущенных со стороны государственных служащих нарушениях, необходимо, на наш взгляд, в законе «О приватизации» прямо закрепить порядок исчисления пресекающего срока исковой давности.

Мы предложили 10 лет. Одновременно целесообразно проработать механизм справедливого возмещения при изъятии у добросовестного приобретателя имущества стоимости такого имущества и производственных инвестиций, произведенных инвестиций, которые часто значительно превышают стоимость самого приватизированного ранее имущества. Безусловно, необходимо при этом противодействовать нарушению антикоррупционных запретов, ограничений, но такая ответственность должна быть детально регламентирована исходя в том числе из принципа соразмерности характеру нарушения.

Фискальная нагрузка – нам нужна предсказуемость и стабильность ее, поэтому мы эти предложения пакетом вынесли на рассмотрение Президенту и передали Правительству. И от бизнеса сейчас происходит ряд существенных предложений в данной сфере. Прежде всего речь идет о том, что необходимо перейти от вынужденных, временных, точечных решений к системным мерам, которые будут основываться на долгосрочном видении, как фискальная нагрузка будет ложиться на бизнес, и отказ от постоянного продления временных мер. Время для этого сейчас настало, и нужно переходить к системным решениям.

При этом бизнес готов в том числе финансово участвовать в решении масштабных задач развития страны, поставленных Президентом в Послании Федеральному Собранию. И вместе с тем мы полагаем, что надо учитывать следующие предложения: во-первых, обеспечить стабильность и предсказуемость фискальной нагрузки на 5–7 лет, включая восстановление устойчивых, в долгосрочной перспективе ключевых условий налогообложения.

Мы предлагаем сохранить нулевую ставку по налогу на прибыль для IT-компаний и в текущем, и в последующем году. Донастроить налоговое законодательство по чувствительным для бизнеса вопросам, включая оценку фискальных решений, принятых в 2023 г., в том числе необходимо, на наш взгляд, пересмотреть параметры экспортной пошлины с учетом экономического положения отраслей. Экономическое положение отраслей очень разное. Активизировать стимулирование инвестиционной активности компаний с использованием фискальных мер, включая дифференциацию налогообложения в зависимости от инвестактивности, в частности. Здесь главный принцип: если компания вкладывает больше инвестиций в развитие производства, эта часть вложений должна из налоговой базы уходить.

Развитие инновационных высокотехнологических проектов и креативных индустрий. Конечно, здесь нужно распространять режим нулевой ставки налога на добавленную стоимость, на сделки со всеми видами объектов интеллектуальной собственности – это также очень важная задача, которую бизнес ставит перед правительством.

В финансовой сфере, требуется выработка новых проактивных решений, в том числе в части расчетов по внешнеэкономической деятельности с участием российских компаний. Здесь, конечно, необходима детальная проработка наиболее перспективных с тактической и стратегической точек зрения решений в сфере расчетов при осуществлении внешнеэкономической деятельности российскими компаниями. Здесь должна быть целостная концепция. Ее пока до сих пор нет.

Президент России Владимир Владимирович Путин поддержал наше предложение по обеспечению активной роли России в создании альтернативной валютно-финансовой системы в мире. Он дал резолюцию рассмотреть к осенней встрече в Казани руководителей стран БРИКС. На ближайшем заседании Комитета

по финансовой политике РСПП планируем обсудить механизмы повышения роли финансовой системы России в суверенизации платежно-расчетных отношений. У нас существует очень непростая ситуация, она какая-то очень странная. Мы являемся учредителями, акционерами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового банка развития БРИКС, но мы не можем получить от них никакого кредита. Это, конечно, парадоксальная ситуация, где мы являемся и спонсорами, и самыми активными участниками, но работать и взаимодействовать в этих условиях мы, к сожалению, сейчас не можем.

И, конечно же, здесь цифровые финансовые активы – очень важный момент. Идет развитие законодательства в международных расчетах, есть принятые дополнения в закон о ЦФА. Но, к сожалению, на практике оно очень трудно реализуемо. Использование цифровых валют центральных банков для международных расчетов – нам думается, что здесь большие перспективы.

Криптовалюты. Вы знаете о том, что при использовании внешнеэкономической деятельности ни Минфин, ни Центральный банк, в принципе, не возражают против их использования, но здесь нужна регуляторика, развитие законодательства, которое мы совместно с этими организациями стараемся реализовать. Здесь нужна системная проработка.

Мы предложили механизм повышения вовлеченности Банка России в целевое обеспечение достаточной ликвидностью приоритетных отраслей и проектов, которые соответствовали бы требованиям таксономии проектов устойчивого развития, технологической таксономии. Здесь, нам кажется, очень большие резервы, ресурсы у Центрального банка имеются. Но требуется развитие законодательства прежде всего в части возможности покупки государственных ценных бумаг Центральным банком. Мы предлагаем создать такой механизм покупки бумаг, который обеспечил бы большие объемы субсидирования, которые могли бы быть привлечены прежде всего для поддержки приоритетных отраслей экономики. Субсидирования процентных ставок, ипотечных проектов и программ, ресурсов бюджета для этого уже, очевидно, явно не хватает. При этом надо понимать, что механизмы покупки ценных бумаг центральными банками развитых стран активно используются. Мы, к сожалению, такой механизм не используем.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-192-195

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОССИИ

*ДОКЛАД НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ МАЭФ,
16 МАЯ 2024 Г. (СОКРАЩЕННАЯ ВЕРСИЯ)*

GEOPOLITICAL ASPECTS OF NEW ECONOMIC REALITIES FOR RUSSIA

*REPORT AT THE FINAL PLENARY SESSION OF THE MAEF, MAY 16, 2024
(ABRIDGED VERSION)*

ПАНИНА Елена Владимировна

Член Президиума ВЭО России, председатель Комитета ВЭО России по стратегическому планированию, директор Института международных политических и экономических стратегий – РУССТРАТ, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, Председатель Московской конфедерации промышленников и предпринимателей (работодателей), доктор экономических наук, профессор

Elena V. PANINA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of International Political and Economic Strategies – RUSSTRAT, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Chair of the Moscow Confederation of Industrialists and Entrepreneurs (Employers), Doctor of Economics, Professor

Геополитическую ситуацию последних лет можно определить как эпоху турбулентности и неопределенности. Причем фактор геополитики стал оказывать все большее влияние на экономику: масштабные региональные военные конфликты на грани перехода в глобальную войну, санкционные войны, борьба за освоение технологий искусственного интеллекта как средства геополитического доминирования, насаждение неокOLONIALИЗМА в его новых модернизированных формах. Все это влияет на мировую экономику по всем направлениям: инфляцию, конфигурацию цепочек поставок и в целом на логистику, структуру бюджетных расходов, рынок труда, мировую и национальные системы расчетов, в частности на формирование альтернативных доллару финансовых зон.

Можно выделить три основных тренда в мировой экономике, которые прямым образом влияют на современные экономические реалии России.

I. Инфляция

В 2023 г. глобальная инфляция, с которой столкнулась мировая экономика в постпандемийный период, как бы вышла на плато, однако пока нет оснований ожидать резких темпов ее снижения. По данным Всемирного банка за 2023 г., в более чем 65% развитых стран инфляция остается выше планируемого уровня. В сегменте развивающихся стран доля государств с инфляцией выше планируемого значения составляет примерно 40%, однако, в каждой пятой экономике она измеряется двузначными цифрами.

По прогнозам, на глобальную инфляцию продолжит влиять эскалация геополитической напряженности. Конфликт вокруг Украины и усиление режима санкций против России дестабилизируют мировой сырьевой рынок. Кроме того, рост напряженности на Ближнем Востоке может привести к росту цены на нефть – одного из ключевых факторов, влияющих на динамику глобальной инфляции.

II. Деглобализация

Политический фактор влияет и на набирающую обороты деглобализацию, а также ведет к распаду мировой экономики на конкурирующие блоки. Пока геоэкономический раскол мира не явен, даже сократившиеся из-за заградительных пошлин поставки товаров из Китая в США были заменены поставками тех же китайских товаров из других стран. Однако тренд деглобализации экономик носит устойчивый характер и будет нарастать.

III. Рост военных расходов

ООН перестала быть площадкой разрешения конфликтов и все более используется США в качестве инструмента для достижения собственных геополитических целей, число региональных вооруженных конфликтов резко выросло. Усиление военных угроз и войны привели к росту военных бюджетов. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), в 2022 г. военные расходы стран мира выросли до 2,24 трлн долл. США и составили 2,2% мирового ВВП – максимум с 1949 г., в 2023 г. их рост продолжился, а объем составил 2,44 трлн долл. США.

С одной стороны, рост военных расходов оказывает положительное воздействие на экономику: новые рабочие места, новые технологии и т.д. Но в долгосрочной перспективе при сохранении тенденции это замедляет экономику, так как негативно влияет на накопление человеческого капитала, ведет к снижению инвестиций в гражданские секторы экономики, формирует однонаправленность в распределении потоков государственных и частных ресурсов. Сильнее всего эти последствия ощущают на себе затронутые конфликтами страны.

Рассмотрим теперь, каким образом эти геополитические факторы оказывают влияние на экономические процессы в Российской Федерации, а также вытекающие из новых геополитических реалий требования к управлению экономикой и возникающие для нашей страны новые возможности.

I. Фактор инфляции

Экономика России существенно ощущает на себе влияние глобальной инфляции, в первую очередь из-за роста стоимости поставок по параллельному импорту западных товаров, которые мы пока не в состоянии заместить, а также в связи с возросшими издержками из-за изменения логистики по экспортно-импортным операциям с дружественными странами. В РФ сохраняется высокий уровень зависимости от импорта, поэтому мировая инфляция ведет к росту цен и в России. Кроме того, в тех сегментах, где из-за санкций сократилось предложение, проявилась тенденция к искусственному завышению цен со стороны производителей товаров и услуг на отраслевых и локальных рынках. Меры, предпринимаемые Правительством РФ, дают некоторые результаты: темп инфляции пока робко, но начал замедляться. Однако снижения цен в продовольственной корзине пока не наблюдается. В качестве кардинальных мер, способных повлиять на снижение инфляции, можно назвать следующие:

- 1) Динамичное развитие собственных производств в целях уменьшения импортной составляющей.
- 2) Применение гибкой ценовой политики и реализация мер антимонопольного регулирования.

Здесь сразу же возникает вопрос: где брать долгосрочные инвестиционные кредиты для создания и развития производств? Сейчас мы фактически создали параллельную систему кредитования предприятий через институты развития (ФРП, ВЭБ), льготные кредиты АПК, льготную ипотеку и другие.

Вместе с тем в стране имеются значительные, недостаточно используемые финансовые ресурсы. Так, в банковском секторе чистая прибыль за 2023 г. составила 3,3 трлн руб. По данным ЦБ РФ, на конец 2023 г., суммы средств на счетах в банках физических лиц составили 44 трлн руб., юридических лиц — 53,4 трлн руб. Для сравнения: доходы государственного бюджета РФ за 2023 г. — 29,1 трлн руб. В этой связи необходимо разработать и предложить бизнесу и физическим лицам вызывающие доверие механизмы и надежные инструменты, которые позволят хотя бы часть этих средств вывести из спящего режима в формат долгосрочных инвестиций.

Кроме того, длительное сохранение высокого уровня ключевой ставки в целях таргетирования инфляции не только не снижает ее уровень, но и усугубляет ситуацию, поскольку тормозит импортозамещение из-за отсутствия кредитных ресурсов. Нельзя не согласиться с выводом ЦМАКП — Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования: резкое повышение и длительное удержание ключевой ставки является чрезмерно «издержечной» стратегией в плане негативного влияния на инвестиции и производство.

Фетишизация Банком России монетарных методов борьбы с инфляцией не учитывает другие возможности и инструменты воздействия на инфляционные процессы, широко применяемые в ведущих экономиках мира и предусмотренные российскими законами. В частности, использование антимонопольного законодательства.

В качестве примера. В марте — апреле 2024 г. произошло частичное снижение цен на авиабилеты после требования ФАС к российским авиакомпаниям объяснить причины подорожания авиаперелетов почти на одну треть. В начале мая ФАС отчиталась о заключении временных соглашений в 27 регионах страны о стабилизации цен на социально значимые продукты. Необходимы и другие меры Правительства РФ антиинфляционного воздействия.

II. Фактор деглобализации

В ближайшие годы будут все более четко обрисовываться контуры макрорегионов, формирующихся вокруг лидера. России важно не упустить свою нишу. Наша страна, кроме наличия богатейших сырьевых ресурсов, обладает уникальными достижениями и является мировым лидером:

- в области производства суперсовременных вооружений;
- в сфере атомной энергетики и атомного машиностроения;
- в сфере освоения космоса и космических технологий;
- в достижениях фундаментальной науки в области математики, физики, в том числе квантовой, технологиях получения мощных магнитных полей, лазерных системах.

И если производство оружия и атомная энергетика, как правило, ассоциируются с образом России, то достижения фундаментальной науки явно недооцениваются. Между тем это мощный потенциал, который способен стать фундаментом будущего лидерства России в основанном на научных открытиях многополярном мире. Поэтому одной из важнейших задач государственной политики должно стать его сохранение и приумножение.

В этой связи необходимо:

1) В разы увеличить финансирование фундаментальных и прикладных научных исследований, в том числе за счет создания привлекательных условий для частных инвесторов.

2) Остановить эмиграцию молодых ученых – каждый год уезжает 15 тыс. человек. Причем второе неразрывно связано с первым.

III. Фактор роста военных расходов

Сейчас ОПК все больше определяет развитие российской экономики. Здесь важно, во избежание перекоса экономики в военную сферу, развивать производство товаров двойного назначения, двойные технологии, инновации в искусственный интеллект. В силу военной необходимости и соображений безопасности мы начали работу по созданию независимого интернета. Это необходимо продвигать в гражданские отрасли.

Одновременно, курс на усиление плановых начал в ОПК, продиктованный потребностями оперативного обеспечения армии в зоне СВО, неизбежно укрепит всю систему стратегического планирования и стратегического управления в стране. К примеру, сейчас в строительной отрасли при реализации задачи реконструкции 2000 городов применяется принцип стратегического планирования, при котором во главу угла поставлено размещение производительных сил, создание производственных мощностей, а для них строительство необходимой транспортной, социальной и иной инфраструктуры. Такой комплексный подход неизбежно принесет повышение эффективности экономики и уровня жизни населения.

В заключение. Мы живем в уникальное время. Казалось бы, время невозможностей и одновременно больших возможностей. Главная наша – задача не упустить свой исторический шанс. В новом многополярном мире Россия должна сохраниться как великая держава и занять место, подобающее ее истории, культуре и огромному потенциалу.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-196-203

НОВЫЕ РЕШЕНИЯ И НОВЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ РОССИИ И КИТАЯ

*ДОКЛАД НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ МАЭФ, РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК, 15 МАЯ 2024 Г.*

NEW SOLUTIONS AND NEW RECOMMENDATIONS FOR ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA

*REPORT AT THE PLENARY SESSION OF THE MAEF, RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES, MAY 15, 2024*

ЧЕН Эньфу

Председатель Всемирной ассоциации политической экономии, академик
Китайской академии общественных наук

Cheng ENFU

Chairman of the World Association for Political Economy, Academician of the
Chinese Academy of Social Sciences

В этом году исполняется 75 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. В течение этих 75 лет Китай и Россия совместными усилиями выстроили дружеские отношения двух великих держав и близких соседей, живущих в гармонии и сотрудничестве на благо обеих стран и их народов, а также внесли огромный вклад в дело по укреплению принципа справедливости и беспристрастности во всем мире. В настоящее время китайско-российские отношения находятся на самом высоком уровне развития за всю историю. Китай и Россия поддерживают частые контакты на высшем уровне, между главами государств уже установилась практика ежегодных визитов. С марта 2013 г.

Председатель КНР Си Цзиньпин девять раз приезжал в Россию с официальным визитом либо с целью принятия участия в мероприятиях. В свою очередь, президент России Владимир Путин с мая 2014 г. одиннадцать раз приезжал с такими же целями в Китай. Страны регулярно проводят встречи премьер-министров, организуют парламентские комитеты по сотрудничеству, создают всеобъемлющие механизмы для обмена и сотрудничества на всех уровнях, включая энергетику, инвестиции, гуманитарные науки, экономику и торговлю, сферу стратегической безопасности и деятельности правоохранительных органов. Стороны укрепили взаимное политическое доверие и твердо поддерживают друг друга в вопросах, касающихся суверенитета, безопасности, развития и других базовых государственных интересов.

В апреле этого года, принимая министра иностранных дел России Сергея Лаврова, председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Мы с президентом Владимиром Путиным договорились и впредь поддерживать тесные контакты на благо динамичного и долгосрочного развития китайско-российских отношений. Стороны должны воспользоваться случаем празднования 75-й годовщины установления дипломатических отношений и проведения Года российско-китайской культуры, чтобы полностью реализовать ряд важных договоренностей, достигнутых нами». Сергей Лавров, в свою очередь, заявил, что российско-китайские отношения основаны на равенстве и взаимной выгоде, выходят за рамки союзнических отношений времен холодной войны и демонстрируют сильную стойкость. Россия готова совместно с Китаем добросовестно претворять в жизнь важные договоренности глав двух государств, укреплять двустороннее и многостороннее взаимодействие, совместно с другими странами «глобального Юга» укреплять сплоченность и сотрудничество, способствовать формированию более справедливого и равноправного международного порядка.

Далее я хотел бы кратко рассказать вам о текущей ситуации в сфере экономического сотрудничества между Китаем и Россией, сложившейся за последние годы, его успехах и внести ряд новых предложений по его дальнейшему развитию.

1. Текущее положение вещей в сфере экономического сотрудничества России и Китая и его успехи

Двусторонняя торговля между Россией и Китаем неуклонно растет из года в год, масштабы торговли увеличиваются, структура торговли оптимизируется, а Китай уверенно занимает первое место среди стран – торгово-экономических партнеров России.

В 2022 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией превысил 190 млрд долл., что на 116% превышает данный показатель за 2012 г., а в 2023 г. он достиг 240,1 млрд долл., что на 26,3% больше, чем в 2022 г. Тем самым была досрочно выполнена поставленная в 2023 г. главами двух государств задача по достижению к 2024 г. объема двусторонней торговли в 200 млрд долл. США. Ожидается, что в этом году будет преодолен рубеж в 250 млрд долл. Эти показатели говорят о выходе стратегического сотрудничества на новый уровень.

В «Докладе о развитии китайских предприятий в России (за 2023 г.)», опубликованном Союзом китайских предпринимателей в России, отмечается, что торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами выдержало ряд геополитических и других вызовов, продемонстрировало сильную устойчивость, достигло количественного и качественного роста, ускорило оптимизацию структуры торговли. При этом доля электротехнической продукции поднялась с 45,6 до 59,3%

от общего объема экспорта, а популярность и узнаваемость китайских брендов автомобилей, мобильных телефонов, бытовой техники, продукции машиностроения и т.д. в России продолжают расти. Устойчивое расширение инвестиционного и проектного сотрудничества между двумя странами и усовершенствование механизмов совместной деятельности способствует открытию новых точек роста в сфере экономического и торгового сотрудничества, что вносит вклад в его дальнейшее развитие.

2. Страны добились значительных результатов в построении высокоэффективного партнерства в области энергетики, продолжает расти устойчивость цепочки поставок для энергетической отрасли

Говоря о совместных газовых проектах, следует упомянуть о магистральном газопроводе «Сила Сибири-1», который берет начало от Ковыктинского и Чаяндинского газовых месторождений и проходит через три субъекта Российской Федерации, включая Иркутскую область, Республику Саха и Амурскую область, до выхода на российско-китайскую границу в городе Благовещенске. В декабре 2022 г. был открыт участок газопровода «Сила Сибири» протяженностью около 3000 километров, с диаметром трубы 1420 мм.

В этом году началось строительство газопровода в рамках проекта «Сила Сибири-2», его проектная мощность составит до 50 млрд куб. м. газа в год. Ожидается, что проект будет завершен в 2028 г. Проект строительства данного газопровода, который будет проходить по территории Монголии и транспортировать природный газ из Алтайского края России в Восточный Китай, уже находится на начальной стадии реализации.

Восточный маршрут газопровода Россия-Китай проходит через девять провинций, автономных районов и городов, начиная от пограничного города Хэйхэ, включая Хэйлунцзян, Цзилинь, Внутреннюю Монголию, Ляонин, Хэбэй, Тяньцзинь, Шаньдун, Цзянсу и Шанхай, его общая протяженность составляет 5111 км. Из них 3371 км составляют вновь проложенные трубы, а 1740 км – проложенные ранее. Газопровод делится на северный, центральный и южный участки. В период с 2020 по 2022 г. северный и центральный участки газопровода были построены и введены в эксплуатацию. В мае 2024 г. завершаются ключевые работы по прокладке трубопровода на южном участке. Ожидается, что проект будет полностью окончен и введен в полноценную эксплуатацию к концу этого года. Суточный объем газа, поставляемого по российско-китайскому газопроводу, уже превышает 60 млн кубометров, а в 30-летней перспективе российская сторона будет поставлять в Китай до 1 трлн кубометров газа в год.

Кроме того, Китай и Россия планомерно реализуют крупные совместные проекты в сфере нефтяной промышленности, а также в строительстве атомных электростанций, и постоянно запускают новые проекты, такие как инициированный российской стороной нефтяной проект «Восточная нефть», для которого китайская сторона уже провела технико-экономическое обоснование.

3. Что касается области сотрудничества в финансовой сфере, то и здесь стороны сделали огромный шаг вперед, в результате чего в сотрудничестве в данной сфере возникли новые явления и веяния

Сторонами были подписаны два документа: «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации об углублении отношений все-

объемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху» и «Совместное заявление Председателя Китайской Народной Республики и Президента Российской Федерации о плане развития приоритетных направлений китайско-российского экономического сотрудничества на период до 2030 г.», которые закладывают прочную основу для дальнейшего укрепления взаимовыгодного сотрудничества в области финансов, повышения уровня финансового сотрудничества и совместного противодействия санкциям и попыткам запугивания со стороны США и других западных стран.

В настоящее время в области финансового сотрудничества Китай и Россия достигли следующих результатов: во-первых, значительно возросла доля расчетов в национальной валюте в двусторонней торговле между Китаем и Россией, беспрепятственно осуществляются расчеты в национальной валюте между двумя странами, создана высокоэффективная система сотрудничества, не зависящая от Запада. Почти 95% от всего объема торговли между Россией и Китаем осуществляется в рублях и юанях, что позволяет отказаться от использования валют третьих стран в торгово-экономическом сотрудничестве. Во-вторых, ускорилась работа по стыковке расчетных и платежных систем Китая и России. Банки, брокерские фирмы, страховые и трастовые компании ищут особые пути финансового сотрудничества по всем направлениям для удовлетворения рыночного спроса на торговые расчеты, управление капиталом и страхование между двумя странами. Ряд российских банков имеет доступ к Системе трансграничных платежей в юанях (CIPS), и довольно много банков с китайской стороны, особенно местные городские торговые банки, присоединились к Системе передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России. В феврале 2023 г. Центральный банк РФ заявил, что к СПФС подключились 469 участников, в том числе 115 иностранных организаций из 14 стран. В-третьих, роль юаня становится все более заметной, юань превращается в важную расчетную и сберегательную валюту и продолжает увеличивать свою долю в российских валютных резервах. Согласно «Обзору финансовой стабильности», опубликованному российским Центробанком, доля юаня в российских валютных резервах в сентябре 2023 г. увеличилась до 35%, юань стал важной сберегательной валютой, его доля в Фонде национального благосостояния России достигла 60%, а Москва стала крупнейшим оффшорным рынком торговли юанем, наряду с Гонконгом (Китай) и Лондоном (Великобритания).

4. В области сельскохозяйственного сотрудничества Китай и Россия имеют естественные взаимодополняющие преимущества, в связи с чем Китай стал предпочтительным выбором для экспорта российской сельскохозяйственной продукции и развития международного сотрудничества

Дальний Восток России богат земельными ресурсами и имеет все условия для активного сельскохозяйственного сотрудничества между странами. В 2018 г. Китай и Россия подписали «Программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 гг.», в котором сельскохозяйственный сектор определен как приоритетное направление для осуществления экономического и торгового сотрудничества Китая и России на Дальнем Востоке. Сельскохозяйственное сотрудничество между Китаем и Россией охватывает множество аспектов, таких

как торговля сельскохозяйственной продукцией, сотрудничество в сфере сельскохозяйственного труда, обмен сельскохозяйственными технологиями и инвестиции в сельское хозяйство, при этом торговля сельскохозяйственной продукцией достигла наиболее значимых результатов. В 2022 г. Китай стал крупнейшим импортером российского мяса птицы, говядины, соевых бобов, овса и льняного семени. Россия стала восьмым по величине экспортером сельхозпродукции для Китая и первым по величине экспортером рапса. В октябре 2023 г. Россия и Китай подписали контракт на поставку зерна на сумму около 25,7 млрд долл., согласно которому Россия поставит в Китай 70 млн т зерна, бобовых и масличных культур в течение последующих 12 лет, что стало крупнейшим контрактом на поставку зерна, когда-либо заключенным между двумя странами.

Китай является крупнейшим импортером российской сельскохозяйственной продукции, поэтому торговля агропродовольственными товарами занимает значительную долю в российско-китайской торговле, из которой наиболее существенный вклад вносит российский Дальний Восток.

Одновременно с этим стремительно развивается китайско-российское приграничное сельскохозяйственное сотрудничество. Китайские корпорации «Бэйдахуан Групп» и «Чжунлян» (COFCO Corporation) активно осуществляют сельскохозяйственные посадки и осваивают земельные участки на Дальнем Востоке России, что не только способствует повышению занятости населения и экономическому развитию приграничных регионов, но и открывает новый и эффективный путь инновационного развития Дальнего Востока России.

По данным «Федерального центра развития экспорта продукции агропромышленного комплекса Российской Федерации» при Министерстве сельского хозяйства РФ, за 11 месяцев 2023 г. поставки российского продовольствия в Китай выросли на 58% по сравнению с предыдущим годом в стоимостном выражении и в 1,5 раза в реальном. Объем экспорта сельскохозяйственной продукции из России в Китай продолжает расти высокими темпами, и Китай стал страной номер один по экспорту российской сельскохозяйственной продукции. Существует огромный потенциал для развития сотрудничества в области сельского хозяйства в будущем.

Кроме того, российско-китайское сотрудничество достигло успеха в таких областях, как крупные научно-технические разработки и космонавтика. Был открыт порт Владивосток как пункт транзита для внутренней торговли. Но об этом в настоящем докладе много говорить не буду.

5. Новые рекомендации по экономическому сотрудничеству России и Китая

Сценариев будущего экономического сотрудничества между Россией и Китаем может быть довольно много, поэтому приведем лишь несколько стратегически важных предложений, за которые выступают многие китайские ученые, и я в том числе.

Во-первых, мы предлагаем России и Китаю взять на себя инициативу по созданию новой международной клиринговой системы (SWIFT). Новая система SWIFT может быть реализована среди стран БРИКС и использовать возможности реализации стратегий «Один пояс — один путь» и «Евразийский экономический союз», распространяясь на страны, объединенные инициативой «Один пояс — один путь».

Это позволит постепенно избавиться от зависимости от США и западной финансовой инфраструктуры и повысить значимость БРИКС и ШОС на мировой финансо-

вой арене. После начала украинского кризиса, чтобы избавиться от влияния механизмов сдерживания международной платежной системы SWIFT, контролируемой США, Россия в 2015 г. официально запустила Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), которая активно взаимодействует с китайской системой трансграничных платежей в юанях (CIPS), и совместно с китайской стороной работает над разработкой механизмов трансграничных платежей между Китаем и Россией.

После начала российско-украинского конфликта США и Запад ужесточили экономические санкции против России и Китая, по сути, стремясь изменить модель глобализации, исключаящую Россию и Китай. Теперь, когда Россия исключена из системы SWIFT США и Западом, эта финансовая гегемония будет запугивать все большее количество развивающихся стран в будущем. Принимая во внимание те факты, что китайско-российский механизм трансграничных платежей уже относительно зрелый и что обе стороны имеют тесные экономические и торговые обмены со странами, входящими в концепцию «Один пояс – один путь» и относящимися к Евразийскому экономическому союзу, а также учитывая относительно высокий уровень экономического сотрудничества и политического взаимного доверия между странами БРИКС и государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), можно сказать, что продвижение новой системы SWIFT, возглавляемое Китаем и Россией, имеет прочную экономическую и политическую основу, а также является неотложной задачей противодействия неоимпериализму и неокOLONIALИЗМУ США, основанному на господствующем влиянии доллара.

Рекомендуем Китаю и Российской Федерации продолжать активное строительству российско-китайского порта Зарубино.

В 2014 г. правительство провинции Цзилинь, China Merchants Group (Корпорация Чайна Мерчантс) и крупнейший российский портовый оператор подписали рамочное соглашение о сотрудничестве для строительства порта Зарубино. Планировалось, что в течение 18 лет этот порт превратится в порт № 1 в Северо-Восточной Азии с пропускной способностью около 60 млн т. Помимо самого порта планируется строительство транспортных маршрутов, таких как железные дороги, соединяющие порт Зарубино с соответствующими районами внутри стран. В 2020 г. был запущен маршрут Хуньчунь – порт Зарубино – Циндао, но из-за ограничений по размерам порта эксплуатация данного соответствующего маршрута оказалась не слишком благополучной. Порт Зарубино – один из важных транспортных узлов арктического маршрута, поэтому предлагается, чтобы Китай и Россия совместно изучили и разработали ряд новых методов и механизмов сотрудничества для ускорения реализации проекта «Порт Зарубино» и обеспечения инфраструктурных условий, обеспечивающих мощное развитие Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России.

Рекомендуем Китаю и России активно содействовать совместному строительству транспортной инфраструктуры, особенно железнодорожной.

С одной стороны, это подразумевает совместную работу над продвижением строительства транспортной инфраструктуры в Центральной Азии. Центральная Азия является центром региона, объединенного инициативами «Один пояс – один путь» и Евразийский экономический союз, а также узловым пунктом, соединяющим Южную Азию, Ближний Восток и Западную Азию. Она отличается равнинной местностью, малочисленным населением и отличным доступом, а значит, имеет большое стратегическое значение. В настоящее время Китай активно содействует строительству железной дороги в Кыргызстане и Узбекистане. В 1997 г. Китай, Кыргыз-

стан и Узбекистан подписали меморандум о строительстве железнодорожного пути. Согласно плану, общая протяженность дороги составляет около 523 км, из которых 213 км приходится на Китай, 260 км — на Кыргызстан и около 50 км — на Узбекистан, а сам проект предлагается провести от Кашгара на юге китайской провинции Синьцзян к западу от границы, через Кара-Суу в Кыргызстане и до Андижана в Узбекистане. Если Россия сможет участвовать в строительстве железной дороги Китай—Кыргызстан—Узбекистан вместе с Китаем, это значительно ускорит ход реализации проекта. С другой стороны, можно проработать вопрос о строительстве железнодорожной линии из Алтайского района китайского Синьцзяна до российского Алтайского края, чтобы западный регион Китая имел прямое сообщение с центральным регионом России, что значительно продвинет реализацию стратегии Китая по развитию западного региона и в то же время поспособствует развитию сибирского региона России.

Далее, мы рекомендуем как можно скорее осуществить переговорный процесс России и Китая по вопросу об освоении района реки Тумэньцзян (г. Хуньчунь) для обеспечения выхода к морю.

Выход к морю в районе реки Тумэньцзян находится на границе между Китаем, Кореей и Россией и в настоящее время находится под юрисдикцией России. Если российская сторона согласится с тем, чтобы китайская сторона получила право на ведение работ в этой зоне и использование выхода к морю реки Тумэньцзян, это принесет большую пользу возрождению Северо-Востока Китая, в частности, обеспечит провинции Цзилинь прямой выход к морю, откроет Северо-Восточный логистический коридор и поможет реализовать возможность интермодальных перевозок по реке и морю в Северо-Восточном регионе, благодаря чему Китай сможет более активно содействовать развитию данного региона Российской Федерации. Следует заметить, что порт Владивосток глубоко вдается в территорию России, что создает дополнительные трудности для Китая в его работе по содействию развитию инфраструктуры порта. Поэтому, с точки зрения содействия развитию инфраструктуры, открытие выхода реки Тумэньцзян к морю будет благоприятно для всех видов сотрудничества между Китаем, Россией и КНДР и, несомненно, имеет стратегическое значение.

Предлагаем сотрудничество в строительстве китайско-российского судоходного пути в Северном Ледовитом океане.

Россия является северной страной. Поэтому с наступлением холодов она теряет многочисленные выходы к морю. Если внимательно изучить карту России, можно найти решение проблемы морских перевозок. Проблемы морского транспорта России будут решены, если построить морской незамерзающий канал вдоль восточной и западной береговой линии северного побережья России со стороны Северного Ледовитого океана, через Берингов пролив, к незамерзающим водам Тихого океана, по которому смогут ходить крупные грузовые суда. Китайские инженеры и техники, разработчики проекта, уже передали данные рекомендации относительно «Китайско-российского сотрудничества в области строительства водного пути» президенту Владимиру Путину, и они уже были приняты администрацией президента. Гарантируется, что зимой этот северный морской путь, не требующий высоких инвестиционных и эксплуатационных затрат, замерзать не будет. Одной из проблем, влияющих на российскую экономику, лежит высокая стоимость логистики для всех видов товаров. Однако после завершения строи-

тельства судоходного пути через Северный Ледовитый океан по нему можно будет поставлять российское зерно в Китай и другие страны мира. Будет дан толчок развитию экономики всех прибрежных регионов северного побережья России. Китай может пересмотреть свою сельскохозяйственную политику и в сотрудничестве с Россией организовать систему временного вывоза земель из оборота для их восстановления. Кроме того, уменьшатся конфликты в спорных акваториях. Большого развития достигнет взаимодействие экономического пояса древнего Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. с Евразийским экономическим союзом.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на специальную военную операцию, которую инициировала Россия по причине все нарастающей угрозы со стороны Америки и Запада, продолжающих расширение своего влияния на восток, отношения между Россией и Китаем достигли наивысшей точки развития за всю историю. Я уверен, что в будущем наше сотрудничество в различных областях будет только расширяться и углубляться и достигнет еще более значимых результатов. В то же время страны БРИКС и ШОС, ядром которых являются Китай и Россия, будут играть важную роль в противодействии гегемонии и неокOLONIALИЗМУ США и Западной Европы, а значит, и в содействии построению Сообщества единой судьбы человечества.

**АНАЛИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ
VI МОСКОВСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФОРУМА МАЭФ-2024**

**Пленарные
конференции
16 мая 2024 г.**

*В разделе представлены
материалы спикеров пленарных
конференций МАЭФ-2024*

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-206-208

ПЛЕНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАЭФ В ИНСТИТУТЕ ЕВРОПЫ РАН «ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ И ЕВРОПЫ: НАВИГАЦИЯ СТРАТЕГИЙ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ». ОСНОВНЫЕ ИТОГИ¹

MAEF PLENARY CONFERENCE AT THE INSTITUTE OF EUROPE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES «ECONOMIC SPACES OF RUSSIA AND EUROPE: NAVIGATION OF STRATEGIES IN THE CONTEXT OF GEO-ECONOMIC RISKS». MAIN RESULTS

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Директор Института Европы РАН, член Президиума ВЭО России,
член-корреспондент РАН, доктор политических наук

Alexey A. GROMYKO

Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, member of
the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Political Sciences

1 Предлагаемый читателю материал подготовлен с учетом ключевых тезисов, прозвучавших на пленарной конференции МАЭФ в Институте Европы РАН 16 мая 2024 г.

В центре внимания современных научных дискуссий в сфере геоэкономики — обсуждения теории и прикладных аспектов ноономики, включая нооинтеграцию. Широко обсуждаются категории «точка бифуркации» и «сингулярность», квадрада принципов ноономики, включая трансформацию способа удовлетворения потребностей. Ряд параметров модели ноономики для кого-то могут выглядеть опережающими свое время, другими словами — слишком прогрессивными и гуманистическими для мира в его нынешнем состоянии. Но смысл заключается в том, чтобы ставить большие цели и высоко поднимать планку.

Развивается тема ценностного подхода в геоэкономическом стратегировании. В 1970-е гг. концептуально и в следующее десятилетие практически Запад усилиями США и Британии перешел к политэкономии неолиберализма, возникли феномены тэтчеризма и рейганомики. Смысл состоял в переходе от экономики спроса к экономике предложения, максимальному раскрепощению рыночных сил, резкому изменению отношений между трудом и капиталом в пользу последнего. Произошла беспрецедентная либерализация мировых финансовых рынков. После развала СССР эти процессы приняли еще больший масштаб. В результате была создана система, когда неолиберальная модель глобализации на основе «Вашингтонского консенсуса» способствовала новому этапу перекачки ресурсов от не-Запада к Западу, но уже без прямых признаков господства в колониальном духе. Однако это была бы слишком упрощенная характеристика такой модели. В ее рамках ряд незападных государств также получили мощный импульс к развитию, в первую очередь Китай, о чем сейчас многие в США сожалеют.

Такая неолиберальная модель глобализации, особенно начиная с «великой рецессии» в 2008–2009 гг., уходит в прошлое. Все больше национальных экономических систем попадают в условия ухудшающихся мирохозяйственных связей. Развиваются санкционные режимы. Однако российская экономика на данном отрезке времени продемонстрировала свою резистентность и стрессоустойчивость, проявила гибкость и адаптивность. Теперь более 70% приходится на торговлю с незападными странами, тогда как еще несколько лет назад цифра была ниже 50%. Происходит и суверенизация внешнеторговой деятельности, то есть усиление контроля над всей цепочки логистики продажи товара. События показали, что механизмы ЕАЭС могут смягчать внешние негативные шоки.

В то же время возросло доминирование Китая в российском импорте, существует нехватка институтов поддержки экспорта, нестабильность валютных курсов и др. Сохраняется сырьевая ориентация в экспортной торговле с третьими странами, сокращение доли в мировом ВВП.

Евросоюз в последние годы пытается с помощью милитаризации, лозунгов геополитизации и политики двойного перехода (энергетического и цифрового) обеспечить себе технологические преимущества, удержаться в тройке крупнейших экономик мира к середине столетия. Продвигаются экономические стратегии ЕС с большой составляющей планирования. Основные цели — достижение долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития. В целом, во многом речь идет об индикативном планировании европейской экономики. Однако доля ЕС в глобальной экономике продолжит падать. В 2000 г. доля ВВП стран — членов ЕС в мировом ВВП составляла примерно четверть, сейчас — менее 15%. У Китая этот показатель — 18%. Экономика ЕС находится в зоне стагнирующего роста. Среди причины — недостаточные вложения в НИОКР, политизированное вмешательство

в рыночные, экономические и торговые процессы, недальновидный разрыв экономических связей с Россией.

Экономический рост ЕС минимален на грани с рецессией. Согласно предварительным данным, ВВП ЕС за 2023 г. вырос на 0,5%. Соотношение общего госдолга к ВВП стран – членов зоны евро в 2023 г. был более 90%, хотя установленный максимум – 60%. Несколько стран закончили прошлый год с отрицательным экономическим ростом, включая Германию и Британию.

Климатическая безопасность переплетена с энергетической. Здесь теснейшая связь с политикой и в Европе, что показало лоббирование Франции в пользу своей атомной промышленности и Германии – в пользу природного газа как источников экологически чистой энергии. Гипертрофированное увлечение на Западе зелеными технологиями несколько спадает. Но пока антропогенная версия изменения климата сохраняет свою монополию.

В свете 25-летия валюты евро встают вопросы о связанных с этим рисках и достижениях. В целом евро состоялся и отвел от ЕС угрозы конца XX в. В то же время зона евро породила новые внутренние проблемы. Также за истекший период не сократился отрыв от США по размеру ВВП и финансовых рынков. Все влиятельнее становится фактор цифровизации в позициях евро, давления со стороны криптовалют, американских платежных систем и цифрового юаня.

По-прежнему во многом определяющим остается проблематика места США в мировой экономике. При использовании длинных временных рядов позиции страны по значительному количеству показателей остаются ведущими, и ее ослабление по некоторым направлениям идет медленнее, чем часто заявляется.

Одним из важнейших является дискурс о высоких рисках для России в рамках сценария снижения инфляции путем жесткой монетарной политики. При всей ошибочности игнорирования монетарных факторов инфляции, «монетарный форсаж», как называют этот феномен российские специалисты, таит в себе немалые опасности. В текущих условиях необходимо применять сбалансированный подход, согласно которому умеренный уровень инфляции может играть позитивную роль.

Не менее важная тема – долгосрочная проблема реструктуризации российской экономики с учетом необходимости избежать шокового эффекта. Возникает и проблема зависимости между недостатком трудовых ресурсов и стимулированием выпуска той или иной номенклатуры продукции. Другие ограничители – миграционные, бюрократические, санкционные. Отдельный вопрос – проблема «социального контракта» в периоды транзита и неопределенности. Первоочередной становится задача развития экономики социальной направленности, высокого уровня социальности сплоченности.

В современном геоэкономическом дискурсе большое внимание по-прежнему уделяется роли внешнеэкономических связей в обеспечении экономической безопасности России. В этом аспекте серьезная проблема, на которой заостряют внимание российские специалисты, – замещение критических технологий, в первую очередь – устойчивое замещение высокотехнологических товаров из недружественных стран.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕС 2020–2024: ЦЕЛИ И ПОКАЗАТЕЛИ

EU ECONOMIC STRATEGIES 2020– 2024: GOALS AND INDICATORS

НЕВСКАЯ Наталья Александровна

Ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований Института Европы РАН, кандидат экономических наук, доцент

Natalia A. NEVSKAYA

leading researcher of the department of economic research of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Ph. D. (Economy)

Аннотация

В статье рассматриваются экономические стратегии ЕС, принятые в 2019 г. на период 2020–2024 гг., анализируется взаимосвязанная система показателей экономического прогноза ЕС, иерархия общих и конкретных целей, мероприятий для достижения поставленных целей и системы отчетности исполнения Стратегий. Для анализа используются Стратегические планы на период 2020–2024 гг., Планы управления на текущий год (2024), система отчетных документов Генеральных директоров Европейской комиссии, компетенция и область деятельности которых связана с реализацией экономической политики ЕС. В основу анализа положена отчетность Генерального директората экономики и финансов Еврокомиссии. Показано, что ЕС проводит проактивную политику в вопросах цифровизации, климатической нейтральности и ряде других целей для достижения конкурентоспособности на мировом рынке. Система макроэкономических показателей Экономического прогноза лежит в основе формирования планов всех Генеральных директоров Европейской комиссии. Мероприятия для достижения заявленных целей в 2020–2024 гг. не повлияли на итоговые значения основных макроэкономических показателей за исследуемый период и остаются почти неизменными в показателях прогноза на период до 2025 г. Анализ добавленной стоимости экономики ЕС по отраслям показывает неизменность структуры экономики ЕС за период 2020–2023 гг.

Abstract

The paper discusses the EU Strategy 2020–2024 created in 2019. There are analyzes the Strategy plan and Management Plan EU, Economic forecast EU, the hierarchy of General and Specific objectives, Activities with results, indicators and targets to achieve the goals and systems for implementing the Strategy for the EU in the paper. The analysis used EU Commission work programme, Strategic Plans 2020–2024 EU Commission, Management Plans EU Commission for the current reporting year (2024), Annual activity report. It is a system of documents of Departments and executive agencies (DirectorateGeneral, Executive agency and Service) of the EU Commission, whose competence and area of activity are related to the implementation of EU economic

policy. The analysis is based on the plans and reports of The Directorate General for Economic and Financial Affairs (DG ECFIN) of the European Commission: Strategic plan, Management plan, Annual activity report, Annual work programme. It is shown that the EU is pursuing a proactive policy regarding digitalization, climate neutrality and a number of other goals to achieve competitiveness in the global market. The system of macroeconomic indicators of the Economic Forecast underlies the formation of plans of all The Directorate General of the EC. Activities are described in results, indicators and targets to achieve the stated General and Specific objectives 2020–2024. The final values of the main macroeconomic indicators for the current period are not justified and the forecast indicators for the period until 2025 remain almost unchanged. An analysis of the added value of the EU economy by industry shows the instability of the structure of the EU economy for the period 2020–2023.

Ключевые слова ЕС, Стратегии, экономическое планирование, экономическое прогнозирование, Стратегический план, План управления, Ежегодная рабочая программа, экономическая политика, экономика ЕС, Европейская комиссия.

Keywords EU, Strategy, Economic forecast, Strategic plan, Management plan, Annual work programme, economic policy, EU economy, European Commission.

Введение

Обострение кризисных явлений в экономике, военные формы решения конфликтов в большом количестве горячих точек на карте мира повлекли за собой изменение структуры производства и потребления крупнейших экономик, высокую динамику макроэкономических показателей во многих странах, необходимость их стабилизации в текущем периоде и минимизации колебаний в будущем. Решение таких проблем имеет большой опыт регулятивного государственного воздействия посредством инструментов экономического планирования и прогнозирования [7]. Проблема экономического планирования в России и развитых зарубежных странах активно обсуждается на ведущих экспертных и научных площадках в настоящее время. Институт Европы РАН и ИНИОН РАН проводили семинары, посвященные этой тематике на примере опыта европейских стран, Московский академический экономический форум уделяет большое внимание развитию этой проблематики в российской практике государственного управления. Цель статьи – раскрыть механизм реализации базовых принципов системы экономического планирования на примере Стратегий ЕС через систему целей, индикативных показателей и статистических итогов последних четырех лет.

Стратегии в ЕС – новый подход на старых основаниях

Европейская комиссия в 2019 г. разработала комплекс документов, связанных с реализацией функции государственного экономического планирования «Стратегии 2020–2024» для разных направлений деятельности – экономической, финансовой, демографической, социальной и т.д. [10]. Стратегии разработаны для всех структурных подразделений Европейской комиссии от технических до функциональных и предназначены для исполнения всеми структурными подразделениями – департаментами исполнительными агентствами и службами, в ведении которых находятся экономические вопросы: от Генерального директората малого и среднего

бизнеса, Генерального директората экономики финансов и прочих департаментов, регулирующих экономическую деятельность в ЕС до подразделений, которые занимаются лингвистическими переводами текстов, то есть технической частью работы структурных подразделений Европейской комиссии. Данная статья рассматривает экономические стратегии ЕС и базируется на нормативных документах Генерального директората экономики и финансов Европейской комиссии.

Стратегия — это термин, пришедший в экономику из театра военных действий. В обществах стран с рыночной экономикой возникла необходимость использования инструментов государственной политики, идеологически неприемлемых для либеральной экономической концепции [4]. Обострение экономических противоречий в мире и в западноевропейском обществе достигло высокой напряженности, при которой страны с развитой рыночной экономикой, не придерживающиеся теории активного государственного регулирования, приняли на вооружение инструменты индикативного планирования, оформив плановые показатели в виде прогнозов, целей, задач и индикативных показателей исполнения в Стратегиях 2020–2024 [5]. Отличительной особенностью этой системы является, с одной стороны, общий характер плановых документов Европейской комиссии и соответствующих департаментов, с другой стороны, большая проработанность индикативных показателей (критерии, результаты, индикаторы, мера достижения и эффективности) в аналитических отчетах, приложениях и прочих внутренних документах департаментов Европейской комиссии.

Экономический прогноз как элемент системы Стратегий ЕС

Новая система государственного управления экономикой ЕС с 2020 г. базируется на Экономическом прогнозе, разрабатываемом Европейской комиссией, как правило, ежесезонно или раз в полугодие — весной и летом. Все макроэкономические, региональные и страновые показатели, представленные в документе, являются целевыми показателями во всей системе отчетности Европейской комиссии. Самым всеохватывающим документом в системе стратегических документов является общая программа работы Европейской комиссии [3]. Каждый департамент разрабатывает Стратегический план на четыре года (с 2020 по 2024 г.) и каждый год департамент принимает план управления на текущий год в соответствии с поставленными общими и конкретными целями и показателями, на основе которых в конце периода формируются годовые отчеты [11].

В основе всех перечисленных планов лежит Экономический прогноз ЕС. Он состоит из 2-х частей. Первая часть описывает экономику еврозоны и ЕС, вторая часть посвящена экономике отдельных стран. В первой части описаны рамки и допущения при формировании прогнозных моделей, общеэкономические тенденции развития экономики ЕС и сложившиеся экономические условия в мировой экономике, включенные в прогнозные модели. Даются прогнозы и оценки финансовым условиям, основной экономической деятельности, рынку труда, инфляции, счетам текущих операций, государственным финансам и налогово-бюджетной политики [6]. Отдельно рассматриваются существующие риски и отдельные вопросы, особо актуальные в исследуемый период.

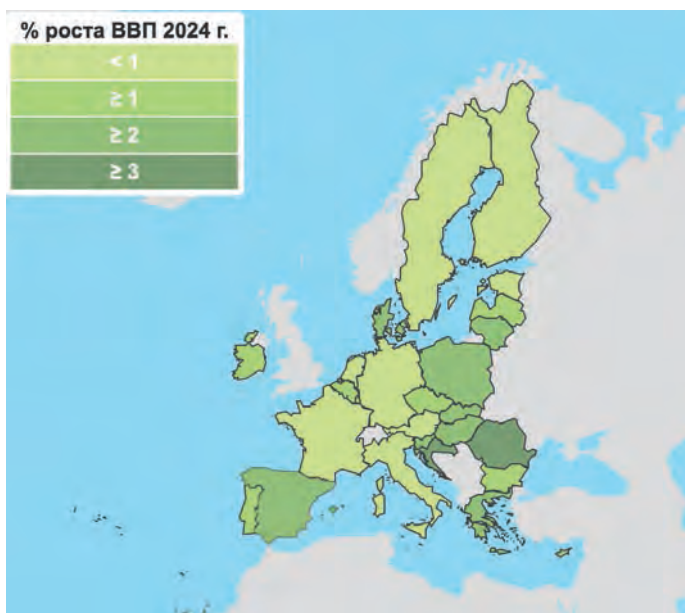
Вторая часть описывает прогнозы и раскрывает перспективы развития отдельных экономик ЕС, а также стран Европы, не входящих ЕС и крупнейших неевропейских торговых партнеров.

В таблице 1 представлены последние данные экономического прогноза ЕС на весну 2024 г. и даны значения основных индикаторов, на рисунке 1 отражена прогнозируемая динамика реального ВВП по странам ЕС.

Таблица 1. Экономический прогноз ЕС. Весна 2024. Значения основных индикаторов

ВВП	Инфляция	Дефицит	Безработица
ЕС:	ЕС:	ЕС:	ЕС:
2023 г.: 0,4%	2023 г.: 6,4%	2023 г.: -3.5%	2023 г.: 6,1%
2024 г.: 1,0%	2024 г.: 2, %	2024 г.: -3.0%	2024 г.: 6,1%
2025 г.: 1,6%	2025 г.: 2,2%	2025 г.: -2.9%	2025 г.: 6,0%
Зона евро:	Зона евро:	Зона евро:	Зона евро:
2023 г.: 0,4%	2023 г.: 5,4%	2023 г.: -3.6%	2023 г.: 6,6%
2024 г.: 0,8%	2024 г.: 2,5%	2024 г.: -3.0%	2024 г.: 6,6%
2025 г.: 1,4%	2025 г.: 2,1%	2025 г.: -2.8%	2025 г.: 6,5%

Рис. 1. Прогноз прироста реального ВВП в 2024 г. в странах ЕС [6]

Европейская комиссия главными индикаторами определяет ВВП, инфляцию и безработицу, а также дефицит бюджета. Модель, принятая за основу стратегического прогнозирования в Европе – это модель Филлипса. При этом структурные модели в прогнозировании экономической динамики Европы в документах найти очень сложно. Такой подход к планированию указывает на принятие общего фарватера экономического течения рыночных отношений, предполагающий воздействие на экономику через большой рычаг макроэкономических показателей.

Для сравнения система экономического планирования в Советском Союзе реализовалась через комплекс документов, где упор был сделан на структуру экономики, прежде всего, на I и II подразделения. Такой подход связан с преодолением проблем рыночных закономерностей экономического развития через отход от капитализма. Планировали экономическую структуру с использованием межотраслевого баланса, рассчитывались технологические коэффициенты, составлялись балансы по товарно-стоимостным матрицам, формировался план капитальных вложений. Через ядро этих документов можно было видеть структуру экономики. Формируемые директивы базировались на этом ядре и отражали цели развития страны на будущий период, задавая параметры в целевых функциях.

Европейская система экономического планирования в Стратегиях не подразумевает глубокую проработку параметров структуры экономики, ориентируясь на крупные макроэкономические показатели. Основные цели, прописанные в экономических стратегиях на период 2020–2024 гг. — это не повышение динамики экономического роста, а цели, связанные с достижением долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития европейских стран. Экономический рост не является целевым показателем Прогноза ЕС, Программы Европейской комиссии и Стратегий департаментов, формирующих основу для индикативных показателей всех документов департаментов Европейской комиссии. Но он присутствует как индикативный показатель в отчетных документах экономических департаментов Европейской комиссии.

Система Стратегических планов Европейской комиссии

Формирование планов реализуется на основе *6 Приоритетов Европейской комиссии 2020–2024 гг.*:

- Европейская зеленая сделка (A European Green Deal);
- Европа цифровой эпохи (A Europe fit for the digital age);
- Экономика для людей (An economy that works for people);
- Сильная Европа (A stronger Europe in the world);
- Продвижение европейского образа жизни (Promoting our European way of life);
- Новый толчок к европейской демократии (A new push for European democracy).

Каждый департамент Европейской комиссии в стратегических планах и планах департамента на конкретный год указывает стратегические цели и задачи в зависимости от компетенции департамента. Показатели выполнения планов департаментов Европейской комиссии с компетенцией реализации отдельных аспектов экономической политики при всем их многообразии можно разбить на две большие группы:

- отчетные показатели департаментов и управлений по компетенциям (ВВП, экономический рост, инфляция, безработица и другие макроэкономические показатели, количество мероприятий и документов);
- внутренние показатели устойчивого развития (доля женщин в управлении, доля представителей групп, доля затрат на реализацию программ по поддержанию групп) при реализации Стратегий ЕС.

Стратегические планы ЕС на 2020–2024 гг. были опубликованы 6 октября 2020 г. Из них для достижения целей экономической политики ЕС можно выделить следующие планы в соответствующих Генеральных директоратах [12]:

1. «Экономические и финансовые вопросы» в Генеральном директорате Европейской комиссии по экономическим и финансовым вопросам.

2. «Сельское хозяйство и развитие сельских районов» в Генеральном директорате Европейской комиссии сельского хозяйства.
3. «Действия по борьбе с изменением климата» в Генеральном директорате Европейской комиссии по борьбе с изменением климата.
4. «Коммуникация» в Генеральном директорате связи Европейской комиссии.
5. «Сети связи, контент и технологии» в Генеральном директорате сетей связи, контента и технологий Европейской комиссии.
6. «Конкуренция» в Генеральном директорате Европейской комиссии по конкуренции.
7. «Сотрудничество и развитие» в Генеральном директорате по сотрудничеству и развитию Европейской комиссии.
8. «Оборонная промышленность и космос» в Генеральном директорате оборонной промышленности и космоса Европейской комиссии.
9. «Образование, молодежь, спорт и культура» в Генеральном директорате образования, молодежи, спорта и культуры Европейской комиссии.
10. «Занятость, социальные вопросы и инклюзивность» в Генеральном директорате Европейской комиссии по занятости, социальным вопросам и инклюзивности.
11. «Энергетика» в Генеральном директорате Европейской комиссии по энергетике.
12. «Окружающая среда» в Генеральном директорате Европейской комиссии по окружающей среде.
13. «Бюджет» в Генеральном директорате Европейской комиссии по бюджету и др.

В представленных документах описана *система целей*, стоящих перед Генеральным директоратом Европейской комиссии. В документе формируется система общих и конкретных целей, их взаимосвязи и взаимозависимости. На рисунке 2 представлена система соответствия общих и конкретных целей на примере Департамента экономики и финансов Европейской комиссии.

Рис. 2.
Система общих и конкретных целей в Стратегии ЕС Департамента экономики и финансов на 2024 г. [11]

Общая цель 3: Экономика, которая работает для людей	Конкретная цель 1: Поддержка экономик государств-членов, чтобы они стали более экономически и социально устойчивыми и минимизировали долгосрочное воздействие пандемии COVID-19 на ЕС, в том числе путем предоставления до 672,5 млрд евро в виде грантов и кредитов в рамках программы восстановления и устойчивости
Общая цель 1: Европейский зеленый курс	Конкретная цель 2: Интегрировать Цели устойчивого развития (ЦУР) в Европейский семестр, поддерживая инклюзивные, зеленые и цифровые экономические преобразования в период восстановления после COVID-19
Общая цель 2: Европа, готовая к цифровой эпохе	Конкретная цель 3: Рассмотреть и внедрить систему экономического и финансового надзора, чтобы создать условия для устойчивого экономического роста
Общая цель 4: Более сильная Европа в мире	Конкретная цель 4: Более глубокий и устойчивый Европейский экономический и валютный союз как в экономическом, так и в финансовом измерениях
	Конкретная цель 5: Мобилизовать около 300 миллиардов евро инвестиционного финансирования для зеленого и цифрового перехода экономики ЕС
	Конкретная цель 6: Укрепить роль Европы как глобального игрока в экономических вопросах и повысить международную роль евро

Общие цели, обозначенные в Стратегических планах Генеральных директоров Европейской комиссии, соответствуют 6 Приоритетам на 2020–2024 гг. Как поясняется в Стратегическом плане Генерального директората экономики и финансов на 2020–2024 гг., характер работы Генерального директората означает, что его конкретные цели способствуют достижению более чем одной общей цели.

Сформулированные в форме красивых слоганов, основные целевые показатели достигаются через реализацию задач и основных мероприятий по достижению целей в Планах управления на год с использованием индикаторов цифровизации европейской экономики, определенных уровней климатической нейтральности, формирования стандартов потребления и устойчивого развития.

Планы управления каждого Генерального директората Европейской комиссии принимаются весной на каждый конкретный год, в текущем году планы Генеральных директоратов приняты 8 мая 2024 г. [7]. План управления на 2024 год описывает задачи и деятельность Генерального директората по его направлению деятельности в Европейской комиссии и советуемой ему компетенции [6]. Каждый из перечисленных выше Генеральных директоратов разрабатывает и реализует План управления на конкретный год.

Реализация планов, поставленных общих и конкретных целей предусматривает определенные мероприятия по их достижению и требует запланированный объем финансирования [1]. Стратегии ЕС предполагают систему отчетности за проведенные мероприятия. На примере общей цели 3 и конкретной цели 1. Генерального директората по экономике и финансам Европейской комиссии (рис. 2.) планируется получить ряд основных результатов в 2024 г. В частности, мероприятия проходят в отчетности по стандартным группам и содержат параметры: результат, индикатор, цель [2].

В таблице 2 во втором примере представлены мероприятия по группе «коммуникации с внешними пользователями» и запланирован один результат — проведенное мероприятие для реализации Плана восстановления и повышения устойчивости в Брюсселе. Он оценивается по четырем индикаторам, имеющим конкретное измерение. Таким образом индикаторы охватывают:

1. Количественную оценку мероприятия;
2. Качественную оценку мероприятия;
3. Обратную связь о качестве мероприятия;
4. Оценка эффективности мероприятия.

Формирование отчетности исполнения стратегий ЕС начинается с документа, подписываемого руководителем Генерального директората Европейской комиссии, где его ответственность зафиксирована явно «Настоящим я подтверждаю, что информация, представленная в настоящем Годовом отчете о деятельности и в приложениях к нему, насколько мне известно, является точной и полной». Генеральный директорат формирует отчетность исполнения Стратегий, в которую входят следующие документы:

1. Таблицы эффективности;
2. График денежных поступлений и отчетность департамента;
3. Система индикаторов исполнения финансовых показателей;
4. Количественные и качественные критерии оценки деятельности;

5. Ряд документов контроля деятельности департамента по обеспечению достижения целей, в том числе по используемым ресурсам (гендерные критерии и т.д.).

В основе всех Стратегических планов Европейской комиссии лежат макроэкономические показатели Экономического прогноза. Для анализа итогов реализации Стратегий ЕС за период 2020–2024 рассмотрим динамику добавленной стоимости в ВВП ЕС во временном интервале с 2020 по 2023 г. Этот срез агрегатов не представлен в экономическом прогнозе ЕС, но он отражает изменения в структуре экономики ЕС.

Таблица 2. Мероприятия для достижения поставленных целей Генеральным директоратом по экономике и финансам на 2024 г. по группам

2. 1. Оценка регулирующего воздействия		
Результат	Индикатор	Цель
Подготовка оценочного отчета SURE – Европейский инструмент временной поддержки для снижения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях (The European instrument for temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency – SURE)	Публикация отчета	2024
Подготовка публикации Независимой оценки при средних сценарных условиях по критериям устойчивости и способности к восстановлению	Публикация Независимой оценки при средних сценарных условиях по критериям устойчивости и способности к восстановлению	1 квартал 2024 г.
2. 2. Коммуникации с внешними пользователями:		
Результат	Индикатор	Цель
1-дневное мероприятие в Брюсселе с определенным перечнем участников, проводимое в смешанном формате (он-лайн и офф-лайн) для реализации позиций RRF (План восстановления и повышения устойчивости)	число участников	500 участников в онлайн формате 230 участников в офлайн формате
	общая полезность мероприятия	удовлетворенность 8 из 10
	процент положительных отзывов о мероприятии или рекомендаций	75% и выше
	процент участников, улучшивших мнение об экономической политике ЕС в результате посещения мероприятия	50%

Таблица 3. Доля добавленной стоимости отраслей в ВВП ЕС в динамике за период с 2020 по 2023 г.*, в %

	2020	2021	2022	2023
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	1,81	1,79	1,89	1,86
Промышленность (кроме строительства)	19,68	20,15	20,55	20,55
Производство	16,35	16,68	16,79	16,66
Строительство	5,48	5,44	5,52	5,70
Оптовая и розничная торговля, транспорт, проживание и общественное питание	17,77	18,45	19,55	19,14
Информация и коммуникация	5,41	5,50	5,38	5,41
Финансовая и страховая деятельность	4,64	4,55	4,38	4,64
Деятельность в сфере недвижимости	11,23	10,71	10,27	10,44
Профессиональная, научная и техническая деятельность; административная и вспомогательная деятельность	11,29	11,27	11,14	11,15
Государственное управление, оборона, образование, здравоохранение и социальная работа	19,69	19,20	18,39	18,13
Искусство, развлечения и отдых; другая сервисная деятельность; деятельность бытовых и экстерриториальных организаций и органов	3,01	2,92	2,94	2,97

* сумма превышает 100%, так как некоторые подотрасли учтены в отраслях

Источник: Eurostat

В представленной структуре экономики ЕС по величине добавленной стоимости в отраслях за четыре года видно отсутствие изменений. Цели Стратегии ЕС предполагают рост доли цифровых услуг и продукции с высокой долей наукоемких ресурсов в произведенной продукции. Достижение целей цифровизации европейской экономики, климатической нейтральности, формирования стандартов потребления и устойчивого развития не прослеживается по предложенным макроэкономическим показателям в Экономическом прогнозе, так как система их учета не предполагает дифференциацию в показателях цифровизации экономики или климатической нейтральности. В связи с глубокой дифференциацией, специализацией и кооперацией экономики ЕС макроэкономические показатели могут быть сбалансированы. То есть падение материального производства в ЕС и рост нематериального могут друг друга компенсировать, что в укрупненных показателях по экономике ЕС окажется неизменным приростом на краткосрочном или среднесрочном временном отрезке. Экономические прогнозы выполняют идеологическую и информационную функцию для формирования общественного мнения или могут служить обеспечительной мерой для государственного финансирования определенных проектов в странах ЕС.

Заключение

Экономические стратегии ЕС относятся к классической системе индикативного планирования рыночной экономики: на основе экономического прогноза и системы общих и конкретных целей, долгосрочного видения образа желаемого будущего экономики ЕС формируются Стратегии всех Генеральных директоратов Европейской комиссии. В стратегиях прописаны среднесрочные (на четыре года) и краткосрочные (на один год) планы Генеральных директоратов Европейской комиссии с мероприятиями по достижению поставленных целей. Разработана система отчетности Генеральных директоратов Европейской комиссии с оценкой эффективности мероприятий по количественным и качественным критериям оценки на основе обратной связи и объективных показателей. Стратегии ЕС предполагают ответственность всех Генеральных департаментов и отделов Европейской комиссии ЕС с большой системой отчетности. Представленная система Стратегий в странах с рыночной экономикой свидетельствует не только о кризисных экономических явлениях предыдущего периода, но и поставленных долгосрочных целях, которые невозможно достичь через саморегуляцию рынка.

Система прогнозирования и планирования стран ЕС базируется на макроэкономических показателях, структурные прогнозы занимают второстепенное место. Это косвенно указывает на лидирующее место субъекта планирования (ЕС) в мировой экономике, и не требует форсированной перестройки структуры материального производства в долгосрочном периоде. Экономические стратегии ЕС не ставят целью высокие показатели экономического роста в краткосрочном периоде, но имеют цель реформировать европейскую экономику в иную структуру производства и потребления с потенциальным усилением экономического контроля в лидирующих секторах мировой экономики.

Существующая система статистической отчетности не отражает основных изменений в макроэкономических показателях. За рассматриваемый период 2020–2023 гг. структура экономики ЕС не претерпела изменений и в Экономическом прогнозе до 2026 г. серьезных изменений не предусмотрено. В рассматриваемых агрегатных показателях (ВВП/добавленная стоимость) сокращается доля материального производства и увеличивается доля нематериальных услуг, но она не отражена в прогнозе или ли отчетности. В экономике ЕС наблюдаются изменения в группе цифровых, финансовых, транспортных услуг, но укрупненный характер используемых макроэкономических агрегатов прогноза и плана эту динамику не отражает. Макроэкономические показатели Экономического прогноза в среднесрочном периоде остаются неизменными или с незначительной динамикой.

Библиографический список / Reference

1. *Annual activity report 2022 – Economic and Financial Affairs* [Ежегодный отчет 2022 Генерального директората по экономике и финансам Европейской комиссии] – https://commission.europa.eu/publications/annual-activity-report-2022-economic-and-financial-affairs_en (accessed: 10.07.2024).
2. *Annual activity report 2022 – Economic and Financial Affairs – annexes* [Приложения к Ежегодному отчету 2022 Генерального директората по экономике и финансам Европейской комиссии] – https://commission.europa.eu/publications/annual-activity-report-2022-economic-and-financial-affairs_en (accessed: 10.07.2024).

3. COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS Commission work programme 2023. [Рабочая программа комиссии. 2023] EUROPEAN COMMISSION. A Union standing firm and united. Strasbourg, 18.10.2022 COM (2022) 548 final. https://commission.europa.eu/document/download/51991f3fa49b-4f4d-811e-c854449169d8_en?filename=com_2022_548_3_en.pdf (accessed: 10.07.2024).
4. Crespy, A., Massart, T., & Moreira Ramalho, T. (2024). Embedding past, present and future crises: time and the political construction of the Covid-19 pandemic in the EU. *Journal of European Integration*, 1–21. <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2329995> (accessed: 10.07.2024).
5. Draghi, M. (2024). Economic policy in a changing world. *Business Economics*, 59, 73–77 – <https://link.springer.com/article/10.1057/s11369-024-00357-3> (accessed: 10.07.2024).
6. European Economic Forecast. Spring 2024 [европейский экономический прогноз. Весна. 2024] – https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/economic-forecasts/spring-2024-economic-forecast-gradual-expansion-amid-high-geopolitical-risks_en (accessed: 10.07.2024).
7. Heldt, E. C., Ríos Camacho, E., & Mueller, T. (2023). In Europe we trust: selecting and empowering EU institutions in disruptive circumstances. *Journal of European Integration*, 46(2), 235–255. <https://doi.org/10.1080/07036337.2023.2272037> (accessed: 10.07.2024).
8. Management plan 2020 – Economic and Financial Affairs [План управления Генерального директора по экономике и финансам Европейской комиссии] – https://commission.europa.eu/publications/management-plan-2020-economic-and-financial-affairs_en (accessed: 10.07.2024).
9. Management plans [Планы управления] – https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/strategy-documents/management-plans_en?page=1 (accessed: 10.07.2024).
10. Nevskaya, N.A. (2021). European Investments Opportunities After COVID-19. In: Osipov, V.S. (eds) *Post-COVID Economic Revival, Volume I*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-83561-3_16 – https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-83561-3_16 (accessed: 10.07.2024).
11. Strategic plan 2020–2024 – Economic and Financial Affairs [Стратегический план Генерального директора по экономике и финансам Европейской комиссии] – https://commission.europa.eu/publications/strategic-plan-2020-2024-economic-and-financial-affairs_en (accessed: 10.07.2024).
12. Strategic plans 2020–2024 [Стратегические планы на 2020–2024] – https://commission.europa.eu/publications/strategic-plans-2020-2024_en. Октябрь 2020 (accessed: 10.07.2024).

Контактная информация / Contact information

Институт Европы РАН
125009, Москва, Моховая ул., 11-3
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia
Невская Наталья Александровна / Natalia A. Nevskaya
nnevskaya@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-220-228

ЕДИНЬЙ ВНУТРЕННИЙ РЫНОК ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА 30-ЛЕТНЕМ РУБЕЖЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ¹

THE EUROPEAN UNION SINGLE MARKET TURNS 30: ACHIEVEMENTS AND NEW CHALLENGES²

КОНДРАТЬЕВА Наталия Борисовна

Ученый секретарь, ведущий научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, кандидат экономических наук, доцент

Natalia B. KONDRATIEVA

Scientific Secretary, leading researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic sciences, Associate professor

Аннотация

Дано представление об экспертной деятельности европейских центров компетенции по анализу достижений Единого внутреннего рынка Европейского союза. Статья вносит вклад в обсуждение потенциала ЕВР с точки зрения традиционных представлений о возможностях экономической интеграции. Исследование показало нерешенность ряда проблем, из-за которых объединение рынков было задумано, в том числе внутренняя фрагментация экономического пространства и территориальные социально-экономические диспропорции. Автор приходит к следующему выводу: а) ЕВР развивается под влиянием обеспечивающих и стимулирующих мер различного содержания, в том числе правовых, контрольных, коммуникационных, финансовых; б) это неоконченный эксперимент, имеет высокий нереализованный потенциал; в) ЕВР продолжает служить окном возможностей для догоняющих стран, при этом страны восточного расширения преуспели в большей мере, чем страны южного расширения, что выразилось в перераспределении веса разных групп стран

1 Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

2 This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 «Global and regional centers of power in the emerging world order».

в совокупном валовом продукте ЕС; г) не очевиден успех возложенной на ЕВР миссии компенсировать собой утрату части внешних рынков, от которых ЕС отказывается в рамках своей геополитической стратегии последнего десятилетия.

Abstract

The expert activity of the European think tanks on the analysis of the achievements of the Internal Market of the European Union is summarized. The article contributes to the discussion of the potential of the Single market from the point of view of traditional ideas about the possibilities of economic integration. The study showed the unresolved nature of a number of problems, including the internal fragmentation of the economic space and territorial socio-economic imbalances. The author comes to the following conclusion: a) the EU Single market is developing under the influence of providing and stimulating measures, including legal, control, communication, financial; b) it is an unfinished experiment, has a high unrealized potential; c) the EU Single market continues to serve an opportunity for catching up countries: the countries of the eastern expansion have succeeded more than the countries of the southern expansion, which has resulted in a redistribution of the weight of different groups of countries in the total gross product of the EU; d) the Internal market has a mission to compensate for the loss of foreign markets within the framework of the geopolitical strategy of the last decade, but the success of this mission is not obvious.

Ключевые слова

Единый внутренний рынок, наднациональное регулирование, фрагментация, территориальные диспропорции, Жак Делор, Европейский союз.

Keywords

Single (internal) market, supranational regulation, fragmentation, territorial imbalances, Jacques Delors, European Union.

Постановка проблемы и цель исследования

Внешняя торговля (60%) государств-членов Европейского союза (ЕС) – это торговля в пределах пространства Единого внутреннего рынка (ЕВР). Зависимость стран друг от друга в ближайшем будущем только увеличится; официальный Брюссель продолжает осуществлять концепцию стратегической автономии. Успех этого рискованного эксперимента во многом будет определяться возможностями ЕВР заместить внешние каналы получения прибыли и ресурсов. Цель статьи – дать обобщенное представление о достижениях ЕС на направлении обустройства ЕВР с позиций традиционных представлений о возможностях экономической интеграции и сегодняшних приоритетов ЕС.

В 2023 г. ЕС отметил 30-летие образования ЕВР. К юбилею были приурочены десятки докладов аналитических центров, выполняющих исследования по заказам официального Брюсселя³. В них освещены достижения единства, даны представления о выгодах для европейских граждан и бизнеса. Наряду с этим эксперты привели свои оценки нереализованного потенциала интеграции рынков. Сравнение ожиданий и реалий в развитии торговли и территории ЕС, видение преимуществ и проблем – подобные исследования проводятся в ЕС каждые пять–десять лет [1–3]. Каждое из таких исследований свидетельствует о наличии барьеров нетарифной природы, разделяющих экономическое пространство ЕС, и территориаль-

3 EU resources on the 30th anniversary. – URL: <https://ec-europa-eu.libguides.com/SingleMarket/30th/eu>.

ных социально-экономических диспропорций. Согласно текущим расчетам центров компетенции, *нереализованный потенциал ЕВР из-за остаточной внутренней фрагментации этого пространства оценивается в огромную сумму, эквивалентную 9% от совокупного ВВП ЕС, что равносильно ВВП Бельгии, Чехии и Ирландии вместе взятых.* Актуальность подобных исследований обеспечена запросом общества на подготовку научно-обоснованных ответов о современной роли интеграционного союза в новой геополитической реальности.

Внося свою лепту в оценку, статья показывает с помощью обобщений экспертных оценок и проведенных статистических расчетов, что задачи ЕС, из-за которых единый рынок был задуман, а также проблемы, ранее отнесенные к разряду хронических, спустя 30 лет все еще остаются нерешенными.

Результаты исследования

Сегодня Единый внутренний рынок ЕС – это крупнейший в мире межгосударственный рынок. Вряд ли стоит подвергать сомнению огромный вклад единства рынка в торговлю между государствами-членами. Хотя в быту единство рынка воспринимается как нечто само собой разумеющееся из-за отсутствия внутренних границ, его поддержание – весьма нелегкое дело, сопряженное как с устранением остаточных внутренних барьеров, разделяющих ЕС, так и с подстройкой европейской модели под запросы текущей конъюнктуры. Все достижения и проблемы ЕВР обязаны деятельности наднациональных институтов; в числе мер – нормативно-правовая, контрольная, коммуникационная и перераспределительная деятельность, направленная на принуждение государств к ответственности и выполнение текущих задач ЕВР.

Причина продолжающейся фрагментации внутреннего рынка кроется в основном подходе, сочетающем так называемую негативную (упразднение барьеров) и позитивную (создание общих для ЕС торговых и других правил) интеграцию. Внутренний рынок ЕС не мог бы быть создан, если бы к импорту продолжали применять различающиеся правила 27 государств-членов. Транзакционные издержки, которые понес бы импортер в случае, если бы ему пришлось модифицировать свою продукцию под правила принимающего государства, радикально сократило бы трансграничную торговлю и сделало бы создание внутреннего рынка иллюзорным. Решение Суда ЕС по Делу Кассис де Дижон (1979 г.) положило начало применению во внутренней торговле принципа взаимного признания стандартов и норм членов Европейского экономического сообщества, что означало принятие норм страны происхождения товара. Однако такая либерализация дала повод для процессов общеевропейского нормотворчества и обратных ограничительных процессов, проходящих на национальном уровне. На сегодня ЕВР – это результат компромисса между рыночными и иными приоритетами ЕС, в том числе приоритетами экономической безопасности и устойчивости, а также приоритетами национального развития отдельных государств – членов ЕС.

Считается, что решающая роль в создании ЕВР принадлежит Ж. Делору, председателю Европейской комиссии (ЕК) в период с 1985 по 1995 гг. Это действительно так, с учетом того что он еще и сумел примирить противоположные взгляды на объединение. Каждого из государственных лидеров той эпохи отличал твердый характер: Президент Франции Ф. Миттеран, канцлер Германии Г. Коль, премьер-министры Италии Б. Кракси и Великобритании М. Тэтчер – все они заложили принципиальные основы ЕВР (подробнее, [4]). В период 1985–1992 гг. для объединения рынков

было решено порядка 300 задач; в 1992 г. было условно решено, что ЕВР в своей основе построен. Затем последующие 30 лет ЕВР продолжали усовершенствоваться в тех сферах, где это позволяли государства-члены. На сегодня ЕВР все еще остается фрагментированным в ряде сфер экономики. В их числе оборона, энергетика, телекоммуникации, оказание большинства услуг, что снижает потребительскую активность и какой-то мере сдерживает экономических операторов от трансграничной деятельности.

Стоит отметить по поводу норм передвижения, что только в отношении товаров эти нормы – почти завершенная, предсказуемая и понятная экономическим акторам сфера европейского права. Тогда как правила передвижения капиталов, услуг, юридических и физических лиц все еще подвергаются доработке. Причина в том, что положения Договора о функционировании ЕС, касающиеся капитала, услуг и лиц, формулировались более осторожно, чем положения, касающиеся товаров. Отсюда проистекает остаточная фрагментация ЕВР. В частности, статья 65(1) создала одно из непреодолимых противоречий, разрешая государствам применять положения своего налогового законодательства, проводить различие между налогоплательщиками в зависимости от гражданства. Поразительно то, что спустя 30 лет существования ЕВР все еще вызывает проблему оказания самых обычных услуг, например, открытие банковских счетов в стране, отличной от той, в которой живет гражданин. Проблему фрагментации банковского дела должны были решить Банковский союз и Союз рынков капитала, но ни тот, ни другой так и не достигли успеха (подробнее, например, [5–6]). Отсюда проистекает экспертное представление о ЕВР как о незавершенном процессе, в том числе образное сравнение с велосипедом, педали которого нужно постоянно крутить, иначе он упадет.

Достижение эффектов интеграции нуждается в постоянной обеспечивающей деятельности. В частности, предполагается, что со стороны регуляторов должен быть отлажен контроль соблюдения экономическими операторами технических стандартов, торговых правил, норм конкуренции. Спустя десятилетия разработанные нормы передвижения товаров, услуг, капиталов и людей превзошли ожидания, высказанные аналитиками в начале 1990-х гг., как по количеству, так и по охвату сфер экономики. Интересно отметить тем не менее, что современники ожидают от европейского рынка еще больше, рассматривая его как инструмент для решения задач, напрямую не связанных с рынком⁴. В числе последних вызовов по мнению Европарламента, высказанному в резолюции по случаю празднования 30-летия⁵ названы демографический вызов, необходимость сохранения европейских социальных стандартов и стандартов защиты потребителей, разработка подходов к приграничному сотрудничеству в сложной геополитической обстановке в мире, устранение фрагментации новейших сфер экономики и запаздывания ряда территорий ЕС от локомотивов интеграции. Соответственно, центры компетенции проводят исследования с целью выработки рекомендаций институтам для дальнейшей адаптации норм ЕВР к новым вызовам.

⁴ Enrico Letta. *Much more than a Market*. 18.04.2024. – URL: <https://geopolitique.eu/en/2024/04/18/much-more-than-a-market/>.

⁵ European Parliament resolution of 18 January 2023 on the 30th anniversary of the single market: celebrating achievements and looking towards future developments. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0007_EN.html.

Суть ЕВР и его главное официально позиционируемое удобство состоит в том, что это пространство без внутренних границ, на котором можно осуществлять экономическую активность согласно европейским общим нормам либо нормам одного из государств-членов. Поэтому в числе задач институтов значится устранение остаточной фрагментации ЕВР: выявление сфер экономики, где есть значительный потенциал снижения фрагментации, а также борьба с нарушениями мерами досудебного и судебного воздействия.

Отсюда проистекает оригинальный способ измерения достижений: в отчетах показывают цифры устраненных издержек или качественные выгоды. Например, к их числу относят отмену платы за роуминг и отсутствие внутренних погранпереходов, что повышает комфорт в путешествиях по Европе. Показывают результаты работы в интересах потребителей по отзыву с рынка недоброкачественной фальсифицированной продукции. Интерес представляет эффект от стандартизации, в частности, среди недавних достижений следует упомянуть решение о переходе на общее зарядное устройство для бытовых электронных приборов, что призвано уменьшить количество отходов и сократить потребительские издержки; выгода оценивается в виде экономии в размере 250 млн евро каждый год⁶. Кроме того, стандарты ЕС следует рассматривать как инструмент ускорения перехода к задачам более высокой ступени экономического развития, в том числе к «зеленой» и цифровой экономике.

Согласно сложившимся представлениям, ценность ЕВР создается благодаря эффектам масштаба. Конечно, ЕВР служит в первую очередь транснациональным компаниям. Интересный пример: Amazon предлагает продавцам использовать одну учетную запись и всю свою логистическую сеть для продвижения своей продукции в ЕС⁷. Компания названа лучшим работодателем в ЕС в 2024 г. Однако столь же очевидно, что ЕВР служит малому бизнесу и потребителям. Большая палитра выбора товаров и услуг, большие возможности для выбора места учебы и работы, а также последующие гарантии пенсионного обеспечения. Программа *Erasmus* позволила почти 13 млн молодых людей учиться и работать за рубежом в пределах ЕС. Это много, с учетом того, что далеко не каждый молодой человек желает учиться за рубежом. Отсюда, представляется правильным говорить не о результатах и гарантиях, предоставленных благодаря ЕВР, а именно о возможностях. Согласно официальному видению, ЕВР расширяет горизонт для специалистов, чья профессиональная квалификация позволяет выйти за пределы национальных границ.

Торговля товарами и услугами между государствами – членами ЕС за 30 лет по сравнению с размером экономики ЕС увеличилась примерно вдвое. Считается, что темпы роста мировой торговли постепенно снижаются и выходят на темпы, примерно соответствующие динамике мирового ВВП⁸. Произошло ли тоже самое с европейской торговлей? Говорит ли общемировая тенденция о близости исчерпания потенциала ЕВР как стимулятора экономического роста? В ЕС это не исключают,

6 COMMUNICATION FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT, THE COUNCIL, THE EUROPEAN ECONOMIC AND SOCIAL COMMITTEE AND THE COMMITTEE OF THE REGIONS *The Single Market at 30* COM/2023/162 final. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023DC0162>.

7 *Celebrating Europe's Single Market: Next steps for full potential*. Amazon. 27.02.2023. – URL: <https://www.aboutamazon.eu/news/empowering-small-business/celebrating-europes-single-market-next-steps-for-full-potential>.

8 Например, Варнавский В.Г. Факторы роста и тренды мировой торговли. Анализ и прогноз. – 2020. – № 1. сс. 51–62. – DOI: 10.20542/afj-2020-1-51-62.

более того, преобладает точка зрения о том, что ЕВР в свою очередь нуждается в дополнительном обустройстве для сохранения позитивного воздействия на экономику. Отсюда ЕВР развивается под влиянием стимулирующих мер различного содержания, в том числе правовых. Считается даже, что сегодня свод регулирования рынка в ЕС превосходит регулирование в США [7].

Интегрированный рынок является наиболее экономически эффективным способом обеспечения устойчивости и доступности поставок дефицитных товаров и услуг. ЕС придает большое значение обеспечению устойчивости именно энергетической системе в силу дефицитности энергоресурсов в Европе. Поэтому значительные усилия были предприняты на направлении интеграции рынков электроэнергии и газа в ЕС и прокладке трансевропейских энергосетей. Выгоды для потребителей заключается в возможности выбора из большего числа поставщиков, в том числе из соседних государств-членов за счет трансграничной торговли, тем самым повышения безопасности поставок. Подходы и оценки выигрыша приведены в отчете Европейского агентства по сотрудничеству энергетических регуляторов [8].

В рамках обустройства цифровых рынков смысловое содержание европейских норм сводится к обеспечению безопасности цифровой экономики; учитывая то, что большинство цифровых платформ являются американскими и китайскими, европейское право используется для ограничения злоупотреблений цифровыми гигантами своим доминирующим положением, тем самым оказывается поддержка европейским компаниям [9].

Чтобы ЕВР приносил больше выгод, ведется работа по устранению остаточных барьеров. Помимо традиционного метода судебного воздействия на нарушителей, есть инструменты, которые можно отнести к категории креативных инструментов коммуникации. К их числу относятся уполномоченные организации по разъяснению европейского права (интерактивный портал *Your Europe*), решению споров между акторами в досудебном порядке (служба *SOLVIT*), а также повышению прозрачности правовой ситуации (индикаторное табло ЕВР). Их назначение — оказание мягкого давления на нарушителей. В частности, Табло сообщает о фактах задержек процесса транспонирования законодательных актов в национальное право, а также ненадлежащего переноса, что приводит к неверному толкованию европейского права.

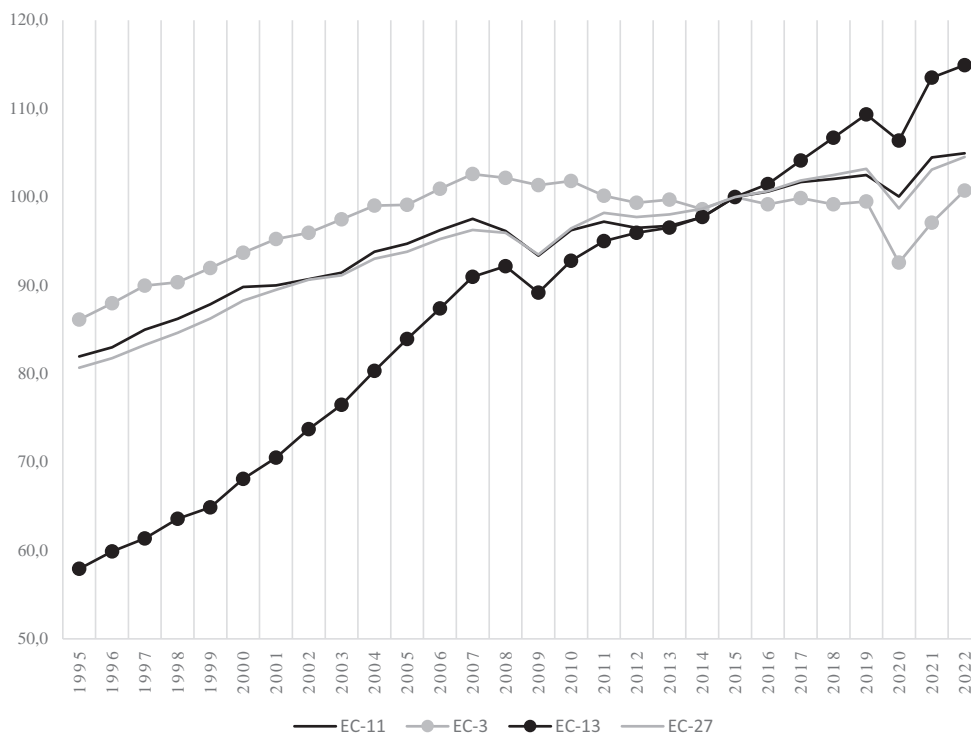
В числе недавних — Целевая группа по обеспечению соблюдения правил единого рынка (*SMET*, создана в 2020 г.). Подобные административные структуры еще будут создаваться в будущем, и не одна, и не две. Причина в росте «регулятивной нагрузки» на бизнес, о которой говорят все 30 лет существования ЕВР. На сегодня же она считается предельно высокой. Об этом можно судить по открытым письмам лицам, принимающим решения в ЕС, в которых используют такие термины как «нормативное цунами», «водопад», «лавина» и «наводнение». Это просьба о «нормативной передышке» или «нормативной паузе». Пока неясно, может ли быть выполнено обещание о сокращении этого бремени. Очевидно только лишь то, что ЕВР — неоконченный эксперимент в плане нормотворчества.

Продолжают выходить доклады, констатирующие попадание ряда регионов и стран в «ловушку развития». Они свидетельствуют о том, что ЕВР — это продолжающийся эксперимент с точки зрения проверки гипотез о конвергенции территориального развития [10]. Наш расчет показывает наличие подтягивания показателей реальной производительности труда тринадцати стран Централь-

ной и Восточной Европы, вступивших в ЕС после 2004 г., к группе одиннадцати благополучных стран ЕС (рис. 1). В тройке стран южного расширения (Испания, Португалия, Греция) за последние тридцать лет практически не заметен рост производительности труда, что является иллюстрацией той самой «ловушки». Таким образом не все догоняющих страны сумели использовать ЕВР как побудительный момент. Нормированная гистограмма с накоплением (рис. 2) показывает небольшой рост доли стран восточного расширения в совокупном ВВП ЕС с момента их вступления в ЕС. Если на момент вхождения их доля была меньше 10%, то теперь она перевалила за 10%. Таким образом лидерство и вес останутся все же за странами ядра ЕС на ближайшие 25–50 лет.

Рис. 1. Реальная производительность труда по группам стран ЕС в расчете на одного занятого, 2015 = 100

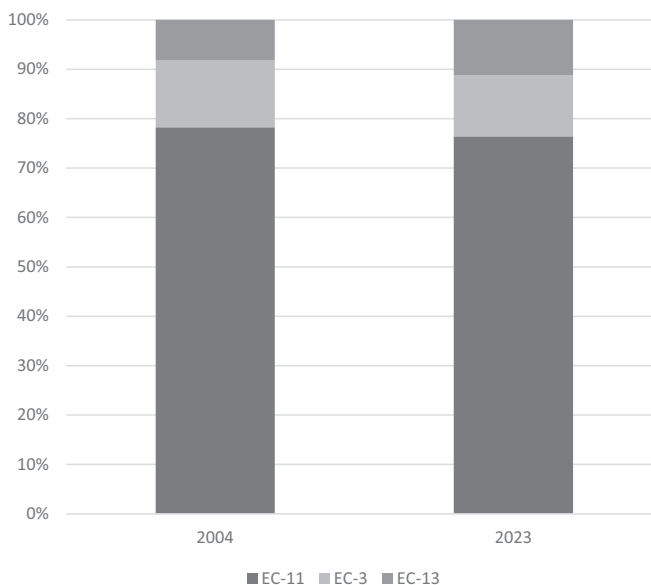
Источник: Рассчитано на основе данных Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tipsna70/default/table?lang=en>)

В конце 2023 г. в возрасте 98 лет главный архитектор ЕВР Жак Делор ушел из жизни. Благодаря его настойчивости, а также и хитроумию, проект интеграции рынков состоялся, был надстроен валютным союзом и расширен за счет вступления в ЕС ряда новых стран. Делор полагал, что при надлежащем регулировании (правовом и финансовом) объединение национальных рынков станет эффективным способом обеспечения экономического процветания. Эта идея вылилась в существенное расширение полномочий наднациональных институтов, увеличение объема и усложнение наднационального права, регулирующие передвижения и конкуренцию в ЕС. Обратной стороной процесса стало разрастание евробюрократии. Значительно расширилось и перераспределение бюджетных средств, что потворствует иждивенческим настроениям в догоняющих странах, хотя и помогает им включаться в наднациональные стратегии.

Рис. 2. Страны южного (ЕС-3) и восточного (ЕС-13) расширения в совокупном ВВП ЕС, %

Источник: рассчитано на основе данных Евростат (<https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tec00001/default/table?lang=en>)

Многие интеграционные политтехнологии сближения национальных технических стандартов и норм конкуренции и главным образом сама идея интеграции рынков признаны в мире годными и экономически эффективными. Они использованы, в частности, для реинтеграции постсоветского пространства и создания ЕАЭС. К отдельным авантюрным концепциям и методам, например, к стратегической автономии и финансово-геополитическим «сделкам», в ЕАЭС, резонно, настороженно-антагонистичное отношение.

Выводы

Очевидно, что объединение рынков государств-членов ЕС не завершено, экономическое пространство ЕС все еще весьма фрагментировано. В изобилии исследований, в которых говорится, с одной стороны, о важности ЕВР для взаимной торговли и передвижений гражданских лиц, а с другой стороны, о деятельности государств по вторичной фрагментации европейского рынка. Наличие проблематики фрагментации не дает убедительно подтвердить положительного влияния ЕВР, приводит к необходимости проверки эффектов экономической интеграции, а также убеждает в том, что без специальной деятельности институтов по обустройству внутреннего рынка, это единство превратилось бы в иллюзию.

Реальностью, тем не менее, является положительное воздействие ЕВР на потребителей, а также активных экономических операторов; в том числе большинство догоняющих стран ЕС рассматривают интеграцию в качестве пространства возможностей и инструмента повышения роста.

ЕВР сегодня значит для институтов и граждан ЕС больше, чем рынок. Поэтому первоначально задуманный как переход от таможенного союза без тарифных барьеров между его участниками, к общим нормам в сфере конкуренции, сельского хозяйства и регионального развития, на ЕВР возлагают большой объем задач, причем, напрямую не относящихся к торговле, в том числе полагают ответственным за решение задач общественного прогресса и устойчивости экономического роста. Отсюда — завышенные ожидания. Успех возложенной

на ЕВР миссии компенсировать собой утрату части внешних рынков, от которых ЕС отказывается в рамках авантюрной геополитической стратегии последнего десятилетия, пока не очевиден.

Библиографический список / References

1. Del Monte, M. et al. *Europe's two trillion euro dividend. Mapping the Cost of Non-Europe, 2019–24*. Brussels, EPRS. – 2019. – 248 p. – DOI: 10.2861/46766.
2. *Increasing European added value in an age of global challenges. Mapping the cost of non-Europe (2022–2032)*. Ed. by Panella, L. Brussels, EPRS. – 2023. – 332 p. – DOI: 10.2861/144.
3. Jan in 't Veld. *Quantifying the Economic Effects of the Single Market in a Structural Macromodel. Discussion Paper 094. European economy. February – 2019*. Brussels. – 28p. – URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2019-02/dp094_en.pdf.
4. Warlouzet, L. *The Single Market: A Race to the Bottom or Convergence Towards High Standards (1985–1997)? In European Integration and the Global Financial Crisis: Looking Back on the Maastricht Years, 1980s–1990s (pp. 25–45)*. Cham: Springer International Publishing. 2022.
5. Craig, P., *The Internal Market: An Historical Perspective (July 24, 2021)*. Forthcoming, R. Schütze and T. Tridimas (eds), *Oxford Principles of European Union Law, Volume II, The Internal Market*, Available at SSRN: <https://ssrn.com/Abstract=3892677> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3892677>.
6. Sylvain Broyer and Aude Guez. *Thirty Years of The EU Single Market: Why Cross-Border Capital Flows Remain Sluggish, Despite Positive Developments*. SUEF Policy Brief, No 627. 7 p. – URL: https://www.suerf.org/docx/f_8a844213f1ae29efaf836ffe63805fe6_70221_suerf.pdf.
7. Parson, C. and Smith, A. *The 'completeness' of the EU Single Market in comparison to the United States*. *Single Market Economy Papers*, WP7. 2022.
8. *ACER's Final Assessment of the EU Wholesale Electricity Market Design*. – 2022. – 78 p. – URL: https://www.acer.europa.eu/sites/default/files/documents/Publications/Final_Assessment_EU_Wholesale_Electricity_Market_Design.pdf.
9. *Single Market barriers continue limiting the EU's potential for the twin transition: examples in key sectors*. DigitalEurope. 03 MARCH 2022. 13 p. – URL: https://cdn.digitaleurope.org/uploads/2022/03/Examples-of-Single-Market-barriers_DIGITALEUROPE-Industrial-Forum-TF1-contribution.pdf.
10. *Commission européenne, Direction générale de la politique régionale et urbaine, Forging a sustainable future together: cohesion for a competitive and inclusive Europe: report of the High-Level Group on the Future of Cohesion Policy, February 2024*, Office des publications de l'Union européenne. 2024. – URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2776/974536>.

Контактная информация / Contact information

Институт Европы РАН
125009, Москва, Моховая ул., 11-3
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, 125009, Russia
Кондратьева Наталия Борисовна / Natalia B. Kondratieva
nkondratieva@inbox.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-229-240

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЫРЬЕВОГО СУВЕРЕНИТЕТА КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ENSURING RAW MATERIAL SOVEREIGNTY AS A PROBLEM FIELD OF EU ECONOMIC POLICY

КОТОВ Александр Владимирович

Ведущий научный сотрудник, заведующий сектором экономики ФРГ Центра германских исследований Отдела страновых исследований Института Европы РАН, кандидат экономических наук

Alexander V. KOTOV

Leading researcher, head of the German economics sector of the Center for German Studies of the Department of Country Studies of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Работа актуализирует изучение проблем ресурсной обеспеченности промышленной трансформации стран ЕС. Цель статьи заключается в исследовании концепции сырьевого суверенитета как части общей политики достижения стратегической автономии Европейского союза. В качестве методов использованы межстрановые сопоставления уровней импортозависимости, патентной активности и развитости рециклинга. Результаты обосновывают применение мер экономической политики, применяемых в европейских странах и обозначают межотраслевую сферу обеспечения сырьевого суверенитета как поле углубления европейской интеграции.

Abstract

The work actualizes the study of problems of resource provision for industrial transformation of EU countries. The purpose of the article is to explore the concept of resource sovereignty as part of the overall policy of achieving strategic autonomy of the European Union. The analysis was based on a cross-country comparison of the levels of import dependence, patent activity and recycling development. The results structure various economic policy measures applied in European countries and identify the intersectoral sphere of ensuring resource sovereignty as a field for deepening European integration.

Ключевые слова Европейский союз, сырьевой суверенитет, экономическая безопасность, импортозависимость, цепочки поставок, патентная статистика, экономика замкнутого цикла, критическое сырье, редкоземельные элементы, двойной переход.

Keywords European Union, resource sovereignty, economic security, import dependence, supply chains, patent statistics, circular economy, critical raw materials, rare earth elements, double transition.

Проблема сырьевой обеспеченности экономики ЕС на новом витке технологического развития

Развитие высокотехнологичной промышленности стран ЕС зависит от стабильности использования минерального сырья, в поставках которого Россия в существующих условиях продолжает играть значительную роль [1]. Особенно показательна ситуация в странах Балтийско-Скандинавского макрорегиона Союза. Так, для экономики Финляндии необходимы поставки никеля, 91% импорта которого поступил из России в 2023 г., а в Эстонии этот показатель составил 16%. Кстати, эта же прибалтийская страна половину своего импорта кобальта тоже покрывала за счет поставок из РФ. В Литве доля российского импорта аммиака составила 90%¹. Нынешний период развития экономики ЕС характерно сочетанием двух тенденций. С одной стороны, в Европейском союзе проявляются признаки деиндустриализации на фоне цепочки множественных кризисов и низких темпов экономического роста [2]. В структурном отношении наиболее индустриальными странами Союза до энергетического кризиса 2022 г. являлись Ирландия (37%), Словения (23%), Германия (21%), Польша (19%), Венгрия (20%), Австрия (18%), Финляндия (17,5%) [3]. Причем страны Восточной и Центральной Европы выделялись повышенными показателями за счет прямых капиталовложений немецких автомобилестроительных и иных компаний. В двух других помимо Германии крупнейших экономиках ЕС – Италии и Франции – доля обрабатывающих производств составила 17,5% и 10% соответственно². С другой стороны, внутри европейской промышленности происходят структурные изменения, ускоряющие формирование новых видов деятельности, связанных с зелеными и цифровыми технологиями. В этих условиях влияние важнейших минеральных ресурсов на экономикукратно усиливается.

Обеспечение сырьем в основном базируется на импортных поставках и в ЕС кристаллизуется в особый вектор внешнеэкономической политики. Другими мерами является максимизация их получения из внутренних источников, как из собственных месторождений полезных ископаемых, так и путем развития экономики замкнутого цикла. При этом во главу угла ЕС ставит обеспечение диверсификации источников поставок и минимизации логистических рисков.

Привлечение внимания к сырьевому фактору способствует преломлению зеленого и цифрового перехода в Европейском союзе в конкретное технологическое измерение, связанное с производством фотоэлектрических панелей, ветряных

1 Самые зависимые: почему Литва, Германия и США продолжают торговать с Россией. – URL: https://baltnews.com/Russia_West/20240924/1026356149/Samye-zavisimye-pochemu-Litva-Germaniya-i-SShA-prodolzhayut-torgovat-s-Rossiey.html?ysclid=m1hvdnchg9263049159 (дата обращения: 25.09.2024).

2 Manufacturing, value added (% of GDP) – Germany, France, Italy. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS?locations=DE-FR-IT> (дата обращения: 10.06.2024).

турбин, электромобилей и аккумуляторов. С высокой долей вероятности смена основных (дирижирующих) видов сырья это отразит сдвиг в ключевых технологиях. Аккумуляторы, микросхемы, магниты для электромобилей и ветряных турбин, смартфоны, в перспективе и квантовые вычисления создают основу для нового этапа хозяйственного развития и увеличивают потребность в как в распространенных, так и редкоземельных элементах [4]. Последние становятся важнейшими компонентами технологических изменений во второй четверти текущего столетия, так как обеспечивают изменение современной техники через добавление или открытие новых специфических оптических, механических, электронных и магнитных свойств на годы вперед. Нарастание объемов новых видов продукции требует сохранения доступа к многочисленным видам сырья и стимулирует к проведению соответствующей экономической политики на всех уровнях государственного управления. Достижение сырьевой безопасности синхронизируется со становлением нового технологического уклада и останется ключевым вопросом для экономического развития ЕС в новом политико-экономическом цикле после выборов в Европейский парламент в июне 2024 г. Это согласуется и с глобальными тенденциями, так, согласно исследованию Всемирного банка, не позднее 2050 г. производство никеля для реализации целей энергетического перехода будет увеличено на 100%, индия более чем на 200%, кобальта, лития и графита более чем на 450%. В целом спрос на новые виды сырья увеличится на 500% в этот период³. Так как минерально-сырьевые ресурсы являются узким местом многих производственных процессов, осуществляемых внутри отдельных экономик и Евросоюза в целом, то можно говорить о «сырьевом суверенитете» как части формирования экономической политики объединения, создающей условия не только для значительной части производства, но и для его последующей динамики.

Недавняя пандемия коронавируса, возникшие дебаты о развитии сетей 5G и внедрении техники Huawei в европейских странах, усилили обеспокоенность Брюсселя по поводу чрезмерной зависимости ЕС от китайского производства широкого спектра продуктов. Политику обеспечения сырьевого суверенитета он стал позиционировать как компонент скоординированного плана по четкому перепозиционированию цепочек создания стоимости, имеющих стратегическое значение в целях управления зависимостью ЕС в этих областях, вплоть до организации производств на территории Союза.

На этом основании можно сделать вывод, что анализ действий различных стран ЕС в области сырьевого обеспечения структурно-технологической перестройки своей экономики чрезвычайно важен и будет способствовать пониманию его роли в современных производственных процессах. В данной работе степень реализации политики «сырьевого суверенитета» связывается с положительным влиянием на повышение конкурентоспособности экономики ЕС, расширением экспорта высокотехнологичной продукции, эффективным управлением вторичными ресурсами. Целью статьи в этой связи стала оценка и анализ степени ресурсной безопасности Европейского Союза на основе различных вариантов экономической политики стран-участниц. Имеющийся европейский опыт может быть также использован при совершенствовании ресурсоэффективной модели в Российской Федерации (усиление государственного использования вторичного сырья, развитие технологий и рекультивация ландшафтов).

3 The Mineral Intensity of the Clean Energy Transition. – URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/961711588875536384/Minerals-for-Climate-Action-The-Mineral-Intensity-of-the-Clean-Energy-Transition.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).

Правовые основы формирования политики сырьевого суверенитета ЕС

Правовой основой обеспечения сырьевого суверенитета в ЕС является закон о критическом сырье (*Critical Raw Materials Act, CRMA*). Его принятие в 2023 г. (вступил в силу 23.05.2024 г.)⁴ было направлено на решение проблемы отсутствия безопасного и устойчивого доступа к ключевым минеральным ресурсам путем повышения прогнозирования и смягчения рисков поставок, развития внутреннего потенциала производства [5]. Акт является частью более глобального европейского «Зеленого курса» и согласован с Законом о промышленности с нулевым уровнем выбросов» (*Net-Zero Industry Act, NZIA*). Фактически, данные нормативные документы создали рамочные условия для развития в ЕС отраслей чистых (низкоуглеродных) технологий. По вектору своего действия они тождественны Закону о снижении инфляции в США (*Inflation Reduction Act*). Определяя минеральные ресурсы как стратегические на основе их востребованности и ожидаемого спроса на стратегические технологии, *CRMA* установила ориентиры⁵ для минимальных долей спроса в ЕС, которые должны покрываться европейским добываемым и переработанным сырьем и предотвращать зависимости от монополистов-поставщиков из третьих стран.

Рост внимания к критически важным сырьевым ресурсам появился в начале 2000-х гг., когда промышленно развитые страны начали оценивать свои риски поставок не на основе потенциальной геологической доступности, а на основе возможностей фактического обладания сырьем. В ЕС начало конкретных политических действий относятся к 2005 г., когда была создана рабочая группа по критически важному сырью, а в 2008 г. – Сырьевая инициатива (*Raw Material Initiatives*)⁶. Первый список критически важного сырья для ЕС был опубликован в 2011 г. и с тех пор регулярно обновляется. На уровне ЕС появились новые инициативы, такие как «Сообщество знаний и инноваций» (*Knowledge and Innovation Community EIT Raw Materials*) и Европейский сырьевой альянс (*European Raw Materials Alliance*), а также было создано несколько национальных агентств, занимающихся сырьевыми рисками. Идеология сырьевого суверенитета органично входит в концепцию «открытой стратегической автономии», определяющей хозяйственно-политические усилия Европейского Союза в области новых технологических инициатив, подчеркивая важность опоры на собственные компетенции и контроля над ключевыми областями при одновременном выстраивании альянсов во внешней политике с богатыми ресурсами странами Глобального Юга.

Европейская модель сырьевого суверенитета: понятие и параметры

Под моделью обеспечения ресурсного суверенитета можно, на наш взгляд, понимать комплекс целенаправленных управляющих воздействий на практику использования ресурсного потенциала, реализованный в практике государственного управления, обеспечивающий оптимальную производственную интеграцию пространственно-распределенных сырьевых запасов; сохраняющий долгосрочное устойчивое неистощительное использование материальной базы [6].

4 EU secures access to diversified, affordable, and sustainable supply of critical raw materials. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_2748 (дата обращения: 10.06.2024).

5 Внутренняя добыча – не менее 10% годового потребления ЕС; Производство путем вторичной переработки не менее 15%; 65%-ное ограничение на происхождение импорта для металла из одной и той же страны.

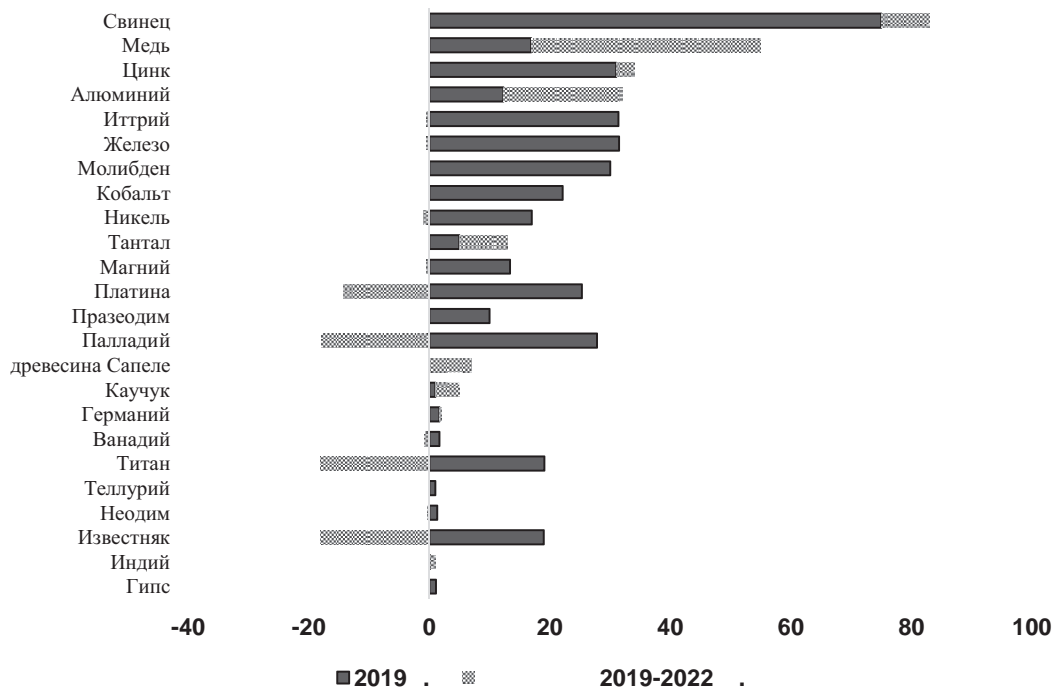
6 Raw Material Initiatives. – URL: <https://ima-europe.eu/eu-policy/industrial-policy-and-circular-economy/raw-material-initiative/> (дата обращения: 10.06.2024).

В обеспечении сырьевого суверенитета целесообразно выделить три основных элемента: обеспечение безопасности поставок, связанное с управлением рисками импортозависимости; поддержание конкурентоспособного уровня производства продукции и развитие технологий, стимулирующее увеличение вторичного использования ресурсов; сохранение инновационного лидерства в переработке минерально-сырьевых ресурсов с помощью производства нового знания (патентов). При внешнем разнообразии моделей обеспечения ресурсного суверенитета в разных европейских странах, управление им состоит в поиске механизмов по координации и совершенствованию пространственно-экономических эффектов государственной политики, проводимой по перечисленным направлениям, с целью обеспечения более производительного экономического развития.

Переход к экономике замкнутого цикла чрезвычайно важен для ЕС, так как способствует эффективному использованию ресурсов и развитию переработки минеральных ресурсов (см. рис. 1). Это позволяет увеличить долю вторичного сырья в производственных процессах [7–8].

Рис. 1. Вклад переработанных материалов в формирование спроса на сырье – коэффициенты вторичной переработки

Источник: составлено автором по данным Евростата⁶

Наиболее высока в 2022 г. была обеспеченность ЕС материалами, полученными в ходе рециклинга, по свинцу (83%; +8% за 2019–2022 гг.), стратегически значимой для технологий электромобильности меди (55%; +38,1% за 2019–2022 гг.), цинку (34%; +3% за 2019–2022 гг.), алюминию (32%; +19,7% за 2019–2022 гг.). Стабильные показатели фиксируются у иттрия и железа (по 31%, молибдена (30%), кобальта (22%), никеля (16%). Максимальной неустойчивостью характеризуется рециклинг для получения платины (11%; -14,3 в 2019–2022 гг.), палладия (10%; -17,8% в 2019–2022 гг.), титан (1%; -18,1% в 2019–2022 гг.). Наиболее критичная ситуация в сфере вторичной обработки

сложилась в воспроизводстве никеля, теллурия, неодима, индия, беррилия, диспрозия, галлия, лития⁷.

Анализ самообеспеченности сырьем показывает, что Европейский Союз в значительной степени зависим в этой сфере. При этом большую часть источников импорта составляют страны с высоким или очень высоким риском поставок. Наиболее обеспечен ЕС известняком (100% в 2022 г.), медью (52%), плавиковым шпатом-флюоритом (40%), железом (23%), кобальтом (19%), литием (19%) (см. табл. 1).

Таблица 1. Самообеспеченность ЕС сырьем (в %)

Материал	2011 г.	2022 г.
Алюминий	16,8	11
Борат	0	0
Кобальт	4	19
Медь	57,4	52
Диспрозий	0	0
Европий	0	0
Плавиковый шпат	23	40
Железо	25,5	23
Известняк	89,9	100
Литий	16,1	19
Молибден	0	0
Природный графит	0,9	1
Неодим	0	0
Тантал	0	1
Ванадий	н/д	100
Иттрий	0	0

Источник: составлено автором по данным Евростата⁸

Учитывая вышеизложенное, можно прогнозировать, что Евросоюзу в перспективе будет создавать новые стимулы для развития горнодобывающей промышленности стран-участниц на основе собственных ресурсов. Однако несмотря на значительный минерально-сырьевой потенциал европейских стран, одновременно возрастают

⁷ *Contribution of recycled materials to raw materials demand – end-of-life recycling input rates (EOL-RIR)*. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cej_srm010/default/table?lang=en&category=cej.cej_srm (дата обращения: 10.06.2024).

⁸ *EU self-sufficiency for raw materials*. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cej_gsr020/default/table?lang=en&category=cej.cej_gsr (дата обращения: 10.06.2024).

различные проблемы (социальные, экологические, землепользования), связанные с возможностью запуска новых горнодобывающих проектов.

Обеспечение достаточных поставок стратегического сырья, необходимого в современных цепочках добавленной стоимости, стало одной из главных экономических задач и отдельных стран ЕС, ситуация по которым крайне разнородна (см. табл. 2).

Таблица 2. Показатели импортозависимости ЕС в страновом разрезе

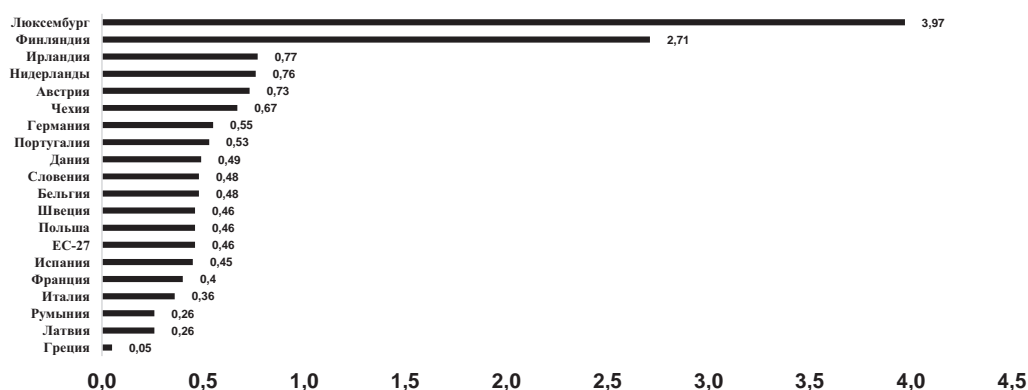
Страна / годы	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Балтийско-Скандинавский макрорегион ЕС							
Эстония	18,2	23	21,5	18,7	26,7	29,3	24,5
Польша	12	15,1	16,9	17,6	19,3	19,7	19,7
Финляндия	27	27,8	22	20,6	18,8	18,3	18,4
Швеция	28,3	26,8	27,6	25,5	23,7	22,5	22,4
Литва	33	39,6	41	40,7	36,7	37,9	35,4
Германия	30,7	35,3	38	40,1	39,7	39,9	36,5
Латвия	24,5	30,3	26,4	31,4	32	31,4	31,5
Дания	29,1	30,5	35,2	35,9	37	37,6	36,6
Другие страны ЕС							
Люксембург	86,3	88	90,2	91,2	90,3	89,6	89,7
Нидерланды	68,9	71,8	72,3	77,1	81,1	82,1	82,9
Бельгия	67,1	70,2	72,5	71,4	72,3	72,9	74,7
Мальта	43,1	50,2	57,7	74,6	69,3	70	68,3
Италия	38,1	37,8	41,7	48,6	46,5	47,3	46,8
Словения	28,2	32,9	37,8	44,2	46,2	45,3	46,3
Словакия	40,3	38	42,2	42,4	42,7	45,2	45,2
Испания	28,3	28,1	32,6	43,7	37,6	39,1	42,8
Австрия	34,3	38	41,5	42,3	44,3	43,3	40,1
Греция	23,8	23,4	22	29,5	40	41,6	39,2
Хорватия	23,6	30,9	26,8	29,5	33,8	35,5	36,3
Франция	32,1	34,7	34,3	38,4	36,2	35,4	36,1
Ирландия	23,1	21,7	31	34,9	31,8	32,9	33,1
Чехия	20,2	24,2	29,3	33	31,1	33,2	33
Кипр	22,2	27,4	24,7	32,8	32,4	31,9	31,4

Другие страны ЕС							
Португалия	24,6	26	23,6	30,3	30,4	30,2	30,8
Венгрия	22,3	19,4	28,9	26,7	26,8	27,9	28,8
ЕС-27	21,1	22,2	22,7	23,9	22,2	22,6	22,4
Болгария	16,1	17,5	15,9	14,1	16	15,3	17,2
Румыния	13,4	11,7	12,1	9,3	9,1	10	10,6

Источник: составлено автором по данным Евростата⁹

Повышенная зависимость от импорта сырья наиболее характерна для малых развитых стран Западной Европы: у Люксембурга она колеблется на уровне 89–90%, Нидерланды и Бельгия увеличили поставки сырья из других стран за 2000–2022 гг. с 68,9 до 82,9% и с 67,1 до 74,7% соответственно. В верхней части списка стран ЕС, характеризующихся зависимым положением, находятся и крупнейшие экономики: практически равные по этому показателю Германия (36,5% в 2022 г.) и Франция (36,1%), а также Италия (46,1%). У относительно обеспеченных стран Северной Европы ситуация выглядит лучше: Швеция зависела от импорта сырья лишь на 22,4% по имеющимся доступным данным за 2022 г., а Финляндия даже на 4% меньше (18,4%). Причем шведский уровень соответствует также среднесоюзному. Помимо североевропейских стран приемлемый уровень импортозависимости показывает Польша (19,7%), в которой наибольшее значение имеет каменный уголь, сосредоточенный в Верхне- и Нижне-Силезских угольных бассейнах.

Рис. 2. Число патентов, связанных с переработкой и вторичным сырьем (единица измерения) (патентов на 1 млн жителей)

Источник: составлено автором по данным Евростата⁹

Представление о научно-технологическом обеспечении сырьевого суверенитета дает обобщенный анализ патентной статистики, связанной с переработкой и вторичным сырьем (см. рис. 2)¹⁰.

В числе лидеров вошли малые высоко- и среднетехнологические страны: Люксембург (3,97), Финляндия (2,71), Ирландия (0,77), Нидерланды (0,76), Австрия (0,73),

⁹ *Material import dependency.* – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cei_gsr030/default/table?lang=en&category=cei.cei_gsr (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁰ *Patents related to recycling and secondary raw materials.* – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/cei_cie020_custom_11264925/default/table?lang=en (дата обращения: 10.06.2024).

Чехия (0,67). Из крупнейших экономик ЕС среднесоюзный уровень (0,46) превышает лишь национальное хозяйство Германии (0,55), а Франция и Италия отстают (0,4 и 0,36 соответственно). Явными отстающими являются страны Юго-Восточной Европы – Румыния (0,26), Греция (0,05) и Прибалтики – Латвия (0,26).

Выводы о перспективных направлениях экономической политики ЕС и рекомендации для России

Обострение украинского конфликта ускорило энергетическую трансформацию ЕС и одновременно увеличило на нее совокупные затраты. В этих условиях увеличивается требуемое количество сырья, необходимого для новых технологий и минимизации рисков по доступности и стабильности цепочек поставок. Например, для Балтийско-Скандинавского макрорегиона ЕС это означает увеличение зависимости от критических сырьевых элементов при совместной разработке гибридных морских ветряных электростанций, новых морских энергетических хабов и развития всё более взаимосвязанных энергетических систем. Данные обстоятельства означают, что новой состав Еврокомиссии будет дальше разрабатывать концепцию «сырьевого суверенитета» и формировать в глазах общественности стран-членов Союза позитивное отношение к горнопромышленным проектам в Европе (в части редкоземельных металлов). В настоящее время горнодобывающая промышленность сталкивается с проблемами, связанными с запасами низкосортной руды, более высокими потребностями в энергии и производственными затратами, нехваткой воды и ужесточением экологических норм, а также отсутствием общественной поддержки.

Следует, на наш взгляд, ожидать развития мер государственной поддержки по переработке сырья, что ускорило бы уменьшение зависимости промышленности ЕС от импорта многих видов сырья. В части поддержания архитектуры системы сырьевого суверенитета наиболее сильным звеном являются верхние (технологические) переделы продукции и научно-инновационный комплекс. И наоборот – для низовых (начальных) звеньев технологических цепочек в ЕС критически не хватает собственного внутреннего первичного производства. Достаточно закономерно, что это требует разработки новых экономически эффективных решений для экологически безопасной добычи и переработки в сложных различных условиях через систему сырьевых соглашений со странами Глобального Юга. Параллельно возможна интенсификация политики ЕС в Арктическом регионе с целью обеспечить безопасные поставки сырья из данного богатейшего региона мира, а с другой стороны – затормозить развитие минерально-сырьевых проектов в России.

С точки зрения отечественной политики опыт европейского строительства системы сырьевого суверенитета, на наш взгляд, привлекает внимание к ряду инициатив: стимулированию межрегиональной интеграции, совместному сотрудничеству регионов по выявлению стратегических проектов (например, межрегиональные связи Якутии – Красноярского края – Новосибирской области)[9]; организации мониторинга рисков поставок сырьевых материалов при реализации ключевых девяти проектов технологического суверенитета (под патронажем Минпромторг России); адаптации ESG-стандартов геологоразведки, добычи, первичной переработки твердых полезных ископаемых при развитии программ лицензирования недр Арктической зоны и разработке совместных программ с латиноамериканскими и африканскими странами для снижения рисков реализации проектов [10]; раз-

работке общих проектов региональной «умной специализации» [11] Евразийского экономического союза в области критически важного сырья для учета в Стратегии развития евразийской интеграции; ускорению процедур получения согласований для проектов в цепочке создания стоимости с учетом редкоземельных металлов в проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации.

Заключение

Европейский союз сталкивается с растущим спросом на минеральное сырье, обусловленным главным образом развивающейся цифровой трансформацией, появляющимися инновациями, электромобильностью, технологиями искусственного интеллекта и глобальным энергетическим переходом. Следуя вызовам нового технологического уклада, острая необходимость обеспечения многочисленных поставок минерального сырья в перспективе будет оставаться решающим вопросом экономической политики ЕС. Можно предположить, что работы над повышением стабильности критически значимых важных цепочек поставок, формирует специальную область экономической политики – «сырьевую стрессоустойчивость» со своим политико-хозяйственным инструментарием в областях, где ЕС сталкивается со структурными проблемами безопасности поставок.

Проведенный анализ также выявил, что влияние важнейших минеральных ресурсов на экономику значительно больше, чем предполагается исходя из широко обсуждаемых тенденций деиндустриализации экономики Союза. Многие страны ЕС интегрируют инструменты достижения сырьевого суверенитета в общеэкономическую политику, чтобы обеспечить должное финансирование, учет в планах развития промышленности, инноваций, подготовки кадров. Суть этих каскадов управленческих мер заключается в обеспечении жизнестойкости системы обеспечения долгосрочного доступа к сырью и возможности сохранения маневра отдельными производственными звеньями в зависимости от развития геоэкономической ситуации. Правоприменение закона о критических материалах как первая всеобъемлющая попытка регулирования сырьевого суверенитета покажет, как будет происходить управление критически важными сырьевыми ресурсами и соответствующими отраслевыми практиками в ведущих компаниях.

В ходе реализации закона может возникнуть ряд методологических сложностей, таких как: оценка прогресса в достижении контрольных показателей, результативности накопления запасов и совместных закупок материалов несколькими странами, учет силы лоббирования отраслями конкретных видов сырья, с параллельным сокращением усилий по другим. С высокой вероятностью успешность реализации закона будет зависеть от тесного сотрудничества между политическими и предпринимательскими группами интересов и представителями научного сообщества. Риски на пути этого процесса заключаются в политизации проблем энергетического и цифрового перехода, смешении категорий критичности минерального сырья и внешнеполитических интересов. Это способно сделать политику достижения «сырьевого суверенитета» более волатильной и неустойчивой, придать ее выраженной неокOLONIALИСТСКИЙ характер.

Реализация политики сырьевого суверенитета также будет означать иную фазу углубления европейской интеграции, так как потребует постоянных усилий

и конструктивного диалога между государствами-членами, а также взаимодействия и переговоров между заинтересованными сторонами для эффективного преодоления связанных с этим сложностей. Усиление глобальной напряженности вокруг критически важного сырья создает возможность того, что в этой сфере, представляется, верх возьмет концепция многоскоростной интеграции, когда ключевые мощности и технологии будут сосредоточены в небольшой группе ведущих стран.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема НИР № FMZS-2024-0013 «Системный анализ хозяйственно-политических рисков и возможностей Балтийско-Скандинавского макрорегиона»).

Библиографический список

1. Белов В.Б. Обеспечение Евросоюза критически важными сырьевыми ресурсами // *Европейский Союз: факты и комментарии*. – 2020. – № 102. – С. 49–54. – DOI: 10.15211/eufacts420204954.
2. Громыко Ал.А., Белов В.Б., Биссон Л.С. и др. *Европа в кризисном мире* // – М.: Весь Мир, 2022. – 376 с. – DOI: 10.55604/9785777708953.
3. Grömling M. *Deindustrialisation – A European Assessment* // *Intereconomics*. – 2023. – № 58(4). – pp. 209–214.
4. Kamprowski R. *The raw materials policy of the European Union for rare earth elements* // *Rocznik integracji europejskiej*. – 2022. – 16 P. – S. 244–250. – DOI: 10.14746/rie.2022.16.14.
5. Hool A., Helbig C., Wierink G. *Challenges and opportunities of the European Critical Raw Materials Act* // *Mineral Economics*. – 2023. <https://doi.org/10.1007/s13563-023-00394-y>.
6. Blengini GA, Nuss P, Dewulf J et al. *EU methodology for critical raw materials assessment: policy needs and proposed solutions for incremental improvements*. // *Resource Policy*. – 2017. – 53. – S. 12–19. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2017.05.008>.
7. Månberger A. *Critical Raw Material Supply Matters and the Potential of the Circular Economy to Contribute to Security* // *Intereconomics*. – 2023. – 58(2). – S. 74–78. – DOI: 10.2478/ie-2023-0016.
8. Lewicka E., Guzik K., Galos K. (2021) *On the Possibilities of Critical Raw Materials Production from the EU's Primary Sources*. // *Resources*. – 2021. – Vol.10(5):50 – 21 P. – DOI: 10.3390/resources10050050.
9. Крюков В.А., Яценко В.А., Крюков Я.В. Подходы к формированию новых минерально-сырьевых центров в Арктике: в основе – выстраивание цепочек межрегиональных взаимосвязей // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2021. – Т. 231, № 5. – С. 145–167. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-145-167.
10. Григорьев – М.: Н. *Системный анализ рисков реализации проектов освоения минерального сырья – условие планирования устойчивого развития Арктической зоны России* // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2024. – Т. 246, № 2. – С. 72–95. – DOI: 10.38197/2072-2060-2024-246-2-72-95.
11. Котов А.В. *Концепция региональной «умной специализации»: опыт Германии* // М.: Ин-т Европы РАН, 2022. – 152 с. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62022_392.

References

1. Belov V.B. *Obespechenie Evrosojuza kriticheski vazhnymi syr'evymi resursami* // *Evropejskij Sojuz: fakty i komentarii*. – 2020. – № 102. – S. 49–54. – DOI: 10.15211/eufacts420204954.

2. Gromyko A.I., Belov V.B., Bisson L.S. i dr. *Evropa v krizisnom mire* // – М.: «Ves' Mir», – 2022. – 376 s. – DOI: 10.55604/9785777708953.
3. Grömling M. *Deindustrialisation – A European Assessment* // *Intereconomics*. – 2023. – No 58(4). – pp. 209–214.
4. Kamprowski R. *The raw materials policy of the European Union for rare earth elements* // *Rocznik integracji europejskiej*. – 2022. – 16 P. – S. 244–250. – DOI: 10.14746/rie.2022.16.14.
5. Hool A., Helbig C., Wierink G. *Challenges and opportunities of the European Critical Raw Materials Act* // *Mineral Economics*. – 2023. <https://doi.org/10.1007/s13563-023-00394-y>.
6. Blengini G.A., Nuss P., Dewulf J et al. *EU methodology for critical raw materials assessment: policy needs and proposed solutions for incremental improvements*. // *Resource Policy*. – 2017. – No 53. – 12–19. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2017.05.008>.
7. Månberger A. *Critical Raw Material Supply Matters and the Potential of the Circular Economy to Contribute to Security* // *Intereconomics*. – 2023. – No 58(2). – 74–78. – DOI: 10.2478/ie-2023-0016.
8. Lewicka E., Guzik K., Galos K. (2021) *On the Possibilities of Critical Raw Materials Production from the EU's Primary Sources*. // *Resources*. – 2021. – Vol.10(5):50 – 21 P. – DOI: 10.3390/resources10050050.
9. Krjukov V.A., Jacenko V.A., Krjukov Ja. V. *Podhody k formirovaniju novyh mineral'no-syr'evyh centrov v Arktike: v osnove – vystraivanie cepochek mezhregional'nyh vzaimosvjazej* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2021. – T. 231, No 5 – S. 145–167. – DOI: 10.38197/2072-2060-2021-231-5-145-167.
10. Grigor'ev M. N. *Sistemnyj analiz riskov realizacii proektov osvoenija mineral'nogo syr'ja – uslovie planirovanija ustojchivogo razvitija Arkticheskoj zony Rossii* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2024. – T. 246, № 2. – S. 72–95. – DOI: 10.38197/2072-2060-2024-246-2-72-95.
11. Kotov A.V. *Koncepcija regional'noj «umnoj specializacii»: opyt Germanii* // – М.: *In-t Evropy RAN*, 2022. – 152 s. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report62022_392.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт Европы РАН»
125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3
Institute of Europe RAS
11-3, Mochovaya Str., Moscow, 125009, Russia
Котов Александр Владимирович / Alexander V. Kotov
alexandr-kotov@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-241-250

СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ШТАНДОРТА ГЕРМАНИИ

THE STRATEGIES OF THE ECONOMIC AND POLITICAL SPACE OF GERMANY

БЕЛОВ Владислав Борисович

Заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, ведущий научный сотрудник, руководитель Отдела страновых исследований и Центра германских исследований ИЕ РАН, кандидат экономических наук

Vladislav B. BELOV

Candidate of sciences (Economy), Leading Researcher, Deputy Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), Head of the Department of Country Researches and of the Center for German Studies, IE RAS.

Аннотация

С объединением в 1990 г. ФРГ и ГДР возникло новое политическое и хозяйственное пространство, определяемое в Германии как социально-экономический *штандорт*. В течение последних трех с половиной десятилетий, особенно с середины нулевых годов, исполнительная власть в рамках различных и в основном несогласованных стратегий стремилась обеспечить его безопасность и конкурентоспособность. Единый комплексный подход к этой непростой теме до последнего времени в ФРГ отсутствовал. Решением этой задачи занялось нынешнее коалиционное правительство, разработавшее к середине 2023 г. Национальную стратегию интегрированной безопасности. Автор анализирует ее содержание, соотношение с другими стратегическими документами, в том числе в контексте теории ноономики, и оценивает перспективы ее реализации.

Abstract

When the two German states united in 1990, a new political and economic space emerged. In Germany, this space is referred to as a socio-economic *Standort*. Over the past three and a half decades, the government has been working to ensure the security of this region through various, often uncoordinated strategies. Until recently, there was no unified comprehensive approach to this important issue in Germany. However, the current coalition government has taken up this challenge and has developed an Integrated Security Strategy by mid-2023. The author analyzes the content of this document, its relationship with other strategic plans, including the context of the noonomics theory, and also evaluates the prospects for implementing this document.

Ключевые слова Германия, ФРГ, Европейский союз, ЕС, стратегия, стратегирование, комплексная безопасность, конкурентоспособность, пространство, экономический штандорт, ноономика.

Keywords Germany, European Union, EU, strategy, strategizing, integrated security, competitiveness, space, economic Standort, noonomic.

Объединение ФРГ и ГДР в октябре 1990 г. означало возникновение не только нового политического, но и хозяйственного пространства, определяемого в немецко-говорящей экономгеографической науке как социально-экономический и культурно-исторический штандорт¹. В течение последних трех с половиной десятилетий германская исполнительная власть в рамках различных стратегических подходов стремилась обеспечить его конкурентоспособность и как ее неотъемлемую часть – безопасность, которая, однако, в основном касалась военно-политических аспектов, за которые отвечало Федеральное министерство обороны. Другие министерства и государственные ведомства формулировали свои стратегии, которые наряду с указанными аспектами затрагивали прочие сферы и вопросы штандортного развития (устойчивость, преемственность, резильентность и пр.). Как правило, эти стратегические документы не были скоординированы друг с другом.

Стратегирование всех аспектов военно-политического, социально-экономического и культурно-исторического пространства до последнего времени в Германии отсутствовало. О необходимости единого подхода к этой теме в ноябре 2021 г. договорились новые коалиционеры в лице социал-демократов, зеленых и либералов, сформировавшие так называемое «светофорное» правительство. Они поставили цель разработать первый в истории немецкого государства комплексный подход ко всем сферам безопасного и конкурентного развития германского штандорта. Итогом стала Национальная стратегия интегрированной безопасности (НСБ), представленная вниманию общественности с задержкой на полгода в середине июня 2023 г. Подобного рода документ стал первым в истории германского государства. В иностранной и отечественной литературе пока отсутствуют работы, в которых анализируется содержание НСБ и предшествующих ей стратегических документов с точки зрения соответствия современным подходам к разработке государственных стратегий, последующему переходу к стратегированию и реализации намеченных целей. В данной статье автор предпринимает попытку восполнения данного пробела.

1 На основе подходов немецкоязычной и советско-российской экономгеографической науки мы определяем экономический штандорт как хозяйственно-политическое, социально-экономическое, культурно-историческое пространство, целенаправленно формируемое властью, представителями групп интересов бизнеса, науки, образования, активной части гражданского общества с целью удержания основных внутренних производственных факторов и привлечения внешних. Основная роль принадлежит федеральным исполнительным органам – Кабинету министров и подведомственным структурам правительства. По согласованию с региональными субъектами они корректируют параметры рамочных условий деятельности экономических субъектов и поведения домашних хозяйств («мягкие штандортные факторы») в течение очередной легислатуры.

Эстафета стратегий – от А. Меркель к О. Шольцу

Активизация инициатив в принятии Германией различных стратегий относится к периоду правления коалиций во главе с А. Меркель (2005–2021 гг.). В основном они касались климатической тематики, внешней политики, здравоохранения и цифровизации.

7 ноября 2007 г. федеральное правительство приняло Национальную стратегию в области биоразнообразия (NBS), которая соответствовала требованиям аналогичной Конвенции ООН. Документ предусматривал сохранение и восстановление разнообразия ландшафтов, растений и животных немецкого штандорта, включая его морские районы [1]. Он содержал 330 целевых установок и около 430 мер, которые должны были быть реализованы/осуществлены до конца 2020 г. Однако используемые индикаторы оценки уровня реализации показали, что многие из целей к этому году не были достигнуты и «долги» были переданы следующему правительству². 17 декабря 2008 г. Федеральное министерство охраны окружающей среды опубликовало Германскую стратегию адаптации к изменению климата, которая предусматривала несколько этапов разработки и осуществления конкретных мероприятий [2]. В феврале 2019 г. Берлин принял Национальную стратегию по сокращению пищевых отходов [3], а в 2016 г. – Германскую стратегию устойчивого развития, в которую внес изменения в марте 2021 г. [4]. А. Меркель придавала этому документу особое значение. По ее мнению, в течение последующего десятилетия он во многом определял важные направления трансформационных процессов в таких частях германского штандорта как энергетика, экономика замкнутого цикла, жилье, транспорт, питание и сельское хозяйство, образование, исследования и инновации. В августе 2019 г. внешнеполитическое ведомство (Ауссенамт) презентовало Основные направления немецкой арктической политики, в которой особое внимание наряду с климатическими аспектами уделило вопросам безопасности и ресурсному потенциалу Арктики, представляющего особый интерес для ФРГ с точки зрения диверсификации поставок сырья в будущем [5].

В феврале 2012 г. Кабинет министров подготовил Национальную стратегию по политике борьбы с наркотиками [6], а в октябре 2020 г. принял Стратегию федерального правительства в сфере глобального здравоохранения [7] – одной из основ сохранения качества человеческого капитала.

В рамках цифровой трансформации немецкого народного хозяйства последний Кабинет министров А. Меркель подготовил и презентовал ряд стратегических документов, посвященных дигитализации: Стратегию федерального правительства в области искусственного интеллекта (ноябрь 2018 г.) [8], которая в соответствии с положениями Европейского союза о двойном переходе к климатически нейтральной экономике была доработана в декабре 2020 г. [9] и августе 2021 г. [10], а также Стратегию федерального правительства по открытым данным (июль 2021 г.) [11].

В сфере внешней политики отметим изданную Федеральным министерством обороны в 2016 г. «Белую книгу политики безопасности и будущего бундесвера»

2 Коалиционное правительство О. Шольца, начавшее свою работу в декабре 2021 г., в середине лета 2023 г. объявило о начале общественной дискуссии относительно совершенствования NBS. Необходимость такого обсуждения была обусловлена принятием в конце 2022 г. Глобальной рамочной программы по сохранению биоразнообразия Куньмин-Монреаль (Kunming-Montreal Global Biodiversity Framework).

[12], первая из которых вышла в 1969 г.³ В июне 2017 г. правительство (уже в лице Ауссенамта) уточнило его положения в «Основных направлениях политики предотвращения кризисов, разрешения конфликтов и содействия мирному развитию» [13]; в августе 2020 г. – в «Основных направлениях политики в Индо-Тихоокеанском регионе» [14]; в мае 2021 г. – в «Белой книге мультилатерализма» [15]. В декабре 2016 г. была принята Стратегия федерального правительства по интернационализации образования, науки и научных исследований [16], в которой внешняя научная политика и продвижение германского научно-образовательного штандорта рассматривается в качестве одной из основ внешнеполитической культуры ФРГ. В ноябре 2018 г. Федеральное министерство образования и научных исследований дополнило ее Стратегией в отношении Африки [17]. В августе 2021 г. Федеральное министерство внутренних дел презентовало Стратегию кибербезопасности Германии [18], ставшей последним стратегическим документом, подготовленным правительством в составе ХДС/ХСС и СДПГ, находившегося у власти с 2018 по 2021 гг.

Для индустриального сектора Германии важными стали два документа, подготовленные Федеральным министерством экономики и энергетики – в конце ноября 2019 г. вышла Национальная промышленная стратегия [19], а в начале июня 2020 г. – Национальная водородная стратегия [20]. Особенностью первой стал организованный с весны по осень 2019 г. диалог между министром экономики П. Альтмайером и предпринимательскими группами интересов, представляющими как крупный, так и малый и средний бизнес. В итоге в первоначальный проект было внесено много изменений и дополнений. Среди прочего особое внимание было уделено вопросам сохранения и повышения конкурентоспособности немецкого хозяйственного штандорта, в том числе за счет усиления государственного регулирования. Особенностью второй – борьба между двумя лоббистскими группами, жесткость и продолжительность которой обусловила существенную задержку с презентацией окончательного варианта. Одна из них представляла интересы машиностроителей и экологистов, другая – газовых компаний. В первом случае, речь шла о производстве так называемого «зеленого», то есть экологически чистого водорода из воды с использованием электролизеров, что, однако, связано с относительно высокими издержками. Во втором – о недорогом выпуске водорода из метана, при котором выделяется «нежелательный» для климата CO_2 . Первая группа победила. Немецкий подход Брюссель использовал при разработке аналогичной стратегии Евросоюза, которая была опубликована через месяц после немецкой.

Таким образом, за время правления коалиций с 2005 по 2021 г. под руководством А. Меркель был подготовлен солидный задел стратегических направлений развития Германии в ведущих политических и хозяйственных сферах. Опираясь на этот фундамент «светофорное» правительство О. Шольца продолжило укреплять и развивать стратегические основы национального штандорта.

Одним из первых документов новой коалиции в этом направлении стала разработка МИДа «Создавать стабильность. Концепция внешней политики и политики безопасности для интегрированного содействия мирному развитию», опубликованная в декабре 2022 г. [21] В начале 2023 г. Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития подготовило Стратегию в отношении

3 Стратегические документы в форме «Белой книги» минобороны выходили в следующих годах: 1969, 1970, 1971/72, 1973/74, 1975/76, 1979, 1983, 1985, 1994, 2006. В 2016 году вышла последняя версия.

Африки, в которой в условиях геополитического кризиса особое внимание уделено поиску путей сближения с государствами Глобального юга [22]. В середине марта 2023 г. Кабинет министров принял анонсированную в 2022 г. и подготовленную Федеральным министерством охраны окружающей среды Национальную водную стратегию [23]. Среди прочего ее необходимость была обусловлена высоким спросом на пресные источники воды со стороны производителей «зеленого» водорода – одной из основ энергетического перехода.

В конце апреля 2023 г. Федеральное министерство цифровизации и транспорта опубликовало обновленную Стратегию дигитализации, направленную на дальнейшее укрепление цифрового и технологического суверенитета Германии в целях сохранения международной конкурентной и инновационной способности немецкого штандорта [24]. Среди прочего в ней упомянуты 18 проектов-маяков, которые правительство намерено реализовать до конца 2025 г. и тем самым доказать свои компетенции в сфере цифровой трансформации / двойного перехода германского народного хозяйства.

Национальная стратегия безопасности

Но основным событием двадцатого легислатурного периода в сфере стратегических разработок немецкого государства стала публикация в июне 2023 г. Национальной стратегии безопасности [25, 26, 27], которую ожидали в конце 2022 г. При ее разработке «светофорная» коалиция исходила из того, что комплексный подход к обеспечению интегрированной безопасности германского штандорта позволит «эффективно противостоять актуальным вызовам». Было заявлено, что стратегический документ предполагает взаимодействие всех заинтересованных сторон, субъектов, имеющих средства, ресурсов и инструментов для всесторонней поддержки и укрепления безопасного развития ФРГ. На первый план государство, как и прежде, выдвинуло военно-политический фактор (*wehrhaft*) – Германия должна быть сильной в военном отношении и обладать всеми возможностями, чтобы защищать себя и своих союзников. Экономика оказалась на втором месте – немецкое общество и национальное хозяйство должны быть устойчивыми (*resilient*), способными к адаптации, защите и сохранению основ своего существования, а также к последовательному развитию (*nachhaltig*).

Авторы выдвинули тезис, что интегрированная безопасность выходит за рамки обычной координации и взаимодействия, будучи ориентированной «на эффективные ответы на сложные угрозы, объединяя различные области политики и определяя необходимые инструменты». Предпринята попытка наряду с военно-техническими аспектами охватить все сферы германского штандорта – политическую, хозяйственную, социальную, экологическую, миграционную и др. – с учетом специфики уже принятых и будущих стратегий в области промышленности, сельского хозяйства, строительства, финансов, образования, науки, здравоохранения, экологии и т.д. Поставлена стратегическая задача: выявить взаимовлияние, взаимосвязи актуальных рисков и определить механизмы сетевого (в том числе интегрированного) взаимодействия/управления ими на всех уровнях государства и народного хозяйства. В этом контексте НСБ можно рассматривать как формальную дорожную карту продолжения уже ранее принятых и подготовки ряда новых стратегий, направленных на укрепление безопасности и противодействие внешним и внутренним угрозам различным общественно-политическим и хозяйственным нишам.

Так, в ней речь идет о разработке федеральными ведомствами Стратегии сильной, оборонительной демократии и открытого и разнообразного общества; Стратегии борьбы с дезинформацией; Концепции повышения устойчивости в образовательных учреждениях; Стратегии повышения способности действовать против гибридных угроз; Стратегии борьбы с организованной преступностью. В целях обеспечения экономической и финансовой устойчивости экономики, а также гарантированного доступа экономических субъектов к сырьевым ресурсам заявлена подготовка следующих стратегических документов: Национальная стратегия защиты экономики; Стратегия поставок сырья на условиях их безопасности, диверсификации, устойчивости и инноваций; Стратегия импорта водорода. Государственные ведомства также разрабатывают Стратегию безопасности космического пространства, Стратегию климатических аспектов внешней политики. Обновляются Национальные стратегии — сохранения биологического разнообразия и водная, а также стратегический подход к развитию промышленных отраслей сферы обороны и безопасности.

Поставлена цель сокращения критических зависимостей германского штандорта, которая должна быть достигнута благодаря дальнейшему развитию циркулярной экономики, повышению эффективности ресурсопользования, увеличению собственной добычи сырья при одновременной диверсификации зарубежных поставщиков энергоносителей и, по возможности, максимальной обработке первичных ресурсов с странами-партнерами с последующей поставкой обогащенного сырья в ФРГ. Должны быть повышена безопасность критически важных цепочек поставок, усилен контроль за иностранными прямыми инвестициями, продолжено совершенствование механизмов защиты национального хозяйства, включая принятие зонтичного закона по защите критической инфраструктуры *KRITIS*.

В целях обеспечения технологического и цифрового суверенитета германского экономического штандорта предусмотрено развивать новые «высоко-инновационные» технологии, стандарты — за эту сферу отвечает Федеральное агентство прорывных технологий (*SPRIND*). Одновременно государство создает Немецкое агентство трансфера и инноваций (*DATI*), ориентированное на поддержку прикладных НИОКР и развитие региональных и межрегиональных инновационных систем

Один из самых проработанных разделов посвящен кибербезопасности. С точки зрения авторов, это обусловлено актуальными геополитическими вызовами и связанными с ними угрозами. Они обратили внимание на то, что успех в ее обеспечении связан с основными штандортными принципами — организацией результативного взаимодействия всех заинтересованных сторон — государства, бизнеса, науки и общества и с объединением внешних и внутренних факторов. Речь идет о «кибердипломатии», «внешней киберполитике», кибердирективах ЕС (*NIS2-Richtlinie*), об опоре на сотрудничество немецких промышленных концернов с международными организациями, в том числе в сфере прорывных технологий, включая искусственный интеллект и квантовые технологии, об усилении борьбы с киберпреступностью в кооперации с международными партнерами и союзниками Германии (основная угроза — вирусные программы), о совершенствовании действующей национальной стратегии кибербезопасности, а также межведомственном взаимодействии, в том числе органов разведки. Вместе взятые эти факторы, по их мнению, должны обеспечить «высшую степень защиты от возможных кибернападений». Функцию координатора должен взять на себя Национальный центр киберзащиты. Формально такой подход должен обеспечить достижение поставленных целей. Насколько это

удастся на самом деле – покажет практика. Очевидно, что объективной информации касательно этой специфичной сферы будет минимум.

В основном НСБ представляет набор общих положений, пожеланий, заявлений. О механизмах их интеграции ничего не сказано. Заявленный комплексный подход – формальный. За отдельными блоками прослеживаются интересы отдельных министерств и ведомств, окрашенные в соответствующие партийные цвета их руководства. Новые прорывные положения с учетом изменившейся геополитической ситуации и множественных кризисов отсутствуют. Нет конкретики в отношении сроков, ответственных за выполнение структур и ведомств, не определены механизмы взаимодействия между ними (за исключением сферы кибербезопасности). Очевидно, что министерства и ведомства так и не согласовали их и исходят из того, что в будущем «по мере надобности» смогут их определять. Но это вызывает сомнения. Стратегия не предусматривает механизмы контроля за ее выполнением и не содержит хотя бы приблизительных оценок финансирования заявленных проектов. Создается впечатление, что она была написана «на злобу политического дня» и призвана показать способность коалиции договариваться по стратегически важным вопросам и поэтому минимально ориентирована на вызовы будущего [26].

Реализация положений НСБ в 2023–2024 гг. Перспективы Стратегии

Реализация заявленных в НСБ планов началась уже через месяц. В середине июля 2023 г. была презентована не менее долгожданная Стратегия в отношении Китая, построенная на триедином подходе к ведущему вне коллективного Запада государству в двусторонних отношениях ФРГ – партнерстве, конкуренции и системно-ценностном соперничестве [28]. Предложен комплекс компромиссных мер по снижению рисков в двусторонних отношениях и недопущению центробежных процессов во взаимодействии германского и китайского хозяйственных пространств [29].

В сентябре 2023 г. Федеральное министерство экономики и защиты климата опубликовало новую Стратегию по космосу, а в октябре обновленную версию промышленной политики с учетом влияния поликризисов, включая геополитический, на экономику Германии [30]. Поставлена задача укрепления конкурентоспособности немецкого индустриального штандорта и обеспечения его хозяйственно-политической безопасности в условиях актуальных вызовов.

В декабре 2023 г. Министерство образования и научных исследований опубликовало отчет о промежуточных результатах реализации Стратегии будущего инноваций [31]. В мае 2024 г. МВД приняло Стратегию защиты демократии и борьбы с экстремизмом [32]. С точки зрения коалиции, предусмотренные в ней меры должны гарантировать устойчивость общественного развития как одной из предпосылок поступательного характера экономического развития германского штандорта. В июле правительство приняло Стратегию импорта водорода.

Анализ НСБ и предшествующих ей стратегических документов, подтверждают правоту С.Д. Бодрунова и В.Л. Квинта, справедливо указывающих на то, что при разработке национальных и региональных стратегий авторские коллективы нередко игнорируют/не принимают во внимание стратегические установки отечественных и иностранных экономических субъектов, действующих в рамках их хозяйственных штандортов. Они подчеркивают, что именно от них зависит успех или неуспех реализации разрабатываемых государственными министерствами

и ведомствами стратегий. Ориентация на положительный результат предполагает субординированность предпринимательского и государственного подхода, а также последующую координацию, построенную не на принуждении, а на механизмах мотивации, заинтересованности и инициативы всех участников процесса разработки как стратегии, так и стратегирования [33].

Именно в таком взвешенном и продуманном подходе мы видим важнейшую предпосылку обеспечения не только интегрированной безопасности, но и непосредственно связанной с ней конкурентоспособности современных национальных хозяйственно-политических пространств. В Германии, которая, казалось бы, является одним из основных разработчиков штандортного подхода, являющегося неотъемлемой частью подготовки стратегий как народнохозяйственного комплекса в целом, так и его отдельных частей, нынешняя федеральная исполнительная власть нередко игнорирует его основные постулаты — как с точки зрения межведомственной координации/мониторинга, так и организации конструктивного диалога не только с бизнесом, но и представителями науки, образования и активной части гражданского общества. В этом отношении НСБ вряд ли станет прорывом в государственном подходе к комплексному стратегическому развитию германского хозяйственного штандорта.

Более того, «светофорное» правительство, не учитывая стратегирование малых, средних и крупных экономических игроков, грубо вмешивается в рыночные процессы, в том числе вводя внешнеэкономические запреты (например, на ввоз первичных энергоносителей из России и вывоз товаров, внесенных в санкционные списки) и тем самым разрушая сформированные в течение десятилетий кооперационные связи на уровне предприятий. Следствием становится адекватная — негативная — реакция рыночных механизмов. Рост цен, издержек, нестабильности объективно ведут к снижению экономической безопасности и конкурентоспособности немецкого штандорта, соответственно к изменению стратегических подходов указанных игроков к использованию/размещению капиталов, рабочей силы и услуг. Похоже, что монография В.Л. Квинта «Концепции стратегии. Импульсы для руководителей», переведенная в 2021 г. на немецкий язык [34], пока не стала бестселлером среди германских чиновников, которые предпочитают с завидной регулярностью наступать на одни и те же грабли одностороннего подхода к стратегическим документам.

Отметим еще одно положение С.Д. Бодрунова и В.Л. Квинта, весьма важное для подготовки стратегий. Оно касается разрабатываемой ими теории нономики, которая пока не нашла адекватного отражения в немецком экономическом дискурсе. Речь идет о том, что нономический подход дает возможность оценить значение на первый взгляд малозначимых трендов, которым на самом деле принадлежит основное место в определении будущих долгосрочных процессов. Нам представляется принципиально важным указание этих ученых на тренд, согласно которому экономические критерии деятельности человека будут ослабевать, а значение культурных — возрастать [33]. По нашему мнению, крайне важно учитывать его в актуальных национальных стратегиях хозяйственных штандортов, в которых до сих пор культурно-исторические особенности, как правило, игнорировались. Россия может стать первой из стран, которая благодаря использованию положений нономики имеет шанс достигнуть качественного прорыва в своих стратегиях.

Заключение

Проведенный анализ стратегических подходов исполнительной власти ФРГ за последние два десятилетия позволяет сделать вывод о смещении приоритетов от военно-политических к хозяйственно-политическим и социально-экологическим вопросам безопасного развития германского штандорта. В Германии отсутствуют действенные механизмы мониторинга и госконтроля за согласованным между ведомствами выполнением поставленных в национальных стратегиях задач, включая обеспечение заявленной устойчивости, последовательности и стабильности ожидаемых результатов. У правящей коалиции нет проработанного инструментария взаимодействия с основными отечественными группами интересов, что ставит под вопрос успешное достижение большинства поставленных в Национальной стратегии интегрированной безопасности (как, впрочем, и в других немецких стратегиях) целей.

Представляется крайне важным использование обновленным в мае 2024 г. составом правительства РФ разработанного российскими учеными ноономического инструментария в стратегическом целеполагании и планировании на федеральном и региональном уровнях. Наряду с критическим анализом опыта ФРГ в разработке и реализации национальных стратегий это дает хорошие шансы для качественного прорыва в отечественном стратегическом мышлении с выходом на новые горизонты за пределы актуальной повестки. Одновременно необходимо использовать системный анализ подсистем объекта стратегирования, осуществлять контроль и мониторинг их взаимодействия между собой при обязательном учете особенностей функционирующих в народном хозяйстве на фоне инновационных трансформаций традиционных производственно-технологических систем.

Библиографический список / References

1. *Nationale Strategie zur biologischen Vielfalt. Deutscher Bundestag. Drucksache 16/7082. 07.11.2007. Berlin. – 108 S.*
2. *Deutsche Anpassungsstrategie an den Klimawandel beschlossen vom Bundeskabinett am 17. Dezember 2008. BMUV. Berlin. Dezember 2008. – 78 S.*
3. *Nationale Strategie zur Reduzierung der Lebensmittelverschwendung. BMEL. Februar 2019. Berlin. – 20 S.*
4. *Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie Weiterentwicklung 2021, Die Bundesregierung. März 2021. Berlin. – 391 S.*
5. *Leitlinien deutscher Arktispolitik. Verantwortung übernehmen, Vertrauen schaffen, Zukunft gestalten. Auswärtiges Amt. August 2019. Berlin. – 25 S.*
6. *Nationale Strategie zu Drogen- und Suchtpolitik. Die Drogenbeauftragte der Bundesregierung. Bundesministerium für Gesundheit. Februar 2019. Berlin. – 70 S.*
7. *Strategie der Bundesregierung zur globalen Gesundheit. Verantwortung – Innovation – Partnerschaft: Globale Gesundheit gemeinsam gestalten. BMG. Oktober 2020. Berlin. – 44 S.*
8. *Strategie Künstliche Intelligenz der Bundesregierung 2018. Bundesregierung. November 2018. Berlin. – 47 S.*
9. *Strategie Künstliche Intelligenz der Bundesregierung – Fortschreibung 2020. Bundesregierung. Dezember 2020. Berlin. – 35 S.*
10. *Eckpunktepapier «Digitalpolitik der Bundesregierung: Neuordnung digitalpolitischer Zuständigkeiten». Bundesregierung. 31.08.2021. Berlin. – 4 S.*
11. *Open-Data-Strategie der Bundesregierung. BMI. Juli 2021. Berlin. – 32 S.*
12. *Weissbuch 2016. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. BMVG. Juni 2016. Berlin. – 143 S.*

13. *Krisen verhindern, Konflikte bewältigen, Frieden fördern. Leitlinien der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. Juni 2017. Berlin. – 160 S.*
14. *Leitlinien zum Indo-Pazifik. Deutschland – Europa – Asien. Das 21. Jahrhundert gemeinsam gestalten. Die Bundesregierung. Auswärtiges Amt. August 2020. Berlin. – 72 S.*
15. *Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung - Gemeinsam für die Menschen. Bundestag. Drucksache 19/30294. Mai 2021. Berlin. – 148 S.*
16. *Internationalisierung von Bildung, Wissenschaft und Forschung. Strategie der Bundesregierung. BMBF. Dezember 2016. Berlin. – 114 S.*
17. *Afrika-Strategie des BMBF. Perspektiven schaffen! Neue Impulse für die Kooperation mit afrikanischen Partnern in Bildung, Wissenschaft und Forschung. BMBF. November 2018. Berlin. – 28 S.*
18. *Cybersicherheitsstrategie für Deutschland 2021. BMI. September 2021. Berlin. – 142 S.*
19. *Nationale Industriestrategie 2030. Strategische Leitlinien für eine deutsche und europäische Industriepolitik. BMWi // Schlaglichter der Wirtschaftspolitik – Monatsbericht März 2019. Berlin. – 12 S.*
20. *Nationale Wasserstoffstrategie. BMUV. Juni 2020. Berlin. – 29 S.*
21. *Stabilisierung gestalten Außen- und sicherheitspolitisches Konzept für ein integriertes Friedensengagement. Auswärtiges Amt. Dezember 2022. Berlin. – 58 S.*
22. *Gemeinsam mit Afrika Zukunft gestalten Die Afrika-Strategie des BMZ. BMZ. Januar 2023. Berlin. – 36 S.*
23. *Nationale Wasserstrategie. BMUV. März 2023. Berlin. – 120 S.*
24. *Digitalstrategie. Gemeinsam digitale Werte schöpfen. BMDV. April 2023. Berlin. – 54 S.*
25. *Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Auswärtiges Amt. Juni 2023. Berlin. – 76 S.*
26. *Белов В.Б. Первая в истории Германии комплексная Стратегия национальной безопасности // Аналитические записки Института Европы РАН. №13, 2023. – С. 44–53. – DOI: 10.15211/analytics21320234453.*
27. *Белозеров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21. – № 5. – С. 166–177. – DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177.*
28. *China-Strategie der Bundesregierung. Auswärtiges Amt. 2023. Berlin. – 64 S.*
29. *Белов В.Б. О новой стратегии Германии по отношению к Китаю // Аналитические записки Института Европы РАН. – № 3. – 2023 – С. 16–24. – DOI: 10.15211/analytics31620231624.*
30. *Industriepolitik in der Zeitenwende. Industriestandort sichern, Wohlstand erneuern, Wirtschaftssicherheit stärken. BMWK. Oktober 2023. Berlin. – 60 S.*
31. *Umsetzung der Zukunftsstrategie Forschung und Innovation. Bericht der Bundesregierung. BMBF. Dezember 2023. Berlin. – 23 S.*
32. *Gemeinsam für Demokratie und gegen Extremismus. Strategie der Bundesregierung für eine starke, wehrhafte Demokratie und eine offene und vielfältige Gesellschaft. BMI. Berlin. Mai 2024. Berlin – 58 S.*
33. *Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика /Монография/ – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Вумме, 2021. – 351 с.*
34. *Kvint Vladimir L. Konzepte der Strategie. Impulse für Führungskräfte. UVK Verlag –2021 – S. 110. – ISBN 9783739801247.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт Европы Российской академии наук»
125009, Москва, ул. Моховая, 11-3
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaja Str., Moscow, 125009, Russia
Белов Владислав Борисович / Vladislav B. Belov
belov@instituteofeurope.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-251-262

КРАТКОСРОЧНЫЕ УСПЕХИ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК

SHORT-TERM ACHIEVEMENTS AND LONG-TERM OBJECTIVES OF RUSSIA'S ECONOMIC TURN TO THE EAST

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), директор и главный научный сотрудник, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук

Alexey V. KUZNETSOV

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, director and chief researcher, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.)

Аннотация

В статье показано, что за 2022–2023 гг. России удалось быстро изменить географию своей внешней торговли товарами за счет разворота на Восток, причем не только на Китай, но и Индию, другие азиатские страны. Вместе с тем товарная структура внешней торговли России меняется медленно, а инерционность сферы прямых инвестиций привела к сокращению активности российских ТНК за рубежом. Таким образом, за явными успехами России в недопущении своей международной изоляции нельзя не замечать сохраняющиеся проблемы долгосрочного укрепления места России в мировом хозяйстве.

Abstract

The article shows that in 2022–2023 Russia has managed to quickly change the geography of its foreign trade in goods by turning to the East, and not only to China, but also to India and some other Asian countries. At the same time, the commodity structure of Russia's foreign trade is changing slowly, and the inertia of the direct investment sector has led to a reduction in the activity of Russian TNCs abroad. Thus, Russia's clear success in preventing its international isolation cannot be overlooked by the continuing problems of long-term strengthening of Russia's place in the world economy.

Ключевые слова Внешняя торговля России, торговые партнеры России, структура экспорта России, прямые иностранные инвестиции, разворот на Восток, стратегия развития связей с глобальным Югом.

Keywords [Russia's foreign trade, Russia's trade partners, the structure of Russia's exports, foreign direct investment, a turn to the East, a strategy for developing ties with the global South.](#)

Последние годы мы становимся свидетелями довольно быстрой трансформации всего мироустройства. Уже ярко проявилось возвышение Китая и укрепление экономического значения многих других стран Востока. Однако смена мироустройства всегда является длительным, причем весьма сложным и турбулентным политико-экономическим процессом. К тому же многие параметры нового глобального расклада сил пока не ясны, а главное – не predetermined. Поскольку Россия стремится играть одну из ведущих ролей в сломе доминирования в мире «коллективного Запада», особый интерес представляет характер позиционирования нашей страны по отношению к странам Востока, куда смещается по крайней мере центр мирового хозяйства.

В мае 2024 г. в стенах Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) в очередной раз прошла пленарная конференция МАЭФ. В этот раз она называлась: «Интенсификация экономических связей России с государствами Азии и Африки». Представленная статья базируется на сделанном автором первом докладе, который отчасти определил рамки дальнейшей, весьма плодотворной дискуссии. На конференции было немало интересных докладов представителей ведущих исследовательских центров Москвы, занимающихся Азией и Африкой (на основе некоторых из них в этом журнале также подготовлены статьи).

Быстрое изменение географии внешней торговли России

Одним из важных маркеров реального изменения географических приоритетов страны служит картина внешней торговли товарами. С началом СВО на Украине ФТС России, ЦБ РФ и почти все крупные российские компании резко сократили объем предоставляемой официальной информации о внешнеэкономической деятельности с целью противодействия дальнейшим хищениям российской собственности в странах «коллективного Запада» и сокращения негативного влияния от недобросовестной конкуренции западных союзников Украины, обычно называемых «вторичными санкциями». Тем не менее общие сведения о кардинальных сдвигах в географии российской внешней торговли представить можно на основе как краткой отечественной официальной информации и сообщений высокопоставленных чиновников в СМИ, так и «зеркальной» статистики стран-партнеров. Фактически за два года Россия смогла резко «развернуть» как свой экспорт, так и импорт на страны «мирового большинства» (иначе часто называемого глобальным Югом). В итоге России удалось не допустить своей изоляции во внешнеторговых связях, несмотря на серьезные усилия недружественных стран «коллективного Запада» и наличие влиятельного «прозападного» лобби в самой

России, представители которого в прошлые десятилетия обогащались на ущербной однобокой географической ориентации России. Можно отчасти согласиться с утверждением, что события 2023 г. показали, что основное бремя издержек, связанных с геополитическим противостоянием вокруг украинского кризиса, оказалось возложенным на европейские страны [1, с. 14]. Однако чрезмерный оптимизм в отношении устойчивости российской экономики опасен – на наш взгляд, пока наиболее успешной в области мирохозяйственных связей России оказалась лишь перестройка географической структуры внешней торговли товарами.

Важно подчеркнуть, что быстрый (причем неожиданный для многих западных экспертов) разворот географии внешней торговли России произошел не только за счет усиления ориентации на Китай. За 2022–2023 гг. Россия смогла продолжить наращивание товарооборота с Турцией и арабскими странами, а Индия вообще поднялась на 2-е место среди важнейших партнеров нашей страны после 14-го места в 2021 г. (см. табл. 1). Собранные нами из разных надежных источников данные о российской внешней торговле показывают, что в 2023 г. товарооборот с Индией по сравнению с 2021 г. у России вырос в 4,8 раза, тогда как с Китаем – лишь в 1,7 раза (примерно такой же была динамика российско-турецкой торговли). При этом следует признать, что отсутствует односторонняя зависимость России от тройки важнейших партнеров. Так, доля России в товарообороте Китая составляет 4%, причем за два года она выросла на 1,6 проц. пункта, доля нашей страны в товарообороте Индии достигла 6,5% (рост более чем на 5 проц. пунктов), а в товарообороте Турции – 9,2% (при этом показатель 2023 г. выше доли в 2021 г. на 2,2 проц. пункта). Для сравнения: роль России в товарообороте ФРГ составляет 0,4%, но и до начала СВО не достигала 2%.

Подчеркнем, что по итогам 2023 г. недружественные страны не попали даже в пятерку важнейших торговых партнеров России (в 2022 г. из-за всплеска цен на углеводороды многие члены ЕС, вопреки своей «санкционной» политике, краткосрочно даже укрепляли свои позиции в качестве партнеров России). В 2023 г. в десятке ведущих торговых партнеров России было только две страны-члена агрессивного военно-политического блока НАТО – Германия и Нидерланды, тогда как США вообще вылетели из топ-20, оказавшись на одном уровне с Египтом. Почти все государства «коллективного Запада» по итогам 2023 г. резко сократили товарооборот с Россией (однако заметным исключением является Венгрия, которая за два года поднялась с 25-й на 14-ю позицию среди партнеров России, что не удивительно, учитывая особую позицию ее политического руководства). Вместе с тем это не привело к радикальному сокращению объемов внешней торговли России. Более того, показательно, что не входящие в НАТО ведущие восточноазиатские государства «коллективного Запада» – Япония и Республика Корея – демонстрируют особую, более умеренную динамику торговых отношений с Россией, стремясь не разрывать полностью отношения, чтобы не уступать тем самым место китайским и другим восточным конкурентам.

Тем не менее нельзя считать последствия санкционного давления «коллективного Запада» незначительными для России. Например, многие страны, особенно в АСЕАН и Африке южнее Сахары опасаются «вторичных санкций», равно как и негативных политических последствий со стороны США и их союзников в конфликте с Россией вокруг Украины. Показателен пример Вьетнама, который за 2022–2023 гг. заметно сократил объемы торговли с Россией при общих декларациях с обеих сторон

Таблица 1. Иллюстрация разворота России на Восток во внешней торговле в 2022–2023 гг.

Страна	Место среди партнеров РФ в 2023 г.	Оборот, млрд долл.	Доля у РФ в 2023 г., %	Место среди партнеров РФ в 2021 г.	Оборот, млрд долл.	Доля у РФ в 2021 г., %
Китай	1	240,1	33,8	1	141,6	18,0
Индия	2	64,9	9,1	14	13,6	1,7
Турция	3	56,5	8,0	6	33,6	4,3
Белоруссия	4	55,0	7,7	4	38,8	4,9
Казахстан	5	26,0	3,7	10	25,6	3,3
Респ. Корея	6	15,0	2,1	8	29,9	3,8
Германия	7	12,2	1,7	2	57,1	7,3
ОАЭ	8	12,1	1,7	28	5,4	0,7
Бразилия	9	11,3	1,6	19	7,5	1,0
Нидерланды	10	9,9	1,4	3	46,4	5,9
Узбекистан	11	9,9	1,4	23	6,9	0,9
Япония	12	9,7	1,4	13	19,9	2,5
Италия	13	9,4	1,3	7	31,2	4,0
Венгрия	14	7,4	1,0	25	6,0	0,8
Армения	15	7,3	1,0	46	2,6	0,3
...						
Гонконг	20	5,9	0,8	56	2,2	0,3
Египет	21	5,5	0,8	33	4,8	0,6
Вьетнам	25	5,0	0,7	21	7,1	0,9
Азербайджан	Вне 25	4,3	0,6	39	3,4	0,4
Индонезия	Вне 25	4,0	0,6	40	3,3	0,4
Иран	Вне 25	4,0	0,6	37	4,0	0,5
Алжир	Вне 25	3,8	0,5	43	3,0	0,4
Киргизия	Вне 25	3,6	0,5	49	2,5	0,3

Источник: Составлено автором на основе данных ФТС России и российских торгпредств (включая сообщения в ведущих российских СМИ), а также «зеркальной» статистики

о необходимости развития двусторонних экономических связей. Занимающая 78-е место в мире по размеру ВВП при расчете по ППС Индонезия не входит даже в топ-25 наиболее значимых торговых партнеров России (тогда как сопоставимая с ней Бразилия поднялась с 19-й на 9-ю позицию). По-видимому, «санкционный» фактор играет ощутимую роль даже для входящего в ЕАЭС Казахстана, равно как и одного из активных участников БРИКС – ЮАР (товарооборот с Россией в 2023 г. составил 1,2 млрд долл., увеличившись за 2 года менее чем на 10%, так что страна покинула пятерку важнейших российских торговых партнеров в Африке).

Есть и иные причины недостаточной динамики российской торговли с рядом стран Востока. Например, в случае Ирана речь идет о финансовых и логистических барьерах. Так, в Иране лишь в мае 2023 г. появился офис российского банка (ВТБ), а международный транспортный коридор «Север-Юг» многие годы обсуждался, но его развитие перешло в активную фазу недавно. Многие небольшие страны Тропической Африки до сих пор не заинтересовали значимых российских экспортеров за исключением поставщиков продовольствия и удобрений, что скорее всего обусловлено отсутствием должной институциональной поддержки со стороны российского государства (выделим дефицит торгпредств). В ряде стран Востока структура российской торговли однобока, причем даже если речь не идет о ставке на продукцию ОПК (как в случае Алжира). Так, одна из самых населенных стран мира Бангладеш, по размеру ВВП при расчете по ППС сопоставимая с Вьетнамом и Ираном, в 2023 г. продемонстрировала товарооборот с Россией, равный лишь 2,7 млрд долл., поскольку он главным образом основан на поставках сельскохозяйственной продукции и обслуживании строительства «Росатомом» АЭС.

Обнародованные ФТС России обобщенные данные за первое полугодие 2024 г. в сравнении с первым полугодием 2023 г. показывают, что наметившиеся тренды сохраняются. Так, внешний товарооборот страны сократился с 349,8 млрд долл. до 337,5 млрд долл., то есть на 3,5% (за два первых года СВО суммарное сокращение показателя составило 9,7% или чуть более 76 млрд долл.). При этом, однако, российский экспорт уменьшился в первом полугодии 2024 г. по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. лишь на 0,4% – на фоне продолжения роста поставок в Азию, Латинскую Америку и особенно Африку экспорт в Европу упал еще на 1/3. В то же время импорт сокращался из всех макрорегионов мира. В целом доля Азии (включая страны СНГ) во внешнем товарообороте России в первом полугодии 2024 г. достигла 71,9% (за год увеличившись еще на 4,7 проц. пункта), а доля Африки составила 4,1%.

Медленные сдвиги в структуре внешней торговли России

В целом медленное изменение структуры внешней торговли России характерно для большинства географических направлений. Одна из причин – недооценка россиянами сравнительно новых для них рынков, особенно небольших стран. В значительной мере разворот российской торговли на Восток был связан с успешной переориентацией сырьевых (прежде всего нефтегазовых) поставок на страны Азии. Потери европейских рынков в 2022–2023 гг. почти не компенсировались усилиями по расширению присутствия производителей российской готовой продукции и полуфабрикатов, например, в странах Африки южнее Сахары.

Еще важнее то, что Россия со многими странами Востока сохраняет большое положительное сальдо, что подрывает, например, возможности для дальнейшего

быстрого наращивания товарооборота, равно как и по переходу на расчеты в национальных валютах (вместо этого отказ от доллара и евро ведет к повышению значения юаня). Наибольший (более чем десятикратный) разрыв между экспортом и импортом среди стран, у которых товарооборот с Россией превышает 2,5 млрд долл., наблюдается у Алжира и Монголии. Среди стран с меньшим показателем, примеров еще больше. Иллюстрацией служит даже такая крупная страна, как Нигерия – в 2023 г. Россия более чем на 1 млрд долл. продала товаров преимущественно в рамках трех своих «традиционных» групп (нефтепродукты, пшеница и калийные удобрения), закупив в крупнейшем африканском государстве какао-бобы и другие сельскохозяйственные товары на общую сумму менее 35 млн долл.

Поскольку ФТС России не приводит детальные сведения о структуре российского экспорта в 2022–2024 гг., то приходится полагаться на «зеркальную» статистику, которая лучшим образом обобщена на портале trademap.org Международного торгового центра в Женеве (см. табл. 2). В целом можно отметить, что ведущие партнеры в Азии (а на Китай, Индию и Турцию в 2023 г. пришлось 59% российского товарного экспорта против 23,5% двумя годами ранее) заменить в целом ЕС и другие страны «коллективного Запада» не смогли. Правда, сразу подчеркнем, что по данным ФТС России в 2023 г. товарный экспорт России составил 425,1 млрд долл., что подтверждает наличие лагун в «зеркальной» статистике (на уровне примерно 4%).

Таблица 2. Трансформация товарной структуры экспорта России в 2022–2023 гг. (показатели по 25 важнейшим товарным группам по итогам 2023 г. в млрд долл.)

Товарная группа (ТН ВЭД)	Весь мир		Китай		Индия		Турция	
	2021	2023	2021	2023	2021	2023	2021	2023
Всего	492,3	407,9	78,1	128,5	8,7	67,1	29,0	45,6
27 – минеральное топливо	212,4	260,0	52,4	94,0	4,7	58,7	14,3	30,1
71 – драгоценные камни, металлы и т.п.	31,6	20,8	1,5	2,3	1,3	1,3	0,3	0,2
72 – чугун и сталь	28,9	15,3	1,2	0,7	0,1	0,6	5,2	3,3
31 – удобрения	12,5	15,2	0,8	1,3	0,5	2,6	0,1	0,3
10 – злаки	9,2	11,7	0,1	0,3	0,0	0,0	2,5	3,4
76 – алюминий и изделия из него	8,7	8,3	0,8	2,9	0,1	0,1	1,3	1,4
03 – рыба и морепродукты	5,9	6,2	1,9	2,9	0,0	0,0	0,0	0,0
74 – медь и изделия из нее	6,0	6,1	3,9	3,2	0,0	0,1	0,9	1,7
15 – жиры и масла, воски	5,4	5,7	1,0	2,6	0,3	1,3	1,1	0,5
44 – древесина и изделия из нее	11,7	5,4	4,1	3,2	0,0	0,0	0,0	0,3
26 – руды, шлак и зола	7,4	5,2	4,3	4,4	0,0	0,0	0,3	0,0

Товарная группа (ТН ВЭД)	Весь мир		Китай		Индия		Турция	
	2021	2023	2021	2023	2021	2023	2021	2023
28 – продукты неорганической химии и др.	4,0	5,2	0,2	0,9	0,1	0,2	0,4	0,3
84 – реакторы ядерные, котлы и т.п.	10,8	3,5	0,1	0,5	0,1	0,1	0,2	0,5
75 – никель и изделия из него	2,0	3,4	1,0	1,1	0,1	0,2	0,0	0,0
39 – пластмассы и изделия из них	6,2	2,5	0,6	0,5	0,1	0,1	0,6	0,7
73 – изделия из черных металлов	4,0	2,5	0,0	0,3	0,0	0,0	0,2	0,2
23 – отходы пищевой промышленности, корма	2,1	2,4	0,2	0,5	0,0	0,0	0,4	0,7
29 – органические химические соединения	3,5	2,0	0,2	0,5	0,1	0,1	0,2	0,5
12 – масличные и др.	1,2	1,9	0,5	1,3	0,0	0,0	0,1	0,1
40 – каучук и резина	3,6	1,8	0,3	0,7	0,2	0,1	0,1	0,2
48 – бумага и картон	3,2	1,7	0,6	0,9	0,1	0,2	0,1	0,2
85 – электрические машины и оборудование и т.п.	6,1	1,7	0,2	0,3	0,0	0,0	0,0	0,1
47 – целлюлоза и т.п.	1,4	1,4	1,0	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0
07 – овощи	0,8	1,4	0,0	0,3	0,0	0,0	0,1	0,3
99 – товары, не включенные в другие группы	73,3	1,4	0,1	0,2	0,4	0,9	0,0	0,0

Источник: Составлено автором на основе данных ИТС (<https://www.trademap.org>)

К сожалению, нельзя говорить об улучшении структуры российской внешней торговли, если под таковой понимать рост значения товарных групп с высокой добавленной стоимостью. Количество групп двузначной классификации ТН ВЭД, объемы российского экспорта в которых превышают 1 млрд долл., составило в 2023 г. только 25, включая группу 99, которая не дает надежных данных в режиме «зеркальной» статистики (но без нее как раз объемы экспорта России в 2021 и 2023 гг. в интерпретации Международного торгового центра почти сопоставимы – 419 млрд долл. против 406,5 млрд). Лишь одна из этих групп – 07 (овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды) вошла в данный перечень с начала СВО на Украине. Зато существенно сократился экспорт из России прежде всего по таким товарным группам, как:

■ 87 (средства наземного транспорта кроме железнодорожного) – с 3,7 млрд долл. до 0,7 млрд;

- 30 (фармацевтическая продукция) – с 2,5 млрд долл. до 0,4 млрд;
- 90 (инструменты и аппараты оптические, фотографические и т.д.) – с 1,7 млрд долл. до 0,4 млрд;
- 89 (суда, лодки и плавучие конструкции) – с 1,3 млрд долл. до 0,1 млрд;
- 86 (железнодорожные локомотивы и др.) – с 1,2 млрд до 0,7 млрд.

Сократившись примерно в 1,5–2 раза, экспорт из России упал ниже отметки 1 млрд долл. и по таким группам как 02 (мясо и пищевые мясные субпродукты), 21 (разные пищевые продукты), 25 (соль, сера и т.п., цемент), 38 (прочие химикаты). Многократные падения поставок готовой продукции наблюдались и для менее значимых товарных групп – так, в группе 94 (мебель) с 0,9 млрд долл. до 0,3 млрд.

Эти данные дополняют общую картину, отраженную в таблице 2: на фоне роста экспорта минерального топлива (прежде всего нефти), удобрений, злаков (пшеницы) и некоторых других продовольственных товаров, которые весьма востребованы в странах Востока, сильно «просели» экспортеры черной металлургии и машиностроения, многие производители химикатов. По-видимому, российские производители были довольно успешно интегрированы в сложные цепочки создания стоимости ТНК стран «коллективного Запада» и им трудно сразу переориентироваться на рынки глобального Юга (хотя, казалось бы, там для российских промышленных товаров уровень конкуренции должен быть ниже). Яркой иллюстрацией служит Индия: за два года российский экспорт минерального топлива вырос в 12,5 раз, экспорт других товаров – в 2,1 раза (а за вычетом еще и экспорта удобрений, выросшего в пять раз, – лишь в 1,7 раза). Приведенные показатели свидетельствуют также о том, что использование «перевалочных баз» в экспорте России в недружественные страны «коллективного Запада», если и имеет место, не меняет картину структуры поставок радикально.

В случае российского экспорта углеводородов в связи с санкциями необходимо учесть особое положение России на мировых рынках – фактически эксперты недружественных нашей стране государств не учли «ловушку большой страны». Так, особенно в 2022 г., но и в 2023 г. Россия с выгодой для себя использовала высокие цены на углеводороды, вызванные искусственным ограничением их предложения за счет санкций в отношении самой России. Вместе с тем действуют и другие факторы, не связанные с санкциями. Например, замедление темпов роста китайской экономики привело к снижению мирового спроса на некоторые виды металлов, падению цен, что в итоге отразилось негативно и на российском экспорте [2, с. 43–47].

Данные «зеркальной» статистики о товарном импорте России менее надежны. Если ФТС России на 2023 г. зафиксировал стоимость ввезенных в страну товаров на уровне 285,1 млрд долл., то Международный торговый центр отразил лишь 208,4 млрд долл., то есть 27% импорта оказались им не учтены. Понимая также наличие большего количества «серых схем», «параллельного импорта» и т.п. (некоторые уже подробно рассмотрены в научной литературе – [3]), приходится пока отказаться от анализа структурных изменений в российском импорте, аналогичного проведенному нами в отношении экспорта. Заметим только, что тремя важнейшими товарными группами у России была и остается машиностроительная продукция (группы 84, 87 и 85), причем поставки из КНР выросли до 64,9 млрд долл. в 2023 г. против 33,1 млрд двумя годами ранее. На 4-м месте во всем российском

импорте находится группа 30 (фармацевтическая продукция), которая даже по данным «зеркальной» статистики мало изменилась в объеме, тогда как китайские поставки по-прежнему ничтожны (на уровне 1%). Примечательно, что и российские закупки лекарств в Индии не выросли за 2022–2023 гг. на фоне огромного положительного торгового сальдо для России – удельный вес Индии составляет 3–4% в российском фармацевтическом импорте. На ФРГ все еще приходится почти 1/5 российского импорта фармацевтической продукции. В пределах конъюнктурных колебаний меняются объемы поставок лекарств из нескольких других стран ЕС (вклад Италии, Франции, Ирландии, Словении, Венгрии по-прежнему сопоставим с индийским), а доля Швейцарии даже ощутимо выросла (до 15%).

Инерционность трансграничных инвестиционных связей России

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) традиционно более инерционны по сравнению с внешней торговлей, что подтверждают и изменения в объемах и географической структуре ПИИ, связанных с Россией. Накопленный объем экспортированных российских ПИИ сократился с 374,6 млрд долл. в начале 2022 г. до 258,2 млрд к 1 января 2024 г. Таким образом, доля России в мире снизилась, по данным ЮНКТАД, с почти 0,9% до менее 0,6%. За это время полностью потеряны активы на Украине (даже на начало 2020-х гг. из-за недальновидной политики «Сбербанка России» и некоторых других крупных инвесторов их объем превышал 3 млрд долл.). Кроме того, конфискованы активы ряда ТНК в Германии и других странах ЕС, проведена из-за санкций превентивная распродажа с дисконтом активов в ЕС и США, иногда идет перерегистрация активов даже в СНГ (в том числе фиктивно под другие «флаги»). При этом подчеркнем, что некоторых потерь можно было бы избежать, но после 2014 г. в России и крупный бизнес, и власти явно недооценили степень интеграции отечественных компаний в мировую экономику, равно как и готовность стран «коллективного Запада» ради собственных национальных интересов легко нарушить «международные правила» ведения транснационального бизнеса [4]. При этом речь идет не только о незаконных конфискациях российских активов, но и о принуждении западных ТНК нести большие убытки, сворачивая бизнес в России, что негативно сказалось и на российской внешней торговле, и на российских ТНК.

В условиях санкций у российских ТНК мало дополнительных финансовых ресурсов для новой экспансии, к тому же в ряде стран Востока есть негативное влияние «вторичных санкций». Например, благодаря «старшему» партнеру в лице итальянской ENI «Лукойл» смог расширить бизнес в Республике Конго (к 0,8 млрд долл. ПИИ в 2019 г. в покупку 25% нефтегазового проекта добавились 0,2 млрд долл., вложенные в запуск СПГ-завода), тогда как «Алроса» в Анголе все время борется с инициированными странами «коллективного Запада» выдавливанием из проекта Catoca, где российский инвестор успешно работает с 1990-х гг. «Росатом» впервые в мире реализует проект строительства АЭС по модели «строительство-владение-управление» (build-own-operate), вложив несколько миллиардов долларов в Турции, но в немалой степени это связано с тем, что после начала СВО на Украине все частные турецкие соинвесторы отказались от партнерства в АО «Аккую-Нуклеар». Существует еще несколько очень крупных проектов в странах Востока, в том числе в сфере энергетики, которые могут быть реализованы в самое ближайшее время с участием России, если не возникнут новые внешнеполитические препятствия.

В области недвижимости разворот российских прямых инвестиций на Восток обусловлен главным образом эмиграцией россиян – в лидерах среди реципиентов ОАЭ, Армения и Таиланд, но масштаб ПИИ пока совсем иной. Так, в Таиланде в 2023 г. россияне вложили в недвижимость 128 млн долл., при том что ежегодно в ЕС вывозили несколько миллиардов долларов. Аналогичная ситуация и с банковским бизнесом – «Сбербанк России» растерял почти все зарубежные активы, включая банки в Казахстане и Турции, но даже ВТБ испытывает значительные проблемы, хотя сохранил присутствие среди прочего в Индии, Китае, Вьетнаме и Казахстане. В целом, однако, наметившаяся уже в 2010-е гг. стагнация российской инвестиционной экспансии практически во всех отраслях стала ярче видна после 2022 г.

Не происходит пока ощутимой замены западных прямых инвесторов на восточных в самой России. Лишь некоторое количество проектов, покинутых ТНК из стран «коллективного Запада», нашли новых зарубежных владельцев, прежде всего китайских. В итоге, по данным ЮНКТАД, накопленный объем импортированных российских ПИИ сократился с 497,7 млрд долл. в начале 2022 г. до 278,8 млрд к 1 января 2024 г., а доля России в мире – с 1% до менее чем 0,6%. В долгосрочном плане это означает отсутствие ощутимой поддержки для позитивных изменений в структуре российской внешней торговли со стороны ПИИ, которые являются основой функционирования большинства трансграничных цепочек создания стоимости.

Проблемы стратегического видения места России в мировом хозяйстве

Представленный нами анализ показывает, что за явными успехами России в недопущении своей международной изоляции нельзя не замечать сохраняющиеся проблемы долгосрочного укрепления места России в мировом хозяйстве. Обращает на себя внимание тот факт, что при осознании во властных структурах и экспертном сообществе необходимости разворота на Восток до сих пор не разработана комплексная стратегия интенсификации связей с глобальным Югом.

В частности, предпринимается мало усилий для интенсификации подготовки российских специалистов для работы со странами Востока. Не создаются ощутимые финансовые и карьерные стимулы для выпускников работать именно в трудных условиях Азии и Африки. Если мы хотим действительно развивать контакты с государствами глобального Юга, то российские специалисты, причем не только экономисты, но и инженеры, другие технические специалисты должны быть мотивированы работать на этом направлении, особенно в Тропической Африке, потенциал хозяйственных связей с которой у России почти не раскрыт [5]. Скорее всего с определенными коррективами придется вспомнить даже советский опыт стимулирования молодых специалистов. Кроме того, нужны новые конкурентоспособные предложения в области образования и науки, расшивка «узких мест». Так, до сих пор сохраняется дефицит квалифицированных кадров на таких важных направлениях, как Юго-Восточная Азия и Тропическая Африка.

При этом освоение рынков восточных стран, в отличие от европейских, требует нередко использования более сложных схем торговых и инвестиционных связей, включая партнерство с бизнесом условно нейтральных по отношению к России стран. Не случайно, что даже анализируя развитие экономической интеграции, которую традиционно описывают по примененной в ЕС модели Б. Балашша, рос-

сийские эксперты для оценки путей углубления интеграции в рамках Большой Евразии и АТЭС начинают говорить об альтернативных гибких подходах [6].

Фактически именно Восток отличался всегда неразделимостью экономических и внеэкономических факторов внешних хозяйственных связей. В этой связи особое значение должна приобрести российская помощь развитию на двусторонней основе, которая будет продвигать интересы отечественного бизнеса, одновременно решая насущные проблемы развития стран Азии и Африки [7]. Нельзя забывать и о том, что с начала 1990-х гг. в России недооценивали для достижения конкретных экономических целей роль информационной борьбы с западными конкурентами в странах глобального Юга. Особенно актуально это в странах Арабского мира [8].

У нас очень много мелких неудач, которые в конечном счете складываются в единую картину, когда бизнес вроде и хочет идти на Восток, но годами мало что делается. Самый яркий пример – как долго мы движемся к развитию Российской промышленной зоны в Египте? Вроде есть прогресс, вкладываются большие средства в инфраструктуру, подобраны первые компании-резиденты и отката назад нет, но что удалось достичь за целое десятилетие в части реального производства, если вспомнить самое первое решение о ее организации в 2014 г.?

По нашему мнению, требуется выходить на принципиально иной уровень взаимодействия профильных государственных структур, бизнеса (особенно крупного) и научных организаций при конкретной работе по обеспечению внешнеэкономического разворота России на Восток. Есть, безусловно, спрос на глубокий анализ конкурентных возможностей в конкретных странах, в том числе со стороны наших бизнес-структур, но тут претензии можно выдвигать и к бизнесу, который часто боится быть откровенным с властями и недооценивает представителей академического сообщества. Хотя и ученые из университетов и институтов системы РАН не всегда доходят до нужной степени практического уровня советов. Более того, анализ часто надо вести не только по отдельным странам, но и масштабно – в рамках, например, БРИКС, сопоставляя возможности для российского бизнеса в разных макрорегионах мира.

Библиографический список

1. Афонцев С.А. *Мировая экономика и Россия: экономические последствия геополитических потрясений // Год планеты: ежегодник. Выпуск 2023 г. Москва: Идея-Пресс, – 2024. – С. 10–25.*
2. Ушкалова Д.И. *Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 6. С. 43–60.*
3. Голубчик А.М., Пак Е.В. *Логистические схемы обхода санкционного режима стран Запада в отношении России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 5. – С. 63–69.*
4. Кузнецов А.В. *Экспорт и импорт прямых инвестиций: история крупных российских потерь с начала XX века // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4. – С. 32–41.*
5. Корендясов Е.Н., Константинова О.В. *Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 170–186.*
6. Хейфец Б.А. *Накопительная модель международной экономической интеграции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. – № 1. – С. 35–52.*

7. Дегтерев Д.А. *Российская и советская система оказания международной помощи: сравнительный анализ в меняющейся мир-системе // Российская и китайская помощь странам Азии и Африки. Москва: РУДН, – 2023. – С. 7–38.*
8. Кулешова Н.С., Хвалей А.А. *Стратегия информационного противостояния стран коллективного Запада в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17. – № 1. – С. 30–51.*

References

1. Afontsev S.A. *Mirovaja jekonomika i Rossija: jekonomicheskie posledstvija geopoliticheskikh potrjasenij // God planety: ezhegodnik. Vypusk 2023 g. Moscow: Ideja-Press, – 2024. – P. 10–25.*
2. Ushkalova D.I. *Vneshnjaja trgovlja Rossii: predvaritel'nye itogi vtorogo goda protivostojanija sankcionnomu davleniju // Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk. – 2023. – № 6. – P. 43–60. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_43_60.*
3. Golubchik A.M., Pak E.V. *Logisticheskie shemy obhoda sankcionnogo rezhima stran Zapada v otnoshenii Rossii // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. – 2023. – № 5. – P. 63–69. – DOI: 10.24412/2072-8042-2023-5-63-69.*
4. Kuznetsov A.V. *Outward and Inward Foreign Direct Investments: History of Major Russian Losses Since the Beginning of the 20th Century // Studies on Russian Economic Development. – 2023. – Vol. 34. – № 4. P. 450–455. – DOI: 10.1134/S1075700723040081 (in English).*
5. Korendyasov E.N., Konstantinova O.V. *Nekotorye aspekty rossijsko-afrikanskogo sotrudnichestva na sovremennom jetape // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2023. – Vol. 16. – № 1. P. 170–186. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.09.*
6. Khefets B.A. *Nakopitel'naja model' mezhdunarodnoj jekonomicheskoy integracii // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2023. – Vol. 16. – № 1. – P. 35–52. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.02.*
7. Degterev D.A. *Rossijskaja i sovetskaja sistema okazanija mezhdunarodnoj pomoshhi: sravnitel'nyj analiz v menjajushhejsja mir-sisteme // Rossijskaja i kitajskaja pomoshh' stranam Azii i Afriki. Moscow: RUDN, – 2023. – P. 7–38.*
8. Kuleshova N.S., Khvalej A.A. *Strategija informacionnogo protivostojanija stran kollektivnogo Zapada v arabских странах Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2024. – Vol. 17. – № 1. – P. 30–51. – DOI: 10.31249/kgt/2024.01.02.*

Контактная информация / Contact information

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
117418, Nakhimovsky Avenue 51/21, Moscow, Russian Federation
Кузнецов Алексей Владимирович / Alexey V. Kuznetsov
kuznetsov@inion.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277

РОССИЯ И ИРАН НА ПУТИ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

RUSSIA AND IRAN ON THE PATH TOWARD STRATEGIC PARTERSHIP

БЕЛОВ Владимир Иванович

Заместитель заведующего кафедрой востоковедения и африканистики
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор
исторических наук, профессор

Vladimir I. BELOV

Deputy Head of the Oriental and African Studies Department, Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba, Doctor of History, Professor

Аннотация

В статье рассмотрены различные аспекты процесса формирования новой стратегической ситуации в Юго-Западной Азии, связанные с началом реализации масштабных транспортно-цивилизационных международных инициатив Китая и России в Евразии. В центре внимания находится проблема выработки новых подходов к региональному развитию на основе принципа комплексной безопасности с участием России и Ирана. Особое внимание уделено вопросу становления российско-иранского стратегического партнерства в контексте выработки стратегии развития Международного транспортного коридора «Север – Юг» в условиях мегарегионализации.

Abstract

The article examines various aspects of the process of formation of a new strategic situation in South-West Asia, associated with the beginning of the implementation of large-scale transport and civilizational international initiatives of China and Russia in Eurasia. The focus is on the problem of developing new approaches to regional development based on the principle of comprehensive security with the participation of Russia and Iran. Particular attention is paid to the issue of establishing a Russian-Iranian strategic partnership in the context of developing a strategy for the development of the International Transport Corridor «North – South» in the context of mega-regionalization.

Ключевые слова

Россия, Иран, сотрудничество, МТК «Север – Юг», стратегическое партнерство, регионализация, приоритеты, ресурсы, совместные проекты, мегарегионализация.

Keywords

Russia, Iran, cooperation, NSITC, strategic partnership, regionalization, priorities, resources, joint projects, mega-regionalization.

Главной отличительной чертой последовательного сближения России и Ирана в начале 2020-х гг. является стремление двух стран развивать отношения «по очень многим направлениям» [1], их нацеленность на отношения стратегического партнерства, как об этом неоднократно заявлял Президент России В.В. Путин. Разделяя этот подход, Верховный лидер ИРИ имам Али Хаменеи особо акцентировал внимание на эффекте синергии, возникающей при взаимодействии Ирана и России. Тегеран подчеркивал значимость развития устойчивых, всесторонних, постоянных и стратегических отношений с дружественной Россией «по всем направлениям, которые выгодны нашим странам и народам». Среди этих направлений – сотрудничество в сфере экономики, политики, культуры, науки и технологий, авиации и космоса, в оборонной и военных областях, по вопросам безопасности и при противостоянии терроризму, в том числе – в Сирии [2]. В целом, по оценке В.В. Путина, высказанной в ходе XII Санкт-Петербургского экономического форума (2024 г.): «Отношения России и Ирана носят дружественный и добрососедский характер. Страны эффективно координируют усилия по актуальным вопросам» [3].

Основные приоритеты и направления сотрудничества в 1990–2020-е гг.

В условиях провозглашения американской администрацией после распада СССР курса на лидерство в новом многополюсном мире Российская Федерация (РФ, Россия) и Исламская Республика Иран (ИРИ, Иран) должны были переосмыслить приоритеты и цели развития своих двусторонних отношений.

С 1992 г., с началом формирования новой системы международных и региональных отношений, Россия и Иран оказались в другой стратегической среде: возникла новая геополитика в Евразии, открылись возможности для прагматичного торгово-экономического сотрудничества, с опорой на консолидированную позицию национальных элит. Вместе с тем существенным ограничением, особенно для Ирана, стала проводимая в отношении России и ИРИ политика санкционных ограничений. Поэтому закономерно, что в 1990–2000-е гг. центральными в российско-иранском диалоге стали проблемы безопасности и развития экономического сотрудничества. Как отмечалось: «Иран важен для России прежде всего как региональный партнер, особенно в противодействии проникновению США в Центральную Азию, на Кавказ, на Средний и Ближний Восток, а также в Персидский залив». При этом стороны высказывались «за сотрудничество с целью создания более справедливого и демократического мирового порядка, обеспечивающего глобальную и региональную безопасность и создающего условия для всестороннего развития» [4]. И Тегеран, и Москва проявляли значительный интерес к региональной стабильности и безопасности, а также к борьбе с терроризмом и иностранным вмешательством. Иран стал третьим по величине покупателем российского оружия. Санкции Совета Безопасности ООН помешали продолжению технического и военного сотрудничества между Ираном и Россией, но с 2020 г. и официального прекращения эмбарго на поставки оружия Ирану в соответствии с резолюцией 2231 СБ ООН, ирано-российские технические и военные отношения возобновились.

8 января 1995 г. между Россией и Ираном был подписан контракт на предмет завершения строительства «под ключ» энергоблока № 1 АЭС «Бушер», который до сих пор остается главным завершенным объектом в сфере двустороннего экономического сотрудничества [5]. АЭС Бушер в развитии – «это центральный проект

и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всего комплекса российско-иранских отношений» [6].

Затем, в ходе двусторонних консультаций на высоком уровне весной – летом 1995 г., была сформулирована идея о возможности ирано-российского стратегического партнерства и определены приоритетные направления торгово-экономического сотрудничества. Это энергетика, в том числе атомная, нефтегазовые цепочки и сопутствующие отрасли промышленности, транспорт и связь, строительство, совместное использование ресурсов Каспийского моря.

В 2001 г. президентами двух стран был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ, который вступил в силу 5 апреля 2002 г. На его базе развивалось широкое взаимодействие между двумя странами в нефтегазовой, электроэнергетической, космической, авиационной, транспортной, торговой, банковской отраслях, в атомной энергетике и экологии, в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, в металлургии и строительстве. В реализации совместных проектов приняли участие российские фирмы «Газпром», «Стройтрансгаз», «Татнефть», «Технопромэкспорт» и др. В 2004 г. начатый в 2000-м г. этап активизации торгово-экономического сотрудничества закончился и наступил период стабилизации на новом уровне [4].

В 2007 г. российско-иранские отношения имели шанс перейти на качественно иной тип взаимодействия – «стратегическое партнерство». Руководство Ирана резко повысило планку переговорного процесса, предложив перспективу последовательных и системных отношений с Россией. В рамках Каспийского саммита (2007 г.), проходившего в Тегеран, состоялась встреча Президента России В.В. Путина с Верховным лидером ИРИ А. Хаменеи. Стороны заявили о своей готовности к расширению сотрудничества в следующих областях: нефтегазовая промышленность, атомная энергия, гидроэнергетика, авиастроение, банковское дело, транспорт и др. При этом Тегеран заявил о готовности вывести товарооборот с Россией на уровень 200 млрд дол. в год, а итоги визита были названы «рубежными» в развитии российско-иранских отношений [4]. Однако ситуация принципиальным образом не изменилась, и по итогам 2013 г. в докладе Российского совета по международным делам было подчеркнуто, что «российско-иранские экономические отношения и перспективы их развития сегодня находятся фактически в «спящем режиме» [7].

Однако успешное продвижение переговоров по иранскому ядерному досье и выход на заключение Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД)¹ дали основание Президенту России В.В. Путин в 2014 г. заявить о начале нового этапа в отношениях между Ираном и Россией [7].

Период 2014–2018 гг. следует рассматривать как демонстрацию, особенно с иранской стороны, политической воли к дальнейшему углублению российско-иранского сотрудничества, что выразилось в военном сотрудничестве в Сирийском кризисе, включая разведывательный и оперативный аспекты и в продолжении военно-технического сотрудничества, став примером стратегического взаимодействия двух стран на региональном уровне. Однако сотрудничество Ирана и России по региональным вопросам в целом осталось на уровне стратегической коалиции по борьбе с терроризмом, подобно противостоянию правлению Движения «Талибан» в Афганистане в 1990-х гг.

1 СВПД или соглашение по иранской ядерной программе было подписано в Вене 14 июля 2015 г. 8 мая 2018 г. президент США Д. Трамп объявил о выходе Соединенных Штатов из СВПД.

К началу 2020-х гг. обозначились хорошие шансы на расширение двусторонних связей в металлургии, геологоразведке и освоении месторождений металлических руд, а также в строительстве промышленных объектов переработки и обогащения руд, выплавки металлов – преимущественно стали и меди. Особый интерес со стороны Ирана вызывают оборудование для добычи нефти и газа, технологии увеличения дебета скважин, геологоразведка, транспортировка; нефтепереработка, крупные и мини-НПЗ; оборудование для нефте- и газодобычи; химические продукты и технологии, химоборудование, инженерные полимеры; новые материалы, лазерные технологии; металлообработка, специальные марки металлов, металллом, кокс; энергетическое оборудование; телекоммуникации, IT-технологии, приборостроение; судостроение, судоремонт; транспорт, авиастроение; зерно, ячмень, подсолнечное масло; пиломатериалы, мебель, бумага [8]. К этому списку следует добавить такие топовые области сотрудничества как медицина, биотехнологии, космос, автомобилестроение.

Особое внимание уделяется расширению возможностей присутствия на иранском рынке российских нефтегазовых компаний, проводятся бизнес-миссии российских компаний в Иран, Российско-Иранский нефтегазовый бизнес-форум. В целях интенсификация российско-иранского торгово-экономического и научно-технологического сотрудничества ведется разработка Дорожной карты научно-технологического сотрудничества России и Ирана с перспективным созданием совместных научных и инженерных центров, совместных производств оборудования и совместных сервисов; поощряется развитие партнерских и кооперационных связей с Ираном ведущих российских государственных корпораций, таких как «Росатом», «Ростех» и «Роскосмос». За счет малого и среднего бизнеса регионов России будет происходить расширение участников взаимного товарооборота, который по итогам 2022 г. достиг 4,6 млрд долл. В крупных городах должны быть открыты персидские и русские дома, проводиться выставки продукции. В сфере гуманитарного сотрудничества следует вводить в практику показы российских и иранских фильмов, выставки художников и иные культурно-массовые мероприятия, чтобы молодое поколение двух стран расширяло горизонт своих знаний о наших дружественных странах. «Надо помнить, что Россия и Иран – это две страны-цивилизации, у которых схожего гораздо больше, чем кажется на первый взгляд» [9].

В сентябре 2022 г. по итогам саммита в Самарканде Исламская Республика Иран стала полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества. С вступлением Ирана в ШОС, которое Россия последовательно поддерживала, возник «еще один самодостаточный, самостоятельный и мощный центр устойчивого роста кооперации, мира и развития в Евразии. Интеграционные процессы в формате ЕАЭС и ШОС дают нам надежду на то, что Евразийский макрорегион действительно станет зоной устойчивого развития и кооперации самостоятельных центров силы, поддерживающих и дополняющих друг друга» [9]. Вступившее в силу в 2019 г. временное соглашение по Зоне свободной торговли с ЕАЭС с участием Ирана позволило удвоить взаимный товарооборот с 2,4 млрд долл. в 2019 г. до 5 млрд долл. в 2021 г. [10]

М.Х. Шейхольэслами связал акцент на регионализм с появлением новых игроков в регионе, что связано и со вступлением Ирана в ШОС и БРИКС, определив важную для осмысления проблему: «Иран и Россия, какие инструменты, какую политику они

должны включить в свою повестку дня для наилучшего использования подобных региональных организаций?» [11].

Проявились и ограничения на пути развития торгово-экономического сотрудничества. В качестве основных барьеров можно назвать следующие: нахождение России и Ирана под внешними санкциями; неполное представление о взаимных возможностях, особенно – частных секторов РФ и ИРИ; сильная бюрократия и относительная слабость корпоративных структур; ориентир компаний и государств на сотрудничество с Европой и Западом (как предпочтительный выбор); отсутствие системного взаимодействия банковских и страховых структур; недостаток фундаментальных соглашений для обеспечения финансово-страховой деятельности; крайне низкий уровень гуманитарных связей; низкий уровень обмена туристами [7].

В целом, давая характеристику двустороннему торгово-экономическому сотрудничеству в период 1991–2021 гг., иранский ученый Дж. Карами сделал важное замечание о том, что несмотря на взлеты и падения внешнеторговый оборот оставался на уровне менее 4 млрд долл. США. По мнению автора, в этот период сторонам не удалось создать долговременные механизмы сотрудничества и достичь необходимого для реализации заявленных целей уровня институционализации [12]. В этом контексте знаковым стали слова президента Ирана Масуда Пезешкиана, сказанные им 8 июля 2024 г. в телефонном разговоре с российским президентом о том, что «Документы соглашения о всеобъемлющем сотрудничестве между Ираном и Россией готовы, и мы намерены их подписать на полях саммита БРИКС в России» [13].

С переходом Российской Федерации к проведению активной восточной [14] (2011 г.), африканской [15] (2019 г.) и арктической [16] (2020 г.) политики, в дополнение к европейскому вектору, то есть активности по всем азимутам: Север-Юг-Запад-Восток, фундаментальная проблема сопряжения четырех основных пространств развития при построении полицентричного мира заметно актуализировалась. В свою очередь, Иран активизировал свою Восточную политику (с 2013 г.) [17], войдя во второй этап исламской революции. О завершении первого этапа 11 февраля 2019 г. заявил Верховный лидер страны Али Хаменеи в речи по случаю 40-летия Исламской Республики Иран. Исламская революция, по его словам, вошла в свой второй этап на пути «к великой цели, которая состоит в создании новой исламской цивилизации» [18]. Исламская Республика Иран (ИРИ) самореализуется в процессе исламской революции, то есть в рамках продвижения глобального исламского проекта, конечной целью которого является формирование Всемирной Уммы или *Rah Umma Islamica*.

Мегарегионализм и Иран

Как представляется, процесс глобальной регионализации в середине 2010-х гг. прошел через свою первую фазу – регионализации глобального типа – и вступил во вторую фазу – мегарегионализации. Мегарегионализм можно определить как формирующийся многослойный идейно-политический ландшафт, контуры которого динамичны и уточняются в процессе кристаллизации глобальной стратегической ситуации в мире по мере складывания нового миропорядка. Результатом мегарегионализации должна стать новая политическая «мегаидентичность», которая может сложиться как в рамках глобальных концептов (светских или

конфессиональных), так и в результате изначально неполитических глобальных идентичностей (экологической, климатической, гендерной и иных повесток) [19]. Ключевое значение на этом этапе глобальной регионализации принадлежит доминирующим стержневым (С. Хантингтон) государствам и их союзам, становящимся главными драйверами мегарегионализма. Мегарегионализация предполагает становление доминирующего государства/государств/союзов как регионального центра притяжения, поэтому возможно говорить о формирующемся полицентризме в региональных международных отношениях. Определяя свое позиционирование в системе внутрирегиональных связей, доминирующий в них субъект международных отношений в силу своей глобальной ориентированности должен быть готов к эффективному решению проблемы сопряжения четырех основных пространств развития (Север-Юг-Запад-Восток).

Формируемый при этом положительный или отрицательный имидж становится основанием для появления в регионе того или иного аттрактора, понимаемого как принципиальная парадигма и модель построения перспективного будущего.

Иран во второй фазе глобальной регионализации стремится обрести себя в качестве общерегионального лидера, прежде всего, – в Юго-Западной Азии. Основной узел стратегических вызовов Исламской Республике Иран завязан вокруг вопроса о сохранении ее как суверенного и целостного государства мира ислама, одного из естественных лидеров возможной исламской интеграции. Для строя Исламской Республики именно принципы независимости и невмешательства во внутренние дела государства являются базовыми, определяющими в системе исламского обоснования внешней политики. Предлагая миру свой исламский проект, иранскую исламскую (шиитскую) идентичность, Иран также видит себя в качестве геостратегического центра в проектом поле международных инициатив Китая и России: «Пояс, путь» и сопряженного с ним «Большого евразийского партнерства». В данной логике диалог культур и цивилизаций может обрести «второе дыхание» как глобальная парадигма общепланетарного сотрудничества в продвижении человечества к полицентричному/многополярному миру.

Региональное позиционирование Ирана

Регионализм рассматривается в Иране как новая стратегия в условиях постбиполярного мира, призванная создать условия для реализации «сильного Ирана в сильном регионе». Иран позиционирует себя в качестве ключевого центра евразийского транзита в регионе Юго-Западная Азия, системного элемента маршрутов Шелкового пути («Пояс, путь», МТК «Север – Юг», «Новый шелковый путь» и др.).

На международной арене находящийся под санкционным давлением Иран в 2020-е гг. в различных конфигурациях выстраивает отношения стратегического партнерства с Россией, Китаем, Индией и Пакистаном, с соседними странами, Сирией, Египтом и Турцией. Присоединение ИРИ к ШОС, БРИКС² и к деятельности ЕАЭС, при активизации его участия в Организации экономического сотрудничества (ОЭС), как представляется, завершило формирование Ираном своего азиатского контура стратегического партнерства. Таким образом, можно говорить о геоэкономических, геополитических и цивилизационных основаниях

2 С 1 января 2024 г. в состав группы БРИКС вошел ряд новых стран, среди которых – Исламская Республика Иран.

для складывающегося ирано-российского стратегического партнерства как системообразующего фактора региональной интеграции в Центральной Евразии. Правительство ИРИ исходит из того, что для достижения национальных целей требуется активная региональная политика или «новая регионализация», которая рассматривается как ключевой инструмент для достижения большей полноты реализации национальных целей страны. Приоритет отдается достижению взаимодействия через вступление в коалиции и альянсы, понимаемое как императив современного этапа глобализации.

Такая позиция Ирана в целом отражает установку, которую в 2005 г. определил второй Рахбар ИРИ А. Хаменеи, – на всемерную глобализацию процессов региональной интеграции и сотрудничества под эгидой ИРИ в целях ее всемерной включенности в мировую политику [20].

Реализуя долгосрочную программу построения «экономики сопротивления» (с 2014 г.) [21], Иран формирует новые экспортно-ориентированные центры экономического роста с привязкой к ключевым портам на побережье Каспийского моря и в зоне Персидского залива. Примером является амбициозный проект развития прибрежного региона Мекран с глубоководным портом Чабахар. Как прогнозируется, основными направлениями экономической политики ИРИ в ближне- среднесрочной перспективе может стать «восстановление и развитие таких экспортных отраслей, как нефтехимия и автомобилестроение [22], центральными объектами станут также Южный Парс и нефтехимическая СЭС Ассулуйе.

Традиционно большое внимание уделяется развитию отношений со странами-соседами, такими как Ирак, и особенно – с Азербайджаном, Узбекистаном и Афганистаном, с учетом вызова намечающегося «тюркского коридора» от Турции до Пакистана и Китая.

В регионе Юго-Западная Азия, как ожидается, Иран в ближайшей и среднесрочной перспективе сосредоточит свои усилия на следующих направлениях:

- Совместное участие в реализации статусных евразийских технологических, инфраструктурных и торговых проектов на основе проведения структурной реформы в сфере национальной экономики и экономического законодательства (экспорт газа и развитие ненефтяного высокотехнологичного сектора, налоговая политика);
- Формирование и раскрытие потенциала Ирана как связующего звена для «Пояс, путь» и МТК «Север – Юг», ШОС и ЕАЭС с Ближним Востоком и на Южном направлении (безопасный и свободный доступ к южным морям);
- Решение проблемы международного сотрудничества на Каспии с участием прикаспийских государств;
- Укрепление мира, безопасности и стабильности в регионе Юго-Западная Азия на основе недопущения возникновения новых государств и участия ИРИ в процессе урегулирования ситуации в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливане, Йемене в том числе – под эгидой ООН;
- Участие в борьбе с терроризмом, международным терроризмом, наркоугрозой и наркотрафиком (Афганистан, ИГ³ и др.).
- Выступление вместе со странами БРИКС и ШОС, ЕАЭС за реализацию многополярной модели мироустройства.

Важно, что участие в отмеченных выше масштабных евразийских проектах является процессом долговременным. Следует учитывать и высокую (в том числе из-за внешнего фактора) инерционность геополитической ситуации, поэтому с высокой долей вероятности эти приоритеты развития Ирана сохранят свою актуальность до 2040 г. [22].

Иран серьезно настроен на развитие кооперационного высокотехнологичного сотрудничества в различных областях и диверсификацию международных торгово-экономических связей. С этой целью в стране созданы специализированные свободные экономические зоны (СЭЗ): «Киш» – туризм, инновационные технологии, банковские операции, нефтяной бизнес; «Кешм» – нефтяная промышленность и инфраструктура бункеровки судов; «Чабахар», «Бендер-Энзели», «Арас» и «Арванд» – международный транзит по МТК «Север – Юг» и «Великому Шелковому пути»; «Бендер-Энзели» – специализация на прикаспийской торговле; «Арас» – развитие торговли со странами Закавказья; «Арванд» – ориентирована на торгово-экономическое сотрудничество с Ираком; «Маку» – торговля с Турцией и странами Закавказья [23].

Изменения в блоковой региональной политике, возникновение новых политических и геополитических коллабораций (АЮКУС и др.), доминирование политических интересов над реальной экономикой рассматривается Тегераном и Москвой как серьезный вызов, свидетельствующий как о смене главных предметов взаимодействия, так и в использовании новых, в том числе виртуальных инструментов и фейковых оснований, заимствованных из СМИ. Вместе с тем, для более точной оценки перспектив становления отношений стратегического партнерства между Россией и Ираном, целесообразным представляется рассмотрение регионального аспекта стратегии развития ИРИ.

Регионализм в стратегии развития Ирана и интересы России

Иран нацелен на формирование Союза стран Юго-Западной Азии (ЮЗА) как «мир-экономика» в ожидаемом мире ислама. Приоритетными для внешней политики Ирана в ЮЗА являются три субрегиона: арабский Ближний Восток, Центральная Азия и Кавказ, Персидский залив и Южная Азия. Ближневосточный субрегион жизненно значим для ИРИ в своем региональном и глобальном измерениях, хотя в геополитическом отношении Иран более связан с Центральной Азией и Южным Кавказом, Афганистаном. Поэтому Иран проявляет особую активность в отношении Ирака, Сирии, Ливана, Йемена, играет действенную роль в противостоянии с международным терроризмом и сепаратизмом, предпринимает попытки к формированию общерегиональной организации всестороннего сотрудничества. Главная цель здесь – достижение лидирующей позиции в субрегионе «Ближний Восток и Персидский залив». В ситуации слома баланса сил на Ближнем Востоке Иран как региональная держава хочет стабилизировать и усилить свою политическую роль в сфере региональной безопасности, равно как и свои экономические позиции в регионе.

Закономерно, что намечающийся союз между Ираном и Россией в Юго-Западной Азии ищет опору, прежде всего, в геоэкономических проектных основаниях (энергетическая безопасность, МТК «Север – Юг», «Пояс, путь») и может быть развернут в любом направлении. Одним из важных направлений сотрудничества Ирана и России может стать выработка общей политики

в отношении Афганистана, нацеленная на вовлечение этой страны в масштабное региональное торгово-экономическое сотрудничество. С геополитической точки зрения, Москва и Тегеран занимают осевое пространство в Евразии, формируя срединную зону геополитического влияния и объединяя потенциал ведущих евразийских цивилизаций.

Иран позиционирует себя как независимую и неприсоединившуюся региональную державу. Целеформирующим началом, определяющим фундаментальные характеристики Ирана как регионально-глобального лидера, является сформированная в ИРИ за более чем 40 лет после победы Исламской революции (1979 г.) исламская идентичность, основанием которой выступает система ценностей и приоритетов исламской революции.

Как следствие, значимым ограничителем развития регионального сотрудничества становится сама проводимая ИРИ государственная политика, основанная на иных ценностях, что в какой-то момент начинает препятствовать взаимопониманию между Ираном и Китаем, а также с Индией и Россией, с Саудовской Аравией и др. И здесь возникает предел дружественного взаимодействия, момент конкуренции, если не угроза столкновения.

Возможные результаты – ситуация нарастающих проблем военно-политического и цивилизационного характера, уход Ирана с Юга, момент конкуренции, если не угроза столкновения с соседями – лидерами. Возможна репликация традиционных для региона проблем и ситуаций военно-политического и цивилизационного характера. Однако историко-цивилизационное, геополитическое и политически-безопасное измерения положения Ирана в системе региональной и международной безопасности таковы, что региональные процессы и политика без ИРИ невозможны и, в свою очередь, Иран не может оставаться в стороне от этих процессов и событий. Отметим также, что достижение доверия стран региона к Ирану возможно обеспечить только через устойчивое партнерство и обмен, уровень институционализации которых ограничен национальной идентичностью.

Иран обоснованно считается связующим звеном в геополитическом и геоэкономическом отношении для стран Центральной Азии и Кавказа, Южной Азии и Среднего Востока, зоны Персидского залива и Ближнего Востока. Иран является значимой частью ближневосточной цивилизации. На протяжении истории ареал цивилизации Ирана варьировался от Месопотамии до Индийского и Китайского субконтинентов, а исторические и культурные связи многих наций и правительств в регионе, включая Афганистан, Азербайджан, Ирак, Бахрейн – связаны с Ираном.

Поэтому оформление регионализма во внешней политике Ирана связано с тремя сферами:

- 1) Цивилизационная (часть цивилизации Ближнего Востока);
- 2) Геополитическая (связующее звено);
- 3) Идеологическое (ислам шиитского толка).

Сочетание трех – цивилизационных, геополитических и идеологических – составляющих способствует усилению региональной роли Ирана и большей актуализации принципа регионализма во внешней политике ИРИ.

Иран определяется в базовых документах развития ИРИ, таких как, например, 20-летний план развития ИРИ (до 2025 г.) в качестве растущей силы в регионе,

решающей вопросы на локальном, региональном и мировом уровнях. Для достижения национальных целей, как полагают иранские эксперты, требуется активная региональная политика. Усиление регионализма означает усиление взаимодействия со странами региона, особенно с мусульманскими соседями и странами Арабского мира. Важнейшим следствием из вышесказанного является общая для Ирана установка на избегание стратегического одиночества, достижение взаимодействия, вступление в коалиции и альянсы.

Российская Федерация и Исламская Республика Иран расширяют основания для развития стратегического партнерства между странами, в том числе и на региональном уровне. Для России и Ирана главным вызовом является продвижение в Юго-Западной Азии масштабных инициатив, в целом понимаемых как «Шелковый путь» («Пояс, путь», «Новый шелковый путь», Большое евразийское партнерство, где стержневым инфраструктурным проектом является Международный транспортный коридор «Север – Юг»). Это новый вызов, это проблема нового видения приоритетов обустройства возникающего в регионе пространства развития, безопасности и интеграции.

Комплексная безопасность и приоритеты регионального сотрудничества

Обеспечение безопасности и формирование атмосферы доверия и конструктивного диалога в Каспийском регионе и в зоне Персидского залива и шире – в Юго-Западной Азии, является одним из приоритетов внешней политики России и Ирана, значимой целью их регионального сотрудничества. С учетом сосредоточенных в этих субрегионах огромных запасов углеводородных ресурсов, их стратегическим положением как связующих центров Евразии, происходящие там процессы оказывают влияние на состояние международных отношений, а также на мировую экономическую, энергетическую и транспортную стабильность. Отсюда – востребованность коллективных усилий на международном и региональном уровнях, способствующих продвижению в ЮЗА подлинного мира, добрососедства и устойчивого развития.

Стратегическая цель – стабильный и свободный от конфликтов регион, открытый для широкого международного сотрудничества и взаимовыгодной всесторонней экономической кооперации.

Очевидно, что эта деятельность должна проводиться в неразрывной взаимосвязи с реализуемыми в регионе масштабными евразийскими проектами, среди которых приоритетным для России и Ирана является Международный транспортный коридор «Север – Юг» (МТК «Север – Юг»). Принципиальным при выработке и реализации политики развития и обустройства пространства МТК «Север – Юг» является установка на использование технологий и техники Шестого технологического уклада с учетом требований комплексной (экологической, гуманитарной, военной) безопасности, то есть, для работы в рамках проектов МТК «Север – Юг» могут быть допущены только компании, технологии, техника и персонал которой соответствует требованиям Стандартов МТК «Север – Юг». Ожидаемый эффект для экономического развития стран – участниц МТК – заказ на новую технику и машины, что станет источником для создания и дальнейшего роста новых отраслей промышленности и экономики, направлений подготовки квалифицированных кадров, становления новых отношений хозяйствования и воспроизводства жизни.

Программа десяти шагов

1. Создать цифрового двойника МТК «Север – Юг», постепенно заполняя его фактическими данными всех участников транспортно-логистической деятельности.
2. Выработать согласованную систему евразийских стандартов единой интегрированной транспортно-логистической деятельности.
3. Пересмотреть варианты транспортировки грузов и пассажирских перевозок (транспорт: морской, железнодорожный, авиационный, автомобильный).
4. Пересмотреть (географические) стратегии выбора маршрутов транспортировки и обработки грузов, пассажирских перевозок.
5. Разработать и синхронизировать по целям стандарты транспортно-логистических услуг, транспортных средств и инфраструктурных объектов стран-участниц.
6. Внедрить в практику «зеленое» финансирование транспортно-логистических и инфраструктурных проектов, программ и портфелей.
7. Разработать меры по адаптации к изменению климата, борьбе с загрязнением окружающей среды и сохранению биоразнообразия при совместном финансировании транспортно-логистических компаний и производителей продукции и энергии.
8. Согласовать стратегические цели стран-участниц транспортных коридоров, которые максимизируют результаты и выровняют игровое поле.
9. Снизить стоимость «зеленых» решений за счет масштабирования и спроса.
10. Разработать и синхронизировать механизмы «зеленого» проектного и корпоративного управления Евразийским транспортно-логистическим интегрированным пространством [22, 24].

В целом актуальной задачей видится необходимость создания Транскаспийского экономического кластера, в основание которого будут положены международные коридоры экономического развития. В рамках такого подхода к развитию и интеграции в регионе запуск МТК «Север – Юг» даст старт созданию макрорегиональной транспортно-логистической системы: Евразийской транспортной структуры. Создание этой структуры закладывает основу для развития торговых и инвестиционных отношений внутри Евразии в свете резких глобальных геополитических сдвигов и необходимости реконфигурации цепочек поставок в Евразии в связи с украинским кризисом. Оно также отвечает долгосрочным экономическим интересам многих стран Евразийского континента, в частности тех, которые не имеют выхода к морю.

Подчеркнем значимость энергетической дипломатии ИРИ, отмечая ее ключевую роль в формировании целостной стратегии развития иранской экономики в контексте решения задачи ее диверсификации, в выстраивании международных партнерств, особенно с Россией и странами БРИКС, что может улучшить экономику Ирана и поставить его в авангарде глобальных инновационных энергетических решений. Развитие стратегического диалога между Ираном и Россией, в том числе и в нефтегазовом секторе, усиливает их суверенные позиции и указывает на сдвиг в сторону создания многополярного энергетического мира. Этот шаг также может стать катализатором реконфигурации глобальных альянсов и энергетической политики, что будет иметь далеко идущие последствия для глобальной энергетической безопасности и геополитики.

Россия готова к евразийской экономической интеграции, которая все заметнее становится головным геостратегическим проектом России, нацеленный

на обеспечение технологического, финансового и интеллектуального суверенитета всех участников этого глобального, по сути, процесса становления новой системы хозяйствования на Земле.

Библиографический список

1. Путин рассказал, как развиваются отношения России и Ирана. 05.06.2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20240605/putin-1950813789.html?ysclid=lyekk7d2m1867012728> (дата обращения: 06.06.2024).
2. Встреча с Президентом Исламской Республики Иран Сейедом Эбрахимом Раиси. 19 января 2022 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67608> (дата обращения: 06.06.2024).
3. Путин назвал отношения России и Ирана дружественными и добрососедскими. 6 июля 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3900156?ysclid=lyektrxz8v564632280> (дата обращения: 08.07.2024).
4. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – М.: РУДН, – 2012. – С. 244–245.
5. Подробнее см.: Милай И.Ю. Договорно-правовое регулирование строительства атомной электростанции Бушер в Иране // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1. – С. 205–209.
6. Спасский Н.Н. АЭС Бушер – как флагман энергетического сотрудничества России и Ирана // Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире. Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М.: – 2024. – 160. – С. 43.
7. Белобров Ю.Я., Володин А.Г., Козырев Н.И., Ланкин Е.В., Сажин В.И., Юртаев В.И. Новая повестка дня российско-иранских отношений // Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности: рабочая тетр. / [Белобров Ю.Я. и др.; гл. ред. И.С. Иванов] ; [Российский совет по междунар. делам]. – М.: Спецкнига, – 2014. – С. 6, 18, 26, 32.
8. По материалам бизнес-форума «Особенности ведения бизнеса в Иране» (21 октября 2013 г.) // Московская торгово-промышленная палата [сайт]. – URL: <http://www.russian.ibrb.ir/news/economica/item/188796>; [7].
9. Черницын Ф.В. Пленарное заседание // Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире. Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М.: – 2024. – 160 с. С. 16–23.
10. Шейхольэслами Мохаммад Хасан. // Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире. Материалы международной конференции «Российско-иранское сотрудничество в меняющемся мире» (Москва, 25 апреля 2023 г.). Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М.: – 2024. – 160 с. С. 27–30.
11. Karami Jahangir. Iran-Russia relations: new opportunities and existing problems // Quaestio Rossica. – 2022. – Vol. 10/ № 4. – P. 1259. – DOI: 10.15826/qr.2022.4.727 (дата обращения: 12.06.2024).
12. Иран захотел подписать договор о стратегическом партнерстве с Россией. 9 июля 2024 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2024/07/09/iran-zahotel-podpisat-dogovor-o-strategicheskom-partnerstve-s-rossiey/?ysclid=lyek2htuxi276772797> (дата обращения: 10.07.2024).
13. Об особенностях «новой восточной политики» России или «политики евразийской интеграции» и стратегических целях «обозначившегося с 2011 г. „восточного разворота“ во внешнеполитическом курсе Российской Федерации» подробнее см.: Торкунов А.В. К вопросу о новой восточной политике России // Международные отношения. – 2014. – № 1 (34). – С. 9–13.

14. В Декларации Первого саммита Россия – Африка (г. Сочи, Россия, 23–24.10.2019) было определено (ст. 1): «учредить Форум партнерства Россия – Африка». – Декларация первого саммита Россия – Африка (Сочи, 24 октября 2019 г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/> (дата обращения: 15.05.2020).
15. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (дата обращения: 02.07.2020).
16. 40 лет Исламской Республике Иран; (Коллективная монография) / Отв. ред. М.С. Каменева, И.Е. Федорова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН. – 2020. – 358 с. – DOI: 10.31696/9785892829915
- Белов В.И. Автор. раздел: Глава IV. Основные форматы и особенности иранской дипломатии. – С. 184–201.
17. Хаменеи Али. Накануне новой эпохи Исламской Республики. 13.02.2019 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.leader.ir/ru/content/22738/>
18. Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая идентичность. – 2020. – № 4. – С. 25.
19. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Издательство «Аспект Пресс», – 2018. – 160 с. – С. 93.
20. Реализация долгосрочной программы построения «экономики сопротивления» началась в Иране с 21 марта 2014 г. (начало 1393 г. по мусульманскому солнечному календарю). Среди особенностей реализации новой программы экономического развития Ирана следует выделить принцип «подход к руководству страной как к джихаду» (п. 4). Как указал А. Хаменеи: «Мы хотим для Ирана национальной безопасности (омнийат-е мелли), национального могущества (эгтэдар-е мелли) национального чести/достоинства (э`ззат-е мелли)». Смысл экономики сопротивления заключается в достижении минимальной зависимости национальной экономики от иностранных государств в сфере обеспечения своих основных потребностей. Это курс на активное развитие национальной экономики, направленная на создание независимых от внешних поставок отраслей. Тем самым принятая после революции 1979 г. концепция «опоры на собственные силы» и «самообеспечения» в современном Иране трансформировалась в концепцию «опоры на внутренний рынок». – Хаменеи Али. Выступление в хорраме Резави 1 01 1396 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=36091> (дата обращения: 21.06.2024).
21. Мамедова Н.М. Экономическая политика Хасана Роухани // Иран: история и современность / Под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. – М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – С. 202–211.
22. Подробнее см.: Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. Монография / Под ред. К.П. Курылева. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 312 с. – ISBN 978-5-7567-1316-9. Автор. раздел: Белов В.И. § 2. Международные мультимодальные транспортно-логистические хабы – будущее Каспия. – С. 47–64.
23. Обухова А.Н. Импортно-экспортный потенциал Исламской Республики Иран // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы / Под ред. Н.М. Мамедовой, М.С. Каменевой, И.Е. Федоровой. – М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В., – 2016. – С. 216–230.
24. Белов В.И., Некрасова М.А. Международные транспортные коридоры в Каспийском регионе: безопасность и устойчивое развитие // Информация и инновации. – 2022. – № 3. – С. 16–27.

References

1. Putin rasskazal, kak razvivayutsya otnosheniya Rossii i Irana. 05.06.2024 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20240605/putin-1950813789.html?ysclid=lyekk7d2m1867012728> (data obrashcheniya: 06.06.2024).

2. *Vstrecha s Prezidentom Islamskoj Respubliki Iran Sejedom Ebrahimom Raisi. 19 yanvarya 2022 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67608> (data obrashcheniya: 06.06.2024).*
3. *Putin nazval otnosheniya Rossii i Irana druzhestvennymi i dobrososedskimi. 6 iyulya 2024 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://regnum.ru/news/3900156?ysclid=lyektrxz8v564632280> (data obrashcheniya: 08.07.2024).*
4. *Yurtaev V.I. Osobennosti i realizaciya vneshnej politiki Islamskoj Respubliki Iran (1979–2010 gg.). – M.: RUDN. – 2012. – S. 244–245.*
5. *Podrobnее sm.: Milaj I.Yu. Dogovorno-pravovoe regulirovanie stroitel'stva atomnoj elektrostancii Busher v Irane // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2011. – № 1. – S. 205–209.*
6. *Spasskij N.N. AES Busher – kak flagman energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Irana // Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire» (Moskva, 25 aprelya 2023 g.). Institut diaspory i integracii (Institut stran SNG). – M., 2024. – 160. – S. 43.*
7. *Belobrov Yu.Ya., Volodin A.G., Kozyrev N.I., Lankin E.V., Sazhin V.I., Yurtaev V.I. Novaya povestka dnya rossijsko-iranskih otnoshenij // Sovremennye rossijsko-iranskie otnosheniya: vyzovy i vozmozhnosti: rabochaya tetr. / [Belobrov Yu.Ya. i dr. ; gl. red. I.S. Ivanov] ; [Rossijskij sovet po mezhdunar. delam]. – M.: Spekniga, 2014. – S. 6, 18, 26, 32.*
8. *Po materialam biznes-foruma «Osobennosti vedeniya biznesa v Irane» (21 oktyabrya 2013 g.) // Moskovskaya torgovo-promyshlennaya palata [sajt]. – URL: <http://www.russian.irib.ir/news/economica/item/188796>; [7].*
9. *Chernicyan F.V. Plenarnoe zasedanie // Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire» (Moskva, 25 aprelya 2023 g.). Institut diaspory i integracii (Institut stran SNG). – M., – 2024. – 160 s. S. 16–23.*
10. *Shejhol'eslami Mohammad Hasan. // Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Rossijsko-iranskoe sotrudnichestvo v menyayushchemsya mire» (Moskva, 25 aprelya 2023 g.). Institut diaspory i integracii (Institut stran SNG). – M., 2024. – 160 s. S. 27–30.*
11. *Karami Jahangir. Iran-Russia relations: new opportunities and existing problems // Quaestio Rossica. – 2022. – Vol. 10/ № 4. – P. 1259. – DOI: 10.15826/qr.2022.4.727 (data obrashcheniya: 12.06.2024).*
12. *Iran zahotel podpisat' dogovor o strategicheskom partnerstve s Rossiej. 9 iyulya 2024 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/news/2024/07/09/iran-zahotel-podpisat-dogovor-o-strategicheskom-partnerstve-s-rossiej/?ysclid=lyek2htuxi276772797> (data obrashcheniya: 10.07.2024).*
13. *Ob osobennostyah «nojvoj vostochnoj politiki» Rossii ili «politiki evrazijskoj integracii» i strategicheskijh celyah «oboznachivshegosya s 2011 g. “vostochnogo razvorota” vo vneshnepoliticheskom kurse Rossijskoj Federacii» podrobnее sm.: Torkunov A.V. K voprosu o novoj vostochnoj politike Rossii // Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – № 1 (34). – S. 9–13.*
14. *V Deklaracii Pervogo sammita Rossiya – Afrika (g. Sochi, Rossiya, 23–24.10.2019) bylo opredeleno (st. 1): «uchredit' Forum partnerstva Rossiya – Afrika». – Deklaraciya pervogo sammita Rossiya – Afrika (Sochi, 24 oktyabrya 2019 goda) [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://summitafrica.ru/about-summit/declaration/> (data obrashcheniya: 15.05.2020).*
15. *Ukaz Prezidenta RF ot 5 marta 2020 g. № 164 «Ob Osnovah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2035 goda» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/> (data obrashcheniya: 02.07.2020).*
16. *40 let Islamskoj Respublike Iran; (Kollektivnaya monografiya) / Otv. red. M.S. Kameneva, I.E. Fedorova; In-t vostokovedeniya RAN. – M.: IV RAN, – 2020. – 358 s. – DOI: 10.31696/9785892829915 Belov V.I. Avtor. razdel: Glava IV. Osnovnye formaty i osobennosti iranskoj diplomatii. – S. 184–201.*

17. Hamenei Ali. *Nakanune novoj epohi Islamskoj Respubliki*. 13.02.2019 [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.leader.ir/ru/content/22738/>.
18. Mchedlova M.M., Kazarinova D.B. *Politika identichnosti: konkurenciya novyh teoreticheskikh smyslov i politicheskikh strategij // Politicheskaya identichnost'*. – 2020. – № 4. – S. 25.
19. Yurtaev V.I. *Islamizaciya kak faktor vneshnej politiki Irana*. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», – 2018. – 160 s. S. 93.
20. Hamenei Ali. *Vystuplenie v horrame Rezavi 1 01 1396 [Elektronnyj resurs]* – Rezhim dostupa: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=36091> (data obrashcheniya: 21.06.2024).
21. Mamedova N.M. *Ekonomicheskaya politika Hasana Rouhani // Iran: istoriya i sovremennost' / Pod red. L.M. Kulaginoj, N.M. Mamedovoj; sost. I.E. Fedorova, L.M. Ravandi-Fadai*. – M.: IV RAN; Centr strategicheskoy kon'yunktury, – 2014. S. 202–211.
22. *Podrobnее sm.: Central'naya Aziya kak formiruyushchayasya podsistema mezhdunarodnyh otnoshenij. Monografiya / Pod red. K.P. Kuryleva*. – M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», – 2024. – 312 s. ISBN 978-5-7567-1316-9. Avtor. razdel: Belov V.I. § 2. *Mezhdunarodnye mul'timodal'nye transportno-logisticheskie hany – budushchee Kaspiya*. – S. 47–64.
23. Obuhova A.N. *Importno-eksportnyj potencial Islamskoj Respubliki Iran // Iran vo vtorom desyatiletii XXI veka: vyzovy i perspektivy / Pod red. N.M. Mamedovoj, M.S. Kamenevoj, I.E. Fedorovoj*. – M.: IV RAN; Izdatel' Vorob'ev A.V., – 2016. – S. 216–230.
24. Belov V.I., Nekrasova M.A. *Mezhdunarodnye transportnye koridory v Kaspijskom regione: bezopasnost' i ustojchivoe razvitie // Informaciya i innovacii*. – 2022. – № 3. – С. 16–27.

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Russian Peoples' Friendship University named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
Белов Владимир Иванович / Belov Vladimir Ivanovich
vyou@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-278-289

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИНДИИ В ОДНОГО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПАРТНЕРОВ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INDIA'S TRANSFORMATION INTO ONE OF RUSSIA'S KEY FOREIGN TRADE PARTNERS: REASONS AND PROSPECTS

ВОЛОДИН Андрей Геннадиевич

Главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), доктор исторических наук

Andrey G. VOLODIN

Chief Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences

Аннотация

В статье исследуется эволюция внешнеэкономических связей СССР/России и Индии с момента завоевания независимости до наших дней. Автор обращает внимание на сложную траекторию эволюции внешнеэкономических связей двух стран, начавших восходящий путь развития с середины 1950-х гг. Геополитический стержень неизменно присутствовал в советско-индийских отношениях. Советский Союз оказывал Индии масштабную поддержку в процессе индустриализации «крупнейшей демократии мира», повышения уровня обороноспособности страны, развития научных исследований и их практического применения. После Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. двусторонние отношения поднялись на уровень стратегического союзничества, что напрямую повлияло на интенсивность межгосударственных внешнеэкономических связей. После распада СССР двусторонние отношения Индии и «новой» России вступили в полосу неопределенности и лишь с начала нынешнего века начали трудный путь восхождения. События 24 февраля 2022 г. сообщили мощный импульс интенсификации внешнеторговых отношений двух стран, которые требуют диверсификации и реального вовлечения регионов обеих стран в процесс развития внешнеэкономической деятельности.

Abstract

The article examines the evolution of the USSR's/Russia's foreign economic relations with India from the moment of independence to the present day. The author draws attention to the complex trajectory of the evolution of foreign economic relations between the two countries, which began an upward path of development in the mid-1950s. The geopolitical core has always been present in Soviet-Indian relations. The Soviet Union provided India with large-scale support in the process of industrialization of the «the world's largest democracy», sustaining and increasing the country's defense capability, developing scientific research and their practical application. After the Treaty of Peace, Friendship and Cooperation of 1971, bilateral relations rose to the level of strategic alliance, which directly affected the intensity of interstate foreign economic relations. After the collapse of the USSR, bilateral relations between India and the «new» Russia entered a period of uncertainty and only since the beginning of this century began a difficult ascent. Events of February 24, 2022 gave a powerful impetus for the intensification of foreign trade relations between the two countries, which require diversification and the real involvement of the regions of both countries in the development of foreign economic activity.

Ключевые слова

Индия, Советский Союз, Россия, двусторонние внешнеэкономические связи, стратегическое союзничество, военно-техническое сотрудничество, атомная энергетика, диверсификация внешнеторговых связей, геополитический фактор внешнеэкономических связей.

Keywords

India, the Soviet Union, Russia, bilateral foreign economic relations, strategic alliance, military-technical cooperation, nuclear energy, diversification of foreign trade relations, the geopolitical factor of foreign economic relations.

Преврашение Индии в одного из ключевых внешнеэкономических партнеров России имело основательную материальную/политэкономическую и историческую подоснову. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Индией были установлены до обретения «крупнейшей демократией мира» политического суверенитета, в апреле 1947 г. Однако до начала 1950-х гг. двусторонние отношения складывались непросто. Тем не менее на начальном этапе их развития, отмечает историк В.П. Кашин, «несмотря на взаимное недоверие, личностные факторы и особые подходы глав правительств двух стран (И.В. Сталина и Дж. Неру – А.В.), была заложена необходимая база для развития и углубления многогранного и взаимовыгодного сотрудничества народов России и Индии» [Кашин 2022, с. 33]. Помимо этого, в тогдашнем биполярном мире, пропитанном духом холодной войны, занимаемая Индией позиция нейтралитета ограничивала возможности Дели развивать многопрофильные отношения с Москвой; видимо, поэтому до середины 1950-х гг. «советско-индийские отношения были относительно прохладными» [Лунев 2017, с. 26].

Положительные сдвиги в советско-индийских отношениях к середине 1950-х гг. произошли, как представляется, под влиянием группы политэкономических факторов. Форсированное восстановление народного хозяйства СССР в 1945–1950 гг. (иногда в литературе называемое «русским чудом») позволило советскому руководству

вернуться к геополитическим идеям В.И. Ленина об Индии, Китае и России как о «хартленде», то есть сердцевине Евразии; но уже на новой политэкономической основе. В.И. Ленин в 1908 г. сформулировал идею о «центральном» положении России, Индии и Китая в Евразии. Объединение этих трех «периферийных» геополитических сил не только укрепило бы «хартленд» (сердцевину мира), но и положило бы начало перегруппировке сил в мировой политике, имеющей целью лишить Запад его привилегированного положения в глобальной системе.

Итак, официальная Москва начинает принимать в расчет стремление к самостоятельному поведению имущих классов Индии в мировом пространстве; подобные «экзистенциальные» геополитические установки непосредственно вытекали из «бомбейского плана» 1944 г. и его основных положений. Как известно, первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру (1947–1964) особое ударение делал на экономической независимости Индии как решающей гарантии политического суверенитета. Таким образом, выявившаяся плотная сопряженность стратегий развития Индии и Советского Союза предопределила и само направление поисков характера и структуры двусторонних внешнеэкономических связей.

Стоит отметить, что геополитический стержень незримо и неизменно присутствовал в советско-индийских отношениях. Советский Союз оказывал Индии масштабную поддержку в процессе индустриализации народного хозяйства «крупнейшей демократии мира», повышения уровня обороноспособности страны, развития научных исследований и их практического применения. Кредиты Индии предоставлялись на выгодных условиях: их можно было возвращать в индийских рупиях (пример, достойный подражания в нынешних условиях). Стоит отметить, что в кредит отпускались и ВВТ (вооружения и военная техника). Энергоносители, металлы, удобрения и другие важные для Индии товары народнохозяйственного назначения торговались по клирингу. Более того, возникали своеобразные внешнеэкономические «треугольники» (например, Москва – Дели – Багдад), которые, не используя тогдашние свободно конвертируемые валюты (доллары), удовлетворяли потребности вовлеченных во внешнеэкономические обмены стран в товарах, необходимых для развития их национальных экономик.

Столь нетривиальный, творческий подход к развитию такой консервативной сферы межгосударственных контактов, как внешняя торговля, позволял добиваться и качественных сдвигов в структуре национальной экономики Индии. Так, нельзя не отметить, что нынешние крупнейшие индийские компании, например, BHEL, Oil and Natural Gas Corporation (ONGC), Hindustan Aeronautics Limited (HAL), а также гиганты металлургической промышленности поднимались на вершины экономической иерархии в процессе сотрудничества с Советским Союзом [Дас Кунду 2016]. Наконец, с помощью СССР в Индии был создан топливно-энергетический комплекс, построены крупнейшие сталелитейные заводы и нефтеперерабатывающие комбинаты. Сотрудничество в области науки в 1970–1980-е гг. охватило и сферу исследования и освоения космического пространства.

«Стратегическое союзничество» наших стран, начало которому положил Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1971 г., опиралось на прочный фундамент, заложенный в предшествующие полтора десятилетия. Важным элементом этого фундамента было сотрудничество в сфере высшего образования. Так, первый индийский Технологический институт, одна из «кузниц» подготовки кадров высшей квалификации, был основан в Бомбее

(ныне Мумбай) при поддержке Советского Союза. СССР, отмечает индийская исследовательница Н. Дас Кунду, «был настоящим партнером и во многих отношениях помогал Индии стать более самодостаточной» [Дас Кунду 2016]. Можно сказать, что с учетом геополитического «веса» обеих стран, Индии и СССР, отношения между ними постепенно обретали глобальное измерение. В 60-е, и – особенно – в 70-е гг. XX в. наши отношения с Индией имели все основные признаки стратегического союзничества: сходство либо близость позиций по фундаментальным проблемам мирового развития, тесная координация действий в международных организациях и на форумах, развитые кооперационные связи между государственными институтами СССР и Индии, доверительные отношения между руководителями наших стран. В этот период в общей стратегии советской внешней политики Индия исполняла роль эффективного противовеса Китаю, особенно в условиях начавшегося тогда американо-китайского сближения. По-своему действенной была и фактическая поддержка Индией политики Советского Союза в Афганистане.

После трагической кончины Индиры Ганди в 1984 г. новое руководство страны во главе с ее старшим сыном Радживом начало осторожную диверсификацию внешней политики (включая развитие отношений с США и Китаем), не сказавшись, однако, на уровне и качестве советско-индийских отношений.

Неблагоприятные изменения наступили несколько позже, в конце 1980-х гг. Как известно, во второй половине 80-х гг. стали очевидными системные дефекты советского экономического механизма, что отрицательно сказывалось на эффективности внешней политики страны. Такого рода изменения проявились и в советско-индийских отношениях. С одной стороны, на высшем уровне подтверждалась решимость развивать двусторонние отношения, наполнять их новым содержанием. С другой стороны, советско-индийские отношения по сути дела стагнировали, что с зеркальной точностью отражало нарастающую неспособность позднесоветского государства стимулировать и диверсифицировать двусторонние внешнеэкономические связи с Индией. Иными словами, деградация хозяйственной системы прямым и отрицательным образом сказывалась на действенности внешней политики Советского Союза.

Не следует, однако, забывать о внутрисполитическом измерении советско-индийских отношений. Тяжелым испытанием для двусторонних отношений стали годы «перестройки» и «либеральных реформ», в результате которых интенсивность нашего сотрудничества качественно снизилась. Россия утратила завоеванные на индийском рынке позиции. Подорванным оказался и наш политический авторитет [Елистратов 2022]. Можно сказать, что 1990-е гг. в российско-индийских отношениях были «эпохой безвременья». Взаимное отчуждение определенно усиливала и разновекторность экономических реформ в наших странах. В 1990-е гг. фигурировали различные объяснения причин стагнации двусторонних внешнеэкономических связей. Согласно «широкой» интерпретации, экономические преобразования в Индии и России начала 1990-х гг. двигались, образно говоря, по расходящимся траекториям, поэтому индийская экономика оказалась не заинтересована в российской продукции, за исключением сырьевых товаров. По «узкой» версии, качество российских изделий резко снизилось в результате распада СССР, что особенно сказалось на военно-техническом сотрудничестве между двумя странами. Видимо, обе эти версии дополняют друг друга.

Действительно, экономические реформы в Индии, при всей их «рыночной» ориентированности, преследовали цель дальнейшей индустриализации страны, тогда как «либеральные реформы» в России возвращали нашу страну на положение зависимой периферии мирового хозяйства; при такой «модели» развития государство как субъект преобразований было сознательно ослаблено, а участие России в мировой экономике было ограничено ролью поставщика минерально-сырьевых ресурсов на мировой рынок. Сфера российско-индийских внешнеэкономических связей объективно сжималась до торговли сырьевыми товарами. Правда, сохранялось и в определенной степени расширялось военно-техническое сотрудничество, набравшее устойчивую инерцию в советский период; начиналось сотрудничество в сфере «неклассической»/ атомной энергетики. Однако в целом внешнеэкономические связи оказались «свернутыми».

Каковы были политэкономические причины резкого «сжатия» объемов и номенклатуры российско-индийских внешнеэкономических связей? Причин было несколько. Можно констатировать, что у индийской стороны сохранялись (и сохраняются) определенные претензии к методам развития индийско-российских отношений нашей страной, особенно в сфере внешнеэкономических связей.

1. В России, как полагали тогда в Дели, был фактически утрачен стратегический контроль государства над развитием внешнеэкономических связей. Неизбежным следствием «дерегулирования» внешнеэкономических связей стали: а) отсутствие долгосрочной концепции двусторонних отношений в данной области; б) нарушение дисциплины поставок в Индию продукции российских предприятий и прогрессирующее ухудшение качества экспортируемых изделий (в том числе по линии военно-технического сотрудничества); в) стагнация межрегиональных отношений двух стран (то есть прямых, или «горизонтальных» связей между субъектами российской и индийской федераций) — реальной политической базы поддержки нашей страны в индийском обществе и электорате.

2. Российская сторона, по мнению индийских партнеров, фактически устранилась от диалога с Индией по текущим и перспективным проблемам двусторонних отношений, что делало трудновыполнимыми планы наращивания объемов внешнеэкономических связей в кратко — и среднесрочной перспективе.

3. Отрицательно влияло (и по сей день влияет) на развитие взаимопонимания двух стран фактическое прекращение сотрудничества между Россией и Индией в сфере общественных наук, во многом благодаря которому в прошлом и осуществлялся обмен необходимым опытом между государствами, и вырабатывались подходы к важным внешнеполитическим решениям, напрямую затрагивавшим их интересы.

Блокирующее влияние на развитие российско-индийских внешнеэкономических связей оказывала также группа факторов культурно-политического происхождения. Данные факторы можно обобщить следующим образом.

1. Развивая «стратегическое партнерство» с Россией, правящие круги Индии (точнее, их влиятельные группы) тогда исходили из уже устоявшихся в Дели представлений о перемещении нашей страны во «вторую лигу» мировой политики. В сформировавшейся системе внешнеполитических координат Россия в то время рассматривалась политическим истеблишментом Индии как региональное государство с ограниченным влиянием на ход мировых событий.

2. Объем внешнеэкономических связей России и Индии, несмотря на усилия политических руководителей и дипломатических служб двух стран, в начале нынешнего

века оставался незначительным, около 10 млрд долл.; он не был сопоставим с обменом товарами, услугами и знаниями Индии с Соединенными Штатами Америки и Китаем. Бизнес-сообщество Индии подчеркивало свою заинтересованность в приоритетном развитии именно индийско-американских и индийско-китайских связей, тогда как российско-индийские торгово-экономические отношения развивались словно по инерционной траектории, как своеобразная дань истории советско-индийских отношений.

3. Значительным ресурсом развития наших отношений с Индией изначально был интеллектуально-культурный потенциал взаимодействия двух стран. Однако к началу нынешнего столетия интеллектуальная, культурная и идеологическая основа двусторонних отношений была разрушена «до основания» (наглядный пример – вялая реакция массовых слоев населения на «Год России в Индии» и на «Год Индии в России»).

4. Наконец, у нового поколения индийской политической элиты сформировался негативный геополитический образ нашей страны; новая элита с явным неодобрением восприняла самоликвидацию «советской сверхдержавы» и поведение российской власти в 90-е гг. («подобострастие» новых элит в отношении Запада, «уход» из Индии и Востока в целом, деиндустриализацию страны под воздействием «либеральных реформ» и пр.) и теперь сомневалась в способности России вернуть себе статус одного из значимых «гравитационных полей» мировой политики.

Изменения во внешнеэкономических связях России и Индии начались после визита Президента России в Индию (октябрь 2000 г.). Суть дела, однако, состояла в том, что драгоценное историческое время было упущено и что когда-то занятые нашей страной внешнеэкономические «ниши» начали успешно осваивать другие страны. Несформированность в России стратегии развития страны и, как следствие, отсутствие долгосрочной концепции внешнеэкономических связей предопределяли (и предопределяют) необходимость «точечных» действий в двусторонних отношениях с Индией, прежде всего в тех областях, где у нашей страны пока сохраняются конкурентные возможности, то есть в атомной энергетике, сотрудничестве в освоении космического пространства, энергетическом машиностроении, создании перспективных/футуристических видов вооружений. Такого рода межгосударственная промышленная кооперация могла бы внести немалый вклад в укрепление конкурентоспособности России как значимого «игрока» в мировом экономическом пространстве.

Далее можно было бы предложить индийской стороне «пилотные» проекты в таких отраслях промышленности и знания, как фармацевтика, гражданское авиастроение, сельскохозяйственная наука и агропроизводство (в частности, минеральные удобрения). Индию давно интересуют наши исследования и практические результаты в создании новых материалов, особенно сейчас, когда успешная экономическая реформа позволяет использовать их в модернизируемых сегментах экономики, включая наземные и воздушные транспортные системы. Помимо этого, Индия готова принять участие в коммерциализации некоторых технологических разработок, созданных в отечественных естественных, точных и технических науках. Наконец, представляется целесообразным «реинституционализировать» контакты между обществоведами двух стран

(по направлениям взаимной заинтересованности), тем более что социальные науки Индии принадлежат к числу наиболее развитых в мире.

2010-е – начало 2020-х гг. были отмечены усилиями властей России и Индии активизировать двусторонние внешнеэкономические отношения. В принципе эти усилия оказались результативными, но коренной перелом в этой сфере двусторонних отношений так и не произошел. Расширению объемов двусторонней торговли помогла своеобразная историческая случайность. События 24 февраля 2022 г. и порожденные ими явления и процессы усилили обоюдное стремление России и Индии к расширению взаимовыгодного сотрудничества. «Постпандемийный» (восстановительный) экономический рост в Индии, а равно и «всеобъемлющие» антироссийские санкции коллективного Запада подтолкнули Россию к «концептуальному» изменению «либеральной» модели развития и повысили совместимость российского и индийского алгоритмов социально-экономической трансформации. Индийское общество и значительная часть его «стратегических» элит в целом положительно отнеслись к намерению российского руководства восстановить мирополитические позиции страны, существовавшие до распада Советского Союза.

Со своей стороны официальная Москва, начавшая активно отстаивать интересы Мирового большинства и строить новый полицентрический международный порядок, использовала факторы энергичного экономического роста Индии и намерение «крупнейшей демократии мира» стать защитником «глобального Юга», его экзистенциальных устремлений и морально-нравственных ценностей. Иными словами, начало стратегического возвращения России в Индию было положено, чему в незначительной степени способствовали заложенные в предыдущие десятилетия организационные основы российско-индийского «всеобъемлющего» стратегического партнерства. Философскую основу «возвращения» России в Индию составило понимание энергичного экономического роста как основы дальнейшего укрепления принципов «стратегической автономии» государства-цивилизации в мировой экономике и международной системе.

На первом этапе повторного «открытия Индии» Россией основной сферой двусторонних экономических связей предсказуемо стало сотрудничество в области «классической» энергетики. Ответ на вопрос о емкости энергетических потребностей Индии предполагает рассмотрение обеспеченности «крупнейшей демократии мира» собственными минерально-сырьевыми ресурсами и основных географических направлений ее внешнеторговых отношений в области «традиционной» энергетики. В настоящее время Индия – самая густонаселенная страна мира и один из главных потребителей энергетических ресурсов на планете.

Сегодня Индия является третьим крупнейшим в мире потребителем энергии, после Китая и США. Потребление энергии по основным источникам ее происхождения выглядит следующим образом: уголь (около 46% всей потребляемой энергии), нефть (29,5%), природный газ (6,2%), атомная энергия (1,1%), гидроэнергия (3,9%), возобновляемые источники (3,4%). Специалисты отмечают, что к 2030 г. зависимость Индии от зарубежных источников энергии может возрасти до 53%. Так, в стране около 80% электроэнергии вырабатывается из ископаемого топлива. Вследствие высоких темпов экономического роста Индия превратилась в один из наиболее емких в мире энергетических рынков. Эксперты выделяют четыре движущие силы растущей емкости индийского рынка энергии: 1) энергичный экономический

рост в этой стране, требующий бесперебойного притока источников энергии; 2) неуклонно растущие доходы домохозяйств (численность среднего класса в стране оценивается в 250–300 млн человек; по другим оценкам – чуть более 200 млн человек), предполагающие увеличение потребления электроэнергии, в том числе для приготовления разнообразной индийской пищи; 3) ограниченные внутренние запасы энергии в стране, что предполагает активную внешнеэкономическую деятельность государства; 4) необходимость максимального уменьшения рисков использования «грязных» видов энергии, что в свою очередь стимулирует развитие наиболее современных направлений энергетической политики страны.

Ощущая нехватку собственных энергетических ресурсов, власти Индии (в лице государственной нефтегазовой компании Oil and Natural Gas Corporation – ONGC), приобрели лицензии на использование нефтяных месторождений в таких странах, как Судан, Сирия, Иран и Нигерия, причем деятельность ONGC в Исламской республике Иран имела следствием дипломатические «трения» с Соединенными Штатами Америки. Сознывая геополитическую уязвимость региона Ближнего и Среднего Востока, индийские энергетические компании (прежде всего ONGC и частнокорпоративная группа Reliance Industries) приступили к разведке на нефть и газ в нескольких регионах Индии (штат Раджастан, бассейн рек Кришна и Годавари на территории штата Андхра Прадеш, а также в северо-восточных штатах страны). Можно сказать, что уплотнение сотрудничества с Россией в сфере «классической» энергетики после 24 февраля 2022 г. оказало живительное воздействие на индийскую экономику в целом. Также на территории Индии расположены более 60 месторождений сланцевого газа, однако их запасов хватит не более чем на 20 лет эксплуатации. Наконец, индийские энергетические компании эксплуатируют шельфовое месторождение газа в Мозамбике. Осознавая ресурсную недостаточность Индии, официальный Дели придает политическое значение проекту газопровода по маршруту Иран – Пакистан – Индия.

Индия, второй в мире импортер угля, ежегодно ввозит более 150 млн тонн этого минерального сырья. В Индии располагается крупнейшая в мире угольная компания Coal India Ltd., которая контролирует 85% производства данного минерального продукта в этой стране. Тепловые электростанции, работающие на угле, обеспечивают до 59% всей вырабатываемой в стране электроэнергии. Не менее важной сферой применения угля выступает производство цемента, где все шире используется импортируемое минеральное сырье. По официальным данным, в 2022/23 ф.г. Индия импортировала почти 209 млн т как энергетического угля (нередко используемого в работе теплоэлектростанций), так и коксующегося угля, которого было ввезено в страну более 57 млн т. Оценивая общую динамику изменения структуры энергетического баланса страны, индийские специалисты признают, что замена угля более экологически чистыми и дорогостоящими источниками энергии пока, несмотря на оптимистические заявления местных политиков, остается делом далеко не близкой исторической перспективы.

Официально заявленная цель энергетической политики Индии состоит в: 1) увеличении внутренней выработки энергии и снижении национальной энергетической «недостаточности» и 2) активном развитии альтернативных источников энергетических ресурсов, таких как: атомная энергия, солнечная энергия и энергия ветра. На начало 2022 г. зависимость Индии от зарубежных источников энергии составляла 40,9%. Премьер-министр Н. Модди недавно выступил

с политическим заявлением, смысл которого в том, что до 2070 г. Индия станет «свободной» от углеводородных источников энергии (Zero carbon emission), однако обозреватели-скептики иронически замечают, что до этой удаленной даты «нужно еще дожить». Подобные заявления – естественная реакция официальных кругов Индии (а также Китая и других стран Мирового большинства) на постоянное давление Запада, настаивающего на «зеленом переходе» стран «глобального Юга» к экологически чистой экономике. В то же время в правящих кругах Индии влиятельна точка зрения, согласно которой коллективный Запад далеко не бескорыстен в стремлении освободить человечество от «грязных» источников энергии: настаивая на «зеленом переходе» развивающихся стран, развитые страны во главе с США преследуют далеко не филантропическую двуединую цель – снизить цены на энергоносители для себя и одновременно затормозить экономический рост не только Индии и Китая, но и «глобального Юга» в целом.

Для реалистического понимания перспектив российско-индийских внешнеторговых отношений чрезвычайно важны прогнозы энергопотребления в Индии на среднесрочную перспективу (10–15 лет). Так, один из сценариев будущего энергопотребления в Индии выглядит следующим образом. Ожидается, что к концу 2040 г. население «крупнейшей демократии мира» увеличится на 270 млн человек (видимо, в основном за счет представителей низких и низших каст), что неизбежно спровоцирует «скачок» энергопотребления в стране. Одновременно увеличение потребления энергии в Индии будет происходить за счет неуклонного роста потребностей среднего класса (даже если исходить из допустимости умеренного демографического роста этой социальной общности, в настоящее время насчитывающей, по разным оценкам, от 200 до 300 млн человек) и их неизбежной диверсификации. Еще одним источником роста энергопотребления в стране станут уже создаваемые «умные города» («smart cities») числом около 100 единиц, а равно и массивная электрификация индийских деревень. Несомненно, в рост общей суммы энергетических потребностей внесет немалый вклад программа «Make in India», реализация которой потребует дальнейшего стимулирования роста и развития колоссальной массы малых, мелких и средних предприятий (Micro, Small and Medium enterprises). Предполагается, что к концу 2040 г. потребности Индии в энергии возрастут вдвое и составят 11% от общемировых запросов.

Для прогнозирования кратко- и среднесрочных перспектив развития внешнеторговых связей России и Индии целесообразно ответить на конкретный вопрос: каковой видится на данном отрезке времени роль «конвенциональных» источников энергии (включая уголь) индийским специалистам? На наш взгляд, имеет смысл выделить два принципиальных обстоятельства.

1. В условиях постоянно увеличивающихся потребностей энергично развивающейся индийской экономики отказ (от) либо резкое сокращение роли «традиционных» источников энергии в хозяйственном развитии страны представляются сугубо гипотетическими траекториями будущей энергетической политики «крупнейшей демократии мира». Напротив, значение «конвенциональных» источников энергии в общей энергетической стратегии Индии как минимум не уменьшится.

2. Курс ООН на достижение «целей устойчивого развития» («Sustainable Development Goals»), официально одобренный Дели, будет дисциплинировать

индийских промышленников, направлять их усилия на максимально возможную защиту среды обитания, тем более что в Индии проблема климатических изменений стоит исключительно остро и имеет историю, значительно более длительную, нежели «зеленая повестка» на «коллективном Западе».

Индийские специалисты, учитывая сложности климатических процессов и в Индии, и в остальном мире, предлагают своего рода «гибридный» энергетический сценарий будущего. Суть этого «сценария» сводится к следующим тезисам. Во-первых, удовлетворение постоянных потребностей населения в горячей воде в домохозяйствах и в жилых районах может осуществляться, в принципе, за счет «новых возобновляемых источников энергии». Во-вторых, нужды промышленности и «некоммерческих пространств» (видимо, речь идет о государственных учреждениях – А.В.) должны «покрываться» за счет эксплуатации «традиционных» видов ископаемого топлива (уголь, нефть, газ). Эксперты подчеркивают: «гибридная» энергетическая стратегия, несмотря на недовольство защитников окружающей среды в Индии и за рубежом, представляется единственно возможным способом поддержки индийской экономики и поддержания индийского общества в состоянии устойчивого равновесия.

Можно сказать, что торговля энергоносителями является исключительно временным фактором повышения объемов и стоимости внешнеторговых операций между Россией и Индией. Структура внешнеторгового оборота двух стран неизбежно будет диверсифицироваться; и эта проблема должна быть поставлена в широкий контекст перегруппировки геополитических сил в мировой системе, имеющей целью становление полицентрического глобального порядка. Как и по каким направлениям будут выстраиваться отношения между геостратегией и внешнеэкономическими связями двух стран? Общий ответ выглядит примерно так: геополитические императивы будут формировать общую структуру внешнеэкономических связей. Однако, как известно, «дьявол в деталях».

Внутренняя структура внешнеэкономических связей государства (тем более крупного) в конечном счете определяется диалектическим взаимодействием двух факторов: 1) «сравнительными преимуществами» данной хозяйственной системы в мировом экономическом пространстве (то есть наличием группы товаров и услуг, пользующихся повышенным спросом в глобальной экономике) и 2) геополитической стратегией национального государства, для которого внешнеторговые связи выполняют функцию поддержки внешнеполитической деятельности. На этом направлении дипломатической деятельности у России и Индии имеются свои особенности.

1. В современной России не было «бомбейского плана» 1944 г., где детально регламентировались бы отношения между государством и национальным предпринимательским классом. Подобное разделение ответственности, прав и обязанностей между государством и буржуазией выработало «правила игры», в том числе в сфере внешнеторговых отношений; смысл разделения функций состоит в том, что, с одной стороны, государство берет на себя ответственность за защиту интересов индийского бизнеса за рубежом и на внутреннем рынке, а с другой стороны, индийское предпринимательское сословие вынуждено учитывать стратегические цели национального государства

в мире и подстраивать свою политику в сфере внешнеэкономических связей под долгосрочную геополитическую линию индийского государства. Процесс взаимной адаптации не обходится без трений. Конфликты между бизнесом и государством являются следствием различного понимания национальных интересов индийским государством, с одной стороны, и предпринимательской прослойкой – с другой.

2. В современной России, в отличие от Индии, государство фактически создало предпринимательское сословие и институты его деятельности – банки, компании и т.д. Поэтому российское государство вправе требовать от бизнес-сообщества активного участия в общей стратегии России в мировом пространстве. Сегодня это – «разворот на Восток» со всеми вытекающими отсюда последствиями и обязанностями. Речь идет о формировании модели «цивилизованных» отношений между властью и бизнесом, как это имеет место быть практически во всех «цивилизованных» странах.

3. Партнерство между государством и бизнесом в России предполагает наличие стратегии развития как центральной части государственного курса, содержащей общие («философские») и конкретные («эмпирические») цели и задачи, реализация которых предполагает поступательное движение общества по пути трансформации и модернизации. Ведущая роль государства в этом процессе вытекает из логики экономических преобразований и управления «турбулентностью» мировой политики.

4. В России остается неразработанной стратегия развития общества, отсутствуют общие цели и принципы движения страны вперед. Появление в нашей стране обобщающей концепции развития позволит найти в ней место внешнеэкономической политике государства, а равно и определить положение «крупнейшей демократии мира» в системе внешнеполитических ориентиров и приоритетов России. Решив фундаментальную задачу мирового жизнебытия нашей страны, мы сможем целенаправленно наращивать усилия по превращению Индии в одного из главных внешнеторговых партнеров Российской Федерации.

Российско-индийские внешнеэкономические связи – неотъемлемая часть процессов, разворачивающихся в мировой системе. Политические системы, в которых «рыночная стихия направляется государством, – полагает английский философ Дж. Грей, – обладают несомненным преимуществом над системами, где правительство оказалось в плену у корпораций и своекорыстных интересов» [Gray, 2023, с. 23]. Рискнем предположить, что государство, преодолевая сопротивление партикулярных сил в политической системе России, сможет интегрировать российско-индийские экономические связи в общую стратегию поведения страны в современном полицентрическом мире.

Значительное место во внешнеэкономическом взаимодействии Индии и России отводится транспортным проектам, в частности Международному транспортному коридору «Север-Юг». Так, в конце весны 2024 г. по данному коридору из России в Индию была доставлена первая партия угля, которая стала своеобразным «открытием» коридора энергоносителей Россия-Индия [Tiwari, 2024]. Дальнейшая диверсификация двусторонних внешнеэкономических связей двух стран, как отмечают индийские эксперты, поставит российско-индийские связи на прочную и долгосрочную основу [Jindal, 2023].

Библиографический список / **References**

1. Дас Кунду Н. *Российско-индийские отношения: прошлое, настоящее, будущее* // ru.valdaiclub.com/a/highlights/rosiysko-indiyskie/otnosheniya/; дата обращения: 03.07.2024.
2. Елистратов А.С. *Историко-экономический анализ отношений СССР/России и Индии (к 75-летию установления дипломатических отношений)* // nauka.ru/ru/nauka/article/53053/view; дата обращения: 03.07.2024.
3. Кашин В. *Россия-Индия: к установлению дипломатических отношений* // *Международная жизнь*, август 2022, – С. 16–33.
4. Лунев С.И. *Советско-индийские отношения (1955–1971 гг.): рождение дружбы* // *Вестник МГИМО-Университета.*– 2017. – 2 (53). – С. 24–51.
5. Gray J. *The New Leviathans. Thoughts After Liberalism.* L.: Penguin Random House. – 149 p.
6. Jindal D. *Beyond Defense and Energy : The Future of IndiaORussia Partnership*//*Fair Observer*, June 23, 2023; <https://www.fairobserver.com/world-news/beyond-defense-and-energy-the-future-of-india-russia-partnership/>. Дата обращения: 06.07.2024.
7. Tiwari S. *INSTC: In A Historic First, Russian Coal Reaches India Via Iran Using Int. North-South Transport Corridor*//*The Eurasian Times*, June 26, 2024; <https://www.eurasiantimes.com/in-a-historic-first-russian-coal-reaches/#:~:text=North%2DSouth%20Transport%20Corridor,-By&text=In%20another%20historic%20first%20in,via%20an%20all%2Dnew%20corridor>; дата обращения: 06.07.2024.

Контактная информация / **Contact information**

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
117418, Nakhimovsky Avenue 51/21, Moscow, Russian Federation
Володин Андрей Геннадиевич / Andrey G. Volodin
andreivolodine@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-290-299

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-ИНДОНЕЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

THE MAIN DIRECTIONS OF RUSSIAN-INDONESIAN ECONOMIC COOPERATION AT THE PRESENT STAGE

ПОПОВ Александр Вячеславович

Старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской Академии наук, старший научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии Российской Академии наук, кандидат экономических наук

Alexander V. POPOV

Senior Research Fellow, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences/Senior Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, PhD in Economics

Аннотация

Статья посвящена анализу основных направлений российско-индонезийского экономического сотрудничества в условиях западных санкций в отношении России. Автором анализируется текущее состояние и перспективы этого сотрудничества по трем основным направлениям: в сфере туризма, инвестиций и торговли. Отмечается, что западные санкции, несомненно, пагубно отразились на взаимодействии двух стран в торговой и инвестиционной сферах, хотя и до их введения ситуация была далека от идеальной, что особенно касалось российских инвестиционных проектов в Индонезии, которые практически топтались на месте. Отсутствие же реализации серьезных инвестиционных проектов не способствует и развитию двусторонней торговли, в сфере которой взаимная заинтересованность сторон, за исключением лишь некоторых торговых позиций, фактически минимальна. Наибольший же прогресс в двусторонних экономических отношениях наблюдается в сфере туризма, чему как раз способствовали и западные

санкции, фактически отрезавшие российский турпоток от традиционных европейских направлений.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the main directions of Russian-Indonesian economic cooperation in the context of Western sanctions against Russia. The author analyzes the current state and prospects of this cooperation in three main areas: tourism, investment and trade. It is noted that Western sanctions have undoubtedly had a detrimental effect on the interaction of the two countries in the trade and investment spheres, although even before their introduction the situation was far from ideal, which especially concerned Russian investment projects in Indonesia, which were practically marking time. The lack of implementation of serious investment projects does not contribute to the development of bilateral trade, in which the mutual interest of the parties, with the exception of only a few trade items, is actually minimal. The greatest progress in bilateral economic relations is observed in the field of tourism, which was facilitated by Western sanctions, which actually cut off the Russian tourist flow from traditional European destinations.

Ключевые слова

Сотрудничество, торговля, инвестиции, туризм, санкции, экономика, проект, реализация, пшеница, удобрения.

Keywords

Cooperation, trade, investment, tourism, sanctions, economy, project, implementation, wheat, fertilizers.

В условиях многочисленных западных санкций в отношении России экономическое взаимодействие нашей страны и крупнейшего государства Юго-Восточной Азии, Индонезии, осуществляется по целому ряду направлений. Западные санкции, несомненно, оказывают негативное воздействие на сотрудничество наших стран в части проведения банковских платежей в двусторонней торговле, перевозки грузов или получения кредитования для финансирования совместных проектов. Вместе с тем эти же санкции в результате фактического отсека российских туристов от традиционных европейских маршрутов, по сути, способствовали увеличению турпотока из РФ в Индонезию.

Туризм

В российско-индонезийских отношениях наибольший прогресс в последние годы, несмотря на все сложности, связанные с отсутствием прямого авиасообщения между двумя странами, был достигнут в сфере туризма, правда, пока только в части посещения Индонезии российскими туристами. Хотя их доля в абсолютных цифрах в общем турпотоке в Индонезию пока невелика, однако она устойчиво растет, и присутствие российских туристов в стране, прежде всего на острове Бали, более чем заметно, поскольку значительная их часть проживает на этом острове практически на постоянной основе. По некоторым данным, на Бали постоянно живет несколько десятков тысяч россиян, часть которых составляют специалисты ИТ-технологий, работающих удаленно, однако все больше приезжает в страну и обычных туристов. Наиболее популярный среди российских релокантов район острова Чангу стали даже называть «Новой Москвой» [1].

В 2019 г. общее число иностранных туристов, посетивших Индонезию, составило 16,1 млн человек (16.106,9 тыс.), из которых россиян было 158,9 тыс. человек, то есть всего около 0,99%. Основную часть зарубежных туристов составляли выходцы из стран Азиатско – Тихоокеанского региона (АТР) – 13,0 млн человек, из которых, однако, основную часть, очевидно, составляли граждане соседних с Индонезией государств, многократно в течение года приезжавших в страну с деловыми целями. В 2019 г. Индонезию посетило около 3,0 млн граждан Малайзии, 2,0 млн – Китая, 1,9 млн – Сингапура и 1,2 млн – Тимора Лесте. Наибольшее же число реальных туристов из АТР было из Австралии – около 1,4 млн человек. Среди же государств, географически более удаленных от Индонезии, Россия по числу своих туристов в 2019 г. уступала лишь пяти странам: США – 457,8 тыс. человек, Великобритании – 397,6 тыс. человек, Франции – 283,8 тыс. человек, Германии – 277,7 тыс. человек и Нидерландам – 215,3 тыс. человек [2, h. 460].

В период пандемии туротрасль Индонезии капитально «просела», однако в 2020 г. на россиян пришлось более 15% всех европейских туристов – 67,5 тыс. человек, что было лишь немногим меньше числа туристов из Великобритании – около 70 тыс. человек. В 2021 г. Индонезию смогло посетить 8,4 тыс. россиян, что вновь составило несколько больше 15% всех туристов из Европы. Всего же в 2021 г. Индонезию посетило 1,56 млн иностранцев, из которых более половины, 819,5 тыс. человек, пришлось на граждан Тимор Лесте, при том, что все население этого государства составляло 1,34 млн человек [3, p. 1].

В 2022 г. туристическая отрасль Индонезии начала восстанавливаться, и страну посетило 5,9 млн иностранных туристов, включая 1,2 млн граждан Малайзии. Число же российских туристов составило 75,6 тыс. человек, или уже почти 1,3% всех иностранцев, прибывших в страну «с туристической целью». Сохранились указанные тенденции и в 2023 г., когда общий иностранный турпоток составил 11,7 млн человек, из которых россиян было уже 161,3 тыс. человек, или почти 1,4%. Росту российского турпотока в Индонезию, несомненно, способствовало фактическое закрытие для россиян европейского направления. Среди стран дальнего для Индонезии зарубежья Россия по-прежнему занимает 6-е место, существенно уступая США (392,1 тыс. человек) и Великобритании (335,2 тыс. человек) [2, h.460].

Большое значение для туротрасли Индонезии имеет щедрость российских туристов, которые, как правило, тратят больше, чем туристы из стран Запада. При всей условности статистики по данным показателям можно отметить, что в 2018 г. больше россиян, которые в среднем потратили в Индонезии 2100 долл., расходы были лишь у саудитов – 2277 долл [2, h. 461]. Гораздо более объективным показателем расходов иностранных туристов является средняя продолжительность их пребывания в стране, и здесь россияне далеко впереди туристов из других стран: уже в 2019 г. средняя продолжительность пребывания российских туристов составляла 19,7 ночей, следом шли голландцы – 18,0 ночей, а у немцев этот показатель составлял 15,9 ночей. После же пандемии преимущество россиян стало просто абсолютным: в 2022 г. 48,3 ночей и в 2023 г. – 43,9 ночей, тогда как у голландцев, соответственно, 21,0 и 9,7 ночей; у американцев 14,9 и 9,5 ночей; у немцев 19,8 и 17,6 ночей [2, h. 462] и т.д. Таким образом, из стран дальнего зарубежья Россия фактически вышла в лидеры по числу общих дней, проведенных туристами в Индонезии: в 2023 г. 161,3 тыс. туристов \times 43,9 = 7,08 млн ночей; американцы – 392,3 тыс. человек \times 9,5 = 3,7 млн ночей; британцы – 335,2 тыс. человек \times 12,1 =

4,06 млн ночей; французы – 273,7 тыс. человек \times 16,5 = 4,5 млн ночей; немцы – 263,5 тыс. человек \times 17,6 = 4,6 млн ночей; голландцы – 250,2 тыс. человек \times 9,7 = 2,4 млн ночей¹.

Инвестиции

В 2023 г. объем иностранных инвестиций в индонезийскую экономику составил 50,3 млрд долл., которые были вложены в 70,9 тыс. проектов. Самые крупные капиталовложения осуществили компании из Сингапура – 15,4 млрд долл. (значительная их часть представлена индонезийским капиталом преимущественно китайского происхождения, действующим через сингапурские фирмы), Китая – 7,4 млрд долл., Гонконга – 6,5 млрд долл., Японии – 4,6 млрд долл., США – 3,3 млрд долл., Южной Кореи – 2,5 млрд долл. и Нидерландов – 1,3 млрд долл. На эти страны в целом приходится 25,6 млрд долл., или более половины всех иностранных инвестиций. Россия пока среди крупных инвесторов не значится, хотя с участием ПАО «НК «Роснефть» на Восточной Яве должен реализовываться крупный проект по строительству НПЗ стоимостью не менее 15 млрд долл. В СП «PT Pertamina Rosneft Pengolahan dan Petrokimia» (PRPP), созданном в 2017 г. госкомпанией «Пертамина» в лице ее «дочки», «ПТ Киланг Пертамина Интернационал» (КПИ), и «Роснефтью», российской компании принадлежит 45%, однако по состоянию на середину 2024 г. совместным предприятием была лишь освобождена земля под завод и разрабатывалась проектная документация. В условиях же западных санкций в отношении «Роснефти» встал вопрос и о возможности участия российской компании в финансировании данного проекта. В 2021 г. СП осуществило выкуп земли под строительство завода. В трех деревнях кабупатена (области) Тубан у местных жителей было выкуплено 370 га земли по цене 600–800 тыс. рупий за кв. м [4, 17.02.2021], то есть в среднем примерно за 40 долл. – 3,7 млн кв. м \times 40 долл. = около 150 млн долл. Таким образом, только на эти цели «Роснефть» должна было потратить порядка 67 млн долл (150 млн \times 45%). Затраты индонезийской стороны на реализацию данного проекта на конец 1-го квартала 2024 г. составили 538 млн долл., а общая его стоимость, по словам главного директора КПИ Тофика Адитьявармана, составляет уже около 21 млрд долл. Данный завод, который в Индонезии входит в число Национальных стратегических проектов, должен производить до 230 тыс. баррелей в день бензина, дизельного и авиационного топлива на основе тяжелой и высокосернистой российской нефти [5, 21.03.2024]. Планируется, что ежегодно завод будет перерабатывать 15 млн тонн нефти [6].

НПЗ должен быть интегрирован с нефтехимическим комплексом для выпуска в том числе стирола, полипропилена и полиэтилена. Между тем, окончательное решение о финансировании данного строительства может быть принято только в 2024 г., о чем в октябре 2023 г. заявил Генеральный директор по нефти и газу Министерства энергетики и минеральных ресурсов Индонезии проф. Тутука Арьяджи [7, 11.10.2023].

Если вопрос с реализацией проекта НПЗ с участием «Роснефти» остается пока открытым, то деятельность другой российской госкомпании в нефтяной сфере Индонезии – АО «Зарубежнефть» подходит к концу, едва начавшись. В 2020 г. «Зарубежнефть» через свою дочернюю структуру «zN Asia Ltd.» приобрела у британской «Премьер Ойл Туна БВ», входящей в группу компаний «Харбор Энерджи»,

¹ Посчитано по: Statistik Indonesia 2024. Jakarta, 2024, BPS, h. 460, 462.

50%-ную долю участия в разработке нефтегазового блока «Туна» в морской экономической зоне Индонезии, в Южно-Китайском море, недалеко от границы с Вьетнамом. В состав блока входит два месторождения: «Куда Лаут» и «Синга Лаут», на которых в 2021 г. были успешно проведены испытания двух разведочных скважин [8]. На конец 2022 г. расходы российской компании на блоке Туна составляли 5,2 млрд руб., и в течение последующих двух лет планировалось обустроить месторождения и создать транспортную инфраструктуру для поставки газа в СРВ, добыча которого намечалась на начало 2025 г. [9, 20.04.2023]. Запасы газа на блоке Туна оцениваются в 100 млн барр. в нефтяном эквиваленте, [10, 20.04.2023] а добыча ожидается на уровне 100–150 млн куб футов/день, и, хотя уже в декабре 2022 г. правительство Индонезии одобрило «План развития» блока до 2025 г., в середине 2023 г. стало очевидно, что британская сторона в условиях антироссийских санкций Запада стремится «выдавить» российскую госкомпанию из данного проекта. В августе 2023 г. «Харбор Энерджи», которая является оператором эксплуатации блока Туна, отложила принятие «окончательного инвестиционного решения» (Final Investment Decision – FID) до 2025 г. под предлогом невозможности дальнейшего сотрудничества с «Зарубежнефтью» [11].

Между тем, правительство Индонезии, крайне заинтересованное в продолжении реализации данного проекта, который должен принести стране доход в 1,2 млрд долл., активно взялось за подборку потенциальных покупателей доли «Зарубежнефти», и в начале февраля 2024 г. таковых из числа зарубежных компаний было уже 14 [12, 05.02.2024]. Тем не менее по состоянию на середину мая 2024 г. замену российской компании найти не удалось, хотя наиболее вероятными претендентами на покупку российской доли в проекте, по признанию главы индонезийского регулятора в этой сфере СКК Мигас (Специальной рабочей группы по нефти и газу) Дви Сучипто, выступают компании сопредельных стран, Вьетнама (то есть «Петровьетнам») и Малайзии [12, 14.06.2024] (то есть «Петронас»).

Еще более печально закончился крупный инвестиционный проект ОАО «Российские железные дороги» (РЖД) на о. Калимантан, где российская компания планировала построить 200-километровую железнодорожную магистраль для вовлечения в оборот запасов каменного угля в глубинных районах провинции Восточный Калимантан. Пропускная способность железной дороги планировалась в 20 млн тонн угля и прочих грузов в год [13, 16.11.2015]. Помимо собственно железной дороги, которая должна была соединить угольные месторождения с новым морским портом провинции, в районе последнего предполагалось создать промышленно-технологический кластер, где на основе российских технологий и инвестиций планировалось производство судов малого тоннажа, оптоволоконных труб и переработка угля. Общие инвестиции в этот проект, старт которому был дан 19 ноября 2015 г. при участии президента Индонезии Джоко Видодо, оценивались в 2–2,5 млрд долл., а завершить его планировалось уже в 2019 г. [14, 08.01.2016].

К сожалению, строительство дороги так и не началось, и в 2020 г. РЖД официально уведомило правительство Индонезии о выходе из проекта, хотя его оператор, СП российской госкомпании и правительства провинции Восточный Калимантан, «ПТ. Крета Апи Борнео», только в кабупатене Пенаджам Пасер Утара, через который должна была пройти ветка железной дороги, выкупило 70 га земли. [15, 04.03.2022] На момент выхода РЖД из проекта его стоимость уже оценивалась в 53,3 трлн рупий, то есть более 3 млрд долл., и российской стороной на него уже было потрачено

около 18 млн долл. [16, 20.07.2020] Помимо чисто экономических причин неудачи данного проекта, его отмена с российской стороны обуславливалась и попаданием части прокладки железнодорожного пути на территорию новой столицы Индонезии, города Нусантара, решение о строительстве которого именно в провинции Восточный Калимантан было обнародовано президентом Джоко Видодо 26 августа 2019 г.

Между тем, строительство на Восточном Калимантане новой столицы Индонезии, которая позиционируется как «зеленый» и «умный» город, открывает новые возможности и для российских компаний, работающих в сфере строительства, транспорта и цифровых технологий. Огромный позитивный опыт, накопленный в развитии городской инфраструктуры в Москве и других российских городах, в том числе, в части цифровизации транспортной инфраструктуры, применения транспортных средств на электротяге, жилищном строительстве, вполне может быть использован и при строительстве Нусантары. Об этом говорил и Президент РФ В.В. Путин в совместном заявлении после переговоров с президентом Джоко Видодо 30 июня 2022 г., отмечая, что и «компания «РЖД» могла бы подключиться к реализации масштабной инициативы руководства Индонезии о переносе столицы страны на остров Калимантан.» В этой работе, по мнению российского президента, «могла бы принимать участие и российская столица, Москва, которая демонстрирует очень хорошие темпы и качество собственного развития» [17, 30.06.2022].

В этой связи необходимо отметить, что еще в начале 60-х гг. прошлого века советские специалисты трудились на прокладке дорог в джунглях Центрального Калимантана, где по инициативе первого президента Индонезии Сукарно в 1957 г. был заложен новый город Палангкарая, который как раз и мыслился как будущая новая столица Индонезии. В частности, в условиях торфяных болот была построена 34-километровая дорога от Палангкараи до заповедника Тангилинг, которую здесь до сих пор именуют «Jalan Rusia», то есть «Русская дорога», и, что крайне примечательно, дорога, по мнению местных пользователей, до сих пор находится в прекрасном состоянии. Последнее связывают с технологией укрепления основания дорожного полотна за счет полного замещения торфа на гравий [18, 30.03.2015].

Именно на Калимантане есть у наших стран хорошие возможности сотрудничества и в сфере энергетики. Взятый в Индонезии курс на достижение углеродной нейтральности и постепенный отказ от угольных электростанций предполагает для ее нового руководства необходимость серьезно рассмотреть возможность развития атомной энергетики, что ранее, особенно после аварии на Фукусиме, сдерживалось по соображениям безопасности. Действительно, основная часть территории Индонезии характеризуется высокой сейсмичностью, и в различных частях страны регулярно происходят извержения вулканов, однако это не относится к Калимантану, где, в силу особенностей геологического строения острова, практически не бывает сильных землетрясений, и отсутствуют вулканы. При этом, именно на Калимантане есть и серьезная экономическая причина для строительства АЭС. Дело в том, что в западной его части сосредоточены основные запасы бокситов Индонезии, запасы которых в стране оцениваются в 3,2 млрд тонн, тогда как ежегодно в глинозем перерабатывается лишь 27,4 млн тонн. Основным же фактором производства глинозема и его последующей переработки в алюминий является дешевая электроэнергия, которую как раз и может обеспечить АЭС на Западном Калимантане, что открывает хорошие перспективы для госкорпорации «Росатом» по инициированию данного проекта в Индонезии. Проект АЭС на Западном Калимантане может быть увязан

и со строительством в этом регионе глиноземного завода силами компании «Русал», которая из-за западных санкций оказалось отрезанной от поставок глинозема из Австралии, необходимого для сибирских алюминиевых предприятий компании.

Торговля

Несмотря на неоднократно декларируемое руководством обеих стран стремление добиться оборота взаимной торговли в 5 млрд долл. в год, этого сделать пока не удастся, и в данном случае приходится надеяться на достижение договоренности о Зоне Свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Индонезией. В 2019 г. был подписан меморандум о сотрудничестве между ЕАЭС и правительством Индонезии, а переговоры о ЗСТ начались в конце 2022 г.

В первую очередь приходится констатировать небольшую значимость РФ и Индонезии друг для друга, как торговых партнеров. Так, по данным ФТС РФ, в 2023 г. стоимость российского экспорта составила 425,1 млрд долл., из которых на Индонезию пришлось 1,935 млрд долл., или всего 0,45%. Аналогичные цифры по импорту, стоимость которого у РФ в 2023 г. составила 285,1 млрд долл., из которых 1,95 млрд долл., или 0,68% пришлось на импорт товаров из Индонезии [19, 13.02.2024].

Важнейшим направлением индонезийского экспорта в РФ являются поставки продукции пищевой промышленности. В целом в 2023 г. стоимость индонезийского экспорта этой продукции в ценах FOB составила 42,2 млрд долл., или 22,6% стоимости всего промышленного экспорта Индонезии (186,9 млрд долл.). Из этой суммы на экспорт в РФ пришлось 665,4 млн долл., включая экспорт пальмового масла – 532,9 млн долл., или более 80% стоимости экспорта продукции пищевой промышленности. Всего же в 2023 г. Индонезия экспортировала пальмового масла на 23,9 млрд долл., то есть доля РФ составила 2,2%. Для сравнения, стоимость экспорта пальмового масла в Индию в 2023 г. составила 4,5 млрд долл., в Китай – 4,1 млрд долл., в Пакистан – 2,2 млрд долл. и в США – 1,7 млрд долл. [2, h.661] Из других статей этого экспорта в РФ можно отметить: кокосовое масло – 28,9 млн долл. (весь экспорт Индонезии – 780,1 млн долл., доля РФ – 3,7%); маргарин – 19,4 млн долл. (1,77 млрд долл. – 1,1%); морепродукты прочие переработанные или замороженные – 21,8 млн долл. (698,8 млн долл. – 3,1%); сушеные фрукты и овощи – 10,6 млн долл. (170,4 млн долл. – 6,2%); порошок какао – 17,0 млн долл. (283,3 млн долл. – 6,0%); карагинан – 5,4 млн долл. (133,2 млн долл. – 4,1%). При этом, следует отметить что практически по всем этим позициям стоимость индонезийского экспорта в РФ сократилась по сравнению с 2022 г. Так, экспорт пальмового масла сократился более, чем на 38% с 860,8 млн долл.; кокосового масла – почти на 40%, с 48,0 млн долл.; маргарина – на 32,5%, с 28,7 млн долл. и карагинана – почти на 59%, с 13,1 млн долл. Вырос же только экспорт какао-порошка – на 93%, с 8,8 млн долл.

Другим важным направлением индонезийского экспорта в РФ являются поставки необработанной сельскохозяйственной продукции. В целом в 2023 г. сельскохозяйственный экспорт Индонезии в стоимостном выражении составил 4,4 млрд долл., из которых 915,9 млн долл. пришлось на экспорт кофе, основные поставки которого были в США – 215,5 млн долл. и Египет – 84,5 млн долл., тогда как поставки в РФ составили 17,4 млн долл. [2, h.653], или 1,9% всей стоимости «кофейного» экспорта. При этом, стоимость этого экспорта по сравнению

с 2022 г. сократилась в 2,5 раза, с 44,2 млн долл. По целому ряду других позиций также произошло сокращение индонезийского сельхозэкспорта в нашу страну: по гвоздике – с 798,3 до 489,7 тыс. долл.; по лекарственным и ароматическим растениям – с 1,5 до 1,1 млн долл.; по табаку с 447,7 тыс. долл. до 0, по чаю – с 335,5 тыс. долл. до 0.

По ряду других направлений произошел рост индонезийского экспорта при относительно незначительных его величинах и небольшой доле РФ в нем. Так, в 2023 г. Индонезия экспортировала черного перца на 36 млн долл., из которых 1,5%, или 540,6 тыс. долл. пришлось на РФ против 243,6 тыс. долл. в 2022 г.; фруктов было экспортировано на 335,3 млн долл. в том числе в РФ на 238,2 тыс. долл. против 92,2 тыс. долл. в 2022 г.; живой рыбы, выращенной в водоемах, экспортировано на 40,1 млн долл. в том числе в РФ на 345,1 тыс. долл. против 227,7 тыс. долл. годом ранее. В целом на долю РФ пришлось по стоимости менее 0,5% сельхозэкспорта Индонезии (немногим больше 20 млн долл.).

Индонезия также экспортирует в РФ продукцию текстильной промышленности: в 2022 г. на 27,7 млн долл., в том числе штапельное волокно на 11,0 млн долл. и готовую одежду – на 8,0 млн долл., при том, что в том же году общий экспорт индонезийской готовой одежды составил 8,0 млрд долл., в том числе в США – 4,4 млрд долл.; а также кожевенно-обувную продукцию – на 16,3 млн долл., вкл. спортивную обувь – на 8,3 млн долл. Общий же экспорт спортивной обуви Индонезией в 2022 г. составил 5,8 млрд долл., включая поставки в США на 2,0 млн долл.

Главным экспортным товаром России при поставках на рынок Индонезии являются удобрения, импорт которых последней в период 2022–2023 гг. вырос с 1,0 до 1,1 млн тонн, хотя в стоимостном выражении, очевидно, из-за падения мировых цен, снизился, соответственно, с 811,2 млн долл. до 480,6 млн долл. в ценах СИФ. В целом в 2023 г. Индонезия закупила удобрений на 2,0 млрд долл. [2, h.683], то есть доля РФ составила 24%.

Другим важным экспортным товаром РФ на рынок Индонезии является пшеница. «Подсев» на массовое потребление лапши быстрого приготовления, а в последнее время и на хлебо-булочные изделия, Индонезия оказалась зависимой от поставок пшеницы, которая в местном климате не произрастает. До 2019 г. на РФ приходилось примерно 12% индонезийского рынка пшеницы, и в 2018 г. индонезийские закупки российской пшеницы составили 258,9 млн долл. В дальнейшем, сначала из-за фитосанитарных проблем, а затем в силу причин ценовой конкуренции и логистических трудностей, этот импорт сошел на нет, (в 2022 г. Индонезия закупила 9,35 млн тонн пшеницы на 3,8 млрд долл., но поставок из России не было) и лишь в мае 2023 г. эти поставки удалось возобновить, несмотря на жесточайшую конкуренцию со стороны австралийских поставщиков. В результате в 2023 г. Индонезия импортировала 909,4 тыс. т российской пшеницы (примерно 8,6% всего импорта в физическом выражении – 10,6 млн т) на сумму в 257,6 млн долл. (примерно 7% всего импорта в стоимостном выражении – 3,7 млрд долл.). Лидерами же на индонезийском рынке пшеницы пока остаются Австралия – в 2023 г. 4,2 млн т на 1,5 млрд долл. и Канада – 2,4 млн т на 0,9 млрд долл. [2, h.700].

Кроме того, Индонезия импортирует из России железные и стальные заготовки (в 2022 г. на 461 млн долл.), каменный уголь (421 млн долл.), чугун (110 млн долл.) и рыбу (58 млн долл.). Следует отметить, что, являясь крупнейшим в мире экспортером каменного угля (в 2022 г. 360 млн т на 46,7 млрд долл.), недостаю-

щие его виды, в частности, коксующийся уголь, Индонезия вынуждена импортировать, в том числе из РФ. Перспективным направлением российского экспорта в Индонезию могут стать поставки говядины и баранины из мусульманских регионов РФ, Татарстана, Башкортостана и Дагестана, где большое внимание уделяется приведению в соответствие местных стандартов халяля с требованиями индонезийской стороны. Заинтересована в поставках мяса на рынок Индонезии и крупная российская компания «Мираторг». Пока же никому из российских экспортеров на этот рынок пробиться не удалось, а в 2023 г. Индонезия закупила 238,4 тыс. т говядины на 834,3 млн долл., из которых 112,6 тыс. т (47,2%) пришлось на Индию и 104,2 тыс. т (43,7%) – на Австралию [2, h.695].

Сокращение взаимной торговли в 2023 г., несомненно, связано с западными санкциями в отношении России и возникшими, в частности, в этой связи большими проблемами для участников ВЭД с обеих сторон в проведении банковских платежей своим контрагентам по экспортно-импортным операциям. Опасаясь вторичных санкций со стороны финансовых властей стран коллективного Запада, многие банки Индонезии задолго до начала СВО стали блокировать любые платежи индонезийских компаний в адрес российских контрагентов, оказавшихся под западными санкциями. Последние же 2,5 года уже любые платежи в адрес российских компаний проходят «со скрипом», а зачастую индонезийские банки просто отказываются принимать заявки на оплату российских товаров и услуг, что, конечно, серьезно тормозит взаимную торговлю.

Развитию последней не способствует и отсутствие сколь-нибудь значимых инвестиционных проектов с обеих сторон, реализация которых, очевидно, привела бы и к соответствующим поставкам материалов и оборудования со стороны государства – инвестора, как это происходит с китайскими или японскими инвестициями в экономику Индонезии. Следует также отметить, что локомотивом двусторонней торговли могло бы стать сотрудничество наших стран по линии ВТС, которое успешно развивалось, начиная с 2001 г. вплоть до принятия в США в августе 2017 г. пресловутого закона «CAATSA» (Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций), направленного в первую очередь против России. Именно опасаясь американских санкций на основе данного закона, руководство Индонезии фактически отказалось от реализации выгодного стране контракта на поставку 11 российских истребителей «Су-35» и другой военной техники на сумму в 1,1 млрд долл., хотя, по условиям этого контракта, российская сторона брала на себя обязательство закупить товары традиционного индонезийского экспорта на половину этой суммы. Очевидно, в Индонезии еще хорошо помнят судьбу некогда всесильного президента Сухарто, пришедшего к власти в стране в 1965 г. в результате госпереворота и поддержки западных спецслужб, который эту власть потерял в 1998 г. в ходе валютно-финансового кризиса, когда он стал неуютен коллективному Западу, решившись на военно-техническое сотрудничество с Россией.

Библиографический список / References

1. <https://www.news.com.au/travel/travel-updates/incidents/not-funny-tensions-high-among-locals-and-russians-in-bali/news-story/8dcd594d8706af0a98f8f72a616acda7> (30.05.2024).
2. Statistik Indonesia 2024. Jakarta, 2024, BPS, 804 h.

3. Timor-Leste. *Population and Housing Census 2022. Preliminary Results*. Dili, 2022.
4. <https://www.cnnindonesia.com/ekonomi/20210217202328-85-607598/pertamina-buka-harga-tanah-yang-buat-warga-tuban-borong-mobil>.
5. <https://finance.detik.com/energi/d-7254619/ini-kabar-terbaru-proyek-kilang-minyak-ri-rusia-di-tuban>.
6. <https://www.rosneft.ru/business/Downstream/refining/Construction/>.
7. <https://tass.ru/ekonomika/18972203>.
8. https://www.zarubezhneft.ru/ru/deyatelnost/razvedka-i-dobycha/?ELEMENT_ID=61.
9. <https://neftegaz.ru/news/shelf/777528-zarubezhneft-planiruet-nachat-dobychu-gaza-na-shelfe-indonezii-v-2025-g-/>.
10. <https://oilcapital.ru/news/2023-04-20/shelf-indonezii-poradoval-zarubezhneft-2908475>.
11. <https://www.bloombergtechnoz.com/detail-news/26956/kronologi-rusia-campakkan-2-proyek-migas-raksasa-di-indonesia/2>.
12. <https://katadata.co.id/berita/energi/664375901913e/perusahaan-bumn-rusia-hengkang-dari-ri-bagaimana-nasib-blok-tuna>.
13. <https://gudok.ru/news/infrastructure/?ID=1315096>.
14. <https://finance.rambler.ru/economics/32416571-rzhd-za-pyat-let-postroyat-i-oboruduyut-zheleznuyu-dorogu-v-indonezii/>.
15. <https://www.kompas.com/propterti/read/2022/03/04/190000821/investor-rusia-mundur-proyek-kereta-api-borneo-senilai-rp-533-triliun>.
16. <https://kalimantan.bisnis.com/read/20200720/407/1268301/mengintip-proyek-ka-kaltim-senilai-rp53-triliun-yang-ditinggal-pemodal-rusia>.
17. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68789>.

Контактная информация / Contact information

Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка 12
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka St., 107031, Moscow, Russia
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
117997, Москва, Нахимовский пр., 32
Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky Ave., 117997, Moscow, Russia
Попов Александр Вячеславович / Alexander V. Popov
3638272@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-300-307

О РОЛИ БЫВШЕГО СССР И РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ БАНГЛАДЕШ

THE ROLE OF THE FORMER USSR AND RUSSIA IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF BANGLADESH

САДЫХОВ Паша Мамедович

Заведующий отделом Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), кандидат экономических наук

Pasha M. SADYKHOV

The Head of Department of The Institute of Scientific Information on Social Sciences, PhD on Economics

Аннотация

Статья освещает этапные моменты в истории Бангладеш с момента ее возникновения в 1971 г. до последнего переворота в августе 2024 г. с акцентом на становление и развитие экономики страны и роли в этом бывшего Советского Союза и современной России.

Abstract

The content of the article in question covers the periods in the history of Bangladesh dealing with the creation of the state in 1971 till the last coup d'état in August of 2024 with the accent on the formation and development of the economy of Bangladesh and the role of the former Soviet Union and the present Russia in that.

Ключевые слова

Экономика колониальною типа, метрополия, национально-освободительное движение, геостратегическое положение, Совбез ООН, суверенное государство, структура товарооборота, государственный экспортный кредит.

Keywords

Colonial Type Economy, Mother country, national liberation movement, geostrategic location, UN Security Council, sovereign state, the goods turnaround structure, the state export credit.

Рассуждать на тему, выведенную в заголовок статьи, совсем несложно, поскольку история Народной Республики Бангладеш (далее – НРБ/Бангладеш) начинается с помощи, оказанной ей бывшим СССР, сыгравшим решающую роль не только в экономическом становлении этого государства, но и в появлении его на карте мира. Тем не менее, прежде чем начать повествование на данную тему, хотелось бы дать краткую справку о стране, чтобы читатель имел полное представление о том, что речь идет о государстве с населением в 170 млн человек, занимающим 7-е место в мире по данному показателю, и 1-е место по плотности населения, если не считать малых островных государств. Официальная религия – Ислам суннитского толка, который исповедует 90% населения страны. Государство находится к востоку от Индии, омывается Бенгальским заливом Индийского океана и географически входит в регион Южной Азии. Дата образования НРБ – 26 марта 1971 г. (в этот день празднуется независимость государства). До получения независимости страна входила в состав единого Пакистана в качестве его восточной провинции.

Продолжив экскурс в историю колониальной Индии, заметим, что регион Бенгалии в составе Британской Индии являлся самой развитой ее частью как в экономическом, так и социокультурном плане. Даже в наши дни самые продвинутые в интеллектуальном плане представители индийской диаспоры, проживающей в США и Западной Европе, это бенгальцы. Именно этот этнос составляет костяк врачей, юристов, преподавателей и сотрудников банковской сферы руководящего звена в странах их постоянного проживания. Достаточно сказать, что основанный англичанами город Калькутта, являющийся в наши дни столицей штата Западная Бенгалия, был столицей Британской Индии до 1911 г.

Однако вернемся к драматическим событиям 1971 г., связанным с образованием Бангладеш, и отметим, что распаду Пакистана и появлению на карте мира нового государства, Народной Республики Бангладеш, предшествовал длительный период национально-освободительной борьбы бенгальского народа, к тому времени пережившего уже один раскол в 1947 г. в ходе обретения Индией независимости от Великобритании и получившего неофициальное географическое название Восточная Бенгалия. Данный раскол единой Бенгалии произошел на конфессиональной основе, когда в ходе реализации плана по расчленению Индии Луиса Маунтбеттена – последнего губернатора Британской Индии – в Западную Бенгалию переселились бенгальцы, исповедующие индуизм, а в Восточной Бенгалии остались бенгальцы-мусульмане. Но наиболее этапным моментом борьбы за независимость от Пакистана был 1952 г., вошедший в новейшую историю Бангладеш как борьба за придание государственного статуса бенгальскому языку в составе тогда еще единого Пакистана. В ходе кровавых столкновений 21 февраля 1952 г. силовых структур Пакистана с демонстрантами, основную часть которых составляли студенты, погибло много манифестантов, и власти Пакистана были вынуждены признать за бенгальским языком статус государственного языка, то есть дав разрешение на использование его в государственных структурах, в системе образования и в средствах массовой информации. Поскольку язык в национальной идентичности играет ведущую роль, то и сегодня Бангладеш празднует эту кровавую дату в качестве этапного момента обретения своей независимости.

Следует отметить, что партия «Авами Лиг», приведшая страну к независимости, была образована еще в 1949 г. в качестве противовеса правящей тогда в Пакистане партии «Мусульманская лига». При этом вопрос о независимости провинции Восточ-

ная Бенгалия ставился не сразу, а в результате нарастающей борьбы бенгальского населения Пакистана сначала за экономическое и политические равноправия внутри Пакистана, затем за региональную автономию Восточного Пакистана, а позже за полную независимость Восточной Бенгалии. Таким образом, протестное движение в Восточном Пакистане росло и в результате парламентских выборов в Пакистане 7 марта 1971 г. лидер партии «Авами Лиг» Шейх Муджибур Рахман 26 марта 1971 г. объявил о создании независимого государства Народной Республики Бангладеш. Власти Пакистана, естественно, оперативно отреагировали на данное заявление лидера Восточной Бенгалии и начали военную операцию по восстановлению конституционного порядка в своей Восточной провинции и запретили партию «Авами Лиг».

Следует отметить, что этот момент во многом был ключевым в истории бенгальского народа, который впервые за многие столетия, побывав частью находящейся под длительным колониальным гнетом множества европейских метрополий, мусульман-моголов, а затем в середине XIX в. став частью Британской империи на правах ее главного колониального элемента, но так и не сумев самоопределиваться после ее распада и попав в 1947 г. уже под управление вновь образовавшегося независимого Пакистана, наконец-таки в марте 1971 г. самореализовался в виде Народной Республики Бангладеш. Однако все это происходило в условиях очень сложной международной обстановки, характеризующейся жестким противостоянием двух сверхдержав — СССР и США (отметим, что инициированная президентом Никсоном и поддержанная руководством тогдашнего Советского Союза политика разрядки международной напряженности тогда еще не началась), а также региональным соперничеством двух восходящих будущих сверхдержав — Китая и Индии. Поэтому взять и создать, даже опираясь на волеизъявление народа, новое государство, да еще и занимающего важное геостратегическое положение с выходом на Бенгальский залив, было очень непросто. Поэтому в очередную фазу индо-пакистанского противостояния активно подключились США, СССР и Китай. При этом следует помнить, что союзниками Пакистана тогда были США и Китай, отношения которого с Индией определялись не разрешенным до конца территориальным спором. А Индию активно поддерживал Советский Союз, отношения которого с Китаем резко обострились по следам идеологического противостояния в связи с результатами 20-го съезда КПСС, крайне обострившего некогда братские отношения между двумя странами и приведшего, по сути, к вооруженному пограничному конфликту в ходе отстаивания Москвой суверенитета над пограничным с Китаем островом Даманский. Расклад сил в регионе отразился и на формирующихся органах государственного управления Бангладеш: в сентябре 1971 г. был сформирован так называемый Национальный освободительный фронт, в который вошли партия «Авами лиг», Коммунистическая партия Бангладеш, Национальная народная партия и Национальный Конгресс, представляющий в молодой республике Индию — основного бенефициара распада Пакистана и образования Бангладеш. Параллельно действовал и Координационный комитет, объединивший около десяти политических партий и организаций. Основной целью Национального освободительного фронта была координация действий бангладешских вооруженных сил и вооруженных сил Индии, которые оказывали комплексную поддержку Народной Республике Бангладеш в освободительной борьбе против Пакистана. Военную, в части касающейся материального обеспечения армии, и финансовую поддержку освободительной борьбы Бангладеш против

Пакистана обеспечивал Советский Союз, а поставку армейского персонала взяла на себя Индия, которая непосредственно участвовала в боевых действиях против Пакистана. Фактически народно-освободительная война Бангладеш против Пакистана была продолжением длительного военного противостояния между Индией и Пакистаном, временно прервавшегося в 1966 г. подписанием, при посредничестве СССР, Ташкентской декларации.

Следует отметить, что обстановка вокруг этого регионального конфликта настолько накалилась, что чуть не привела к столкновению в Бенгальском заливе кораблей и подводных лодок тихоокеанского флота СССР с американскими авианосцами «Энтерпрайз» и «Триполи». Эксперты отмечали потом, что разворачивающийся в Бенгальском заливе конфликт между СССР и США был похлеще Карибского кризиса начала 60-х. И только ночной разговор между президентом Никсоном и Генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым, в ходе которого стороны решили прекратить эскалацию конфликта в интересах обеспечения глобального мира и предотвращения открытого военного противостояния между двумя сверхдержавами, решил окончательно судьбу Бангладеш. Есть мнение, что данный конфликт стал решающим моментом начинающегося тогда процесса разрядки международной напряженности и снижения уровня ядерного противостояния СССР и США.

Поддержка Советского Союза Народной Республики Бангладеш не ограничивалась военной сферой. Огромную роль Москва сыграла и на международном политическом уровне, признав одной из первых Бангладеш. В ходе освободительной борьбы бенгальского народа за свою независимость Советский Союз, как постоянный член Совбеза ООН, фактически заблокировал прохождение резолюции о выводе индийских войск с территории Восточного Пакистана, предложенной делегацией США (тогда место представителя США в СБ ООН занимал Буш-старший). Все это сыграло – учитывая высокой авторитет Советского Союза в мире – большую роль в дальнейшем признании НРБ суверенным государством. По иронии судьбы, США, крайне резко выступившие на стороне Пакистана во время событий 1971 г., одними из первых признали Бангладеш в качестве самостоятельного независимого государства.

Таким образом, дело состоялось, и в конце 1971 г. на карте мира появилось новое государство, признанное международным сообществом, Народная Республика Бангладеш, взяв далее курс на построение общества социалистического типа. И решающую роль в становлении Бангладеш как независимого государства играл далее Советский Союз. А началось все с официального визита руководителя Бангладеш Шейха Муджибура Рахмана в Советский Союз.

Несколько слов о том, что представляла из себя молодая Республика Бангладеш в экономическом плане сразу после обретения независимости. Это было одно из беднейших в мире государств с населением почти 80 млн, истерзанное кровопролитной, по сути, гражданской войной. О бедности проживающих там людей складывали песни известные в ту пору мировые вокально-инструментальные ансамбли (в частности, известная песня Джорджа Харрисона – одного из вокалистов ансамбля «Битлз»). Иными словами, Бангладеш была своего рода «мировым брендом нищеты», в то время как соседняя с ней Западная Бенгалия продолжала оставаться наиболее продвинутой частью Индии, где при помощи СССР создавались гиганты индустрии. Следует признать, что Бангладеш, являясь восточной провинцией Пакистана, до гражданской войны хоть как-то была интегрирована в его экономику пусть даже

на правах «младшего брата». Но после событий 1971 г. все связи были порушены и стране, не располагающей энергоносителями, адекватной транспортной инфраструктурой, и с монокультурным сельским хозяйством пришлось выживать в прямом смысле этого слова. И, конечно, без массивной внешней помощи она бы просто не выжила. И в этом решающую роль сыграли тогдашний Советский Союз и, конечно, Индия.

Для начала, СССР помог выполнить одну из важнейших задач по разминированию портов Читтагонг и Чална, обеспечивающих выход страны в Бенгальский залив, являющийся частью Индийского океана. Москва была настроена на оказание масштабной помощи Бангладеш, хотя нужно признать, что обеспечивать в экономическом плане государство с населением в 80 млн человек было, даже для СССР, непростой задачей. И здесь следует признать, что Бангладеш получала помощь и из стран Запада, а также из международных организаций. Но для этого нужно было обеспечить юридическое признание государства в ООН, и первая попытка такого признания была заблокирована Китаем, который использовал право вето в СБ ООН под предлогом неразрешенности проблемы с пакистанскими пленными, удерживаемыми в Индии и Бангладеш. Данная проблема не была «высосанной из пальца», а, действительно, существовала и ожидала своего решения, поскольку, по данным ООН, в плену у Индии и Бангладеш находилось 80 тыс. пакистанских военных, захваченных в плен в ходе гражданской войны 1971/1972 гг. В результате сложных переговоров на трехсторонней основе в апреле 1972 г. в Дели с участием Индии, Бангладеш и Пакистана было подписано соглашение о возвращении на родину пакистанских пленных. Данное событие в значительной степени сняло напряженность вокруг Бангладеш и послужило отправной точкой по широкому признанию НРБ международным сообществом, в первую очередь, ООН. В результате в сентябре 1974 г. НРБ стала полноправным членом ООН.

Этой кропотливой работе на международном уровне предшествовала масштабная экономическая помощь СССР. Так, для начала Москва передала Бангладеш несколько рыболовецких траулеров. Был также предоставлен льготный межгосударственный кредит, погашение которого предполагалось в товарном виде за счет позиций традиционного бангладешского экспорта — джут, джутовые изделия и чай. Этапным моментом торгово-экономического сотрудничества между СССР и Бангладеш стал официальный визит премьер-министра страны Муджибура Рахмана в Советский Союз в марте 1972 г. Впечатлившийся увиденным, лидер страны по итогам визита взял курс на построение в Бангладеш экономики социалистического типа, что, возможно, было одной из ошибок нового лидера с учетом реальной ситуации в стране и отсутствием предпосылок для построения экономики Советского образца. По итогам визита был подписан целый ряд соглашений, в том числе по созданию промышленных основ экономики страны, а также, что принципиально важно, соглашение о подготовке народнохозяйственных кадров для Бангладеш в советских высших учебных заведениях путем предоставления стипендий государственными и общественными организациями Советского Союза, в том числе Минвузом СССР, Союзом советских обществ дружбы с зарубежными странами и Комитетом молодежных организаций. Характерно, что резко выросший объем товарооборота между СССР и Бангладеш осуществлялся на основе подписываемых ежегодно двусторонних соглашений о взаимной поставке това-

ров и услуг, по сути это был межгосударственный бартер, хотя следует признать, что Бангладеш не была исключением в этом смысле: торговля с соседней Индией осуществлялась таким же образом вплоть до распада СССР, который поставлял в Индию нефть и прочее сырье и на вырученные деньги закупал из Индии товары народного потребления (чай, кофе, специи, табак, постельное белье, стиральные порошки и т.д.). Примечательно то, что нефть в Индию, при этом, поступала не из СССР, а из Ирака в счет погашения поставок из Советского Союза продукции ВПК. Так, объем товарооборота между СССР и Бангладеш в период с 1972 по 1974 гг. вырос в два раза.

Тем временем, развивалась не только взаимная торговля между СССР и Бангладеш, но и внутривластная ситуация в НРБ, при этом не в пользу Советского Союза. Выстраиваемая властями Бангладеш, по сути, административно-командная экономика сопровождалась крайне негативными моментами. Пышным цветом расцвели коррупция, кумовство и nepотизм. В целях удержания и консолидации власти премьер-министр Муджибур Рахман провозгласил себя президентом страны, и власть в Бангладеш стала потихоньку утрачивать былой авторитет, а попутно и заработанный в ходе борьбы за независимость ресурс поддержки большинства населения. В этой ситуации США тоже не дремали и, видимо, работали с оппозиционными режиму политическими силами. Все это привело к кровавому перевороту 15 августа 1975 г., когда группа решительно настроенных офицеров армии Бангладеш ворвалась ночью в резиденцию Муджибура Рахмана и перестреляла всю семью и обслугу. В живых остались двое дочерей президента Муджибура Рахмана, обучавшиеся тогда за рубежом, что и спасло им жизнь, и одна из них, Шейх Хасина, до переворота в августе 2024 г., возглавляла (второй раз) правительство Бангладеш. А тогда в результате переворота страну возглавил офицер вооруженных сил Зиаур Рахман, который, по иронии судьбы, тоже был физически устранин в августе 1981 г. в ходе военного мятежа в Читтагонге. Характерно, что его вдова, Халед Зиа, возглавляла Бангладеш до избрания премьер-министром дочери Муджибура Рахмана.

Каковы же итоги торгово-экономического сотрудничества между СССР и Бангладеш. Это построенный при содействии СССР в Читтагонге завод по производству электрооборудования, предоставление Бангладеш двух межгосударственных кредитов на общую сумму 16 млн руб. [1]. Разумеется, что после военного переворота и убийства президента страны Муджибура Рахмана новые власти Бангладеш взяли открыто прозападный курс с опорой на поддержку Вашингтона, который все это время – с момента образования Бангладеш, который американцы воспринимали, в первую очередь, как расчленение Пакистана, – вынашивал идею реванша. Однако следует отметить, что к тому времени торгово-экономические отношения между СССР и Бангладеш получили такое большое развитие, что в одночасье отказаться от него было бы самоубийственно для правящей элиты и для страны в целом. Так, силами «Техпромэкспорта», например, было продолжено расширение строительства крупнейшей в Южной Азии ТЭС «Горазал», первые и вторые блоки которого были запущены в эксплуатацию в 1974 и 1976 гг. соответственно. В 1987 г. СССР и Бангладеш подписали соглашение о сооружении 6-го энергоблока этой станции. ТЭС «Горазал» к 1998 г. вырабатывала порядка 30% всей потребляемой в стране электроэнергии [2]. После распада в 1991 г. Советского Союза в силу объективных причин торгово-экономические отношения между Россией и Бан-

гладеш развивались в вялотекущем формате, поскольку странам было, как говорится, не до того, и каждая из них решала свои внутренние проблемы, которые были в безусловном на том этапе приоритете. Ситуация кардинальным образом поменялась после подписания межправительственного соглашения между Российской Федерацией и Бангладеш 12 марта 2012 г. Соответствующее соглашение о выделении Россией государственного экспортного кредита на сумму 11,38 млрд долл. США было подписано в январе 2013 г. в ходе официального визита премьер-министра Бангладеш шейх Хасины Вазед в Российскую Федерацию. Строительство было начато в 2017 г. и АЭС должна быть пущена в эксплуатацию в 2024 г.

Если говорить о наших днях, то по итогам 2023 г. товарооборот между Россией и Бангладеш составил 2,7 млрд долл. США, и это на 16% больше, чем в 2022 г. Эта цифра содержалась в выступлении посла Российской Федерации в Бангладеш Александра Мантыцкого. Вместе с тем представляется, что такой рост товарооборота был обеспечен поставками энергооборудования в рамках завершения строительства АЭС в Рупуре. Эту ситуацию вряд ли удастся превратить в тренд. Поэтому основная задача, стоящая перед странами, заключается в максимальной диверсификации структуры товарооборота между ними. Особенно это касается Российской Федерации, которая во времена бывшего СССР поставляла в Бангладеш машины и оборудование. Следует также подумать над возобновлением работы в Дакке Торгпредства РФ, которое существовало там с Советских времен. Нынешняя ситуация, когда работа по торгово-экономическому сотрудничеству с Бангладеш «покрывается» с позиции Торгпредства России в Индии, с учетом масштабов стоящих задач по углублению торгово-экономических отношений между Российской Федерацией и Бангладеш, не отвечает духу времени.

Завершая работу над статьей, была получена тревожная информация об обострении в стране внутривластного кризиса, в результате которого премьер-министр Бангладеш Шейх Хасина Вазед была вынуждена покинуть страну и просить политического убежища в Великобритании. Как будут в дальнейшем развиваться отношения между Россией и Бангладеш, сказать сложно, поскольку сформированное в стране под руководством военных временное правительство пока не обозначило свою позицию по основным направлениям развития страны на переходный период до проведения парламентских выборов. Тем не менее, хочется надеяться, что строительство АЭС в Рупуре будет успешно завершено, и станция послужит основой дальнейшего развития отношений между нашими странами.

Библиографический список

1. Галищева Н.В. Экономика Бангладеш: значение внешних факторов развития. // «БИКИ», № 59, 27 мая 2004. – С. 165.
2. Галищева Н.В. Экономика стран Южной Азии. – М., МГИМО-Университет, 2009. – С. 328.
3. Справочник МВФ «IMF Report and Publications by Country».

References

1. Galishheva N.V. Jekonomika Bangladesh: znachenie vneshnih faktorov razvitija. // «BIKI», № 59, 27 maja 2004. – S. 165.

2. Galishheva N.V. *Jekonomika stran Juzhnoj Azii..* – M.; MGIMO-Universitet, 2009. – S. 328.

3. *Spravochnik MVF «IMF Report and Publications by Country».*

Контактная информация / Contact information

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

51/21 Nakhimovsky Prospect, 117418, Moscow, Russia

Садыхов Паша Мамедович / Pasha M. Sadykhov

mps23@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-308-313

О НОВЫХ ПЛАНАХ РАСШИРЕНИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА КАК ВАЖНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

NEW PLANS FOR THE DEVELOPMENT OF THE STOCK MARKET AS AN IMPORTANT NATIONAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

ЕРШОВ Михаил Владимирович

Главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, доктор экономических наук

Mikhail V. ERSHOV

Main director of financial research Institute for Energy and Finance,
Doctor of Economics

Аннотация

Нынешние санкционные ограничения России делают необходимым повышение важности фондового рынка как элемента внутренней экономики, который должен играть значимую роль в формировании необходимого объема финансовых ресурсов. В новых условиях фондовый рынок вновь стал больше привлекать внимание российских компаний как источника капитала. Проблемам развития этого сегмента рынка в последнее время уделяется внимание на высшем государственном уровне. Тем не менее на текущий период российский фондовый рынок характеризуется рядом особенностей, сохранение которых может снизить его эффективность для экономики, а также сдерживать приток инвестиций. В статье обосновывается, что при повышении роли фондового рынка важно также учитывать качество такого расширения и применяемые механизмы, что в свою очередь требует пристального внимания со стороны регуляторов.

Abstract

Russia's current sanctions restrictions make it necessary to increase the importance of the stock market as an element of the domestic economy, which should play a significant role in generating the necessary amount of financial resources. Under

the new conditions, the stock market has again begun to attract more attention from Russian companies as a source of capital. Recently, attention has been paid to the problems of development of this market segment at the highest state level. Nevertheless, for the current period, the Russian stock market is characterized by a number of features, the preservation of which may reduce its effectiveness for the economy, as well as restrain the inflow of investments. The article substantiates that when increasing the role of the stock market, it is also important to take into account the quality of such expansion and the mechanisms used, which in turn requires close attention from regulators.

Ключевые слова Фондовый рынок, капитализация рынка, финансовая политика, денежно-кредитная политика, бюджетная политика, финансовый регулятор.

Keywords Stock market, stock market capitalization, financial policy, monetary policy.

В санкционных условиях в российской экономике происходят качественно новые изменения, которые требуют постоянной адаптации проводимой экономической политики. С учетом этого в мае 2024 г. Президентом РФ был подписан Указ о национальных целях развития России на период до 2030 г., в котором намечаются важные стратегические вопросы для решения в новых условиях.

Среди целевых показателей в Указе, в частности, обозначена необходимость «обеспечения роста капитализации фондового рынка не менее чем до 66% ВВП к 2030 г. и до 75% ВВП к 2036 г.» [1]. Это означает, что по сравнению с итогами 2023 г. капитализация рынка акций за семь лет должна практически удвоиться. Другими словами, предполагается масштабное увеличение значимости фондового рынка как важного источника перераспределения ликвидности. Такой подход вполне оправдан, учитывая ограниченность доступа к внешним рынкам капитала для российского бизнеса. По сути увеличение значимости фондового рынка – это один из важных механизмов усиления внутренних основ развития экономики страны.

Подчеркнем, что наряду с количественными показателями роста также важное значение имеет качество роста фондового рынка и его структурное наполнение. Укажем, также что российский фондовый рынок пока по-прежнему характеризуется перекосом в сторону сырьевых компаний – на их долю приходится не менее половины совокупной капитализации. Это некорректно отражает положение реальной экономики РФ уже длительный период. Часто отмечалась тенденция, когда доля компании, а зачастую и весь сектор в целом на рынке не соответствовали их фактической доле в реальной экономике. Отметим и преобладание на рынке коротких спекулятивных денег, которые, как правило, повышают нестабильность рынка. Это усугублялось тем, что на рынке значительную долю занимали иностранные инвесторы, которые в случае неблагоприятных тенденций могли выводить средства, расшатывая рынок и лишая его необходимой ликвидности.

Хотя такая ситуация является традиционной для российского рынка акций фактически с момента его создания, тем не менее, в новых условиях, когда круг инвесторов все больше растет в первую очередь за счет резидентов (а также в немалой степени

физических лиц) сохранение перекосов может нести в себе большие риски для внутренней экономики, чем ранее. По данным Московской биржи, доля физических лиц в торгах акциями возросла с 40% в 2021 г. до 76% в начале 2024 г. Существенное несоответствие структуры реальной экономики и структуры фондового рынка повышает вероятность неадекватной оценки рисков, ограничивает возможности диверсификации портфелей, что в конечном результате может привести к масштабным потерям для инвесторов. Указанный вопрос остается важным, даже несмотря на то, что Банк России как регулятор целесообразно вводит определенные требования к физическим лицам, ограничивая их от принятия избыточных рисков.

В то же время последние тенденции на российском фондовом рынке, как представляется, могут положение несколько улучшить.

Индекс ММВБ возобновил рост в октябре 2022 г. (после его существенного провала с октября 2021 г. по сентябрь 2022 г.), хотя пиковые значения индекса пока еще не достигнуты. Благополучная ситуация в российской экономике поддерживает положительную динамику индекса, а антироссийские санкции повысили роль национальной составляющей на рынке. Снизилось число нерезидентов и при этом растет число внутренних инвесторов. Закрытие внешних рынков капитала для российских компаний, а также высокие процентные ставки в России способствуют росту числа IPO на Московской бирже. В 2023 г. акции разместили около десяти компаний, что является рекордом за последние 10 лет, а в 2024 г. эксперты ожидают размещений еще большего числа компаний¹. Примечательно, что в последний период акции размещают компании различных секторов, среди которых IT-компании, ритейл, транспорт, медицина и другие направления экономики. Это очевидно должно повысить глубину рынка и расширить возможности диверсификации для инвесторов.

В нынешних условиях подчеркнем важность вопроса о необходимости поддержания роли внутреннего рынка в процессах размещения акций на первичном рынке (IPO). Напомним, что исторически эта проблема уже не раз отмечалась в новейшей истории. Однако после глобального финансового кризиса в РФ были введены определенные требования к соотношениям объемов размещения акций на российском и на зарубежных рынках. Но затем в 2011 г. эти ограничения были сняты. Представляется, что если бы они были сохранены, то на текущем этапе адаптация к новым условиям, которые появились вследствие санкций, проходила бы гораздо проще для российских компаний и для регулятора.

Также одной из важных особенностей российского фондового рынка является высокая концентрация на нем ограниченного числа компаний. На 10 компаний приходится более 62% всей капитализации рынка.

Примечание: Для расширения инструментов на российском фондовом рынке целесообразно формирование стимулирующих условий для размещения акций российскими компаниями, а при необходимости введение обязательств по размещению акций публичными компаниями на российской бирже (по опыту ряда ведущих стран, которые законодательно подталкивали свои компании к публичным размещениям). Это также придавало бы большую репрезентативность фондовому рынку, который более корректно отображал бы основные тенденции в экономике.

Отметим, что высокая концентрация узкого круга компаний в капитализации рынка акций характеризует и глобальные рынки в целом. Причем в последний

¹ Бум IPO в России: эффект для рынков капитала. https://raexpert.ru/researches/ua/debt_market_2024/.

период эта тенденция еще больше усилилась – в апреле 2024 г. доля топ-10 компаний в индексе MSCI All Country World (включает акции 47 стран) достигла почти 20%, что является максимальным значением за последние 30 лет². А в индексе S&P 500 World Index доля компаний США превышает 70%, что заметно ограничивает возможности диверсификации портфелей инвесторов, повышая для них риски и усиливая зависимость от развития событий на американских рынках. В США на топ-5 компаний приходится порядка 49% всей капитализации рынка. Подчеркнем при этом, что все эти пять компаний относятся к IT-сфере.

Аналогичные перекосы на американском фондовом рынке отмечались в определенные моменты и ранее. В частности, в 1990-е гг. акции крупной промышленной компании US Steel, которая имела масштабные реальные активы в виде заводов, оборудования, земель и пр., оценивались рынком почти в 200 (!) раз дешевле, чем акции Intel или Microsoft, активы которой на том этапе ограничивались лишь набором оргтехники и небольшим количеством сотрудников (другое дело, что со временем эта ситуация изменилась) [2]. Очевидно, что такие перекосы были чреваты рисками коррекции. В 2000 г. технологический пузырь лопнул и завершился корректировкой сектора на 60% (индекс Nasdaq).

Отметим, что в условиях, когда связь фондового рынка с реальной экономикой заметно ослабла, компании активно применяют еще и так называемые операции по покупке собственных акций (так называемый buybacks), которые лишь усугубляли перекосы на рынке. Хотя такие операции регуляторы периодически ограничивали, тем не менее они привели к неоправданному росту стоимости акций, в том числе в условиях невысоких темпов экономического роста. В настоящее время, когда акции очевидно переоценены, операции по выкупу собственных акций уже менее выгодны и поэтому данный механизм едва ли может послужить опорой для дальнейшего повышения их стоимости.

Также большой риск вызывает использование компаниями кредитного плеча (leverage), как инструмента неоправданного раздувания баланса и роста котировок. Именно поэтому после глобального финансового кризиса этот инструмент стал объектом пристального внимания регуляторов, тем более, что он создал возможности для резкого падения котировок акций этих компаний (рис. 1).

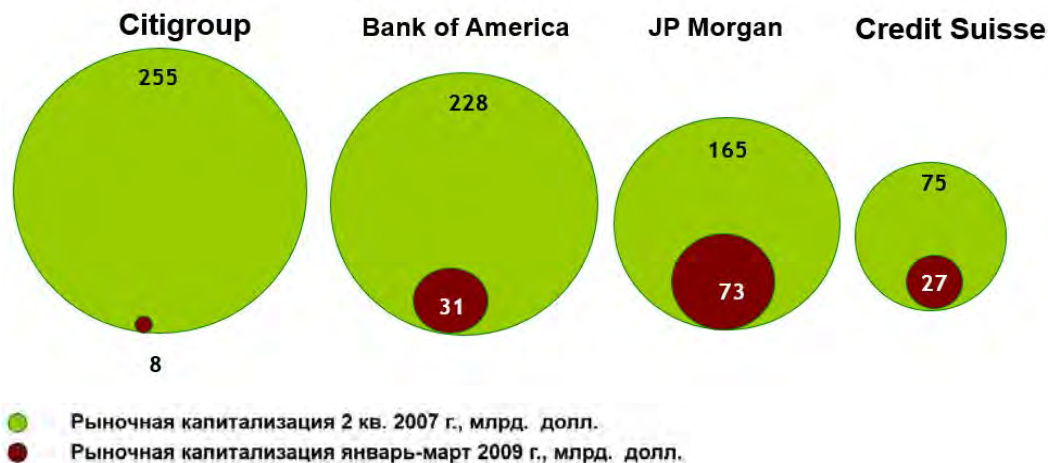
Укажем также, что при необходимости даже центральные банки ведущих стран становятся покупателями акций частных компаний. Такая практика отмечалась, в частности, со стороны Банка Японии и центрального банка Швейцарии [3]. Причем такие операции проводились несмотря на то, что это вызывает конфликт интересов, так как для регуляторов было крайне важно поддержать активность рынка.

Подчеркнем, что механизмы роста фондового рынка требуют пристального внимания регуляторов. В России необходимость формирования не спекулятивных, а системных инвесторов, оперирующих в первую очередь длинными инвестиционными ресурсами, становится крайне важной. Среди важнейших условий обеспечения качественного роста на фондовом рынке актуальным представляется необходимость обеспечения стабильного курса рубля, что будет залогом привлекательности долгосрочных инвестиций и увеличения ликвидности фондового рынка и притока новых инвесторов.

2 Global dominance of biggest stocks rises to highest in decades. Financial Times. 08.04.2024. <https://www.ft.com/content/9a0bc659-4d54-4eef-9ace-394bafc87d1d>.

Рис. 1. Сокращение капитализации крупнейших банков в кризис 2007–2009 гг.

Источник: по данным moneycentral.msn.com

Фондовый рынок естественно должен играть важнейшую роль в формировании длинных денег. Причем важными участниками рынка должны быть в том числе пенсионные и страховые компании, которые формируют значительную часть длинных ресурсов рынка. Однако этот подход потребует длительного времени. При этом российская экономика нуждается в длинных ресурсах (причем в масштабных объемах) в ближайшее время.

Между тем в мире давно апробированы и сейчас все чаще активно начинают практиковаться более оперативные механизмы с участием национальных денежных властей. В частности, в 2024 г. в Китае было анонсировано о возможности начала покупок Народным банком Китая своих национальных гособлигаций. Аналогичный механизм многие десятилетия практикуют ведущие развитые страны — США и Япония, а далее такие подходы начали применять и страны с формирующимися рынками, такие как Польша, Хорватия, Бразилия, ЮАР, Словения, Турция и др. Указанные механизмы способствуют насыщению экономики длинными деньгами, снижению процентных ставок, повышают ликвидность на рынках. Эта операция позволяет наполнить экономику длинными деньгами, причем фактически одновременно. Кроме того, расширяются возможности финансирования государственных бюджетов, что особенно актуально в условиях трансформирующейся экономики.

В России вместо указанного механизма между Банком России и коммерческими банками используются другие подходы, когда для краткосрочных операций репо комбанки предоставляют в залог российские гособлигации. Однако операции финансирования банков на короткий срок с большой частотой и меняющимися процентными ставками не могут быть эффективной заменой долгосрочного кредитования с заранее определенными параметрами. В итоге комбанки продолжают оставаться ограниченными в своих возможностях выдавать кредиты реальному сектору на длительный период, что снижает роль банков в инвестиционном финансировании экономики и проблема с длинным финансированием по-прежнему остается нерешенной.

В нынешних условиях применение механизмов покупки национальных госбумаг со стороны центрального банка, как несущего элемента финансового рынка, очевидно повысит суверенизацию российской финансовой системы, закладывая необ-

ходимые национальные основы развития экономики РФ. Очевидно, что это является многоуровневой комплексной задачей, требующей более тесной и эффективной координации денежно-кредитной, финансовой и бюджетной политики. Как представляется, реализация таких подходов создаст условия необходимые для эффективного развития фондового рынка, позволяя ему реализовать тот значительный потенциал, который в нем заложен, и в целом будет способствовать решению тех масштабных задач, которые ставятся перед экономикой РФ в условиях нынешних системных вызовов.

Библиографический список / References

1. Указ Президента РФ Путина В.В. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.». 07.05.2024. <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>.
2. Ершов М.В. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. – М.: Экономика, 2005. – 280 с.
3. Charoenwong B., Morck R., Wiwattanakantang Y. Bank of Japan equity purchases: the final frontier in extreme quantitative easing. NBER WP 25525. 2020.

Контактная информация / Contact information

Институт энергетики и финансов, Российская Федерация
101000, г. Москва, Архангельский пер., д. 7, оф. 5
Institute for Energy and Finance
7, Arhangelsky pereulok
Ершов Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov
+7 (495) 787-74-51, lupandina@fief.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-314-324

ДИНАМИКА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2020–2023 ГГ.¹

DYNAMICS OF POPULATION INCOME AS A FACTOR OF CHANGES IN THE QUALITY OF LIFE IN THE RUSSIAN FEDERATION 2020–2023

СЕЛЕЗНЕВ Павел Сергеевич

Декан факультета международных экономических отношений, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, доктор политических наук, доцент

Pavel S. SELEZNEV

Dean of the Faculty of International Economic Relations, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Associate Professor

ПОНОМАРЕВ Николай Андреевич

Ведущий научный сотрудник Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат исторических наук

Nikolai A. PONOMAREV

Leading Researcher at the Institute of Global Studies, Faculty of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Cand.Sci. (Hist.)

1 Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Аннотация Экономика влияет на все сферы жизни населения, от политической структуры до социальной структуры общества. На протяжении своего существования экономическое положение России претерпевало множество изменений. Подобные колебания, так или иначе, затрагивали жизнь россиян, особенно работающего населения. В работе подробно рассмотрен период с 2020 по 2023 г. Целью работы является выявление уровня доходов и их влияние на качество жизни граждан РФ.

Abstract The economy affects all spheres of life of the population, from the political structure to the social structure of society. Throughout its existence, the economic situation of Russia has undergone many changes. Such fluctuations, one way or another, affected the lives of Russians, especially the working population. The work examines in detail the period from 2020 to 2023. The purpose of the work is to identify the level of income and their impact on the quality of life of citizens of the Russian Federation.

Ключевые слова Доходы, ВВП, РФ, экономический, уровень, население, процент.

Keywords Income, GDP, Russian Federation, economic, level, population, percentage.

Введение

Доходы являются важным фактором в изменении качества и уровня жизни граждан. Для них характерны постоянные колебания, под воздействием множества факторов: социально-политических, экономических, профессиональных, региональных и других. Не секрет, что с увеличением доходов повышается качество жизни, а также растет количество потребляемых услуг. Населению становится доступно большее количество благ, что способствует общему благосостоянию. В случае снижения зарплат падает удовлетворенность: люди хуже питаются, приобретают товары низкого качества, экономят на обучении. Это приводит к неудовлетворенности жизнью, депрессии.

Из-за того, что доходы большей части населения меньше, чем у незначительной ее части, увеличивается недовольство, которое часто становится причиной социальной напряженности среди различных групп людей. Проблему приходится решать государству, но зачастую эти действия не улучшают ситуацию.

Когда валовой внутренний продукт (ВВП) растет, повышается качество жизни людей: становится больше рабочих мест, конкуренция на рынке труда усиливается, а продукции потребляется все больше. Заработная плата, недостаточная для поддержания качественного образа жизни, приводит к тому, что население вынуждено искать другие источники дохода.

Низкий объем заработной платы — одна из причин стагнации экономики России. Маленькие зарплаты ведут к тому, что покупатели начинают приобретать более дешевые импортные товары, что не идет на пользу отечественной экономике. Это обусловлено тем, что чем выше доходы — тем больше продукции и услуг приобретут. Чтобы оживить экономику, необходимо увеличить ВВП на душу населения, сформировать платежеспособный спрос. Для активизации внутреннего рынка нужно повысить зарплаты наиболее бедной и средней части общества [1, с. 38].

Для повышения экономики и качества жизни, государству нужно своевременно выплачивать зарплаты, пенсии, стипендии и иные социальные выплаты. Также

необходимо предотвращать экономические трудности населения, в частности, вызванные различными непредвиденными ситуациями, такими как, например, пандемия COVID-19.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам доходов и их влияния на качество жизни населения.

Широко использовались нормативно-методические разработки, статистические данные и литературные источники, а также источники, размещенные в сети Интернет.

В процессе выполнения исследования применялись методы системного анализа, экономико-статистические, монографические, сравнительные методы и др.

Результаты и обсуждение

С 2020 г. в мире началась пандемия COVID-19. Вследствие этого снизился спрос на энергоресурсы и курс рубля. Это привело к ухудшению экономической ситуации, что способствовало росту безработицы и бедности граждан. Спад в экономике и снижение экономической активности привели к сокращению доходов на 3,5%. Из-за ухудшения финансового положения, в России стало меньше домохозяйств, но повысились процент безработицы (960 тыс. безработных) и бедности (+1,3 млн человек с зарплатой меньше прожиточного минимума) [2].

Согласно данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», только в восьми регионах снизился уровень безработицы. Наибольший показатель по снижению показал Чукотский автономный округ (-1,8 процентных пункта). Если рассматривать другие регионы, можно заметить, что у них было снижение только на -0,5 процентного пункта. Уровень безработицы повысился в 76 регионах [3].

Многие предприятия временно закрылись, а деятельность сферы услуг практически остановилась. Это привело к тому, что часть населения перестала зарабатывать, что отрицательно отразилось на реальной прибыли населения.

В 2020 г. многие россияне отмечали ухудшение качества услуг в сферах медицины, образования, в состоянии окружающей среды. Согласно данным РГС Банка, 60% смогли сохранить место работы, 16% опрошенных граждан были вынуждены сменить место работы, 14% – профессию, а 10% смогли трудоустроиться по своему профилю после потери рабочего места. Самая стабильная ситуация оказалась в Воронеже, где 69% местных жителей отметили, что у них не произошло сокращений или увольнений [4].

Части населения пришлось экономить. Так, многие отказались от отпуска и путешествий (30%), 12% – от покупки автомобиля, 8% – от приобретения квартиры, а 7% – не смогло снять арендное жилье. Сохранить привычный доход смогли 33% опрошенных граждан. Тем не менее эта часть также уменьшила свои расходы и потребление.

Это указывает на то, что многие граждане РФ начали отказываться от удобства из-за снижения доходности. Но наиболее ключевым показателем является тот факт, что четверть опрошиваемых отказались от всех трат, за исключением самых необходимых. 39% признались, что год был тяжелым [5].

В целом, негативная оценка 2020 г. объясняется последствиями COVID-19, приведшего к снижению прибыли, потере работы, падению качества жизни, а также к появлению новых экономических и социальных условий. По данным РГС Новости, наиболее тяжелым год был для жителей Омска, 44% назвали 2022 г. тяжелым. Более оптимистичную оценку дали жители Москвы и Краснодара (17% опрошенных граждан посчитали год лучшим в жизни) [6].

Согласно данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг», по итогам 2020 г., общие налоговые и неналоговые доходы консолидированных бюджетов всех субъектов РФ уменьшились на 1,8% (194,4 млрд руб.). Снижение характерно для 37 регионов. Россияне смогли продержаться отчасти благодаря доле социальных выплат, которая выросла более чем на 20%. Это помогло избежать роста бедности в России [3].

Тем не менее, именно недостаточная поддержка государства привела к тому, что экономика упала более чем на 3%. Экономическая помощь РФ гражданам, была слабой и не составляла более 2% ВВП. Это чуть больше двух триллионов руб. Объем средств незначительный, особенно при сравнении с США, выделившей на эти цели 10% ВВП.

В 2021 г. ситуация улучшилась, так как зарплаты рабочих достигли показателей, актуальных до наступления COVID-19. Реальная прибыль граждан выросла на 3,1% относительно 2020 г. Она превысила уровень доходов в 2019 г., но все еще остались ниже, чем в 2013–2015 гг. В 2021 г. многие предприятия «ожили» и уже не было застоев как в 2020 г., когда сфера услуг практически остановилась. Средняя прибыль падала, так как люди не работали и не получали зарплату. В 2021 г. практически исчезли застои и к работе вернулись многие предприятия, закрытые в 2020 г.

Безработица также почти вернулась к показателю, актуальному до наступления COVID-19. В первой половине 2021 г. процент безработицы понизился до 4,9%. Число населения, зарегистрированного в службах занятости, составило 1,2 млн человек. Для этого времени характерен значительный разброс по регионам. К примеру, в Москве было 2,7% безработных, в то время как в Ингушетии этот показатель достигал 31,3%. Дисбаланс обусловлен теневой занятостью граждан.

В третьем квартале 2021 г. число жителей за чертой бедности по стране резко сократилось. Это произошло из-за корректировки расчетов границ бедности. Также в борьбе с бедностью помогли повышение пенсий и зарплат сотрудников силовых структур. Но проблема падающих доходов и высокой инфляции сохранилась. Доход трети работающих граждан составлял 19 тыс. руб. в месяц. В январе – сентябре этого года, число жителей с зарплатами ниже прожиточного минимума составило 17,6 млн. Таким образом, процент бедности составлял 12,1% [7].

Больше всего в это время преуспели работающие граждане, связанные с предпринимательской деятельностью. Сектор платных услуг восстановился после пандемии, в частности, рестораны и кафе, а также малые предприятия в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности. Это и привело к процветанию предпринимательской деятельности.

Несмотря на рост зарплат, многие люди не ощущали особого прогресса. Отчасти это обусловлено тем, что рост прибыли не перекрыл потери от расходов. Также на негативный настрой населения повлияла инфляция на продовольственном рынке. Положительным моментом явился рост зарплат по всей экономике. Около 50%

предприятий повысили зарплату своим сотрудникам, некоторые даже выше уровня инфляции. Более высокая доходность была у людей, занятых в промышленном секторе, обрабатывающей промышленности, строительстве и сельском хозяйстве.

Если брать период с января по май, то можно заметить, что номинальная начисленная зарплата в среднем по России составила 53,7 тыс. руб., что на 8,8% больше, чем в тот же период прошлого года. Но если брать реальное выражение, то видно, что за счет растущей инфляции зарплаты увеличились лишь на 3%.

Хоть реальный доход и упал из-за пандемии, качество жизни выросло. Увеличилось потребление большинства продуктов, а качество рациона улучшилось даже у низкодоходных групп общества. Значительно выросло количество людей, снимающих жилье. Причиной подобного положения стало резкое уменьшение затрат на услуги и перенос этих денег на товары [8].

Согласно опросу Райффайзенбанка, проведенному в августе 2021 г. среди 1500 совершеннолетних россиян, люди начали экономить на внешнем туризме, посещениях кинотеатров и концертов, массовых развлекательных мероприятий. Около 20% опрошенных граждан пришлось потратить накопившиеся сбережения и оформить кредит. Вырос спрос на недвижимость за счет льготной ипотеки и материнского капитала на первого ребенка. Отчасти это было обусловлено желанием получить социальные выплаты от государства [9].

Согласно данным Росстата, в 2022 г. зарплаты жителей РФ снизились на 1%. В этом году люди больше откладывали финансовые средства, чем тратили. Объем средств, которые россияне направили на накопление, составил +7,3%. Наибольшую активность граждане проявляли в накоплениях на депозитах и в наличных в четвертом квартале 2022 г. (+15,7%). Подобное положение свидетельствует о том, что геополитическая и экономическая неустойчивость была фактором, заставляющим людей придерживаться сберегательной модели потребительского поведения, что сдерживало спрос. Это можно заметить, изучая статистику, согласно которой, суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг населения снизился на 4,1% [10].

В первом квартале 2022 г. средний заработок работающего населения составлял около 36 377 руб. в месяц. По мнению опрошенных, для комфортной жизни нужно 190 000 руб. в месяц. 80% были вынуждены уменьшить затраты. По данным исследования сервиса «Зарплата.ру», 47% опрошенных сэкономили на всем.

В части регионов немалую роль играли социальные выплаты. Был повышен ряд пособий, в том числе и детских, что также положительно сказалось на объемах реальных финансовых доходов. Одним из основных показателей позитивной динамики прибыли, является рост ежемесячных выплат для малоимущих семей с детьми. Также получили масштабные выплаты семьи мобилизованных и контрактников. Поднялись зарплаты на предприятиях оборонно-промышленного комплекса.

В первом квартале 2022 г. было более 20 млн человек, живущих за чертой бедности. Это каждый седьмой житель России. Показатель на 69% выше, чем в конце 2021 г. В том году количество бедняков составляло чуть более 14 млн. В качестве одной из главных причин бедности, Росстат называет рост инфляции.

Но во втором квартале ситуация улучшилась. По сведениям Росстата за 10 марта 2023, в 2022 г. был зафиксирован минимальный показатель бедности за всю историю России. В это время россияне стали значительно богатеть и догонять по качеству жизни жителей западных стран. По словам экспертов, такое резкое улучшение

финансового положения обусловлено ростом социальных выплат, неоднократной индексацией пенсий и ускоренной индексацией МРОТ. Процент рабочих с зарплатами ниже границы бедности составлял всего 15,3 млн человек (10,5% от всего населения) [11].

На 1 июня 2022 г. было зафиксировано 2 млн официально безработных людей. Проведя расчеты, можно сказать, что в то время каждый 39 человек был безработным. Но в эту статистику входят только те, кто встал на учет по безработице. Эксперты Росстата полагают, что реальное число составило около 4,3 млн человек.

Благодаря поддержке государства для различных групп малоимущих, уменьшилось количество жителей, живущих за чертой бедности. Кроме того, на снижение показателя повлияли рост оплаты труда и средних зарплат. Но это по сведениям Росстата. По мнению самих россиян, в 2022 г. качество жизни снизилось. Многие жаловались на то, что цены выросли, а зарплаты снизились. Немало людей потеряли рабочие места. Это обусловлено тем, что в 2022 г. стало сложнее зарабатывать и сохранить заработанное. Одни потеряли главный источник прибыли, а у других снизилась зарплата, что заставило их перейти в режим жесткой экономии [12].

В этот период средние доходы граждан составляли 44,94 тыс. руб. Процент жителей, чьи доходы достигали суммы от 45 тыс. руб., составил 36,2%. Если сравнивать с данными 2021 г., то можно заметить, что в 2021 г. таких людей было около 43,8 млн. Значит, в 2022 г. количество увеличилось на 9,4 млн – 53,1 млн. В это время прибыль менее обеспеченных групп общества росла быстрее, чем у более обеспеченных. Это было обусловлено следующей причиной: увеличенной индексацией социальных выплат и минимального объема заработной платы. Такое соотношение снизило неравенство между различными частями общества, оно стало наименьшим показателем в XXI веке.

По данным исследования BNPL-сервиса, многие жители России были вынуждены экономить. Так, 53% ради экономии перешли на более дешевые товары и услуги. Треть опрошенных граждан признались, что задумывается о том, чтобы начать вести свой бюджет. По данным других исследователей, 51% респондентов стали покупать более дешевую бытовую химию, 49% опрошенных приобретали бюджетную одежду и обувь. Сэкономить на парфюмерии решили 24% опрошенных граждан, а на путешествиях – почти 18% [13].

Примерно 46% пересмотрели затраты на хобби (кино, рестораны, театры и т.д.). 40% жителей в период с марта по август совсем отказались от некоторых расходов. Более половины (55%) отложили планы на путешествия, практически каждый второй решил не приобретать крупную бытовую технику и электронику (49%), а чуть меньше половины (41%) опрошенных граждан отказались от покупки автомобиля [14].

Также, несмотря на экономию, 92% опрошиваемых по-прежнему совершали непредвиденные затраты, при этом 37,7% считают их хорошей возможностью порадовать себя. Главной причиной экономии называют продовольственную инфляцию. В июле 2022 г. этот показатель составлял 16,76%, а без учета дешевеющих летом плодоовощных товаров значение составляло 18,26%. Второй причиной являлись реальные заработные платы за год, которые снизились на 5,5%. Если сопоставить эти два показателя, можно увидеть, что покупательская способность граждан в 2022 г. в продовольственной части уменьшилась на 22–23%.

В 2023 г. ВВП вырос на 3,6%. Больше всего выросла доходность в сферах гостиниц и предприятий питания (10%). Второе место занимает финансовая и страховая

деятельность (+8,6%), третье – административная и сопутствующие дополнительные услуги (+7,8%). Но доходность некоторых отраслей пошла на спад. К примеру, в сфере водоснабжения и водоотведения физический объем ВВП уменьшился на 3%, в оказании других видов услуг (работ общественных предприятий, ремонт компьютеров и т.д.) – на 2,7%, а в добыче полезных ископаемых – на 2% [15].

По данным Росстата, самая высокая оплата труда была у сотрудников, работающих в сферах трубопроводного транспорта (263 109 руб.) и добычи нефти и природного газа (193 529 руб.). Меньше всего заработная плата была у работников почтовой связи и курьеров (38 346 руб.), а также текстильного производства (43 420 руб.) [16].

По данным Левада Центра, реальные располагаемые доходы повысились на 5,4% после уменьшения на 1% в 2021 г. В номинальной сумме доходность увеличилась на 10,9% и составила 50,3 тыс. руб. на душу жителей России. Начиная с 2022 г., уменьшается разница между тем, сколько зарабатывают люди, и объемом средств, необходимых для поддержания приемлемого качества жизни, по мнению россиян. Увеличивается процент граждан, оценивающих свой доход выше прожиточного минимума. Данные указывают на то, что повысилось число людей, удовлетворенных своими зарплатами. Это также демонстрирует, что люди стали более приспособленными к изменяющимся условиям жизни [17].

Тем не менее, по данным Росстата на 1 сентября 2023 г., около 64% жили на зарплаты от 7 тыс. руб. до 45 тыс. руб. в месяц. А почти 30% имели начисленную зарплату от 75 тыс. руб. и выше. Изучив данные, можно сказать, что только 30% могли накапливать сбережения [18].

По данным РИА Новости на 14 декабря, процент безработицы понизился до минимальных показателей и составил 2,9%. Это произошло из-за того, что проведение импортозамещения, увеличение ГОЗ, увеличение вооруженных сил и демографические тенденции в части старения населения привели к недостатку персонала. Появилось много вакансий. В борьбе за рабочую силу, многие предприятия повышали заработную плату, опережающую рост производительности труда [19].

Согласно информации Росстата, инфляция составила 7,42%, из-за чего ужесточилась денежно-кредитная политика Банка России и увеличилась ключевая ставка в течение второго полугодия 2023 г. с 7,5 до 16%. В это время лучшими регионами по качеству жизни были г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область. Подобное положение обусловлено высоким уровнем экономического развития [20].

По данным Росстата на 2 января 2024 г., можно по праву назвать 2023 г. годом социальной экономики. К росту реальной прибыли граждан привели импортозамещение, необходимость развертывания ОПК, масштабные социальные выплаты. Несмотря на западные санкции, безработица и бедность опустились до минимальных значений. Согласно исследованиям, в третьем квартале 2023 г. прибавилось 500 тыс. человек, доход которых превысил крайний уровень бедности по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [21].

Согласно Росстату, с увеличением прибыли люди стали потреблять больше продукции. Так, покупательная способность среднедушевых доходов в первом полугодии 2023 г. в сравнении с тем же промежутком в 2022 г. увеличилась практически по всем основным продуктам питания, за исключением маргарина и лука. Лиде-

рами по приросту стали картофель и капуста. Однако стали менее доступны услуги в сфере электроэнергии, горячего и холодного водоснабжения. Цены на проезд в автобусе также повысились [16].

Низкая инфляция в первой половине 2023 г. привела к тому, что номинальный рост заработка был близок к реальному росту, так как цены с начала года до 24 июля увеличились только на 3,4%. Обязательные затраты (проценты по кредитам, оплата ЖКУ) выросли намного меньше, чем инфляция. Вследствие этого, реальные располагаемые доходы опережали рост общих доходов.

Заключение

Исходя из всего вышеизложенного, можно заметить, что бедность и низкие зарплаты являются проблемами России, над которыми государство должно работать. Доход 13% населения ниже прожиточного минимума, но еще хуже то, что в семьях с доходом за чертой бедности проживают 25% всех детей в стране. Это свидетельствует о том, что государству необходимо разработать эффективную государственную программу помощи населению. В первую очередь нужно помогать семьям с детьми. Для борьбы с нищетой необходимо выплачивать социальные пособия, социальную помощь в натуральной форме и ввести отрицательный подоходный налог.

Согласно данным РИА Новости на 28 февраля 2023 г., большая часть россиян довольна сложившимся положением в стране. Но оставшиеся 17% отмечают недостаточное качество жизни. По их мнению, когда повышаются зарплаты, начинает расти инфляция, что практически не улучшает качества жизни. Главное, над чем нужно работать государству, – повышение покупательной способности населения. Чтобы она росла, необходимо, чтобы зарплаты граждан росли быстрее, чем цены на товары и услуги.

Подобное положение выгодно и для государства. С повышением зарплат люди начнут покупать больше продукции, а вследствие этого, ее качество повысится (из-за конкуренции между различными предприятиями и отраслями). Предприятия начнут стремиться производить более качественную продукцию, что повысит эффективность производства. Это улучшит экономическую ситуацию в стране, значительно облегчит жизнь населения и повысит уровень жизни. Таким образом, доходы жителей заслуживают пристального внимания со стороны государства, а все проблемы с ними нуждаются в скорейшем разрешении.

В ближайшем будущем не стоит ожидать кардинального разрешения проблем, так как в нынешней социально-экономической политике государства есть некоторые недочеты, обусловленные объективными причинами. Доказательством чего является снизившийся платежеспособный спрос, высокие значения индекса потребительских цен и отсутствие роста реальных доходов. Все это еще больше обостряет проблему бедности в стране, так как работоспособное население не может обеспечить себе приемлемый уровень благосостояния из-за относительно низких зарплат и задержек с их выплатами.

Библиографический список

1. Землянухина Н.С. *Уровень и качество жизни населения России: факторы формирования и пути повышения: монографи.* Саратов: СГУ, 2022.

2. Почти каждый седьмой россиянин оказался за чертой бедности. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/20/840534-kazhdii-sedmoi> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Обзор: социально-экономическое положение регионов РФ в 2020 г. – URL: <https://riarating.ru/regions/20210319/630197235.html> (дата обращения: 29.06.2024).
4. Итоги-2020: Социологические индикаторы ушедшего года – как менялись общественные настроения по ключевым проблемам внешней и внутренней повестки дня. – URL: <https://kprf.ru/ros crisis/199661.html> (дата обращения: 03.07.2024).
5. Пандемия заставила большинство россиян отказаться от крупных трат. – URL: https://vsluh.ru/novosti/dengi/pandemiya-zastavila-bolshinstvo-rossiyan-otkazatsya-ot-krupnykh-trat_357387/ (дата обращения: 13.07.2024).
6. В 2020 г. только трети россиян удалось сохранить привычный уровень жизни – URL: <https://gubdaily.ru/news/v-2020-godu-tolko-treti-rossiyan-udalos-soxranit-privychnyj-uroven-zhizni/> (дата обращения: 22.07.2024).
7. 3 миллиона россиян перестали быть бедными. – URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-.05/1_8318_poverty.html (дата обращения: 16.07.2024).
8. Разбор парадокса: реальные доходы россиян падают, но уровень жизни растет. – URL: <https://mkset.ru/news/2021-11-20/razbor-paradoksa-realnye-dohody-rossiyan-padayut-no-uroven-zhizni-rastet-1886662> (дата обращения: 10.07.2024).
9. Опрос: большинство россиян экономят на отдыхе и развлечениях. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/12233601> (дата обращения: 25.07.2024).
10. Росстат оценил падение реальных доходов россиян по итогам 2022 г. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/484730-rosstat-ocenil-padenie-real-nyh-dohodov-rossian-po-itogam-2022-goda> (дата обращения: 01.07.2024).
11. Росстат зафиксировал минимальный за всю историю наблюдений уровень бедности в 2022 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/10/966059-rosstat-zafiksiroval-minimalnii-uroven> (дата обращения: 19.07.2024).
12. По итогам 2022 г. основные индикаторы, с помощью которых можно оценить финансовое благополучие граждан, показали отрицательную динамику. – URL: <https://newizv.ru/news/2023-01-05/dohody-rossiyan-u-odnih-vse-menshe-i-megshe-drugim-nakopleniya-devat-nekuda-392623> (дата обращения: 04.06.2024).
13. Стремительно нищают: экономисты оценили качество жизни россиян. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/09/12/stremitelno-nishhayut-ekonomisty-ocenili-kachestvo-zhizni-rossiyan.html> (дата обращения: 01.08.2024).
14. «МК»: Больше половины опрошенных россиян перешли на более дешевые товары и услуги за последнее полугодие. – URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2022-09-12/mk-bolshe-poloviny-oproshennyh-rossiyan-pereshli-na-bolee-deshevye-tovary-i-uslugi-za-poslednee-polugodie-4957803> (дата обращения: 23.06.2024).
15. Росстат: ВВП России в 2023 г. вырос на 3,6%. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6495111> (дата обращения: 08.06.2024).
16. Реальные доходы россиян за год выросли на 3,9%. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/02/988229-dohodi-rossiyan-virosli> (дата обращения: 22.07.2024).
17. ОЦЕНКИ УРОВНЯ ДОХОДА СРЕДИ РОССИЯН В 2023 ГОДУ. – URL: <https://www.levada.ru/2023/07/18/otsenki-urovnya-dohoda-sredi-rossiyan-v-2023-godu/> (дата обращения: 11.07.2024).
18. Сравнялись с Гватемалой: почти 65% россиян живут на доходы от 7 до 45 тысяч руб. – URL: <https://newizv.ru/news/2023-09-01/sravnyalis-s-gvatemaloy-pochti-65-rossiyan-zhivut-na-dohody-ot-7-do-45-tysyach-rublej-418261> (дата обращения: 20.06.2024).
19. Путин отметил исторически низкий показатель безработицы для России в 2,9%. – URL: <https://ria.ru/20231214/putin-1915727600.html> (дата обращения: 02.08.2024).

20. Экономика России: итоги 2023 г. – URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/> (дата обращения: 24.07.2024).
21. Реальные доходы россиян в 2023 г. выросли на 4,8%. – URL: <https://объясняем.рф/articles/news/realnye-dokhody-rossiyan-v-2023-godu-vyrosli-na-4-8/> (дата обращения: 14.06.2024).

References

1. Zemlyanukhina N. S. *The level and quality of life of the Russian population: factors of formation and ways of improvement: monograph*. Saratov: SSU, 2022.
2. Almost one in seven Russians found themselves below the poverty line. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/09/20/840534-kazhdii-sedmoi> (date of reference 07/10/2024).
3. Overview: socio-economic situation of the regions of the Russian Federation in 2020. – URL: <https://riarating.ru/regions/20210319/630197235.html> (date of reference 06/29/2024).
4. Results-2020: Sociological indicators of the past year – how public sentiment has changed on key issues of the external and internal agenda. – URL: <https://kprf.ru/rosccrisis/199661.html> (date of reference 07/03/2024).
5. The pandemic has forced most Russians to abandon large spending. – URL: https://vsluh.ru/novosti/dengi/pandemiya-zastavila-bolshinstvo-rossiyan-otkazatsya-ot-krupnykh-trat_357387/ (date of reference 07/13/2024).
6. In 2020, only a third of Russians managed to maintain their usual standard of living – URL: <https://gubdaily.ru/news/v-2020-godu-tolko-treti-rossiyan-udalos-soxranit-privychnyj-uroven-zhizni/> (date of reference 07/22/2024).
7. 3 million Russians have stopped being poor. – URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-10/1_8318_poverty.html (date of reference 07/16/2024).
8. Analysis of the paradox: the real incomes of Russians are falling, but the standard of living is rising. – URL: <https://mkset.ru/news/2021-11-20/razbor-paradoksa-realnye-dohody-rossiyan-padayut-no-uroven-zhizni-rastet-1886662> (date of reference 07/10/2024).
9. Survey: most Russians save on vacations and entertainment. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/12233601> (date of reference 07/25/2024).
10. Rosstat estimated a drop in real incomes of Russians by the end of 2022. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/484730-rosstat-ocenil-padenie-real-nyh-dohodov-rossiyan-po-itogam-2022-goda> (date of reference 01.07.2024).
11. Rosstat recorded the lowest poverty level in the entire history of observations in 2022. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/10/966059-rosstat-zafiksiroval-minimalnii-uroven> (date of reference 07/19/2024).
12. By the end of 2022, the main indicators that can be used to assess the financial well-being of citizens showed negative dynamics. – URL: <https://newizv.ru/news/2023-01-05/dohody-rossiyan-u-odnih-vse-menshe-i-megshe-drugim-nakopleniya-devat-nekuda-392623> (date of reference 06/04/2024).
13. They are rapidly becoming poor: economists have assessed the quality of life of Russians. – URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/09/12/stremitelno-nishhayut-ekonomisty-ocenili-kachestvo-zhizni-rossiyan.html> (date of reference 08/01/2024).
14. MK: More than half of the Russians surveyed have switched to cheaper goods and services over the last six months. – URL: <https://www.rosbalt.ru/news/2022-09-12/mk-bolshe-poloviny-oproshennyh-rossiyan-pereshli-na-bolee-deshevye-tovary-i-uslugi-za-poslednee-polugodie-4957803> (date of reference 06/23/2024).
15. Rosstat: Russia's GDP grew by 3.6% in 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6495111> (date of reference 06/08/2024).
16. The real incomes of Russians increased by 3.9% over the year. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/02/988229-dohodi-rossiyan-virosli> (date of reference 07/22/2024).

17. ESTIMATES OF THE INCOME LEVEL AMONG RUSSIANS IN 2023. – URL: <https://www.levada.ru/2023/07/18/otsenki-urovnya-dohoda-sredi-rossiyan-v-2023-godu/> (date of reference 07/11/2024).

18. They are equal to Guatemala: almost 65% of Russians live on incomes from 7 to 45 thousand rubles. – URL: <https://newizv.ru/news/2023-09-01/sravnyalis-s-gvatemaloy-pochti-65-rossiyan-zhivut-na-dohody-ot-7-do-45-tysyach-rubley-418261> (date of reference 06/20/2024).

19. Official website of the RIA Novosti news agency. Putin noted Russia's historically low unemployment rate of 2.9%. – URL: <https://ria.ru/20231214/putin-1915727600.html> (date of reference 08/02/2024).

20. Gazprombank Investments official website. The Russian economy: the results of 2023. – URL: <https://gazprombank.investments/blog/economics/russian-economy-2023/> (date of reference 07/24/2024).

21. The official website of the information portal Explain.RF. The real incomes of Russians in 2023 increased by 4.8%. – URL: <https://объясняем.Russian Federation/articles/news/realnye-dokhody-rossiyan-v-2023-godu-vyrosli-na-4-8/> (date of reference 06/14/2024).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2

Financial University under the Government of the Russian Federation

49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia

Селезнев Павел Сергеевич / Pavel S. Seleznev

PSeleznev@fa.ru

Пономарев Николай Андреевич / Nikolai A. Ponomarev

Sharukin87@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-325-333

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ: СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕЖДУ ГОРОДАМИ И СЕЛЬСКИМИ ТЕРРИТОРИЯМИ¹

REGIONAL DIFFERENCES IN THE LEVEL OF QUALITY OF LIFE: COMPARISON OF INDICATORS BETWEEN CITIES AND RURAL AREAS

ТИТОВ Виктор Валериевич

Ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

Viktor V. TITOV

Leading Researcher, Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

ЗУБЕЦ Алексей Николаевич

Директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент

1 Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Alexei N. ZUBETS

Director of the Center for Socio-Economic Research, Leading Researcher at the Institute of Global Studies, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics.

Аннотация

В статье рассматриваются региональные различия в уровне качества жизни применительно к Российской Федерации как один из экономических показателей, характеризующих уровень развития территорий, объединенных в субъекты. Изучена содержательная часть понятия «качество жизни» определены показатели качества жизни населения, проживающего в городах и сельской местности. Проанализированы показатели уровня качества жизни в городах и сельских поселениях на примере конкретных регионов страны, приведены результаты анализа. Обозначен перечень показателей уровня жизни в городах и сельских поселениях регионов страны, олицетворяющих степень развития территории, где расположен населенный пункт и субъекта в целом. Рассмотрена значимость и целесообразность в разработке и реализации мер, направленных на повышение уровня качества жизни применительно к городам и сельским территориям в разных субъектах страны.

Abstract

The article examines regional differences in the level of quality of life in relation to the Russian Federation as one of the economic indicators characterizing the level of development of territories united into subjects. The substantive part of the concept of «quality of life» has been studied, and indicators of the quality of life of the population living in cities and rural areas have been determined. The indicators of the quality of life in cities and rural settlements are analysed on the example of specific regions of the country; the results of the analysis are presented. A list of indicators of the standard of living in cities and rural settlements of the country's regions is indicated, embodying the degree of development of the territory where the settlement and the subject as a whole are located. The importance and expediency in the development and implementation of measures aimed at improving the quality of life in relation to cities and rural areas in different regions of the country are considered.

Ключевые слова

Качество жизни, уровень качества жизни, показатели уровня качества жизни, субъекты РФ, городская и сельская местность.

Keywords

Quality of life, level of quality of life, indicators of the level of quality of life, subjects of the Russian Federation, urban and rural areas.

Введение

В XXI веке все развитые страны перешли к концепции «социального государства», центральное место в которой занимает человек, его потребности. Поэтому основные усилия государства и общества направлены на их удовлетворение. Российская Федерация не стала исключением, и с момента своего возникновения как государства реализует планомерную политику, направленную на удовлетворение потребностей граждан, создание условий, позволяющих каждому отдельно взятому человеку реализоваться в личностном, творческом, социальном и профессиональном

плане. Одним из важнейших критериев эффективности политики, проводимой государством, является качество жизни, основанное на совокупности показателей и подразделяющееся на несколько уровней [1, с. 33].

В современной России – государстве, состоящем из 89 равноправных субъектов, в каждом регионе проводится политика, направленная на повышение уровня качества жизни населения, затрагивающая как городскую, так и сельскую местность. При этом, как показывает практика, уровень качества жизни в регионах страны различается, что обусловлено совокупностью факторов. Эта же тенденция актуальна для городской и сельской местности и также зависит от множества факторов. Уровень качества жизни граждан, проживающих в крупных городах, и уровень качества жизни сельских жителей отличаются, что обуславливает потребность в проведении сравнительного анализа показателей качества жизни, что позволит сформировать представление о том, как живут люди в городах и небольших населенных пунктах в разных регионах страны [2, с. 58].

Основная часть

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении о том, что качество жизни представляет собой комплексную дефиницию, в рамках которой интегрируется множество связанных между собой, главную роль среди которых играют человек (рассматриваемый как биологический и духовный субъект), жизнедеятельность индивида и условия ее реализации. Отталкиваясь от данного варианта интерпретации понятия, можно заключить, что комплекс показателей и индикаторов, используемых для оценки качества жизни населения, крайне обширен. При этом он охватывает как объективные характеристики состояния конкретного человека либо группы людей, так и субъективные показатели, отображающие то, как индивид воспринимает реалии жизни [3, с. 73].

В контексте выбранной темы более обоснованным, по нашему мнению, является следующая трактовка понятия «качество жизни» применительно к жителям городских и сельских поселений, раскрывающаяся следующим образом. Качество жизни в данном случае можно интерпретировать как уровень удовлетворения комплексных потребностей человека, включающих в себя материальный, культурный и духовный компоненты и отображающийся как через наличие объективно фиксируемых условий, так и субъективное восприятие [4, с. 109].

При этом обозначенный показатель следует рассматривать как качество коллективного субъекта, включающего в себя качество жизни каждого отдельного взятого человека. В данном контексте качество жизни применительно к целым населенным пунктам (городам и селам), требует улучшения практически во всех аспектах. В современных реалиях измерение уровня качества жизни граждан оценивается по целому набору объективных и субъективных показателей, при этом в роли главного ориентира выступает целевой критерий (эталон). Важно подчеркнуть, что в большинстве случаев, как показывают результаты анализа исследований, проведенных по инициативе отечественных проектов, например ВЕБ.РФ, РИА.РЕЙТИНГ, ВЭБ.ИНДЕКС, на первый план выдвигаются экономические критерии оценки качества жизни. Последнее объясняется тем, что именно четко измеряемые в количественном выражении показатели наиболее пригодны для

анализа в плане минимизации проявлений субъективного фактора в процессе интерпретации, что в итоге позволяет формировать наиболее объективное представление о качества жизни населения и его динамике [6].

К числу ключевых показателей, используемых большинством исследователей в рамках измерения качества жизни, относятся:

- средний размер зарплаты жителей;
- номенклатура товаров и услуг, отображающих качество и структуру потребления;
- разница в размере доходов между жителями крупных городов и небольших поселений;
- продолжительность жизни населения;
- уровень образования;
- перечень продуктов питания, употребляемых в пищу на регулярной основе;
- обеспеченность жильем;
- состояние окружающей среды. Совокупность биологических, физических и химических показателей, оказывающих прямое влияние на уровень комфорта жизнедеятельности сельского и городского населения;
- степень реализации прав человека и гражданина, нашедших свое отражение в положениях Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актов [7, с. 60].

Чтобы определить региональные различия в уровне качества жизни в Российской Федерации, был проведен сравнительный анализ показателей между городами и сельской местностью.

В рамках переписи 2021 г. было установлено, что в Российской Федерации имеется 1118 городов, 1179 поселков городского типа и 15 137 населенных пунктов сельского типа. В городах регионов России проживает 74,8% населения, что в количественном выражении составляет 109,3 млн человека. Это позволяет сделать вывод о том, что почти 74,8% граждан страны отдают предпочтение проживанию в городских условиях. При этом 25,2% проживают в сельской местности, это 36 млн человек.

По инициативе проекта РИА Рейтинг был сформирован рейтинг регионов по качеству уровня жизни. Полученные в ходе его разработки данные позволяют сделать вывод о том, что на текущий момент существует значимый разрыв в качестве жизни между конкретными регионами России [6].

В рамках оценки различий в уровне качества жизни между регионами мы опирались на перечень показателей, представленных ранее применительно к крупным городам и селам в разных субъектах РФ.

Самым крупным городом в Московской области является Москва, население столицы превышает показатель в 13 млн человек – это экономический, культурный центр страны. Самое крупное село в Московской области деревня Давыдово, согласно официальным данным на его территории в 2021 г. проживало более 10 тыс. граждан.

Средний уровень дохода гражданина, проживающего в Москве, составляет 110 тыс. руб., если рассмотреть конкретные специальности, то высокую заработную плату получают врачи, специалисты IT-сферы, работники финансового сектора, сотрудники, занятые в сфере торговли. На 1 июля 2024 г. уровень дохода жителей деревни Давыдово в Московской области в среднем был равен 89 тыс. руб. Сотрудники небольших предприятий получают около 52 тыс. руб.,

а представители бюджетной сферы – 70 тыс. руб. [8]. Исходя из этого, становится понятным, что в городской и сельской местности Московской области разница между уровнями дохода граждан составляет примерно 18%, что не является критическим показателем.

Столица Приморского края – Владивосток, на территории города проживает более полумиллиона человек. Самое крупное село – Чугуевка, его население составляет 13,9 тыс. человек.

Средний уровень дохода жителя Владивостока – 80 тыс. руб. Сотрудники небольших компаний получают 47 тыс. руб., предприятий – 71 тыс. руб. Учителя, врачи и социальные работники получают в среднем 63 тыс. руб. На 1 июля 2024 г. жители села Чугуевка Приморского края, трудоустроенные официально, получали в среднем 63 тыс. руб. Уровень заработной платы сотрудников небольших компаний и предприятий – 38 тыс. руб., врачей и учителей – 50 тыс. руб. [8]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в Приморском крае уровень доходов населения в городской и сельской местности различается на 21–23%.

В городе Кызыл Республики Тыва проживает 130 тыс. человек, самым крупным селом региона является населенный пункт Бай-Хаак, где проживает более 3,3 тыс. человек.

Средний уровень дохода жителя Кызыла составляет 59 тыс. руб. Сотрудники небольших компаний и предприятий получают 34 тыс. руб., работники бюджетной сферы – 45 тыс. руб. На 1 июля 2024 г. жители населенного пункта Бай-Хаак Республики Тыва получали 36 тыс. руб. Зарплата работников компаний и предприятий составляла 36 тыс. руб., учителей и врачей – 29 тыс. руб. [8]. Сравнив уровень заработной платы в столице региона и самом крупном селе Республики Тыва, можно сделать вывод о том, что в городе работники получают на 39% больше, чем жители сельской местности.

Разница в доходах

Основываясь на результатах анализа уровня заработных плат граждан в крупных городах и селах трех регионов страны, можно с уверенностью сказать о том, что городское население получает более высокую заработную плату по сравнению с гражданами, проживающими в сельской местности. Разница в доходах между столицами регионов и самыми крупными селами в них составляет в среднем 20–23%.

Если сравнивать регионы, то в Республике Тыва, средний уровень заработной платы, как основного источника дохода, в три раза меньше, чем в Московской области и в два раза меньше, чем в Приморском крае.

Потребительская корзина

Доходы, получаемые населением, проживающим в городской и сельской местности, используются для приобретения товаров и услуг, из них обязательным является минимальный набор продуктов – это потребительская корзина, состав которой отличается у тех, кто живет в крупных городах и небольших по размеру населенных пунктах в разных регионах страны. В апреле 2024 г. в Москве стоимость минимального набора продуктов, в который входит 33 наименования, составляла 7336 руб., в Санкт-Петербурге – 6995 руб. Большое влияние на стоимость потребительской корзины оказывает региональная принадлежность,

что подтверждается на примере Чукотского автономного округа, где стоимость минимальной продуктовой корзины составляет минимуму 15 тыс. руб. Таким образом, стоимость минимального набора продуктов в этом регионе более чем на 100% превышает величину аналогичного показателя для Москвы. В то же время жители сельских поселений, расположенных в Белгородской области, имеют возможность приобрести тот же набор продуктов всего за 4,7 тыс. руб. Подчеркнем, что в данном случае величина показателя ниже, чем в случае Санкт-Петербурга. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что такой показатель качества жизни, как стоимость потребительской корзины, зависит преимущественно от региона проживания человека, а не от типа поселения. Также сохраняется тенденция к подорожанию продуктов, что актуально для всех регионов и затрагивает как села, так и города, увеличивая процент расходов на минимальный набор продуктов. Не стоит забывать и о том, что граждане, проживающие в сельской местности, имеют собственные огороды и сады. Это дает им возможность закрывать потребность в продуктах, в первую очередь фруктах и овощах, без посещения магазинов, в то время как жители городов приобретают перечисленные продукты в супермаркетах, что также обуславливает разницу в тратах на минимальный набор продуктов между двумя категориями населения в разных регионах страны [9, с. 92].

Продолжительность жизни

Средняя продолжительность жизни городского населения на два года превышает аналогичный показатель, актуальный для граждан, проживающих в сельской местности, такое заявление было сделано в 2018 г. вице-премьером Татьяной Голиковой на урбанистическом конгрессе «Приоритеты здоровья. Новые ориентиры городской политики» и на данный момент времени тенденция сохраняется. Разница обусловлена несколькими факторами, среди них на первый план выходит более высокий уровень здравоохранения, доступность медицинских услуг для жителей крупных городов в отличие от населения, проживающего в сельской местности, где сложнее поддерживать здоровье и решать проблемы с ним в экстренном порядке. С другой стороны совокупность факторов, таких как дефицит органических, правильных продуктов, постоянные стрессы, загрязненный воздух, оказывают негативное влияние на организм человека, проживающего в городе, особенно промышленном. Из-за этого ухудшается здоровье, самочувствие, что приводит к раннему старению. У жителей сельской местности, где обозначенные выше факторы отсутствуют или проявляются не так сильно, как в городах, данной проблемы нет.

Стоит подчеркнуть, что для России такой показатель уровня качества жизни как продолжительность жизни уникален тем, что в стране есть регионы долгожители, в которых население живет дольше. В качестве примера можно рассмотреть Кавказ, а именно, Ингушетию, Дагестан, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкессию и Чечню, где продолжительность жизни населения, проживающего преимущественно в сельской местности, составляет 73–80 лет, что позволят перечисленным субъектам занимать первые позиции в рейтинге. Конкуренцию им составляет Москва, где продолжительность жизни населения составляет в среднем 74,5 года и Санкт-Петербург – 72 года [10, с. 47].

Уровень образования

В современном мире образование является одним из факторов, оказывающих большое влияние на социальный статус, уровень дохода граждан, социальным лифтом, позволяющим повысить качество жизни. Результаты исследований, проведенных отечественными аналитическими организациями, показывают, что в крупных городах страны уровень образования граждан выше, чем у сельского населения. В качестве примера можно выделить Москву и Санкт-Петербург. Для этих мегаполисов характерен высокий уровень концентрации высших образовательных учреждений. Помимо того, для городов в целом характерен более высокий уровень качества школьного образования (по сравнению с сельскими поселениями). В городах Ленинградской, Калининградской и Ярославской области уровень образования населения выше, чем у граждан, проживающих в сельской местности в Ингушетии, Дагестане, Чечне, КЧР и Кабардино-Балкарии [11, с. 130].

Обеспеченность жильем

Для многих граждан, проживающих, как в сельской, так и в городской местности, жилищный вопрос является одним из самых актуальных и важных, поэтому его решению уделяется особое внимание. Основным способом решения жилищного вопроса является ипотечное кредитование на льготных условиях. При этом на данный момент времени в условиях, когда Центральный банк проводит политику по планомерному повышению ключевой ставки, становится сложнее приобрести собственное жилье. С такой проблемой сталкиваются жители как сельской, так и городской местности.

Результаты изысканий жилищного фонда в России, проведенных в 2020 г. позволили установить, что размер площади жилого помещения, приходящегося в среднем на одного человека, приблизительно равен в случае сельской и городской местности. Для жителей городов показатель составлял 26,7 м², для сельского населения – 27,4 м². На данный момент обеспеченность жильем в регионах страны варьируется от 26 до 27 м² на человека. При этом государство разрабатывает и реализовывает меры, призванные способствовать улучшению жилищных условий. В ближайшие годы усилия будут направлены на увеличение жилищного фонда, при этом вопрос его доступности остается открытым, так как не все граждане могут приобрести квартиру в новостройке или вторичном рынке на льготных условиях в ипотеку. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что обеспеченность жильем жителей городов и сел в разных регионах страны не сильно отличается. Все население сталкивается с похожими проблемами, такими как высокая ключевая ставка и ограниченность предложений льготной ипотеки, даже с учетом того факта, что было принято решение о продлении программы льготной ипотеки [12].

Состояние окружающей среды

Экологическая обстановка в селах лучше, чем в крупных городах. Основной причиной является то, что на территории городов, особенно промышленных столиц, располагается много предприятий, фабрик и заводов, загрязняющих атмосферу, почву, водные ресурсы вредными отходами, испарениями, что оказывает негативное влияние на комфорт жителей городов. В сельской местности заводов, предприятий и фабрик меньше, что уменьшает объем вредных отходов и испарений.

Результаты исследования, проведенного Российской Федеральной службой по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, показывают, что в 2022 г. высокий либо очень высокий уровень загрязнения – это проблема, актуальная для 49% городского населения. На одного человека в 2022 г. приходилось 238 кг твердых коммунальных отходов. Всего за 2022 г. было зафиксировано 4,4 млн случаев, когда гражданам, проживающим в сельской и городской местности, были диагностированы заболевания, обусловленные плохой экологической обстановкой.

Экологическая обстановка, вызывающая опасения и требующая вмешательства с точки зрения ее стабилизации, актуальна для таких регионов страны как Забайкалье, Астраханская, Иркутская Ростовская и Челябинская области. Наиболее благополучными с точки зрения экологии регионами являются Адыгея, Удмуртия, Марий Эл, Пензенская и Орловская области [13, 73].

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

- Уровень качества жизни как системный показатель, характеризующий степень удовлетворения потребностей населения и комфорт жизнедеятельности применительно к разным регионам Российской Федерации отличается, что обусловлено влиянием совокупности факторов, таких как уровень экономического, социального развития конкретного субъекта;
- По некоторым показателям, например, состояние окружающей среды, ситуация в сельской местности лучше, чем в крупных городах, при этом по остальным показателям: средняя заработная плата, уровень образования, потребительская корзина, продолжительность жизни города превосходят села, исключением по продолжительности жизни являются Северо-Кавказские республики;
- По такому показателю как обеспеченность жильем ситуация в городской и сельской местности в регионах страны отличается незначительно;
- Можно с уверенностью сказать, что уровень качества жизни в городах и сельской местности в разных регионах страны отличается, для каждого субъекта актуальна своя ситуация, обусловленная влиянием многих факторов, среди них – культура, экономика, наличие природных ресурсов, политика, реализуемая местными властями и т.д.

Библиографический список

1. Будко Е.Н. *Уровень и качество жизни населения [Текст]: монография.* Москва: ОнтоПринт, 2016. – С. 91.
2. *Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография.* Москва: ФНИСЦ, 2022. – С. 274.
3. Кокорина А.А. *Качество жизни населения региона: методика оценки и мониторинг состояния: монография.* Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2016. – С. 144.
4. Землянухина Н.С. *Уровень и качество жизни населения России: факторы формирования и пути повышения: монография.* Саратов: СГУ, 2022.
5. Шевцов П.А. *Уровень и качество жизни населения в Российской Федерации: экономико-статистический аспект.* Москва: Изд-во РГТЭУ, 2011. – С. 361.
6. РЕЙТИНГ. – URL: <https://riarating.ru>.
7. Степченко Е.В. *Уровень и качество жизни населения как факторы устойчивого развития России: монография.* Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2019.

8. *Официальный сайт с заработными платами в России, субъектах, населенных пунктах страны.* – URL: <https://bdex.ru>.
9. *Лига М.Б. Методология и методика оценки качества жизни: учебное пособие* Чита: ЗабГУ, 2020.
10. *Теория и методология формирования и развития системных индикаторов обеспечения качества жизни населения как инструментов устойчивого развития региона: монография.* Тамбов: ТГТУ, 2019.
11. *Мухачева А.В. Качество жизни в условиях кризиса: региональный аспект: монография.* Кемерово: КемГУ, 2016.
12. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.* – URL: <https://rosstat.gov.ru>
13. *Стукаленко Е.А. Качество жизни и его измерение: учебное пособие.* Новосибирск: НГТУ, 2016.

References

1. *Budko E.N. The level and quality of life of the population: monograph.* Moscow: OntoPrint, 2016. – p. 91.
2. *The level and quality of life of the Russian population: from reality to designing the future: a monograph.* Moscow: FNISTC, 2022. – p. 274.
3. *Kokorina A.A. Quality of life of the population of the region: methods of assessment and monitoring of the state: monograph.* Ulan-Ude: VSGUTU, 2016.
4. *Zemlyanukhina N.S. The level and quality of life of the Russian population: factors of formation and ways of improvement: monograph.* Saratov: SSU, 2022.
5. *Shevtsov P.A. The level and quality of life of the population in the Russian Federation: an economic and statistical aspect: monograph.* Moscow: Publishing House of RGTEU, 2011.
6. *Official website of the RIA project.rating.* – URL: <https://riarating.ru>.
7. *Stepchenko E.V. The level and quality of life of the population as factors of sustainable development of Russia: monograph.* Tambov: Publishing house of IP Chesnokova A.V., 2019.
8. *Official website with salaries in Russia, subjects, settlements of the country.* – URL: <https://bdex.ru>.
9. *Liga M.B. Methodology and methodology for assessing the quality of life: a textbook/* Chita: ZabGU, 2020.
10. *Theory and methodology of formation and development of system indicators of ensuring the quality of life of the population as instruments of sustainable development of the region: monograph.* Tambov: TSTU, 2019.
11. *Mukhacheva A.V. Quality of life in crisis: the regional aspect: a monograph.* Kemerovo: KemSU, 2016.
12. *Official website of the Federal State Statistics Service.* – URL: <https://rosstat.gov.ru>.
13. *Stukalenko E.A. Quality of life and its measurement: a textbook* Novosibirsk: NSTU, 2016.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125167, Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia

Титов Виктор Валериевич / Viktor V. Titov
titov-msu@mail.ru
Зубец Алексей Николаевич / Alexei N. Zubets
ANZubets@fa.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-334-343

ЗЕЛЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ: ИНСТРУМЕНТЫ И СЕКТОРА КЛАССИФИКАЦИИ

GREEN INVESTMENTS: TOOLS AND SECTORS OF CLASSIFICATION

МИНАШКИН Виталий Григорьевич

Проректор ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», доктор экономических наук, профессор

Vitaliy G. MINASHKIN

Vice-rector the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

ОРДОВ Константин Васильевич

Заведующий кафедрой финансов устойчивого развития ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», доктор экономических наук, доцент

Konstantin V. ORDOV

Head of the Department of Sustainable Development Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

БОНДАРЕНКО Татьяна Григорьевна

Заместитель директора Высшей школы финансов ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», кандидат экономических наук, доцент

Tatiana G. BONDARENKO

Deputy Director of the Higher School of Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Economics, associate professor

Аннотация

Зеленые инвестиции имеют как суверенно-национальный, так и транснациональный характер. Зеленые проекты являются рискованными и имеют длительный срок окупаемости, для их реализации необходимо рассматривать привлечение различных источников финансирования инвестиций. В статье представлены основные характеристики зеленой экономики, изучена концепция зеленого инвестирования, рассмотрены различные инструменты зеленых финансов. Подчеркнуто, что компании могут воспользоваться альтернативными инновационными источниками

привлечения средств в зеленые проекты – зеленый лизинг, зеленые облигации, синдицированный кредит или краудфинансирование.

Abstract

Green investments can have both characteristics as sovereign-national and transnational. Green projects are risky and have a long payback period, and for their implementation it is necessary to consider attracting various sources of investment financing. The article presents the main characteristics of the green economy, examines the concept of green investment, and examines various tools of green finance. It was emphasized that companies can use alternative innovative sources of raising funds for green projects – green leasing, green bonds, syndicated loans or crowdfunding.

Ключевые слова

Зеленые инвестиции, зеленые проекты, зеленый кредит, зеленая секьюритизация активов, углеродное и зеленое страхование, зеленые и углеродные облигации.

Keywords

Green investments, green projects, green credit, green asset securitization, carbon and green insurance, green and carbon bonds.

Введение

Под зеленой экономикой понимается принципиально новый этап ведения экономической деятельности. Постепенный переход России к принципам зеленой экономики способствует инновационному развитию страны, однако для достижения вектора устойчивого развития экономики недостаточно опираться только на собственный опыт подобного рода трансформации. Особенный интерес вызывает анализ международного опыта перехода к зеленой экономике. Важность внедрения новых технологий, которые способствовали бы улучшению экологической обстановки, перманентно становится основным вопросом в повестке органов российской государственной власти.

В настоящее время вопрос актуальности перехода к зеленым инвестициям, особенно в компаниях «грязных отраслей», стоит особенно остро для сохранения окружающей среды и биоразнообразия, а также сохранения комфортных социальных условий. С производственной деятельностью подобных компаний соответствующих отраслей связана наибольшая доля вреда, причиняемого промышленностью окружающей среде. Реализация зеленых проектов, как правило, сопряжена с крупными инвестиционными затратами и новыми видами рисков, в связи с чем компании испытывают трудности в привлечении инвестиционных финансовых ресурсов в подобные проекты.

Цель. Авторами статьи сформированы приоритетные направления использования различных по характеру финансовых инструментов в части привлечения финансирования в зеленые проекты компаний, что может быть использовано менеджментом компаний для повышения эффективности инвестиционных зеленых проектов.

Материалы и методы. Достижение поставленной цели требовало изучения сущности зеленой экономики и ее основных характеристик, описания концепции зеленого инвестирования, рассмотрения различных инструментов зеленых финансов.

На сегодняшний день, когда окружающая среда вписана в экономику в виде ограниченности благ, наблюдается активное становление новой модели экономики.

Зеленая экономика – это производство, распределение, обмен и потребление товаров и услуг, которые способствуют повышению благосостояния индивида в будущем; при этом окружающая среда сохраняется в наилучшем возможном состоянии для будущих поколений¹.

Сторонники модели зеленой экономики утверждают, что та экономическая модель, которая действует сейчас, является несостоятельной и вредоносной как для общества, так и для окружающей среды, что можно подтвердить регулярно происходящими кризисами². Существующая система «перевернула» общество, повысила уровень жизни большинства людей, но при этом нельзя отрицать колоссальное негативное воздействие этой системы на окружающую среду. Последствиями ультралиберального капитализма стали возникшие экологические проблемы, дефицит пресной питьевой воды, истощение природных ресурсов, дефицит продуктов питания, энергии, нарастающее неравенство доходов людей, а также уровня жизни в различных странах. Все перечисленное не может не оказать негативного влияния на будущие поколения, если не будет изменен приоритет и дан дополнительный импульс развитию зеленой экономики.

Переход к принципам зеленой экономики невозможен без так называемых зеленых технологий: энергоэффективность, энергетика, построенная на альтернативных источниках энергии; системы управления электроэнергией; «зеленый» транспорт; а также управление отходами и выбросами в окружающую среду.

Зеленая экономика несет в себе следующие тренды:

- 1) рост инвестиций в экологию, в зеленые технологии;
- 2) образование новых рабочих мест, а также создание возможностей для повышения качества рабочих мест на предприятиях зеленого сектора экономики;
- 3) стремление к меньшей ресурсо- и энергоемкости в расчете на единицу производства;
- 4) улучшение экологической обстановки;
- 5) уменьшение объемов эмиссии вредных веществ в атмосферу;
- 6) формирование экономики замкнутого цикла;
- 7) рациональное и эффективное использование имеющихся ресурсов.

Успешный и эффективный переход к зеленой экономике невозможен без формирования соответствующей нормативной базы, а также эффективных государственных программ, стимулирующих переход к принципам зеленой экономики и зеленому инвестированию.

Зеленые инвестиции по сути своей являются одним из подвидов социально-ответственных инвестиций. Первые такие инвестиции появились в 1758 г. когда религиозные организации ввели запрет для своих членов на торговлю рабами, алкоголем, табачной продукцией, а также на азартные игры. Кроме того, в этот период впервые начали подниматься вопросы равноправия полов и рас, пацифизма и необходимости бережного отношения к экологии, что привело к активному развитию социально-ответственного инвестирования³. Первоначально такие инвестиции начали распространяться на территориях США и Европы. Уже к 1980 г.

1 Александрова М.А., Григорьева Г.Ю., Долгов С.Ф. «Зеленая» экономика как инвестиция в будущее // StudNet. – 2020. – №12. – С. 1.

2 Булгакова Ю.В. Особенности реализации концепции зеленой экономики в России // Общество: политика, экономика, право. 2020. №12. С. 3.

3 Канунникова К.И. Формирование «зеленой» экономики в России // Скиф. – 2021. – №5 (57). – С. 5.

объем рынка социально-ответственных инвестиций значительно вырос, что привело к появлению первых инвестиционных фондов, которые осуществляли вложения только в проекты, ориентированные на социальное благо⁴. В это же время такие инвестиции получили свое официальное признание в связи с появлением благотворительных фондов, а также других некоммерческих организаций, занимающихся социально-ориентированным инвестированием. Кроме того, возникли первые биржевые индексы, определяющие направленность таких инвестиций.

Результаты. По причине того, что социально-ответственные инвестиции постоянно трансформировались с учетом нужд общества, исторических событий и новых веяний времени, а также продолжают трансформироваться, существуют различные определения социально-ответственных инвестиций. Можно вывести следующее определение для социально-ответственных инвестиций, наиболее полно отражающее суть — это инвестиционные решения, которые принимаются с целью получения одновременно как финансовой выгоды, так и формирования максимального возможного дополнительного блага для социума при минимальном воздействии на окружающую среду.

При рассмотрении понятия зеленых инвестиций нельзя не упомянуть современную парадигму трансформации корпоративного сектора, выражающуюся в системе учета ESG-факторов (Environmental, Social, Governance). Концепция ESG-трансформации основывается на принципах устойчивого развития. Таким образом, ESG-трансформация бизнеса в качестве главной цели ставит поддержку устойчивого развития, и, как следствие, инвестирование в компании заявившие о соответствии принципам ESG⁵. Три составляющие ESG — это направления, связанные с охраной окружающей среды, социальными особенностями бизнеса (к примеру, условия и безопасность труда, качество производимых товаров и услуг, доступность оказания медицинских услуг для сотрудников), а также с качеством и лучшими практиками управления компанией (сюда можно отнести этику ведения бизнеса, механизм вознаграждений руководства, расовый и гендерный нейтралитет).

Таким образом, компания, желающая получить высокий ESG-рейтинг, должна соответствовать лучшим стандартам в каждой из вышеперечисленных сфер, в том числе в сфере природоохранной деятельности посредством осуществления зеленых инвестиций.

В целом систему зеленых финансов и инструменты, используемые в ней, можно определить в классификации четырех секторов.

Первый сектор зеленых финансов — это розничные финансы. К таким финансам можно отнести зеленую ипотеку и зеленое кредитование. Зеленая ипотека — ипотека (заем со стороны банка), которая выдается лицу для строительства или покупки жилья, построенного в соответствии с требованиями к охране окружающей среды и снижению углеродного следа. К такому классу объектов недвижимости относятся, например, энергоэффективные дома. Помимо экономической выгоды зеленой ипотеки (которая предлагает более выгодные условия, нежели обычная ипотека), каждый человек получает возможность ответственного инвестирования в зеленое жилье. В свою очередь, под зелеными кредитами понимаются банковские кредиты,

4 Спиридонова А.В. Экологическое инвестирование в Российской Федерации: теоретико-правовой подход // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. — 2020. — № 1. — С. 4.

5 Коданева С.И. «Зеленые инвестиции» в России и за рубежом: проблемы, механизмы, перспективы // РСМ. — 2020. — № 3 (108). — С. 2.

которые, как правило, выдаются на льготных условиях и имеют целевой характер, в связи с чем дают дополнительный стимул для развития зеленой экономики. Получить зеленый кредит для компании, как правило, означает следующее:

1) информация о получении компанией зеленого кредита положительно влияет на ее репутацию и имидж на рынке, что в дальнейшем содействует и облегчает процедуру привлечения новых инвестиций;

2) льготные условия зеленого финансирования стимулируют менеджеров компании к более широкому использованию данного инструмента при формировании оптимальной структуры инвестированного капитала компании;

3) льготные условия зеленого финансирования формируют спрос со стороны коммерческих компаний на зеленые инвестиции, что позволяет повысить эффективность и стоимость бизнеса;

4) зеленое кредитование формирует дополнительные условия инвестиционной привлекательности компании, внутренней валидации и верификации инвестиционных проектов.

С помощью зеленого кредита возможна проработка следующих бизнес-механизмов:

1) создание факторов инвестиционной привлекательности (факт получения предприятием зеленого кредита положительно влияет на имидж компании и ее репутацию) и роста стоимости компании;

2) льготные условия зеленого кредита могут способствовать улучшению платежной дисциплины на предприятии;

3) вследствие того, что зеленые кредиты предоставляются на льготных условиях, предприятия получают возможность привлечения более дешевого финансирования, необходимого для реализации «зеленых» проектов;

4) уделение особого внимания бюджетированию в компании, что в результате повышает эффективность зеленых инвестиций предприятия.

Зеленые технологии представляют собой капиталоемкие и масштабируемые инвестиционные проекты. В целях стимулирования предприятий к реализации зеленых проектов, сопряженных с крупными инвестиционными затратами, целесообразно и наиболее эффективно использование зеленых кредитов, ставки по которым ниже ставок по обычным кредитам. Таким образом, применение зеленых кредитов позволяет нивелировать экономическую разницу между эффективностью проекта с применением более дешевых «коричневых» технологий и проектом на базе более дорогих, передовых экологических технологий.

Второй сектор зеленых финансов – инвестиционные финансы, к которым относятся финансирование зеленых проектов, зеленая секьюритизация. Феномен секьюритизации способен стать источником дополнительного снижения риска и требуемой доходности портфеля зеленых кредитов. В настоящее время очевиден тренд на формирование минимального объема зеленых финансовых инструментов в инвестиционном портфеле, но в обозримой перспективе возможен полный отказ от финансирования «коричневых» инвестиций. В этих условиях более дешевое зеленое финансирование в среднесрочной перспективе может стать главным направлением привлечения средств крупных хедж фондов и институциональных инвесторов.

Третий сектор зеленых финансов – страхование, куда входят такие инструменты, как углеродное и зеленое страхование. В данном случае страховые организации

базируются на ESG-принципах при разработке современных страховых продуктов. В свою очередь, страховые компании, создающие зеленые продукты, получают инвестиционные возможности и налоговые преференции.

Продуктами углеродного страхования могут быть:

- 1) страхование работ по строительству и монтажу объектов, которые строятся в целях осуществления проектов по снижению объемов эмиссии парниковых газов;
- 2) страхование уже построенного имущества, с учетом объемов эмиссии парниковых газов;
- 3) страхование кредиторов углеродных проектов в случае непоставки офсетных единиц, способных подтвердить сокращение эмиссии парниковых газов вследствие банкротства компании-собственника проекта.

Четвертый сектор – управление активами. Сюда можно отнести такие инструменты, как зеленые и углеродные облигации, углеродные и экологические фонды, экологические биржевые инвестиционные фонды.

В целом, облигации – это долговой инструмент, посредством которого эмитент облигации выплачивает держателю облигации или инвестору основную сумму в указанную конечную дату, а также процентные платежи в течение срока действия облигации. Большинство облигаций имеют фиксированный доход, что означает, что инвестору выплачиваются проценты через определенные промежутки времени. Чтобы поддерживать низкий уровень риска, инвесторы должны быть уверены в том, что долг будет погашен за счет доходов эмитента или проекта. Зеленые облигации эмитируются как государственным сектором, так и частными компаниями в целях привлечения средств для финансирования зеленых проектов. Можно также выделить ряд преимуществ зеленых облигаций перед обычными:

- 1) во-первых, посредством зеленых облигаций возможно привлечь тех инвесторов, в инвестиционных декларациях которых предусмотрены инвестиции в проекты, призванные улучшить экологическую обстановку;
- 2) во-вторых, те компании, которые выпускают зеленые облигации, тем самым улучшают свой имидж и репутацию в обществе;
- 3) в-третьих, компании, занимающиеся проектами в области устойчивого развития, тем самым могут получить доступ к более дешевому финансированию.

Когда компания задумывается о реализации зеленых инвестиционных проектов, первое, о чем должен подумать менеджмент – будет ли проект реализовываться за счет собственных источников или заемных, либо более сложной структуры инвестиционного капитала. В случае привлечения заемных средств менеджмент должен определить источники финансирования компании и виды используемых финансовых инструментов. Поэтому можно сказать, что внедрение эффективного механизма привлечения финансирования в зеленые инвестиционные проекты – это основа эффективного управления зеленой инвестиционной деятельностью компании. В таком механизме ключевым элементом является выбор источника финансирования для осуществления зеленого проекта.

На сегодняшний день существуют следующие источники получения финансовых ресурсов для реализации зеленых инвестиционных проектов:

- 1) бюджетные средства (выделяемые из бюджета региона, муниципального образования или государства). Среди преимуществ такого финансирования – безвозмездная основа финансирования, а также обеспечение минимального уровня инвестирования в зеленые инвестиционные проекты. Однако бюджетное

финансирование, как правило, составляет сравнительно небольшой объем средств, необходимых для реализации проекта;

2) собственные средства компании. Преимущества такого источника – предприятие может самостоятельно определять объем финансирования для каждого проекта в портфеле. К недостаткам относится ограниченность таких средств, часто компания в целом не располагает достаточной суммой средств, которые необходимо инвестировать в зеленую инвестиционную деятельность, а также риск, что вложенные собственные средства не окупятся;

3) следующий источник – средства международных финансовых фондов и программ. К преимуществам такого источника финансирования относятся: особые (льготные) условия получения такого финансирования, зачастую большой объем выделяемых средств. К недостаткам можно отнести то, что процедура получения финансирования из таких источников, как правило, сложна из-за большого объема необходимой документации и определенных условий для получения средств, кроме того, процесс привлечения финансирования из фондов и программ как правило является довольно долговременным.

4) кредитные ресурсы. В данном случае инвестиционный проект компании должен быть разработан в соответствии с требованиями банковского учреждения. Среди недостатков данного источника – значительные процентные ставки по кредитам, сложная и длительная процедура привлечения средств, а также, как правило, невозможность реализации долгосрочных проектов/инвестиционных программ с привлечением таких ресурсов, так как кредитные ресурсы, как правило, привлекаются с учетом того, что проект быстро окупится, что даст возможность компании вернуть заем в установленный срок.

Обсуждение. Источники финансирования зеленых инвестиционных проектов на сегодняшний день недостаточно диверсифицированы. Альтернативными направлениями финансирования зеленых инвестиционных проектов могут являться лизинг, зеленые облигации, синдицированные кредиты, а также краудфинансирование.

Лизинг позволит компании приобрести основные фонды, которые будут выполнять природоохранную функцию без значительного отвлечения денежных средств. Популярность использования лизинга в России растет, однако не так много зеленых проектов реализуются с использованием лизинга.

На данный момент на российском рынке не так много лизинговых компаний, которые могут предложить компании-клиенту программы по финансированию оборудования для реализации зеленых проектов, и, в основном, привлекаются средства для финансирования таких зеленых проектов, как солнечные батареи, электромобили, оборудование для ветряных станций.

Другое перспективное направление привлечения финансирования – это выпуск компаниями корпоративных зеленых облигаций. При помощи выпуска таких облигаций компания может привлечь довольно обширный объем средств. Если сравнить облигационные займы с другими методами финансирования, то такие займы имеют более выгодные процентные ставки. Также немаловажно, что выпуск зеленых облигаций повышает инвестиционную привлекательность компании. При этом необходимо отметить, что выпускать облигации целесообразно для крупных компаний, реализующих масштабные проекты, требующие больших вложений.

Синдицированные кредиты особенны механизмом, когда заемные средства заемщику представляют, как минимум, два кредитора. При помощи такого кредита компания может получить необходимую большую сумму денежных средств сразу. Кроме того, такой кредит позволит установить долгосрочные отношения с кредиторами (банками). Такие кредиты больше всего подходят для предприятий, экспортирующих высокотехнологичную продукцию. Такой вид кредитов достаточно распространен в международной практике, а на российском рынке набирает обороты.

Механизм краудфинансирования хорошо подходит для проектов, имеющих общественную значимость, к которым также относятся зеленые проекты. Также компании могут воспользоваться механизмом краудлендинга – когда компания привлекает финансирование от нескольких инвесторов посредством использования инвестиционной платформы. Ранее использование краудфинансирования было характерно больше для компаний в начале жизненного цикла, однако сейчас все больше компаний пользуются данным инструментом на стадиях развития и зрелости.

Согласно Федеральному закону от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» в течение одного года организация, привлекающая финансирование посредством инвестиционной платформы, может привлечь не более 1 млрд руб. Более того, в настоящее время до 2024 г. действуют меры поддержки организаций, привлекающих средства через краудфинансирование на инвестиционных платформах: согласно Правилам предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку российских организаций в целях компенсации части затрат на обеспечение доступа к платформе для коллективного инвестирования, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г. № 1898, компании могут получить компенсацию части расходов на привлечение денежных средств на инвестиционной платформе, но не более 5% от объема финансирования и не более 500 тыс. руб. в рамках одного инвестиционного договора.

Преимущества привлечения финансирования посредством различных видов краудфинансирования: для создания заявки на привлечение средств необходим меньший пакет документов (бизнес-план, договор о содействии в привлечении финансирования, договор инвестирования), нежели для традиционных финансовых организаций, отсутствуют обязательные залоговые (как правило, требуется только поручительство владельца компании), а также то, что заемщики имеют возможность влиять на величину ставки по привлекаемым средствам – ставка зависит от исполнительской дисциплины компании).

Таким образом, структура современной модели финансирования зеленых инвестиционных проектов компаний должна состоять из зеленых кредитов, в том числе синдицированных, зеленых облигационных займов, зеленого лизинга, средств, привлеченных через краудфинансирование, а также доли собственных средств компании.

Большая диверсификация заемных средств, которые привлекаются с пониженными процентными ставками (среди которых средства от краудлендинга, средства, привлеченные посредством размещения облигаций) позволит компаниям уменьшить величину показателя средневзвешенной стоимости капитала (WACC), что в дальнейшем позволит компаниям увеличить свою рыночную стоимость.

Реализация зеленых инвестиционных проектов позволяет компании увеличить свои инвестиционные возможности, так как чем больше компания осуществляет зеленых проектов, вкладывая в безопасность своего производства и его эффективность, тем больше прибыли она получит в прогнозном периоде. Кроме того, компании-активисты природоохранной деятельности увеличивают стоимость своего акционерного капитала, поскольку акции таких компаний ценятся выше, чем акции ESG-нейтральных компаний.

При этом требования по экологизации деятельности к компаниям с каждым годом становятся все шире, соответственно, увеличиваются экологические платежи компаний. Причинами слабой активности компаний в зеленой инвестиционной деятельности являются имеющиеся внешние и внутренние проблемы, такие как:

1) проблемы финансового характера (недостаток ресурсов), при этом часть компаний уже закредитованы и имеют большую сумму чистого долга, что в целом снижает запас финансовой прочности и возможность использования данного источника финансирования деятельности компании;

2) трудности в поиске инвесторов в связи с недостаточным уровнем общественного просвещения о необходимости осуществления вложений в сохранение окружающей среды;

3) низкая доступность финансов, частные инвестиции, особенно инвестиции в зеленые проекты, характеризующиеся высокой капиталоемкостью и рисками, подвержены негативному воздействию со стороны экономических факторов.

Выводы. Таким образом, помимо общего оздоровления финансового состояния, компании могут воспользоваться альтернативными источниками привлечения средств в зеленые проекты – ими могут стать зеленый лизинг, зеленые облигации, целевой синдицированный кредит или краудфинансирование. Лизинг позволит компаниям приобрести основные фонды, которые будут выполнять природоохранную функцию, без значительного отвлечения денежных средств. Выпуск корпоративных зеленых облигаций позволит крупным компаниям привлекать средства по более выгодным процентным ставкам и повысить инвестиционную привлекательность компании. Синдицированный кредит позволяет компании привлечь сразу большой объем денежных средств от нескольких агентов-участников кредитного договора, среди которых могут быть как банки, так и инвестиционные фонды. Краудфинансирование позволит компаниям привлекать средства в режиме реального времени без необходимости внесения обязательного залога и управлять ставкой по привлеченным средствам. Также компаниям следует придерживаться рациональной инвестиционной политики, которая достигает назначенных целей, способствует улучшению финансового состояния компании в целом и учитывает имеющиеся экологические и неэкологические риски. Вследствие того, что большинство компаний для осуществления инвестиций используют заемные средства, компании должны следить за структурой своих денежных потоков и сохранять достаточный уровень ликвидности для своевременных расчетов по обязательствам. В процессе ведения инвестиционной деятельности компании следует придерживаться определенных принципов, так, проекты компании должны быть эффективными, подвергаться всесторонней экспертизе, а также интегрироваться в текущие процессы.

Библиографический список

1. Александрова М.А., Григорьева Г.Ю., Долгов С.Ф. «Зеленая» экономика как инвестиция в будущее / М.А.Александрова, Г.Ю.Григорьева, С.Ф.Долгов. – Текст : непосредственный // StudNet. – 2020. – № 12. – С. 1573–1587.
2. Булгакова Ю.В. Особенности реализации концепции зеленой экономики в России / Ю.В.Булгакова. – DOI: 10.24158/rep.2017.12.10. – Текст: непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 12. – С. 48–50.
3. Канунникова К.И. Формирование «зеленой» экономики в России / К.И.Канунникова. – Текст: непосредственный // Скиф. – 2021. – № 5 (57). – С. 485–488.
4. Спиридонова А.В. Экологическое инвестирование в Российской Федерации: теоретико-правовой подход / А.В.Спиридонова. – DOI: 10.14529/law200111. – Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2020. – № 1. – С. 72–79.
5. Коданева С.И. «Зеленые инвестиции» в России и за рубежом: проблемы, механизмы, перспективы / С.И.Коданева. – DOI: 10.31249/gesh/2020.03.05. – Текст: непосредственный // РСМ. – 2020. – № 3 (108). – С. 68–88.

References

1. Aleksandrova M.A., Grigor'eva G.Ju., Dolgov S.F. «Zelenaja» jekonomika kak investicija v budushhee / M.A. Aleksandrova, G.Ju. Grigor'eva, S.F. Dolgov. – Tekst: neposredstvennyj // StudNet. – 2020. – № 12. – S. 1573–1587.
2. Bulgakova Ju.V. Osobennosti realizacii koncepcii zelenoj jekonomiki v Rossii / Ju.V. Bulgakova. – DOI: 10.24158/rep.2017.12.10. – Tekst: neposredstvennyj // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. – 2020. – № 12. – S. 48–50.
3. Kanunnikova K.I. Formirovanie «zelenoj» jekonomiki v Rossii / K.I. Kanunnikova. – Tekst: neposredstvennyj // Skif. – 2021. – № 5 (57). – S. 485–488.
4. Spiridonova A.V. Jekologicheskoe investirovanie v Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoj podhod / A.V. Spiridonova. – DOI: 10.14529/law200111. – Tekst: neposredstvennyj // Vestnik JuUrGU. Serija: Pravo. – 2020. – № 1. – S. 72–79.
5. Kodaneva S.I. «Zelenye investicii» v Rossii i za rubezhom: problemy, mehanizmy, perspektivy / S.I. Kodaneva. – DOI: 10.31249/gesh/2020.03.05. – Tekst: neposredstvennyj // RSM. – 2020. – № 3 (108). – S. 68–88.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny Lane, 115054, Moscow
Минашкин Виталий Григорьевич / Vitaliy G. Minashkin
Minashkin.VG@rea.ru
Ордов Константин Васильевич / Konstantin V. Ordov
Ordov.KV@rea.ru
Бондаренко Татьяна Григорьевна / Tatiana G. Bondarenko
Bondarenko.TG@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-344-354

АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ТРАНЗАКЦИЙ КЛИЕНТОВ НА ОСНОВЕ POS И RFID ДАННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ АНАЛИТИКИ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

ANALYSIS OF FINANCIAL TRANSACTIONS OF CLIENTS BASED ON POS AND RFID DATA USING INSTRUMENTS OF BIG DATA ANALYTICS

ХОЛОД Марина Викторовна

Доцент кафедры финансов устойчивого развития РЭУ им. Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории искусственного интеллекта, нейротехнологий и бизнес-аналитики РЭУ им. Г.В. Плеханова

Marina V. KHOLOD

Associate Professor at the Finances of Sustainable Development Department (Plekhanov Russian University of Economics), leading researcher at the Artificial Intelligence Laboratory Neurotech and Business Intelligence (Plekhanov Russian University of Economics)

Аннотация

В данной статье описывается понятие финансовой транзакции в контексте сбора и анализа POS- и RFID-данных, которые характеризуют клиентскую составляющую объекта управления торгово-сервисного предприятия. Подробно рассматривается создание технической и экспериментальной среды для сбора таких данных, а также даются описательные характеристики экспериментальной площадки, а именно торгового зала. Кроме того, иллюстрируется подход к процессингу таких данных и приводятся примеры их визуализации.

Abstract

This article describes the concept of a financial transaction in the context of collecting and analyzing POS and RFID data, which describe the client component of the management object of a trade and service enterprise. The creation of a technical and experimental environment for the collection of such data is considered in detail, and

descriptive characteristics of the experimental site, namely the trading floor, are given. In addition, an approach to processing such data is illustrated and examples of their visualization are provided.

Ключевые слова Финансовые транзакции, POS-данные, RFID- данные, Big Data, торгово-сервисное предприятие.

Keywords Financial transactions, POS-data, RFID-data, big data, trade and service company.

Введение

В современном мире объемы данных, генерируемые финансовыми транзакциями, растут с невероятной скоростью. Финансовая транзакция представляет собой сделку с помощью банковского счета. Самым широко распространенным примером финансовой транзакции в современной экономике является банковская операция по оплате за товары и/или услуги торгово-сервисного предприятия с помощью банковской платежной карты [Larson, 2005].

Данная транзакция осуществляется с помощью POS-терминала В процессе реализации осуществляется целостный технологический процесс от аутентификации держателя карты до одобрения или отказа в операционном центре платежной системы и осуществления или неосуществления этой самой транзакции [Такаи и др., 2012].

В данной статье мы пойдем еще дальше и рассмотрим аспекты анализа финансовых транзакций клиентов на основе POS (Point of Sale – точка продажи) и RFID (Radio-Frequency Identification – радиочастотная идентификация) данных с помощью инструментов big data. Это стало возможным благодаря широкому распространению в том числе технологий POS и RFID, которые используются для автоматизации и учета продаж торгово-сервисного предприятия [Sorensen и др., 2009], [Hui и др., 2009], [Hui и др., 2007], [Sorensen и др., 2003]. Подобные данные играют ключевую роль в извлечении ценной информации, которая может быть использована для улучшения бизнес-процессов, оптимизации запасов и повышения уровня удовлетворенности клиентов от совершения финансовых транзакций в рамках торгово-сервисного предприятия.

Анализ финансовых транзакций на основе данных, полученных с помощью POS и RFID-систем, и применение инструментов Big Data позволяют выявлять закономерности и тенденции, которые не видны при традиционных подходах к анализу, и по сути не особо применимы в силу большого объема таких данных. Использование мощных алгоритмов и машинного обучения для обработки больших объемов данных открывает новые возможности для финансового прогнозирования, управления рисками и принятия обоснованных решений.

Анализ финансовых транзакций – это сложный процесс, который требует глубокого понимания как финансовых принципов, так и передовых технологий.

POS-системы – это терминалы или места продаж, которые не только обрабатывают платежи, но и собирают важные данные о транзакциях, такие как время транзакции (покупки), купленные товары, способы оплаты и личная информация клиента (покупателя). Эти данные затем могут быть проанализированы для выявления тенденций покупок и поведения потребителей.

RFID-технологии позволяют автоматически идентифицировать объекты, людей и животных с помощью радиоволн [Hui и др., 2009], [McGregor и др., 2011]. В контексте финансовых транзакций RFID-метки могут быть использованы для отслеживания движения клиентов и товаров, что помогает в управлении запасами, логистике, организации потоков передвижений/посещений клиентов в физическом или онлайн-пространстве [Boto-García и др., 2023].

Инструменты Big Data играют важную роль в обработке и анализе огромных объемов данных, собранных с помощью POS и RFID. Они включают в себя различные технологии, такие как базы данных, облачные платформы, аналитические инструменты и машинное обучение. Эти инструменты позволяют обрабатывать данные в реальном времени, выявлять закономерности и предоставлять глубокие аналитические отчеты [Kazagli и др., 2023], [Panflov и др., 2021].

Данные технологии используются для прогнозирования спроса, а именно анализа исторических данных о продажах для прогнозирования будущего спроса на товары; для управления запасами, а именно для оптимизации уровня запасов на складах с помощью анализа данных о продажах и движении товаров; и для персонализации предложений, а именно создания персонализированных предложений для клиентов на основе их истории покупок и предпочтений.

Эти технологии преобразуют финансовую индустрию, делая ее более эффективной, точной и клиентоориентированной. В будущем мы можем ожидать еще большего развития этих инструментов и их применения для улучшения финансовых услуг и удовлетворения потребностей клиентов.

Цель: использование pos и rfid данных в рамках субъектно-объектного подхода к управлению торгово-сервисным предприятием

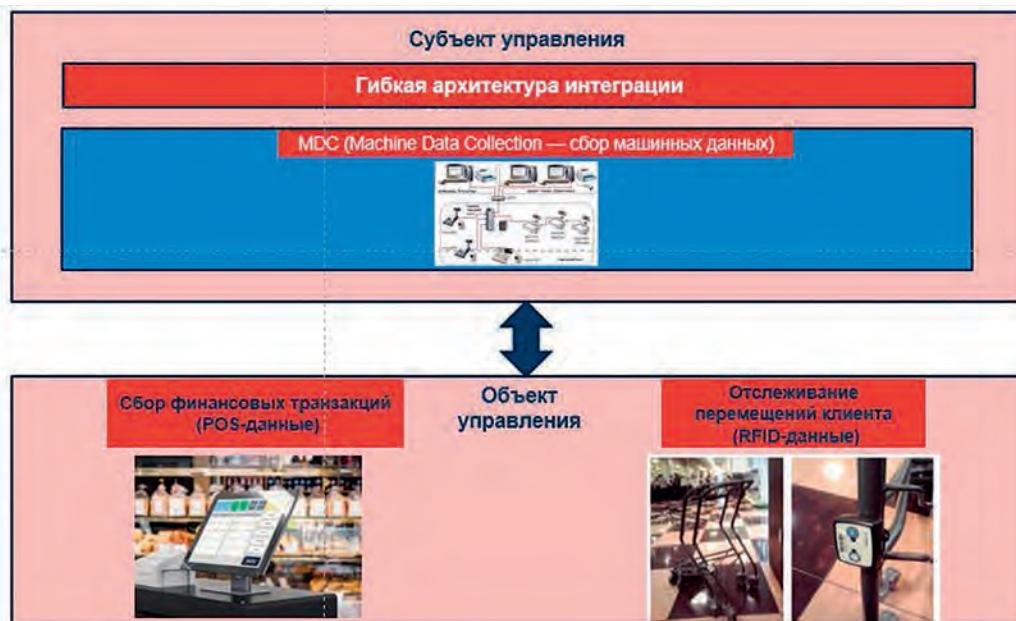
Объектно-субъектный подход в управлении любым предприятием является одним из современных и эффективных методов управления и регулирования деятельности данного предприятия.

Объектно-субъектное управление предполагает взаимодействие между объектом и субъектом внутри предприятия. Объект представляет собой различные элементы, ресурсы или процессы. Субъект, в свою очередь, является участником управления, который принимает решения и осуществляют контроль над объектом.

В основе этого подхода лежит идея активного взаимодействия между субъектом и объектом. Субъект управления получает информацию о состоянии объекта и принимает необходимые меры для достижения поставленных целей. Таким образом, объектно-субъектное управление способствует более гибкому и эффективному принятию решений в организации в принципе, и в торгово-сервисном предприятии в частности.

Одним из ключевых преимуществ объектно-субъектного управления является повышение эффективности и гибкости управления, появление возможностей по адаптации операционной деятельности организации к постоянно изменяющимся условиям рынка. Так, на рис. 1 показано, что собственно информация о финансовых транзакциях в POS-данных и отслеживание перемещений клиентов с помощью RFID-технологий является неотъемлемыми элементами объекта управления. Субъект управления в режиме реального времени с помощью «машин» собирает данные о своих клиентах, на основе анализа которых через гибкую архитектуру интеграции происходит разработка и принятие управленческих решений по части внесения изменений в объект управления [Kholod и др., 2019], [Yada и др., 2020].

Рис. 1. Место транзакционных данных — POS и RFID — в рамках субъектно-объектного подхода к управлению организацией

Потоки POS-данных содержат в себе информацию о самой транзакции (дата, время, товар, его цена и количество, категория товара и его производитель) и демографическую информацию клиента (пол, возраст, доход или его прокси-оценку через другие демографические показатели такие как место жительства или образование). Если сбор и анализ POS-данных с точки зрения аналитики финансовых транзакций является очевидным, то как могут помочь в этой аналитике технологии сбора и анализа RFID-данных? С помощью RFID-данных, субъект получает в режиме реального времени информацию о поведении клиентов своего торгово-сервисного предприятия, которую он может использовать для сокращения потери товаров и запасов, увеличения доходов, улучшения качества информации о клиентах, улучшения обслуживания клиентов и операционных показателей и улучшения защиты маркированных продуктов, и все это при одновременном снижении затрат [Капеко и др., 2017]. С другой стороны, существуют трудности во внедрении RFID в секторе розничной торговли, такие как отсутствие стандартизации, более высокие затраты, сопротивление сотрудников и пересмотр бизнес-процессов. Наиболее распространенной проблемой, которую необходимо решить до внедрения технологии RFID в секторе розничной торговли, является проблема конфиденциальности. Из-за огромного объема данных, генерируемых при использовании технологий RFID, проблемы интеграции данных также очень утомительны, поэтому бизнес-процесс необходимо перепроектировать. Для преодоления всех этих трудностей можно использовать пароли для маркировки, блокирующие метки, регулирующие метки, оценку расстояния, экранирующие метки, аутентификацию между метками и считывателями и ручную настройку системы.

RFID — это бесконтактная беспроводная технология, которая считывает и фиксирует товары с RFID-маркировкой или интеллектуальными этикетками в воздухе с помощью радиочастотных волн. RFID-метки имеют емкость хранения данных до 2 килобайт (КБ). Точно так же, как технология штрих-кодов собирает данные с метки или наклейки и сохраняет их в базе данных, RFID делает то же

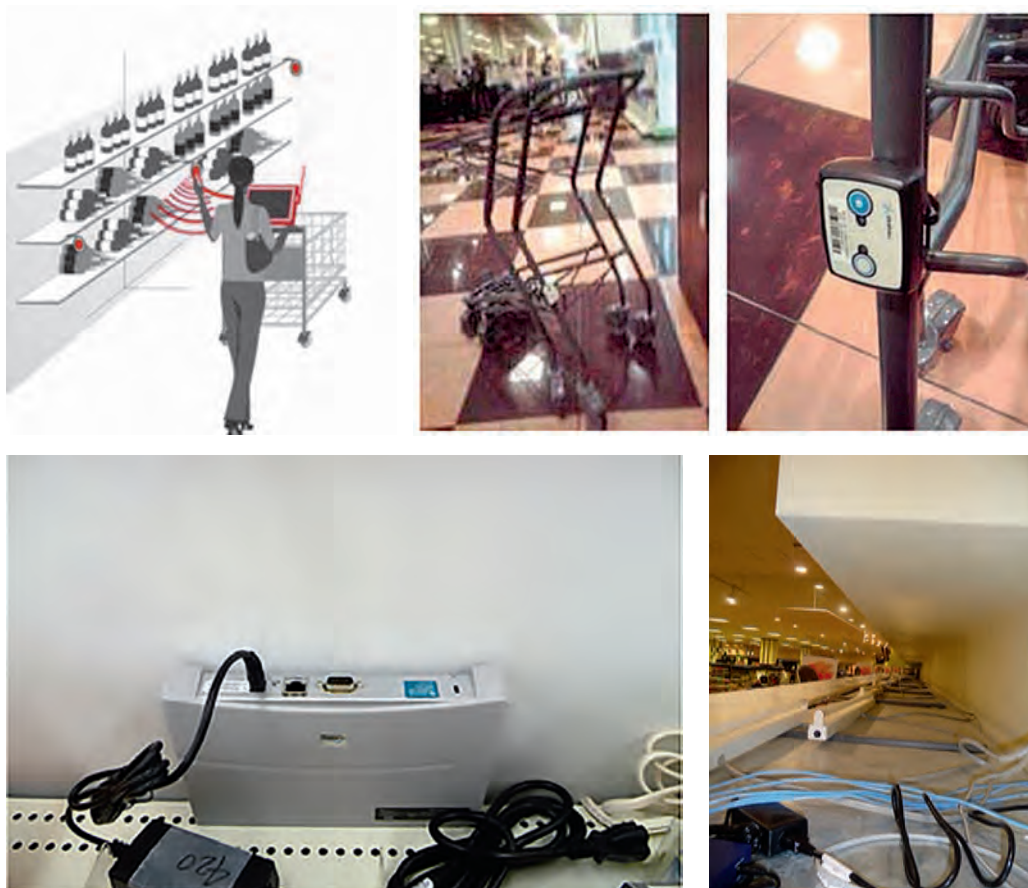
самое. С другой стороны, RFID имеет ряд преимуществ перед штрих-кодированием. Например, RFID-метки и логотипы можно считывать с большого расстояния, тогда как для считывания штрих-кодов необходимо сканировать с близкого расстояния. RFID-метки считываются быстрее, чем штрих-коды, и позволяют распознавать несколько меток одновременно, в то время как штрих-коды требуют сканирования каждой этикетки или метки отдельно [Zhao и др., 2022].

В RFID-данных содержится такая информация как идентификационный номер клиента, дата, время (зафиксированное ежесекундно по маршруту передвижения клиента в рамках торгово-сервисного предприятия, X и Y переменные, фиксирующие координаты каждого клиента на плоскости торгового зала, номер корзины, отдел, секцию, которые посетил клиент, время, которое он провел в этих секциях и статус его передвижения (категориальные данные, которые показывают перемещался или останавливался клиент на своем пути в торговом зале).

Материалы и методы: техническая и экспериментальная среда для сбора POS и RFID-данных

Для сбора подобных данных нужна определенная техническая и экспериментальная среда. Техническая среда для проведения сбора данных RFID состоит из следующих элементов – POS-терминал, RFID-ответчики и RFID-считыватели, установленные по периметру магазина (рис. 2).

Рис. 2. Иллюстрация технической среды для сбора POS и RFID данных

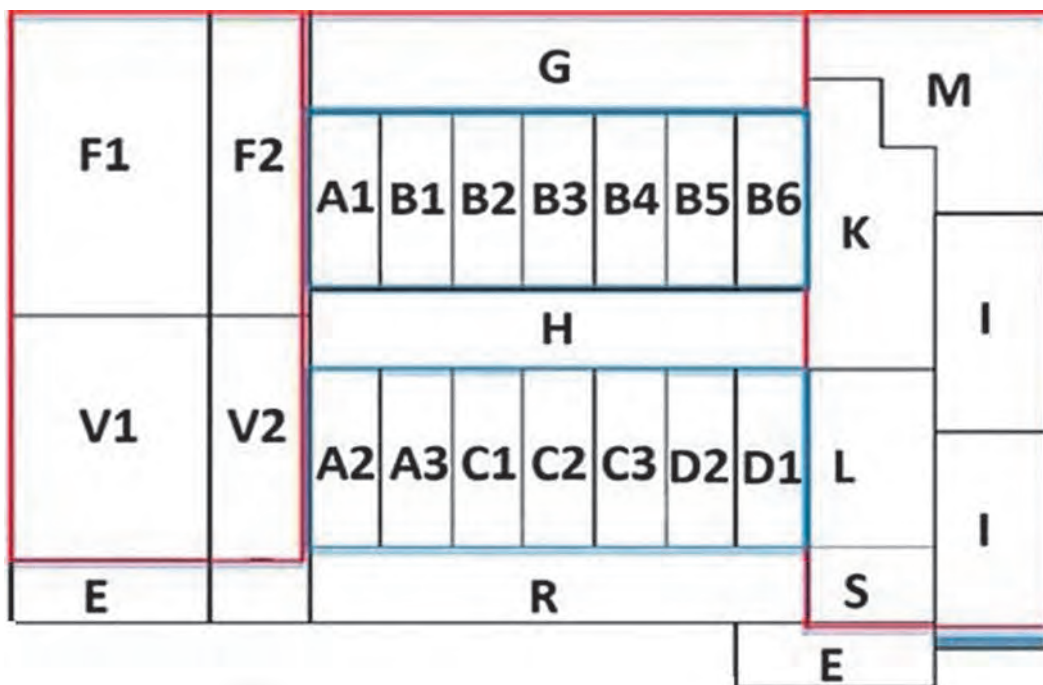
В ходе эксперимента были исследованы 6997 покупателя на основании более двух миллионов записей об их перемещениях и покупках. После первоначальной обработки данных на серверах была создана выборка, которая обрабатывалась с помощью статистического программного обеспечения.

По результатам проведенного эксперимента были получены POS и RFID-данные, которые представляют собой поточные данные, организованные в табличную структуру. Для использования этих данных в целях разведывательного анализа, визуализации, моделирования, необходимо реализовать стадии

Рис. 3. Архитектура POS и RFID данных при слиянии их потоков через общий идентификатор клиента

Рис. 4. План зала торгово-сервисного предприятия с выделенными внутренними (выделены синим) и внешними (выделены красным) отделами

предпроцессинга и процессинга данных. Во время реализации стадии предпроцессинга, которая занимает большое количество времени, вручную были проверены все строки потока данных на предмет выявления искажений или экстремальных значений при автоматизированной сборке данных, вызванных сбоями в оборудовании. Далее, на стадии процессинга – для двух потоков данных через ключевой идентификатор – ID клиента – был написан алгоритм, который позволяет слить два потока в один общий датасет, который содержит информацию и о товарах, и о клиентах.

Тележки с интеллектуальными агентами (датчиками RFID) были использованы в эксперименте, приводящимся в магазине, состоящим из 15 отделов, 25 секций, двух входов, центрального прохода и касс (рис. 3). Данные собирались в период рабочего времени с 9:00 до 18:00.

В таблице 1 представлена более подробная расшифровка отделов и секций в них.

Таблица 1. Отделы и секции торгового зала

Отдел	Секция	Товар	Отдел	Секция	Товар
Е	Е	Вход	В	В1	Фаст-фуд
У	У1	Овощи		В2	Специи, соусы
	У2	Овощи (зеленые)		В3	Масло, мука, сахар, соль
Р	Р1	Рыба		В4	Паста, крупы
	Р2	Рыба		В5	Сладости
Г	Г	Готовая еда		В6	Йогурт, джэмы
М	М	Мясо	С	С1	Конфеты
К	К	Замороженные продукты		С2	Шоколад, печенье
И	И	Молочные продукты		С3	Снеки
Ж	Ж	Бобы	Д	Д1	Вино, виски, водка
Л	Л	Напитки		Д2	Пиво
С	С	Праздничные товары	Н	Н	Центральный проход
А	А1	Товары для дома	Р	Р	Кассы
	А2	Книги, журналы	С	С	Праздничные товары
	А3	Товары для уборки			

Результаты: измерения основных метрик финансовой транзакции клиента на основе POS и RFID-данных

На основе вышеперечисленных данных были сделаны измерения основных метрик, а именно время, проведенное клиентом в торговом зале и в каждом из отделов.

Рис. 5а.

Распределение времени, проведенного в торговом зале, рассчитанное на основе данных POS и RFID в процентном отношении по всей выборке клиентов (ось x – интервалы временных значений, по оси y – доли клиентов в выборке)

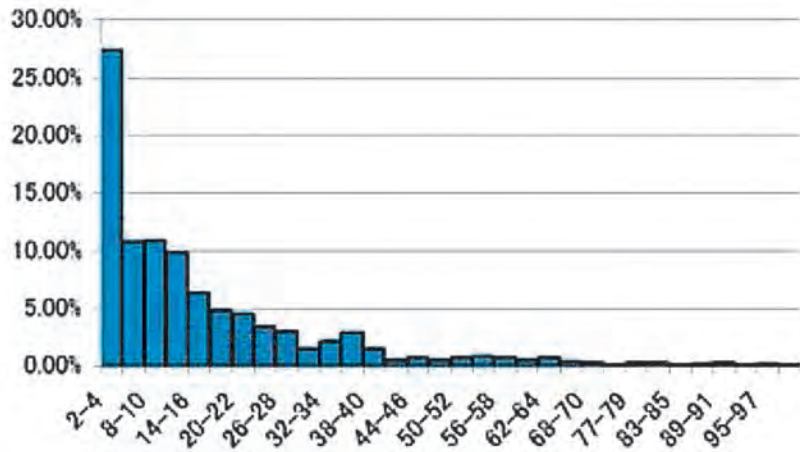

Рис. 5б.

Визуализация траекторий всех клиентов внутри торгового зала за весь период эксперимента (четыре недели)

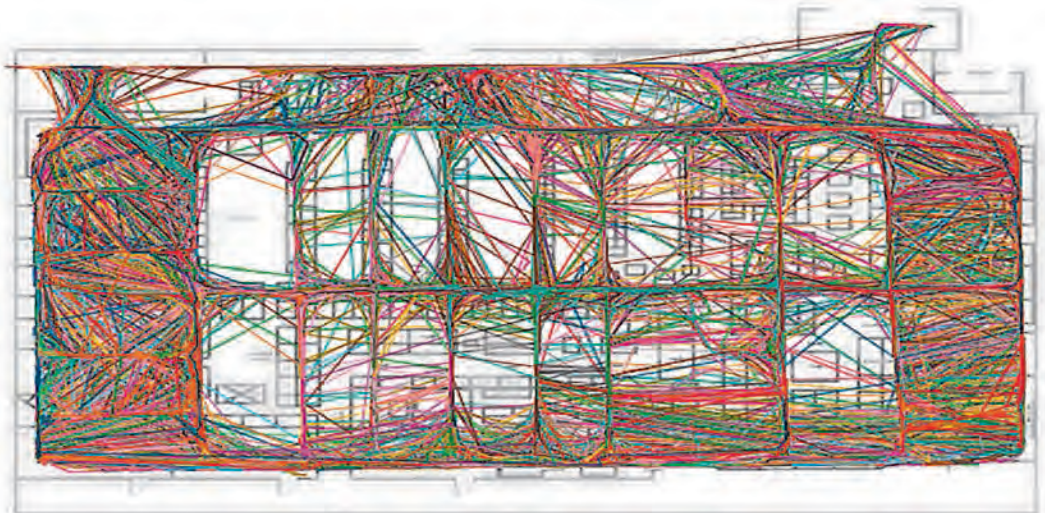

Рис. 6. Расчет времени, проведенного одним клиентом в торговом зале и в каждой секции.

Для того, чтобы провести подобные расчеты, был проведен процессинг двух потоков данных по описанной выше схеме, а именно связаны два потока с помощью ключевого идентификатора, которым является номер клиента. Если визуализировать все маршруты всех клиентов внутри торгового зала за весь период эксперимента (четыре недели), то получится изображение на рис. 5.

При работе с массивами больших данных, имеет смысл визуализировать траектории одного или нескольких клиентов. Иллюстрация расчета для одного клиента приведена на рис. 5.

По рис. 6 видно, что клиент провел у каждой секции по одной секунде, то есть он двигался достаточно быстро по внешнему периметру торгового зала и остановился только у секции с молочными продуктами на 10 секунд. При сопоставлении с финансовой транзакцией, данный клиент действительно купил молоко и салат (на покупку которого он не потратил времени, а судя по данным просто захватил его с полки).

Заключение

В данной работе на основании объектно-субъектного подхода к управлению организацией обосновываются возможности и необходимость внедрения эффективных методов управления и регулирования деятельности организаций. На примереторгово-сервисного предприятияпоказанокакможетбытьорганизована машинная сборка данных финансовых транзакций и данных, относящихся к среде осуществления этих транзакций клиентами. Показана реализация эксперимента по сбору, предпроцессингу, процессингу, а также обработки и анализа подобных данных с вычислением конкретных показателей, описывающих процесс осуществления и реализации этих транзакций. Безусловно, рассчитаны далеко не все показатели, а показан расчет показателя времени, который является основным показателем, недоступным для расчета при использовании обычных данных транзакций POS. Слияние с RFID — данными открывает возможности для расчета показателей состояний клиентов, таких как время, расстояние, скорость их передвижения. Что открывает безграничные возможности для разработки и реализации управленческих решений, направленных на управление поведением клиентов при совершении финансовых транзакций. Задача развития и разработки данных решений оставлена для будущих исследований автора на основании транзакционных данных.

Благодарности

Данное исследование выполнено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ на тему «Модели, методы и алгоритмы искусственного интеллекта в задачах экономики для анализа и стилизации многомерных данных, прогнозирования временных рядов и проектирования рекомендательных систем», номер проекта FSSW-2023-0004.

Acknowledgements

This research was performed in the framework of the state task in the field of scientific activity of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project «Models, methods, and algorithms of artificial intelligence in the problems of

economics for the analysis and style transfer of multidimensional datasets, time series forecasting, and recommendation systems design», grant no. FSSW-2023-0004.

Библиографический список

1. Larson J.S., Bradlow E.T., Fader P.S. An exploratory look at supermarket shopping paths // *Int. J. Res. Mark.* – 2005. – Т. 22. – С. 395–414.
2. Takai K., Yada K. A framework for analysis of the effect of time on shopping behavior // *J. Intell. Inf. Syst.* – 2012. – Т. 41, – С. 91–107.
3. Sorensen H. *Inside the Mind of the Shopper*. Pearson Education. 2009.
4. Hui S.K., Fader P.S., Bradlow E.T. Path data in marketing: an integrative framework and prospectus for model building // *Mark. Sci.* – 2009. – Т. 28. – С. 320–335.
5. Hui S.K., Bradlow E.T., Fader P.S. An integrated model of grocery store shopping path and purchase behavior // *Under Rev. Mark. Sci.* – 2007. – Т. 1 – С. 2–46.
6. Sorensen H. The science of shopping. *Mark. Res.* – 2003. – Т. 2. – С. 30–36.
7. Hui S.K., Fader P.S., Bradlow E.T. Research note—the traveling salesman goes shopping: the systematic deviations of grocery paths from TSP optimality // *Mark. Sci.* – 2009. – Т. 28. – С. 566–572.
8. MacGregor J.N., Chu Y. Human performance on the traveling salesman and related problems: a review // *J. Probl. Solving.* – 2011. – Т. 3. – С. 1–29.
9. Boto-García D., Mariel P., Baños-Pino J. F. Intra-household bargaining for a joint vacation // *Journal of Choice Modelling.* – 2023. – Т. 47. – С. 10–18.
10. Kazagli E., Lapparent M. de. A discrete choice modeling framework of heterogenous decision rules accounting for non-trading behavior // *Journal of Choice Modelling.* – 2023. – Т. 48. – С. 14–23.
11. Panfilov P., Suleykin A., Eldarawany A., Elpashev D. Open-Source Digital Infrastructure Capacity Prediction System for Production Company // *Conference: 2021 3rd International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA).* – 2021. – С. 915–920.
12. Panfilov P., Suleykin A., Eldarawany A. Digital Ecosystem-Based KPI-Driven Railway Communication Network Reporting System. // *Conference: MEDES '21: International Conference on Management of Digital EcoSystems.* – 2021. – С. 163–166.
13. Kholod M., Golubtsov P., Varlamov A., Filatov S., Yada K. Modeling Customers Speed of Movement from POS- and RFID-Data // *Intelligent Decision Technologies 2019. Smart Innovation, Systems and Technologies.* – Т. 143. – С. 101–111.
14. Yada K., Ishibashi K., Ohashi T., Wang D., Tsumoto S. How Shoppers Walk and Shop in a Supermarket. // *Conference: 2020. International Conference on Data Mining Workshops (ICDMW)* – 2020. – С. 114–118.
15. Kaneko Y., Miyazaki S., Yada K. The Influence of Customer Movement between Sales Areas on Sales Amount: A Dynamic Bayesian Model of the In-store Customer Movement and Sales Relationship. // *Procedia Computer Science.* – 2017. – Т. 112. – С. 1845–1854.
16. Zhao L., Zuo Y., Yada K. Sequential classification of customer behavior based on sequence-to-sequence learning with gated-attention neural networks. // *Advances in Data Analysis and Classification.* – 2022. – Т. 15 – С. 38–49.

References

1. Larson J.S., Bradlow E.T., Fader P.S. An exploratory look at super market shopping paths // *Int. J. Res. Mark.* – 2005. – vol. 22. – p. 395–414.
2. Takai K., Yada K. A framework for analysis of the effect of time on shopping behavior // *J. Intell. Inf. Syst.* – 2012. – vol. 41, – p. 91–107.

3. Sorensen H. *Inside the Mind of the Shopper*. Pearson Education. 2009.
4. Hui S.K., Fader P.S., Bradlow E.T. *Path data in marketing: an integrative framework and prospectus for model building* // *Mark. Sci.* – 2009. – vol. 28, –p. 320–335.
5. Hui S.K., Bradlow E.T., Fader P.S. *An integrated model of grocery store shopping path and purchase behavior* // *Under Rev. Mark. Sci.* – 2007. – vol. 1 – p. 2–46.
6. Sorensen H. *The science of shopping*. *Mark. Res.* – 2003. – vol. 2. – p. 30–36.
7. Hui S.K., Fader P.S., Bradlow E.T. *Research note—the traveling salesman goes shopping: the systematic deviations of grocery paths from TSP optimality* // *Mark. Sci.* – 2009. – vol. 28. – p. 566–572.
8. MacGregor J.N., Chu Y. *Human performance on the traveling salesman and related problems: a review* // *J. Probl. Solving.* – 2011. – vol. 3. – p. 1–29.
9. Boto-García D., Mariel P., Baños-Pino J. F. *Intra-household bargaining for a joint vacation* // *Journal of Choice Modelling.* – 2023. – vol. 47. – p. 10–18.
10. Kazagli E., Lapparent M. de. *A discrete choice modeling framework of heterogenous decision rules accounting for non-trading behavior* // *Journal of Choice Modelling.* – 2023. – vol. 48. –p. 14–23.
11. Panfilov P., Suleykin A., Eldarawany A., Elpashev D. *Open-Source Digital Infrastructure Capacity Prediction System for Production Company* // *Conference: 2021 3rd International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA)*. – 2021. – p. 915–920.
12. Panfilov P., Suleykin A., Eldarawany A. *Digital Ecosystem-Based KPI-Driven Railway Communication Network Reporting System*. // *Conference: MEDES '21: International Conference on Management of Digital EcoSystems*. – 2021. – p. 163–166.
13. Kholod M., Golubtsov P., Varlamov A., Filatov S., Yada K. *Modeling Customers Speed of Movement from POS- and RFID-Data* // *Intelligent Decision Technologies 2019. Smart Innovation, Systems and Technologies* – vol. 143 – p. 101–111.
14. Yada K., Ishibashi K., Ohashi T., Wang D., Tsumoto S. *How Shoppers Walk and Shop in a Supermarket*. // *Conference: 2020. International Conference on Data Mining Workshops (ICDMW)* – 2020. – p. 114–118.
15. Kaneko Y., Miyazaki S., Yada K. *The Influence of Customer Movement between Sales Areas on Sales Amount: A Dynamic Bayesian Model of the In-store Customer Movement and Sales Relationship*. // *Procedia Computer Science.* – 2017. – vol. 112. –p. 1845–1854.
16. Zhao L., Zuo Y., Yada K. *Sequential classification of customer behavior based on sequence-to-sequence learning with gated-attention neural networks*. // *Advances in Data Analysis and Classification.* – 2022. – vol. 15 –p. 38–49.

Контактная информация / **Contact information**

ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36
Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russia
Холод Марина Викторовна / Marina V. Kholod
Kholod.MV@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-355-361

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ESG: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА ЖИЛЬЯ

DIGITIZATION AND ESG: OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN HOUSING MARKET

ЕРМИЛОВА Мария Игоревна

Доцент кафедры финансов устойчивого развития, РЭУ им. Г.В. Плеханова,
кандидат экономических наук

Mariia I. ERMILOVA

Associate Professor, Department of Sustainable Finance, Plekhanov Russian
University of Economics, Ph.D in Economics

Аннотация

В современных условиях во многих отраслях используется инструментарий, как цифровизации, так и ESG-трансформации. Не исключением является жилищный рынок. В статье выделены механизмы и инструменты ESG-экономики, которые уже реализуются на рынке жилья и определено, насколько эффективно. Выявлено, каким образом связаны ESG-принципы и цифровизация. Определена необходимость создания концепции «зеленого» финансирования рынка жилья, которая позволит решить ряд вопросов, как социально-экономического характера, так и позволит усилить реализацию ESG-повестки.

Abstract

Currently, almost all industries are implementing methods and tools both within the framework of digitalization and the ESG economy, and in particular, the housing market is no exception. The article highlights the tool of the ESG economy that are already being implemented in the housing market and determines how effective they are. It is revealed how ESG principles and digitalization are connected. The need to create a concept of «green» financing of the housing market has been identified, which will resolve a number of issues, both socio-economic in nature, and will strengthen the implementation of the ESG agenda.

Ключевые слова

ESG-принципы, «зеленая» экономика, цифровизация, устойчивое развитие, концепция «зеленого» финансирования, рынок жилья, индивидуальное жилищное строительство, концепция «зеленого» финансирования.

Keywords

ESG principles, green economy, digitalization, sustainable development, green financing concept, housing market, individual housing construction, green financing concept.

Введение

В период последнего десятилетия развития экономики мира видим широкое распространение ESG-принципов и их внедрение в отрасли. В России на уровне государства была сформирована концепция перехода к устойчивому развитию [1]. ESG достаточно активно внедряется в строительную сферу, где субъекты все больше акцентируют внимание на реализации в рамках своей деятельности ее принципов. Более того для получения финансирования от банков от компаний все чаще требуют соблюдения данных принципов. Цифровизация экономики отражена в соответствующем национальном проекте и как государственные, так и частные организации активно внедряют ее в свою деятельность. Поскольку строительные компании, девелоперы выполняют важные социально-экономические задачи по возведению жилья для населения, то, безусловно, за последние годы повысилась значимость цифровизация отрасли. В совокупности цифровизация и ESG — это два основных тренда современной экономики, которые распространили свое действие на разные рынки, включая рынок жилья.

Однако до сих пор имеется ряд вопросов, которые не решены на рынке жилья, касающиеся реализации ESG-принципов и цифровизации отрасли, и их взаимосвязи. Необходимость учета их в своей деятельности для получения финансирования и развития рынка жилья в настоящее время особенно актуальна.

Основными вопросами, которые сейчас становятся все более востребованными, являются «озеленение» финансов, включая и государственные и частные финансы [2], и активизация цифровизации отрасли все в большем числе операций, которые реализуются на рынке жилья, включая финансовые аспекты деятельности. Цифровизация непосредственно позволяет влиять на стоимость [3] объектов жилья и на их рентабельность.

В рамках исследования целью является выделить возможности, которые в настоящее время имеются для рынка жилья по привлечению «зеленого» финансирования и в целом реализации ESG-принципов, а также, какие преимущества дает цифровизация операций на жилищном рынке. Это может способствовать решению одной из основных социально-экономических задач по обеспечению граждан доступным качественным жильем. И также содействовать тому, чтобы строительная отрасль укрепляла свои позиции и как в общемировой практике стала драйвером развития отечественной экономики в полной мере.

Материалы и методы

В ходе исследования были проанализированы основные нормативные правовые документы, которые раскрывают вопросы цифровизации экономики и реализацию ESG-принципов, а также труды отечественных и зарубежных авторов, касающиеся анализируемой тематики.

При подготовке статьи использованы общенаучные методы, а именно, индукции и дедукции, методы статистики, сравнительный анализ, обобщение результатов эмпирических и аналитических исследований.

Автор использовал сочетание указанных методов для выявления тех возможностей, которые могут быть представлены для субъектов рынка жилья в целях расширения цифровизации отрасли, внедрения ESG-принципов и использования «зеленого» финансирования.

Результаты и обсуждения

Уже несколько лет можно наблюдать активное внедрение принципов «зеленой» повестки в деятельность российских компаний и кредитных организаций. В частности, в 2021 г. обсуждается тема финансирования устойчивого развития, включая «зеленые» инструменты, которые могут быть и должны быть внедрены в деятельность организаций в целях реализации утвержденной на уровне российского Правительства «зеленой» повестки. В рамках нормативного регулирования была внедрена так называемая таксономия устойчивого финансирования, которая подразумевала стандарты для всех участников экосистемы, которые должны были быть призваны обеспечить прозрачность, и упростить формирование и действие рынков и реализацию финансового инструментария. Помимо этого создать такие условия, чтобы рынки были более эффективны в рамках обеспечения реализации ESG-целей [4]. Таким образом, каждый участник системы может принимать более качественное управленческое решение по поводу финансирования с учетом реализации ESG-принципов.

В рамках данного исследования большее внимание в ESG-повестке будет уделено именно «зеленому» финансированию, поскольку после пандемии большое внимание стало уделяться «озеленению» экономики [5]. Это направление для рынка жилья пока что находится в начале пути развития, но видится достаточно перспективным для обеспечения реализации заявленных на уровне государства направлений развития «зеленой» экономики.

В настоящее время одной из важнейших задач, которую перед собой ставит государство, является расширение внедрения ESG-принципов в деятельность организаций и финансовых институтов. Были определены направления, по которым это планируется делать, а именно [6]:

- разработка для рынка жилья концепции зеленого финансирования;
- выделение цели и определение места государства в процессе реализации ESG-повестки, учитывая принадлежность к отрасли, виду деятельности, субъектному составу;
- формирование контролирующей и координационной организации, которая будет помогать плавно и эффективно реализовывать ESG-принципы субъектами хозяйствования;
- создание инфраструктуры финансирования инвестиционных проектов в сфере «зеленой» экономики;
- использование налоговых льгот и иных инструментов для субъектов рынка, реализующих инвестиционные проекты в сфере «зеленой» экономики.

Само по себе «зеленое» финансирование предполагает финансовую поддержку деятельности организации в целях реализации ей ESG-принципов.

Несмотря на то, что только несколько лет как в России достаточно много внимания уделяется «зеленой» повестке, еще в 90-е гг. началось инвестирование в различные проекты из сферы экологии.

В современных условиях все большую популярность набирает участие в финансировании «зеленых» проектов и компаний, которые соблюдают ESG-принципы, банки и со стороны Центрального банка РФ ведется работа по тому, чтобы банковские организации при принятии решения о предоставлении кредита компании учитывали, соблюдает ли эта организация принципы «зеленой» экономики. Более того, что можно сказать, что банки и инвестиционные компании были «пионерами» продвижения ESG-повестки [7].

Достаточно существенное внимание «зеленой» повестке уделяется такими банками, как Сбербанк, ВТБ, Совкомбанк, ВЭБ.РФ, Альфа-банк, и региональному банку Центринвест, который еще с 2019 г. выпускает «зеленые» облигации [8]. При принятии решений по поводу финансирования компании банками учитывается соблюдение ESG-принципов.

Однако рынок ESG кредитов в настоящее время является непубличным, поэтому определить точные объемы такого кредитования достаточно сложно. Если учитывать их привязку к ESG-обязательствам, то согласно результатам исследования рейтингового Агентства «Эксперт РА» можно оценить совокупный объем ESG-портфеля около 2,7 трлн руб. на 1 июля 2023 г. [9].

Не только у банков, но и у организаций есть заинтересованность работы с «зеленым» финансированием. Это связано с рядом преимуществ, которые получают компании, а именно, имиджевая составляющая, участие в реализации «зеленой» повестки, определенной государством и получение дополнительных преференций для себя в связи с реализацией социально значимых проектов.

В виде преференций для компаний крайне актуальным является получение налоговых льгот. Если проанализировать зарубежную практику, то по данным PWC реализовано 114 мер налоговой поддержки «зеленых» проектов и «зеленых» финансовых инструментов в 17 странах [10].

Для большинства крупных компаний, которые работают как на российском рынке, так и на международных рынках, становится ключевым использовать ESG-подход. В настоящее время на рынке жилья России профильные компании тоже все больше принимают к реализации принципы ESG [11].

ESG на жилищном рынке реализуется посредством:

- формирования условий по энергоэффективности объектов недвижимости;
- применения экологически чистых материалов;
- создание условий по прозрачности и ответственности в управлении проектом.

Все эти направления предполагают дополнительное финансирование от стандартного варианта строительства объектов недвижимости, и как раз в данном случае используется «зеленое» финансирование». Причем согласно исследованиям, на долю именно недвижимости приходится 37% в портфеле зеленых и социальных кредитов [12].

Помимо различных государственных преференций, компании, безусловно заинтересованы в снижении ставок по таким видам кредитов.

Существует ряд направлений, по которым строительные компании уже реализуют ESG-повестку [13]:

- просветительская деятельность – через проведения мастер-классов, лекций, как для своих сотрудников, так и для жителей построенных районов;
- цифровизация – в форме сокращения использования бумаги в офисах, мобильные приложения для жителей, умные технологии, как в квартирах, так и по всем жилищным комплексам. Внедрение различных систем, которые позволяют экономить до 75% электроэнергии;
- использование экоматериалов и экостроительство, которые сокращают объемы водоснабжения, позволяют организовывать достаточное число станций для электрических автомобилей;
- поддержание здоровья – безбарьерный доступ для людей с ОВ, спортивные и иные мероприятия, направленные на улучшение здоровья жителей.

Помимо этого, крупнейшие компании рынка жилья, такие как компания ЛСР и компания ПИК» возглавляют рейтинг по прозрачности реализации принципов ESG-экономики. Далее идут ГК «Самолет», АО «Мосинжпроект», АО «ЭТАЛОНЛЕНСПЕЦСМУ» [14].

Анализ компаний был проведен по следующим вопросам:

- каким образом происходит воздействие на окружающий мир;
- каким образом происходит воздействие на общество;
- как осуществляется управление компаниями;
- требования к раскрытию информации.

Анализируя результаты рэнкинга ESG-прозрачности российских компаний и банков, можно сделать вывод, что организаций отрасли строительства и девелопмента в нем незначительное число. Хотя во многих странах, особое внимание уделяется именно тому, чтобы компании этой сферы соблюдали ESG-принципы.

В нашей стране в мае 2024 г. был введен в действие национальный стандарт зеленого индивидуального жилищного строительства (далее, ИЖС) [15]. Важной целью является определение того, что учитывать при выдаче ESG-кредитов организациям.

При этом, вошедшие в рейтинг компании не все участвуют в ИЖС и соответственно, важным является определение критериев, по которым будет выдаваться ESG-кредитование строительным компаниям и девелоперам на возведение жилой недвижимости типа многоквартирных домов, и в чем будет преимущества для компаний по получению именно таких кредитов. Важным является формирование механизма реализации сформированной концепции «зеленого» финансирования для рынка жилья, что позволит увеличить долю доступного качественного жилья и действовать в рамках определенной государством «зеленой» повестки.

«Зеленая» экономика сможет успешно это реализовывать в случае развитой научно-технической базы, финансовой и экономической стабильности страны, адекватного государственного регулирования [16].

Поскольку «зеленые» принципы реализуются на рынке непосредственно с учетом цифровизации, как было отмечено ранее, то здесь можно видеть неразрывную связь между ней и внедрением ESG-принципов, включая «зеленое» финансирование, а также ответственное финансирование [17].

В настоящее время важно сделать акцент на распространение практики внедрения ESG-принципов на рынке жилья и усиление цифровизации отрасли.

Выводы

По результатам исследования можно сделать ряд выводов:

- пока что на российском рынке жилья недостаточное количество компаний реализуют принципы ESG-повестки и это является одной из причин, не дающей жилищному рынку стать в полной мере драйвером российской экономики;
- ESG и цифровизация неразрывно связаны и для дальнейшего масштабирования внедрения принципов «зеленой» повестки необходимо расширение количества субъектов рынка жилья, которые как внедряют в свою деятельность «зеленые» принципы, так и усиливают цифровизацию своей деятельности;
- в настоящее время на уровне государства определены критерии к объекту ИЖС, который может быть признан как «зеленый», однако видится необходимым определение критериев для многоквартирных домов, для того, чтобы финансирование так называемых «зеленых» объектов было обоснованное;

- не только банки заинтересованы в развитии «зеленого» финансирования, но и компании из сферы строительства и девелопмента видят значимость в возможности получения таких кредитов;
- пока не сформировано четкое понимание концепции «зеленого» финансирования для рынка жилья и это не позволяет сформировать четкий механизм его реализации для отрасли в рамках развития ESG-трансформации экономик;
- вследствие отсутствия концепции «зеленого» финансирования, пока не представляется возможным включения большего числа компаний в рэнкинг ESG по степени прозрачности отечественных компаний и финансовых институтов, что может ускорить реализацию «зеленой» повестки, утвержденной государством и дать дополнительное ускорение развитию экономики страны;
- требуется расширение инструментария «зеленого» финансирования и определение критериев, по которым оно будет представляться субъектам рынка жилья.

Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 01.04.96 № 440 «О Концепции перехода РФ к устойчивому развитию». Режим доступа: <http://w.kremlin.ru/acts/bank/9120>.
2. Болтинова О.В. «Зеленое» финансирование и «зеленый» бюджет в Российской Федерации / О.В. Болтинова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1. – С. 37–41.
3. Мнацаканян А.Г., Харин А.Г. Стоимостной подход к управлению бизнесом в эпоху цифровизации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – № 5, – 2020. – С. 72–82.
4. Глубокая Я.Я. Современные тенденции зеленого финансирования / Я.Я. Глубокая // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 11–15.
5. Давыдова А.С., Баликоев В.З. Меры государственной поддержки «зеленого» финансирования / А.С. Давыдова, В.З. Валикоев // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 2. – С. 5–60.
6. Семенова Н.Н. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития / Н.Н. Семенова // Финансы: теория и практика. – 2020. – № 6 (1). – С. 53.
7. Довбий И.П., Коврижжина Л.Н. Социальная ответственность бизнеса в контексте ESG-трансформации / И.П. Довбий, Л.Н. Коврижжина // Управление в современных системах. – 2022. – № 2. – С. 20–32.
8. Долганов А.В., Долганова Н.А. О развитии системы зеленого финансирования в Российской Федерации / А.В. Долганов, Н.А. Долганова // Россия: тенденции и перспективы. – 2021. – № 2. – С. 38–45.
9. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА»: «Эксперт РА»: Объем ESG-кредитов вырос на 42% за счет жилищного строительства / Эксперт РА (raexpert.ru).
10. Официальный сайт Ассоциации менеджеров России: Совместное заседание Комитета по устойчивому развитию и ESG и Комитета по финансам и рынкам капитала. Режим доступа: amr.ru
11. Измайлова М.А. Реализация ESG-стратегий российских компаний в условиях санкционных ограничений / М.А. Измайлова // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – № 2. – С. 23–29.
12. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА»: «Эксперт РА»: Объем ESG-кредитов вырос на 42% за счет жилищного строительства / Эксперт РА (raexpert.ru).
13. Официальный сайт Ассоциации «Национальное объединение строителей»: Четыре ESG-принципа российского девелопмента – Строительная газета (stroygaz.ru).
14. Официальный сайт рейтингового агентства «Эксперт РА»: ESG-прозрачность российских компаний: равнение на экспортеров / Эксперт РА (raexpert.ru).
15. Официальный сайт Правительства России: Новости – Правительство России (government.ru).

16. Хангулыева О.В. Концепция зеленой экономики / О.В. Хангулыева // Символ науки. – 2023. – № 2. – С. 87–92.
17. Чернышова М.В. Принципы реализации ESG-инвестиций в современных условиях // Научные труды ВЭО России. – № 6 (244). – 2023. – С. 403–430.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996g. № 440 «O Konceptii perehoda RF k ustojchivomu razvitiyu». Rezhim dostupa: <http://w.kremlin.ru/acts/bank/9120>.
2. Boltinova O.V. «Zelenoe» finansirovanie i «zelenyj» bjudzhet v Rossijskoj Federacii / O.V. Boltinova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – № 1. – S. 37–41.
3. Mnacakanjan A.G., Harin A.G. Stoimostnoj podhod k upravleniju biznesom v jepohu cifrovizacii // Intellekt. Innovacii. Investicii. № 5, 2020. S. 72–82.
4. Glubokaja Ja.Ja. Sovremennye tendencii zelenogo finansirovanija / Ja.Ja. Glubokaja // Jekonomika i biznes: teorija i praktika. – 2022. – № 4. – S. 11–15.
5. Davydova A.S., Balikoev V.Z. Mery gosudarstvennoj podderzhki «zelenogo» finansirovanija / A.S. Davydova, V.Z. Valikoev // Zhurnal prikladnyh issledovanij. – 2021. – № 2. – S. 5–60.
6. Semenova N.N. «Zelenoe» finansirovanie v Rossii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija / N.N. Semenova // Finansy: teorija i praktika. – 2020. – № 6 (1). – S. 53.
7. Dovbij I.P., Kovrizhkina L.N. Social'naja otvetstvennost' biznesa v kontekste ESG-transformacii / I.P. Dovbij, L.N. Kovrizhkina // Upravlenie v sovremennyh sistemah. – 2022. – № 2. – S. 20–32.
8. Dolganov A.V., Dolganova N.A. O razvitii sistemy zelenogo finansirovanija v Rossijskoj Federacii / A.V. Dolganov, N.A. Dolganova // Rossija: tendencii i perspektivy. – 2021. – № 2. – S. 38–45.
9. Oficial'nyj sajt rejtingovogo agentstva «Jekspert RA»: «Jekspert RA»: Ob#em ESG-kreditov vyros na 42% za schet zhilishhnogo stroitel'stva / Jekspert RA (raexpert.ru).
10. Oficial'nyj sajt Associacii menedzherov Rossii: Sovmestnoe zasedanie Komiteta po ustojchivomu razvitiyu i ESG i Komiteta po finansam i ryнкam kapitala. Rezhim dostupa: amr.ru
11. Izmajlova M.A. Realizacija ESG-strategij rossijskih kompanij v uslovijah sankcionnyh ogranichenij / M.A. Izmajlova // MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie). – 2022. – № 2. – S. 23–29.
12. Oficial'nyj sajt rejtingovogo agentstva «Jekspert RA»: «Jekspert RA»: Ob#em ESG-kreditov vyros na 42% za schet zhilishhnogo stroitel'stva / Jekspert RA (raexpert.ru).
13. Oficial'nyj sajt Associacii “Nacional'noe ob#edinenie stroitelej”: Chetyre ESG-principa rossijskogo developmenta – Stroitel'naja gazeta (stroygaz.ru).
14. Oficial'nyj sajt rejtingovogo agentstva «Jekspert RA»: ESG-prozrachnost' rossijskih kompanij: ravnenie na jeksporterov / Jekspert RA (raexpert.ru).
15. Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Rossii: Novosti – Pravitel'stvo Rossii (government.ru).
16. Hangulyeva O.V. Konceptija zelenoj jekonomiki / O.V. Hangulyeva // Simvol nauki. – 2023. – № 2. – S. 87–92.
17. Chernyshova M.V. Principy realizacii ESG-investicij v sovremennyh uslovijah // Nauchnye trudy VJeO Rossii. – № 6 (244). – 2023. – S. 403–430.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный переулок, 36
Plekhanov Russian University of Economics
117997, Moscow, Stremyanny lane, 36
Ермилова Мария Игоревна / Mariia I. Ermilova
masha080487@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-362-371

ВНЕДРЕНИЕ ESG-ПРИНЦИПОВ В МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ

IMPLEMENTATION OF ESG PRINCIPLES IN METHODOLOGICAL SUPPORT OF INVESTMENT TAX BENEFITS

ДЮЖОВ Алексей Владимирович

Доцент кафедры государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат экономических наук, доцент

Alexey V. DYUZHOV

Associate Professor, Department of State and Municipal Finance, Russian Economic University named after G.V. Plekhanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Аннотация

В статье рассматривается возможность включения ESG-принципов в механизм налогового вычета по налогу на прибыль организаций, а также приведена статистика использования налогового вычета, особенности применения налогового вычета. В результате исследования автором даны рекомендации по включению ESG-по-вестки в механизм налогового вычета.

Abstract

The article discusses the possibility of including ESG-technologies in the mechanism of tax deduction for corporate income tax, and also provides statistics on the use of tax deductions, and features of the use of tax deductions. As a result of the study, the author gave recommendations for the inclusion of ESG-technologies in the tax deduction mechanism.

Ключевые слова

Инвестиционный налоговые льготы, налог на прибыль организаций, доходы бюджетов, субъекты РФ, ESG-принципы.

Keywords

Investment tax incentives, corporate income tax, budget revenues, constituent entities of the Russian Federation, ESG-principles.

*Безумцы прокладывают пути,
по которым следом пойдут рассудительные.
Федор Михайлович Достоевский
1821–1881 гг.
Русский писатель*

Переход к применению ESG-принципов представляется как закономерная ступень развития современного общества, официально получившее свое начало в 2004 г. с выступления Генерального секретаря ООН Кофи Аннана¹. ESG-принципы позволяют по-другому посмотреть на многие незыблемые ранее экономические закономерности и категории, бизнес-модели и поведение хозяйствующих субъектов.

В повестке XXVII Петербургского международного экономического форума 2024 г. участница экономического клуба МГИМО Аделя Набиуллина отметила, что «хотелось бы наблюдать стимулирование перехода компаний к использованию ESG-принципов за счет налоговых льгот, льготного кредитования, субсидий различного рода. Хотелось бы также видеть активное участие России в формировании международной повестки ESG в рамках ООН и иных международных организаций»². В исследуемой сфере основной проблемой является растущее в условиях перехода к ESG-принципам технологическое отставание, устаревание производственных фондов и недостаточная мотивации бизнеса для участия и развития этого важного направления. Детализация ESG-тематики представляется тремя укрупненными критериями: «Экологический», «Социальный» и критерий «Корпоративного управления».

Анализируя многочисленные исследования, проведенные зарубежными и отечественными учеными по исследуемой теме, следует отметить детализацию укрупненных критериев и выделение принципов, которые наиболее полно раскрывают содержание критерия³. Так экологический критерий включает в себя следующие принципы: применение безвредных экологических материалов, переработка и возврат в оборот природных ресурсов, финансирование природоохраных технологий и т.д. Социальный критерий, в частности, включает такие принципы как: защита законных трудовых прав сотрудников, подбор и обучение персонала с последующим развитием в профессии, неуклонное соблюдение норм производственной безопасности и т.д. Критерий корпоративного управления представляет собой набор конкретных показателей зависящих от вида деятельности, отрасли или объема производства. Только высокий уровень менеджмента компании позволяет успешно добиться поставленной цели, справиться со всеми вызовами и изменениями современного государства.

Критерий корпоративного управления включает принципы:

– наличие компетентного персонала, который формирует перспективную цель, прорабатывает процесс достижения цели и в конечном итоге проводит анализ достигнутого результата;

1 URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/614b224f9a7947699655a435>.

2 URL: <https://forumspb.com/news/news/model-privlechenija-investitsij-fokus-na-esg/>.

3 Финансовые аспекты природопользования и охраны окружающей среды: монография / Г.Н. Семенова. – Москва: РУСАЙНС, 2023. – С. 35–40.

- формирование методологии управления компанией;
- создание самодостаточного механизма управления, посредством которого происходит достижение целей компании.

Для достижения положительного успеха в продвижении ESG следует обратить внимание на роль государственных инициатив и действий, которые воплощаются в многочисленных нормативных актах. В данном случае идет речь о привлечении централизованных и децентрализованных финансов для применения ESG-принципов. При этом, участие бизнеса будет для последнего нести определенные фискальные выгоды.

На сегодняшний день, в Российской Федерации сложилась весьма развитая система налогов, сборов и страховых взносов, которая включает в свою структуру и общий режим налогообложения, при котором уплачиваются ряд основных обязательных платежей, а также специальные налоговые режимы, призванные поддержать субъекты МСП, сельскохозяйственного товара производителя и иные. Все остальные обязательные платежи уплачиваются при возникновении объекта налогообложения. Большинство налогоплательщиков применяют общий режим налогообложения, который включает уплату НДС, страховых взносов и налога на прибыль организаций.

С 2018 г. в налоговом законодательстве появилась норма, которая позволяет при соблюдении ряда условий понизить обязанность по налогу на прибыль организаций на сумму инвестиционного налогового вычета⁴. Таким образом налогоплательщик, вправе израсходовав средства на ESG-цели, затем вернуть их за счет налога на прибыль организаций. Данный механизм получил название – инвестиционный налоговый вычет. По мнению ряда авторов инвестиционный налоговый вычет является инвестиционной налоговой льготой призванной стимулировать инновационную деятельность⁵. Удобство такого инвестиционного механизма заключается в том, что деньги на развитие ESG приходят не через бюджетный процесс, а напрямую от налогоплательщика, при этом скорость возврата средств значительно возрастает. Как правило, уплата налога, является проявлением его фискальной функции. Представленный механизм фактически уменьшает фискальную функцию налога и переводит внимание на регулируемую (экономическую) функцию, когда часть средств от налога идет на финансирование приобретения технологий, оборудования и производства, используемого исключительно в сфере ESG. Фактически механизм инвестиционного налогового вычета (далее – ИНВ) сводится к тому, что уменьшаются налоговые обязательства организации по налогу на прибыль на сумму расходов текущего года, которые пошли на финансирование в том числе ESG. Если рассматривать обычный механизм возврата суммы расходов на покупку оборудования, механизмов или имущественного комплекса, то возврат стоимости происходит по средствам амортизации за весьма продолжительный период времени. Экономический интерес государства от применения ИНВ в долгосрочном периоде состоит в том, что организация, реализуя ESG-проекты, уменьшает свои производственные расходы, увеличивая тем самым производительность труда и размер прибыли до налогообложения, и как следствие сумму исчисленного налога с прибыли.

⁴ Федеральный закон от 27.11.2017 № 335-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Белов В.Н. К вопросу о российской инновационной политике. Зарубежный опыт // Инновационная политика и инновационный бизнес в России: Аналитический вестник. 2001. № 5 (146). С. 16–27.

Применение на первый взгляд столь простого механизма не всегда представляется исполнить. Существует ряд ограничений и правил, выполнение которых является условием для работы механизма инвестиционного налогового вычета:

1. Так, налоговое законодательство имеет сложную иерархическую структуру, в основе которого лежит кодифицированный Федеральный закон – Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ). Основные положения структуры инвестиционного вычета раскрыты в ст. 286.1 НК РФ⁶, но право на введение вычета передано законодательным органам субъектов РФ. Поэтому, если соответствующий нормативный акт регионального законодательства субъекта РФ не будет принят, то пользоваться вычетом не представится возможным. Стоит сказать, что региональное законодательство не столь охотно вводит этот механизм, так как основная часть налога на прибыль организаций поступает в бюджет субъекта РФ, а применение вычета приводит к появлению выпадающих доходов бюджета. Вопрос недополучения средств региональными бюджетами в результате применения вычета был затронут еще в апреле 2021 г. в Кремле. Перечень поручений Президента, опубликованный по итогам совещания, состоявшегося 11 марта 2021 г., содержит меры стимулирования инвестиций в России. Из текста поручений можно сделать вывод, что пакет мер поддержки Правительства РФ позволит инвестициям частного бизнеса стать основным фактором развития и роста экономики к 2030 г., а объем инвестиций вырастет на 70% по сравнению с 2020 г. и составит 20,1 трлн руб. Сумма компенсации выпадающих доходов бюджета по вычету составила 67% от суммы недополученных доходов. В 2022 г. компенсационные выплаты были увеличены, а также предложена формула расчета размера дотации, предоставляемой бюджету субъекта Российской Федерации⁷. В 2023 г. на частичную компенсацию выпадающих доходов региональных бюджетов из федерального бюджета было направлено более 2,6 млрд руб.⁸ На рисунке 1 приведена статистика применения ИНВ за последние три года.

«Столь низкую статистику случаев применения ИНВ в 2020 г. можно объяснить пандемией COVID-19. В 2021 г. заметна положительная динамика применения ИНВ. Одним из основных условий применения ИНВ является наличие прибыли, а ее отсутствие не приводит к необходимости рассчитывать и уплачивать налог и пользоваться вычетом. Хотя, по итогам 2022 и 2023 г. доля убыточных предприятий в России превышала 29% и 24% соответственно⁹, тем не менее, наблюдается динамика увеличения случаев применения ИНВ»¹⁰.

Более детально на рисунке 2 раскрыта динамика применения ИНВ по федеральным округам. Первое место по статистике применения ИНВ занимает Центральный федеральный округ, а тройку замыкают Южный и Приволжский федеральный округ¹¹.

6 Статья 286.1 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024).

7 Постановление Правительства РФ от 29 октября 2022 г. № 1928.

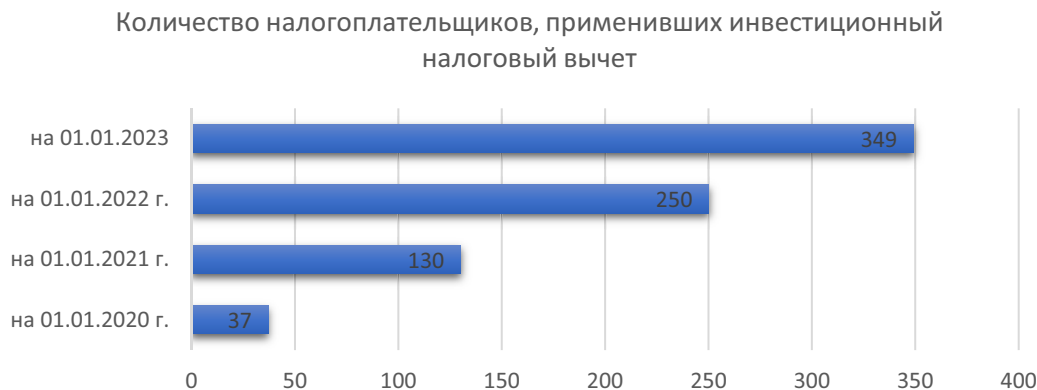
8 Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2023 г. № 3241-р.

9 Информация получена из открытых источников Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

10 Дюжов А.В. Применение принципа справедливости в механизмах имущественных вычетов по налогу на доходы физических лиц // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 4. № 1 (144). С. 98–103.

11 <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=102269&p=attachment&ysclid=lxm6zsytf420876524>.

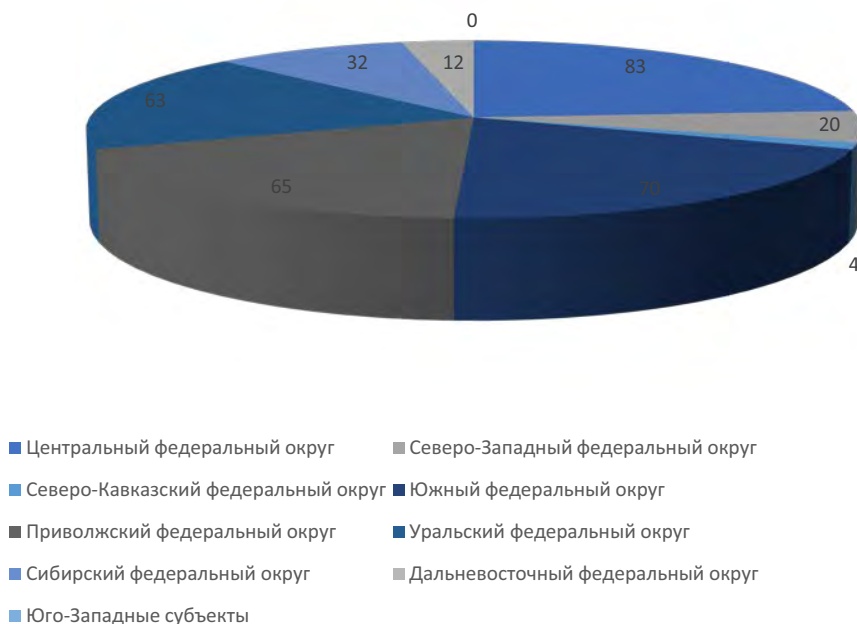
Рис. 1. Количество налогоплательщиков, применивших инвестиционный налоговый вычет

Источник: Официальный сайт Федеральной налоговой службы – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

Анализируя показатели столбцов 2 и 3 таблицы № 1, напрашивается ошибочный вывод, что организации не проявляют заинтересованность к использованию ИНВ. Так несколько регионов установили вычет, но в законе закрепили, что фактически он начнет действовать позже. К примеру, в Нижегородской области закон об ИНВ был принят в 2019 г., но действовать он начал только с 2023 г., а большинство регионов определили, что вычетом можно воспользоваться с 2020 или 2021 г. Этим объясняется расхождение показателей столбца 2 и 3. Темп роста случаев применения ИНВ в 2020 г. по сравнению с 2021 г. составил порядка 30%.

Рис. 2. Количество налогоплательщиков, применивших инвестиционный налоговый вычет

Источник: Официальный сайт Федеральной налоговой службы – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

2. Региональный законодатель обладает достаточно большим объемом правомочий, в рамках которых вправе:

а) добавлять в перечень тех, кто не может использовать ИНВ. Так, согласно ст. 4 Закона Приморского края, право на вычет имеют организации расположенные на территории края с объемом выручки от основного вида деятельности

Таблица 1. Статистика применения ИНВ в ЦФО

Период	количество объектов в которых, установлен ИНВ	Количество субъектов, в которых применяется ИНВ	Количество организаций, применяющих ИНВ	Сумма тыс. руб.	Темп роста, %
1	2	3	4	5	6
2019	3	6	3	81 784	
2020	11	7	32	2 436 671	в 29 раз
2021	16	12	56	9 894 194	в 4,1 раза
2022	17	12	83	19 378 128	в 2 раза
1 кв 2023	18	12	83	3034	

Источник: официальный сайт Федеральной налоговой службы – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

(по определенным ОКВЭД) не менее 80%¹². Данное ограничение может быть весьма эффективным, если оно будет предоставлять право использовать ИНВ тем, кто осуществляет деятельность в приоритетных ESG-проектах или отраслях экономической деятельности. Например, право на вычет можно предоставлять тем организациям, которые осуществляют переработку отходов, остающихся после производства товара;

б) определять категории объектов основных средств, в отношении которых предоставляется или не предоставляется право на применение вычета. Применение ограничения можно распространить и на ряд имущества, которое не удовлетворяет ESG-принципам. Сумму авансовых платежей и сумму налога можно уменьшена на суммы расходов:

- на приобретение и модернизацию определенного имущества налогоплательщика;
- на НИОКР;
- и т.д.;

с) ограничить размер инвестиционного налогового вычета. См. таблицу 2.

НК РФ установлена максимальная величина, на которую можно уменьшить сумму налога, которую необходимо заплатить в бюджет¹³. Это сделано для того, чтобы независимо от применения ИНВ, часть налога поступала в бюджет. Неиспользованная (оставшаяся) сумма вычета может быть перенесена на следующий год. Большинство регионов законодательно установили ограничение для расчета предельной суммы вычета до 10%. Другие определили ставку на уровне 10%. Ставку свыше 10% установили пять регионов: Москва, Республика Башкортостан, Пермский край, Республика Коми и Тюменская область. При этом

¹² Закон Приморского края от 19.12.2013 № 330-КЗ.

¹³ Пункт 4 Статья 286.1 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024).

в Законе Республики Башкортостан ставка в 2020 г. – 12,5%¹⁴, а с 2021 г. – 10%. В Законе Пермского края ставка 14,5% доступна только при инвестициях более 10 млрд руб.¹⁵ При меньшем объеме инвестиций ставка снижается до 1–10%. В данном случае целесообразно применять повышающие коэффициенты к норме, если средства потрачены на ESG-проекты.

Использование вычета приводит к появлению выпадающих доходов бюджета в суммовом выражении за период с 2020 по 2023 годы (см. рис. 3).

Рисунок 3 демонстрирует спад поступлений налога в федеральный бюджет в 2021 г., что вызвано неактивным применением вычета в период пандемии COVID-19. С 2022 г. присутствует динамика увеличения выпадающих доходов бюджета.

Проведенное исследование подтверждает интерес налогоплательщика к применению ИНВ, хотя заметно его неравномерное применение по субъектам РФ. Это объясняется достаточно широким диапазоном полномочий, закрепленных региональным законодательством. Анализ федерального и регионального законодательства говорит о наличии возможности установления требований исполнения ESG-принципов.

Таблица 2. Ограничения размера инвестиционного налогового вычета

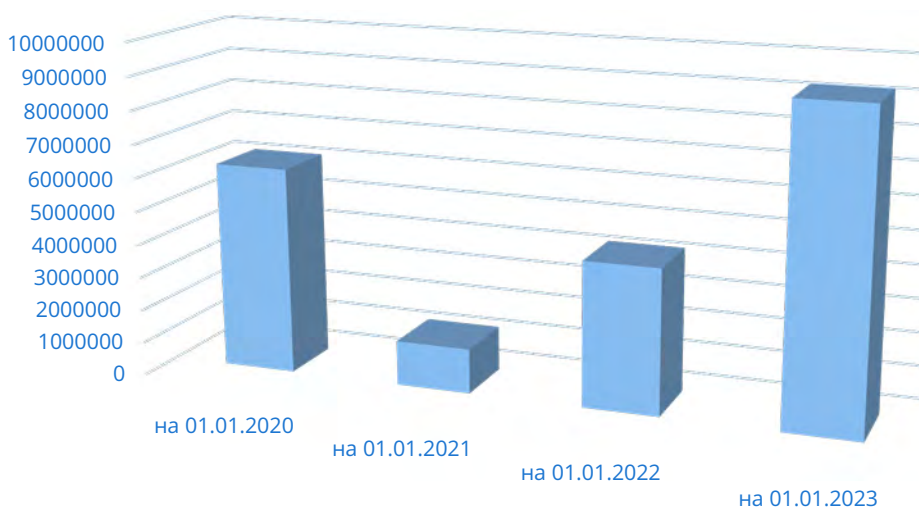
Расходы	Налог на прибыль в региональный бюджет	Налог на прибыль в федеральный бюджет
Покупка основного средства	До 90% первоначальной стоимости ОС	До 10%
Модернизация основного средства	До 90% первоначальной стоимости ОС	До 10%
Пожертвования государственным и муниципальным учреждениям культуры	До 100%	Не применяется
Создание объектов инфраструктуры федеральной собственности по договорам финансирования деятельности	До 85%	До 15%
Создание объектов транспортной и коммунальной структур	До 100%	Не применяется
Создание объектов социальной инфраструктуры по договору о комплексном развитии территории (расходы определяют с учетом НДС и акцизов, которые не принимаются к вычету)	До 80%	Не применяется
НИОКР	до 90%	До 10%

¹⁴ Закон Республики Башкортостан от 29.06.2020 № 285-з.

¹⁵ Закон Пермского края от 10.09.2020 № 550-ПК.

Рис. 3. Выпадающие доходы федерального бюджета при применении ИНВ (в тыс. руб.)

Выпадающие доходы федерального бюджета при применении инвестиционного налогового вычета (в тыс. руб.)

Источник:
Официальный сайт Федеральной налоговой службы – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

В этой связи, было бы целесообразно рассмотреть возможность передачи полномочий по установлению инвестиционного налогового вычета на федеральный уровень, установить перечень приоритетных ESG-направлений, их категории (которые в настоящий момент не унифицированы и существенно разнятся в региональном разрезе) и дотировать сумму вычета непосредственно предприятиям после перечисления ими налога на прибыль организаций в региональный бюджет, по проектам, связанным ESG-тематикой. Для дотационных регионов впоследствии можно предусмотреть полное или частичное сокращение величины трансфертов из федерального бюджета. Для регионов-доноров, напротив, целесообразно разработать механизм компенсации ими выпадающих доходов федерального бюджета с особым выделением повышающего коэффициента для сумм компенсации по ESG-проектам. Кроме того, необходимо распространить ИНВ по ESG-проектам на предприятия малого и среднего бизнеса, работающих в режиме УСН для уменьшения налоговых обязательств по уплате единого налога. Было бы также разумно предусмотреть возможность переноса права на получение ИНВ по ESG-проектам в отношении его федеральной составляющей на последующие налоговые периоды.

Реализация такого подхода позволит существенно расширить инвестиционную эффективность налогового вычета, увеличит количество и качество ESG-проектов, повысит финансовую привлекательность субъектов РФ и, соответственно, кассовые разрывы. Кроме того, в среднесрочной перспективе следует ожидать рост доходов бюджетной системы, поскольку инвестиции в ESG-проекты создают дополнительную добавленную стоимость и рабочие места.

Библиографический список

1. Белов В.Н. К вопросу о российской инновационной политике. Зарубежный опыт // Инновационная политика и инновационный бизнес в России: Аналитический вестник. – 2001. – № 5 (146). – С. 16–27.

2. Дюжов А.В. Применение принципа справедливости в механизмах имущественных вычетов по налогу на доходы физических лиц // *Экономика и управление: проблемы, решения.* – 2024. – Т. 4. – № 1 (144). – С. 98–103.
3. Постановление Правительства РФ от 29 октября 2022 г. №1928 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 июля 2021 г. № 1161» Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2023 № 3241-р «Об утверждении распределения дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации в целях частичной компенсации выпадающих доходов бюджетов субъектов Российской Федерации» Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2024) Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Официальный сайт XXVII Петербургского международного экономического форума – URL: <https://forumspb.com/news/news/model-privlechenija-investitsij-fokus-na-esg/>.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
8. Официальный сайт Федеральной налоговой службы – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.
9. Изменения ESG-регулирования Великобритании: стратегия, цели и задачи финансового регулятора Тимофеев С.В. *Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета.* – 2022. – № 1. – С. 112–126.
10. Закон Приморского края от 19.12.2013 № 330-КЗ «Об установлении пониженной ставки налога на прибыль организаций, подлежащего зачислению в краевой бюджет, для отдельных категорий организаций».
11. Закон Пермского края от 10.09.2020 № 550-ПК «Об инвестиционном налоговом вычете по налогу на прибыль организаций в Пермском крае».
12. Закон Республики Башкортостан от 29.06.2020 № 285-з «О применении на территории Республики Башкортостан инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций»
13. Федеральный закон от 27.11.2017 № 335-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
14. *Финансовые аспекты природопользования и охраны окружающей среды: монография / Г.Н. Семёнова.* – М.: РУСАЙНС, – 2023. – 94. – С. 35–40.

References

1. Belov V.N. On the issue of Russian innovation policy. Foreign experience // *Innovation policy and innovation business in Russia: Analytical Bulletin.* – 2001. – №. 5 (146). – pp. 16–27.
2. Dyuzhov A.V. Application of the principle of fairness in the mechanisms of property deductions for personal income tax // *Economics and management: problems, solutions.* – 2024. – Т. 4. – № 1 (144). – pp. 98–103.
3. Decree of the Government of the Russian Federation of October 29, 2022 No. 1928 «On amendments to Decree of the Government of the Russian Federation of July 12, 2021 № 1161» Access mode: <http://www.consultant.ru>.
4. Order of the Government of the Russian Federation dated November 17, 2023 № 3241-r «On approval of the distribution of subsidies to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation in order to partially compensate for the shortfall in budget revenues of the constituent entities of the Russian Federation» Access mode: <http://www.consultant.ru>.
5. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) dated 08/05/2000 № 117-FZ (as amended on 05/29/2024) (with amendments and additions, entered into force on 06/01/2024) Access mode: <http://www.consultant.ru>.

6. *Official website of the XXVII St. Petersburg International Economic Forum* – URL: <https://forumspb.com/news/news/model-privlechenija-investitsij-fokus-na-esg/>.
7. *Official website of the Federal State Statistics Service.* – URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
8. *Official website of the Federal Tax Service* – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/
9. *Changes in UK ESG regulation: strategy, goals and objectives of the financial regulator Timofeev S.V. Science and art of management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities.* – 2022. – №. 1. – P. 112–126.
10. *Law of the Primorsky Territory of December 19, 2013 № 330-KZ «On the establishment of a reduced rate of corporate income tax, subject to credit to the regional budget, for certain categories of organizations».*
11. *Law of the Perm Territory of September 10, 2020 № 550-PK «On investment tax deduction for corporate income tax in the Perm Territory».*
12. *Law of the Republic of Bashkortostan dated June 29, 2020 № 285-z «On the application of investment tax deduction for corporate income tax in the territory of the Republic of Bashkortostan».*
13. *Federal Law of November 27, 2017 № 335-FZ (as amended on July 2, 2021) «On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation»*
Access mode: <http://www.consultant.ru>.
14. *Financial aspects of environmental management and environmental protection: monograph / G.N. Semenov.* – Moscow: RUSAINS, 2023. – 94 pp. 35–40.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36
Дюжов Алексей Владимирович / Dyuzhov Alexey Vladimirovich
Dyuzhov.AV@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-372-383

АВТОМАТИЗАЦИЯ РЕШЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЗАДАЧИ ПАРКИНСОНА «О РОСТЕ КАБИНЕТОВ» ПУТЕМ ОПТИМАЛЬНОГО ПОДБОРА ЛИЦ, ПРИНИМАЮЩИХ РЕШЕНИЯ

AUTOMATING THE SOLUTION OF THE CLASSICAL PARKINSON'S PROBLEM «ABOUT THE GROWTH OF OFFICES» BY OPTIMAL SELECTION OF DECISION MAKERS

АФАНАСЬЕВ Михаил Анатольевич

Доцент Базовой кафедры цифровой экономики Института развития информационного общества ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», кандидат экономических наук, доцент

Mikhail A. AFANASEV

Associate Professor of the Basic Department of Digital Economy at the Institute of Information Society Development of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor

Аннотация

Статья рассматривает проблему управления затратами, связанными с подбором лица, принимающего решение, или группы лиц. Решение учитывает такие параметры как срочность, важность задач и сопряжено с потребностью в квалифицированных кадрах при ограничении затрат на принятие решения. Предлагается использовать подсистему СППР, реализующую функцию подбора ЛПР. Положенный в основу подсистемы алгоритм задействует потенциал безлюдных технологий принятия решений, функционирующих на основе исторических данных о ранее принятых ЛПР решений. Логика и эффективность работы подсистемы показана на примере решения классической задачи «о росте кабинетов».

Abstract

The article considers the problem of managing the costs associated with the selection of a decision maker or a group of decision makers. The decision takes into account

such parameters as urgency, importance of tasks and involves the need for qualified personnel while limiting the cost of decision making. It is proposed to use the SPPR subsystem, which realizes the function of selecting the LPR. The algorithm underlying the subsystem utilizes the potential of unmanned decision-making technologies that function on the basis of historical data on the decisions previously made by the LPR. The logic and efficiency of the subsystem's operation is shown on the example of solving the classical problem "about the growth of offices".

Ключевые слова Безлюдные технологии принятия решений, затраты на принятие решений, система поддержки принятия решений, оптимизация подбора кадров.

Keywords Unmanned decision-making technologies, decision costs, decision support system, recruitment optimization.

Введение

В рамках управления затратами организации устойчивое и жизнеспособное управление принятием решений признано стратегическим направлением «зеленой экономики». Исследователи едины во мнении, что проекты «зеленой экономики» находятся в условиях повышенной неопределенности. Предлагаемые векторы решений при этом различны – отличается методологическая база, предлагаемый инструментарий, контур внедрения решений – от импульса в оперативном контуре решений организации (Multiple Criteria Decision-Making (MCDM) [1], Sustainable Operations Management (SOM) [2], Technique for Order Preference by Similarity to Ideal Solutions (TOPSIS) [3]) до целеполагания на уровне постановки стратегии странового или отраслевого развития (Quintuple Helix model [4], Conservation of resources (COR) Theory [5]). Приведенные примеры исследований дают представление о разнообразии решений, при этом следует отметить, что реферативные обзоры, предназначенные для обобщения результатов исследований по такой предметной области как «зеленая экономика», также отличаются и охватом данных, и методологическим разнообразием [6, 7].

Если же отвечать на вопрос, что объединяет исследования, то отметим, что все предлагаемые в качестве научных результатов решения задействуют управление жизненным циклом продукта, актуализируя потребность во внедрении парадигмы циркулярной экономики. Ведь когда организация в полной мере осознает, что источником ее будущего благосостояния является разумное управление ресурсами сейчас и отказывается от линейного процесса производства, на помощь должны прийти эффективные интеллектуальные решения. Реализуемые в данной парадигме «зеленые проекты» нацелены на проактивное управление в системе замкнутого цикла. Это стимулирует внедрение подходов, которые не позволяют принимать решения, если их польза ограничивается краткосрочной перспективой.

Это, на первый взгляд, бесспорное утверждение сталкивается с природой самого процесса принятия решений. Нечеткость и неопределенность, как явления, характеризующие данный процесс, нуждаются в применении математического аппарата, который работает с трудно предсказуемыми и трудно формализуемыми факторами. Особенную сложность вызывает работа с человеческим фактором

при принятии решений. Здесь практически неприменима классическая теория информации, в которой справедлива бинарная логика принадлежности элемента данных общему множеству. Перспективным подходом видится применение обобщенной теории информации [8], которая дает понятие нечеткого множества, все элементы которого принадлежат ему с условной степенью вероятности. В прикладном аспекте применение положений обобщенной теории информации сталкивается с серьезным ограничением — низкая валидность результатов прогнозирования при недостатке исторических данных и их низком качестве. На данный момент это ограничение существенно для всех инструментов аналитики данных, которое следует учитывать и стремиться преодолеть путем накопления оцифрованных данных и их обработки.

В этой связи разумно использовать преимущества обобщенной теории информации при построении алгоритмов применения безлюдных технологий принятия решений, способных эффективно обработать накопленные исторические данные в отдельной организации для снижения затрат на принятие решений. Возможности таких алгоритмов должны способствовать снижению неопределенности при принятии решений. В качестве точки приложения силы в данном исследовании определен один из сегментов процесса принятия решений — подбор лиц, принимающих решения (ЛПР).

Константой науки управления является тезис о том, что эффективное распределение задач между ЛПР, способствует созданию стоимости продукта. При этом философия «зеленых проектов» определяет минимизацию затрат и снижение рисков как производные эффекты от приоритизации задач [9]. На высоком уровне абстракции приоритетами признаются срочность и важность, частные параметры которых задают правила распределения задач между ЛПР. Очевидно, что процессы устойчивого и жизнеспособного подбора ЛПР требуют интеграции множества критериев, эффективной координации действий руководства и адаптации к изменениям внутреннего и внешнего контура организации [10, 11].

Несмотря на очевидность требований к подбору ЛПР, традиционные методы управления распределением задач опираются на интуитивный менеджмент, в основе которого лежит экспертная оценка. Такие методы не имеют надежного механизма проверки решений и излишне фокусируются на текущей ситуации и краткосрочных целях, что входит в противоречие с философией «зеленых проектов». Причиной ограниченности традиционных методов является сложность в повышении точности прогнозирования, недостатке или накопленной ошибке исторических данных, используемых для распределения задач. Но основной сложностью является нечувствительность результата прогнозирования к проявлениям человеческой природы — эмоциональному интеллекту, психосоматическим реакциям, которые оказывают влияние на процесс подбора ЛПР и интерпретацию результата выполнения поставленной задачи.

Все это приводит к ограничению возможностей для принятия проактивных управленческих решений в условиях неопределенности. Актуализируется запрос к разработке и внедрению научно обоснованных инструментов распределения задач, способных обойти или учесть указанные ограничения и реализовать потенциал «зеленых проектов» как в экономическом аспекте за счет снижения затрат в стоимости продукта, так и управленческом аспекте за счет ответственного управления человеческими ресурсами организации.

Цель

В данном исследовании цель состояла в демонстрации и представлении преимуществ автоматизированного подхода к подбору ЛПР, на основе которого осуществляется поддержка принятия решений и реализация интеллектуального, адаптивного процесса распределения задач в динамичной и сложной среде функционирования организации. Автоматизированный подход подбора ЛПР реализован в составе системы поддержки принятия решений (далее – СППР) и использует качественные исторические данные о решениях, ранее принятых ЛПР в организации. Подход включает интерпретацию оценки эффективности ранее принятых ЛПР решений и сопоставляет результат этой оценки с требованиями новых распределяемых задач по критериям срочности, важности заданий и достаточного уровня квалификации ЛПР. Алгоритм, выполняемый в СППР, автоматизирует задачи подбора ЛПР, которые переданы безлюдным технологиям принятия решения (БТПР) [12].

Задачей исследования была определена проверка способности решения по автоматизации подбора ЛПР преодолеть ограничения, связанные с влиянием человеческого фактора на процесс распределения задач. Решение поставленной задачи опиралось на математический аппарат нечеткой логики и математического программирования. Работа математического аппарата показана на примере решения классической задачи «о росте кабинетов» С. Паркинсона.

Программная реализация автоматизированного подхода подбора ЛПР предполагает использование в составе перспективной СППР отдельной подсистемы по подбору ЛПР (далее – ПЛПР или подсистема) [13]. В качестве перспективной СППР, то есть находящейся на этапе проектирования и не введенной в настоящее время в промышленную эксплуатацию, автор предлагает рассматривать такую СППР, которая представлена сгруппированными в подсистемы модулями и предполагает интеграцию подсистем принятия решений безлюдными технологиями (ГРБТ) и передачу части задач на выполнение БТПР.

Алгоритм функционирования подсистемы задействует накопленные в организации качественные исторические данные для стратификации распределяемых задач между ЛПР, группами ЛПР по критериям важности и срочности, набору компетенций. Оптимальность результата подбора ЛПР (группы ЛПР) достигается за счет минимизации затрат на принятие решения и снижения уровня неопределенности процесса распределения задач. Применение в алгоритме подсистемы качественных исторических данных об эффективных решениях обеспечивает не только обоснованность подбора ЛПР, но и реализует надежный механизм проверки оценки эффективности работы ЛПР для организации движения кадров в организации.

Материалы и методы исследования

Для демонстрации возможности применения предложенной подсистемы подбора ЛПР воспользуемся классическим примером действия эмпирического закона С. Паркинсона, известного как «закон роста кабинетов» [14].

Генезис ситуации С. Паркинсон описывает следующим образом:

Некий чиновник А жалуется на перегрузку. В данном случае неважно, кажется это ему или так оно и есть; заметим, однако, что ощущения А (истинные или мнимые) могут порождаться и упадком сил, неизбежным в среднем возрасте. Выхода у него три. Он может уйти; он может попросить себе в помощь чиновника В; он может попросить двух подчиненных, С и D. Как правило, А избирает третий путь. Уйдя, он

утратил бы право на пенсию. Разделив работу с равным ему В, он рискует не попасть на место W, когда оно наконец освободится. Так что лучше иметь дело с двумя подчиненными. Они придадут ему весу, а он поделит работу между ними, причем только он один будет разбираться и в той, и в другой категории дел. Заметьте, что С и D практически неразлучны. Нельзя взять на службу одного С. Почему же? Потому что он разделил бы работу с А и стал бы равен ему, как отвергнутый В, и даже хуже, он метил бы на место А. Итак, подчиненных должно быть не меньше двух, чтобы каждый придерживал другого, боясь, как бы тот его не обскакал. Когда на перегрузку пожалуется С (а он пожалуется), А с его согласия посоветует начальству взять и ему двух помощников. Чтобы избежать внутренних трений, он посоветует взять двух и для D. Теперь, когда под его началом служат еще и Е, F, G, H, продвижение А по службе практически обеспечено.

Работу созданной структуры Паркинсон описывает следующими словами: «Любая бумага должна предстать перед каждым. Е решает, что она входит в ведение F, F набрасывает ответ и дает его С, С смело правит его и обращается к D, а D — к G. Однако G собрался в отпуск и передает дело H, который снова пишет все начерно за подписью D и вручает бумагу С, а тот в свою очередь просматривает ее и кладет в новом виде на стол А. Он внимательно читает документ, вычеркивает неудачные абзацы, привнесенные С и H, и возвращает его к тому виду, который был избран изначально разумным (хотя и склочным) F. Правит он и стиль — никто из этих юнцов языка своего толком не знает, — и в результате мы видим тот вариант, который создал бы А, если бы С, D, E, F, G и H вообще не родились. Но вариант этот создал множество людей, и ушло на него не мало времени».

При применении СППР с подсистемой ПЛПР к описанной задаче получаем следующее:

Задача x поставлена чиновнику A и его команде.

В «Подсистеме принятия решения безлюдными технологиями» задача относится к типу ψ_p , и, в случае если возможно принятие решения без привлечения ЛПР, передается БТПР [11]. В противном случае, если недостаточно исторических данных, либо по другим причинам передача на решение БТПР невозможна, необходимо осуществить подбор ЛПР для выполнения задачи, отнесенной к типу ψ_p .

В «Модуле определения перечня достаточных компетенций ЛПР» на основе исторических данных о ЛПР, успешно принимавших решения по типу задачи ψ_p , предлагается трехэтапный алгоритм формирования множества компетенций необходимых и достаточных для решения задач, входящих в подмножество x_{ψ_p} .

На первом этапе формируется множество всех компетенций путем объединения компетенций, имеющих у ЛПР, успешно принимавших решения по типу задачи ψ_p

$$C_{H_{\psi_p}} = \bigcup_{u=1}^{|H_{\psi_p}|} C_{h_{\psi_p}^u}, u = 1, |H_{\psi_p}|,$$

где: $C_{h_{\psi_p}^u}$ — множество компетенций ЛПР, успешно принимавшего решение по задачам, принадлежащим типу ψ_p .

$|H_{\psi_p}|$ — мощность множества H_{ψ_p} .

Для формирования множества необходимых компетенций, не содержащего избыточные компетенции, с одной стороны, и содержащего все необходимые ком-

петенции, учитывая вероятность недостоверности, ошибки в анализируемых данных, на втором и третьем этапах используется математический инструментарий нечетких множеств.

На втором этапе формируется нечеткое множество $C'_{H\psi_p}$, которое содержит в себе информацию обо всех компетенциях ЛПР, успешно принимавших решения по задачам, принадлежащим типу и частотах их использования:

$$C'_{H\psi_p} = \sum_{l=1}^{|C_{H\psi_p}|} \mu_{C_{H\psi_p}}(c^l_{h\psi_p}) / c^l_{h\psi_p},$$

где: $(c^l_{h\psi_p})$ – компетенция ЛПР, успешно принимавших решения по задачам, принадлежащим типу, идентифицируемый по индексу $l = 1, |C_{H\psi_p}|$.
 $|C_{H\psi_p}|$ – мощность множества $C_{H\psi_p}$.

На третьем этапе определяется множество $C''_{H\psi_p}$, являющееся множеством α -уровня, состоящее из множества необходимых и достаточных компетенций:

$$C''_{H\psi_p} = \sum_{\alpha \in C'_{H\psi_p}} \alpha C'^{\alpha}_{H\psi_p}$$

Определение конкретного значения α выходит за рамки настоящего исследования и может быть вычислено различными методами, например, с использованием правила трех сигм.

Таким образом, условием успешного принятия решения по задаче, принадлежащей к типу ψ_p , является обладание множеством компетенций $C''_{H\psi_p}$. Этому условию может удовлетворять как отдельный ЛПР, так и их группа.

Результаты исследования

Соотнеся сделанное утверждение с постулатами эмпирического закона С. Паркинсона, известного как «закон роста кабинетов» [16], можно вывести гипотезу о возможности снижения транзитного уровня управления за счет автоматического распределения задач между сформированными группами ЛПР, члены которых суммарно обладают достаточным множеством компетенций для успешного принятия решения по задаче, принадлежащей к типу. Работа ПЛПР в составе СППР нового вида позволяет исключить из процесса принятия решения по задачам тех ЛПР, которые осуществляют распределение задач между подчиненными ЛПР, но не принимают решения по существу.

В «Модуле формирования множества групп ЛПР» осуществляется создание множества возможных групп из доступных ЛПР.

Из всего доступного субъекту экономической деятельности множества ЛПР, определяемого формулой:

$$Y = \{y_1, \dots, y_q\}, \text{ при } y_j, j = \overline{1, q},$$

где q – количество доступных субъекту экономической деятельности ЛПР; возможно формирование множества групп:

$$G = \{G_1, \dots, G_\xi\}$$

где ξ – количество возможных наборов.

Каждая группа представляет собой множество ЛПР:

$$G_{\omega} = \{g_{\omega}^1, \dots, g_{\omega}^{\delta}\}, \delta = \overline{1, q}.$$

При этом множество G_{ω} может состоять из ЛПР, $g_{\omega}^k, k = \overline{1, \delta}$, входящих в множество Y . Частными случаями G_{ω} являются группы, состоящие из одного ЛПР, и группа, состоящая из всех ЛПР, которые могут быть привлечены субъектом экономической деятельности для решения задач:

$$G_{\omega} \subseteq Y.$$

Среди множества групп G_{ω} возможны группы, члены которых суммарно не обладают достаточным множеством компетенций для успешного принятия решения по задаче, принадлежащей к типу ψ_{ρ} .

Всего получаем 127 групп, состоящих из 1–7 сотрудников, начиная от группы в составе одного А и завершая группой, включающей АСDEFGH. В связи с размером полученного множества с одной стороны, и очевидностью его содержания, с другой, оно не приводится.

В «Модуле отбор групп ЛПР, обладающих достаточными компетенциями» осуществляется отбор групп ЛПР, способных принять качественное решение по задаче x . Формируем подмножество G' множества G .

Подмножество G' множества G состоит из групп, обладающих достаточным для решения задач, относящихся к типу ψ_{ρ} , набором компетенций, при соблюдении следующих условий:

$$G' = \{G'_1, \dots, G'_{\sigma}\}, \sigma = \overline{1, \xi},$$

при $C_{G'_\gamma} \supseteq C_{H_{\psi_{\rho}}}, \gamma = \overline{1, \sigma}$,

где: $C_{G'_\gamma}$ – множество компетенций ЛПР, входящих в группу G'_γ .

При этом множество компетенций $C_{G'_\gamma}$ является достаточным для решения задач, относящихся к типу ψ_{ρ} :

$$G'_\gamma = \{g_{\gamma}^{\prime 1}, \dots, g_{\gamma}^{\prime \delta}\},$$

где: $g_{\gamma}^{\prime k}$ – ЛПР, входящие в множество Y , которые могут быть привлечены субъектом экономической деятельности к решению задач и обладают достаточным набором компетенций для этого индивидуально (группа из одного человека) или в составе группы G'_γ .

В рассматриваемом примере, исходя из предоставленной Н. Паркинсоном информации, G' содержит 53 группы (таблица 1).

В «Модуле отбор групп ЛПР, удовлетворяющих по параметру занятости» производится формирование подмножества групп ЛПР, обладающих достаточным для решения задачи набором компетенций и способных разрешить задачу в допустимый срок. Конкретных временных параметров в своем примере Паркинсон не указывает, однако приводит данные о том, что G – уходит в отпуск, поэтому он не может выполнить поставленную задачу. Участие А является величиной постоянной и в расчетах не учитывается. Опираясь на эти ограничения и введя допущения о том, что трудоемкость всех трех стадий разрешения задачи известны и равны между собой, в сумме составляют одну временную единицу, сформируем подмножество G'' подмножества G' состоящее из групп, обладающих достаточным для разрешения задачи

Таблица 1. Группы сотрудников, обладающих достаточными компетенциями

№	Состав группы	№	Состав группы	№	Состав группы	№	Состав группы	№	Состав группы
1	A	12	AFH	23	ADEF	34	ACDEH	45	ADFGH
2	AF	13	AGH	24	ADEG	35	ACDFG	46	AEFGH
3	AG	14	ACDE	25	ADFG	36	ACDFH	47	ACDEFG
4	ACD	15	ACDF	26	ADFH	37	ACDGH	48	ACDEFH
5	ACF	16	ACDG	27	ADGH	38	ACEFG	49	ACDEGH
6	ACG	17	ACDH	28	AEFG	39	ACEFH	50	ACDFGH
7	ADF	18	ACEF	29	AEFH	40	ACEGH	51	ACEFGH
8	ADG	19	ACEG	30	AEGH	41	ACFGH	52	ADEFGH
9	AEF	20	ACFG	31	AFGH	42	ADEFG	53	ACDEFGH
10	AEG	21	ACFH	32	ACDEF	43	ADEFH	X	X
11	AFG	22	ACGH	33	ACDEG	44	ADEGH	X	X

набором компетенций и способных разрешить задачу x в допустимый срок. В рассматриваемом примере G'' содержится 20 групп (таблица 2).

Таблица 2. Группы сотрудников, обладающих достаточным для разрешения задачи набором компетенций и способных разрешить задачу в допустимый срок

№	Состав группы	№	Состав группы
1	AF	11	ACFH
2	ACD	12	ADEF
3	ACF	13	ADFH
4	ADF	14	AEFH
5	AEF	15	ACDEF
6	AFH	16	ACDEH
7	ACDE	17	ACDFH
8	ACDF	18	ACEFH
9	ACDH	19	ADEFH
10	ACEF	20	ACDEFH

В «Модуле подбора группы ЛПР по параметру минимизации затрат» производится расчет затрат на разрешение задачи каждой группой, из подмножества групп ЛПР, обладающих достаточным для решения задачи набором компетенций и способных разрешить задачу в допустимый срок, и выбор группы, удовлетворяющей условию минимизации затрат на принятие решения.

Обсуждение

Затраты на принятие решений группой ЛПР складывается из затрат на всех ЛПР, входящих в группу, исходя из времени их задействования и стоимости единицы трудозатрат:

$$s_{x_i}^{G''} = \sum_{k=1}^{|G''|} P_{g''k} (\tau_{x_i}^1 + \tau_{x_i}^2 + \tau_{x_i}^3), \forall \lambda, \quad (32)$$

где: $s_{x_i}^{G''}$ – затраты на принятие решений группой G'' по задаче x_i .
 $P_{g''k}$ – стоимость единицы времени ЛПР $g''k$, входящего в группу G'' .
 $|G''|$ – мощность множества G'' .

Допустим, что ставка оплаты труда А составляет 1 денежную единицу в единицу времени, С, D – 0,9 денежной единицы в единицу времени, Е, F, G, H – 0,8 денежной единицы в единицу времени. Произведя соответствующие расчеты сформируем множество стоимостей G'' и найдя минимальное значение, например с использованием алгоритма сортировки Хоара (Quicksort), получаем результат, состоящий в том, что оптимальным вариантом группы, которая может разрешить задачу является группа, состоящая А и F (таблица 3).

Таблица 3. Затраты на разрешение задачи

№	Состав группы	Стоимость	№	Состав группы	Стоимость
1	AF	1,8	11	ADFH	3,5
2	AEF	2,6	12	ACDE	3,6
3	AFH	2,6	13	ACDF	3,6
4	ACF	2,7	14	ACDH	3,6
5	ADF	2,7	15	ACEFH	4,3
6	ACD	2,8	16	ADEFH	4,3
7	AEFH	3,4	17	ACDEF	4,4
8	ACEF	3,5	18	ACDEH	4,4
9	ACFH	3,5	19	ACDFH	4,4
10	ADEF	3,5	20	ACDEFH	5,2

Затраты этой группы составляют 1,8 денежной единицы. У всех остальных групп, которые могут разрешить задачу *затраты выше, их значения варьируются*

от 2,6 денежной единицы до 5,2 денежной единицы. Полученный результат с одной стороны подтверждает вывод Паркинсона, состоящий в том, что положительный эффект от работы А достижим путем предоставления ему одного подчиненного, с другой стороны демонстрирует возможность применения предложенного алгоритма для оптимизации затрат путем исключения из процессов принятия решений сотрудников относящихся к транзитному уровню управления. Учитывая наличие в большинстве существующих информационных систем поддержки принятия решений функционалов контроля за объемом выполняемой работы, предлагаемая подсистема подбора ЛПР позволит получить синергетический эффект, состоящий в выявлении сотрудников не приносящих существенный вклад в выполнение бизнес-процессов субъекта экономической деятельности.

Заключение

В статье рассмотрена проблема управления затратами, связанными с подбором лица, принимающего решение, или группы лиц. Специфика, определяющая сложность решения данной проблемы, состоит в необходимости учета компетентности лиц для выполнения задачи в сопряжении с такими факторами, как срочность, важность задачи и при условии минимизации затрат на принятие решения. Как доказывает исследование помощь в решении проблемы обеспечивает применение безлюдных технологий принятия решений. Основанные на исторических данных алгоритмы формируют варианты оптимизации затрат на подбор ЛПР с учетом указанных факторов. Это позволяет не только сократить прямые затраты, но и снизить значимость неявных знаний, которые поддаются автоматизации со множественными ограничениями, но при этом во многом определяют эффективность бизнес-процессов. Предлагаемая к использованию в перспективных СППР подсистема подбора ЛПР продемонстрировала свою эффективность на примере решения классической задачи С. Паркинсона «о росте кабинетов», выбранной в качестве иллюстрации влияния человеческого фактора при управлении проектами. Доведенная до уровня абсурда последовательность действий с подбором лиц, принимающих решения, представленная в задаче «о росте кабинетов», как нельзя лучше описывает пространство вариантов для ситуаций формата «что еще может пойти не так». При том, что все варианты соответствуют человеческой логике, возникает однозначное понимание неконтролируемого роста затрат на подбор ЛПР. Поэтому задача «о росте кабинетов» квалифицируется как нестареющая классика бизнес-задач, не имеющих прямого решения и требующих нетривиальных методов. Предлагаемая подсистема подбора ЛПР решает эту задачу, используя качественные исторические данные. При их наличии задействованный в подсистеме алгоритм обеспечит варианты подбора ЛПР, группы ЛПР (в частном случае состоящей из одного ЛПР), обладающей достаточным для решения задачи набором компетенций, способной выполнить задачу в допустимый срок и удовлетворяющей условию минимизации затрат на принятие решения.

Библиографический список

1. Wang Q. *Interpretable decision-making model with uncertain weights for sustainable digital economy* / Q. Wang // *Advanced Engineering Informatics*. – 2024. – Volume 60. – 102359. – DOI: 10.1016/j.aei.2024.102359.

2. Behl A. *Analysis of Industry 4.0 and circular economy enablers: A step towards resilient sustainable operations management* / A. Behl, R. Singh, V. Pereira, B. Laker // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2023. – Volume 189. – 122363. – DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122363.
3. Zhou F. *A hybrid group decision-making approach involving Pythagorean fuzzy uncertainty for green supplier selection* / F. Zhou, T.-Yu Chen // *International Journal of Production Economics*. – 2023. – Volume 261. – 108875. – DOI: 10.1016/j.ijpe.2023.108875.
4. Pamučar D. *A decision analysis model for smart mobility system development under circular economy approach* / D. Pamučar, G. Durán-Romero, M. Yazdani, A. M. López // *Socio-Economic Planning Sciences*. – 2023. – Volume 86. – 101474. – DOI: 10.1016/j.seps.2022.101474.
5. Gupta A. *Green human resource management and work engagement: Linking HRM performance attributions* / A. Gupta, S. Jangra // *Sustainable Futures*. – 2024. – Volume 7. – 100174. – DOI: 10.1016/j.sftr.2024.100174.
6. Dyckhoff H. *Integrating multiple criteria decision analysis and production theory for performance evaluation: Framework and review* / H. Dyckhoff, R. Souren // *European Journal of Operational Research*. – 2022. – Volume 297. – Issue 3. – pp. 795–816. – DOI: 10.1016/j.ejor.2021.05.046.
7. Rejeb A. *Modeling enablers for blockchain adoption in the circular economy* / A. Rejeb, S. Zailani, K. Rejeb, H. Treiblmaier, J. G. Keogh // *Sustainable Futures*. – 2022. – Volume 4. – 100095. – DOI: 10.1016/j.sftr.2022.100095.
8. Klir G., Wierman M. J. *Uncertainty-Based Information Elements of GIT*. – Berlin: Springer-Verlag, 1999. – 168p.
9. Gao X. *Multiple-stakeholders' game and decision-making behaviors in green management of megaprojects* / X. Gao, S. Zeng, R. Zeng, J. J. Shi, R. Song // *Computers Industrial Engineering*. – 2022. – Volume 171. – 108392. – DOI: 10.1016/j.cie.2022.108392.
10. Yamoah Fr. A. *Demystifying corporate inertia towards transition to circular economy: A management frame of reference* / Fr. A. Yamoah, U. Sivarajah, K. Mahroof, Iker González Peña // *International Journal of Production Economics*. – 2022. – Volume 244. – 108388. – DOI: 10.1016/j.ijpe.2021.108388.
11. Yang J. *Strategic flexibility, green management, and firm competitiveness in an emerging economy* / J. Yang, F. Zhang, X. Jiang, W. Sun // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2015. – Volume 101. – pp. 347–356. – DOI: 10.1016/j.techfore.2015.09.016.
12. Афанасьев М.А. Рентабельность функционирования СППР с подсистемой принятия решений безлюдными технологиями / М.А. Афанасьев // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2023. – Т. 241. – № 3. – С. 251–261. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-251-261.
13. Афанасьев М.А. Методы и информационная система автоматизированного подбора лица, принимающего решения / М.А. Афанасьев // *Прикладная информатика*. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 5–21. – DOI: 10.37791/2687064920241935-21.
14. Паркинсон С. *Законы Паркинсона. Сборник: пер. с англ. / сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев; послесл. Л. Ионина, О. Шкаратана*. – М.: Прогресс, 1989. – 446 с.

References

1. Wang Q. *Interpretable decision-making model with uncertain weights for sustainable digital economy* / Q. Wang // *Advanced Engineering Informatics*. – 2024. – Volume 60. – 102359. – DOI: 10.1016/j.aei.2024.102359.
2. Behl A. *Analysis of Industry 4.0 and circular economy enablers: A step towards resilient sustainable operations management* / A. Behl, R. Singh, V. Pereira, B. Laker // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2023. – Volume 189. – 122363. – DOI: 10.1016/j.techfore.2023.122363.

3. Zhou F. A hybrid group decision-making approach involving Pythagorean fuzzy uncertainty for green supplier selection / F. Zhou, T.-Yu Chen // *International Journal of Production Economics*. – 2023. – Volume 261. – 108875. – DOI: 10.1016/j.ijpe.2023.108875.
4. Pamučar D. A decision analysis model for smart mobility system development under circular economy approach / D. Pamučar, G. Durán-Romero, M. Yazdani, A. M. López // *Socio-Economic Planning Sciences*. – 2023. – Volume 86. – 101474. – DOI: 10.1016/j.seps.2022.101474.
5. Gupta A. Green human resource management and work engagement: Linking HRM performance attributions / A. Gupta, S. Jangra // *Sustainable Futures*. – 2024. – Volume 7. – 100174. – DOI: 10.1016/j.sftr.2024.100174.
6. Dyckhoff H. Integrating multiple criteria decision analysis and production theory for performance evaluation: Framework and review / H. Dyckhoff, R. Souren // *European Journal of Operational Research*. – 2022. – Volume 297. – Issue 3. – pp. 795–816. – DOI: 10.1016/j.ejor.2021.05.046.
7. Rejeb A. Modeling enablers for blockchain adoption in the circular economy / A. Rejeb, S. Zailani, K. Rejeb, H. Treiblmaier, J. G. Keogh // *Sustainable Futures*. – 2022. – Volume 4. – 100095. – DOI: 10.1016/j.sftr.2022.100095.
8. Klir G., Wierman M.J. *Uncertainty-Based Information Elements of GIT*. – Berlin: Springer-Verlag, 1999. – 168p.
9. Gao X. Multiple-stakeholders' game and decision-making behaviors in green management of megaprojects / X. Gao, S. Zeng, R. Zeng, J.J. Shi, R. Song // *Computers Industrial Engineering*. – 2022. – Volume 171. – 108392. – DOI: 10.1016/j.cie.2022.108392.
10. Yamoah Fr. A. Demystifying corporate inertia towards transition to circular economy: A management frame of reference / Fr. A. Yamoah, U. Sivarajah, K. Mahroof, Iker González Peña // *International Journal of Production Economics*. – 2022. – Volume 244. – 108388. – DOI: 10.1016/j.ijpe.2021.108388.
11. Yang J. Strategic flexibility, green management, and firm competitiveness in an emerging economy / J. Yang, F. Zhang, X. Jiang, W. Sun // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2015. – Volume 101. – pp. 347–356. – DOI: 10.1016/j.techfore.2015.09.016.
12. Afanasev M. A. Rentabel'nost' funkcionirovaniya SPPR s podsystemoj prinyatiya reshenij bezlyudnymi tekhnologiyami / M. A. Afanasev // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. – 2023. – Volume 241. – Issue 3. – pp. 251–261. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-251-261.
13. Afanasev M. A. Metody i informacionnaya sistema avtomatizirovannogo podbora lica, prinimayushchego resheniya / M. A. Afanasev // *Prikladnaya informatika*. – 2024. – Volume 19. – Issue 3. – pp. 5–21. – DOI: 10.37791/2687064920241935-21.
14. Parkinson S. *Zakony Parkinsona. Sbornik: per. s angl. / sost. i avt. predisl. V.S. Murav'ev; poslesl. L. Ionina, O. SHkaratana*. – M.: Progress, 1989. – 446 p.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
117997, г. Москва, Стремянный пер., 36
The Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny per., Moscow, 117997, Russia
Афанасьев Михаил Анатольевич / Mikhail A. Afanasev
Afanasev.MA@rea.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-384-393

ВЛИЯНИЕ РАСШИРЕНИЯ СОСТАВА БРИКС НА МИРОВУЮ ТОРГОВЛЮ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ

THE IMPACT OF THE BRICS EXPANSION ON WORLD TRADE IN AGRICULTURAL PRODUCTS

СОЛДАТЕНКОВА Ольга Ивановна

Главный научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук, доктор экономических наук

Olga I. SOLDATENKOVA

Principal Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

Аннотация

Страны БРИКС+ играют важную роль в решении проблемы обеспечения продовольственной безопасности не только как производители, но и как крупнейшие экспортеры/импортеры сельскохозяйственного сырья и продовольствия. В статье рассматривается современное состояние торговли сельскохозяйственными товарами внутри объединения, а также основные направления взаимодействия и проблемы стран БРИКС+ во внешней торговле сельскохозяйственными товарами. Решение этих проблем позволит объединению стать ключевым игроком на мировых аграрных рынках, деятельность которого основана на принципе взаимного уважения и соблюдении международного права.

Abstract

Being the largest producers and exporters/importers of agricultural raw materials and food, the BRICS+ countries play an important role in solving the problem of food security. The article examines the current state of trade in agricultural products within the association, as well as the main areas of cooperation and problems for the BRICS+ countries in foreign trade in agricultural products. Solving these problems will allow the association to become a key player in global agricultural markets, whose activities are based on the principle of mutual respect and compliance with international law.

Ключевые слова Сельскохозяйственные товары, мировая торговля, расширение, БРИКС.

Keywords Agricultural products, world trade, expansion, BRICS.

Введение

Вопросы обеспечения продовольственной безопасности и развития торговли сельскохозяйственными товарами являются одними из ключевых в деятельности стран объединения. Йоханнесбургская декларация 15-го саммита БРИКС подтвердила необходимость достижения прогресса в искоренении голода, обеспечении продовольственной безопасности и улучшении питания, содействии устойчивому развитию сельского хозяйства и продовольственных систем, создании справедливой и ориентированной на рынок системы торговли сельскохозяйственной продукцией. Кроме того, страны БРИКС выразили обеспокоенность ограничительными мерами в торговле, затрагивающими торговлю сельскохозяйственными товарами и не совместимыми с правилами Всемирной Торговой Организации [1]. Одним из приоритетов Российского председательства в БРИКС в рамках сотрудничества в сферах экономики и финансов также обозначено укрепление взаимодействия в сфере сельского хозяйства, включая развитие взаимной торговли, и обеспечение продовольственной безопасности населения стран объединения [2]. На встрече в г. Нижний Новгород (Россия) в июне 2024 г. министры иностранных дел/международных отношений стран БРИКС одобрили три приоритета Бразилии в качестве председателя «Группы двадцати»: борьба с голодом, бедностью, неравенством; обеспечение устойчивого развития во всех трех аспектах; осуществление реформы глобального управления [3].

Страны БРИКС являются крупнейшими производителями, экспортерами и импортерами сельскохозяйственного сырья и продовольствия в мире. Страны, присоединившиеся к объединению в 2024 г., также входят в число важных участников мировых рынков продовольствия и сельскохозяйственного сырья. За последнее десятилетие торговля сельскохозяйственными товарами между странами БРИКС существенно выросла, а расширение объединения делает его одним из крупнейших игроков на мировых продовольственных рынках, располагающим существенными ресурсами не только для обеспечения продовольствием собственного населения, но и для искоренения голода на планете.

Вместе с тем, широкое применение ограничительных мер странами коллективного Запада в отношении ряда стран БРИКС после начала Россией специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. усилило негативные тенденции нарушения глобальных цепочек поставок сельскохозяйственных товаров и ресурсов для их производства, ускорило трансформационные процессы всей системы международных экономических отношений. В совокупности это привело к своеобразному перелому в подходах к решению продовольственной проблемы и обеспечения продовольственной безопасности населения стран мира, требующего осмысления новых вызовов и поиска возможностей [4, с. 60].

Одним из ключевых факторов обеспечения продовольственной безопасности и решения глобальной продовольственной проблемы выступает нормальное функционирование всех звеньев мировой торговли. Однако широкое использование США и его сателлитами санкционных режимов стимулирует другие страны искать инструменты и направления развития торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольствием,

в основе которых находились бы признание национальных интересов каждой страны и взаимное уважение. Именно поэтому БРИКС, как объединение, становится все более привлекательным для многих стран, не относящихся к коллективному Западу.

Современное состояние внешней торговли сельскохозяйственными товарами стран БРИКС+

Экспорт сельскохозяйственных товаров стран БРИКС только за период с 2020 г. по 2022 г. вырос на 39% и составил почти 360 млрд долл. США; а импорт этой группы товаров вырос на 35% и достиг 393 млрд долл. США. Доля стран БРИКС в мировом экспорте сельскохозяйственных товаров в 2022 г. достигла 15,5%, с учетом вновь присоединившихся стран – 17,2%. Поскольку Китай является одним из крупнейших импортеров сельскохозяйственного сырья и продовольствия в мире, удельный вес стран БРИКС составил 16,1%, а с учетом присоединившихся стран – 20,1% мирового импорта. Страны БРИКС+, за исключением Бразилии, Индии, России и ЮАР, являются чистыми импортерами продовольствия (табл. 1). Бразилия входит в число крупнейших экспортеров сельскохозяйственных товаров – в 2022 г. в стоимостном выражении ее экспорт превысил импорт в 8,7 раза. Китай импортирует сельскохозяйственных товаров в три раза больше, чем экспортирует.

Присоединившиеся к объединению в 2024 г. страны являются крупными импортерами зерновых культур, сахара-сырца и ряда других сельскохозяйственных товаров. Если для стран БРИКС импорт сельскохозяйственных товаров в стоимостном выражении превысил экспорт в 2022 г. только на 9%, то вновь присоединившиеся страны импортировали сельскохозяйственных товаров на сумму в 2,4 раза больше, чем экспортировали. Только Саудовская Аравия, крупнейшая экономика арабского мира, в 2022 г. импортировала продовольствия на 30 млрд долл. США, что на 40%

Таблица 1. Баланс внешней торговли сельскохозяйственными товарами стран БРИКС+ в 2022 году

Страна	Экспорт		Импорт		Торговый баланс, млрд долл США
	млрд долл США	2022 г. в % к 2020 г.	млрд долл США	2022 г. в % к 2020 г.	
Бразилия	148,0	158,7	17,0	139,3	131,0
Египет	7,0	132,5	19,1	124,5	-12,1
Индия	54,7	140,7	46,5	177,4	8,2
Иран	5,1	80,4	19,0	157,4	-13,9
Китай	96,4	123,3	290,6	134,6	-194,2
ОАЭ	19,0	136,4	25,3	140,7	-6,3
Россия	46,0	126,1	30,2	100,4	15,8
Саудовская Аравия	5,7	144,0	30,1	140,2	-24,4
Эфиопия	3,3	122,6	3,5	199,1	-0,2
ЮАР	15,0	126,7	8,2	125,8	6,8

Источник: составлено автором по данным [5]

больше, чем в 2020 году. Из присоединившихся к объединению стран, Саудовская Аравия является одним из крупнейших мировых экспортеров обезжиренного коровьего молока и фруктовых соков; Египет – цитрусовых и картофеля; Иран – фисташек, томатов и бахчевых; ОАЭ – чечевицы и жмыха из семян рапса; Эфиопия – кофейных зерен и кунжутных семян.

Роль аграрного экспорта и импорта во внешней торговле стран БРИКС+ существенно различается (табл. 2). Так, удельный вес аграрного экспорта в общем товарном экспорте в 2021 г. в Саудовской Аравии составил 1,8%, в то время как в общем товарном экспорте Эфиопии на сельскохозяйственные товары приходилось 77,3%. Существенную долю сельскохозяйственные товары занимают в товарном экспорте Бразилии (39,6%), Египта (14,7%), Индии (12,8%) и ЮАР (11,5%). Удельный вес сельскохозяйственных товаров в товарном импорте колебался от 5,8% в ОАЭ до 33,4% в Иране. Высокую долю сельскохозяйственное сырье и продовольствие составляет в товарном импорте Эфиопии (21,0%), Египта (19,5%) и Саудовской Аравии (15,8%).

Значительная часть торговли сельскохозяйственными товарами стран объединения осуществляется со странами за пределами БРИКС+, а в качестве основных торговых партнеров выступают страны США и страны Евросоюза. Так, в 2021 г. около 12% от общего объема экспорта сельскохозяйственной продукции стран Большой семерки (G7) пришлось на страны БРИКС. Из 66 млрд долл США 57% составил экспорт в страны БРИКС из США, 13% – из Канады и 10% – из Франции. Основными экспортными сельскохозяйственными товарами были масличные культуры, зерно и мясо.

Таблица 2. Удельный вес сельскохозяйственного сырья и продовольствия в товарном экспорте/импорте стран БРИКС+ в 2021 г., %

Страна	Удельный вес	
	в товарном экспорте	в товарном импорте
Бразилия	39,6	6,5
Египет ¹	14,7	19,5
Индия	12,8	6,7
Иран	8,0	33,4
Китай	2,6	10,1
ОАЭ	3,7	5,8
Россия	8,9	11,4
Саудовская Аравия	1,8	15,8
Эфиопия	77,3	21,0
ЮАР	11,5	8,2

¹ 2022 г.

Источник: составлено автором по данным [6]

Почти 17% от общего объема экспорта сельскохозяйственных товаров в 2021 г. страны БРИКС экспортировали в страны G7. На долю Китая и Бразилии пришлось около трех четвертей (48% и 25% соответственно) сельскохозяйственного экспорта стран БРИКС в страны G7. Китай в основном экспортировал мясо и рыбу, а Япония и США были наиболее важными торговыми партнерами. В Бразилии кофе, чай и специи были основными статьями экспорта в G7. Экспорт этих товаров в США составил 36%, Японию – 18% и Германию – 15% от общего объема бразильского экспорта в страны G7. Кроме того, четыре пятых бразильского экспорта зерна в страны G7 в 2021 г. отправилось в Японию, а почти весь экспорт (99%) живых животных из Бразилии – в США [7, с. 162].

Если же брать Евросоюз в целом, то в 2023 г. страны ЕС экспортировали 12,0% от общего объема европейского аграрного экспорта в страны БРИКС, а 21,2% всего импорта сельскохозяйственных товаров в страны ЕС пришлось на страны БРИКС. При этом, если темпы роста европейского экспорта в стоимостном выражении в страны БРИКС с 2021 г. по 2023 г. составили всего 5,0%, то прирост импорта из стран БРИКС за этот же период был весьма существенным и составил 24,3%, достигнув 33,6 млрд евро в 2023 году. В целом, если в 2020 г. экспорт сельскохозяйственных товаров из Евросоюза в страны БРИКС превышал импорт на 24,8%, то уже в 2023 г. страны БРИКС импортировали в страны Евросоюза сельскохозяйственных товаров на 22,6% больше, чем ЕС экспортировал в страны БРИКС. Основными экспортными сельскохозяйственными товарами в страны БРИКС стали алкогольные и безалкогольные напитки, уксус (группа 22 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров) – 17,6% от общего экспорта; готовые продукты из зерна злаков, муки и пр. (группа 19) – 12,1%; мясо и пищевые мясные субпродукты (группа 02) – 9,6%. В структуре импорта из стран БРИКС в страны ЕС в 2023 г. преобладали отходы и отходы пищевой промышленности, готовые корма для животных (группа 23) – 18,1%; кофе, чай, мате и пряности (группа 09) – 12,9%; и масличные семена и плоды (группа 12) – 12,0%. Экспорт зерновых в стоимостном выражении в страны БРИКС увеличился в 2023 г. в 2,4 раза по сравнению с 2019 годом [8]. В целом для периода с 2019 г. по 2023 г. характерна высокая изменчивость структуры взаимной торговли сельскохозяйственными товарами стран БРИКС и Евросоюза.

Влияние расширения БРИКС на мировую торговлю сельскохозяйственными товарами

Процессы трансформации современных международных отношений, существенно ускорившиеся после начала Российской Федерацией СВО на Украине, оказывают значительное воздействие на направления развития мировой торговли сельскохозяйственными товарами. Очевидно, что система многосторонних торговых соглашений, задуманная как инструмент регулирования торговых отношений между странами мира, особенно во времена турбулентности, не выдержала испытания. Все больше стран предпочитают заключать двухсторонние и/или многосторонние региональные торговые и экономические соглашения. Каждая страна БРИКС+ участвует в ряде торгово-экономических соглашений между странами, которые не входят в состав объединения, и ведет свою независимую экономическую и торговую политику. Однако использование США и его сателлитами санкций как оружия ведения своих гибридных войн не только наносит ущерб развитию всей мировой экономики, но и вынуждает страны разворачиваться в сторону тех торговых партнеров, которые

руководствуются своими национальными интересами и соблюдают международное право. Так, Клаубен Т. и Сванидзе М. отмечают, что в настоящее время с различных сторон растет число аргументов в пользу того, что, когда речь идет о формировании международной (сельскохозяйственной) торговли и деловых отношений, все больший вес следует придавать социальным ценностям, безопасности поставок и внешней безопасности. Это служит уменьшению зависимости, особенно от стран, которые не являются единомышленниками, а под ярлыком «суверенитета» все чаще формулируются требования изоляции и (микро)контроля международных рынков. Все громче становятся требования конвергенции ценностей как обязательного условия для осуществления транснациональных торговых отношений [9].

Распространение протекционистских мер и режимов санкций привело к тому, что основные функции мировых товарных рынков – товародвижение и ценообразование – оказались нарушены и на их восстановление потребуется время. Если протекционистские меры направлены на защиту интересов национального производителя, то санкционные режимы стали активно использоваться странами Запада как инструмент достижения своих внешнеполитических целей. Исследования же показывают, что санкции часто не достигают своих политически мотивированных целей или, в лучшем случае, имеют умеренный успех. Кроме того, санкции, как правило, являются частью более широких мер внешней политики и безопасности, и поэтому трудно оценить их истинный успех [10].

Основной же целью функционирования и расширения БРИКС является содействие развитию всех стран-членов объединения, а не их противостояние странам коллективного Запада. Страны БРИКС+, как справедливо отметила Министр сельского хозяйства Российской Федерации Оксана Лут на 14-й встрече министров сельского хозяйства стран БРИКС в г. Москва в июне 2024 г., «...обладают значительным потенциалом для укрепления своих позиций на мировом рынке сельхозпродукции и осуществления бесперебойных поставок в целях обеспечения глобальной продовольственной безопасности» [11].

Однако, для того, чтобы реализовать потенциал стран БРИКС+ как с точки зрения потребления, так и с точки зрения производства сельскохозяйственного сырья и продовольствия, необходимо приложить серьезные усилия по ряду направлений.

В настоящее время большая часть глобальной торговли осуществляется через систему SWIFT, которая по сути служит «супермагистралью», облегчающей глобальную торговлю. Поскольку доллар выступает мировой резервной валютой, то США используют SWIFT в качестве инструмента для наказания стран, которые не выполняют его распоряжения. После начала Россией СВО официальные лица Запада первоначально заявили, что Россия не будет заблокирована от SWIFT, но всего несколько дней спустя США, Европейский союз, Великобритания и Канада опубликовали совместное заявление, в котором объявили, что SWIFT отключит «отдельные» российские банки от глобальной платежной системы. США уже использовали SWIFT и доллар в качестве рычага для достижения своих внешнеполитических целей. В 2014 г. администрация Обамы заблокировала доступ к SWIFT нескольким российским финансовым учреждениям из-за воссоединения Крыма с Россией. Несколько лет спустя, администрация Трампа угрожала Китаю, пытаясь заставить эту страну присоединиться к санкциям против Северной Кореи. Неудивительно, что страны с недружественными отношениями с Соединенными Штатами хотят избежать зависимости от системы, которая требует американского благословения и долларов США [12].

В ответ на использование SWIFT как оружия Россия создала собственную платежную систему (Система передачи финансовых сообщений) в 2014 г., пользователями которой на конец 2023 г., по данным годового отчета Банка России, являлись 556 организаций, более четверти из которых составляли нерезиденты (159 иностранных организаций из 20 стран). В 2015 г. Китай запустил платежную систему (Система трансграничных межбанковских платежей (CIPS)), предлагающую своим участникам клиринговые и расчетные услуги для международных платежей и торговли в юанях. Кроме того, страны БРИКС планируют создать платежную систему на основе блокчейна, призванную быть независимой и свободной от политического влияния. Но успех этой системы будет зависеть от преодоления препятствий в управлении, соблюдения правил и обеспечения плавной интеграции с существующими финансовыми структурами. Если это будет достигнуто, это может проложить путь к более многополярному глобальному финансовому ландшафту [13]. Батиста П. справедливо отмечает, что, помимо прочего, для этого требуется политическое мужество. Реорганизация международных валютно-финансовых механизмов является важнейшим вопросом мировой политической экономики. Вполне можно ожидать, что США и их союзники будут сопротивляться любым инициативам, которые бросают вызов их привилегированному положению. Непременным условием успеха будет являться высокая степень сплоченности стран объединения, которая всегда была проблемой БРИКС, даже когда за столом переговоров было всего пять стран. Для достижения сплоченности и минимального уровня координации потребуется немало дискуссий и убеждений [14].

Вызовом для объединения становится и участие стран БРИКС+ в других соглашениях, объединениях, союзах. Так, в течение продолжительного времени страны БРИКС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) были сосредоточены на своем развитии, но чтобы быть конкурентоспособными на мировом рынке необходимо развивать экономическое и торговое сотрудничество стран БРИКС и ЕАЭС как между собой, так и с международным сообществом. ЕАЭС – это прежде всего российская инициатива, а Китай с 2013 г. развивает проект «Один пояс, один путь». Гармонизация этих двух проектов, начатая еще в 2015 г., позволит использовать основные конкурентные преимущества экономик БРИКС, стать более коммерчески жизнеспособными в борьбе за инвесторов, за создание новых рабочих мест, за передовые предприятия, хотя этот процесс весьма непрост, не лишен проблем и может занять некоторое время [15].

Наиболее чувствительным к преимуществам и недостаткам того или иного интеграционного образования является бизнес стран-участниц, что становится предметом обсуждения в различных экспертных кругах. В рамках панельной дискуссии «Развитие взаимной торговли продукцией АПК стран БРИКС» Конференции по продовольственной безопасности и обеспечению устойчивого сельскохозяйственного развития, организованной в преддверии 14-й встречи Министров сельского хозяйства стран БРИКС+ (27 июня 2024 г., г. Москва), представители российских и зарубежных компаний-лидеров рынка рассмотрели потенциал сотрудничества основных отраслей АПК, повышение транспарентности торговли между странами БРИКС, гармонизацию требований к поставляемой продукции, расширение логистических возможностей путем улучшения баланса торговли, переход на расчеты в национальных валютах [16]. На наш взгляд, к наиболее важным направлениям взаимодействия стран БРИКС+ во внешней торговле сельскохозяйственными товарами, помимо необ-

ходимости создания и развития альтернативной SWIFT платежной системы и перехода на национальные валюты в расчетах, можно отнести следующее:

- развитие транспортно-логистических цепочек внутри объединения;
- создание логистических хабов, которые могли бы накапливать продукцию рядом со странами назначения и обеспечивать локальную логистику;
- создание страховых запасов в целевых макрорегионах для обеспечения бесперебойности поставок и обеспечения потребности макрорегионов;
- снятие торговых барьеров и упрощение таможенных процедур;
- дополнительное финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития;
- унификация стандартов внутри объединения;
- создание информационного портала торговли сельскохозяйственными товарами стран объединения с целью обмена данными;
- содействие развитию устойчивого сельского хозяйства и повышение его производительности путем внедрения передовых энергосберегающих технологий [16].

Заключение

Агропромышленный комплекс стран БРИКС+ имеет огромный экспортный потенциал для роста торговли сельскохозяйственными товарами не только с существующими торговыми партнерами, но и внутри объединения. Развивая обмен современными технологиями и знаниями, продвигая совместные исследования, выстраивая производственную и логистическую инфраструктуру внутри объединения, страны БРИКС+ будут играть важную роль в решении не только продовольственной проблемы, но и ряда других глобальных проблем. Вместе с тем, существенное влияние на развитие торговли сельскохозяйственными товарам между странами объединения в ближайшее время окажут инвестиции в пищевую промышленность и транспортную инфраструктуру для улучшения экспортной логистики, создание единой валюты стран БРИКС, переход на национальные валюты и аналоги системы SWIFT при расчетах во внешней торговле. Существующие барьеры и сопротивление вполне преодолимы, но для это требуется кропотливая и настойчивая работа всех заинтересованных сторон, а не только политическая воля правительств стран объединения. Имеющийся задел позволяет надеяться на то, что БРИКС+ подтвердит ожидания Глобального Юга по созданию платформы развития взаимной торговли сельскохозяйственными товарами на основе принципов взаимного уважения и соблюдения международного права.

Библиографический список

1. Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г. 24.08.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 26.05.2024).
2. Приоритеты председательства Российской Федерации в объединении БРИКС в 2024 г. – URL: <https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities/> (дата обращения: 19.06.2024).
3. Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС. Нижний Новгород, Российская Федерация 10 июня 2024 г. – URL: <https://brics-russia2024.ru/docs/> (дата обращения: 27.06.2024).

4. Ревенко Л.С., Солдатенкова О.И., Ревенко Н.С. Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – № 15(4). – С. 54–65. – DOI: 10.26794/1999-849X2022-15-4-54-65.
5. Glauben T., Djuric I. BRICS: World Heavyweight in Agricultural Trade. *Intereconomics*. 59. 160-166. 10.2478/ie-2024-0033.
6. Agri-Food Trade Statistical Factsheet. European Union – BRICS. EU Directorate General for Agriculture, European Commission 18.04.2024. – URL: https://agriculture.ec.europa.eu/system/files/2023-05/agrifood-brics_en.pdf (дата обращения: 26.06.2024).
7. The WTO Stats portal. – URL: <https://stats.wto.org/> (дата обращения: 14.06.2024).
8. Trade Profiles 2023. World Trade Organization – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles23_e.htm (дата обращения: 14.06.2024).
9. Glauben T., Svanidze M. Globaler Agrarhandel: robustes Sicherheitsnetz zur Reduktion von Hungerrisiken in Krisenzeiten, *Wirtschaftsdienst*, 103(7), 491–499. – URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2023/heft/7/beitrag/globaler-agrarhandel-robustes-sicherheitsnetz-zur-reduktion-von-hungerrisiken-in-krisenzeiten.html> (дата обращения: 24.06.2024).
10. Yağın E. Die ökonomischen Effekte von Sanktionen – Schlagkraft, Zielerreichung, Nebeneffekte, *Wirtschaftsdienst*, – 103(13), 15–22. – URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2023/heft/13/beitrag/die-oekonomischen-effekte-von-sanktionen-schlagkraft-zielreichung-nebeneffekte.html> (дата обращения: 30.05.2024).
11. На 14-й встрече министров сельского хозяйства стран БРИКС обсудили вопросы укрепления продовольственной безопасности. Минсельхоз России. 28 июня 2024 г. – URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/na-14-y-vstreche-ministrov-selskogo-khozyaystva-stran-briks-obsudili-voprosy-ukrepleniya-prodovolstv/> (дата обращения: 28.06.2024).
12. Maharrey M. A BRICS Alternative to the SWIFT Payment System Could Accelerate De-Dollarization. April 07, 2024. – URL: <https://www.fxstreet.com/analysis/a-brics-alternative-to-the-swift-payment-system-could-accelerate-de-dollarization-202404071751> (дата обращения: 29.06.2024).
13. Ambolis D. BRICS Bet On Blockchain: An Amazing «Politics-Free» Payment System, Is It Possible In 2024. *Blockchain Magazine*. April 22, 2024. – URL: <https://blockchainmagazine.net/brics-blockchain-a-politics-free/> (дата обращения: 29.06.2024).
14. Batista P.N. BRICS Financial Settlements. *BRICS Portal*. April 18, 2024. – URL: <https://infobrics.org/post/40993/> (дата обращения: 30.06.2024).
15. Erokhin V., Tianming G. China and the Eurasian Economic Union: A Future of Agricultural Trade in BRICS+ Format. 10.4018/978-1-7998-1730-7.ch004.
16. Бизнес АПК стран БРИКС обсудил потенциал развития торговли. 28 июня 2024 г. – URL: <https://aemcx.ru/2024/06/28/biznes-apk-stran-briks-obsudil-potencial-razvitiya-torgovli/> (дата обращения: 29.06.2024).

References

1. Iokhannenburgskaya deklaratsiya-II. BRIKS i Afrika: partnerstvo v interesakh sovместnogo uskorenного rosta, ustoichivogo razvitiya i inklyuzivnoi mnogostoronnosti, Sendton, Gauteng, YuAR, 23 avgusta 2023 goda. 24.08.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (data obrashcheniya: 26.05.2024).
2. Priority predsedatel'stva Rossiiskoi Federatsii v ob'edinenii BRIKS v 2024 godu. – URL: <https://brics-russia2024.ru/russia-and-brics/priorities/> (data obrashcheniya: 19.06.2024).
3. Sovместnoe zayavlenie Ministrov inostrannykh del/mezhdunarodnykh otnoshenii stran BRIKS. Nizhnii Novgorod, Rossiiskaya Federatsiya 10 iyunya 2024 goda. – URL: <https://brics-russia2024.ru/docs/> (data obrashcheniya: 27.06.2024).

4. Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. *Global'naya prodovol'stvennaya problema: novye vyzovy dlya mira i Rossii// Ekonomika. Nalogi. Pravo.* – 2022. – № 15(4). – S. 54–65. – DOI: 10.26794/1999-849X 2022-15-4-54-65.
5. Glauben T., Djuric I. *BRICS: World Heavyweight in Agricultural Trade. Intereconomics.* 59. 160-166. 10.2478/ie-2024-0033.
6. *Agri-Food Trade Statistical Factsheet. European Union – BRICS. EU Directorate General for Agriculture, European Commission* 18.04.2024. – URL: https://agriculture.ec.europa.eu/system/files/2023-05/agrifood-brics_en.pdf (accessed: 26.06.2024).
7. *The WTO Stats portal.* – URL: <https://stats.wto.org/> (accessed: 14.06.2024).
8. *Trade Profiles 2023. World Trade Organization* – URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/trade_profiles23_e.htm (accessed: 14.06.2024).
9. Glauben T., Svanidze M. *Globaler Agrarhandel: robustes Sicherheitsnetz zur Reduktion von Hungerrisiken in Krisenzeiten, Wirtschaftsdienst, 103(7), 491–499.* – URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2023/heft/7/beitrag/globaler-agrarhandel-robustes-sicherheitsnetz-zur-reduktion-von-hungerrisiken-in-krisenzeiten.html> (дата обращения: 24.06.2024).
10. Yalçin E. *Die ökonomischen Effekte von Sanktionen – Schlagkraft, Zielerreichung, Nebeneffekte, Wirtschaftsdienst, 103(13), 15–22.* – URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2023/heft/13/beitrag/die-oekonomischen-effekte-von-sanktionen-schlagkraft-zielerreichung-nebeneffekte.html> (accessed: 30.05.2024).
11. *Na 14-i vstreche ministrov sel'skogo khozyaistva stran BRIKS obsudili voprosy ukrepleniya prodovol'stvennoi bezopasnosti. Minsel'khoz Rossii. 28 iyunya 2024 g.* – URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/na-14-y-vstreche-ministrov-selskogo-khozyaystva-stran-briks-obsudili-voprosy-ukrepleniya-prodovolstv/> (data obrashcheniya: 28.06.2024).
12. Maharrey M. *A BRICS Alternative to the SWIFT Payment System Could Accelerate De-Dollarization. April 07, 2024.* – URL: <https://www.fxstreet.com/analysis/a-brics-alternative-to-the-swift-payment-system-could-accelerate-de-dollarization-202404071751> (accessed: 29.06.2024).
13. Ambolis D. *BRICS Bet On Blockchain: An Amazing «Politics-Free» Payment System, Is It Possible In 2024. Blockchain Magazine. April 22, 2024.* – URL: <https://blockchainmagazine.net/brics-blockchain-a-politics-free/> (accessed: 29.06.2024).
14. Batista P.N. *BRICS Financial Settlements. BRICS Portal. April 18, 2024.* – URL: <https://infobrics.org/post/40993/> (accessed: 30.06.2024).
15. Erokhin V., Tianming G. *China and the Eurasian Economic Union: A Future of Agricultural Trade in BRICS+ Format. 10.4018/978-1-7998-1730-7.ch004.*
16. *Biznes APK stran BRIKS obsudil potentsial razvitiya trgovli. 28 iyunya 2024 g.* – URL: <https://aemcx.ru/2024/06/28/biznes-apk-stran-briks-obsudil-potencial-razvitiya-torgovli/> (data obrashcheniya: 29.06.2024)

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук»
121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnyi Pereulok, Moscow, 121069, Russia
Солдатенкова Ольга Ивановна/ Olga I. Soldatenkova
oisoldatenkova@hotmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-394-407

ВОЗМОЖНОСТИ КООРДИНАЦИИ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН БРИКС

OPPORTUNITIES FOR BRICS TRADE POLICY COORDINATION

ИСАЧЕНКО Татьяна Михайловна

Профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, Московский государственный институт международных отношений МИД России, директор Центра торгово-политических исследований ВАВТ, доктор экономических наук, профессор

Tatiana M. ISACHENKO

Dr. in Economics, Professor, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations named after N.N. Liventsev, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Director of the Center for Trade and Political Research at the Russian Academy of Foreign Trade

Аннотация

Будучи неформальным объединением, БРИКС сформировал повестку дня, включающую в себя широкий спектр вопросов экономического сотрудничества стран-участниц. Одной из сфер, в которых сотрудничество или, как минимум, координация позиций возможна и необходима, является торговая политика как инструмент продвижения торгово-политических интересов стран БРИКС и, одновременно, фактор формирования многополярного мира. Целью настоящей статьи является выявление тех областей, в которых, при всех существующих различиях, возможно согласование интересов и, возможно, представление общей позиций на многосторонних торговых переговорах.

Abstract

As an informal association, BRICS has formed an agenda that includes a wide range of issues of economic cooperation between the member countries. One of the areas in which cooperation, or at least coordination of positions, is possible and necessary is trade policy as a tool to promote the trade and political interests of the BRICS countries and, at the same time, a factor in the formation of a multipolar world. The purpose of this article is to identify areas in which, despite all existing differences, it is possible to harmonize interests and, possibly, represent a common position in multilateral trade negotiations.

Ключевые слова

Торговая политика, ВТО, многосторонняя торговая система, переориентация торговли.

Keywords

Trade policy, WTO, multilateral trading system, trade reorientation.

Общие предпосылки согласования торговой политики стран БРИКС

В последнее время при анализе перспектив и приоритетов внешнеэкономической политики России заметно активизировалось обсуждение экономического сотрудничества в рамках объединения стран БРИКС – Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. Состоявший в мае 2024 г. Московский экономический форум уделил важное внимание проблематике сотрудничества стран БРИКС, чему была посвящена специальная сессия. Все эксперты так или иначе отмечали, что объединение так и не приобрело статус официальной международной организации, что придает особую актуальность поиску стратегий интеграции и путей институционализации сотрудничества стран, давно участвующих в работе блока и стран, проявивших интерес к динамично развивающемуся сотрудничеству.

Когда в 2006 г. экономист компании «Голдман Сакс» (Goldman Sachs) Дж. О'Нил определил четыре страны, представляющие, по его мнению, и на тот момент, наиболее динамично развивающиеся экономики мира и по образному выражения своего рода «кирпичики» будущего многополярного мира, трудно было предположить, будет ли развиваться сотрудничество непосредственно между перспективными участниками мирового рынка и какой формат взаимодействия можно будет применить. Тем не менее, идея опережающего развития этих стран заняла прочные позиции в оценке прогнозов экономического развития мира и эксперты компании доказали, что к 2050 г. эти страны должны были, хотя и с разной скоростью, достичь уровня, а в некоторых случаях и обогнать, ведущие промышленно развитые страны (Франция, Италия, Германия, Великобритания, Япония и США). Страны БРИК и присоединившаяся к ним в 2011 г. Южная Африка, (превратив аббревиатуру в БРИКС), потенциально представляли собой крайне важный регион, за счет динамики экономического развития которого по экономическим расчетам тех же экономистов «Голдман Сакс» должно было быть обеспечено 30% роста мировой экономики [1]. Интересно, что в зарубежных источниках литературы, начиная с 2006 г., данная тематика стала крайне популярна [2]. Одним из первых стало выступление Директора Представительства Всемирного банка в России К.Георгиевой в 2006 г., в котором была обозначена роль стран БРИК для мировой экономики и проанализированы демографические, общие экономические, бюджетные и институциональные показатели, а также индикаторы делового климата, инновационной активности и конкурентоспособности [3]. Впоследствии исследования были посвящены возможной экономической интеграции пяти развивающихся стран по образу и подобию других интеграционных блоков и объединений с учетом динамично развивающейся торговли между членами БРИКС [4,5,6] и политики по привлечению прямых инвестиций (ПИИ).

Несмотря на существенные различия в структуре экономики, а также факторы и темпы экономического развития, протяжении нескольких лет страны БРИКС вели интенсивный политический диалог, который способствовал выработке и продвижению общей позиции по многим актуальным проблемам экономического развития, в том числе стимулированию взаимной торговли, устранению дискриминации в торговле с партнерами по мировому рынку. Уже в ходе саммита Группы 20 в Санкт-Петербурге в 2013 г. страны БРИКС договорились выступать с единых позиций по многим вопросам глобального развития [7]. Поскольку члены альянса БРИКС являются странами с развивающейся экономикой, участие в глобальных процессах подразумевает, прежде всего, расширение регионального влияния, обеспечение

доступа к рынкам и ресурсам, секторальное сотрудничество. а также, безусловно, усиление их переговорной силы на многостороннем уровне за счет координации торгово-политических интересов, прежде всего на многосторонних переговорных форумах и площадках. Растущее взаимодействие между этими странами в 2009–2012 гг. и их участие в процессе принятия глобальных решений создавали, как казалось, благоприятные условия даже для возможного заключения соглашения о свободной торговле (ССТ).

Тем не менее, при том, что вопросы взаимодействия стран БРИКС всегда находились в центре внимания политиков и экономистов, их сотрудничество все же традиционно рассматривалось сквозь призму политического взаимодействия и выработки общей платформы по ключевым вопросам мирового политического порядка [1]. Экономические аспекты взаимодействия стран БРИКС, а тем более вопросы координации торговой политики, стали предметом внимания относительно недавно и не имеют однозначной оценки, хотя и являются одной из составляющих стратегии по переориентации российской экономики и внешнеэкономических связей. Тенденции мирового экономического развития в 2000-е гг. и национальные внешнеэкономические приоритеты стран БРИКС позволяют утверждать, что существуют серьезные перспективы сотрудничества между странами БРИКС в качестве альтернативы существующим направлениям внешнеэкономической стратегии России. Так, в частности, экономический кризис 2008–2009 гг., еще раз подтвердил актуальность проблемы совершенствования системы внешнеэкономических связей России, как с точки зрения совершенствования структуры внешней торговли, так и с точки зрения оптимизации географических партнеров и поиска наиболее эффективных форм организации внешнеэкономической деятельности и ее регулирования.

Общность и различие торговых интересов

Безусловно, страны БРИКС имеют много общего и в последние годы для них были характерны общие тенденции развития, что создает важные предпосылки для развития торгово-политического сотрудничества и координации внешних позиций. Так, в частности, начиная с середины 2000-х гг. они отличались высокими темпами роста ВВП (см. табл. 1), однако, следует учитывать, что эти достижения были обеспечены принципиально разными факторами, при этом для России был зафиксирован большой отрыв по многим другим показателям, в том числе по доле в мировой торговле.

В настоящее время на блок БРИКС приходится более 45% населения планеты и большая доля (почти 36%) мирового ВВП, что превышает показатель Группы 7 (30%) с поправкой на паритет покупательной способности (ППС). При этом, современное расширение БРИКС за счет новых стран (Египет, ОАЭ, Иран, Эфиопия) по итогам 2024 г. будет иметь незначительный экономический эффект, а прирост ВВП может составить 4% [8].

Что касается торговли, то она является одним из основных факторов экономического развития БРИКС. Доля мировой торговли товарами, осуществляемая между пятью членами группировки, выросла с 2002 по 2022 г. более чем в два раза — до 40%¹. Динамика экспорта и импорта стран БРИКС представлена в таблице 2.

¹ <https://www.bcg.com/publications/2024/brics-enlargement-and-shifting-world-order#:~:text=Trade%20has%20been%20a%20major,%25%2C%20from%202002%20through%202022.>

Таблица 1. ВВП стран БРИКС

Страна/ годы	2006		2014			2023		
	%	Млрд долл. США	% к 2006	Ср.-год. темпы роста (2006– 2014), %	Млрд долл. США	% к 2006	Ср.-год. темпы роста (2006– 2023), %	Млрд долл. США
Китай	100	2754,15	382,1	118,2	10524,24	641,3	111,6	17662,04
Индия	100	949,12	214,8	110,0	2039,13	376,4	108,1	3572,08
Бразилия	100	1107,63	221,7	110,5	2456,06	196,2	104,0	2173,67
Россия	100	1060,90	193,1	108,6	2048,84	188,2	103,8	1997,03
ЮАР	100	304,06	125,4	102,9	381,20	124,2	101,3	377,68
Всего БРИКС	100	6175,86	282,5	113,9	17 449,47	417,5	108,8	25782,50

Источник: составлено автором на основе www.statista.com/statistics/254281/gdp-of-the-bric-countries

Таблица 2. Динамика экспорта стран БРИКС

Страна/годы	2006		2014			2023		
	%	Млрд долл. США	% к 2006	Ср.-год. темпы роста (2006–2014), %	Млрд долл. США	% к 2006	Ср.-год. темпы роста (2006–2023), %	Млрд долл. США
Китай	100	968,94	241,7	111,7	2342,29	349,7	107,6	3388,72
Индия	100	121,20	262,0	112,8	317,54	355,9	107,8	431,41
Бразилия	100	137,57	160,6	106,1	220,92	246,9	105,5	339,67
Россия	100	301,55	165,1	106,5	497,83	141,0	102,0	425,09
ЮАР	100	52,60	176,0	107,3	92,59	210,0	104,5	110,47
Всего БРИКС	100	1581,86	219,4	110,3	3471,18	296,8	106,6	4695,35

Источник: составлено автором на основе данных ИТС Trade map, по Индии за 2023 г. – база данных Comtrade (в Trade map нет), по РФ за 2023 г. – из ФТС

Таблица 3. Динамика импорта стран БРИКС

Страна/ годы	2006		2014			2023		
	%	Млрд долл. США	% к 2006	Ср-год. темпы роста (2006– 2014), %	Млрд долл. США	% к 2006	Ср-год. темпы роста (2006– 2023), %	Млрд долл. США
Китай	100	791,46	247,5	112,0	1959,23	323,4	107,1	2559,32
Индия	100	178,21	257,8	112,6	459,37	377,2	108,1	672,14
Бразилия	100	97,03	248,1	112,0	240,76	248,2	105,5	240,83
Россия	100	137,81	208,0	109,6	286,65	206,8	104,4	285,06
ЮАР	100	68,47	145,8	104,8	99,79	156,5	102,7	107,17
Всего БРИКС	100	1272,99	239,3	111,5	3045,81	303,6	106,8	3864,52

Источник: составлено автором на основе данных ITC Trade map, по Индии за 2023 г. – база данных Comtrade (в Trade map нет), по РФ за 2023 г. – из ФТС

Что касается импорта, то динамика практически дублирует уже отмеченные тренды.

Как видно из приведенных выше данных для всех стран БРИКС с первого года существования блока характерно крайне динамичное развитие. Введение первых экономических санкций в отношении России не оказало серьезного влияния на позиции нашей страны и она оставалась активным участником мировой торговли практически до современного этапа развития.

В настоящее время все чаще возникает вопрос, может ли БРИКС служить альтернативным и перспективным направлением формирования торгово-политических альянсов, в том числе и для России, смогут ли эти страны выработать общую позицию по ключевым вопросам глобальной экономики и реформе многосторонней системы регулирования. следующие проблемы, не позволяющие в настоящее время говорить о возможностях развития интеграционных процессов и анализа стран БРИКС как потенциальных участников экономического блока. При общности многих интересов и характерных черт экономического развития то же время существуют некоторые проблемы, на основе анализа которых можно сделать вывод о значительной разнице в экономических моделях стран БРИКС, а, следовательно, исключают возможности глубоких интеграционных процессов и выработки единой торговой политики участников блока.

Взаимная торговля стран БРИКС не позволяет говорить об их взаимодополняемости. Во товарообороте стран БРИКС и даже БРИКС+ преобладают США, ЕС и Китай, а также региональные партнеры (для Бразилии – МЕРКОСУР, для ЮАР – страны

Африки южнее Сахары, для Индии – страны АСЕАН). Кроме этого, все страны БРИКС, кроме Китая, имеют недостаточно дифференцированную структуру внешней торговли, Россия, Бразилия и ЮАР могут считаться поставщиками ресурсов для постоянно растущего промышленного производства Китая, при постоянно растущей роли Китая как поставщика промышленных и потребительских товаров, а также импортера сырьевых товаров. Подобная структура становится ключевым фактором развития сотрудничества².

Институционализация взаимодействия стран БРИКС в какой-либо форме, даже в формате соглашения о свободной торговле (ССТ), крайне затруднительна. Отдельные участники БРИКС и БРИКС+ имеют ССТ между собой и/или с третьими странами (такие, как Совет сотрудничества стран Персидского залива и Панарабская зона свободной торговли, МЕРКОСУР). Формирование зоны свободной торговли (ЗСТ), которая бы включала в себя все 10 стран, невозможно, поскольку уже в рамках других блоков страны БРИКС не продемонстрировали готовности к объединению усилий³ или условия членства в других блоках не позволяют этого⁴. Даже последствия снижения тарифов в различных секторах будут разными для членов БРИКС поскольку эти страны имеют сравнительные преимущества в секторах экономики.

Все страны БРИКС реализуют различные программы экономического развития, так как все страны имеют различные приоритеты и направления совершенствования экономики. Это в значительной степени объясняет отсутствие взаимных цепочек стоимости, направленных на стимулирование сотрудничества в передовых технологиях (искусственный интеллект, цифровизация и чистая энергия), что могло бы способствовать получению собственных технологий, снижению зависимости и способности генерировать интеллектуальную собственность и внедрять альтернативные технические стандарты.

Общая экономическая ситуация в странах БРИКС остается нестабильной, все страны в значительной степени зависят от внешней среды и реагируют на изменения конъюнктуры на внешних рынках. Именно по этой причине страны БРИКС и БРИКС+ в различной степени заинтересованы в углублении сотрудничества в целом. Как уже отмечалось выше, активизация участия России и особый интерес к данному блоку объясняется необходимостью переориентации вектора сотрудничества на фоне глубоких противоречий с бывшими традиционными партнерами. Активное участие Китая в финансировании проектов в рамках БРИКС также неоднозначно воспринимается другими участниками и не всегда является позитивным фактором.

При том, что для большинства стран БРИКС существуют оптимистичные сценарии развития, однако их реализация зависит от эффективности национальной

2 Очевидна роль Китая как рынка сбыта для многих товаров из других стран БРИКС, а также основного экспортёра высокотехнологичных товаров, таких как электромобили, солнечные батареи и оборудование. В результате западных санкций большая часть торговли России была переориентирована на рынки стран БРИКС+, в частности Китая и Индии как с точки зрения замещения западноевропейских и американских товаров (например, легковые автомобили), так и возможных каналов поставок товаров и услуг, получение которых напрямую невозможно по причине наличия ограничительных мер.

3 Индия вышла из переговоров по созданию Всестороннего регионального экономического партнерства, (ВРЭП) по причине доминирования Китая в нем.

4 Бразилия является членом МЕРКОСУР, который предполагает установление единых ставок таможенного тарифа в торговле с государствами – нечленами и проведение единой торговой политики в отношении стран, не входящих в МЕРКОСУР, ЮАР является участником Южно-Африканского таможенного союза.

экономической политики, в том числе внешнеэкономической стратегии и обеспечения устойчивых позиций для своих производителей на глобальных рынках. Страны БРИКС занимают крайне различные позиции в международных экономических организациях и многосторонней торговой системе. Так, в частности, все партнеры России по БРИКС являются членами ВТО, однако, многие позиции стран в системе политических и экономических межгосударственных отношений различаются.

Глубокому согласованию и продвижению взаимного сотрудничества в некоторой степени препятствует ментальность и отсутствие общей деловой культуры, что осложняет подход к решению многих социально-экономических проблем. Кроме того, в странах БРИКС крайне дифференцированы демографические показатели, что также влияет на формирование экономической политики и ее приоритеты.

Состоявшееся расширение БРИКС, а также присоединение новых стран в перспективе, безусловно, будет способствовать росту экономического и политического влияния группировки на мировой арене, однако вместе с тем, приведет к большому разнообразию интересов и сложностям в координации политики.

Основные пути и формы согласования торговой политики

Несмотря на все обозначенные выше проблемы и противоречия, сотрудничество между странами БРИКС в расширенном составе должно быть выведено на новый уровень, который предполагает усиление роли этих стран в многосторонней торговой системе и разрешении противоречий, возникших на крупнейшей мировой переговорной площадке – ВТО. Для этого у стран уже имеется опыт, который нужно расширять и совершенствовать применительно к задачам и целям многостороннего торгового регулирования. Так, например, в рамках БРИКС на протяжении многих лет действует Рабочая группа по цифровой экономике и создана основа для развития сотрудничества в сфере торговли профессиональными и деловыми услугами.

Современные трансформации в системе международных отношений лишь усилили актуальность сотрудничества стран БРИКС. Эти изменения оказали и продолжают оказывать масштабное воздействие и на внешнеполитическую стратегию каждой из стран. Так, изменившаяся внешняя среда, традиционно определявшая политические механизмы международного сотрудничества стран БРИКС, политизация международного экономического сотрудничества обусловили важность взаимного сотрудничества в условиях расширяющего санкционного давления в виде прямых и вторичных санкций⁵. Кроме того, важное значение имеет тот факт, присоединившиеся в 2024 г. такие важные партнеры России, как ОАЭ, Иран, Эфиопия, Египет⁶, уже имеют устойчивые торгово-экономические отношения с Танзанией и другими странами Восточной Африки. Каждая из этих стран может рассматриваться в качестве потенциальных партнеров России (ЕАЭС)⁷ по ССТ, с некоторыми из них (Иран, Египет).

5 В современных торгово-политических условиях под вторичными санкциями понимаются ограничительные меры, накладываемые на участников мирового рынка, действующих в обход или не соблюдающих санкционные меры основных стран, вводящих их.

6 В процессе рассмотрения находится вопрос об участии Саудовской Аравии.

7 Согласно Договору о создании Евразийского экономического союза подписание ССТ осуществляется на уровне ЕАЭС.

Таким образом, анализ проблем и перспектив торгово-политического сотрудничества стран БРИКС является особенно актуальным в условиях современного развития системы международных отношений. Эта задача нашла отражение в материалах 15 саммита БРИКС, где было отмечено, что блок представляет собой атрибут альтернативного мирового порядка, вызов глобальному управлению под руководством США за счет снижения зависимости от доллара США, создания новых институтов и расширения, при условии эффективного использования ресурсов своих членов. Это отмечается и в Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [9], где обозначена необходимость:

- диверсификации торгового сотрудничества стран БРИКС в целях развития новых моделей производства, переориентации рынков и увеличения товарооборота внутри блока;
- продолжения изучения возможностей для развития торгово-экономического сотрудничества между странами блока в сферах, в рамках которых страны БРИКС достигли совместных договоренностей и результатов;
- осуществления деятельности, направленной на снижение барьеров во взаимной торговле товарами и услугами;
- содействия эффективной интеграции компаний стран БРИКС в глобальные и региональные цепочки добавленной стоимости;
- повышения взаимосвязанности цепочек поставок путем выявления «узких мест» в региональных цепочках с целью обеспечения их более эффективного и четкого функционирования и др.

Важной предпосылкой эффективного взаимодействия является тот факт, что с первых дней существования БРИКС его участники осуществляют интенсивный политический диалог, который вполне может стать основой для продвижению общей позиции по многим актуальным проблемам экономического развития, включая новые аспекты многосторонней повестки дня торговых переговоров (цифровая торговля, экологические инструменты торговой политики и экологический протекционизм). Между отдельными странами БРИКС уже установлен диалог по этим вопросам:

- Форум IBSA: Индия, Бразилия, ЮАР: обсуждение реформы глобального управления, переговоры по ВТО, изменение климата;
- BASIC: Бразилия, ЮАР, Индия, Китай: климатическая повестка дня и углеродные выбросы;
- ШОС: Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Иран, Индия: достижение общих целей обеспечения справедливости мирового порядка.

С учетом этого опыта, можно утверждать, что с точки зрения развития сотрудничества стран БРИКС в сфере торговой политики существуют значительные перспективы. При этом, следует учитывать, что торговая политика является одной из важнейших сфер сотрудничества, поскольку ее реализация и применение конкретного инструментария отражает экономические, социальные и политические проблемы страны или региона, вовлечение страны в международное экономическое сотрудничество, а участие в разработке правил – политические позиции в мире.

Координация торговой политики стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) может осуществляться через различные механизмы сотрудничества, такие как саммиты, министерские встречи и рабочие группы. Основные цели координации торговой политики в рамках БРИКС включают укрепление торговых

отношений между участниками, согласование позиций по международной торговле, а также содействие развитию экономического сотрудничества в регионе. Кроме того, страны БРИКС также работают над совместными инициативами в сфере торговли, инвестиций и экономического развития. Важным преимуществом для согласования целей и задач в сфере торговой политики является участие стран в ВТО. Все страны БРИКС имеют различный опыт участия в многосторонней торговой системе:

- Бразилия является одним из основателей и на протяжении 30 лет существования Организации выступает за более справедливые торговые правила и защиту интересов развивающихся стран.

- Россия, присоединившаяся с 2012 г. после длительных переговоров и принятия обязательств приведению национального законодательства в соответствие с требованиями ВТО, постоянно активизирует свою позицию и активно выступает по многим вопросам современной повестки дня, в том числе по вопросам реформы Организации.

- Один из активных участников многосторонних торговых переговоров по крайне острым и болезненным вопросам (сельское хозяйство, фармацевтическая промышленность и услуги, в том числе внутреннее регулирование) является Индия. Следует подчеркнуть, что итоги последних министерских конференций ВТО отчетливо продемонстрировали способность Индии настойчиво продвигать свои интересы, во многом коррелирующие с интересами других развивающихся стран, и занимать независимую позицию.

- Являясь относительно новым участником многосторонних торговых переговоров (с 2001 г.), Китай, как вторая экономика мира и один из крупнейших экспортеров и импортеров товаров и услуг, стал наиболее частым объектом разбирательств в рамках МРС, что означает, во-первых, наличие важного опыта, а во-вторых, заинтересованность в сохранении этого механизма, наряду с Индией, Россией и Бразилией. Так, в частности, Китай и Бразилия уже приняли участие в создании альтернативных механизмов разрешения споров (МРС) в условиях кризиса апелляционного органа ВТО: в начале 2020 г. было анонсировано заключение Многостороннего временного соглашения об апелляции и арбитраже (Multiparty Interim Appeal Arbitration Arrangement), которое стало своего рода зеркальным дублированием апелляционного механизма ВТО и носит временный характер.

- ЮАР, участвующая в работе ВТО с первых дней существования Организации, активно продвигает интересы развивающихся стран и выступая за более справедливые торговые правила для стран Африки.

Таким образом, участвуя в работе всех органов и комитетов ВТО, все страны БРИКС имеют уникальную возможность координировать свою позицию по многим сохраняющим актуальность по сей день вопросам повестки Доха – раунда и последующих министерских конференций [11]. Всех их объединяет стремление к обеспечению справедливых правил торговли, учитывающих интересы развивающихся стран, и барьеров для доступа на мировые рынки. Кроме того, страны БРИКС поддерживают идею сохранения многосторонней системы и противостояния протекционистским мерам, которые могут нанести ущерб мировой экономике. На сегодняшний день можно утверждать, что определенные перспективы координации переговорных усилий и, как следствие, выработки согласованной переговорной позиции, могут существовать по таким вопросам, как:

1. Реформа механизма разрешения споров ВТО;

2. Формирование третейских групп и апелляционного органа;
3. Вопросы регулирования интеллектуальной собственности;
4. Применение «зеленых» субсидий⁸ [10];
5. Техническое регулирование;
6. Использование мер защиты внутреннего рынка («триады» защитных мер).

Безусловно, выявление оптимальных путей согласования своих позиций и их продвижение в рамках ВТО не только в собственных интересах, но и с учетом интересов всех групп развивающихся стран, крайне важно. Изучая возможности координации позиций, следует учитывать, что отсутствие формального статуса БРИКС в данном случае не является препятствием, поскольку в рамках ВТО традиционно распространена практика формирования «групп по интересам», выступающих с единой позицией по ключевым вопросам повестки дня⁹. Помимо ВТО, координация отдельных вопросов торговой политики возможна в рамках других международных организаций, в частности Всемирного банка (инвестиции) и экологические соглашения и организации [12] для продвижения своих интересов и борьбы с несправедливой торговой политикой.

При этом, координация торговой политики может получить и определенную институционализацию при отсутствии статуса блока БРИКС в целом. Так, было бы целесообразно:

1. Создание альтернативных торговых блоков, отражающих интересы и потребности стран БРИКС и открытых для участия других стран. Примером может служить ВРЭП;
2. Заключение двусторонних и плюрилатеральных торговых соглашений, направленных на расширение торговли и инвестиций между участниками БРИКС. Примером может служить ССТ между ЕАЭС и Ираном, ЕАЭС и Египтом, а также инвестиционное соглашение нового типа, подписанное между ЕС и Китаем [12];
3. Совместное противодействие протекционизму и необоснованным торговым ограничениям, в частности оспаривание наиболее дискриминационных механизмов, применяемых развитыми странами. К одним из таких ограничений относится пограничный корректирующий углеродный налог ЕС, представляющий инструмент дискриминации в гораздо большей степени, нежели инструмент экологической защиты [14]. Можно предполагать, что в ближайшей перспективе экологический протекционизм может стать одной из важнейших форм защиты национальных производителей, что существенно осложнит позиции стран БРИКС и потребует особого внимания;
4. Совместное развитие инфраструктуры и технологий: сотрудничество в области развития инфраструктуры и технологий, что относится к компетенции ГАТС и ТРИПС с целью укрепления позиций стран блока.

8 Субсидии, которые используются правительствами для стимулирования компаний к внедрению экологически чистых технологий, являющихся более дорогостоящими.

9 В качестве примера можно привести Группу Африканских, Карибских и Тихоокеанских стран (АКТ), Группу малых и развивающихся экономий (SVEs), группу стран Статьи XII, состоящую из членов, присоединившихся после 1995 г. Группа стремится сократить разрыв между обязательствами первоначальных членов и более высоким уровнем обязательств, взятых на себя членами группы в рамках их вступления в ВТО, тем самым обеспечивая равные условия и более справедливую многостороннюю торговую систему. Подробнее – https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm.

Помимо согласованного участия в международных структурах, для стран БРИКС важна последовательная либерализация взаимных связей. Стратегия сотрудничества со странами-БРИКС до 2025 г. также предусматривает:

- обмен лучшими практиками и развитие сотрудничества в сфере защиты прав интеллектуальной собственности;
- развитие технического сотрудничества (в области технического регулирования, стандартизации, метрологии), достижение совместимости оценки соответствия и аккредитации;
- достижение согласованности в сфере регулирования электронной торговли;
- укрепление таможенного сотрудничества, изучение функциональной совместимости национальных механизмов «единого окна», противодействие практикам занижения цен [9];
- учет потребностей устойчивого развития в формировании стратегии в отношении торговли и инвестиций, включая приоритеты и цели государственной политики всех членов. Участие в достижении целей устойчивого развития важно для усиления политического влияния стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран.

Особое значение страны БРИКС имеют для России, которая переживает сложный этап экономического развития, что непосредственно связано с изменением приоритетов участия в мировой торговле. Для нашей страны БРИКС+ стали рынками для переориентации «выпавшей» торговли, прежде всего с ЕС. В свою очередь, Евросоюз также в значительной степени переориентировал свой экспорт и импорт в Россию и из России на эти страны, частично обходя ограничения, частично заполнив «выпавший» экспорт. При этом, как уже упоминалось выше, вторичные санкции не позволяют этим странам активно наращивать связи с Россией, что усиливает актуальность оптимизации регулирования взаимных связей. Углубление санкционного давления в еще большей степени будет способствовать наращиванию сотрудничества с данной группой стран. В результате происходящих изменений вероятно переориентации торговли на страны и группы стран, не участвующие в соответствующих ограничительных мерах, большинство «классических» членов БРИКС (Китай, Индию, Бразилию и ЮАР), в «новые» члены БРИКС при сценариях их неприсоединения к ограничительным мерам США и ЕС. В качестве примера усиления давления можно привести готовящийся в США проект, увязывающий закупку зерновых культур в России и помощь институтов развития (No Russian Agricultural Act)¹⁰, что является крайне болезненной проблемой для многих развивающихся стран, испытывающих недостаток продовольствия. В случае вступления законопроекта в силу наиболее существенное перераспределение «выпадающих» экспортных поставок российской пшеницы и прочих злаков также возможно в пользу «новых» членов БРИКС при этом в российском экспорте риса перераспределение поставок может сопровождаться не ростом доли «новых» членов БРИКС, а партнеров по ЕАЭС и стран ближнего зарубежья.

Отдельные страны БРИКС+ имеют важное значение как рынки для переориентации торговли промышленными товарами. В этом отношении важно ССТ между ЕАЭС и Ираном, в котором либерализация взаимной торговли затрагивает на про-

¹⁰ *Сельское хозяйство. Коммерсант. 22.01.2024, 00:54* – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6464548>.

мышленные товары¹¹ при преобладании агропродовольственных товаров в современной структуре взаимной торговли.

Заключение

Проанализировав предпосылки, условия и направления сотрудничества стран БРИКС, можно сделать следующие выводы.

Для сотрудничества стран БРИКС в широком формате существуют благоприятные экономические и политические предпосылки. При всех существующих различиях в уровне экономического развития, степени и формате участия в международных процессах, существует широкий круг вопросов, представляющих общий интерес. Отсутствие формализации статуса БРИКС не влияет на возможности и не является причиной отказа от сотрудничества в торгово-политической сфере. Мировой опыт, опыт участия в работе международных организаций позволяет находить оптимальные формы согласования интересов в плюрилатеральном и двустороннем формате.

Для России, изначально выступавшей за активизацию сотрудничества стран БРИКС по всем возможным направлениям, важность рынков стран БРИКС и взаимодействие со странами блока в торговле и торговой политике имеет крайне важное значение. Посредством углубления сотрудничества в группировке страна может укрепить свои позиции в многосторонней торговой системе и сформировать альтернативу для компенсации утраченных в силу политического противостояния рынков.

Сотрудничество в торгово-политической сфере важно для укрепления позиций всех стран БРИКС, представляющих не только национальные интересы, но и интересы других развивающихся стран. Только при условии согласования своих позиций и интересов в торговой политике страны БРИКС смогут реализовать амбиции по представлению Глобального Юга.

Библиографический список

1. Исаченко Т.М. Страны БРИКС во внешнеэкономической стратегии России: поиск альтернатив. / *Международная жизнь*. – 2011 – №11. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/564>.
2. Sperlich Y.A review of the BRICS literature. – URL: https://www.researchgate.net/publication/296704651_A_review_of_the_BRICS_literature.
3. Georgieva K. BRIC Countries in Comparative perspective. St.Petersburg, 2006. – URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/147270-1109938296415/20939460/Kristalina-Georgieva-BRICS.pdf>.
4. Chatterjee B., P. C. Jena, S. Singh Intra-BRICS trade and Its Implications for India. Discussion Paper.CUTS International, 2014. – URL: https://www.cuts-citee.org/pdf/Intra-BRICS_Trade_and_its_Implications_for_India.pdf.
5. Sharma S. K., Kallummal M.A GTAP Analysis of the Proposed BRICS Free Trade Agreement, Conference papers 332245, Purdue University, Center for Global Trade Analysis, Global Trade Analysis Project, 2012 – URL: <https://ideas.repec.org/p/ags/pugtwp/332245.html>.
6. Mlachila M., Takebe M. FDI from BRICs to LICs: Emerging Growth Driver? IMF Working Papers. Volume/Issue: Volume 2011: Issue 178 – URL: – DOI: <https://doi.org/10.5089/9781462311309.001> – ISBN: 9781462311309.
7. Ревизорский М. Группа семи/восьми – Группа двадцати: БРИКС: новая триада в глобальном управлении. // *Вестник международных организаций* – 2015 – № 10 – С. 29–48

¹¹ Из 502 товарных позиций ЕАЭС, включенных в ССТ, преференциальный режим распространяется на 376 промышленных и 126 сельскохозяйственных позиций. Со стороны Ирана либерализованы 263 промышленных и 97 сельскохозяйственных товарных позиций.

8. *The BRICS Wealth Report: Challenging the Global Economic Order*. Henley&Partners, – 2024. – URL: [https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/brics-wealth-report-2024#:~:text=The%20BRICS%20bloc%20now%20represents,purchasing%20power%20parity%20\(PPP\)](https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/brics-wealth-report-2024#:~:text=The%20BRICS%20bloc%20now%20represents,purchasing%20power%20parity%20(PPP)).
9. Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. – URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf>.
10. Исаченко Т.М., Ильягуева Б.З. Опыт применения инструментов «зеленой» промышленной политики. // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2019 – № 7 – стр. 34–48.
11. Медведкова И.А., Трудаева Т.А. Кризис Доха, итоги Найроби, перспективы Буэнос-Айреса. // *Горизонты экономики*. – 2017 – № 1 – стр. 49–56.
12. Близначкая Е. Анализ климатических инициатив России в БРИКС. – 2024 – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticheskikh-initsiativ-rossii-v-briks/>.
13. Исаченко Т.М., Медведкова И.А., Крючков Р.В. (2022) Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между ЕС и КНР: проблемы заключения и поиск баланса интересов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. – Т. 38. – Вып. 1. – С. 26–64. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.102>.
14. *Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России*. Под общей ред. Исаченко Т.М., Ревенко Л.С. – М.: – МГИМО – Университет, 2022 – стр. 223–231.

References

1. Isachenko T.M. *Strany BRIKS vo vneshnejekonomicheskoy strategii Rossii: poisk al'ternativ*. // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. – 2011 – №11. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/564>.
2. Sperlich Y. *A review of the BRICS literature*. – URL: https://www.researchgate.net/publication/296704651_A_review_of_the_BRICS_literature.
3. Georgieva K. *BRIC Countries in Comparative perspective*. St.Petersburg, 2006. – URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/147270-1109938296415/20939460/Kristalina-Georgieva-BRICS.pdf>.
4. Chatterjee, B., P. C. Jena, S. Singh *Intra-BRICS trade and Its Implications for India*. Discussion Paper.CUTS International, 2014. – URL: https://www.cuts-citee.org/pdf/Intra-BRICS_Trade_and_its_Implications_for_India.pdf.
5. Sharma S. K., Kallummal M.A *GTAP Analysis of the Proposed BRICS Free Trade Agreement*, Conference papers 332245, Purdue University, Center for Global Trade Analysis, Global Trade Analysis Project, 2012 – URL: <https://ideas.repec.org/p/ags/pugtwp/332245.html>.
6. Mlachila M., Takebe M. *FDI from BRICS to LICs: Emerging Growth Driver? IMF Working Papers*. Volume/Issue: Volume 2011: Issue 178 – URL: DOI: <https://doi.org/10.5089/9781462311309.001> – ISBN: 9781462311309.
7. Revizorskij M. *Gruppa semi vos'mi – Gruppa dvadcati: BRIKS: novaja triada v global'nom upravlenii*. // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. – 2015 – № 10 – стр. 29–48.
8. *The BRICS Wealth Report: Challenging the Global Economic Order*. Henley&Partners, 2024. – URL: [https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/brics-wealth-report-2024#:~:text=The%20BRICS%20bloc%20now%20represents,purchasing%20power%20parity%20\(PPP\)](https://www.henleyglobal.com/newsroom/press-releases/brics-wealth-report-2024#:~:text=The%20BRICS%20bloc%20now%20represents,purchasing%20power%20parity%20(PPP)).
9. *Strategija jekonomicheskogo partnerstva BRIKS do 2025 g.* – URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/81/1148133.pdf>.
10. Исаченко Т.М., Ильягуева Б.З. Опыт применения инструментов «зеленой» промышленной политики. // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2019 – № 7 – стр. 34–48.
11. Медведкова И.А., Трудаева Т.А. Кризис Доха, итоги Найроби, перспективы Буэнос-Айреса. // *Горизонты экономики* – 2017 – № 1 – стр. 49–56.

12. Blizneckaja E. *Analiz klimaticeskikh iniciativ Rossii v BRIKS. 2024* – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/analiz-klimaticeskikh-initsiativ-rossii-v-briks/>.
13. Isachenko T.M., Medvedkova I.A., Krjuchkov R.V. (2022) *Vseob#emljushhee investicionnoe soglasenie mezhdu ES i KNR: problemy zakljuchenija i poisk balansa interesov. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika. T. 38. Vyp. 1. S. 26–64.* – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu05.2022.102>.
14. *Novaja paradigma razvitija mezhdunarodnyh jekonomicheskikh otnoshenij: vyzovy i perspektivy dlja Rossii. Pod obshhej red. Isachenko T.M., Revenko L.S. / – M.: – MGIMO – Universitet, 2022 – str. 223–231.*

Контактная информация / Contact information

ФГАОУВО «Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
76, Vernadsky Avenue 119454 Moscow, Russia
Исаченко Татьяна Михайловна / Tatiana M. Isachenko
tatiana_isachenko@yahoo.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-408-423

РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ БИОТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ СЕКТОРЕ СТРАН БРИКС

BIOTECHNOLOGY REGULATION IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE BRICS COUNTRIES

КУГУЧИН Константин Александрович

Преподаватель Кафедры регионального управления и национальной политики Одинцовского филиала, внештатный преподаватель Кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, МГИМО МИД России

Konstantin A. KUGUCHIN

Lecturer at the Department of Regional Management and National Policy of the Odintsovo branch, guest lecturer at the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Relations named after N.N. Liventsev, MGIMO University of Russia

Аннотация

Цели и задачи данного исследования продиктованы интересом к изучению текущего состояния регулирования биотехнологий в сельском хозяйстве и связанных с этим ключевых тенденций в мире и конкретно в странах БРИКС. Автор предпринимает попытку выявить факторы реализации той или иной политики отдельными государствами в отношении биотехнологий, найти общие черты и различия в их соответствующих стратегиях. Акцент сделан на анализе авторитетных отраслевых источников с целью выявления наиболее современных тенденций с последующим сравнением и синтетическим обобщением полученных данных.

Abstract

The goals and objectives of this study are dictated by the interest in studying the current state of regulation of biotechnology in agriculture and related key trends globally and specifically in the BRICS countries. The author attempts to identify the factors of the implementation of a particular policy by individual states in relation to biotechnology, to find common features and differences in their respective strategies. The emphasis is placed on the analysis of authoritative industry sources in order to identify the modern trends, followed by comparison and synthetic generalization of the data obtained.

Ключевые слова Биотехнологии, БРИКС, генный инжиниринг, генетически модифицированный, генетическое редактирование, ГМО, сельское хозяйство, государственное регулирование, продовольственная безопасность.

Keywords Biotechnology, BRICS, genetic engineering, genetically modified, genetically edited, GE, GMO, agriculture, regulation, food security.

Технологический прогресс и развитие отраслевого управления выводит на первый план роль интенсивной модели сельскохозяйственного производства в мире. Уже на протяжении многих десятилетий очевиден тренд на повышение его эффективности, благодаря применению новых технологий. Биотехнологии, как актуальное направление современных инноваций, отличает их многоплановое влияние на рынок. Такое влияние может носить и косвенный характер, учитывая значимость информационного фактора для социума. Кроме того, формируется комплексная область специфического государственного регулирования.

На современном этапе биотехнологии можно назвать в числе факторов трансформации международных торговых потоков по всей связанной товарно-сырьевой цепочке – средств производства, сельскохозяйственного сырья и произведенной из него продукции. И в данном случае безусловно высока роль специального государственного регулирования, часто становящегося действенным инструментом международных внешнеторговых отношений. Стоит отметить также, что биотехнологии, являясь наиболее перспективной и приоритетной областью отраслевых разработок, давно стали самостоятельным объектом международных рыночных отношений. Это расширяет сферу межстранового взаимодействия и одновременно регулирования.

В общем смысле сельскохозяйственные биотехнологии – это набор инструментов, включающий традиционные технологии воспроизводства, которые полностью или частично изменяют живые организмы с целью создания или модификации продукции, улучшения свойств растений или животных или получения микроорганизмов для специфического использования в сельском хозяйстве [1]. Инструментарий биотехнологий в целом может включать: стандартные методы селекции растений, культивирование тканей и микрклональное размножение, молекулярную селекцию или отбор с помощью маркеров, технологии генной инженерии и модификации растений и инструменты молекулярной диагностики [2]. В настоящее время значительные перспективы представляют также новейшие разработки, такие как CRISPR и прочие виды геномного редактирования [3], а также биоинформатика. Первые технологии обеспечивают возможность точного внесения изменений в геном живых организмов; последние – применение цифровых технологий для анализа и использования биологических данных. При этом очевидно, что наибольшую значимость с точки зрения объемов мирового производства, торговли, внимания общества и, соответственно, государственного регулирования, имеют технологии генной модификации растений.

Предполагается, что конечной целью и одновременно экономическим фактором использования биотехнологий в сельском хозяйстве является повышение эффективности производства соответствующей продукции. С позиции предложе-

ния можно говорить о потенциальном прямом влиянии биотехнологий на такие параметры, как: увеличение производительности (урожайности в растениеводстве или продуктивности в животноводстве), снижение влияющих на производство климатических и/или биологических рисков и прямых потерь, а также снижение стоимости производства за счет удешевления используемых средств производства и технологий. Однако, дополнительным важным фактором в условиях рыночной экономики следует считать и возможность добиться тех или иных свойств конечной продукции. Во-первых, это позволяет решать ряд современных задач по удовлетворению потребительского спроса, в том числе, предлагать специализированные продукты для уязвимых по медицинским показаниям групп населения. Во-вторых – помогает обеспечению продовольственной безопасности через улучшение питательных свойств продуктов и повышение их географической доступности, например, в засушливых регионах. И, в-третьих, внедрение продуктов с дополнительными свойствами служит фактором развития рынка, благодаря созданию на нем новых ниш, в том числе, по ценовым параметрам.

В рамках исследовательской работы актуально рассматривать, прежде всего, отрасль растениеводства, как источник изменений, влияющих на другие элементы агропродовольственной системы. Кроме того, по данным ФАО ООН растениеводческая продукция преобладает в структуре мирового сельскохозяйственного производства в натуральном объеме с долей, в последние десятилетия стабильно превышающей 87% [4]. При этом фактическое влияние от внедрения биотехнологических разработок наиболее правильно анализировать на базе тех сельскохозяйственных культур, которые 1) играют существенную роль в мировом агропромышленном комплексе (доля в мировом производстве и/или торговле) и 2) демонстрируют наибольшую историю работы с новыми технологиями (в частности, с генной модификацией). К таким культурам мы можем отнести сою, кукурузу, рапс и хлопчатник. Причем роль первых двух культур в мировом сельском хозяйстве и международной торговле в объемном и денежном выражении несопоставимо выше.

Внедрение биотехнологий в сельском хозяйстве оказывает влияние на биоразнообразие, включая получаемые в результате этого риски и преимущества. В свою очередь, это ведет к необходимости изучения последствий внедрения биотехнологий для окружающей среды, в том числе, через призму современных подходов в области устойчивого развития и стандартов ESG. Кроме того, развитие биотехнологий поставило проблему определения границ биотехнологического вмешательства в жизнь человека через философско-этическое и социо-гуманитарное осмысление риска как допустимого отклонения от направления развития человека, заданного естественным образом [5]. На практике подобная постановка вопроса в обществе вносит свой значительный вклад в ограничение конкретных биотехнологических разработок и их коммерциализации. В частности, можно констатировать, что во многих регионах мира население зачастую осторожно относится к вопросам потребления генетически модифицированной продукции.

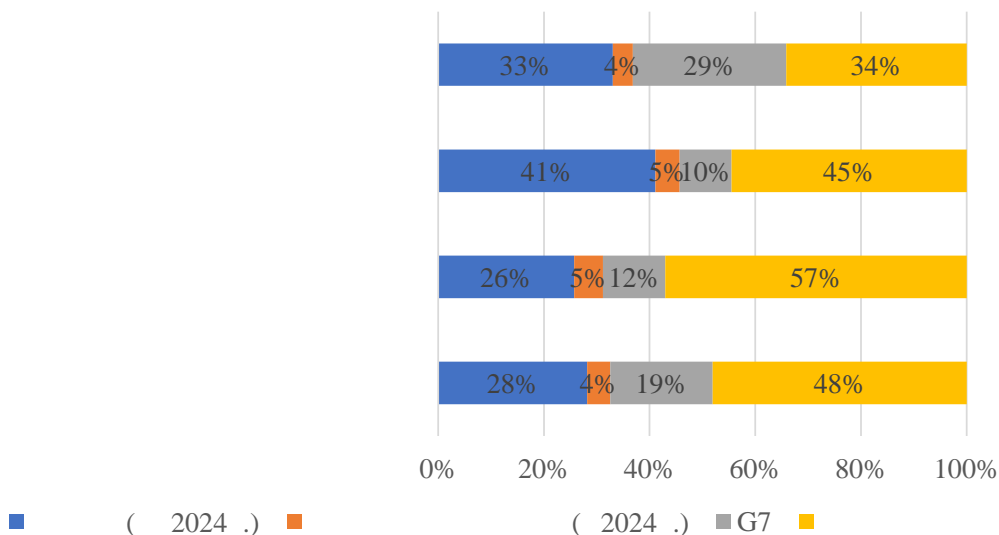
Таким образом, комплексная роль биотехнологий формирует сложное поле для правового регулирования данной сферы в разрезе различных государств и региональных объединений. Если разделить все инструменты регулирования на поддерживающие и ограничивающие, для последних важную роль будет играть этическая составляющая и восприятие обществом тех или иных биотехнологических разработок. В интересах государства стоит обеспечение безопасности для

человека и окружающей среды. Но недостаточная и/или противоречивая исследовательская база, с одной стороны, может создавать неопределенность в части баланса безопасности новых технологий и экономических интересов государства, а с другой – использоваться в собственных интересах отдельными политическими силами. В то же время создается почва для международного сотрудничества с целью гармонизации соответствующих стандартов и норм на межгосударственном уровне.

Регулирование биотехнологий в АПК стран БРИКС демонстрирует разнообразие политик и практик, направленных на продвижение продовольственной безопасности и развития аграрного сектора. Каждая страна БРИКС адаптировала свой подход к биотехнологиям в соответствии со своими уникальными аграрными и социально-экономическими потребностями. При этом страны – члены объединения стремятся обеспечить собственную продовольственную безопасность через комбинацию технологического сотрудничества, обмена информацией и использования торговых преимуществ каждой из них для повышения глобальной конкурентоспособности¹.

Рис. 1. Доля стран БРИКС по отдельным параметрам в мире¹

Источник: составлено автором по данным: World Bank Group [6], United Nations [7], FAO [8]

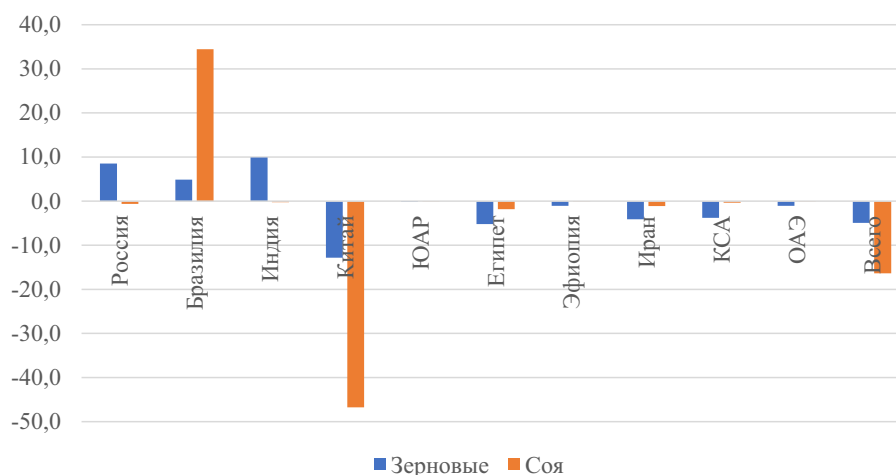
БРИКС на сегодняшний день представляет собой мощное объединение с позиции масштаба экономики, демографии и ресурсного обеспечения (см. рис. 1). Во входящих в него странах проживает почти половина мирового населения. БРИКС обеспечивает свыше трети мирового ВВП по паритету покупательной способности. В соответствующих регионах концентрируется практически треть мировых сельскохозяйственных земель.

Включение новых стран в БРИКС в 2024 г. потенциально оказывает значительное влияние на многие аспекты деятельности объединения, в том числе, на сельскохозяйственные биотехнологии и международную торговлю сельскохозяйственным сырьем в целом. Многие новые участники объединения являются крупнейшими импортерами сельскохозяйственного сырья и продовольствия, что создает потенциал для углубления торговой интеграции и развития нового уровня технологического обмена. Это актуально, в частности, для

¹ Данные по численности населения – на 1 июля 2021 г., данные по площади территории и сельскохозяйственных земель – 2022 г., данные по ВВП по ППС – 2023 г., данные по новым членам БРИКС включают в числе пяти стран Саудовскую Аравию (не завершила процесс присоединения).

России, как одного из крупнейших поставщиков соответствующей продукции (см. рис. 2).

Рис. 2. Средний за 5 лет (2018–2022 гг.) баланс внешней торговли зерновыми и соей стран БРИКС, млрд долл.

Источник: составлено автором по данным: FAOSTAT [9]

БРИКС включает в себя Китай, который является центральным направлением поставок сельскохозяйственного сырья в мире. На него по последним оценкам USDA² приходится почти 62% мирового импорта сои в объемном выражении. При этом Бразилия, являясь ее крупнейшим экспортером, имеет более чем 58%-ю долю в глобальном экспорте сои, а также вторым по величине поставщиком соевого шрота и масла. Одновременно почти треть мирового импорта последнего приходится на Индию [10].

Россия и Бразилия являются вторым и третьим по величине экспортерами пшеницы и фуражных зерновых в мире с долями 13 и 12% в глобальном объеме вывоза, соответственно. При этом, если Россия специализируется на производстве и поставках пшеницы, то весь объем экспорта фуражных зерновых из Бразилии представлен кукурузой. Хотя Россия является достаточно крупным экспортером кукурузы (примерно 5 млн т), более 86% мировых поставок этого вида зерна приходится всего на четыре страны – США, Бразилию, Аргентину и Украину. Более 17% мировых закупок пшеницы на внешнем рынке осуществляется такими крупнейшими потребителями-членами БРИКС, как Египет, Китай, Бразилия, Саудовская Аравия, Иран и Эфиопия (в порядке убывания по рейтингу). В то же время, и что более значимо с точки зрения анализа поставок сельскохозяйственного сырья на основе биотехнологий, такие страны, как Китай, Иран, Египет и Саудовская Аравия, вместе занимают порядка 23% в глобальном объеме импорта кукурузы. Из этого объема почти 12% (23 млн т) приходится на Китай [11]. При этом другой новый член БРИКС – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) является одновременно и (достаточно небольшим) потребителем сельскохозяйственного сырья и готовой продукции, и крупным логистическим и торгово-операционным хабом для соответствующей продукции в международном масштабе.

На сегодняшний день большая часть производимых и торгуемых объемов кукурузы и сои представлена генетически модифицированными (ГМ) сортами.

2 Департамент сельского хозяйства США.

По некоторым оценкам доля генетически модифицированной кукурузы в мире в расчете на площадь выращивания в 2023 г. составляла – 34%, а сои – 72,4% (дополнительно: хлопка – 76%, рапса – 24%) [12]. При этом данный показатель очевидно различается по странам. Например, по официальным данным FDA на 2020 г. в США площади ГМ сои составляли 94%, хлопка – 96% и кукурузы – 92% [13]. Но с учетом текущих трендов велика вероятность, что эти показатели в настоящее время увеличились. Считается, что вторым после США по размеру площадей под ГМ культурами производителем является Бразилия. По существующим оценкам 97% выращиваемой в стране кукурузы, свыше 90% сои и 99% хлопчатника представлены ГМ сортами. В то же время, в Индии и Китае, несмотря на обширные площади выращивания ГМ культур в мировом масштабе, в последние годы было одобрено коммерческое производство только ГМ хлопка – в настоящее время около 95% площадей под соответствующей культурой в обеих странах [14].

В тех странах, в которых отношение общества и государства к выращиванию и/или использованию ГМ культур сохраняется на уровне от осторожного до резко негативного, идут серьезные дискуссии, регулировать ли технологии редактирования генов аналогично генной модификации. Ключевое отличие редактирования состоит в отсутствии внедрения генов других организмов, в частности, бактерий или животных. Предполагается, что такая технология является более щадящей по отношению к экосистемам и биоразнообразию и несет значительно меньше рисков. Так, по данным ISAAA Inc. в ЮАР соответствующие продукты подлежат такому же регулированию, как и ГМ культуры, в то время как в России, Китае и Эфиопии существуют обсуждаемые предложения приравнивать культуры с отредактированными генами к стандартным. Законодательство таких стран БРИКС как Бразилия и Индия предполагает уже сегодня, что соответствующие культуры могут регулироваться как стандартные, если таковые в принципе одобрены для коммерческого использования [15].

Анализ показывает, что регуляторные механизмы в сфере биотехнологий на глобальном уровне и в конкретных странах отчасти зиждутся на социально-экономических, этических и культурных аспектах. Это связано с тем, что, во-первых, государства не могут игнорировать соответствующие факторы, и, во-вторых, позиция общества оказывает прямое влияние на ключевые экономические характеристики рынка. Однако, безусловно регуляторная роль государства базируется не только и не столько на транслировании в законодательство позиции населения, сколько на экономической и стратегической целесообразности соответствующих мер. Отдельным направлением исследования может быть оценка влияния законодательных мер регулирования и поддержки на развитие и применение биотехнологий в сельском хозяйстве и, соответственно, мировую торговлю сельскохозяйственным сырьем. Зачастую действующие международные соглашения и торговые барьеры играют существенную роль в этой части.

На международном уровне центральным аспектом соглашений является непосредственное потенциальное влияние биотехнологий на окружающую среду и, как следствие, реакция на это общества и государств. Так, под эгидой ООН в 1992 г. была принята Конвенция о биологическом разнообразии (вступила в силу в 1993 г.) и Нагойский протокол 2010 г. к ней (вступил в силу в 2014 г.). Конвенция направлена на достижение трех ключевых задач: сохранение биоразнообразия, устойчивое использование биоразнообразия и совместное получение на справедли-

вой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов [16, 17]. Важным результатом Конвенции является фиксация терминов «биологические ресурсы», «генетический материал», «генетические ресурсы» и описание международных механизмов доступа к последним. Кроме того, за государством-участником закрепляется суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы согласно своей политике в области окружающей среды. При этом оно несет ответственность за потенциальный ущерб окружающей среде за пределами своей территории (юрисдикции) [18].

В 2000 г. к Конвенции о биологическом разнообразии был принят Картахенский протокол по биобезопасности (вступил в действие в 2003 г.). Данный протокол конкретизировал сферу работы с потенциальными рисками от ГМО (в терминологии документа – «живых измененных организмов», далее – ЖИО) при использовании современных биотехнологий. Сфера его действия – трансграничные перемещения, при которых на всех этапах должны не допускаться или минимизироваться риски для биоразнообразия, с учетом рисков для здоровья человека. При этом устанавливается ответственность страны-экспортера по надлежащему информированию страны-импортера об экспорте ЖИО, оставляя за ним право осуществлять регулирование импорта в соответствии со своим решением [19]. Картахенский протокол вновь закрепил принцип 15 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию ООН 1992 г. в части принятия мер предосторожности государствами в тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба окружающей среде, в том числе при отсутствии полной научной уверенности в отсутствии таковой [20].

В 2004 г. в под эгидой ФАО ООН вступил в действие Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Документ фактически разрешил использование растительных генетических ресурсов для производства продовольствия и в сельскохозяйственных целях и, в том числе, регулировал права фермеров в этом процессе. Что интересно, широкий список соответствующих сельскохозяйственных культур, содержащийся в приложении к данному соглашению, не включал соевые бобы [21]. В пресс-релизе ООН говорилось, что договор подписывался в интересах потребителей, желающих иметь более широкий выбор продовольственных товаров [22].

Страны БРИКС, являясь членами ООН, действуют на базе соответствующих принципов. Но, так как они предполагают достаточную степень свободы в регулировании на национальном уровне, подходы по конкретным странам отличаются. Выше уже были приведены данные по Бразилии, которая является одним из мировых лидеров в поставках генетически-измененной продукции. Рассмотрим ниже некоторые другие примеры по отдельным странам БРИКС в новом составе.

Индия

Индия участвует в совместных инициативах БРИКС, включая, в частности, совместно разрабатываемую Сельскохозяйственную исследовательскую платформу БРИКС (BRICS Agricultural Research Platform, BRICS-ARP). При этом страна крайне осторожно подходит к вопросам использования тех или иных биотехнологий в собственном АПК.

В регулировании биотехнологической отрасли Индия опирается на Закон о защите окружающей среды (EPA) 1986 г. и Закон о безопасности и стандартах

пищевых продуктов (FSSA) 2006 г. Последний включает положения, касающиеся генетически модифицированных продуктов, а также продуктов, полученных из них. На практике конкретная схема регулирования производства ГМ культур находится на стадии длительного обсуждения. Только в 2021 г. Управление по безопасности пищевых продуктов и стандартам Индии (FSSAI) опубликовало свои правила в области безопасности соответствующих пищевых продуктов для общественного обсуждения с целью их возможного пересмотра. Это произошло только после того, как решением Верховного суда Индии в 2017 г. был создан орган по одобрению генетически модифицированных продуктов питания для FSSAI. До этого момента сохранялась неопределенность в отношении выполнения этой функции FSSAI или Комитетом по одобрению генной инженерии (GEAC) [23].

Позиция индийских властей относительно импорта ГМ продуктов довольно противоречива. Вероятно, ключевым фактором для принятия тех или иных решений является текущая потребность в конкретном товаре. В 2021 г. Министерство торговли и промышленности Индии разрешило импорт 1,2 млн тонн соевого шрота, полученного из генетически модифицированных соевых бобов. В то же время сохраняются бюрократические препоны для импорта ряда других продуктов. Фактически можно говорить о возможности импорта в Индию только растительного масла из соевых бобов и рапса, а также соевого шрота из ГМ соевых бобов, а также некоторых пищевых ингредиентов, полученных на основе микробных технологий.

Единственным продуктом, разрешенным в Индии для коммерческого выращивания, является генетически модифицированный хлопок. При этом в конце 2022 г. местные органы власти одобрили возможность использования генетически измененной горчицы и баклажана местного производства. Одновременно индийские компании и институты заняты работой над многими другими видами растений. Однако бюрократическая ситуация делает перспективы их внедрения в производство неопределенными.

На фоне отсутствия в Индии практики использования биотехнологий в животноводстве особый интерес может представлять случай использования технологий клонирования водяных буйволов для элитного животноводства. Кроме того, в стране существует опыт использования микробных биотехнологий для производства вспомогательных веществ для переработки, в частности ферментов.

Китай

Китай активно продвигает свои сельскохозяйственные и технологические проекты на глобальном уровне, оптимизируя свою структуру продовольственных поставок через стратегическое использование ресурсов БРИКС и передовых технологий. Стратегия страны очевидно направлена на то, чтобы уйти от позиции акцептора технологий и стать их глобальным поставщиком.

В этом смысле Китай выбрал индивидуальный путь, который подразумевает стимулирование собственных биотехнологических разработок, предоставляя возможность их использования в отечественном производстве. Таким образом, страна стратегически снижает свою зависимость от внешних поставок основного сырья и сопутствующих технологических издержек, связанных с иностранными правообладателями соответствующих технологий. Так, для реализации соответствующей стратегии в 2022 г. Национальная комиссия по развитию

и реформам (NDRC) приняла «14-й пятилетний план биоэкономического развития» [24].

За исключением папайи и хлопка Китай еще не одобрил ни один вид генетически измененной продовольственной или кормовой продукции для местного коммерческого выращивания за пределами специально отведенных пилотных районов. При этом в условиях действующих ограничений в стране активно развивается внутреннее коммерческое выращивание стандартных (не ГМ) сортов сои и кукурузы. Такое производство, в том числе, является ответом на высокий внутренний спрос на соответствующую продукцию, которая считается потребителями «здоровой» и имеет более высокую стоимость на внутреннем и внешнем рынках.

Меры государственного регулирования и поддержки биотехнологической отрасли в Китае включают запрет на иностранные инвестиции в области биотехнологических разработок и их использование на своей территории, упрощение процесса регистрации собственных ГМ сортов, включая сою и кукурузу, и т.д. Иностранные поставщики биотехнологий могут подать заявку на получение сертификата, разрешающего дальнейшую переработку импортируемого материала, в то время как местные разработчики могут запросить сертификацию для целей выращивания. Соответствующие положения содержатся в Руководстве по оценке безопасности генетически модифицированных (ГМ) растений 2022 и 2023 гг. Министерства сельского хозяйства и по делам сельских территорий (MARA). А позднее MARA опубликовало Правила проверки растений, подвергнутых генетическому редактированию, для сельскохозяйственного использования (испытаний), в котором разъясняются критерии классификации и требования к оценке растений, подвергнутых генетическому редактированию [25, 26].

Фактически сфера биотехнологий в Китае развивается крайне динамично. На базе указанных документов в течение всего нескольких месяцев были выданы сотни сертификатов биобезопасности для различных видов растениеводческой и другой продукции (например, вакцин для животных). В частности, впервые был выдан сертификат на генетически измененную сою [26]. Сертификаты касаются либо импорта для дальнейшей переработки, либо ограниченного пробного производства.

Саудовская Аравия

В условиях примерно 80%-й зависимости от импорта потребляемых продуктов питания страна разрешает ввоз биотехнологических растительных продуктов с 2001 г. При этом требуется одобрение соответствующих продуктов для использования в пищевых целях в стране происхождения. Они также должны маркироваться, если содержат более 1% ГМ ингредиентов. Неупакованные ГМ продукты должны продаваться отдельно от обычных продуктов. Все это потенциально сужает рынок сбыта такой продукции в секторе розничной торговли в виду специфики принятия решений потребителями. Животноводческие и птицеводческие предприятия в стране практически не имеют такого выбора в виду полной зависимости от импорта и крайне малого количества не ГМ кукурузы и продукции соевого комплекса на мировом рынке.

В стране официально разрешено использование и импорт семян растений, полученных на базе биотехнологий. Однако на практике соответствующие возможности не реализуются, главным образом из-за слабого развития собственного

растениеводства и наличия конкурентного по цене импорта. Кроме того, даже в имеющемся секторе растениеводческой продукции существует растущий запрос на органическое производство.

Импорт генетически модифицированных продуктов животноводства, птицеводства и рыбной продукции в Саудовскую Аравию запрещен по религиозным соображениям (вопросы халяльности). Аналогичной позиции придерживается Организация по стандартизации стран Персидского залива (GSO), включающая, в том числе, ОАЭ. В 2011 г. организация приняла Общие требования к генетически модифицированным необработанным сельскохозяйственным продуктам (GSO 2141/2011) и Общие требования к генетически модифицированным переработанным сельскохозяйственным продуктам (GSO 2142/2011) [27].

В 2005 г. в Саудовской Аравии был создан Национальный комитет по биотехнологии (NCB), который привлек к совместной работе ключевые функциональные министерства и научные организации. NCB возглавляет Саудовское управление по контролю за продуктами и лекарствами (SFDA), которое, в свою очередь, является авторитетным членом GSO.

Одной из ключевых особенностей местной системы регулирования импорта биотехнологической продукции в Саудовскую Аравию является отсутствие процедуры утверждения для конкретных видов продукции: они разрешаются к ввозу в случае соответствия общим нормативным требованиям и сопровождения необходимым пакетом документов.

Египет

В Египте отсутствует законодательство, регулирующее биотехнологии. При этом правительство разрешает импорт биотехнологических продуктов, если страна происхождения также потребляет эти продукты. Египет не требует маркировки биотехнологических продуктов.

В 2008 г. Египет стал первой страной в регионе, которая начала коммерциализацию генетически-измененной кукурузы. Однако в 2012 г. специальным министерским указом выращивание такой кукурузы было приостановлено [28]. Несмотря на мораторий, исследовательский потенциал в области сельскохозяйственной биотехнологии продолжает развиваться на базе национальных исследовательских институтов и университетов.

Объединенные Арабские Эмираты

На базе действующей сети институтов и исследовательских центров, которые, в том числе, занимаются исследованиями в области биотехнологий, в ОАЭ сформирована одна из самых инновационных экономик Ближнего Востока. В стране открыта первая свободная зона в регионе для научного сектора.

При ограниченности собственных сельскохозяйственных ресурсов, ОАЭ разрешает импорт генетически-измененных продуктов, содержащих менее 0,9% соответствующих компонентов. Ингредиенты и состав импортируемых или произведенных внутри страны продуктов питания должны быть зарегистрированы. В 2009 г. в ОАЭ был произведен первый в мире клонированный верблюд [29].

Южная Африка

ЮАР сосредоточена на своих отраслях производства фруктов и овощей, улучшая внутренний потенциал производства продуктов питания через внедрение и развитие аграрных биотехнологий. При этом страна является одним из лидирующих мировых производителей генетически-измененных растений. С момента принятия Закона о генетически модифицированных организмах в 1997 г. в стране было одобрено для коммерческого выращивания 32 вида генетически-измененных вида растений. На сегодняшний день 80% посевов кукурузы, 95% сои и практически 100% хлопчатника в ЮАР производятся на базе генетически-измененных семян [30]. При этом, в отличие от приведенных выше стран Ближнего Востока, ЮАР является видным экспортером кукурузы.

Как было отмечено выше, ЮАР придерживается устойчивой позиции, уравнивающей статус продуктов, полученных в результате генетического редактирования и генетической модификации. Соответствующая политика нашла отражение в декларации 2021 г. о регулировании продукции, полученной с использованием «новых методов разведения» на базе действующего Закона о генетически модифицированных организмах.

Россия

Россия, выдерживая жесткую позицию в отношении использования генетической модификации в производстве. Вопрос о статусе технологий редактирования генов остается дискуссионным. Тем не менее страна увеличивает интеграцию науки и технологий с аграрным сектором, чтобы максимально использовать свою обширную ресурсную и научную базу. Эта интеграция включает поддержку частного селекционного бизнеса через стимулы для компаний к инвестициям в биотехнологические разработки. Одновременно потенциально решается задача замещения импорта, в частности, технологий и посевного материала.

В целом, как показывает анализ, стратегии стран БРИКС в области развития и регулирования биотехнологической отрасли различаются. В установлении конкретных подходов страны исходят из параметров развития собственных экономик и ресурсной базы, в частности, в сельскохозяйственном производстве, что в конечном счете становится важным фактором формирования их стратегических интересов. Первостепенные задачи, связанные с обеспечением экономической и продовольственной безопасности, которые в современных реалиях часто связывают с развитием биотехнологий, структурируются на международном и национальном уровнях. Страны БРИКС, являясь членами ООН, руководствуются достаточно прозрачным перечнем целей и механизмов международного реагирования на соответствующие риски. На практике они придерживаются подхода гармонизации своих национальных интересов с международной повесткой. При этом среди задач государства остается ответ на такие стратегические вызовы, как: биобезопасность и этические вопросы, защита прав интеллектуальной собственности, социально-экономические аспекты и международная конкуренция.

Текущий состав стран БРИКС выглядит сбалансированным по многим параметрам, и, в частности, с позиции международной торговли продовольствием. В объединении сегодня присутствуют как страны-крупные поставщики сельскохозяйственной продукции, так и ее ключевые покупатели. При этом на фоне устойчивых крупных внешнеторговых потоков ГМ растениеводческой продукции (прежде всего,

сои и кукурузы), внутри объединения сформированы и показывают перспективы роста ниши для не немодифицированной и органической продукции. Последнее создает значительное конкурентное преимущество, в частности, для России.

Однако, само по себе развитие биотехнологий на сегодняшний день считается необходимым элементом инновационного развития страны и обеспечения конкурентоспособности ее экономики. Можно констатировать, что каждая страна БРИКС, исходя из собственных возможностей, реализует внутреннюю стратегию, руководствуясь именно такой позицией. При этом вопросы сотрудничества внутри международного союза, включающего продвинутые в научно-технологической сфере страны, приобретают дополнительную важность для всего объединения БРИКС.

Библиографический список

1. U.S. Department of Agriculture. *Biotechnology Frequently Asked Questions (FAQs)*. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.usda.gov/topics/biotechnology/biotechnology-frequently-asked-questions-faqs>.
2. *Agricultural Biotechnology (A Lot More than Just GM Crops)* [Electronic resource] // ISAAA SEAsiaCenter. – May 2014. Cited: 09.07.2024. – URL: https://www.isaaa.org/resources/publications/agricultural_biotechnology/download/Agricultural_Biotechnology.pdf.
3. Власов, В.В. «Редакторы» геномов. От цинковых пальцев до CRISPR / В.В. Власов, С.П. Медведев, С.М. Закиян // *Наука из первых рук*. – 2014. – № 2(56). – С. 44–53. <https://cyberleninka.ru/article/n/redactory-genomov-ot-tsinkovyh-paltsev-do-crispr/viewer>.
4. FAOSTAT. *Crops and livestock products. Database* [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL>.
5. Белялетдинов Роман Рифатович. *Риски современных биотехнологий: философские аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук*. Москва, 2017 – стр. 3. ФГБУН Институт философии РАН.
6. *World Development Indicators, Gross domestic product ranking table based on purchasing power parity (PPP)* [Electronic resource] // The World Bank. – Jun 30, 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://doi.org/10.57966/ga60-8v71>.
7. *UN DESA World Population Prospects 2022, Demographic Indicators, Complete (estimates and all projection scenarios)* [Electronic resource] // United Nations. – New York. – 2022. Cited: 09.07.2024. – URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_REV1.xlsx).
8. FAOSTAT. *Land use. Database* [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/RL>.
9. *Trade. Crops and livestock products. Database* [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL>.
10. *Oilseeds: World Markets and Trade* [Electronic resource] // Foreign Agricultural Service/USDA. – Washington DC. – June 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://fas.usda.gov/sites/default/files/2024-06/oilseeds.pdf>.
11. *Grain: World Markets and Trade* [Electronic resource] // Foreign Agricultural Service/USDA. – Washington DC. – June 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://fas.usda.gov/data/grain-world-markets-and-trade-06122024>.
12. *Global GM Crop Area Review* [Electronic resource] // AgbioInvestor GM Monitor. – February 2024. – P. 7. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://gm.agbioinvestor.com/downloads/9>.

13. *GMO Crops, Animal Food, and Beyond* [Electronic resource] // Official web-site of the U.S. Food & Drug Administration. – March 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fda.gov/food/agricultural-biotechnology/gmo-crops-animal-food-and-beyond#:~:text=In%202020%2C%20GMO%20soybeans%20made,corn%20planted%20was%20GMO%20corn>.
14. *Global GM Crop Area Review* [Electronic resource] // AgbioInvestor GM Monitor. – February 2024. – P. 22–23. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://gm.agbioinvestor.com/downloads/9>.
15. *Global Regulatory Landscape for Gene-Edited Crops* [Electronic resource] // ISAAA SEAsiaCenter. – January 24, 2014. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.isaaa.org/resources/infographics/globalstatusgeneeditedcrops/Global-Status-GED-Crops-2024-01.pdf>.
16. *Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии* // ООН. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/pagoa_protocol.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
17. *Официальный интернет-портал ООН. Конвенция о биологическом разнообразии* // ООН. Электронный ресурс: <https://www.un.org/ru/observances/biological-diversity-day/convention> (дата обращения: 09.07.2024).
18. *Конвенция о биологическом разнообразии* // ООН. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 09.07.2024).
19. *Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии* // ООН. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
20. *Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию* // ООН. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 09.07.2024).
21. *Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства* // ФАО ООН. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/genetic_resources.pdf (дата обращения: 09.07.2024).
22. *Новости ООН. 29 июня вступил в силу Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства* // ООН. Электронный ресурс: <https://news.un.org/ru/story/2004/06/1055541> (дата обращения: 09.07.2024).
23. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual – 2023. India (2023)*. – P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_New%20Delhi_India_IN2023-0073.pdf.
24. *ChinaDaily. Ouyang Shijia. China unveils five-year plan for bioeconomy (2022)*. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202205/10/WS6279f455a310fd2b29e5bbac.html>.
25. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. PRC Issues Draft Guideline for Safety Assessment of Genetically Modified Plants for Comments - Short Deadline (2022)*. P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=PRC%20Issues%20Draft%20Guideline%20for%20Safety%20Assessment%20of%20Genetically%20Modified%20Plants%20for%20Comments%20-%20Short%20Deadline%20_Beijing_China%20-%20People%27s%20Republic%20of_CH2022-0084.pdf.
26. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. China – People's Republic of (2023)*. – P. 4–5. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Beijing_China%20-%20People%27s%20Republic%20of_CH2023-0143.pdf.
27. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. Saudi Arabia (2023)*. – P. 3. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Riyadh_Saudi%20Arabia_SA2023-0011.pdf.

28. U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. Egypt (2023). – P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Biotechnology%20and%20Other%20New%20Production%20Technologies%20Annual_Cairo_Egypt_EG2023-0021.pdf.
29. U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. United Arab Emirates (2023). – P. 3–4. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Dubai_United%20Arab%20Emirates_TC2023-0010.pdf.
30. U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. South Africa – Republic of (2023). – P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Pretoria_South%20Africa%20-%20Republic%20of_SF2023-0036.pdf.

References

1. U.S. Department of Agriculture. Biotechnology Frequently Asked Questions (FAQs). Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.usda.gov/topics/biotechnology/biotechnology-frequently-asked-questions-faqs>.
2. Agricultural Biotechnology (A Lot More than Just GM Crops) [Electronic resource] // ISAAA SEAsiaCenter. – May 2014. Cited: 09.07.2024. – URL: https://www.isaaa.org/resources/publications/agricultural_biotechnology/download/Agricultural_Biotechnology.pdf.
3. Vlasov, V.V. «Redactory» genomov. Ot cinkovyh pal'cev do CRISPR / V.V. Vlasov, S.P. Medvedev, S.M. Zakijan // Nauka iz pervyh ruk. – 2014. – № 2(56). – P. 44–53. <https://cyberleninka.ru/article/n/redactory-genomov-ot-tsinkovyh-paltsev-do-crispr/viewer>.
4. FAOSTAT. Crops and livestock products. Database [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL>.
5. Beljaletdinov Roman Rifatovich. Riski sovremennyh biotekhnologij: filosofskie aspekty. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Moskva, 2017. – P. 3. FGBUN Institut filosofii RAN.
6. World Development Indicators, Gross domestic product ranking table based on purchasing power parity (PPP) [Electronic resource] // The World Bank. – Jun 30, 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://doi.org/10.57966/ga60-8v71>.
7. UN DESA World Population Prospects 2022, Demographic Indicators, Complete (estimates and all projection scenarios) [Electronic resource] // United Nations. – New York. – 2022. Cited: 09.07.2024. – URL: [https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20\(Standard\)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_REV1.xlsx](https://population.un.org/wpp/Download/Files/1_Indicators%20(Standard)/EXCEL_FILES/1_General/WPP2022_GEN_F01_DEMOGRAPHIC_INDICATORS_REV1.xlsx).
8. FAOSTAT. Land use. Database [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/RL>.
9. Trade. Crops and livestock products. Database [Electronic resource] // FAO. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL>.
10. Oilseeds: World Markets and Trade [Electronic resource] // Foreign Agricultural Service/USDA. – Washington DC. – June 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://fas.usda.gov/sites/default/files/2024-06/oilseeds.pdf>.
11. Grain: World Markets and Trade [Electronic resource] // Foreign Agricultural Service/USDA. – Washington DC. – June 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://fas.usda.gov/data/grain-world-markets-and-trade-06122024>.
12. Global GM Crop Area Review [Electronic resource] // AgbioInvestor GM Monitor. – February 2024. – P. 7. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://gm.agbioinvestor.com/downloads/9>.

13. *GMO Crops, Animal Food, and Beyond* [Electronic resource] // Official web-site of the U.S. Food & Drug Administration. – March 2024. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.fda.gov/food/agricultural-biotechnology/gmo-crops-animal-food-and-beyond#:~:text=In%202020%2C%20GMO%20soybeans%20made,corn%20planted%20was%20GMO%20corn>.
14. *Global GM Crop Area Review* [Electronic resource] // AgbioInvestor GM Monitor. – February 2024. P. 22–23. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://gm.agbioinvestor.com/downloads/9>.
15. *Global Regulatory Landscape for Gene-Edited Crops* [Electronic resource] // ISAAA SEAsiaCenter. – January 24, 2014. Cited: 09.07.2024. – URL: <https://www.isaaa.org/resources/infographics/globalstatusgeneeditedcrops/Global-Status-GED-Crops-2024-01.pdf>.
16. *Nagojskij protokol regulirovanija dostupa k genetičeskim resursam i sovmestnogo ispol'zovanija na spravedljivoj i ravnoj osnovе vygod ot ih primenenija k Konvenciji o biologičeskom raznoobrazii* // OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nagoya_protocol.pdf (Cited: 09.07.2024).
17. *Oficial'nyj internet-portal OON. Konvencija o biologičeskom raznoobrazii* // OON. – URL: <https://www.un.org/ru/observances/biological-diversity-day/convention> (Cited: 09.07.2024).
18. *Konvencija o biologičeskom raznoobrazii* // OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (Cited: 09.07.2024).
19. *Kartahenskiy protokol po biobezopasnosti k Konvenciji o biologičeskom raznoobrazii* // OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/cartagena.pdf (Cited: 09.07.2024).
20. *Rio-de-Zhanejrskaja deklaracija po okružhajushhej srede i razvitiju* // OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (Cited: 09.07.2024).
21. *Mezhdunarodnyj dogovor o rastitel'nyh genetičeskih resursah dlja proizvodstva prodovol'stvija i vedenija sel'skogo hozjajstva* // FAO OON. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/genetic_resources.pdf (Cited: 09.07.2024).
22. *Novosti OON. 29 ijunja vstupil v silu Mezhdunarodnyj dogovor o rastitel'nyh genetičeskih resursah dlja proizvodstva prodovol'stvija i vedenija sel'skogo hozjajstva* // OON. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/06/1055541> (Cited: 09.07.2024).
23. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual – 2023. India (2023). P. 2.* Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_New%20Delhi_India_IN2023-0073.pdf.
24. *ChinaDaily. Ouyang Shijia. China unveils five-year plan for bioeconomy (2022).* Cited: 09.07.2024. – URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202205/10/WS6279f455a310fd2b29e5bbac.html>.
25. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. PRC Issues Draft Guideline for Safety Assessment of Genetically Modified Plants for Comments - Short Deadline (2022). P. 2.* Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=PRC%20Issues%20Draft%20Guideline%20for%20Safety%20Assessment%20of%20Genetically%20Modified%20Plants%20for%20Comments%20-%20Short%20Deadline%20_Beijing_China%20-%20People%27s%20Republic%20of_CH2022-0084.pdf.
26. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. China – People's Republic of (2023). P. 4–5.* Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Beijing_China%20-%20People%27s%20Republic%20of_CH2023-0143.pdf.
27. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. Saudi Arabia (2023). P. 3.* Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Riyadh_Saudi%20Arabia_SA2023-0011.pdf.

28. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. Egypt (2023). P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Biotechnology%20and%20Other%20New%20Production%20Technologies%20Annual_Cairo_Egypt_EG2023-0021.pdf.*

29. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. United Arab Emirates (2023). P. 3–4. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Dubai_United%20Arab%20Emirates_TC2023-0010.pdf.*

30. *U.S. Department of Agriculture. Foreign Agricultural Service. Agricultural Biotechnology Annual. South Africa – Republic of (2023). P. 2. Cited: 09.07.2024. – URL: https://apps.fas.usda.gov/newgainapi/api/Report/DownloadReportByFileName?fileName=Agricultural%20Biotechnology%20Annual_Pretoria_South%20Africa%20-%20Republic%20of_SF2023-0036.pdf.*

Контактная информация / Contact information

ФГАОУВО «Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
76, Vernadsky Avenue, 119454 Moscow, Russia

Кугучин Константин Александрович / Konstantin A. Kuguchin

k.kuguchin@odin.mgimo.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-424-440

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН БРИКС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF BRICS COUNTRIES AND ITS IMPACT ON THEIR FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

МАКСАКОВА Мария Андреевна

Заведующая кафедрой МЭО и ВЭС им. Н.Н. Ливенцева Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН, кандидат экономических наук, доцент

Maria A. MAKSAKOVA

Head of the Department of International Economic Relations and Foreign Economic Affairs (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); Leading Research Fellow (Center for Eastern European Studies Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences), PhD, Associate Professor

ТКАЧЕНКО Софья Сергеевна

Аспирантка второго года обучения Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)

Sofia S. TKACHENKO

Second-year PhD student (World Economy) of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается современный уровень инновационного развития стран БРИКС с учетом присоединения новых членов, а также особенности его влияния на внешнеэкономическую деятельность стран. Несмотря на разный уровень

технологического развития стран БРИКС, несовпадающие цели и разные возможности повышения инновационного потенциала экономики, в рамках сотрудничества внутри БРИКС осуществляются важные научные проекты, совершенствуется общая нормативная база в области цифровой трансформации, осваиваются новые технологии в целях повышения эффективности традиционных отраслей экономики. Исследование выявило значительный потенциал использования инновационных технологий для углубления взаимных и внешних экономических связей стран БРИКС и преодоления имеющихся сдерживающих факторов развития в условиях перехода к новому технологическому укладу.

Abstract

The article examines the current level of innovative development of the extended BRICS union, as well as the influence technological progress has on their foreign economic activity. With the different levels of technological development, the mismatched goals and different innovative potential of the national economies, important scientific projects are being carried out, along with the efforts to improve digital transformation regulations. New technologies are implemented to upend traditional sectors of economy and boost efficiency. The study revealed a significant potential of using innovative technologies to deepen mutual and external economic relations of BRICS countries as well as to overcome existing constraints in the context of the new technological order forming.

Ключевые слова

БРИКС, Инновационное развитие, Глобальный инновационный индекс, Экспорт высокотехнологичной продукции, Совместные исследования, НИР, Цифровая трансформация экономики.

Keywords

BRICS, Innovative development, GII, High-tech exports, Joint research, R&D, Digital transformation of economy.

Введение

В современных условиях происходит формирование нового технологического уклада, способного привести к принципиально иной системе функционирования мирового хозяйства. Освоение и способность производить наиболее важные технологии становится критически значимым условием для обеспечения национальной экономикой своей независимости и способности построить процесс создания товаров и услуг на принципиально новых технологических началах. Также наблюдающиеся в последнее время в мировой экономике процессы фрагментации, напряженности и неопределенности вынуждают государства постепенно выходить из положения технологически зависимых и стремиться к технологическому суверенитету при одновременном укреплении внутрирегиональных и внутриблоковых торговых отношений.

В 2024 г. состав БРИКС расширился и на данный момент объединение включает в себя Бразилию, Россию, Индию, Китай, ЮАР, а также присоединившиеся к ним ОАЭ, Иран, Саудовскую Аравию, Египет и Эфиопию [1]. Страны, являющиеся важными экономическими игроками в межрегиональном или общемировом масштабе, могут рассматриваться как объединение, способное в перспективе стать одним из наиболее значимых центров нового экономического миропорядка. Особую

значимость в развитии БРИКС приобретает инновационный фактор, поскольку достижение технологического суверенитета и избавление от технологической зависимости от западных государств является ключевой целью на пути к формированию многополярного мирового порядка. При этом стоит отметить, что страны БРИКС даже в своем первоначальном составе являлись достаточно неоднородными с точки зрения уровня технологического развития.

Таблица 1. Позиции стран БРИКС в Глобальном инновационном рейтинге 2023 г.

Страна	Позиция в глобальном инновационном рейтинге 2023 г.
Китай	12
ОАЭ	32
Индия	40
Саудовская Аравия	48
Бразилия	49
Россия	51
ЮАР	59
Иран	62
Египет	86
Эфиопия	125

Источник: составлено по данным [2]

С точки зрения инновационного развития можно сказать, что новые страны объединения в большинстве своем соответствуют среднему уровню развития стран-основательниц и во многом консолидация их усилий в области высоких технологий может быть плодотворна. Одними из основных факторов повышения экономических связей между странами БРИКС, наращиванием их технологического потенциала и эффективным инновационным развитием их экономик является создание условий для обмена знаниями, развитие человеческого потенциала, устранение имеющихся барьеров, имплементация инноваций и ключевых технологий в широкий спектр отраслей экономики, принятие решительных шагов по сокращению технологического отставания одних стран-членов от других, наращивание потоков взаимных инвестиций в научные и высокотехнологические проекты, а также успешное развитие лидерами объединения ключевых технологических новшеств.

Состояние и уровень развития инноваций в странах БРИКС и его потенциальное влияние на внешнюю торговлю

В основе технологического сотрудничества между странами блока лежит «Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций...» [3], который предполагает совещания министров, а также других высших должностных лиц в области науки и инноваций. Также был создан Управляющий комитет БРИКС в области науки,

технологий и инноваций. Совместное финансирование научных проектов осуществляется в виде грантов, выдаваемых победившим за время действия программы проектам. По количеству победивших в конкурсе на соискание грантов проектов выиграли научно-исследовательские проекты из России, Индии и Китая, составив порядка 30 проектов от каждой страны. Благодаря совместным научным исследованиям, осуществляется обмен знаниями и информацией между научными сотрудниками стран. Также в рамках БРИКС действует программа BRICS GRAIN, позволяющая ученым из стран-партнеров получить доступ к инфраструктуре, используемой для сложных научных исследований. Россия и Индия открыли доступ к шести объектам инфраструктуры, Китай и Бразилия – к четырем, ЮАР к одному. Примерами участвующих в проекте инфраструктурных объектов являются лаборатория синхротронного света «Сириус» в Бразилии, Сверхпроводящий токамак EAST в Китае, Импульсный реактор ИБР-2 в России [4]. Тем не менее, несмотря на наличие совместных проектов и сотрудничество стран в области инновационного развития, каждая страна имеет свою стратегию инновационного развития и свои интересы в этой области. С приходом в объединение новых участников данные цели становятся еще более разнородными.

Китай является безусловным лидером в области внедрения и освоения инноваций среди стран БРИКС (см. табл. 2). В последние годы страна тратит значительную часть своего ВВП на поддержку и развитие высоких технологий. При этом в Китае, как и во многих других странах БРИКС развито государственное финансирование научных исследований, осуществляющееся через государственные венчурные фонды. Однако, в последнее время в стране развивается рынок частного финансирования, в основном за счет крупных технологических компаний, осуществляющих исследования и разработки для своих проектов. Большинство стран БРИКС тратят менее 1% своего ВВП на НИР, что при низком уровне первого показателя сказывается на совокупном отчислении на исследования и разработки. Помимо Китая в БРИКС по объемам расходов на НИР, кратно превышающих показатели других государств-членов в денежном выражении, можно выделить Индию, Бразилию и Россию. Тем не менее, для интенсивного инновационного роста и генерации прорывных технологий данным странам недостаточно текущего уровня расходов на НИР. По большей части, уровень расходов на НИР и степень инновационности экономики в странах БРИКС коррелируют, при этом текущий уровень развития инноваций в странах достаточно низок для того, чтобы стать точкой роста для наиболее передовых технологий, в том числе в силу существенного недофинансирования. Однако, вопрос недостаточного инвестирования в НИР также может быть отчасти нивелирован возможностью совместных исследований и зарубежных проектов.

Как видно из представленной таблицы, остальные страны БРИКС существенно отстают от лидеров как с точки зрения расходов на НИР, так и с точки зрения уровня инновационности экономики. Сотрудничество менее развитых стран с лидерами блока может помочь сократить разрыв и заложить основу для разработки собственных технологий в целях развития национальной экономики данных государств. При этом стоит отметить, что потенциал развития в странах БРИКС довольно велик и в некоторых отраслях блок добился значительных успехов. По данным Глобального инновационного индекса (GII), ежегодно публикуемого ВОИС и раскрывающего основные тенденции, успехи, сдерживающие факторы

Таблица 2. Расходы стран – членов БРИКС на НИР в разные годы

Страна	Расходы на НИР (в % от ВВП)	Расходы на НИР (млрд долл. США)
Китай	2,43 (2021)	433
Бразилия	1,15 (2020)	17
Египет	0,91 (2021)	3,8
Эфиопия	0,27 (2017)	0,22
Иран	0,79 (2019)	2,2
Россия	1,09 (2020)	16,2
Саудовская Аравия	0,45 (2021)	3,9
ЮАР	0,6 (2020)	2
Индия	0,65 (2020)	17,3
ОАЭ	1,5 (2021)	6,2

Источник: рассчитано по данным [5, 6]

и эффективность инновационного развития национальных экономик, на 2020 г. страны БРИКС обладали следующими преимуществами и недостатками (см. табл. 3).

Среди общих для стран БРИКС проблем можно выделить регуляторные недостатки, связанные с низкой эффективностью управления, недостаточно высокое качество инфраструктуры и проблема недоинвестирования. При этом одним из важнейших преимуществ данных стран являются значительные человеческие ресурсы, увеличивающие размеры внутреннего рынка и повышающие потенциальное число занятых в наукоемких отраслях. На данный момент только Россия, Китай, Индия, а также отчасти Бразилия могут рассматриваться как страны, где доля задействованных в данных сферах высока. При этом несмотря на относительно позитивные показатели, не стоит забывать о наблюдающейся в странах «утечке умов», в результате которой выгоду от приобретенных знаний получают иностранные государства. Перспективной видится практика обмена знаниями внутри БРИКС и широкомасштабного движения ученых между странами объединения, однако, учитывая обособленность и собственные стратегии развития членов БРИКС, пока такие инициативы могут развиваться только вне разработки критических технологий Индустрии 4.0. Для некоторых из лидеров стран БРИКС также характерен высокий уровень развития ИКТ и услуг электронного правительства, что более вероятно может стать предметом заимствования менее технологически развитыми странами у государств-лидеров, а также послужить импульсом для совершенствования внешнеторговых операций в этих странах и в значительной степени нивелировать проблемы сложности учреждения и ведения бизнеса.

Развитие инновационного потенциала способно привести к созданию конкурентоспособной продукции, востребованной как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Информационные технологии напрямую влияют

Таблица 3. Некоторые из преимуществ и сдерживающих инновационное развитие факторов для стран БРИКС в 2020 г.

Страна	Преимущества	Проблемы
Бразилия	Расходы на образование, Размеры внутреннего рынка, Платежи по ИС	Институты, Легкость ведения бизнеса, Инфраструктура, Валовое накопление капитала
Россия	Высшее образование в области науки и техники, Размер внутреннего рынка, Выработка электроэнергии, Численность занятых в наукоемких отраслях, Электронное правительство	Качество регулирования, Инвестиции, Доступность микрофинансирования, Институты
Индия	Электронное правительство, Экспорт в области ИКТ, Размеры внутреннего рынка, Капитализация рынка	Легкость начала бизнеса, Нехватка учителей, Инфраструктура
Китай	Расходы на НИР, Число патентов, Размер внутреннего рынка, Развитие экономики знаний	Энергоемкость ВВП, Качество регулирования, Экология
ЮАР	Расходы на образование, Платежи по ИС, Капитализация рынка, Внутреннее кредитование частного сектора	Нехватка учителей, Валовое накопление капитала, Приток иностранных инвестиций, Высшее образование

Источник: [7]

на организацию внешнеэкономической деятельности стран, позволяют быстрее и эффективнее производить расчеты, доставку и планирование поставок товаров и услуг. При этом стоит отметить, что, несмотря на активное развитие ИКТ в некоторых странах БРИКС, объединение в составе пятерки отставало от средних показателей стран ОЭСР не только по уровню использования информационных технологий, но и уровню занятости в отраслях, где активно применяются ИКТ [7]. При этом, объем высокотехнологичного экспорта стран БРИКС за исключением Китая невелик (рис. 1), впрочем, доля таких товаров в совокупном экспорте Китая в 2022 г. резко упала с 30 до 23%.

Однако, сравнительно малые доли стран в экспорте высокотехнологичных товаров не означают, что их использование не влияет на внешнеэкономическую деятельность. Напротив, инновации прочно входят в организацию внешнеэкономической деятельности от стадии ее планирования до реализации. Например, в такую важную и при этом традиционную отрасль как сельское хозяйство, в странах БРИКС внедряются новые технологии, повышающие эффективность производства.

Рис. 1. Объем высокотехнологического экспорта некоторых стран-членов БРИКС с 2007 по 2022 гг. (млрд долл.)

Источник: [8]

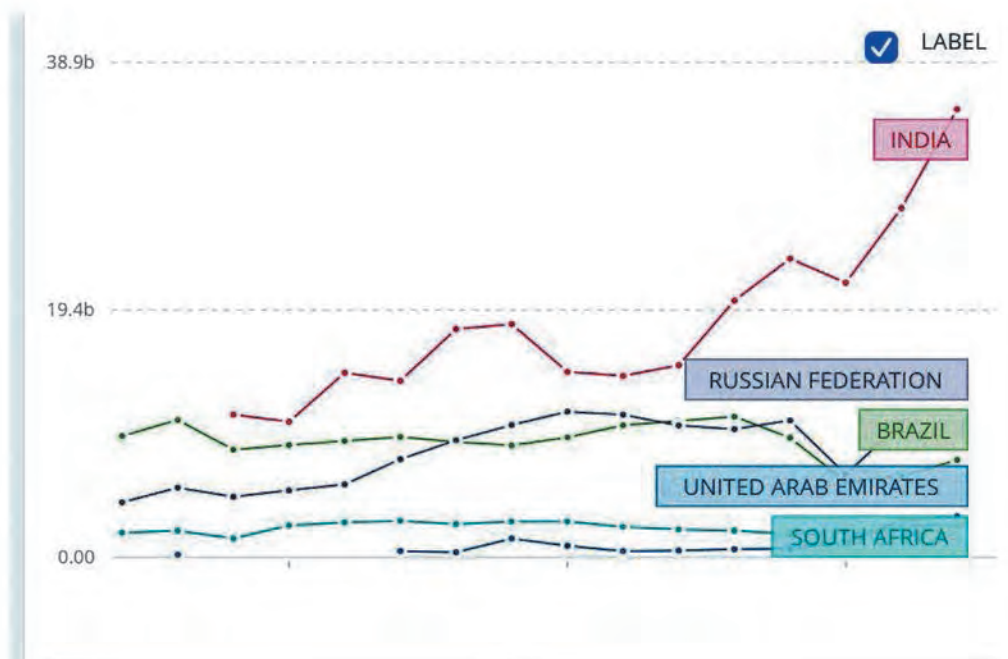

Таблица 4. Использование некоторыми странами – членами БРИКС инновационных технологий в сельском хозяйстве

Технология	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Новейшее ПО	+	+	+	-	+
Беспилотники	+	+	+	-	+
Спутниковое земледелие	-	+	+	-	+
ИИ для повышения урожайности	-	-	+	+	-
Онлайн-Платформы	+	+	+	+	-

Источник: [9]

Такие технологии как искусственный интеллект или интернет вещей способныкратно повысить эффективность сотрудничества между экономическими агентами стран. В любой отрасли использование информационных технологий позволяет более эффективно наладить производство, управлять финансами, складской деятельностью. Технологии блокчейн позволяют надежно обмениваться информацией и упрощать взаимодействие между контрагентами в любой сфере деятельности. Таким образом, потенциал сотрудничества стран объединения велик и позволит охватить множество направлений деятельности, повышая экспортный

потенциал входящих в него государств. Для тех стран, которые не обладают подобными технологиями, сотрудничество станет дополнительной возможностью получить их, а для стран-производителей – расширить рынки сбыта.

Также с развитием информационных технологий страны БРИКС смогут более эффективно решать некоторые имеющиеся проблемы, связанные с углублением процессов экономической интеграции. Среди сдерживающих факторов инновационного развития БРИКС можно выделить следующие:

1. Языковые барьеры.
2. Удаленность участников друг от друга.
3. Визовый режим между странами-участницами.
4. Транспортные расходы.
5. Недостаточная координация сотрудничества по наиболее перспективным направлениям деятельности.
6. Разрыв в уровне развития стран-участниц.

Некоторые из данных проблем можно будет решить при помощи внедрения информационных технологий. Например, технологии искусственного интеллекта позволяют быстро и надежно переводить документы на любой язык, в результате чего коммуникация между странами будет осуществляться быстрее. ERP-технологии для бизнеса способны сократить транспортные расходы на перевозку товаров, повышая ценовую привлекательность экспортируемого товара. Технологии электронной таможни позволят ускорить и упростить товарооборот между государствами. Также информационные технологии способны нивелировать проблему удаленности контрагентов друг от друга. Например, многие индийские и российские ИТ-специалисты занимаются разработкой программного обеспечения на заказ или осуществляют проекты для зарубежных компаний, не покидая свою страну.

Многие из перечисленных цифровых решений внедряются или развиваются в БРИКС, однако, стоит отметить, что не все члены объединения обладают и развивают их успешно. Тем не менее цифровые технологии в той или иной степени затронули процессы развития внешнеторговой деятельности во всех странах-членах БРИКС. Применение внешнеторговыми компаниями и правительствами стран БРИКС технологий при осуществлении внешнеэкономической деятельности включает в себя несколько направлений, таких как интернет-отслеживание движения товаров, роботизация, электронная таможня, кибербезопасность [10]. Каждое направление представляет собой комплекс сопутствующих международным экономическим операциям процессов, значительно упрощающих ведение внешнеэкономической деятельности, ускоряющих взаимный товарообмен, повышающих ее безопасность и эффективность. Среди прочих технологий, которые могут значительно упрощать и совершенствовать процессы международной торговли между странами объединения и внешними контрагентами можно назвать следующие: чат-боты, голосовое управление, системы электронных платежей, интернет вещей [11].

В случае углубления внешнеэкономических связей между странами БРИКС, потенциально перспективными направлениями развития могут стать те отрасли, в которых успехов добились отдельно взятые страны-члены: микроэлектроника, автомобилестроение, компьютерная техника, ИКТ, атомная энергетика, водородная энергетика, фармацевтика, мобильная электроника, нейротехнологии, космические технологии, биотехнологии. Укрепление внутриблоковой торговли создает

предпосылки для расширения деятельности государств, занимающих значительную долю рынка по данным отраслевым направлениям, тогда как менее успешные в данных сферах страны получают шанс повысить уровень развития национальной экономики за счет технологической кооперации. Среди основных направлений сотрудничества стран БРИКС также можно отметить фотонику, нанотехнологии, ИКТ, возобновляемые источники энергии, биотехнологии, усовершенствованные вычислительные системы, сотрудничество в области противодействия стихийным бедствиям, геопространственные технологии и проч [12].

При этом стоит отметить, что технологический разрыв между странами-участницами в результате сотрудничества маловероятно сократится значительно. Объективные лидеры блока продолжают развитие более высокими темпами по сравнению с остальными членами БРИКС. Тем не менее консолидация усилий в области инновационного развития послужит началом для более плодотворного совместного развития, поможет создать дополнительные условия для активизации экспортно-импортных операций между странами.

Показатели внешней торговли России со странами БРИКС

Рассматривая потенциальные преимущества для России с точки зрения развития торговых отношений со странами БРИКС, как первоначальными членами объединения, так и вновь присоединившимися государствами, можно отметить, что интенсивность торговли неоднородна. За исключением Китая в 2021 г. доли стран БРИКС и на тот момент будущих членов объединения были незначительны, однако, с разворотом товарных потоков в дружественные государства ситуация вероятнее всего изменится.

Таблица 5. Доли стран БРИКС в совокупном экспорте России в 2021 г.

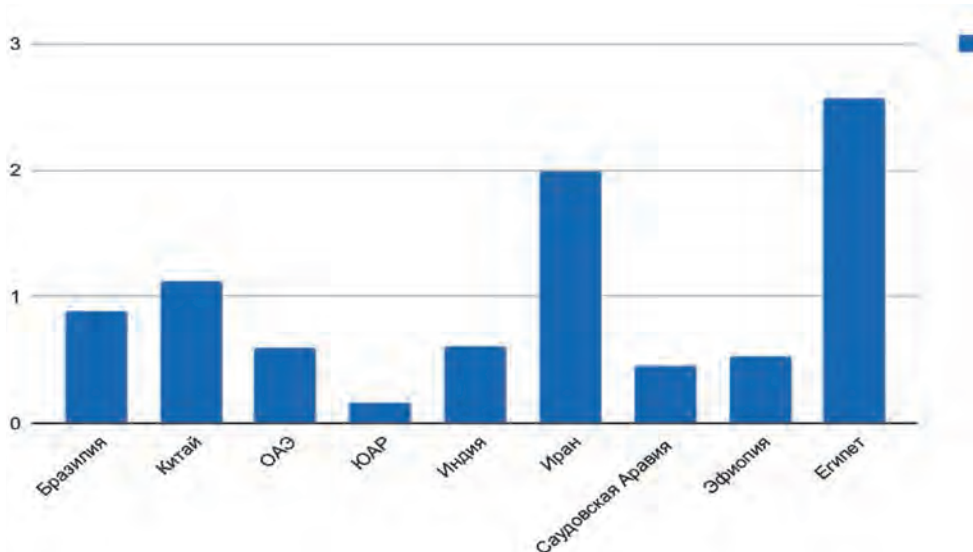
Страна	Доля в совокупном экспорте России (%)
Бразилия	1
Китай	13,8
ОАЭ	1
ЮАР	0,07
Индия	1,72
Иран	0,61
Саудовская Аравия	0,4
Эфиопия	0,03
Египет	0,85

Источник: рассчитано по [13, 14]

Учитывая тот факт, что в декабре 2023 г. было подписано полноформатное соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном, которое сменило временное соглашение, действовавшее с 2019 г., с того же года действует соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, а переговоры о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Египтом находятся на завершающей стадии, можно говорить о формировании регуляторной основы для сотрудничества со странами БРИКС и постепенном росте значимости данных стран в товарообороте России. При этом существующие проблемы, в том числе такие как географическая удаленность и отсутствие налаженных внешнеэкономических связей будут способствовать скорее постепенному, нежели интенсивному развитию торгового сотрудничества. При этом для анализа потенциала наращивания внешнеэкономических связей следует оценить текущее состояние торговли между Россией и странами-партнерами на основе индекса интенсивности торговли по имеющимся на 2021 г. данным (рис. 2).

Рис. 2. Индекс интенсивности торговли России со странами БРИКС

Источник: рассчитано по [14, 15]

В целом показатели свидетельствуют о достаточно низком уровне интенсивности торговли России с большинством стран БРИКС. Лишь у трех стран-партнеров из девяти значение индекса превышает единицу (Египет – 2,57, Иран – 1,99, Китай – 1,13) и еще у одной приближается к данному значению (Бразилия – 0,89). Наименьших значений достигает показатель интенсивности торговли России и ЮАР (менее 0,17). В 2021 г. на весьма низком уровне было значение индекса, отражающего интенсивность торговли между Россией и Индией (0,61), что говорит о значительном нереализованном потенциале развития торговых отношений между двумя странами. В силу сложившихся географических и исторических особенностей, торговля между Россией и странами БРИКС долгое время не выходила на высокий уровень, однако, учитывая активные шаги по налаживанию двусторонних торговых отношений с рядом зарубежных государств, в том числе в рамках заключаемых соглашений о формировании ЗСТ, ситуация может измениться в лучшую сторону.

Для сбалансированного развития БРИКС и отдельных стран-членов необходимо стремиться к достижению более диверсифицированного товарооборота

и повышению доли товаров с высокой степенью обработки. На текущий момент структура товарооборота стран БРИКС не отличается высокой степенью технологичности, однако, именно товары с высокой степенью обработки составляют значительную долю поставок России в данные страны (табл. 6).

Таблица 6. Основные статьи экспорта России в страны БРИКС в 2021 г.

Страна	Статьи экспорта России
Бразилия	Продукция химической промышленности, Минеральные продукты, Металлы, Машины и оборудование, Продовольствие
Китай	Минеральные продукты, Древесина, Металлы, Продовольствие, Продукция химической промышленности
ОАЭ	Минеральные продукты, Драгоценные металлы, Машины и оборудование, Продукция химической промышленности, Металлы, Продовольствие
ЮАР	Продукция химической промышленности, Минеральные продукты, Древесина, Продовольствие, Машины и оборудование
Индия	Минеральные продукты, Машины и оборудование, Драгоценные металлы, Продукция химической промышленности, Металлы, Продовольствие
Иран	Продовольствие
Саудовская Аравия	Минеральные продукты, Продовольствие, Металлы, Продукция химической промышленности, Древесина, Машины и оборудование
Эфиопия	Продовольствие, Машины и оборудование, Металлы, Продукция химической промышленности
Египет	Продовольствие, Металлы, Машины и оборудование, Древесина

Источник: [14]

Также следует отметить, что структура экспорта России в страны БРИКС отличается довольно высокой долей несырьевого неэнергетического экспорта и в целом положительным сальдо внешнеторгового оборота России со всеми перечисленными странами за исключением Китая. Это говорит о заинтересованности стран в российской продукции с более высокой степенью обработки и конкурентоспособности такой продукции на рынке государств БРИКС. Касательно импорта России из данных стран стоит отметить, что ключевые статьи варьируются в зависимости от страны, однако, в основном характерно преобладание продовольственных товаров в поставках в Россию, при этом весьма велика доля более технологичных товаров, например, машин и оборудования, причем не только китайского происхождения, но и товаров из таких стран, как Бразилия и ОАЭ. При анализе товарной структуры торговли также можно выделить металлы и изделия из них, продукцию химической промышленности.

Роль БРИКС в цифровой трансформации экономики

В последнее десятилетие ведущими странами мира предпринимаются усилия по выработке «единых цифровых повесток» и поиску совместных эффективных решений и механизмов регулирования процессов цифровизации на межгосударственном уровне. Некоторые страны уже объединили свои усилия по цифровизации. Для России такой вопрос актуален как в рамках Евразийского экономического союза, так и общей синхронизации цифровой повестки с общемировыми трендами и в рамках формата БРИКС. Формат экономического взаимодействия стран БРИКС является примером активного продвижения цифровой повестки на трансрегиональном уровне.

Страны БРИКС в составе пятерки выделяют развитие сферы информационно-коммуникационных технологий и цифровой экономики как среди приоритетов национального развития, причем не только в сфере макроэкономической политики, но и в вопросах обеспечения кибербезопасности и взаимной торговли, так и среди приоритетов межгосударственного, трансрегионального взаимодействия.

В рамках БРИКС цифровая повестка в качестве самостоятельного направления начала развиваться сравнительно недавно. Вопросы цифровой трансформации изначально рассматривались фрагментарно в рамках повестки научно-технического сотрудничества БРИКС, а позже как неотъемлемый элемент повестки в области информационно-коммуникационных технологий. В 2015 г. в рамках российского председательства впервые прошла встреча министров стран БРИКС, ответственных за развитие ИКТ, на котором были заявлены приоритеты многостороннего взаимодействия, включающие вопросы экономического характера, диверсификации глобального рынка программного обеспечения и информационно-технического оборудования, а также проблемы политического взаимодействия, прежде всего вопросы сотрудничества в сфере международной информационной безопасности [16]. По итогам встречи министры утвердили план долгосрочного сотрудничества [17] и приняли решение о создании специальной рабочей группы, задачей которой стала подготовка рекомендаций по развитию сотрудничества в сфере ИКТ для дальнейшего утверждения на уровне министров [18]. Среди ключевых решений в 2017 г. в области цифровизации также следует выделить принятие Плана действий БРИКС по инновационному сотрудничеству на 2017–2020 гг. и Компетенции сети E-Port.

С 2018 г. в рамках председательства ЮАР страны начали принимать конкретные решения по вопросам цифрового развития, создавать рабочий инструментарий и учредили специальный механизм экспертного взаимодействия в вопросах развития информационно-коммуникационных технологий и цифровой экономики — Партнерство БРИКС для Новой промышленной революции (PartNIR) в целях обмена опытом и наилучшими практиками в вопросах поддержки развития цифровых отраслей и стабильного экономического роста [19]. Данные инициативы и решения, направленные преимущественно на обмен опытом и компетенциями вкпе с отдельными совместными мероприятиями, заложили основу для дальнейшего сотрудничества стран БРИКС в цифровой сфере.

В 2022 г. по итогам встречи руководителей стран БРИКС, проходившей под председательством Китая, было достигнуто Рамочное соглашение о партнерстве в цифровой экономике [20], которое означает, что страны вышли на новый этап сотрудничества в области цифровизации. «Это важный итоговый документ,

имеющий перспективный, инклюзивный и ориентированный на практические действия характер, который служит институциональной гарантией для будущего сотрудничества», – отметил заместитель главы департамента международных торгово-экономических связей Министерства коммерции КНР Чэнь Чао комментируя результаты, достигнутые на встрече руководителей стран БРИКС [21]. В связи с тем, что страны БРИКС находятся на разных уровнях цифрового развития, в Рамочном соглашении подчеркивается необходимость сосредоточить усилия на устранении цифрового разрыва и сокращении разрыва по таким направлениям, как цифровая инфраструктура, цифровые технологии и цифровые услуги. В документе также предусмотрены направления, меры и ключевые области для сотрудничества в сфере цифровой экономики, в частности:

- использование цифровых и технологических инструментов для обеспечения справедливого доступа к глобальным общественным благам;
- цифровая аутентификация, электронные платежи, конфиденциальность и безопасность данных;
- развертывание сотрудничества по технологиям искусственного интеллекта;
- договоренности по вопросам содействия защите прав потребителей в рамках электронной торговли;
- создание Рабочей группы по цифровой экономике за счет переформатирования Рабочей группы по электронной торговле;
- возобновление и активизация рабочих консультаций с Новым банком развития и Целевой группой БРИКС по государственно-частному партнерству и инфраструктуре на Единой цифровой платформе БРИКС по инвестиционным проектам в области инфраструктуры;
- принятие регламента Целевой рабочей группы БРИКС по вопросам цифровизации и решение о проведении Цифрового форума БРИКС.

Как отмечают эксперты, о востребованности цифровой повестки в рамках БРИКС свидетельствует и сравнительно высокий уровень исполнения обязательств, принимаемых лидерами стран-членов. «Всего с 2011 г. страны БРИКС приняли 38 обязательств в сфере ИКТ. Наиболее результативным стал период российского председательства в БРИКС в 2015 г., когда было принято 17 обязательств в данной сфере. Сопоставимые результаты были достигнуты по итогам саммита в Китае в 2017 г., когда страны БРИКС согласовали 12 обязательств. Уровень исполнения обязательств в сфере ИКТ, отобранных для мониторинга, в течение многих лет остается достаточно высоким и в среднем составляет 94%, что говорит о приоритетности „цифровой“ повестки в странах БРИКС» [7]. Среди значимых и перспективных направлений для совместной работы стран БРИКС можно выделить следующие: интенсификация обмена имеющимися практиками содействия цифровому развитию и планируемыми проектами в данной области между странами, сокращение «цифрового разрыва», разработка общих стандартов производства цифровых товаров и услуг, взаимодействие в области кибербезопасности [22], сближение национальных механизмов государственного регулирования цифровой экономики, создание и использование цифровых платформ БРИКС как эффективного механизма развития общего пространства цифровой торговли, создание цифровых платформ идентификации и аутентификации участников

внешнеэкономической деятельности для повышения достоверности данных при совершении трансграничных цифровых торговых сделок, оптимизации объемов и сроков осуществления соответствующего документооборота, формирование платформ цифровой трансграничной логистики для повышения эффективности взаимодействия грузоперевозчиков и грузовладельцев [23]. Цифровая трансформация стран БРИКС, определенная в качестве одного из ключевых направлений Стратегии экономического партнерства БРИКС на период до 2025 г., должна включать не только развитие необходимых инфраструктурных компонентов экосистемы цифровой экономики, но и создание институциональной среды, обладающей способностью достаточно быстрой адаптации к изменяющимся условиям хозяйственной деятельности в ходе формирования социально-экономической модели, соответствующей новому технологическому и мирохозяйственному укладу.

Заключение

Таким образом, можно говорить о значительном потенциале сотрудничества между странами БРИКС в области инновационного и цифрового развития. В последнее время было достигнуто множество новых договоренностей, выводящих сотрудничество между странами в области технологического развития на новый уровень. Одной из главных целей сотрудничества является сокращение отставания некоторых стран объединения от его лидеров. Данная цель является обоснованной в силу наличия значительного технологического и экономического разрыва между странами. При этом, краткосрочных результатов сотрудничества в инновационной сфере для наиболее технологически уязвимых государств не ожидается. С учетом принятия в состав новых государств цели развития и уровня инновационного развития внутри объединения будут более разнородными. Уровень взаимной торговли географически отдаленных друг от друга партнеров незначителен, также сохраняются некоторые барьеры, мешающие более активной внешнеэкономической деятельности между странами. Тем не менее, именно инновационные решения могут быть одними из основных способов преодоления препятствий. Несмотря на низкий в целом по БРИКС уровень торговли высокотехнологичными товарами, инновации способны не только являться самостоятельным продуктом, но и значительно повышать эффективность традиционных отраслей экономики, сопровождая, упрощая и стимулируя внешнеэкономическую деятельность на всех ее этапах практически в любой отрасли.

Библиографический список

1. BRICS+ Platform: News portal – URL: <https://www.brics-plus.com/post/brics-to-add-argentina-egypt-ethiopia-iran-saudi-arabia-and-uae-as-new-members>.
2. Глобальный инновационный рейтинг ВОИС 2023 – <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf>.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 марта 2015 г. № 434-р «О подписании Меморандума о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций между Правительством Федеративной Республики Бразилии, Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Индии, Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Южно-Африканской Республики» – URL: <http://static.government.ru/media/files/YiQZ4L110dE.pdf>.

4. Аналитическая статья Российского совета по международным делам: Краснова Гюльнара Амангельдиновна «Состояние и перспективы многостороннего научного сотрудничества в рамках БРИКС» – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/>.
5. Данные Группы Всемирного Банка – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2021&skipRedirection=true&start=2017&view=chart>.
6. Данные Группы Всемирного Банка – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD?skipRedirection=true&start=2017>.
7. Игнатов А.А. (2020) Цифровая экономика в БРИКС: перспективы многостороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. – Т. 15. – No 1. – С. 31–62.
8. Данные Группы Всемирного Банка – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?end=2022&locations=IN-RU-BR-ZA-AE&skipRedirection=true&start=2007&view=chart>.
9. Сальникова О.В., Рожкова Л.В. Применение инновационных технологий в сельском хозяйстве стран БРИКС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2021. – No 1. – С. 115–126.
10. Гончаров И.А., Гончарова М.В. Основные направления и принципы применения технологий 4.0 внешнеторговыми компаниями юрисдикций ЕАЭС и БРИКС // Правовая парадигма. – 2022 –Т. 21 – № 1. – С. 99–109.
11. Ямпольская Д.О., Де Конти Б.М., Морозов С.Н. Проблемы и направления развития электронной коммерции в странах БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29. – No 1. – С. 21–38.
12. Герасимов В.И. Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы / В.И. Герасимов, С.И. Коданева // Управление наукой: теория и практика. – 2023. – Т. 5, – No 1. – С. 204–229.
13. Данные Группы Всемирного Банка – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CN?end=2023&locations=RU&skipRedirection=true&start=2000&view=chart>.
14. Внешняя Торговля России – URL: <https://russian-trade.com>.
15. Данные Группы Всемирного Банка – URL: <https://data.worldbank.org/>.
16. Игнатов А., Зиновьева Е. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС. Российский совет по международным делам. 24.01.2024.
17. BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2015–2018. BRICS. 27 October 2015. – URL: <https://www.brics.unipr.it/wedit/uploads/contenuti/95/work-plan-2015-2018.pdf>.
18. Communiqué of BRICS Ministers of Communications on the Outcomes of the Meeting «Expansion of Cooperation in the Field of Communications and ICTs.» BRICS. Moscow, 23 October 2015. – URL: https://brics2021.gov.in/BRICSDocuments/2015/Communique_BRICS_ICT_ministers_eng.pdf.
19. Declaration of the 4th BRICS Communication Ministers Meeting. KwaZulu-Natal. BRICS. 15 September 2018. – URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/declaration-4th-brics-communication-ministers-meeting-15-sep-2018>.
20. BRICS Digital Economy Partnership Framework. BRICS. – 2022. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/f27728237d888e78716ed5e2630101be/BRICS%20Digital%20Economy%20Partnership%20Framework.pdf>.
21. Страны БРИКС вышли на новый этап сотрудничества в сфере цифровой экономики. BRICS INFORMATION PORTAL 19.07.2022. – URL: <https://infobrics.org/post/36170/>.
22. Цифровая повестка БРИКС: преодоление цифрового разрыва, кибербезопасность и выработка единых стандартов. BRICS INFORMATION PORTAL. 22.07.2019. – URL: <https://infobrics.org/post/28935/>.
23. Иншакова Е.И., Митрофанова И.В. Развитие цифровой экономики стран БРИКС: состояние и приоритеты // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 2А. С. 332–348.

References

1. BRICS+ Platform: News portal – URL: <https://www.brics-plus.com/post/brics-to-add-argentina-egypt-ethiopia-iran-saudi-arabia-and-uae-as-new-members>.
2. WIPO GII 2023 – <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf>.
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 434-r dated March 14, 2015 «On Signing a Memorandum of Cooperation in the field of Science, Technology and Innovation between the Government of the Federal Republic of Brazil, the Government of the Russian Federation, the Government of the Republic of India, the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of South Africa» – URL: <http://static.government.ru/media/files/YiQZ4L110dE.pdf>.
4. Analytical article of the Russian International Affairs Council: Krasnova Gul'nara Amangel'dinovna «The state and prospects of multilateral scientific cooperation within the framework of BRICS» – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sostoyanie-i-perspektivy-mnogostoronnego-nauchnogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-briks/>.
5. World Bank open data – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2021&skipRedirection=true&start=2017&view=chart>.
6. World Bank open data – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?skipRedirection=true&start=2017>.
7. Ignatov A.A. (2020) Digital Economy in BRICS: prospects for multilateral cooperation // Bulletin of International Organizations. – Vol. 15. – No. 1. – pp. 31–62.
8. World Bank open data – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?end=2022&locations=IN-RU-BR-ZA-AE&skipRedirection=true&start=2007&view=chart>.
9. Sal'nikova O.V., Rozhkova L.V. The use of innovative technologies in agriculture of the BRICS countries // Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. – 2021. – No 1. – C. 115–126.
10. Goncharov I.A., Goncharova M.V. The main directions and principles of the application of 4.0 technologies by foreign trade companies of the EAEU and BRICS jurisdictions // Legal paradigm. – 2022 – vol. 21 – No. 1. – pp. 99–109.
11. Jampol'skaja D.O., De Conti B.M., Morozov S.N. Problems and directions of e-commerce development in the BRICS countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. – 2021. – Vol. 29. – No. 1. pp. 21–38.
12. Gerasimov V.I. Scientific-technological and innovation cooperation country BRICS: trends, perspectives in and out of paradigms / in. And. Gerasimov, S. And. Kodaneva // management science: theory and practice. – 2023. – T. 5. – No 1. – S. 204–229.
13. World Bank open data – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CN?end=2023&locations=RU&skipRedirection=true&start=2000&view=chart>.
14. Russian Foreign Trade Portal Data: – URL: <https://russian-trade.com>.
15. World Bank open data – URL: <https://data.worldbank.org/>.
16. Ignatov A., Zinov'eva E. «Digital sovereignty» is on the agenda of the BRICS association. The Russian Council for International Affairs. 24.01.2024.
17. BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2015–2018. BRICS. 27 October 2015. – URL: <https://www.brics.unipr.it/wedit/uploads/contenuti/95/work-plan-2015-2018.pdf>.
18. Communiqué of BRICS Ministers of Communications on the Outcomes of the Meeting «Expansion of Cooperation in the Field of Communications and ICTs.» BRICS. Moscow, 23 October 2015. – URL: https://brics2021.gov.in/BRICSDocuments/2015/Communique_BRICS_ICT_ministers_eng.pdf.

19. *Declaration of the 4th BRICS Communication Ministers Meeting. KwaZulu-Natal. BRICS. 15 September 2018* – URL: <https://www.gov.za/news/media-statements/declaration-4th-brics-communication-ministers-meeting-15-sep-2018>.

20. *BRICS Digital Economy Partnership Framework. BRICS. 2022.* – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/f27728237d888e78716ed5e2630101be/BRICS%20Digital%20Economy%20Partnership%20Framework.pdf>.

21. *The BRICS countries have entered a new stage of cooperation in the field of digital economy. BRICS INFORMATION PORTAL 19.07.2022.* – URL: <https://infobrics.org/post/36170/>.

22. *The BRICS Digital Agenda: bridging the digital divide, cybersecurity and the development of common standards. BRICS INFORMATION PORTAL. 22.07.2019.* – URL: <https://infobrics.org/post/28935/>.

23. *Inshakova E.I., Mitrofanova I.V. The development of the digital economy of the BRICS countries: status and priorities // Economics: yesterday, today, tomorrow. – 2020. – Volume 10. – No. 2A. – pp. 332–348.*

Контактная информация / Contact information

Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России)

119454, г. Москва, проспект Вернадского д. 76

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

119454, Moscow, Vernadskogo avenue, 76

Максакова Мария Андреевна / Maria A. Maksakova

m.maksakova@inno.mgimo.ru

Ткаченко Софья Сергеевна / Sofia S. Tkachenko

tkachenko_s_s@my.mgimo.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-441-451

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

STRATEGIC PLANNING AS A TOOL FOR ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

ЛЕНЧУК Елена Борисовна

Руководитель научного направления «Экономическая политика», главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук

Elena B. LENCHUK

Head of Department «Economic Policy» Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Doctor of Science, Economics

Аннотация

В статье обосновывается объективная необходимость активизации использования инструментов стратегического планирования в практике государственного управления при формировании новой конкурентной модели развития в условиях внешних ограничений, направленной на обеспечение технологического суверенитета. Особый акцент делается на рассмотрении процесса целеполагания в научно-технологической сфере и его увязки с общими задачами развития реального сектора экономики. В этой связи анализируются программные и нормативно-правовые документы, действующие в сфере научно-технологического развития, выявляются их нестыковки и проблемные (узкие) места, и на этой основе предлагаются меры по совершенствованию процесса стратегического планирования научно-технологического развития и его перевода на системную основу.

Abstract

The article substantiates the objective need to intensify the use of strategic planning tools in the practice of public governance for the creation of a new competitive development model aimed at ensuring technological sovereignty in the conditions of external restrictions. Particular emphasis is placed on considering the process of goal setting in the scientific and technological sphere and its linkage with the general tasks of development of the real sector of the economy. In this regard, program and regulatory documents in force in the field of scientific and technological development

are analyzed, of current program and regulatory documents in the field of scientific and technological development is carried out, their inconsistencies and problematic (bottleneck) areas are identified, and on this basis, measures are proposed to improve the process of strategic planning of scientific and technological development and its transfer to a systematic basis.

Ключевые слова Стратегическое планирование, государственное управление, целеполагание, научно-технологическое развитие, технологический суверенитет.

Keywords Strategic planning, public governance, goal setting, scientific and technological development, technological sovereignty.

Введение

В условиях обостряющейся геополитической обстановки и внешних ограничений важнейшей задачей для российской экономики становится поиск путей выхода на устойчивую траекторию экономического роста. В результате беспрецедентного санкционного давления страна лишилась основных драйверов роста – доступа к международным рынкам, инвестициям, передовым технологиям, которые последнее время поступали в основном из-за рубежа. Серьезные проблемы возникли из-за ухода из России ряда крупных технологических компаний. Найти пути преодоления этих ограничений, выстроить новую конкурентную модель развития, базирующуюся преимущественно на мобилизации собственных сил – это новый вызов для российского государства, общества и бизнеса.

Особую важность приобретает превращение научно-технологического фактора в важнейший драйвер экономического роста. Уместно напомнить, что сегодня в мире разворачивается острая конкурентная борьба на технологическом пространстве, связанная со стремлением завоевать лидерство в освоении ключевых технологий четвертой промышленной революции, в цифровой трансформации. Именно в сферу разработки и освоения таких технологий смещается основная технологическая гонка, в результате которой будут определяться позиции стран на новых формирующихся высокотехнологичных рынках, а для лидеров – возможность получения сверхприбылей [1, 224].

Таким образом, в складывающейся геополитической обстановке стране предстоит одновременно решать две задачи: во-первых, обеспечить преодоление возникших разрывов в производственно-технологических цепочках и заместить импорт технологий в критически важных отраслях экономики, во-вторых, создавать научные заделы для обеспечения конкурентных позиций на новых формирующихся рынках. В этой связи должны быть определены «проблемные зоны отечественной экономики для формирования актуальных задач, которые создают ограничения для российской экономики в текущем периоде и на перспективу» [2].

Объективная необходимость решения этой чрезвычайно сложной задачи требует поиска новых подходов в системе государственного управления. Важнейшими направлениями здесь становятся совершенствование процесса целеполагания, «выведение его на новый качественный уровень, укрепление стратегических, программных и проектных подходов в экономике, выстраивание цепочек полного инновационного цикла на основе собственных разработок» [1, 224]. В этой связи

целесообразно более подробно исследовать существующие недостатки и узкие места в формировании научно-технологической политики в России и сформировать предложения по выстраиванию эффективной системы стратегического планирования научно-технологического развития, обеспечивающей превращение его в драйвер экономического роста.

Обеспечение технологического суверенитета – новый вектор развития

Следует отметить, что российский научно-технологический комплекс оказался неподготовленным не к технологической гонке, не к условиям жестких санкций. В докризисный период страна не смогла перейти на инновационный путь развития, обеспечить экономику собственными разработками, технологиями и оборудованием, попав в высокую технологическую зависимость от стран Запада. Это подтверждается падением доли внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, сокращением научно-технологического потенциала, высоким уровнем импортозависимости в ключевых технологиях. Так, в отдельных высокотехнологичных и технологически емких отраслях промышленности импортозависимость достигла критического уровня. На момент введения санкций импортозависимость составляла в станкостроении – 90%, электронике – 85%, машиностроении для пищевой промышленности – 75%, тяжелом машиностроении – 70%, медицинской промышленности – 70%, ИТ и программное обеспечение – 68%, фармацевтике – 65% [3, 19].

Несмотря на то, что по отдельным научным направлениям страна обладает серьезными заделами, эти результаты довольно слабо используются и трансформируются в разработку собственных технологий и новых видов продукции. По оценкам Института ВЭБ, Россия импортирует из-за рубежа более 60% технологий [4].

Сложившееся технологическое отставание в условиях нарастающих внешних ограничений закономерно формируют риски перехода к «регрессивной» индустриализации – перестройки технологических линий и бизнес-процессов под производство продукции более низкого уровня сложности, что ведет к снижению уровня конкурентоспособности российской экономики и темпов экономического роста

В таких условиях объективно возрастает необходимость формирования новой модели развития, направленной на обеспечение технологического суверенитета. Курс на построение такой модели был обозначен Президентом РФ еще в 2022 г. на ПМЭФ в Санкт-Петербурге еще в 2022 г. Это предполагает проведение в стране структурных преобразований, технологической модернизации с опорой на собственные инновационные решения, мобилизацию научно-технологического потенциала и концентрацию ресурсов на решении этих задач.

Следует отметить, что к настоящему времени среди исследователей не сложилось единого толкования технологического суверенитета. Нет его и в утвержденных нормативно-правовых документах федерального уровня. С нашей точки зрения, технологический суверенитет должен пониматься довольно широко. Прежде всего, речь идет «о способности национальной экономики и научно-технологического комплекса относительно самостоятельно создавать в стране критические и сквозные технологии и производить продукцию на их основе, обеспечивающую устойчивое развитие экономики и достижение стратегических национальных

целей развития» [3, 19]. Технологический вектор становится определяющим для выработки стратегического курса развития страны.

Решение столь масштабной задачи предполагает активное включение государства в регулирование процесса научно-технологического развития, что по сути является общемировой тенденцией. Это подчеркивается в ряде исследований, в частности М.Маццукато отмечает: «без активного участия государства у нас нет шансов на то, чтобы справиться со структурными вызовами XXI века или запустить технологические и организационные изменения, необходимые для долгосрочного устойчивого и справедливого роста» [5]. По ее мнению, именно государство помогает частному бизнесу «сориентироваться в многообразии возможных технологических траекторий, вовремя принять правильные инвестиционные решения» [5]. Ведущая роль государства в определении целей научно-технологического развития отмечается и другими авторами, которые указывают что «именно государство должно определить перспективные направления инновационного развития, обеспечивая фундамент для дальнейшего развития высокотехнологического бизнеса» [6, с. 55].

В мировой практике сегодня довольно отчетливо можно видеть, как, выстраивая четкие целевые ориентиры на достижение самых высоких технологических рубежей, государства формируют собственные стратегии, дорожные карты, программы и проекты развития, реализация которых позволяет сосредоточить ресурсы на актуальных технологических траекториях развития, тем самым повышая общий уровень конкурентоспособности своих экономик.

Анализ документов стратегического планирования в научно-технологической сфере

Действительно, в российской практике за последние 10 лет принят целый пакет программных и нормативно-правовых документов, формирующих основной вектор научно-технологического развития страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу (см. рис. 1). Часть из них разрабатывалась еще до начала СВО и санкционных ограничений со стороны Запада, другая часть – после.

Содержательный анализ этих документов свидетельствует о том, что их разработка велась вне логики системы стратегического планирования, которая определена ФЗ-172 «О стратегическом планировании в РФ» и в «Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ». Не соблюдалась ни временная, ни содержательная преемственность документов. Заявленные стратегические национальные цели и задачи в базовых документах характеризуются разноплановостью, не всегда находят отражение в документах следующего уровня. Такая несогласованность целевых установок действующих документов в сфере научно-технологического развития ведет к многовекторности принимаемых управленческих решений, распылению средств и неэффективному использованию ограниченных ресурсов.

Ситуация несколько улучшилась лишь в последние два года с принятием Концепции технологического развития РФ (далее Концепция) и обновленной Стратегии научно-технологического развития РФ (далее СНТР), цели которых попытались содержательно увязать со стратегической целью научно-технологического развития, установленной в базовом документе – Стратегии национальной безопасности РФ (далее – СНБ). Если в обновленной СНТР стратегическая цель была приведена в соответствие с СНБ, то касательно Концепции можно говорить лишь

Рис. 1.
Перечень нормативно-правовых документов федерального уровня, действующих в сфере научно-технологического развития

Источник:
составлено автором

<i>Постановление Правительства РФ (3.01.2014 г.)</i>	• Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года
<i>Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 377</i>	• Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»
<i>Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 3684-р</i>	• Программа фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 гг.)
Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400	• Стратегия национальной безопасности Российской Федерации
утв. Минобрнауки России, апрель 2023 г.	• Национальный проект «Наука и университеты»
<i>Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р</i>	• Концепция технологического развития на период до 2030 года
<i>Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 года №603</i>	• Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации
<i>Указ Президента РФ от 28.02.2024. № 145</i>	• Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации
Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309	• О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года
О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года	• Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий

о содержательной схожести целей двух документов, тем не менее все они отражают общий курс развития страны, направленный на обеспечение технологического суверенитета (см. рис. 2).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что весной 2024 г. был принят новый Указ Президента РФ № 309 «О национальных целях развития российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.», где в качестве национальной цели в сфере научно-технологического развития было закреплено «технологическое лидерство», а также определены новые целевые ориентиры в сфере научно-технологического развития. В целом «технологическое лидерство» – цель более высокого порядка, чем технологический суверенитет. Для российской практики такая цель довольно декларативна, поскольку технологическое отставание от технологических лидеров во многих отраслях велико и с учетом новых реалий оно вряд ли может быть преодолено к 2036 г. Речь может идти лишь о лидерстве в отдельных направлениях научно-технологического развития. В то же время такое расхождение в целеполагании в системе документов, формирующих общий вектор научно-технологического развития, серьезно усложняет как формулировку актуальных задач и научно-технологических приоритетов, так и выбор соответствующих

Рис. 2. Стратегические цели основных документов стратегического планирования в сфере научно-технологического развития

инструментов и механизмов их реализации, которые в зависимости от общей цели в каждом конкретном случае могут отличаться. Институты, которые необходимы для достижения технологического суверенитета и институты для обеспечения технологического лидерства отличаются между собой. Это примерно сравнимо с различиями в формировании институциональной среды в рамках догоняющего и опережающего развития, что еще раз подчеркивает значимость взаимосвязки целей уже принятых и принимаемых документов.

<p>Стратегия национальной безопасности Российской Федерации <i>(Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400)</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны
<p>Концепция технологического развития на период до 2030 года <i>(Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р)</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Создание технологических условий для социально-экономического развития страны в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации до 2030 года и национальными интересами (в рамках общей цели: (1) обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий; (2) переход к инновационно ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы; (3) технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем)
<p>Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации <i>(Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145)</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение независимости и конкурентоспособности страны за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации
<p>О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года <i>(Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309)</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> • В качестве национальной цели развития Российской Федерации закреплено «Технологическое лидерство»

Источник: Составлено автором по Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (URL: <http://government.ru/docs/all/135405/>); Концепции технологического развития на период до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р, – URL: <http://government.ru/docs/48570/>); Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145, – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/>; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>)

Возвращаясь к СНБ, следует отметить, что не только цели, но и установленные задачи далеко не всегда находят отражение в действующих программно-плановых документах федерального уровня, разрабатываемых в научно-

технологической сфере. Как показал анализ таких документов, из обозначенных 24 основных задач в СНБ РФ, решение которых должно обеспечить достижение стратегической цели обеспечения технологической независимости, около 1/3 не учтены в нормативно-правовых документах следующего уровня. Это касается таких важных задач, как «выработка и реализация на федеральном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях согласованной политики, обеспечивающей переход российской экономики на новую технологическую основу»; «развитие междисциплинарных исследований», «обеспечение передачи знаний между оборонным и гражданским секторами экономики», «доведение уровня расходов Российской Федерации на развитие науки и технологий до уровня расходов на такие цели государств, занимающих лидирующие позиции в этой сфере»¹ и т.п.

Что касается показателя расходов на науку и технологий, то в ряде документов этот показатель включен как целевой, но нигде не предусмотрено его доведение до уровня стран технологических лидеров. В таких условиях, целевая установка на обеспечение технологического суверенитета может остаться лишь декларацией, и тем более становится не достижимым заявленное в новом майском Указе Президента РФ № 309 «технологическое лидерство»². В этой связи вызывает вопрос и установленный в этом Указе целевой ориентир выхода к 2030 г. на уровень 2% ВВП в финансировании НИОКР, который явно не соответствует заявленной амбициозной цели. Уместно напомнить, по этому показателю РФ сейчас находится на 35 месте с показателем 0,9% ВВП, Китай в 2022 г. вышел на цифру 2,5%, США 3,4%, Израиль 5,6%³.

Основные направления совершенствования стратегического планирования в сфере научно-технологического развития

Совершенствование системы целеполагания в научно-технологической сфере предполагает как четкую организацию всего цикла стратегического планирования, так и выстраивание строгой иерархии стратегических и программных документов в научно-технологической сфере, которые могут быть представлены следующим образом (см. рис. 3).

Комментируя основные этапы стратегического планирования, выделяемые в рамках предложенной схемы, следует отметить, что в соответствии с положениями, закрепленными в Основах госполитики в сфере стратегического планирования в РФ, первоначальным этапом всего процесса является прогнозирование, на базе которого должно выстраиваться все целеполагание, в том числе в сфере научно-технологического развития. Вместе с тем, последний Прогноз научно-технологического развития для РФ был разработан в 2014 г. За десятилетие ситуация серьезно изменилась, появились новые перспективные технологии и новые научные направления, в этой связи необходима разработка актуального прогноза. Причем в рамках Прогноза важно не только определить

1 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.02.2021 № 400 – URL: <http://government.ru/docs/all/135405/>.

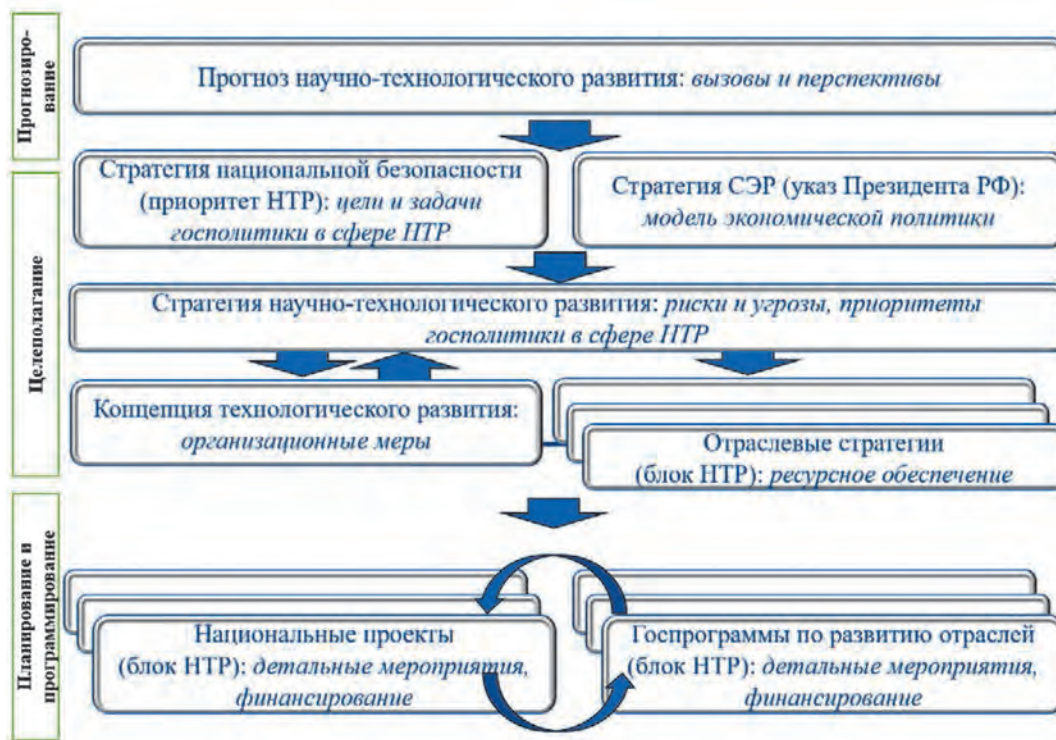
2 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986>.

3 Индикаторы науки 2024: статистический сборник /Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, М.Н. Коцемир и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024, с. 356.

мировые тренды научно-технологического развития, но и оценить состояние собственной технологической базы с точки зрения ее соответствия передовым достижениям основных секторов экономики, оценить заделы и перспективы отечественного научно-технологического комплекса в создании передовых наукоемких технологий. Нельзя не отметить, что в научной литературе сегодня довольно широко обсуждаются подходы к разработке такого вида прогноза [7, 8, 3].

Рис.3. Организационная схема процесса стратегического планирования в сфере научно-технологического развития

Источник:
Составлено автором

На основе такого анализа и прогноза должны быть сформированы предложения о приоритетах в сфере создания перспективных сквозных технологий, разработка которых может осуществляться в формате «Национальной технологической инициативы», а также предложения по набору первоочередных критических технологий, необходимых для развития важнейших секторов национальной экономики, формирующих основу для разработки проектов технологического суверенитета. Тем не менее, как отмечают эксперты, пока «развитие системы приоритетов в России происходит во многом как ответная реакция на разворачивание за рубежом новых научно-технологических направлений» [4].

Существенно снижает эффективность использования инструментов стратегического планирования отсутствие Стратегии социально-экономического развития РФ на долгосрочную перспективу, разработка которой в качестве базового документа предусмотрена ФЗ-172, тем не менее до сих пор не осуществлена. Сегодня ее подменяют Указы Президента РФ о национальных целях развития. Однако важно отметить, что указы определяют только цели, в то время как в рамках Стратегии должно быть сформировано основное видение новой модели развития, под задачи которой будет формироваться научно-технологический

контур – организационный каркас всей научно-технологической деятельности [3]. Согласование целей научно-технологического развития с развитием экономической системы в целом – это путь, который позволит в кратчайшие сроки перестроить экономику на инновационный путь развития и снизить технологическую зависимость.

Практика показывает, что в последнее время Правительство РФ придает особое внимание формированию эффективной научно-технологической политики, направленной на обеспечение технологического суверенитета, что отразилось в принятии целого ряда нормативно-правовых документов, касающихся научно-технологического развития. Наряду с Концепцией технологического развития РФ и обновленной Стратегией научно-технологического развития до 2035 г., был принят целый ряд отраслевых документов долгосрочного планирования, таких как Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности России до 2030 г. и на период до 2035 г.; целый ряд отраслевых стратегий. Логично предположить, что разработка всех этих документов должна осуществляться в едином цикле стратегического планирования и они должны быть взаимоувязаны между собой, однако в реальной действительности каждый документ формировался отдельно.

При формировании направлений совершенствования процесса стратегического планирования в сфере научно-технологического развития нельзя не остановиться на более подробном рассмотрении места и роли в системе стратегического планирования двух недавно принятых документов – Концепции технологического развития РФ и Стратегии научно-технологического развития РФ. Если наличие СНТР закреплено в ФЗ-172, то Концепция, как документ стратегического планирования, нормативно нигде не закреплена.

Существование двух близких по содержанию документов несомненно порождает некий дуализм в разработке научно-технологической политики. Следуя формальной логике, эти два документа должны различаться между собой. В содержательном плане Концепция должна формировать общие подходы и принципы научно-технологической политики, в то время как Стратегия призвана определить стратегические цели, задачи и приоритеты научно-технологического развития, а также пути и механизмы их достижения. В действительности все произошло наоборот. Основное внимание в Стратегии сосредоточено на определении больших вызовов и поисках ответа на них, тогда как Концепция в содержательном плане заточена на определении основных инструментов и механизмов, необходимых для обеспечения технологического суверенитета.

Следует отметить, что ни Концепция, ни Стратегия не определяют четких приоритетов научно-технологического развития, реализация которых позволит сформировать собственные цепочки полного инновационного цикла, обеспечивающих укрепление технологического суверенитета, на которых необходимо сконцентрировать научные, технологические и финансовые ресурсы. Критерии отбора таких технологий еще предстоит уточнить. Кроме того, предложенные в документах меры поддержки научно-технологического развития, «не обеспечивают устранение разрывов между фундаментальной и прикладной наукой и промышленностью» [4]. И в этом направлении также требуются серьезные управленческие решения.

В настоящее время российское правительство продолжает активно работать над формированием нормативной базы технологического прорыва, представив на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект «О технологической политике РФ», разработанный в развитие Концепции технологического развития

России до 2030 г. Принятие данного закона, позволит обеспечить взаимосвязь между промышленной и научно-технической политикой в контексте единой логики, направленной на обеспечение технологического суверенитета. Это означает, что на основании определения приоритетов промышленного развития будут де-факто формироваться заказ для научно-технологического комплекса⁴.

Законопроект предусматривает переход к долгосрочному планированию развития технологий, разработку единого классификатора технологий, который позволит синхронизировать и координировать планы по технологическому развитию в различных отраслях⁵, на основе разработки перечней критических и сквозных технологий. Также законопроект определяет порядок формирования системы управления полным инновационным циклом, через реализацию проектов технологического суверенитета и проектов технологического лидерства.

Не менее важное значение в выстраивании системы стратегического планирования научно-технологического развития имеет разворачивание заявленных в программных документах стратегических целей, задач и приоритетов через систему программ и проектов. В этой связи требуют новой редакции ГП Научно-технологическое развитие, Программа фундаментальных исследований, корректировки развернутой Национальной технологической инициативы, проработки инструментов и механизмов формирования проектов полного инновационного цикла и т.п.[8] Только встраивание всех этих документов в единую систему позволит России ускорить переход к инновационной модели развития, способной развиваться преимущественно на собственной научно-технологической базе.

Библиографический список

1. Ленчук Е. Б. Стратегическое планирование: новые вызовы в контексте внешних ограничений // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2023. – № 4 (61). – С. 224–230. – DOI: 10.31737/22212264_2023_4_224-230.
2. Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – №4, – С. 19. – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.
3. Ленчук Е.Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений. // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 3, – С. 16–23 – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24.
4. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета. Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации и инновационному развитию; Института исследований и экспертизы ВЭБ. (2024), Москва РУДН, 140 с. – URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Ekonomika-nauchno-tehnologicheskogo-proryva.pdf. (дата обращения: 20.04.2024).
5. Маццукато М. Предпринимательское государство: развеим мифы о государстве и частном секторе. – М.: Высшая школа экономики. – 2023. – 360 с. [Mazzucato Mariana (2023) *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. Moscow, HSE. – 2023. – 360 p. (in Russian)].

⁴ URL: <http://kommersant.ru/doc/6236906>

⁵ https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_podderzhalo_zakonoproekt_minekonomrazvitiya_o_tehnologicheskoy_politike.html.

6. Финансирование науки в фокусе целевых индикаторов стратегического планирования. /Черных С.И., Фролова Н.Д., Байбулатова Д.В. и др., – М.: ИПРАН РАН, 2023, 160.
7. Дементьев В.Е. Сотрудничество государства и бизнеса при прогнозировании и планировании структурных сдвигов в экономике // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 3 (204). – С. 18–29. – DOI: 10.47711/0868-6351-204-18-29.
8. Акбердина В.В., Коровин Г.Б., Дзюба Е.И. Механизмы государственного управления в сфере научно-технологического развития. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 4, – С. 111–140.

References

1. Lenchuk E.B. Strategicheskoe planirovanie: novye vyzovy v kontekste vneshnih ogranichenij //Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii. – 2023. – № 4 (61). – S. 224–230. – DOI: 10.31737/22212264_2023_4_224-230.
2. Jurevich M.A. Tehnologicheskij suverenitet Rossii: ponjatie, izmerenie, vozmozhnost' dostizhenija. //Voprosy teoreticheskoy jekonomiki. – 2023. – №4. – S.19 – DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21.
3. Lenchuk E.B. Osnovnye kontury nauchno-tehnologicheskoy politiki Rossii v uslovijah vneshnih ogranichenij. //Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. – 2023. – № 3, – S.16–23 – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24.
4. Jekonomika nauchno-tehnologicheskogo proryva i suvereniteta. Mezhhvedomstvennaja rabochaja gruppа po tehnologicheskomu razvitiju pri Pravitel'stvennoj komissii po modernizacii i innovacionnomu razvitiju; Instituta issledovanij i jekspertizy VJeB. (2024), Moskva RUDN, 140 s. – URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Ekonomika-nauchno-tehnologicheskogo-proryva.pdf (Data obrashhenija 20.04.2024).
5. Maccukato M. Predprinimatel'skoe gosudarstvo: razveem mify o gosudarstve i chastnom sektore. – М.: Vysshaja shkola jekonomiki, 360 s. [Mazzucato Mariana (2023) The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. Moscow, HSE, 2023, 360 p. (in Russian)].
6. Finansirovanie nauki v fokuse celevyh indikatorov strategicheskogo planirovanija. /Chernyh S.I., Frolova N.D., Bajbulatova D.V. i dr., М.:IPRAN RAN. – 2023. –160.
7. Dement'ev V.E. Sotrudnichestvo gosudarstva i biznesа pri prognozirovanii i planirovanii strukturnyh sdvigoв v jekonomike // Problemy prognozirovanija. – 2024. – № 3 (204). – S. 18–29. – DOI: 10.47711/0868-6351-204-18-29.
8. Akberdina V.V., Korovin G.B., Dzubа E.I. Mehanizmy gosudarstvennogo upravlenija v sfere nauchno-tehnologicheskogo razvitija. //Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. – 2020. – № 4, –S. 111–140.

Контактная информация / Contact Information

ФГБУН Институт экономики РАН
117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
117218 Moscow, Nakhimovskiy prospekt, 32
Ленчук Елена Борисовна/Elena B. Lenchuk
Lenalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-452-460

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

STRATEGIC PLANNING AND ECONOMIC CYCLES: SYSTEMS APPROACH

КЛЕЙНЕР Георгий Борисович

Руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), научный руководитель кафедры «Моделирование и системный анализ» Финансового университета при Правительстве РФ, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

George B. KLEINER

Head of the Scientific Department Meso-economics, microeconomics, corporate economics, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Scientific director of the Department of Modeling and systems analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics, State University of Management, Member of the Presidium of VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Целью статьи является разработка базовых положений теории системного стратегического планирования, синтезирующей теорию линейного стратегического планирования и теорию циклического развития социально-экономических систем. Обобщается концепция четырех базовых циклов развития, известных как циклы Кондратьева, Кузнеца, Жюгляра и Китчина. По аналогии с классической механикой изучаются четыре типа движущих сил экономики, проявляющихся в инерционном движении экономических систем, стремлении агентов к кооперации или конкуренции, синхронизации процессов развития. Показывается, каким образом изменение пропорций между объективными, средовыми, процессными и проектными подсистемами влияет на продолжительность указанных циклов. Подчеркивается необходимость

согласования сроков реализации стратегических решений с началом и окончанием базовых циклов развития.

Abstract

The purpose of the article is to develop the basic principles of the theory of systemic strategic planning, synthesizing the theory of linear strategic planning and the theory of cyclical development of socio-economic systems. The concept of four basic development cycles, known as the Kondratiev, Kuznets, Juglar and Kitchin cycles, has been summarized. Similarly with classical mechanics, the four types of driving economic forces have been studied. These forces manifest themselves in the inertial movement of economic systems, the desire of agents for cooperation or competition and the synchronization of development processes. It has been shown how the changing of the proportions between object, environmental, process and design subsystems affects the duration of these cycles. The necessity to coordinate the terms of implementation of strategic decisions with the beginning and end of basic development cycles has been emphasized.

Ключевые слова

Стратегическое планирование; экономические циклы; силы инерции; силы кооперации; силы конкуренции; силы трения; календарное время; стратегическое время; системное время.

Keywords

Strategic planning, economic cycles, inertia forces, forces of cooperation, forces of competition, friction forces, calendar time, strategic timing, systems time.

Проблема широкого внедрения идеологии и методов стратегического планирования экономики остается одним из актуальных направлений совершенствования управления (Ленчук, 2020; Ленчук, 2023; Блохин, Кувалин, 2023). Система национальных проектов, образующих в совокупности ориентиры развития отечественной экономики, в настоящее время не увязана с системой стратегических планов развития подразделений народного хозяйства на макро-, мезо- и микроэкономическом уровнях. Строительство единой проектно-стратегической системы регулирования экономики остается актуальной задачей сегодняшнего дня.

Разработка такой системы должна опираться на исследование возможностей согласования двух подходов к моделированию траектории функционирования управляемого объекта:

а) линейного (поступательного), отмечающего достижения целевых ориентиров в заданные последовательные моменты времени;

б) циклического (кругового, рекуррентного), отражающего повторение определенных характеристик состояния системы через определенные периоды времени.

Комбинация линейного и циклического движения воспроизводит траекторию спирального развития системы.

Цель настоящего исследования сделать шаг к разработке комплексной концепции стратегического развития на основе соединения теории стратегического планирования (Тамбовцев, Рождественская, 2020; Bryson, Edwards, Van Slyke, 2018) и теории экономических циклов (Щербаков, 2021; Гринин, Коротаев, 2012;

Айрапетян, 2020) на платформе системной экономики (Клейнер, 2013). Основная гипотеза исследования состоит в предположении, что на базе системного описания функционирования объекта возникает возможность организовать стратегическое планирование как синтез поступательного линейного развития и кругового циклического движения при учете влияния четырех универсальных базовых циклов (известных как циклы Кондратьева (Дементьев, 2014; Маевский, 2022), Кузнеца (Kuznets, 1930), Жюгляра (Juglar, 1862) и Китчина (Kitchin, 1923)).

Основой планирования является указание маршрута изменений внутреннего состояния и/или внешнего положения планируемого объекта (предприятия, отрасли, региона или иной социально-экономической системы) в привязке к шкале времени. Анализ показывает, что такая шкала неоднозначна. В практике планирования выделяются следующие виды времени:

- календарное;
- стратегическое;
- системное.

Под календарным временем имеется в виду общепринятое астрономическое время, указывающее на год, месяц, день и т.п. начала и конца события (с учетом местоположения географической локации, где происходит событие). Стратегическое время отражает длительность периода от начала реализации стратегии до окончания (корректировки) ее действия. Системное время – векторный показатель, отражающий координаты текущего момента относительно начала и окончания каждого из основных циклов, определяющих состояние системы.

Таким образом, в предлагаемой концепции стратегического планирования (сравни с концепцией многомерного времени Е.З. Зиндера (Зиндер, 2022)) в каждый момент время имеет две скалярные и одну векторную координаты: календарное время, стратегическое время и системное время соответственно. Понятно, что календарное время может быть однозначно идентифицировано любым человеком; для идентификации стратегического времени необходима информация о начальной точке действующего в данный момент стратегического плана; идентификация системного времени требует знания о начале и завершении каждого из основных циклов, определяющих динамику состояния системы. Ниже мы показываем, что таких циклов четыре, и они представляют собой обобщение известных циклов Кондратьева, Кузнеца, Жюгляра и Китчина (см. также (Клейнер, 2023)). Таким образом, данная концепция опирается на диверсификацию (расщепление) времени, без чего содержательное стратегическое планирование оказывается невозможным.

Отметим, что неудачи внедрения стратегического планирования экономических систем (предприятий, регионов, отраслей, страны в целом) связаны, по нашему мнению, именно с рассогласованием стратегического и системного видов времени, а то и пренебрежением ими. Жизнеспособная стратегия должна корреспондироваться с системным временем, его составляющими и факторами.

При формировании стратегии следует соотносить стратегическое время, в том числе даты начала и окончания стратегии (субъективный фактор), с системным временем, в том числе временем протекания системных циклов (объективный фактор). Календарное время носит поступательный характер и является линейным. Системное время носит циклический характер и является поликруговым. Стратегическое время – это синтез поступательного (линейного) и циклического (кругового) времени. С помощью стратегического времени в стратегии находит отражение

синтез субъективного фактора, отражающего деятельность разработчиков стратегии, и объективного фактора, отражающего особенности состояния и динамики объекта стратегирования.

Следует отметить, что понимание стратегии различными участниками многоуровневого и многосубъектного стратегического процесса в настоящее время далеко не однозначно. Для устранения неопределенности приведем модельное определение стратегии предприятия, используемое в настоящей работе. Под стратегией предприятия понимается документ (совокупность документов), отражающий синтез взаимоувязанных плановых решений по основным направлениям деятельности и развития предприятия, имеющих долгосрочные и труднообратимые последствия.

Основы стратегического планирования были созданы в середине прошлого века в трудах классиков менеджмента применительно к условиям и проблемам экономики США, Великобритании и других западных стран. С тех пор изменились экономическая среда, технологии, состав экономических агентов, мировоззрение людей, идеология стран, цели общества и др. Распространились информационно-компьютерные технологии, интеллектуальные компьютерные системы, ускорилась цифровая трансформация экономики, появились системы искусственного интеллекта. Изменились роли и соотношения социума, экономики, государства и бизнеса. Радикально изменились парадигмы экономической теории. В настоящее время основы стратегического планирования и вытекающие из них методики нуждаются в радикальном переосмыслении.

Одним из основных направлений такого переосмысления является разработка модели синтеза концепции стратегического планирования и концепции экономических циклов. Под экономическим циклом понимается последовательность из нескольких различных экономических явлений (фаз) ограниченной длительности, закономерно повторяющаяся после окончания последнего явления неограниченное число раз. Теория экономических циклов описывает факторы и условия начала и окончания цикла, а также влияние цикла на социально-экономическое развитие.

Ниже мы приводим концептуальную модель генезиса экономических циклов, основанную на понятии экономической силы. Такой «силовой» подход к описанию экономических процессов может быть охарактеризован как *теория экономической механики*. Мы исходим из того, что повторяемость последовательности изменений характеристик данной экономической системы (государства, региона, отрасли, предприятия и т.п.) является следствием усиления или ослабления действий определенных движущих сил, в общем случае постоянно присутствующих в сфере социально-экономической динамики.

Соответствие между экономическим пространством и пространством классической механики устанавливается следующим образом. В качестве аналога твердых тел в механике в экономике выступают экономические агенты; так же как и твердые тела в механике агенты считаются неизменными на протяжении всего периода моделирования, их имманентные предпочтения не зависят от конфигурации отношений между агентами. Силы инерции представляются в экономическом пространстве как гены эволюционного развития. Аналогом сил притяжения между двумя агентами является заинтересованность агентов в совместной работе. Силы трения находят в экономическом пространстве выражение в виде

когерентности, то есть зависимости поведения данного объекта от действий другого объекта. Отношения конкуренции между агентами при стремлении к достижению взаимоисключающего результата аналогичны механическим силам отталкивания.

Следующим шагом в исследовании генезиса социально-экономических циклов является определение источников указанных движущих сил в экономическом пространстве. Согласно системной экономической теории, в экономическом пространстве выделяются четыре базовых типа систем в зависимости от наличия/отсутствия имманентных границ размещения системы в пространстве и во времени: системы объектного типа, или кратко – объекты; системы средового типа, или среды; системы процессного типа, или процессы; системы проектного типа, или проекты. К числу объектов относятся системы, имеющие более или менее устойчивые границы в пространстве и не имеющие таких границ во времени; к числу сред – системы, не имеющие имманентных границ ни в пространстве, ни во времени; к числу процессов – системы, не имеющие устойчивых границ в пространстве и имеющие определенные границы во времени; к числу проектов – системы, имеющие определенные имманентные границы в пространстве и во времени. Если ограничиваться уровнем предприятия, то к числу объектов можно отнести организационные подразделения; к числу сред – внутреннюю инфраструктуру предприятия и ее составляющие; к числу процессов – логистические подсистемы перемещения товарно-материальных и информационных ценностей внутри предприятия; к числу проектов – мероприятия, локализованные в пространстве и сосредоточенные в ограниченном промежутке времени.

Можно показать, что неограниченные во времени системы типа объектов и сред поддерживают инерционные движущие силы. Источниками сил трения являются проектные и процессные системы; сил притяжения – процессные и средовые системы; сил отталкивания – объектные и проектные системы.

Мы видим, что источниками движущих сил в социально-экономическом пространстве служат экономические системы, то есть относительно устойчивые комбинации разнообразных экономических агентов, образующиеся с целью поддержания функционирования агентов во времени и в пространстве. Отсюда следует, что развитие определенного класса систем приводит к наращиванию потенциала тех или иных сил. Так, в экономике России доминирование сил инерции в обществе характерно для т.н. эпохи (периода) застоя; сил трения – эпохи перемен; сил притяжения – эпохи глобализации; сил отталкивания – эпохи домостроительства.

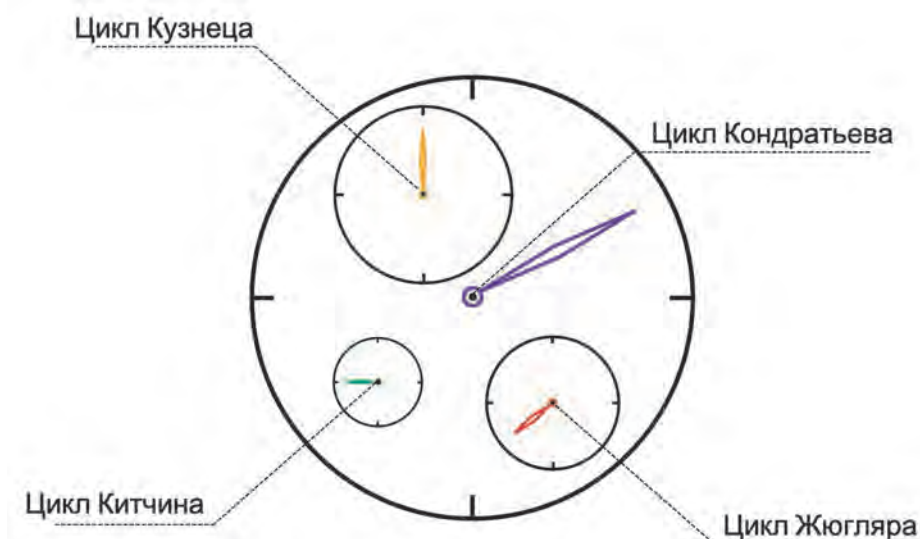
В общем случае именно доминирование тех или иных сил в социально-экономическом пространстве приводит к образованию циклов экономического развития. Так, доминирование сил инерции обуславливает появление цикла, продолжающего начавшуюся тенденцию до момента ослабления или прекращения действия этих сил. Такое ослабление связано с социальным фактором разочарования в продолжающейся тенденции, фактически наступлением кризиса ценностей. В литературе по экономическим кризисам подобный цикл характеризуется как цикл Кондратьева. Длительность данного цикла (обычно 45–60 лет) допускает управление циклом с помощью регулирования мощности (объема) средовых и объектных подсистем социально-экономической системы. Силы притяжения между агентами порождают стремление к интеграции, ослабляющееся ввиду действия такого социального фактора, как разочарование в кооперации. Такой цикл продолжается 15–25 лет и именуется циклом Кузнеця. Управление данным

циклом осуществляется с помощью регулирования мощности (объема) средовых и процессных подсистем социально-экономической системы. Силы отталкивания в пространстве экономических агентов порождают стремление к автономизации, которая, в свою очередь завершается разочарованием агентов в эффективности автономного функционирования. Длительность такого цикла, именуемого циклом Жюгляра, составляет 7–11 лет и зависит от динамики количества объектных и проектных подсистем социально-экономической системы. Наконец, силы трения способствуют синхронизации производственных и инвестиционных процессов. Окончание цикла связывается с рассогласованием этих процессов ввиду консервативности процесса строительства и освоения новых мощностей. Такой цикл (3–4 года) известен как цикл Китчина. Управление длительностью цикла возможно на базе регулирования мощности (объема) проектных и процессных подсистем социально-экономической системы.

Описание экономических особенностей данных циклов и соответствующих им кризисов приводится, например, в Гринин, Коротаяев, 2012.

Характеризация системного времени в рамках изложенной конструкции требует фиксации момента в структуре каждого из четырех указанных циклов. Системное время тем самым описывается как четырехкомпонентный вектор с координатами, которым можно дать наименования: «индекс Кондратьева», «индекс Кузнецца», «индекс Жюгляра», «индекс Китчина». В структуре этих индексов может отображаться фаза соответствующего экономического цикла, к которой относится данный момент времени. Для визуального отображения системного времени предлагается использовать изображение часов с четырьмя циферблатами, соответствующими перечисленным циклам (пример см. рис. 1).

Рис. 1.
Системные часы

Стрелки на четырех циферблатах системных часов указывают на время, прошедшее с начала каждого из четырех циклов развития системы.

При разработке стратегии привязка тех или иных решений к определенному моменту времени должна осуществляться с учетом информации о начале и завершении каждого из четырех циклов, которые проходит система в окрестности

данного момента. Реакция системы на те или иные планируемые стратегические решения зависит от того, в каком состоянии будет в данный момент находиться система: в восходящей части цикла; в стационарной фазе; в нисходящей фазе; в фазе постциклического кризиса. Так, проведение глубоких структурно-функциональных преобразований не следует планировать на начальную и срединную фазы цикла; наилучшее время для их проведения – завершающая фаза цикла или период постциклического кризиса (Клейнер, 2015).

Сформулированные выше положения относительно диверсификации и структуризации системного времени, природы системных циклов и принципов их учета в стратегическом планировании деятельности системы вносят новые черты в концепцию стратегирования социально-экономических систем. Эти положения должны получить в ходе дальнейших исследований эмпирические и методические подтверждения, а также лечь в основу новой методологии разработки стратегии как агрегатора экономических, социальных и индивидуальных факторов движения социально-экономических систем.

Суммируем изложенное в виде кратких выводов.

1. Одна из основных задач стратегического планирования – согласование стратегического времени, в том числе даты начала и окончания стратегии (субъективный фактор), и системного времени, в том числе времени протекания системных циклов (объективный фактор) («сверка стратегических часов»).
2. Системное время представляется четырехкоординатным вектором, отражающим положение системы в координатах аналогов циклов Кондратьева, Кузнецца, Жюгляра и Китчина.
3. Разработка модели системных часов для подлежащего стратегированию объекта должна предшествовать разработке стратегии объекта управления и лечь в ее основу.
4. Социальные факторы генезиса циклов: окончание действия внутрисистемных циклов связывается с кризисом разочарования («цикл Кондратьева»), кризисом утраты надежд на кооперацию («цикл Кузнецца»), кризисом утраты надежд на автономизацию («цикл Жюгляра»), кризисом утраты ориентиров («цикл Китчина»).

Библиографический список

1. Айрапетян М.С. *Мировые цивилизации и экономические циклы (сравнительно-исторический анализ)*. Ч. 1. *Концепции и детерминанты мировой истории*. – М.: URSS, 2020. – 408 с.
2. Блохин А.А., Кувалин Д.Б. *Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России // Проблемы прогнозирования*. – 2023. – № 3 (198). – С. 24–41. – DOI: 10.47711/0868-6351-198-24-41.
3. Гринин Л.Е. Коротаев А.В. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек / Отв. ред. С.Ю. Малков*. – М.: Издательство ЛКИ, 2012. – 480 с.
4. Дементьев В.Е. *Циклы Кондратьева и постиндустриальная экономика // Экономическая наука современной России*. – 2014. – № 4 (67). – С. 7–19.
5. Зиндер Е.З. *Многомерное время и проблемы цифровых трансформаций*. СПб.: Политех-Пресс, 2022. – 76 с.

6. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 6. – С. 4–28. – DOI: 10.32609/0042-8736-2013-6-4-28.
7. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории (Часть 1) // *Вопросы экономики*. – 2015. – № 12. – С. 107–123. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123.
8. Клейнер Г.Б. Экономические циклы во времени и в пространстве: возможности синтеза // *Научные труды ВЭО России*. – 2023. – Т. 240. – С. 138–168. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-138-168.
9. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения // *Инновации*. – 2020. – № 2 (256). – С. 24–28. – DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.003.
10. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. – 2023. – № 4. – С. 7–24. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_7_24.
11. Маевский В.И. Волны Кондратьева и макроэкономика // *AlterEconomics*. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 166–184. – DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.10.
12. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Теория стратегического планирования: институциональный подход // *Terra Economicus*. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 22–48. – DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48.
13. Щербаков Г.А. Экономические кризисы: теория, история, факты: монография / под научной редакцией Г.Б. Клейнера. – М.: ИД «Научная библиотека», 2021. – 695 с.
14. Bryson J.M., Edwards L.H., Van Slyke D.M. Getting strategic about strategic planning research // *Public Management Review*. – 2018. – Vol. 20. – No. 3. – pp. 317–339.
15. Juglar C. Des crises commerciales: et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis / par Clement Juglar; ouvrage couronne par l'Institut (Academie des Sciences morales et politiques). Guillaumin et C-ie, Libraires-Editeurs, 1862. – 258 p.
16. Kitchin J. Cycles and Trends in Economic Factors // *Review of Economics and Statistics*. – 1923. – Vol. 5. – No. 1. – pp. 10–16.
17. Kuznets S. *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations*. Boston: Houghton Mifflin, 1930.

References

1. Hayrapetyan M.S. *Mirovyye tsivilizatsii i ekonomicheskkiye tsikly (sravnitel'no-istoricheskiy analiz)*. CH. 1. *Kontseptsii i determinanty mirovoy istorii*. – М.: URSS, 2020. – 408 p.
2. Blokhin A.A., Kuvalin D.B. Global'nye vyzovy dlya sistemy strategicheskogo planirovaniya v Rossii // *Problemy prognozirovaniya*. – 2023. – №3 (198). – pp. 24–41. – DOI: 10.47711/0868-6351-198-24-41.
3. Grinin L.E. Korotaev A.V. *Tsikly, krizisy, lovushki sovremennoy Mir-Sistemy. Issledovanie kondrat'evskikh, zhyuglyarovskikh i vekovykh tsiklov, global'nykh krizisov, mal'tuzianskikh i postmal'tuzianskikh lovushek* / Otv. red. S.Yu. Malkov. – М.: Izdatel'stvo LKI, 2012. 480 p.
4. Dementiev V.E. *Tsikly Kondrat'yeva i postindustrial'naya ekonomika* // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. – 2014. – No. 4 (67). – Pp. 7–19.
5. Zinder E.Z. *Mnogomernoe vremya i problemy tsifrovyykh transformatsiy*. SPb.: Politekh-Press, 2022. 76 p.
6. Kleyner G.B. *Sistemnaya ekonomika kak platforma razvitiya sovremennoy ekonomicheskoy teorii* // *Voprosy ekonomiki*. – 2013. – № 6. – Pp. 4–28. – DOI: 10.32609/0042-8736-2013-6-4-28.
7. Kleiner G.B. *Ustoychivost' rossiyskoy ekonomiki v zerkale sistemnoy ekonomicheskoy teorii (Chast' 1)* // *Voprosy ekonomiki*. – 2015. – No. 12. – P. 107–123. – DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-107-123.
8. Kleyner G.B. *Ekonomicheskkiye tsikly vo vremeni i v prostranstve: vozmozhnosti sinteza* // *Nauchnye trudy VEO Rossii*. – 2023. – Vol. 240. – pp. 138–168. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-240-2-138-168

9. Lenchuk E.B. *Strategicheskoe planirovanie v Rossii: problemy i puti resheniya // Innovatsii.* – 2020. – № 2 (256). – pp. 24–28. – DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.003.
10. Lenchuk E.B., Filatov V.I. *Strategicheskoe planirovanie kak instrument snizheniya neopredelennosti v usloviyakh global'noy ekonomicheskoy transformatsii // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk.* – 2023. – № 4. – pp. 7–24. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_7_24.
11. Maevskiy V.I. *Volny Kondrat'eva i makroekonomika // AlterEconomics.* – 2022. – Vol. 19. – № 1. – pp. 166–184. – DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.10.
12. Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. *Teoriya strategicheskogo planirovaniya: institutsional'nyy podkhod // Terra Economicus.* – 2020. – Vol. 8. – № 2. – pp. 22–48. – DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-22-48.
13. Shcherbakov G.A. *Ekonomicheskie krizisy: teoriya, istoriya, fakty: monografiya / pod nauchnoy redaktsiei G. B. Kleynera.* – М.: ID «Nauchnaya biblioteka, 2021. – 695 p.
14. Bryson J.M., Edwards L.H., Van Slyke D.M. *Getting strategic about strategic planning research. Public Management Review.* – 2018. – Vol. 20. – No. 3. – pp. 317–339.
15. Juglar C. *Des crises commerciales: et de leur retour periodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis / par Clement Juglar; ouvrage couronne par l'Institut (Academie des Sciences morales et politiques). Guillaumin et C-ie, Libraires-Editeurs, 1862. – 258 p.*
16. Kitchin J. *Cycles and Trends in Economic Factors. Review of Economics and Statistics.* – 1923. – Vol. 5. – No. 1. pp. 10–16.
17. Kuznets S. *Secular Movements in Production and Prices. Their Nature and their Bearing upon Cyclical Fluctuations. Boston: Houghton Mifflin, 1930.*

Контактная информация / Contact information

ЦЭМИ РАН,
Россия г. Москва, Нахимовский проспект, 47
CEMI RAS,
47 Nakhimovsky Avenue, Moscow, Russia
Клейнер Георгий Борисович / George B. Kleiner
george.kleiner@inbox.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-461-470

МУДРОСТЬ ИСТОРИИ И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ (К 220-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ МГУ)

THE WISDOM OF HISTORY AND THE CHALLENGES OF THE TIME (FOR THE 220TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF POLITICAL ECONOMY OF MSU)

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович

Научный руководитель кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Anatoly A. POROKHOVSKY

Scientific Head of the Political Economy Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Аннотация

В наше время мир переживает сложный период формирования нового мирового экономического порядка, когда Россия встала на путь формирования и обеспечения своего национального экономического суверенитета. В этой связи по особому звучит история кафедры политической экономики Московского университета, которая с начала XIX века на всех этапах российского государства и общества стремилась системно обобщать и предлагать решения социальных и экономических проблем. В этом заслуга как политической экономики — базовой системной экономической теории, так и преданных ей преподавателей кафедры. Тем более что бурный XXI век стремительно внедряет цифровые и квантовые технологии, искусственный интеллект, модифицирует роль человека в экономике и рыночной цивилизации, озабоченной защитой и сохранением природной среды.

Abstract

Nowadays, the world is going through a complicated period of formation of a new world economic order, when Russia embarked on the path of formation and ensuring

its national economic sovereignty. In this regard, the history of the Department of Political Economy of Moscow University sounds in a special way, which since the beginning of the XIX century, at all stages of the Russian state and society, has sought to systematically generalize and propose solutions to social and economic problems. This is the merit of both political economy – the basic systemic economic theory, and the dedicated professors of the department to its. Moreover, the turbulent XXI century is rapidly implementing digital and quantum technologies, artificial intelligence, and modifying the role of man in the economy and market civilization concerned with the protection and preservation of the natural environment.

Ключевые слова Политическая экономия, экономическая теория, экономическое образование, национальный экономический суверенитет, цифровизация.

Keywords Political economy, economic theory, economic education, national economic sovereignty, digitalization.

Введение

В истории России есть немало замечательных дат. Среди них можно выделить образование Московского университета в 1755 г. и создание Вольного экономического общества России в 1765 г., в котором сосредоточилось обсуждение и решение аграрных проблем страны и экономики домохозяйства. Но систематическое российское экономическое образование фактически берет начало с 1804 г. с открытием в университете кафедры политической экономии. С тех пор коллектив кафедры не только разделял судьбу Отечества, но и своей научной, педагогической и просветительской деятельностью способствовал укреплению государства и росту благополучия граждан и общества.

Не случайно поэтому на базе кафедры политической экономии в тяжелые годы Великой Отечественной войны 25 декабря 1941 г. был образован в МГУ экономический факультет, который в наше время стал одним из крупнейших факультетов университета, ведущим центром страны по подготовке экономистов и развитию экономической науки. До сих пор кафедра остается одним из источников для образования различных факультетских кафедр, число которых достигло 23. Вызовы времени во всех сферах жизни и отраслях экономики требуют соответствующих решений на каждом уровне – человека, предприятия, общества, государства.

Рамки статьи не позволяют подробно представить богатую историю кафедры политической экономии, но возможно отметить ряд важных обстоятельств, характеризующих как кафедру, так и политическую экономию:

- фундаментальность как базовая черта кафедры политической экономии;
- помнить и ценить прошлое – смотреть в будущее.

Системность политической экономии делает ее незаменимой при комплексном исследовании и решении современных теоретических и практических проблем, а также для реформирования российского экономического образования.

Фундаментальность – базовая черта кафедры политической экономии

Подробный анализ становления и исторических этапов развития кафедры политической экономии в Московском университете содержится в книге, вышедшей к 200-летию юбилею кафедры [1]. Это позволяет нам уделить основное внимание последующему 20-летию, подчеркивая традиции и преемственность, которые в новых условиях обогащались не только фактами, но и глубиной и масштабом исследования явлений национальной и мировой экономики

Нельзя не заметить, что при образовании название кафедры в первом Уставе Московского университета 1804 г. определялось как *кафедра политической экономии и дипломатии*. В начале XIX века Россия закрепляла свои достижения предыдущего столетия, когда укреплялось как национальное хозяйство, так и международное влияние страны. Поэтому возникла потребность определить, как внутренние закономерности развития экономики и общества взаимосвязаны и взаимообусловлены с международными отношениями. Тем более что в Англии уже в 1776 г. вышла фундаментальная работа А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», в которой автор раскрыл законы становления и функционирования мануфактурного капитализма на основе разделения труда и рыночных принципов.

Это не осталось незамеченным в России. Предложенный А. Смитом подход комплексного восприятия национального хозяйства и внешней торговли через систему политической экономии как теории и учебной дисциплины послужил основанием для образования соответствующей кафедры в Московском университете. Примечательно, что кафедра политической экономии появилась в России раньше, чем на родине А. Смита. С тех пор кафедры политической экономии начали открываться в других университетах России, что способствовало распространению экономического знания как среди выпускников вузов, так и среди научной общественности. В рамках Вольного экономического общества расширилась сфера интересов до других отраслей экономики и создания общественного богатства как базы могущества государства. Можно считать, что российское экономическое образование берет начало с 1804 г. и в этом году оно встречает свой 220-й юбилейный год.

Динамика развития кафедры политической экономии отражается многими индикаторами. В обобщенном виде ее можно показать через научные портреты заведующих кафедрой. Как видно из табл. 1, за всю историю кафедры ее возглавляли 16 профессоров. Традиционно для того времени первым заведующим стал иностранец – немецкий ученый Христиан Август Шлецер. Затем отечественные исследователи и преподаватели приняли эстафету руководства кафедрой.

Научная, педагогическая и организационная работа каждого заведующего кафедрой политической экономии подробно освещена мной в книге, выпущенной к 200-летию кафедры [1, с. 9–31]. Хотя каждый заведующий отличался высоким профессионализмом и особым, индивидуальным подходом к развитию и преподаванию политической экономии, все же можно назвать ряд объединяющих их черт.

Во-первых, трактовка политической экономии, ее предмета и метода, как теории, системно отражающей законы развития и функционирования народного хозяйства во взаимодействии с другими национальными экономиками [8].

Таблица 1. Заведующие кафедрой политической экономии

	Ф. И. О.	Время руководства кафедрой	Годы жизни
1.	Шлецер Христиан Август	1804–1825	1774–1831
2.	Цветаев Лев Алексеевич	1825–1829	1777–1835
3.	Васильев Николай Семенович	1829–1835	1800–1845
4.	Чивилев Александр Иванович	1835–1850	1808–1867
5.	Вернадский Иван Васильевич	1850–1856	1821–1884
6.	Бабст Иван Кондратьевич	1857–1874	1824–1881
7.	Чупров Александр Иванович	1874–1899	1842–1908
8.	Мануйлов Александр Аполлонович	1899–1911	1861–1929
9.	Каблуков Николай Алексеевич	1911–1919	1849–1919
10.	Удальцов Иван Дмитриевич	1934–1941	1885–1958
11.	Выгодский Соломон Львович	1941–1943	1899–1979
12.	Островитянов Константин Васильевич	1943–1948	1892–1969
13.	Пашков Анатолий Игнатьевич	1948–1957	1900–1988
14.	Цаголов Николай Александрович	1957–1985	1904–1985
15.	Радаев Валерий Викторович	1987–1997	1932–2013
16.	Пороховский Анатолий Александрович	1997–2022	р. 1943

Источник: [1, с. 31]

Во-вторых, четкость категориального аппарата, обеспечивающего преемственность и взаимопонимание различных групп и поколений политэкономов и развивающегося вместе с динамикой экономических процессов.

В-третьих, ориентация в российской экономике на гармонизацию частных и национальных интересов, а также обоснование приоритетности последних в отношениях с другими странами [4].

В-четвертых, подготовка, обновление и распространение учебников и других учебных материалов, а также монографических исследований по актуальным вопросам политической экономии и реальным проблемам экономического развития [6].

В-пятых, активная позиция по совершенствованию экономического образования и просветительская работа по распространению экономических знаний среди населения.

В-шестых, содействие развитию других экономических наук, необходимых для эффективного функционирования как существующих, так и новых отраслей и механизмов национальной экономики в ходе цивилизационного процесса [7].

В-седьмых, кооперация с другими экономическими теориями, школами и программами в рамках общей экономической теории для выработки практических рекомендаций для граждан, бизнеса и государства с учетом развития зарубежной экономической науки и мировой экономики [11].

В-восьмых, учет национальных, исторических, культурных, климатических, географических и технологических факторов при формировании экономической модели России в условиях текущих и перспективных геополитических тенденций.

В разные периоды работы кафедры почти каждый заведующий выпустил оригинальный курс политической экономии. В советское время международную популярность приобрел «Курс политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова, подготовленный большим авторским коллективом работников МГУ, Академии наук и других организаций [5]. Главное достоинство учебника – основанное на методологии «Капитала» К. Маркса системное видение национальной экономики, ее движущих противоречий, раскрытие воспроизводственного подхода ко всем явлениям и уровням экономики. определение ключевой роли человека как создателя и участника новых достижений в социальной и экономической сферах.

Свой взгляд на сохранение и развитие цаголовской научной и педагогической школы при исследовании экономики и роли политической экономии уже в XXI веке выразил соратник Н.А. Цаголова профессор В.Н. Черковец, который подчеркивал в своих многочисленных публикациях важность диалектического метода исследования и изложения как национальной, так и мировой экономики. Он не противопоставлял политическую экономию неоклассической теории и ее другим современным ветвям, показывая значимость каждой из них для различных научных и практических задач современной экономической науки [9].

В сложных условиях доминирования в России неоклассического мейнстрима последователь цаголовской школы профессор кафедры политической экономии Бузгалин А.В. сумел организовать не только многочисленные научные конференции и политико-экономические конгрессы, но и в своих книгах стремился показать жизненность и глубокую научность классической политической экономии. Она также может быть активной частью междисциплинарных исследований, которые особенно актуальны в условиях растущей сложности общественных явлений. Взгляды и подходы А.В. Бузгалина подробно раскрыты в учебнике с введением современных терминов и категорий [2].

Фундаментальность деятельности кафедры политической экономии обеспечивается традиционной опорой учебного процесса на научные исследования преподавателей и сотрудников. При этом монографии кафедры посвящены самым актуальным проблемам экономического развития. Известно, какую громадную роль играет в большинстве стран долговая проблема, которая вовлекла в свою орбиту как рядовых граждан, студенчество, так компании и государство. Кафедра выпустила по этой проблеме книгу, которая получила широкий отклик среди научной общественности и практиков бизнеса. Подробные рецензии на нее опубликовали ведущие экономические журналы России [3]. Системный подход используется кафедрой и в учебниках для студентов

неэкономических специальностей. Особенно актуальным становится подготовка менеджеров в условиях всеобщей цифровизации [10].

Помнить и ценить прошлое – смотреть в будущее

Современное развитие России проходит в сложной обстановке, когда западные страны во главе с США ввели многочисленные экономические и политические санкции.

Открытая российская экономика получила сильнейший удар по многим направлениям.

Оказалось, что наследие самодостаточной советской экономики помогает теперь стране не только выжить, но и заложить хороший фундамент для обеспечения своего экономического суверенитета. Глобализация, опирающаяся на рыночные принципы и цифровизацию, проявила свое реальное лицо. Оно оказалось американским. Глобализация как американизация служила прежде всего мировому лидерству США, которые выстроили мировой экономический порядок под свои национальные интересы. Не случайно поэтому уже с начала XXI века все активнее на Востоке и Западе стал подниматься вопрос о новом мировом экономическом порядке, учитывающем интересы всех стран. Поэтому переход к новому порядку на земном шаре – это не столько инициатива России из-за санкций, сколько объективная потребность. Экономическую картину современного мира можно представить по табл. 2. Как видно, лидерство в мировой экономике по ВВП, посчитанному по ППС юаня, перешло к КНР. Повысила свою долю и Индия. Впечатляющее выглядит место группы БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, КНР, ЮАР). Число стран БРИКС продолжает расти, в 2024 г. их стало 10. При этом немало других стран обратились с просьбой о присоединении к этому объединению. Это означает, что несмотря на жесткое противодействие США современный мир постепенно переходит к многоцентричности, которая требует и новой финансовой системы и новых принципов функционирования мировой торговли. Следует отметить, что новые экономические центры не отказываются от рыночных принципов в национальном и мировом развитии. Они выступают за реальное равноправие стран, против гегемонизма и диктата.

Уровень ВВП страны только условно определяет роль и место России в мировой экономике. На самом деле ее географическое место, минеральные, водные и другие ресурсы, да и размер территории с разнообразными природными зонами и климатом позволяют стране иметь устойчивую основу для обеспечения своего экономического суверенитета. Этому благоприятствует также доступность морской транспортной логистики и развивающаяся инфраструктура национальной экономики. Однако Россия готова поделиться своими ресурсами с другими странами путем свободной взаимовыгодной торговли и другими способами. В любом случае она имеет необходимые объективные условия для формирования национального экономического суверенитета. Этому благоприятствует также членство России в БРИКС.

Политическая экономия, возникшая как теория на базе отдельной национальной экономики, становится все более теорией на глобальном уровне. В первом случае политическую экономию называют в узком смысле, а во втором – в широком смысле. Причем расширение объекта политической экономии обогащает ее и позволяет развивать как систему ее законов и категорий, так и давать политико-экономическую оценку новым явлениям и технологиям, не отказываясь от своей методологической основы. Особенно важным для людей и экономики в последние годы стала цифровизация, которая пронизала все уровни отношений. Значительное

Таблица 2. Доля отдельных стран и их групп в ВВП, в экспорте товаров и услуг и населении мира в 2023 г.*(%)

Страны	Число стран	ВВП	Экспорт	Население
Развитые экономики	41	41,2	61,7	13,9
Основные индустриальные страны:	7	30,0	31,4	9,9
США		15,6	9,9	4,3
Япония		3,7	3,0	1,6
ФРГ		3,2	6,8	1,1
Франция		2,2	3,4	0,8
Италия		1,8	2,5	0,8
Великобритания		2,2	3,5	0,9
Канада		1,4	2,3	0,5
Страны зоны евро	20	11,7	26,1	4,4
Развивающиеся и со становящимся рынком страны:	155	58,8	38,3	86,1
КНР		18,7	11,3	18,0
Индия		7,6	2,5	18,2
Бразилия		2,3	1,3	2,6
Мексика		1,9	2,1	1,7
Россия		2,9	1,5	1,9
ЮАР		0,6	0,4	0,8
БРИКС (5 стран)		32,1	17,0	41,5

Примечан: ВВП и доля отдельных стран подсчитаны по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют.

Составлено автором по: World Economic Outlook (April 2024) – Washington, IMF, 2024, p. 117.

* ВВП мира: по рыночному обменному курсу валют – 104,5 трлн долл., по ППС валют – 175,8 трлн долл. (Ibid. p. 138.) (дата обращения: 15.05.2024).

число функций человек передает искусственному интеллекту, надеясь на улучшение условий для своей деятельности и жизни вообще. Между тем никакая технология не способна отменить интересы людей, компаний, государства, которые как раз и предопределяют их поведение и формирование национальной экономической политики. Природа рынка и капитала сохраняется, но развиваются их новые формы и виды. Цифровизация также модифицирует конкуренцию, но в то же время порождает монополию крупнейших компаний-цифровых гигантов. Поскольку экономическая система отдельной страны и мирового хозяйства усложняется, постольку растет востребованность политической экономии, которая позволяет найти системные решения возникших проблем социального и экономического развития [7].

Политическая экономия отвергает догматизм, который наносит ей вред, поскольку применяет предшествующие оценки для содержательного определения новых, ранее не существовавших явлений. Вместе с тем политическая экономия не разделяет критику ради критики [2], игнорирование сущностных понятий экономических интересов, отношения капитала и труда, собственности, принципов рыночного развития, конкуренции и монополии, экономической роли государства. Можно сказать, что политическая экономия опирается на свой «*алфавит*», который способен сформировать ее выводы об явлениях как XIX, так и XXI веков. При этом рассмотрение прошлых исторических событий с позиций современности нарушает важный принцип историзма, который также относится к политической экономии, приводит к искажению реальных процессов и их теоретического отражения. Политическая экономия – живая теория, она развивается вместе с прогрессом экономики и общества, прочно опираясь на свою предметную область и методологическую основу [9].

Выводы

На всех этапах своего развития кафедра политической экономии стремилась и стремится распространять в научной среде и обществе системное видение экономики и решение ее проблем. Это учитывает интересы всех слоев населения и национальные интересы страны. Сегодня Россия вступила на трудный путь обеспечения своего экономического суверенитета в условиях американской формы глобализации, которая перестала устраивать большинство стран мира. Новый мировой экономический порядок включает и новую Россию, восстановившую свою конкурентную экономику и сотрудничающую со всеми странами, которые уважают интересы друг друга.

На этом пути важнейшая роль принадлежит молодежи, от компетентности и квалификации которой во многом зависит глубина и масштабы начатых преобразований в отечестве. В этой связи экономическое образование выполняет функцию как просвещения всего населения, так и профессиональной подготовки студентов разных профессий. Вопрос сводится не только к тому, чтобы научить каждого умению предпринимательства. Но даже и предпринимателю, и управленцу не лишними будут знания и навыки системного подхода в их деятельности. А такие задачи решает политическая экономия. Выпускник экономического факультета может и должен стать экономистом-системщиком. С таким образованием и кругозором он будет эффективным работником как в бизнесе, так и в государственных, муниципальных и общественных учреждениях.

Библиографический список

1. 200 лет кафедры политической экономии экономического факультета (страницы истории и перспективы развития). Отв. за выпуск Пороховский А.А. – М.: – 2004. – 120 с.: ил.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень. – М.: Ленанд, 2018 – 552 с.
3. Долговая проблема как феномен XXI века: Монография/ под ред. Пороховского А.А.; Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – М.: МАКС Пресс. – 2014 – 288 с.
4. Интернациональное и национальное в экономическом развитии в XXI веке (в свете экономической теории). Коллективная монография. Под. ред. Пороховского А.А., Сорокина А.В. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021 – 374 с.
5. Курс политической экономии. Под ред. Н.А. Цаголова. В 2-х т. 3-е изд. – М.: Экономика, – Т. 1. 1973 – 832 с., Т. 2. 1974 – 672 с.
6. Общая экономическая теория. Вводный курс. В 3-х кн. Учебное пособие. Под ред. Пороховского А.А. – М.; Издательский дом «Кодекс», 2010. – Книга 1. – 316 с., Книга 2 – 140 с.
7. Пороховский А.А. 2014. Цивилизационное значение политической экономии// Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – № 4, – С. 43–55.
8. Пороховский А.А. 2019. Эволюция предмета и метода политической экономии на заре цифровизации//Труды Вольного экономического общества России. – Том 218. – № 4, – С. 353–360.
9. Черковец В.Н. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономии: – М.: РТ-Пресс. – 2014. – 256 с.
10. Экономика для менеджеров; учебник. В 2-х книгах. Книга 1./под ред. А.А. Пороховского, И.М. Тенякова. – М.: Издательство «Книга-Мемуар». – 2019 – 540 с. Книга 2. 2020 – 518 с.
11. Экономическая теория: истоки и перспективы. Рук. авт. кол-ва Пороховский А.А. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. – 2006 – 999 с.

References

1. 200 let kafedry politicheskoy ekonomii ekonomicheskogo fakul'teta (stranicy istorii i perspektivy razvitiya). Otv. za vypusk Porohovskij A.A. – M.: – 2004. – 120 s.: il.
2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Barashkova O.V. Klassicheskaya politicheskaya ekonomiya: sovremennoe marksistskoe napravlenie. Bazovyj uroven'. Prodvintyj uroven'. – M.: Lenand, 2018 – 552 s.
3. Dolgovaya problema kak fenomen XXI veka: Monografiya/ pod red. Porohovskogo A.A.; Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. – M.: MAKS Press. – 2014 – 288 s.
4. Internacional'noe i nacional'noe v ekonomicheskom razvitii v XXI veke (v svete ekonomicheskoy teorii). Kollektivnaya monografiya. Pod. red. Porohovskogo A.A., Sorokina A.V. – M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021 – 374 s.
5. Kurs politicheskoy ekonomii. Pod red. N.A. Cagolova. V 2-h t. 3-e izd.– M.: – Ekonomika. – T.1 1973 – 832 s., T.2 1974 – 672 s.
6. Obshchaya ekonomicheskaya teoriya. Vvodnyj kurs. Vz-h kn. Uchebnoe posobie. Pod red. Porohovskogo A.A. – M.; Izdatel'skij dom «Kodeks», 2010. Kniga 1 – 316 s., Kniga 2 – 140 s.
7. Porohovskij A.A. 2014. Civilizacionnoe znachenie politicheskoy ekonomii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. – №4. – S. 43–55.
8. Porohovskij A.A. 2019. Evolyuciya predmeta i metoda politicheskoy ekonomii na zare cifrovizacii//Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. – T. 218. – №4. – S. 353–360.
9. Cherkovec V.N. Ocherki politicheskoy ekonomii: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. – M.; MAKS Press. – 2014. – 256 s.

10. *Ekonomika dlya menedzherov; uchebnik. V 2-h knigah. Kniga 1./pod red. A.A. Porohovskogo, I.M. Tenyakova.* – М.: Izdatel'stvo «Kniga-Memuar». – 2019. – 540 s. Kniga 2. 2020 – 518 s.470

11. *Ekonomicheskaya teoriya: istoki i perspektivy. Ruk. avt. kol-va Porohovskij A.A.* – М.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU, TEIS. – 2006 – 999 s.

Контактная информация / Contact information

МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1., стр. 46

Lomonosov Moscow State University

1-46, Leninsky gory, 119991, Moscow, Russia

Пороховский Анатолий Александрович / Anatoly A. Porokhovsky

porokhovskyaа@my.msu.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-471-485

РОССИЯ И КИТАЙ: ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА¹

RUSSIA AND CHINA: POTENTIAL FOR COOPERATION IN THE FIELD OF HUMAN DEVELOPMENT TO ENSURE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY²

КОЛГАНОВ Андрей Иванович

Заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Andrey I. KOLGANOV

Head of the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Российского центра научной информации) и Академии общественных наук (Китай) в рамках научного проекта № 21-511-93006.

2 The reported study was funded by The Russian Foundation for Basic Research (The Russian Center for Scientific Information) and Chinese Academy of Social Sciences, project number 21-511-93006.

МАСЛОВ Глеб Андреевич

Научный сотрудник Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук

Gleb A. MASLOV

Researcher at the Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, PhD in Economics

ЯКОВЛЕВА Наталья Геннадьевна

Доцент Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник лаборатории сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития Института экономики РАН, доктор экономических наук, доцент

Natalia G. YAKOVLEVA

Associate Professor at the Center for Modern Marxist Studies of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher at the Center for Institutes of Socio-Economic Development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Associate Professor

Аннотация

Статья посвящена вопросу основных направлений сотрудничества между Россией и Китаем в области развития человеческого потенциала в современных геополитических и технологических реалиях. Отмечается важность продолжения взаимодействия двух стран в парадигмах «один пояс — один путь», сообщества единой судьбы человечества, а также в рамках решения задачи обеспечения технологического суверенитета с широким использованием во многом нерыночных экономико-политических инструментов. В заключении статьи представлены конкретные наиболее перспективные направления российско-китайского сотрудничества.

Abstract

The article is devoted to the issue of the main directions of cooperation between Russia and China in the field of human development in modern geopolitical and technological realities. The importance of continuing cooperation between the two countries in the «one belt, one road» paradigms, the community of the common destiny of mankind, as well as in solving the problem of ensuring technological sovereignty with the widespread use of largely non-market economic and political instruments is noted. In conclusion, the article presents the specific most promising areas of Russian-Chinese cooperation.

Ключевые слова Человеческий потенциал, человеческий капитал, технологический суверенитет, научно-техническая революция, «Один пояс – один путь», сообщество единой судьбы человечества.

Keywords Human potential, human capital, technological sovereignty, scientific and technological revolution, «one belt, one road», the community of the common destiny of mankind.

Введение

В своем докладе «Об эффективном взаимодействии Китая и России в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и стратегии Евразийского экономического союза» на Международном политэкономическом конгрессе им. А.В. Бузгалина, который проходил в рамках Московского академического экономического форума, академик Чэн Эньфу³ отметил, что «китайская экономика движется в направлении совместного развития стран и регионов «Один пояс – один путь», что свидетельствует о стойкой приверженности Китая концепции сообщества единой судьбы человечества. В отличие от неолиберальной политики и модернизации США и Запада, инициатива «Один пояс – один путь» выступает за то, чтобы каждая страна свободно выбирала свой собственный путь развития и стремилась к прагматичному сотрудничеству и общему развитию стран, поддерживая идею о множественности равноправных участников, имеющих право на выбор сотрудничества и совместное использование результатов деятельности, и представляет собой ценностную концепцию открытости, равенства и взаимной выгоды»⁴.

На наш взгляд сотрудничество РФ и КНР должно проходить не только в областях торговли, строительства и инвестиций, но, в первую очередь, в области развития человеческого потенциала. Сотрудничество наших стран в этой сфере – это не только двусторонний процесс, но и пример открытого и равноправного взаимодействия цивилизаций, один из шагов формирования сообщества единой судьбы человечества [1]. Для России в сегодняшней геополитической ситуации особенно важным является разработка концепции сотрудничества РФ и КНР в области развития человеческого потенциала для обеспечения технологического суверенитета.

Образование в России и Китае: глобальные проблемы, национальные решения

Прежде чем в последующем в данной статье представить основные блоки концепции сотрудничества России и Китая в области развития человеческого потенциала, в том числе с акцентом на обеспечении технологической независимости, необходимо дать определение человеческого потенциала и характеристику сферы экономики, в которой он формируется.

В ряде публикаций было проведено подробное теоретическое исследование в разграничении понятия человеческий потенциал и «человеческий капитал» [2, 3]. Здесь лишь отметим, что исследование человека сквозь призму экономической теории, а также его роли в развитии общества проводят чаще всего применяя

³ Чэн Эньфу (Cheng Enfu), директор Исследовательского центра экономического и социального развития при Китайской Академии общественных наук, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE).

⁴ Доклад академика Чэн Эньфу на пленарной сессии «Политическая экономия и экономическая политика: планирование как фактор обеспечения экономического и технологического суверенитета России» VIII Международного политэкономического конгресса имени А.В. Бузгалина: <https://www.youtube.com/watch?v=TbSjD2JCAf0>.

понятие «человеческий капитал». Появление данного понятия и его использование в теории и на практике, во-первых, говорит о признании роли человека как одного из основных факторов современного экономического развития. Но вместе с тем, во-вторых, это показывает сведение многогранного существования человека в обществе к фактору увеличения стоимостного богатства. Поскольку «в условиях современной экономики богатство в большинстве случаев имеет форму капитала, постольку возникает видимость, что человеческий потенциал реализуется всегда как «человеческий капитал» [2, с. 14]. При соотношении понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» последнее выступает как превращенная форма⁵ первого, отражающая лишь соотношение индивидуальных затрат на развитие человеческого потенциала и полученного в результате дополнительного дохода.

На наш взгляд если рассматривать понятие «человеческий потенциал» с позиции решения проблем социально-экономического развития и достижения технологической независимости, то оно не может быть сведено к относительно легко определяемым характеристикам рабочей силы – уровню квалификации, стоимости рабочей силы, продолжительности рабочей недели, численности экономически активного населения и т.д. Одной из основных составляющих человеческого потенциала в современной экономике⁶ выступают творческие (креативные) способности занятых, которые могут быть оценены лишь по косвенным признакам, таким, как число разработанных новых технологий, количество патентных заявок и выданных патентов, число научных публикаций и т.д.

В течение XX века роль и место человека в социальном и экономическом развитии общества существенно изменились, если в начале XX века главной производительной силой была техника, то в конце – технологии, человек и его потенциал, особенно творческий. Основным пространством формирования и развития человека и его потенциала является социальная сфера, которая как самостоятельная сфера как раз-таки и выделилась в экономике XX века, в первую очередь в связи с изменением места и роли человека в социально-экономическом развитии⁷. В социальной сфере с точки зрения формирования человеческого потенциала можно выделить ядро – социо-гуманитарный сектор, который включает образование, здравоохранение, науку, сферу культуры. Важную роль в формировании человека играет, в первую очередь, сфера образования, так как именно в процессе образования человек развивает свои личностные качества, творческие способности, приобретает необходимые профессиональные знания и навыки.

5 «Смысл этой категории диалектической логики состоит в том, что в определенных социальных условиях содержание общественных процессов таково, что оно объективно и неизбежно являет себя на поверхности в виде феноменов (этих самых преврат[щен]ных форм), создающих видимость иного, чем действительное содержание. Примеры таких форм хорошо известны из «Капитала» К. Маркса. Это, прежде всего феномен товарного, денежного фетишизма, создающего видимость того, что товар и деньги есть высшая ценность человеческого сообщества и нечто, определяющее жизнь человека. Весь мир товарных отношений доказывает, что это именно так, хотя на самом деле деньги и товары – это не более, чем одна из специфических исторически ограниченных форм экономического богатства» [4, с. 154].

6 В данной статье мы не будем углубляться в характеристику понятия «современная экономика», лишь упомянем, что существует разные определения, характеризующие современное ее состояние, а именно роль знаний и творческих (креативных) способностей человека: «инновационная экономика», «экономика знаний», «креативная экономика» и др.

7 Более подробно о значении социальной сферы в современной экономике см. [5].

На современном этапе развития общества в труде человека возрастает значение творческих элементов, и возрастает численность занятых, в деятельности которых творческие элементы приобретают существенное значение [6]. Такие работники, обладающие творческими способностями, высоким уровнем образования и квалификации, возрастающими культурными и духовными запросами, нуждаются в социально-ориентированных условиях существования. Для достижения целей социально-экономического и технологического развития общества на современном этапе, образование должно быть для всех и через всю жизнь⁸. Однако, достижению этой цели мешают проблемы и противоречия сферы образования, которые обусловлены ее рыночной ориентацией. Подчеркнем, что и образование, и другие сферы социогуманитарного сектора – здравоохранение, культура, наука – подчиняются в современной экономике рыночным механизмам, основным регулятором этих сфер становится рынок и в них развиваются рыночно-капиталистические отношения. В результате рыночной ориентации происходит трансформация целей организаций образования, здравоохранения, науки и культуры, которая заключается в уходе от социально и экономически ориентированных и переход к рыночно-коммерческим и, более того, капиталистическим. Также это приводит к прогрессирующему неравенству в доступе к определенным общественным благам (в рыночном понимании – услугам).

В связи с рыночной ориентацией системы образования существуют проблемы, которые носят глобальный характер и присущи многим странам, в том числе России и Китаю. В системах образования наших стран стали концентрироваться риски усиления социального и имущественного неравенства, в том числе проблемы неравенства доступа молодых граждан к различным уровням образования [8, 9]. Также можно отметить проблемы высокого уровня бюрократизации государственного управления системами образования России и Китая и региональной неравномерности финансирования образовательных организаций. Их углубление делает невозможным достижение целей формирования национального человеческого потенциала, соответствующего высокому уровню социально-экономического развития наших стран.

Одним из направлений решения перечисленных выше глобальных проблем видится усиление социальной ориентации сферы образования и других сфер социо-гуманитарного сектора. Первыми шагами в этом направлении могут быть следующие: формирование образования, здравоохранения, культуры как общедоступных сфер, в которые человек включен на протяжении всей жизни не зависимо от его социально-экономического положения (в частности, дохода), что предполагает доминирование бесплатной формы потребления соответствующих благ, осуществляемое при поддержке государства; развитие эгалитарной системы отношений, предполагающей поддержку обществом социальных групп с низкими доходами и другими ограничениями доступа к качественным благам социо-гуманитарного сектора, в первую очередь образования и здравоохранения.

В Китае за последние 20 лет государством предпринят ряд мер по решению вышеуказанных проблем в сфере образования [9], в частности: реализация программы поддержки учителей в сельской местности; оказание адресной материальной помощи детям – выходцам из бедных, нуждающихся семей,

8 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» – одна из целей устойчивого развития, выработанных ООН [7].

обучение в средних профессиональных школах для них бесплатное; введение системы финансового обеспечения обучения детей трудовых мигрантов в городских общественных муниципальных школах по принципу «деньги следуют за учеником»; программа помощи испытывающим трудности с трудоустройством выпускникам вузов создавать собственные индивидуальные предприятия, стартапы, поощрение выпускников на работу в школах в сельской местности; унифицированы нормативы финансирования обязательного образования по всей стране, введено гарантированное бюджетное обеспечение сельских школ и др. Для России это пример активного и поступательного решения данных проблем.

Сотрудничество наших стран в направлении развития национального человеческого потенциала может проходить как в развитии программы «Один пояс-один путь», так и в рамках отдельных программ в связи с новыми условиями, вызванными геополитической ситуацией. Для этого от наших стран необходимы взаимное поощрение взаимодействий, в частности в сфере образования. Например, Россия в образовательном диалоге открывает для китайских студентов, аспирантов, стажеров двери ведущих университетов страны [10]: МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, Казанский федеральный университет, Дальневосточный федеральный университет, СПбПУ Петра Великого, РГПУ им. А.И. Герцена, УрФУ им. Б.Н. Ельцина, РУДН. Однако в Китае с 2010-х гг. в сфере высшего образования стали проявляться важные изменения. Так, если «раньше иностранные студенты могли достаточно легко получить гранты и стипендии от китайских стипендиальных фондов для обучения в ведущих университетах мегаполисов КНР, то в настоящее время им предлагают выбирать лишь так называемые вузы „второго уровня“. Также приглашая иностранных преподавателей, руководство китайских вузов отдает предпочтение англоязычным преподавателям, в первую очередь языковым носителям-гражданам тех стран, где английский является государственным языком... [11, с. 87]». Последние два аспекта являются барьерами для углубления сотрудничества России и Китая в направлении взаимного поощрения формирования национального человеческого потенциала наших стран.

По данным Минобрнауки России на октябрь 2022 г., в российских высших учебных заведениях обучался 37 081 студент из Китая. Лидерами по количеству китайских студентов в мире являются США – 290 086, Австралия – 152 715, Великобритания – 150 720. По данным посольства России в КНР, в 2020/21 учебном году в китайских вузах насчитывалось 14 000 российских студентов и аспирантов» [10]. В сложившихся геополитических условиях нашим странам необходимо активно поощрять обмен студентами, в том числе за счет государственных грантов, в частности по специальностям, которые являются приоритетными для обеспечения технологической независимости.

Россией и Китаем накоплен большой опыт практики культурного обмена и научного сотрудничества в период 1949–1960 гг., когда были разработаны и реализованы новые формы сотрудничества не только в экономике, но и в самых разнообразных областях культуры – в сфере театрального и изобразительного искусства, кинематографа, архитектуры, а также в области науки и образования [12]. В этот период между нашими странами установились прочные дружественные связи и взаимовыгодное сотрудничество в научной, образовательной и культурных сферах. Это дает хорошие основания для продолжения сотрудничества в этих областях в настоящее время и в будущем.

Научно-техническое сотрудничество России и Китая: теоретические основания и практические рекомендации

В условиях обострения глобальной конкуренции на мировых рынках, усиления геополитической напряженности, экономическое сотрудничество между Россией и Китаем должно концентрироваться в первую очередь вокруг сфер высокотехнологичных производств. Именно данные отрасли с высокой добавленной стоимостью помимо того, что являются основой роста производительности труда во всей экономике, выступают также фундаментом обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета. Важно при этом выделить специфику современного технико-экономического этапа общественного развития.

Современные технологические трансформации, которые относят к четвертой промышленной революции, шестому технологическому укладу, по своему наполнению близки к научно-технической революции, описываемой еще во второй половине XX в. [13, 14]. Одной из ее ключевых характеристик выступает сращивание сфер науки, производства и образования. Наука становится непосредственной производительной силой, что означает тесное приближение, а порой и переплетение исследовательской и производственной деятельности. Образование, в свою очередь, являясь сферой, подпитывающей науку, также тесно сращивается с системой производства. В конечном счете развитие одного из элементов (производство, наука, образование) в настоящее время невозможно без развития остальных [15, 16, 17].

Следующей ключевой особенностью стоит выделить сферы приложения новых технологий. В отличие от предыдущих промышленных революций (если следовать концепции существования четырех промышленных революций) сам характер технологий в относительно большей степени «направлен» на решение задач, относящихся к более широким критериям качества жизни нежели исключительно на рост производительности. Так, особую роль играют биотехнологии, медицина, где экономические последствия в данном случае второстепенны. Более качественные и дешевые материалы по своему предназначению в большей степени, чем раньше, направлены не только на конечный рост производительности, но и на сохранение окружающей среды в условиях обострения экологических проблем. Характер новых технологий также позволяет высвободить трудовые ресурсы за счет не просто роста производительности, но и замены отдельных операций в различных профессиях. Это создает предпосылки для появления большего свободного времени, которое можно использовать для творческой самореализации, перехода к общественной системе, когда, по Марксу, труд (творческий) становится потребностью [18].

Кроме того, особый характер научно-технической революции состоит в переплетении различных областей научного знания. Растет значимость междисциплинарных исследований, что, в том числе, отражено в понятии *NBICS-конвергенции*. Это также находит свое отражение в производстве. К примеру, развитие космической отрасли, получающей в наше время новый виток, как и во второй половине XX века, невозможно без исследовательской интеграции в рамках многих научных областей. В свою очередь, это означает необходимость подготовки кадров, способных решать широкий круг задач с большой творческой компонентой, что противоречит ориентации на узкую специализацию. Тем самым социально-экономическое развитие даже в рамках какой-то одной сферы (границы которых становятся все более размытыми) предполагает необходимость комплексного

системного подхода с использованием исследовательских и производственных результатов в других сферах.

Подобное переплетение в то же время не отменяет дискуссий о первенстве, направляющем характере определенной дисциплины в общем процессе научно-технического развития. Среди разных позиций стоит выделить акцент на ведущей роли автоматизации, пронизывающей, по сути, все сферы науки и производства [15, 16]. В результате последние развиваются не просто параллельно с автоматизацией, но во многом посредством нее. С таким подходом следует согласиться. Так, математизация, являющаяся основой компьютерного моделирования, распространилась во все научные дисциплины, в том числе и в те, где ранее количественные методы использовались в минимальной степени. В современной рыночной системе самые различные действия экономических агентов, от оптимизации производственного процесса до прогнозирования и формирования спроса, сопровождаются активным использованием искусственного интеллекта, больших данных. В целом можно сказать, что современное общество живет в эпоху «цифры».

В нынешний трансформационный период особенно важным становится анализ соотношения теории и практики, поскольку многие казавшиеся стабильными основы воспроизводства общественных отношений в новых условиях могут перестать быть таковыми. Выработывая конкретные меры социально-экономической политики, важно принимать во внимание теоретическое описание логики динамичного исторического процесса. За ростом роли человека в системе производства естественным образом стоит значимость социальной сферы, воспроизводящейся по внерыночным законам (что, в частности, находит свое отражение в основной роли государства в данной области). Тем самым возникает противоречивая ситуация, при которой расширенное воспроизводство в рамках рынка ключевым образом обусловливается внедрением внерыночных начал, направленных на развитие человеческого потенциала.

В рамках теории нового индустриального общества второго поколения и ноономики С.Д. Бодрунова этот процесс описывается через призму подрыва старой индустриальной системы, основанной на конвейерном производстве со сравнительно низким уровнем автоматизации [19, 20]. В настоящий момент производство становится все более знаниеемким, что делает человеческий потенциал основополагающим фактором производства. Впоследствии рост производительности, позволив удовлетворить базовые потребности, создаст основы для «разумного», «ноо»-производства, где отношения уже перестанут быть экономическими как таковыми в современном их понимании.

В постсоветской школе критического марксизма используется понятие социализации капитализма [21, 22]. Его материальной основой выступают, во-первых, подрыв свободного рынка (крупные компании получают возможности самостоятельно навязывать остальному рынку ряд условий) и, во-вторых, новая, ключевая роль науки, образования и культуры в системе производства [23]. Пределы социализации капитализма ограничены, поскольку со временем количественные изменения могут перейти в качественные, где будет подорвана уже сама суть рынка. Вопрос о таких границах, в том числе, подошли ли уже некоторые западные общества вплотную к ним, остается дискуссионным, однако в рамках школы сохраняется императив продолжения приоритетного развития человеческого потенциала вне рыночным инструментарием.

В конечном счете, принимая во внимание объективную логику современного научного и технического развития, международное сотрудничество в экономической сфере в наше время должно по умолчанию подразумевать и тесное взаимодействие в областях науки, образования, культуры, означающее в качестве главной цели развитие человеческого потенциала. При этом особо важными видятся контакты в области машинного обучения, искусственного интеллекта, больших данных. Данное взаимодействие предстоит развивать в условиях фундаментальных трансформаций, существенным образом корректирующих соотношение рыночных и нерыночных сторон воспроизводства общественных отношений. А именно, при решении даже сугубо экономических задач растет значимость использования нерыночного инструментария. В этой связи при принятии экономико-политических решений необходимо учитывать разработки теоретических направлений, рассматривающих различные стороны общественного развития на междисциплинарном уровне и не замыкающихся на узком «рыночноцентричном» подходе. К числу таких крупных направлений в первую очередь можно отнести политическую экономию и традиционный институционализм.

Переходя к конкретным аспектам научно-технического сотрудничества между Россией и Китаем, стоит отметить, что в настоящий момент уже существует ряд масштабных проектов и «дорожных карт» в этом направлении [24]. Важным является их среднесрочный характер до конца текущего десятилетия, однако впоследствии было бы продуктивно интенсифицировать разработку и более долгосрочных программ, учитывая сложность многих фундаментальных задач на современном этапе развития науки. Создаются совместные лаборатории и исследовательские проекты по направлениям искусственного интеллекта, квантовым вычислениям, аэрокосмической промышленности, ядерной энергетики, контроля углеродного баланса и другим.

В то же время следует констатировать меньшую развитость взаимодействия в социальных науках, хотя их значимость, как было отмечено выше, было бы некорректно недооценивать. При этом в качестве примеров такого сотрудничества в области экономики стоит выделить совместную работу Школы экономики Шанхайского университета и Института индустриального развития им. С.Ю. Витте, Всемирной политэкономической ассоциации (где ведущую роль занимают в том числе китайские экономисты) с Институтом индустриального развития им. С.Ю. Витте и с Центром современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Данные институты приоритетным образом исследуют направления развития человеческого потенциала преимущественно с политэкономических позиций. В качестве потенциально перспективных международных проектов стоит также предложить разработку информационной, библиографической базы, включающей научные материалы в различных сферах, поскольку свободный доступ к таким академическим работам и информации является необходимой предпосылкой развития научного знания⁹. Последнее особенно актуально в связи с западными санкциями, ограничивающим доступ к институциональной подписке на зарубежные научные издания для российских исследователей.

Учитывая наличие схожего уровня во многих областях науки и близость интересов России и Китая с точки зрения необходимости перехода на новую, более

⁹ Более подробно данное предложение рассмотрено в [25].

знаниеемкую траекторию социально-экономического развития, сотрудничество между странами имеет прочные объективные предпосылки своего углубления. Данное взаимодействие также лежит в русле китайской концепции «сообщества единой судьбы человечества», отражающей в том числе снятие границ при развитии масштабных проектов в области развития человеческого потенциала. В целом же это согласуется с общей логикой развития научного знания на современном этапе.

Направления сотрудничества РФ и КНР в области развития человеческого потенциала: основные положения к разработке концепции

Отметим, что проекты сотрудничества РФ и КНР в деле развития человеческого потенциала должны быть открыты для участников и из третьих стран. Развитие человеческого потенциала должно основываться не только на образовательных процессах (на чем концентрируется концепция «человеческого капитала»), но и на развитии способностей людей в процессе практического применения их потенциала.

Учитывая изложенное в предыдущих разделах статьи предлагается проект концепции сотрудничества РФ и КНР в области развития человеческого потенциала.

Выделяются следующие цели и стратегические приоритеты сотрудничества.

Целями сотрудничества являются:

1. Развитие человеческого потенциала на основе взаимного обогащения культур РФ и Китая в их материальном, социальном, интеллектуальном и художественном выражении.
2. Формирование модели взаимодействия РФ и КНР в сфере развития и взаимного обогащения человеческого потенциала, как прообраза взаимодействия в сообществе единой судьбы человечества.

Стратегические приоритеты сотрудничества:

1. Укрепление научно-технологической независимости РФ и КНР от недружественных стран на основе сотрудничества в научно-технологической сфере.
2. Продвижение совместных проектов развития современных высокотехнологичных производств, в том числе для целей импортозамещения.
3. Создание условий для повышения качества жизни населения РФ и КНР за счет развития человеческого потенциала в сфере образования, здравоохранения, науки и культуры.
4. Повышение качества и доступности образования.
5. Повышение качества и доступности здравоохранения.
6. Развитие и взаимное обогащение культур РФ и КНР; укрепление традиционных социально-культурных ценностей.

Основные направления сотрудничества:

1. Совместные фундаментальные и прикладные научные исследования, включая общественные и гуманитарные науки; в том числе совместные программы в области образования и научных исследований в сфере информационных технологий.
2. Кооперация в сфере развития новых сфер материального производства, обеспечивающих прогресс импортозамещения на основе совместных научных и образовательных программ.

3. Совместная деятельность по реализации общедоступного образования (в единстве обучения, воспитания и просвещения) для всех социальных групп и возрастов, ориентированного на развитие человеческих качеств.

4. Сотрудничество в сфере здравоохранения, направленное на увеличение продолжительности активной жизни, профилактику заболеваний и повышение качества жизни пожилого поколения.

5. Совместные проекты по поддержке гуманистической культуры, открытой для широкого круга граждан, по расширению и углублению знакомства граждан РФ и КНР с традиционными культурными и идейно-нравственными ценностями.

Принципами взаимодействия в сфере развития человеческого потенциала являются следующие:

1. Стремление к общедоступности базовых благ, обеспечивающих прогресс человеческого потенциала (образования, здравоохранения, культуры).

2. Ориентация вышеуказанных сфер на развитие человеческих качеств, а не на коммерческие результаты, эгалитарный принцип обеспечения доступа к этим благам, демократизм управления организациями и проектами в этой сфере.

3. Сочетание общественной инициативы (институты гражданского общества), действий научно-образовательных организаций и индивидуальных усилий с программным подходом.

4. Использование не только рыночных, но и плановых начал, с целью надежного достижения важнейших целей сотрудничества по развитию человеческого потенциала.

Формы сотрудничества.

В сфере образования:

– совместные образовательные программы, для использования лучших достижений в области образовательных практик на благо обеих стран;

– обмен студентами и преподавателями, с целью предоставить возможность как обучения студентов, так и передачи опыта преподавания по тем направлениям, которые в сотрудничающих странах находятся на наиболее высоком уровне (использование сравнительных преимуществ);

– двойные дипломы, деятельность филиалов российских университетов, в частности, МГУ им. М.В. Ломоносова, в Китае;

– обмен языковыми школьными группами.

В сфере научных исследований и разработок:

– совместное проведение фундаментальных научных исследований;

– обмен научными достижениями (через научные конференции и издание научных работ);

– научные стажировки;

– реализация совместных инновационных проектов в высокотехнологичных областях;

– совместные программы импортозамещения для обеспечения технологической независимости и создания рабочих мест для высококвалифицированного труда.

В сфере культуры:

– обмен кинофильмами и телевизионной продукцией;

– совместные кинематографические и телевизионные проекты;

– организация гастролей театральных и концертных коллективов, отдельных исполнителей;

- организация международных конкурсов в сфере культуры;
- совместные издательские проекты по всему спектру культурных достижений – от науки до поэзии;
- проекты по сохранению и популяризации культурного наследия (археологические экспедиции; реставрационные работы; переиздание классической литературы; научно-популярные видео, аудио и печатные материалы, знакомящие с культурным наследием; совместные музейные и туристические проекты).

В сфере здравоохранения:

- проекты, популяризирующие и способствующие распространению практик здорового образа жизни;
- совместные противоэпидемические мероприятия (разработка вакцин, обмен опытом организации массовой вакцинации и карантинных мер);
- обмен медицинскими технологиями и опытом организации здравоохранения;
- организации медицинского туризма, в том числе для санаторно-курортного лечения.

Предполагаются следующие уровни участия:

- межнациональные, национальные, и региональные государственные институты;
- межнациональные, национальные, региональные и отраслевые организации в сфере науки, образования, культуры и здравоохранения;
- межнациональные, национальные, и региональные общественные объединения.

Заключение

Необходим комплексный подход к совместным проектам развития человеческого потенциала (что важно также и на национальном уровне): соединение научных, образовательных и культурно-просветительских проектов (включая здравоохранение), так, чтобы они органично дополняли друг друга.

Это нельзя обеспечить только путем централизованной выработки решений на государственном уровне. Координирующая роль государственных структур необходима, но она должна опираться на широкую общественную инициативу. Формой мобилизации такой инициативы могут быть различные форумы (конгрессы, симпозиумы), объединяющие работу государственных органов и учреждений (общенациональных, региональных и местных) с инициативой различных научных, образовательных, культурных организаций, общественных объединений и отдельных граждан. На основе таких форумов могут вырабатываться совместные проекты развития человеческого потенциала, инструментами реализации которых выступают созданные в ходе работы форумов рабочие группы и координационные комитеты.

Сотрудничество РФ и КНР в деле развития человеческого потенциала как путь к реализации концепции сообщества единой судьбы человечества требует идеологической поддержки и обеспечения. В тех, кто вовлечен в формирование и реализацию проектов и программ сотрудничества в деле развития человеческого потенциала, должна складываться целевая установка на такие подходы к сотрудничеству в этой области, которые могут быть положены в основу формирования сообщества единой судьбы человечества. Решение всех конкретных проблем сотрудничества должно рассматриваться под углом зрения этой целевой установки. Поэтому составной частью всех проектов и программ должно быть разъяснение замысла создания сообщества единой судьбы человечества, и соответствия этой концепции

глубинным основам традиционных культурно-нравственных ценностей российской и китайской цивилизаций.

Позитивную роль в углублении сотрудничества РФ и КНР в деле развития человеческого потенциала может сыграть упрощение визового режима и развитие безвизовых поездок, обновление институтов сотрудничества (как национальных, так и двухсторонних) в данной сфере, а также действия государственных органов, институтов гражданского общества и научно-образовательных сообществ наших стран по дальнейшей разработке, популяризации, медийному продвижению программы сотрудничества наших стран.

Библиографический список

1. Чэнь Айжу, Колганов А.И. О философских и культурных истоках и социально-экономическом значении концепции «сообщества единой судьбы человечества» // *Российский экономический журнал*. – 2023. – №3. – С. 38–53.
2. Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал» в зеркале политической экономики (статья 1-я) // *Российский экономический журнал*. – 2023. – № 1. – С. 4–21. – DOI: 10.52210/0130-9757_2023_1_4.
3. Бузгалин А.В., Яковлева Н.Г., Барашкова О.В. Человек, человеческий потенциал, «человеческий капитал»: политэкономическая критика поведенческой экономики (статья 2-я) // *Российский экономический журнал*. – 2023. – № 3. – С. 5–16. – DOI: 10.52210/0130-9757_2023_3_5.
4. Бузгалин А.В. Практика и Истина: диалектика как метод снятия наваждений в мире превращенных форм // *Философия хозяйства*. – 2009. – № 4. – С. 141–162.
5. Яковлева Н.Г., Бузгалин А.В. Социальная сфера в эпоху позднего капитализма: про/регресс человеческого потенциала // *Российский экономический журнал*. – 2024. – № 1. – С. 4–22. – DOI: 10.52210/0130-9757_2024_1_4.
6. Латов Ю.В. Концепции и эмпирика формирования посткапиталистического «креативного класса» (класса профессионалов) // *Вопросы политической экономики*. – 2024. – № 2. – С. 75–89.
7. Сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>.
8. Константиновский Д.Л. Неравенство в российском образовании: XX – начало XXI в. / в кн. *Образование и социальная дифференциация / моногр. / отв. ред. М. Карной, И. Д. Фрумин, Н. Н. Кармаева*. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2018. – 454 с.
9. Машкина О.А., Кузнецова В.В. Развитие системы образования в КНР: проблемы и пути их решения // *Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование*. – 2018. – № 4. – С. 18–36.
10. В российских вузах обучается 37 081 китайский студент // *Ведомости*. 22 марта 2023 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student>.
11. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Роль образования в реализации концепции «Один пояс – один путь». Политика Китая // *Обозреватель*. – 2021. – № 6. – С. 86–98.
12. Калашников П.А. Советско-китайские культурные отношения: 1949–1964 гг.: автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.02 / Калашников Павел Анатольевич; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – М.: –2010. – 27 с.
13. Bernal, J.D. *Science in History*. London: Watts & Co, 1954.
14. Гринин А.Л., Гринин Л.Е. Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций) // *Философия и общество*. – 2015. – № 1–2. – С. 17–47.
15. Волков Г.Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. – М.: Политиздат, 1976.

16. Камаев В.Д. Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. – М.: Мысль, 1972.
17. Марков Н.В. Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. Изд.2-е, доп. – М.: Политиздат, 1973.
18. Маркс К. Критика Готской программы (1875) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. – М.: Изд-во политической литературы, 1961.
19. Бодрунов С.Д. Преодоление вызовов глобальной трансформации: НТП, знания, ноономика // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 4. – С. 8–14.
20. Бодрунов С.Д. Рождение новой эпохи: вызовы для России и мира // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 55–62.
21. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Большой сброс или выброс полуправды: станет ли постпандемический мир более справедливым? // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 161–167.
22. Абдулов Р.Э. Тенденции социализации капитализма в условиях деглобализации мировой экономики // Вопросы политической экономии. – 2024. – № 1. – С. 48–62.
23. Яковлева Н.Г. Образование: роль в формировании человеческого потенциала, технологической и социально-экономической модернизации России // Российский экономический журнал. – 2022. – № 4. – С. 30–47. – DOI: 10.33983/0130-9757-2022-4-30-47.
24. Сайт Министерства науки и высшего образования РФ. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/69523/>.
25. Маслов Г.А. Противоречия информационной экономики как новое пространство для развития человеческого потенциала России и Китая // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1. – С. 98–107.

References

1. Chjen' Ajzhu, Kolganov A.I. O filosofskih i kul'turnyh istokah i social'no-jekonomicheskom znachenii koncepcii «soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva» // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. – 2023. – № 3. – С. 38–53.
2. Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. Chelovek, chelovecheskij potencial, «chelovecheskij kapital» v zerkale politicheskoy jekonomii (stat'ja 1-ja) // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. – 2023. – № 1. – С. 4–21. – DOI: 10.52210/0130-9757_2023_1_4.
3. Buzgalin A.V., Yakovleva N.G., Barashkova O.V. Chelovek, chelovecheskij potencial, «chelovecheskij kapital»: politjekonomicheskaja kritika povedencheskoj jekonomiki (stat'ja 2-ja) // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. – 2023. – № 3. – С. 5–16. – DOI: 10.52210/0130-9757_2023_3_5.
4. Buzgalin A.V. Praktika i Istina: dialektika kak metod snjatija navazhdenij v mire prevrashhennyh form // Filosofija hozjajstva. – 2009. – № 4. – С. 141–162.
5. Yakovleva N.G., Buzgalin A.V. Social'naja sfera v jepohu pozdnego kapitalizma: pro/regress chelovecheskogo potenciala // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. – 2024. – № 1. – С. 4–22. – DOI: 10.52210/0130-9757_2024_1_4.
6. Latov Yu.V. Koncepcii i jempirika formirovanija postkapitalisticheskogo «kreativnogo klassa» (klassa professionalov) // Voprosy politicheskoy jekonomii. – 2024. – № 2. – С. 75–89.
7. Sajt OON. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/education/>.
8. Konstantinovskij D.L. Neravenstvo v rossijskom obrazovanii: XX – nachalo XXI v. / v kn. Obrazovanie i social'naja differenciacija / monogr. / otv. red. M. Karnoj, I. D. Frumin, N. N. Karmaeva. – М.: Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2018. – 454 s.
9. Mashkina O.A., Kuznecova V.V. Razvitie sistemy obrazovanija v KNR: problemy i puti ih reshenija // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. – 2018. – № 4. – С. 18–36.
10. V rossijskikh vuzah obuchaetsja 37 081 kitajskij student // Vedomosti. 22 marta 2023 g. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student>.

11. Kuznecova V.V., Mashkina O.A. Rol' obrazovanja v realizacii koncepcii «Odin pojas – odin put'». *Politika Kitaja // Obozrevatel'*. – 2021. – № 6. – S. 86–98.
12. Kalashnikov P.A. *Sovetsko-kitajskie kul'turnye otnoshenija: 1949–1964 gg.: avtoreferat dis. kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Kalashnikov Pavel Anatol'evich; [Mesto zashhity: Ros. un-t druzhby narodov]*. – M.: – 2010. – 27 s.
13. Bernal, J.D. *Science in History*. London: Watts & Co, 1954.
14. Grinin A.L., Grinin L.E. *Kiberneticheskaja revoljucija i istoricheskij process (tehnologii budushhego v svete teorii proizvodstvennyh revoljucij) // Filosofija i obshhestvo*. – 2015. – № 1–2. – S. 17–47.
15. Volkov G.N. *Istoki i gorizonty progressa. Sociologicheskie problemy razvitija nauki i tehniki*. – M.: Politizdat, 1976.
16. Kamaev V.D. *Sovremennaja nauchno-tehnicheskaja revoljucija: jekonomicheskie formy i zakonomernosti*. – M.: Mysl', 1972.
17. Markov N.V. *Nauchno-tehnicheskaja revoljucija: analiz, perspektivy, posledstviya. Izd.2-e, dop..* – M.: Politizdat, 1973.
18. Marks K. *Kritika Gotskoj programmy (1875) / Marks K., Jengel's F. Soch. 2-e izd. T. 19*. – M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1961.
19. Bodrunov S.D. *Preodolenie vyzovov global'noj transformacii: NTP, znaniya, noomika // Problemy prognozirovaniya*. – 2023. – № 4. – S. 8–14.
20. Bodrunov S.D. *Rozhdenie novej jepohi: vyzovy dlja Rossii i mira // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2022. – T. 235. – № 3. – S. 55–62.
21. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Bol'shoj sbros ili vybros polupravdy: stanet li postpandemicheskij mir bolee spravedlivym? // Sociologicheskie issledovaniya*. – 2021. – № 8. – S. 161–167.
22. Abdulov R.E. *Tendencii socializacii kapitalizma v uslovijah deglobalizacii mirovoj jekonomiki // Voprosy politicheskoy jekonomii*. – 2024. – № 1. – S. 48–62.
23. Yakovleva N.G. *Obrazovanie: rol' v formirovanii chelovecheskogo potencijala, tehnologicheskoy i social'no-jekonomicheskoy modernizacii Rossii // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal*. – 2022. – № 4. – S. 30–47. – DOI: 10.33983/0130-9757-2022-4-30-47.
24. *Sajt Ministerstva nauki i vysshego obrazovanja RF*. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/69523/>.
25. Maslov G.A. *Protivorechija informacionnoj jekonomiki kak novoe prostranstvo dlja razvitija chelovecheskogo potencijala Rossii i Kitaja // Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. – 2023. – № 1. – S. 98–107.

Контактная информация / Contact information

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
119991, Moscow, Leninskie gory, 1-46
Колганов Андрей Иванович / Kolganov Andrey I.
onaglo@mail.ru
Маслов Глеб Андреевич / Maslov Gleb A.
glemiach@yandex.ru
Яковлева Наталья Геннадьевна / Yakovleva Natalia G.
tetn@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-486-494

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕХНОЛОГИИ ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКИ НА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

CONCEPTUAL FOUNDATIONS FOR IMPLEMENTATION OF PREDICTIVE ANALYTICS TECHNOLOGY AT HIGH-TECH INDUSTRIAL ENTERPRISES

ГОЛОВ Герман Романович

Студент 3-го курса Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, направление «Высшая школа управления», специализация «Менеджмент»

German R. GOLOV

3rd year student of the Financial University under the Government of the Russian Federation, direction «Higher School of Management», specialization «Management»

МЫЛЬНИК Алексей Владимирович

Доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук

Alexey V. MYLNIK

Associate Professor of the Department «Management and Marketing of High-Tech Industries» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economics

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию технологии предиктивной аналитики в контексте ее реализации на современных высокотехнологичных промышленных предприятиях. Авторами рассматриваются ключевые составляющие Индустрии 4.0: Промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, предиктивная аналитика. Приводятся определения понятия «предиктивная аналитика» российских авторов, выделяются ее функциональные возможности, находящие свое применение в промышленности. Определяются основные этапы внедрения данной технологии, примеры ее успешной реализации в отечественной и зарубежной промышленности.

Abstract

This article is devoted to the study of predictive analytics technology in the context of its implementation at modern high-tech industrial enterprises. The author considers the key components of Industry 4.0: Industrial Internet of Things, artificial intelligence, predictive analytics. Russian authors define the concept of «predictive analytics», emphasize its functional capabilities, which find their application in industry. The main stages of implementation of this technology, examples of its successful implementation in domestic and foreign industry are defined.

Ключевые слова

Индустрия 4.0, цифровая трансформация предприятия, цифровые технологии, Промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, предиктивная аналитика, рекуррентные нейронные сети.

Keywords

Industry 4.0, digital enterprise transformation, digital technologies, Industrial Internet of Things, artificial intelligence, predictive analytics, recurrent neural networks.

В современном мире достижения научно-технического прогресса стали неотъемлемой частью развития экономики и жизни современного общества, находя свое применение в разнообразных сферах, включая промышленность [1, 2]. Активно внедряемые в промышленности цифровые технологии и комплексные решения, направленные на оптимизацию и цифровизацию производственных процессов, выступают ключевыми элементами реализации парадигмы Четвертой промышленной революции. В настоящее время в промышленной сфере наблюдается активная деятельность по развитию высокотехнологичных предприятий, целью которой выступает достижение технологического суверенитета и импортонезависимости российской экономики в условиях агрессивной санкционной политики западных государств [3]. Системным подходом к развитию подобных предприятий выступает проведение их цифровой трансформации на основе внедрения технологий Индустрии 4.0, способствующей повышению их экономической и технологической эффективности.

Основные направления практической реализации парадигмы Индустрии 4.0 главным образом предусматривают автоматизацию производственных процессов и внедрение цифровых технологий, сокращение человеческого участия и ориентацию на трансформацию классических и традиционных методов организации производства [4]. Фундаментальными составляющими Индустрии 4.0 выступают Промышленный интернет вещей, искусственный интеллект, машинное обучение, облачные вычисления и предиктивная (предсказательная) аналитика,

способные при их грамотному внедрению и рациональному использованию в существенной степени минимизировать производственные затраты, повысить производительность предприятия и поддерживать высокий уровень его конкурентоспособности на рынке [5, 6, 7].

Безусловно, технологии, внедряемые в рамках процесса цифровизации, не ограничиваются лишь аналитическими и управленческими возможностями. Наравне с другими функциями, цифровые технологии могут использоваться и в качестве инструмента для стратегического планирования. В целом, стратегическое планирование позволяет сформулировать цели, расставить приоритеты в дальнейшем развитии промышленного предприятия, а также определить методы и средства достижения поставленных задач. Помимо указанных функций, как справедливо подмечает И.В. Фадеев, в качестве фундаментальной основы процесса стратегического планирования выступает следующее: «планирование на краткосрочные периоды в рамках долгосрочной финансовой стратегии, должно быть более детализированным ввиду того, что объем достоверной информации ограничен при оценке на долгий срок, а скорость изменения и диапазон этой информации растут с течением времени» [8]. Другими словами, в рамках стратегического планирования неотъемлемым становится определение каждого этапа с уточнением его характерных особенностей во избежание непредвиденных обстоятельств и в целях адаптации стратегии к постоянно изменяющимся условиям рынка.

Соответственно, в условиях стремительно развивающейся цифровой трансформации высокотехнологичных промышленных предприятий становится целесообразным внедрение отвечающей современному уровню развития информационных технологий системы стратегического планирования. Так, одной из технологий стратегического планирования в контексте Индустрии 4.0. выступает предиктивная аналитика, в основе функционирования которой лежит искусственный интеллект [9].

Следует рассмотреть определения данного термина, которые приводятся в научных статьях отечественных авторов. В.А. Старостина обозначает предиктивную аналитику как «множество статистических методов для анализа данных, с помощью машинного обучения, с целью моделирования и построения точных прогнозов для принятия бизнес-решений» [10]. Н.В. Васильева и Л.А. Селиванова, в свою очередь, определяют предиктивную аналитику «как отдельный класс методов анализа данных, связанных с определением моделей поведения субъектов или объектов в будущем» [11]. Т.А. Григорьева и А.Ю. Баева приводят иное определение, согласно которому указанная технология «заключается в выявлении прогнозов, на основе анализа изменения нескольких параметров, влияющих на работу технической системы, а также в выявлении определенных зависимостей и закономерностей» [12]. Н.А. Дьяконов и О.С. Логунова отмечают, что предиктивная аналитика интегрируется «для сбора и консолидации массива технологических данных по технологическим маршрутам, предоставления инструментов для последующей предиктивной аналитики собранных данных в целях повышения качества готовой продукции» [13]. Как отражено в работе А.А. Цыгулевой данная технология на базисе искусственного интеллекта предусматривает «использование данных, статистических алгоритмов и методов машинного обучения для определения вероятности будущих результатов на основе исторических данных» [14].

Следовательно, большинство авторов в своих определениях предиктивной аналитики сосредотачиваются непосредственно на интеграции методов анализа данных, машинного обучения и статистических алгоритмов для прогнозирования будущих событий на базе имеющихся сведений. Анализируя вышеприведенные определения, стоит отметить, что предиктивная аналитика предоставляет возможность моделировать потенциальное поведение исследуемых объектов и субъектов, выявляя закономерности и тенденции в полученных данных, также находит свое применение в бизнес-пространстве за счет получения безошибочных прогнозов, базируется в том числе и на выявленных ранее исторических данных. Вместе с тем предиктивная аналитика выступает в качестве одного из ключевых звеньев цифровой трансформации, реализуемой в контексте парадигмы Четвертой промышленной революции [15].

Инструментарий предиктивной аналитики в контексте ее применения в производственных процессах предусматривает возможность анализа отказоустойчивости оборудования и прогнозирования его технического износа и вероятности отказов или аварий. Функционал данной технологии позволяет собирать данные о работе оборудования и различных устройств, их состоянии, ключевых показателях, источниках сбоев, а впоследствии на их основе построить модели, содействующие в прогнозировании вероятности отказов и оптимизировании стратегий технического обслуживания. Соответственно, внедрение предиктивной аналитики способствует минимизации затрат на приобретение и эксплуатацию промышленного оборудования, а также позволяет достичь существенного увеличения срока его использования.

Стоит отметить, что данная технология позволяет повысить стабильность работы производственного оборудования, сократить потери от его поломок и остановки производства, поскольку, как правило, поломка одного или нескольких станков в некоторых отраслях промышленности может привести к остановке всего производства, поскольку для современных высокотехнологичных предприятий характерна ситуация, когда все производственные процессы, реализуемые на отдельных их участках, тесно взаимосвязаны между собой в рамках общего цикла производства и прекращение одного процесса способно прервать весь цикл, приведя к существенным экономическим потерям и срыву графика производства. Не менее важной является возможность предвидения потенциальных аварий, тем самым, неким образом «предвосхищая» наступление серьезных инцидентов на производстве и генерируя рекомендации по оптимизации расписания технического обслуживания устройств, уменьшая вероятность возникновения нештатных ситуаций и повышая безопасность работников. В условиях применения предиктивной аналитики становится возможным проведение профилактических мероприятий и работ по ремонту в целях выявления оборудования, которое в ближайшее время, вероятнее всего, перестанет функционировать, что, безусловно, уменьшает риски для сотрудников и поддерживает необходимый уровень их безопасности при выполнении производственных операций.

Далее рассмотрим последовательность этапов внедрения предиктивной аналитики на высокотехнологичных промышленных предприятиях, в число которых входят следующие:

1. Сбор данных о производственных процессах, текущих характеристиках, показателях работоспособности оборудования, влияющих на производственную деятельность.

2. Развертывание на предприятии Промышленного интернета вещей, в рамках которого оборудование предприятия оснащается специальными датчиками и сенсорами.

3. Сбор, очистка данных и их ранжирование в соответствии с ключевыми характеристиками.

4. Создание и обучение нейронной сети, способной обрабатывать крупные массивы данных, включающие в себя различные сведения о состоянии оборудования, получаемые от датчиков и сенсоров. К примеру, крайне результативны для использования в рамках реализации технологии предиктивной аналитики рекуррентные нейронные сети, способные на основе обработанных массивов информации устанавливать последовательные взаимосвязи и отображать усредненные значения. Как справедливо подмечается А.Ю. Сычевым, И.Д. Стаселько, М.А. Аниховским, «каждая такая сеть имеет в себе особую структуру, похожую на звенья или модули, идущие один за другим. И каждый такой модуль представляет собой слой, с какой-либо выходной функцией активации» [16]. В целом процесс настройки или же обучения рекуррентных нейронных сетей в большинстве своем не отличается от методов создания классических нейронных сетей, поскольку в обеих технологиях на обучающем этапе формируются наборы данных для обучающей и тестовой выборки.

5. Непосредственное применение уже обученной и протестированной нейронной сети для осуществления анализа данных о состоянии оборудования, что предоставляет возможность формировать прогнозы о потенциальных сбоях в работе оборудования, потребности в обслуживании, необходимости в перенаправлении обеспечительных ресурсов.

6. Формирование нейронной сетью прогнозов относительно стабильности и отказоустойчивости оборудования, а также выработка ей рекомендаций для профильных специалистов и руководителей цехов в случае выявления снижения отказоустойчивости отдельного оборудования.

7. Принятие по итогам полученных от нейронной сети прогнозов управленческих решений руководящим составом предприятия относительно оптимизации производственных процессов, замены или ремонта оборудования, минимизации различных рисков.

Соответственно, выполнение всех представленных этапов при использовании созданной нейронной сети позволит создать бесперебойный и отлаженный механизм, базирующийся на предиктивной аналитике. Так, среди примеров успешного внедрения указанной технологии на предприятиях можно выделить ПАО «НЛМК», ранее столкнувшееся с проблемой падения производительности оборудования. Однако было найдено эффективное решение, заключающееся «в виде автоматизированного рабочего места оператора мельницы. Ядром системы является предиктивная модель, принимающая на входе технические параметры мельницы, минералогический состав руды и прочие данные (всего более 10 параметров). На выходе система строит прогноз текущего остатка в мельнице, а также определяет оптимальный объем дозагрузки с учетом производственных ограничений по времени и допустимого объема дозагрузки» [17]. В результате значительно увеличился объем

изготавливаемой при помощи шаровых мельниц продукции, а издержки на сырье снизились в среднем на 5%.

Как было отмечено ранее, функционал предиктивных моделей позволяет в том числе и существенно снизить длительность простоя оборудования, что также обусловило ее активное применение крупными высокотехнологичными предприятиями – «Air New Zealand для отслеживания состояния самолета при нахождении на аэродроме или Mercedes-AMG для улучшения процесса производства двигателей» [18].

Часть российских предприятий на сегодняшний день находится на подготовительном этапе перед внедрением технологии предиктивной аналитики. Одним из таких предприятий является Быстринский горно-обогатительный комбинат, в деятельность которого с каждым годом внедряется все больше и больше цифровых инноваций. Так, И.Г. Устюжин указывает, что интеграция систем автоматизированного управления технологическими процессами различного погрузочного, конвейерного, насосного и иного оборудования Быстринского ГОК «обладает широкими возможностями по отслеживанию и сбору данных с датчиков, хранению и анализу собранных данных. Собираемых датчиками параметров достаточно для анализа работы оборудования и установления причин отказов и аварий» [19].

В проведенном исследовании авторами был проведен анализ технологии предиктивной аналитики, являющейся важным инструментом в рамках цифровизации производственных процессов на современных высокотехнологичных предприятиях. Данная технология обладает возможностями прогнозировать будущие события на основе анализа данных, что, в свою очередь, помогает руководству предприятия принимать более обоснованные решения, оптимизировать работу сотрудников и оборудования, а также благоприятно влияет на достижение ключевых показателей эффективности. Вместе с тем реализация технологии предиктивной аналитики способствует росту цифровой зрелости предприятия [20]. Более того, внедрение в деятельность предприятия предиктивных моделей позволяет задействовать не менее значимые технологии в контексте Индустрии 4.0 – Промышленный интернет вещей и искусственный интеллект. Совокупность внедренных технологий в бизнес-процессы предприятий в существенной степени способствует предотвращению возможных экономических потерь предприятия и поддержанию стабильности и отказоустойчивости производства.

Библиографический список

1. Вартамян А.А., Щетинина А.Р. *Выработка стратегии развития цифровой независимости России на основе разработанного инструмента оценки ее уровня в контексте экономического суверенитета* // *Экономика и управление в машиностроении*. – 2023. – № 4. – С. 52–64.
2. Хончев М.А. *Цифровизация малого бизнеса в России: проблемы и перспективы* // *Экономические системы*. – 2023. – Т. 16, – № 2 (61). – С. 37–52.
3. Голов Р.С., Мыльник А.В., Прокофьев Д.А. *Теоретические основы реиндустриализации экономики в контексте системной инновационной модернизации промышленности* // *Экономика и управление в машиностроении*. – 2016. – № 3. – С. 15–20.
4. Сиваев Е.А. *Индустрия 5.0: развитие цифровой трансформации кабельных предприятий России и переход к когнитивным моделям производства* // *Экономика и управление в машиностроении*. – 2023. – № 2. – С. 4–6.

5. Голов Р.С., Азарков А.П., Мыльник А.В. Организация производства, экономика и управление в промышленности. Учебник для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». – 2019. – 858 с.
6. Нигматов Р.Р. Практические аспекты применения технологии Промышленного интернета вещей на современных предприятиях // Экономика и управление в машиностроении. – 2023. – № 5. – С. 20–24.
7. Суходоев Д.В., Шох М.А. Цифровая трансформация промышленного потенциала как фактор безопасности региона // Экономика и управление в машиностроении. – 2023. – № 6. – С. 54–57.
8. Фадеев, И. В. Процесс стратегического планирования на предприятии // E-Scio. – 2019. – № 9 (36). – С. 105–110.
9. Суртаева О.С. Возможности и ограничения при использовании искусственного интеллекта для повышения эффективности управления // Экономические системы. – Т. 15, – № 1 (56). – С. 25–36.
10. Старостина В.А. Предиктивная аналитика на предприятии // Наука и просвещение. – 2020. – № 3. – С. 70–72.
11. Васильева Н.В., Селиванова Л.А. Предиктивная аналитика как важная ступень в иерархии аналитического процесса // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – № 4. – С. 159–162.
12. Григорьева Т.А., Баева А.Ю. Применение предиктивной аналитики в энергетике // Труды братского народного университета. Серия: естественные и инженерные науки. – 2021. – Т. 1. – С. 16–19.
13. Дьяконов Н.А., Логунова О.С. Системы управления технологическим процессом на основе предиктивной аналитики: проектирование // Электротехнические системы и комплексы. – 2021. – № 1(50). – С. 58–64.
14. Цыгулева А.А. Анализ и структуризация поля знаний методов предиктивной аналитики // Теория и практика современной науки. – 2022. – № 12(90). – С. 381–387.
15. Гончаров А.С. Концептуальные основы цифровой трансформации высокотехнологичных предприятий в условиях Индустрии 4.0 // Экономика и управление в машиностроении. – 2023. – № 2. – С. 14–17.
16. Сычев А.Ю., Стаселько И.Д., Аниховский М.А. Рекуррентные нейронные сети // Электронный ресурс. – URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/40068/1/Sychev_Rekurrentnyye.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
17. Эффективные отечественные практики на базе технологий искусственного интеллекта в обрабатывающей промышленности. Электронный ресурс. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Effektivnye_otechestvennye_praktiki_na_baze_tekhnologii%CC%86_II_y_obraбатыvayushchei%CC%86_promyshlennosti.pdf (дата обращения: 22.03.2024).
18. Котик С. Умное производство: «Прогноз погоды» на производстве. Электронный ресурс. – URL: <https://ai.naumen.ru/company/presscentre/prognoz-pogody-na-proizvodstve>.
19. Устюжин И.Г. Быстринский ГОК и предиктивная аналитика. Положение, тренды, возможности // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2020. – № 2. – С. 90–92.
20. Дорохов В.В. Концептуальные основы оценки цифровой зрелости высокотехнологичных промышленных предприятий в условиях Четвертой промышленной революции // Экономика и управление в машиностроении. – 2023. – № 3. – С. 61–64.

References

1. Vartanyan A.A., Shchetinina A.R. Vyrabotka strategii razvitiya cifrovoj nezavisimosti Rossii na osnove razrabotannogo instrumenta ocenki ee urovnya v kontekste ekonomicheskogo suvereniteta // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii. – 2023. – № 4. – S. 52–64.

2. Honchev M.A. *Cifrovizaciya malogo biznesa v Rossii: problemy i perspektivy* // *Ekonomicheskie sistemy*. – 2023. – Tom 16, – № 2 (61). – S. 37–52.
3. Golov R.S., Myl'nik A.V., Prokof'v D.A. *Teoreticheskie osnovy reindustrializacii ekonomiki v kontekste sistemnoj innovacionnoj modernizacii promyshlennosti* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2016. – № 3. – S. 15–20.
4. Sivaev E.A. *Industriya 5.0: razvitie cifrovoj transformacii kabel'nyh predpriyatij Rossii i perekhod k kognitivnym modelyam proizvodstva* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2023. – № 2. – S. 4–6.
5. Golov R.S., Agarkov A.P., Myl'nik A.V. *Organizaciya proizvodstva, ekonomika i upravlenie v promyshlennosti. Uchebnik dlya bakalavrov*. – M.: Izdatel'sko-torgovaya korporaciya «Dashkov i K». – 2019. – 858 s.
6. Nigmatov R.R. *Prakticheskie aspekty primeneniya tekhnologii Promyshlennogo interneta veshchej na sovremennyh predpriyatiyah* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2023. – № 5. – S. 20–24.
7. Suhodoev D.V., SHoh M.A. *Cifrovaya transformaciya promyshlennogo potentsiala kak faktor bezopasnosti regiona* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2023. – № 6. – S. 54–57.
8. Fadeev, I. V. *Process strategicheskogo planirovaniya na predpriyatii* // *E-Scio*. – 2019. – № 9 (36). – S. 105–110.
9. Surtaeva O.S. *Vozmozhnosti i ogranicheniya pri ispol'zovanii iskusstvennogo intellekta dlya povysheniya effektivnosti upravleniya* // *Ekonomicheskie sistemy*. – Tom 15. – № 1 (56). – S. 25–36.
10. Starostina V.A. *Prediktivnaya analitika na predpriyatii* // *Nauka i prosveshchenie*. – 2020. – № 3. – S. 70–72.
11. Vasil'eva N.V., Selivanova L.A. *Prediktivnaya analitika kak vazhnejshaya stupen' v ierarhii analiticheskogo processa* // *ZHurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij*. – 2021. – № 4. – S. 159–162.
12. Grigor'eva T.A., Baeva A.YU. *Primenenie prediktivnoj analitiki v energetike* // *Trudy bratskogo narodnogo universiteta. Seriya: estestvennye i inzhenernye nauki*. – 2021. – T. 1. – S. 16–19.
13. D'yakonov N.A., Logunova O.S. *Sistemy upravleniya tekhnologicheskimi processami na osnove prediktivnoj analitiki: proektirovanie* // *Elektrotekhnicheskie sistemy i komplekсы*. – 2021. – № 1(50). – S. 58–64.
14. Cyguleva A.A. *Analiz i strukturizaciya polya znaniy metodov prediktivnoj analitiki* // *Teoriya i praktika sovremennoj nauki*. – 2022. – № 12(90). – S. 381–387.
15. Goncharov A.S. *Konceptual'nye osnovy cifrovoj transformacii vysokotekhnologichnyh predpriyatij v usloviyah Industrii 4.0* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2023. – № 2. – S. 14–17.
16. Sychyov A.YU., Stasel'ko I.D., Anihovskij M.A. *Rekurrentnye nejronnye seti* // *Elektronnyj resurs*. – URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/40068/1/Sychev_Rekurrentnyye.pdf (data obrashcheniya: 22.03.2024).
17. *Effektivnye otechestvennye praktiki na baze tekhnologij iskusstvennogo intellekta v obrabatyvayushchej promyshlennosti*. Elektronnyj resurs. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Effektivnye_otchestvennye_praktiki_na_baze_tekhnologii%CC%86_II_v_obrabatyvayushchei%CC%86_promyshlennosti.pdf (data obrashcheniya: 22.03.2024).
18. Kotik S. *Umnoe proizvodstvo: «Prognoz pogody» na proizvodstve*. Elektronnyj resurs. – URL: <https://ai.naumen.ru/company/presscentre/prognoz-pogody-na-proizvodstve>
19. Ustyuzhin I.G. *Bystrinskij GOK i prediktivnaya analitika. Polozhenie, trendy, vozmozhnosti* // *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. – 2020. – № 2. – S. 90–92.
20. Dorohov V.V. *Konceptual'nye osnovy ocenki cifrovoj zrelosti vysokotekhnologichnyh promyshlennyh predpriyatij v usloviyah CHetvertoj promyshlennoj revolyucii* // *Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii*. – 2023. – № 3. – S. 61–64.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»
125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, корпус 5
Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe highway, building 5, 125993, Moscow, Russia
Мыльник Алексей Владимирович / Alexey V. Mylnyk
vint215@yandex.ru

ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
Financial University under the Government of the Russian Federation
49/2 Leningradsky Ave., 125167 Moscow, Russia
Голов Герман Романович / German R. Golov
golovgerman11@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-495-506

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ЭКСПОРТА РОССИЙСКИХ ИТ-РЕШЕНИЙ

THE EAEU TECHNOLOGICAL COOPERATION: PROSPECTS FOR RUSSIAN ICT EXPORT

КАМОЛОВ Сергей Георгиевич

Профессор кафедры управления активами Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), доктор экономических наук, доцент

Sergey G. KAMOLOV

Professor of the Assets Management Department, MGIMO University, Doctor of Science in Economics

ГЛАЗЬЕВА София Сергеевна

Соискатель ученой степени кандидата экономических наук, кафедра управления активами МГИМО МИД России

Sofia S. GLAZYEVA

Postgraduate researcher, Assets Management Department, MGIMO University

Аннотация

Научно-техническое сотрудничество является одной из сфер интеграционного взаимодействия в Евразийском экономическом союзе. Перед объединением стоит задача трансформации в территорию инноваций, и информационно-коммуникационные технологии заявлены в качестве приоритетного направления научно-технического сотрудничества. Между тем отмечается, что потенциал сотрудничества в сфере ИКТ недостаточно реализован: объем взаимной торговли информационными технологиями на текущий момент незначителен. Экспорт российских ИТ-решений на рынки партнеров по объединению также имеет потенциал к наращиванию. В статье выяв-

лены приоритеты Российской Федерации в области технологического сотрудничества с государствами – членами ЕАЭС. Отмечается, что рынок ЕАЭС может стать перспективным направлением для экспорта российских решений в области ИКТ, в особенности в условиях нарастающего санкционного давления. Определены механизмы обеспечения российских экономических интересов в цифровом пространстве ЕАЭС.

Abstract

Scientific and technical cooperation is one of the pillars of Eurasian economic integration. The association is faced with the task of transforming into a territory of innovation, and ICTs are declared as a priority area of scientific and technical cooperation. It is highlighted that the potential for cooperation in the ICT sector has not been sufficiently realized: the mutual ICT trade is insignificant. The export of Russian information technologies to the markets of EAEU partners also has the potential to increase. The strategic priorities of Russia in the field of technological cooperation within the EAEU are identified. It is stated that the EAEU market can become a promising direction for Russian ICT export, especially within the context of sanctions pressure. Mechanisms for ensuring Russian economic interests in the EAEU digital space are identified.

Ключевые слова

Научно-техническое сотрудничество, Евразийский экономический союз, цифровая трансформация экономики, экспорт российских технологий.

Keywords

Scientific and technical cooperation, Eurasian Economic Union, digital transformation of the economy, Russian technologies export.

Введение

Поддержка экспортно-ориентированных российских производителей информационных технологий (далее – ИТ) и укрепление спроса на российские технологические разработки – приоритетная задача для Российской Федерации на ближайшие годы и часть более широкой стратегии страны в области цифровой трансформации экономики. В условиях международного санкционного давления возрастает необходимость поиска новых направлений для реализации отечественной ИТ-продукции.

В Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) активно развивается научно-техническое сотрудничество, а также цифровая повестка объединения. Актуальность тематики развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для государств-членов объединения позволяет рассматривать рынок ЕАЭС как перспективный для реализации российских ИТ-решений. Экспорт цифровых технологий может стать важным направлением российской экономической стратегии в регионе.

Цель

Целью исследования является выявление и обоснование механизмов обеспечения экономических интересов Российской Федерации в условиях формирования цифрового пространства ЕАЭС.

Для реализации цели поставлены и решены следующие задачи:

- исследование факторов, определяющих спрос на экспорт российских информационных технологий;
- выявление приоритетов Российской Федерации в контексте формирования цифрового пространства ЕАЭС;
- определение механизмов стимулирования экспорта российских ИТ-решений на рынки государств – членов ЕАЭС.

Материалы и методы

Методологическую базу исследования составили методы системного подхода, структурно-функционального и логического анализа, а также иные общенаучные и специальные методы исследования. Компаративный анализ и статистические методы легли в основу оценки научно-технического потенциала государств-членов. Исследование опирается на стратегические и иные документы Евразийского экономического союза, документы стратегического планирования Российской Федерации, а также на публикации российских и зарубежных авторов.

Результаты исследования

Факторы, определяющие спрос на российский ИТ-экспорт.

Стратегические направления развития евразийской интеграции, принятые до 2025 г. [1], устанавливают приоритет развития научно-технического сотрудничества государств-членов. Подчеркивается, что в условиях перехода к новому технологическому укладу растет необходимость трансформации экономик государств-членов на основе инноваций и модернизации. Научно-техническое сотрудничество предусматривает выработку инновационных программ и проектов при участии государств – членов ЕАЭС. В качестве областей для наращивания взаимодействия в Стратегических направлениях рассматриваются промышленность, агропромышленный комплекс и транспорт. Подчеркивается основополагающая роль цифровых технологий в достижении цели повышения конкурентоспособности экономик стран Союза [2].

В Союзе на текущий момент одобрено шесть приоритетных направлений научно-технического сотрудничества [3], среди них:

- ИКТ;
- биотехнологии, технологии в области фармакологии и медицины;
- технологии машиностроения и цифровые платформы для организации производства;
- производство новых материалов и топлива;
- технологии в области сельского хозяйства;
- технологическое развитие добывающих отраслей.

Политика интеграционного объединения в области научно-технического сотрудничества сформулирована с учетом требований, которые стоят перед национальными экономиками государств – членов Союза в контексте перехода к шестому технологическому укладу. Смена технологических укладов трансформирует процессы на всей индустриальной цепочке в макроэкономическом масштабе. Изменения охватывают и науку: новые реалии диктуют спрос на передовые области научно-технических исследований, тем самым смещая фокус внимания научного сообщества. Влияние перехода мировой экономики к новому технологическому укладу проявляется в динамике расходов на НИОКР.

С 2015 г. доля расходов на исследования и разработки выросла с 2,1 до 2,7% в структуре мирового ВВП [4]. В развитых странах доля расходов на НИОКР может достигать 4–5% ВВП. Отмечается, что 80% глобальных расходов на НИОКР приходится всего на 10 стран [5].

Государства – члены ЕАЭС отстают по уровню расходов на НИОКР от мировых лидеров. Однако в последние годы инвестиции в разработки и исследования стабильно растут в абсолютных значениях. Так, внутренние затраты стран – участниц объединения на научные исследования и разработки возросли с 17 млрд долл. США в 2018 г. до 21,9 млрд долл. США в 2022 г. [6].

Значимой проблемой является неравномерное распределение финансирования НИОКР в странах Союза. Так, в Российской Федерации удельный вес затрат на НИОКР в ВВП составляет 1%, в то время как в других государствах – членах Союза этот показатель достигает 0,1–0,5% (см. рис. 1). Требуется повышение согласованности научно-технических стратегий государств-членов для выравнивания научно-технического потенциала.

Рис. 1. Удельный вес внутренних затрат на научные исследования и разработки в валовом внутреннем продукте государств – членов ЕАЭС в 2021 г. (в процентах)

Источник: составлено авторами на основе данных Статистического ежегодника Евразийского экономического союза [6]

В мировом масштабе наиболее существенная доля расходов на исследования и разработки приходится на цифровые технологии. В глобальной структуре инвестиций в НИОКР на цифровой сектор приходится более 30% [3]. Цифровизация рассматривается как ключевое направление для исследований и разработок: эффект от внедрения цифровых технологий [7] позволяет достичь резкого роста производительности труда во всех секторах экономики.

В последнее десятилетие государства – члены ЕАЭС активно проводят политику цифровой трансформации: все страны – участницы объединения приняли национальные стратегии цифровой экономики. Статистические данные на текущий момент позволяют сделать промежуточный вывод о реализации национальных мер по наращиванию цифрового потенциала за 2018–2021 гг. Валовая добавленная стоимость (ВДС) сектора ИКТ постепенно растет (см. рис. 2), однако этот рост нестабилен и пока не позволяет достичь показателей мировых технологических лидеров.

Рис. 2.
Удельный вес ВДС сектора ИКТ в валовом внутреннем продукте государств – членов ЕАЭС, 2018–2021 гг. (в процентах)

Источник:
составлено авторами на основе данных Статистического сборника «Цифровая экономика. Статистика Евразийского экономического союза» [8]

На уровне интеграционного объединения цифровые технологии рассматриваются как ключевое направление научно-технического сотрудничества, позволяющее ускорить рост национальных экономик. Необходимость наращивания ИТ-потенциала в условиях структурных сдвигов глобальной экономики и встраивания в глобальную цифровую экосистему мотивировала принятие цифровой повестки Союза.

Цифровая повестка ЕАЭС ставит задачу повышения конкурентоспособности национальных экономик за счет ускоренного развития цифровых технологий [9]. Повестка включила в себя ряд цифровых инициатив, в том числе такие цифровые системы, как «Работа без границ», цифровые транспортные коридоры ЕАЭС, цифровое техническое регулирование и цифровая прослеживаемость товаров [10].

Важнейшим проектом, направленным на развитие сотрудничества в области технологий, стала Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Сеть предполагает формирование платформы, позволяющей компаниям государств-членов создавать технологические партнерства. Разработка информационной системы позволит укрепить научно-техническое взаимодействие в Союзе, сформировать условия для производителей технологий, в том числе для малых и средних предприятий. Создание такой платформы может придать стимул экономическому развитию государств-членов на основе инноваций. Стадия реализации инициативы была запланирована на 2019–2020 гг., однако на сегодняшний день платформа еще не запущена.

Одной из рассматривающихся опций стало использование инфраструктуры уже существующей платформы – Национальной платформы трансфера технологий (НАТТ), разработанной российской Национальной ассоциацией трансфера технологий. На текущий момент платформа насчитывает более 1000 пользователей, среди которых такие крупные российские корпорации, как ОАО «РЖД», государственная корпорация «Ростехнологии», АО «Газпромбанк» и др.

Реализация сети трансфера технологий приобретает особое значение для Российской Федерации в условиях международных ограничений. Перед Россией

1 Статистические данные по Российской Федерации отсутствуют.

стоит задача поиска новых партнеров и перспективных рынков, а также укрепления собственного технологического суверенитета и создания безопасной цифровой инфраструктуры Союза. Формирование сети трансфера технологий на пространстве ЕАЭС и дальнейшее ее расширение на другие дружественные страны позволит сформировать новый технологический полюс.

Стратегические приоритеты Российской Федерации в контексте формирования цифрового пространства ЕАЭС

В рамках данного исследования приоритеты России в контексте формирования цифрового пространства ЕАЭС определяются на основе документов стратегического планирования и иных инструментов социально-экономического развития Российской Федерации. Ключевыми документами, определяющими российскую политику развития инноваций и цифровизации, являются Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [11] и Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» на 2018–2024 гг. [12].

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации устанавливает приоритет развития отечественных ИКТ и повышения их международной конкурентоспособности – задача, в отношении которой сохраняется преемственность в других важнейших концептуальных документах РФ, в частности в Национальном проекте «Цифровая экономика РФ». Стратегия устанавливает направления таких технологий, среди них – искусственный интеллект, интернет вещей и промышленный интернет, информационная безопасность и др. Подчеркивается важность фундаментальных научных исследований, многостороннего и двустороннего научно-технического сотрудничества, а также продвижения российских подходов и стандартов на международной арене. Предполагается реализация дополнительных мер по стимулированию экспорта российских технологий.

Кроме того, в Стратегии зафиксирована задача обеспечения национальных интересов в области цифровой трансформации экономики. Это включает в себя, помимо прочего, формирование новых рынков в экосистеме цифровой экономики, укрепление отраслей экономики за счет внедрения информационных технологий, повышение конкурентоспособности отечественных высокотехнологичных компаний на международных рынках, обеспечение технологической независимости государства. Торгово-экономическое сотрудничество с государствами-членами ЕАЭС заявлено как одна из ключевых задач в контексте реализации потенциала российских компаний на международных рынках. В этой связи планируется обеспечить интеграцию России в единое цифровое пространство ЕАЭС. Одним из важнейших направлений развития цифрового пространства Союза должна стать выработка правил доступа товаров и услуг иностранных компаний на общий рынок. Евразийский экономический союз рассматривается как важнейшая площадка для реализации интересов Российской Федерации. Подчеркивается потребность в углублении экономической интеграции, выработке общих подходов и интеграции в цифровое пространство.

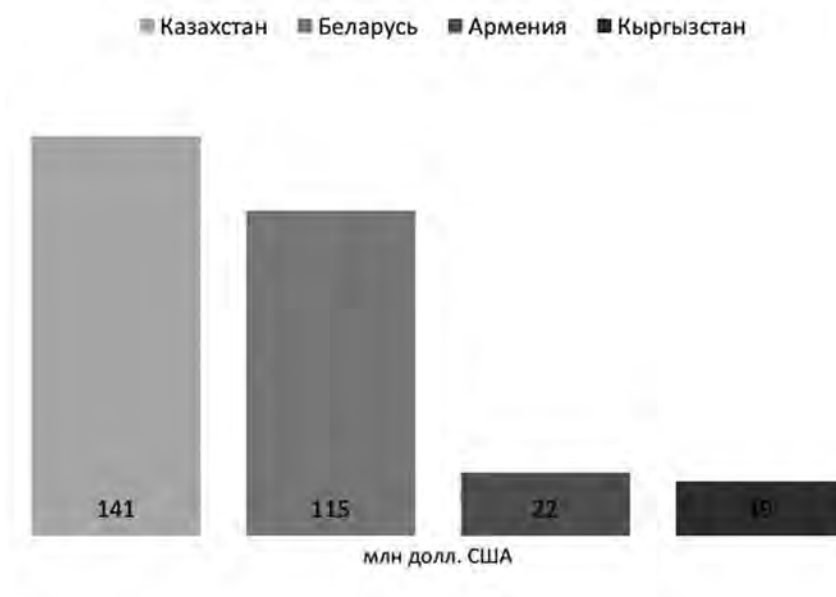
ЕАЭС также упоминается в контексте федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В федеральном проекте поставлены следующие

задачи: обеспечение координации и поддержки реализации цифровой повестки ЕАЭС, создание механизма реализации цифровых инициатив, интегрирование информационного сегмента в ИИС, реализация национальных инфраструктурных и отраслевых проектов на цифровом пространстве ЕАЭС.

Проведенный анализ документов Российской Федерации, формирующих приоритеты и задачи страны в контексте развития цифровой экономики, позволяет сделать вывод о том, что ЕАЭС рассматривается как важнейшая платформа для реализации российских экономических интересов.

На текущий момент в структуре российского экспорта ИКТ государства-члены ЕАЭС занимают невысокие позиции. Так, по данным Центрального банка РФ по внешней торговле услугами за 2021 г. государства-члены ЕАЭС не попадают в топ-10 импортеров российских телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. Казахстан занимает в российском экспорте 11-е место, Беларусь – 12-е место, Армения – 37-е место, Кыргызстан – 42-е место. Объемы экспорта российских телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг в государства-члены ЕАЭС представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Экспорт российских телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг в государства-члены ЕАЭС за 2021 г. (в млн долл. США)

Источник:
Составлено авторами на основе данных Центрального банка России [13]

Между тем на официальном уровне подчеркивается приоритетность рынка ЕАЭС для российских разработчиков технологий. Так, в начале 2024 г. сообщалось, что Правительство РФ планирует сформировать меры поддержки экспорта российских ИТ на приоритетные рынки – ЕАЭС и СНГ. Меры поддержки планируется включить в национальный проект «Экономика данных», находящийся в разработке [14].

На основе экспертной оценки, проведенной Евразийской экономической комиссией [3], наибольшую приоритетность для государств-членов среди всех групп информационных технологий имеют технологии информационной безопасности и обработки больших данных. Российские технологии информационной безопасности и больших данных обладают достаточным уровнем технологической зрелости и потенциалом к тиражированию. Согласно анализу спроса и предложения информационных технологий, проведенного Евразийской комиссией, РФ обладает

наиболее высокой патентной активностью в области ИКТ и рассматривается как региональный донор таких технологий.

В условиях трансформирующейся системы международного трансфера технологий и необходимостью переориентации Российской Федерации на новые рынки требуется выработка комплексной стратегии масштабирования российской ИТ-продукции на евразийском цифровом пространстве.

Механизмы стимулирования экспорта российских ИТ-решений на евразийском цифровом пространстве

Цифровое пространство в Евразийском союзе определяется как «пространство, базирующееся на едином экономическом пространстве Союза, включающее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, цифровые ресурсы, а также совокупность норм регулирования, механизмов организации, управления и использования» [15]. На основе анализа иных российских и зарубежных определений термина «цифровое пространство» можно выделить несколько характеристик цифрового пространства:

1. Доступ в цифровое пространство осуществляется посредством цифровых носителей любого типа, основа цифрового пространства – оцифрованные данные.

2. Цифровое пространство имеет транснациональный характер. Отсутствие реальных границ позволяет осуществлять сотрудничество на международном уровне.

3. Цифровое пространство терминологически связано с понятием «цифровая трансформация экономики». Формирование цифрового пространства – следствие цифровой трансформации экономики. Как и цифровая трансформация, цифровое пространство охватывает экономические, социальные и политические процессы. В последние десятилетия интеграционные объединения формулируют общие подходы к управлению процессами цифровизации, учитывающие как преимущества, которые дает четвертая промышленная революция, так и сопутствующие риски. Развитые интеграционные объединения стремятся активизировать интеграционное взаимодействие в плоскости цифровой трансформации экономики и тем самым приумножить позитивные эффекты от международного сотрудничества.

Цифровое пространство, ввиду неотъемлемых характеристик, перечисленных выше, функционирует по особым закономерностям и механизмам, не сводимым к базовым механизмам обеспечения экономических интересов. Под механизмами в контексте данного исследования подразумевается совокупность взаимосвязанных экономических, организационных, правовых рычагов, определяющих порядок функционирования хозяйствующих субъектов. Анализ цифровых стратегий, как на национальном уровне, так и на международном позволяет выделить следующие группы механизмов: регуляторные, финансовые, институциональные и сетевые [16].

1. Регуляторные механизмы.

К регуляторным механизмам прежде всего относится стандартизация. Стандарты имеют принципиальное значение в процессе гармонизации подходов к развитию цифровых экосистем [17]. Выделены три типа стандартов: стратегические, процессные и технические. В контексте повышения уровня взаимного проникновения ИКТ государств-членов ЕАЭС на рынки друг друга особое значение приобретают технические стандарты, регламентирующие технические характеристики

ИТ-инфраструктур, а также процессные стандарты, регламентирующие методы разработки и применения технологий.

2. Финансовые механизмы.

2.1. Инвестиционные механизмы.

В 2021 г. объем накопленных взаимных прямых инвестиций в Евразийском союзе составил 24,4 млрд долл. США [18], однако более половины этого объема – инвестиции в отрасли с низкой добавленной стоимостью и инновационной составляющей. Российской Федерации необходимо приоритизировать высокотехнологичные отрасли в инвестиционной политике в отношении государств-членов Союза.

2.2. Льготное кредитование и субсидирование экспорта.

В качестве таких механизмов в Министерстве цифрового развития РФ рассматривается льготное кредитование крупных заказчиков российских ИТ-решений из государств-членов ЕАЭС [14].

2.3. Цифровые финансовые активы.

Цифровые финансовые активы могут стать эффективным способом осуществления международных расчетов в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию и рисков введения вторичных санкций в отношении партнеров РФ по ЕАЭС в случае реализации совместных предприятий.

3. Институциональные механизмы.

Под институциональными механизмами подразумевается создание органов и институтов с целью реализации отдельных задач, в данном контексте – в области стимулирования российского экспорта ИТ-решений на приоритетные рынки (ЕАЭС, СНГ, БРИКС). Подобные институты могут быть созданы на базе Российского экспортного центра. Институциональные механизмы могут также включать в себя институционализированные партнерства, в том числе Евразийскую сеть трансфера технологий.

4. Сетевые механизмы.

Сетевые механизмы представляют собой горизонтальные связи внутри интеграционного объединения, которые проявляются в создании евразийских сообществ, сетей и платформ. Перспективным инструментом может стать создание профессиональных сообществ внутри ЕАЭС по техническим специальностям (ИТ, инженерия) для эффективного привлечения кадров к реализации проектов в области ИКТ. Подобная инициатива может быть реализована на базе существующей платформы «Работа без границ».

5. Механизмы в сфере информационной безопасности.

Информационная безопасность является приоритетным направлением для всех государств-членов ЕАЭС. В контексте формирования цифрового пространства Союза требуется выработка общих подходов к обеспечению прав и свобод граждан в сетевом пространстве, а также политики противодействия деструктивным явлениям и киберугрозам. Позитивным примером могут стать меры, предпринятые Европейским союзом, в том числе создание Агентства по сетевой и информационной безопасности ЕС и разработка Стратегии кибербезопасности.

Для наращивания российского ИТ-экспорта на рынок ЕАЭС рекомендуется реализация регуляторных, финансовых, институциональных и сетевых механизмов в совокупности.

Заключение

Евразийский экономический союз на протяжении последних лет активно наращивает научно-техническое сотрудничество государств-членов. Перед объединением стоит задача ускоренного перехода на инновационный путь развития. Глобальные экономические сдвиги, обусловленные сменой технологического уклада, требуют выработки совместных решений в области модернизации экономики Союза.

На текущий момент государства-члены ЕАЭС отстают от мировых технологических лидеров, что проявляется в том числе по таким показателям, как расходы на исследования и разработки, доля ВДС сектора ИКТ в ВВП государств-членов Союза, патентная активность. Укрепление научно-технического сотрудничества между государствами-членами необходимо для повышения конкурентоспособности национальных экономик.

Существенным технологическим заделом обладает Российская Федерация. Уровень технологической зрелости страны позволяет ей стать «донором» информационно-коммуникационных технологий в регионе. Наращивание экспорта российских технологий в ЕАЭС отвечает стратегическим приоритетам России. Однако на текущий момент объем ИТ-решений, реализованный РФ на рынке Союза, незначительный. Технологический потенциал остается нерезализованным.

Для достижения экономических приоритетов РФ необходима реализация комплексной стратегии укрепления сотрудничества в области технологий и наращивания экспорта ИКТ в регион, включающей разноплановые механизмы: регуляторные, финансовые, институциональные и сетевые.

Библиографический список

1. Глазьев С.Ю. О стратегических направлениях развития ЕАЭС // *Международная жизнь*. – 2020. – № 8. – С. 42–73.
2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.» // *Портал Евразийской экономической комиссии*. – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12.
3. Евразийская экономическая комиссия. Доклад о приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза. – 2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf.
4. World Bank. Research and development expenditure (% of GDP). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>.
5. UNESCO Institute for Statistics. – URL: <https://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/>.
6. Евразийская экономическая комиссия. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. – 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/statistical_yearbook.php.
7. Степнов И.М., Колесникова Т.В. Энергопереход и цифровизация экономики: современная повестка и конкуренция стран // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2023. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energoperehod-i-tsifrovizatsiya-ekonomiki-sovremennaya-povestka-i-konkurenciya-stran>.
8. Евразийская экономическая комиссия. Цифровая экономика. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник. – 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/digital_economy.php.

9. Евразийская экономическая комиссия. Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d9c/Proekt-Zayavleniya_na-podpisanii.pdf.
10. Kamolov, S., Glazyeva, S. *Shaping Digital Ecosystem of the Eurasian Economic Union: Issues and Resolutions // Ecosystems Without Borders. Lecture Notes in Networks and Systems.* – 2023. – № 705. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34329-2_14.
11. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
12. Паспорт национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Сайт Консультант плюс. – 2020. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/.
13. Центральный банк России. База данных по внешней торговле Российской Федерации услугами. – URL: https://www.cbr.ru/hd_base/svs_db/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.flow=2&UniDbQuery.ccode=-2&UniDbQuery.servicecode=10&UniDbQuery.From=2021&UniDbQuery.To=2021.
14. Интерфакс: информационное агентство. В правительстве обещали поддержать экспорт российских IT-решений. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/940595>.
15. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.».
16. Попова И.М. Механизмы влияния ЕС на международное регулирование цифровой экономики // *Вестник международных организаций.* – 2021. – Т. 16. – № 3. – С. 256–272.
17. Камолов С. Г. *Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (менеджмент): диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Камолов Сергей Георгиевич; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.* – М.: – 2020. – 405 с.
18. Евразийский банк развития. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf.

References

1. Glaz'ev S.Ju. *O strategicheskikh napravlenijah razvitija EAEU // Mezhdunarodnaja zhizn'.* – 2020. – № 8. – С. 42–73.
2. *Reshenie Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta ot 11 dekabnja 2020 goda «O strategicheskikh napravlenija razvitija evrazijskoj jekonomicheskoy integracii do 2025 goda» // Portal Evrazijskoj jekonomicheskoy komissii.* – URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12.
3. *Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Doklad o prioritetah i dolgosrochnom prognoze nauchno-tehnicheskogo razvitija Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza.* – 2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/clcr/doklad_8.2.1.pdf.
4. World Bank. *Research and development expenditure (% of GDP).* – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>.
5. UNESCO Institute for Statistics. – URL: <https://uis.unesco.org/apps/visualisations/research-and-development-spending/>
6. *Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Statisticheskij ezhegodnik Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza. 2023.* – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/statistical_yearbook.php.

7. Stepnov I.M., Kolesnikova T.V. *Jenergoperehod i cifrovizacija jekonomiki: sovremennaja povestka i konkurencija stran* // *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. – 2023. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energoperehod-i-tsifrovizatsiya-ekonomiki-sovremennaya-povestka-i-konkurenciya-stran>.
8. *Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Cifrovaja jekonomika. Statistika Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza: statisticheskij sbornik. 2023.* – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/digital_economy.php.
9. *Evrazijskaja jekonomicheskaja komissija. Zajavlenie o cifrovoj povestke Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza.* – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d9c/Proekt-Zayavleniya_na-podpisanii.pdf.
10. Kamolov, S., Glazyeva, S. *Shaping Digital Ecosystem of the Eurasian Economic Union: Issues and Resolutions* // *Ecosystems Without Borders. Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2023. – №705. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-34329-2_14.
11. *Ukaz Prezidenta RF ot 9 maja 2017 g. №203 «O Strategii razvitija informacionnogo obshhestva v Rossijskoj Federacii na 2017–2030 gody».*
12. *Pasport nacional'nogo proekta «Nacional'naja programma „Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii“» (utverzhen prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiju i nacional'nym proektam, protokol ot 04.06.2019 № 7) // Sajt Konsul'tant pljus. 2020.* – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/.
13. *Central'nyj bank Rossii. Baza dannyh po vneshnej torgovle Rossijskoj Federacii uslugami.* – URL: https://www.cbr.ru/hd_base/svs_db/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.flow=2&UniDbQuery.ccode=-2&UniDbQuery.servicecode=10&UniDbQuery.From=2021&UniDbQuery.To=2021
14. *Interfaks: informacionnoe agentstvo. V pravitel'stve obeshhali podderzhat' jeksport rossijskih IT-reshenij.* – URL: <https://www.interfax.ru/russia/940595>
15. *Reshenie Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta ot 11 oktjabrja 2017 goda № 12 «Ob Osnovnyh napravlenijah realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza do 2025 goda».*
16. *Popova I.M. Mehanizmy vlijanija ES na mezhdunarodnoe regulirovanie cifrovoj jekonomiki // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij.* – 2021. – T. 16. – № 3. – S. 256–272.
17. *Kamolov S. G. Vysokotehnologichnaja paradigma gosudarstvennogo upravlenija na regional'nom urovne: special'nost' 08.00.05 «Jekonomika i upravlenie narodnym hozjajstvom (menedzhment): dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora jekonomicheskikh nauk / Kamolov Sergej Georgievich; Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii.– M., – 2020. – 405 s.*
18. *Evrazijskij bank razvitija. Monitoring vzaimnyh investicij EABR – 2023.* – URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf.

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, проспект Вернадского, 76
MGIMO University
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia
Камолов Сергей Георгиевич / Sergey G. Kamolov
s.kamolov@inno.mgimo.ru
Глазьева София Сергеевна / Sofia S. Glazyeva
sofiaglazyeva@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-507-517

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

CONCEPTUAL AND STRATEGIC DIRECTIONS FOR IMPROVING ECONOMIC SECURITY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES

МЕЗИНА Наталья Андреевна

Доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук

Natalia A. MEZINA

Associate Professor of the Department of management and marketing of high-tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Sciences in Economics

ЛУНЕВ Вячеслав Сергеевич

Аспирант кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

Vyacheslav S. LUNEV

Graduate student of the Department of management and marketing of high-tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Аннотация

Повышение экономической безопасности является комплексной задачей, требующей всестороннего подхода. Как известно, важнейшим и самым дорогим ресурсом является информация, не зря говорят: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». С постоянным развитием технологий и увеличением объема цифровых данных, обеспечение безопасности информации становится важнейшим конкурентным преимуществом, играет значительную роль и лежит в основе экономической устойчивости предприятий. Информационная безопасность в области экономики охватывает широкий спектр вопросов, начиная от инвестиций в киберзащиту до последствий кибератак на финансовые рынки. В статье рассмотрены основные аспекты экономических связей сферы информационной безопасности, а также ее влияние на национальную и мировую экономику.

Abstract

Improving economic security is a complex task that requires a comprehensive approach. As you know, the most important and most expensive resource is information, it is not for nothing that they say: «Whoever owns information owns the world». With the constant development of technology and an increase in the volume of digital data, information security is becoming an important competitive advantage, plays a significant role and underlies the economic sustainability of enterprises. Information security in the field of economics covers a wide range of issues, ranging from investments in cyber defense to the consequences of cyber attacks on financial markets. The article examines the main aspects of economic relations in the field of information security, as well as its impact on the national and global economy.

Ключевые слова

Экономическая безопасность, информационная безопасность, экономическая устойчивость предприятия, кибератаки.

Keywords

Economic security, information security, economic sustainability of enterprises.

Введение

Современные цифровые технологии становятся неотъемлемой частью бизнес-процессов, а безопасность информации становится критически важной. Реализация мер по защите информации напрямую влияет на экономику предприятия по целому ряду причин.

Во-первых, инциденты информационной безопасности могут привести к серьезным финансовым потерям. Кража или утечка конфиденциальных данных, взлом системы или отказ в обслуживании могут нанести ущерб репутации компании и привести к потере доверия клиентов. Бренды, столкнувшиеся с такими проблемами, могут понести значительные убытки из-за снижения продаж и, как следствие, потери доходов.

Во-вторых, информационная безопасность требует немалых инвестиций, которые необходимо учитывать при планировании бюджета предприятия. Разработка и внедрение специализированного программного обеспечения, приобретение компьютеров и сетевого оборудования, обучение персонала – все это требует дополнительных затрат. Однако эти вложения оправданы, так как стоимость потенциального ущерба информации выше, чем стоимость защитных мер.

В-третьих, развитие информационной безопасности имеет экономический смысл для государства в целом. Уязвимость информационной инфраструктуры рано или поздно приведет к негативным последствиям, связанным с нарушением конфиденциальности государственной тайны, или к неработоспособности критической инфраструктуры. Государство должно разрабатывать и реализовывать программы информационной безопасности, чтобы минимизировать риски и обеспечить стабильность.

Таким образом, обеспечение безопасности информации – это не только экономически оправданный шаг для обеспечения устойчивого развития предприятий, но и необходимое условие для успешного функционирования государства и общества.

Цель

Целью исследования является определение основных элементов защищенности предприятия, их влияния на возможные угрозы, выявление и обоснование концептуальных и стратегических направлений обеспечения экономической безопасности, а также определение роли информационной составляющей в обеспечении экономической безопасности высокотехнологичных предприятий.

Для реализации цели поставлены и решены следующие задачи:

- Комплексный анализ определяющих факторов, в системе информационно-экономической безопасности предприятия;
- Выявление критических экономических аспектов успешного функционирования системы информационной безопасности предприятия;
- Определение и формулировка концептуальных и стратегических направлений повышения экономической безопасности предприятия.

Материалы и методы

Методологической основой работы стали такие общенаучные методы, как системный анализ, статистический и диалектический методы, математическое моделирование, а также специфические методы, к которым можно отнести экономический анализ и прогнозирование.

Сравнительный анализ лег в основу оценки потенциальных рисков, их идентификации и определения наиболее критических, вероятности последствий, а также в разработку концептуальных направлений их предотвращения и повышения экономической безопасности.

Исследование опирается на нормативную базу в области информационной и экономической безопасности, а также на публикации российских и зарубежных авторов.

Результаты исследования

Комплексный анализ определяющих факторов, в системе информационно-экономической безопасности предприятия

Информационно-экономическая безопасность предприятия является ключевым фактором его успешного функционирования и устойчивого развития в современном мире. Она включает в себя совокупность мер, направленных на защиту критически важной информации, обеспечение непрерывности бизнес-процессов и предотвращение финансовых потерь от внешних и внутренних угроз [1]. Ключевые

факторы, определяющие уровень информационно-экономической безопасности предприятия, можно разделить на три основные группы – внешние и внутренние факторы, а также факторы, связанные с информационными ресурсами.

К основным внешним факторам, оказывающим влияние на макроэкономическую ситуацию, можно отнести экономический кризис, изменения в политической системе, войны, катастрофы. Агрессивная конкурентная среда может привести к увеличению числа киберугроз, шпионажа и других негативных явлений. Несовершенство законодательства в сфере кибербезопасности может усложнить защиту информации. Появление новых технологий, как правило, создает новые уязвимости и угрозы для предприятий.

Внутренние факторы, оказывающие влияние на экономическую безопасность предприятия, могут быть связаны с отсутствием четкой структуры ответственности за информационную безопасность, что может привести к нарушению правил и политик безопасности. Недостаточный уровень компетентности персонала, нехватка знаний и навыков в сфере кибербезопасности у сотрудников предприятия может стать причиной проблем с защитой информации [2]. Слабая система управления рисками может привести к невозможности своевременно определить и устранить уязвимости. Старое и незащищенное оборудование, ненадлежащее программное обеспечение, отсутствие резервного копирования данных – все эти факторы могут увеличить риск киберугроз.

Третья группа факторов связана с информационными ресурсами. Чем важнее информация, тем выше риск ее потери или неправомерного использования. Большой объем информации и ее распространение по различным каналам усложняет ее защиту. Особая важность придается защите конфиденциальной информации, которая может повредить репутации предприятия или нанести ущерб его бизнесу.

Выявление критических экономических аспектов успешного функционирования системы информационной безопасности предприятия

Экономические аспекты являются одной из важных составляющих успешного функционирования системы информационной безопасности организации. В условиях современной цифровой экономики недостаточно просто вкладывать ресурсы в технические средства защиты, необходимо также оценивать эффективность затрат и выбирать оптимальные стратегии.

Определяющим экономическим фактором является оценка стоимости ущерба, который может быть потенциально причинен в случае неблагоприятного сценария, возникшего вследствие нарушения информационной безопасности. К нему можно отнести финансовые потери, утрату репутации, снижение доверия контрагентов, а также правовые и регуляторные санкции со стороны государства. Важно иметь возможность оценить этот ущерб, чтобы определить рамки расходов на защиту информации.

Следовательно, вторым экономическим аспектом является определение бюджета на обеспечение безопасности информации. Важно определить, сколько организация готова выделить средств для обеспечения информационной безопасности. При этом за основу должны быть взяты риски и потенциальные затраты в случае возникновения угроз.

Кроме того, экономический аспект проявляется в выборе оптимальных стратегий обеспечения информационной безопасности. Здесь важно не только учитывать

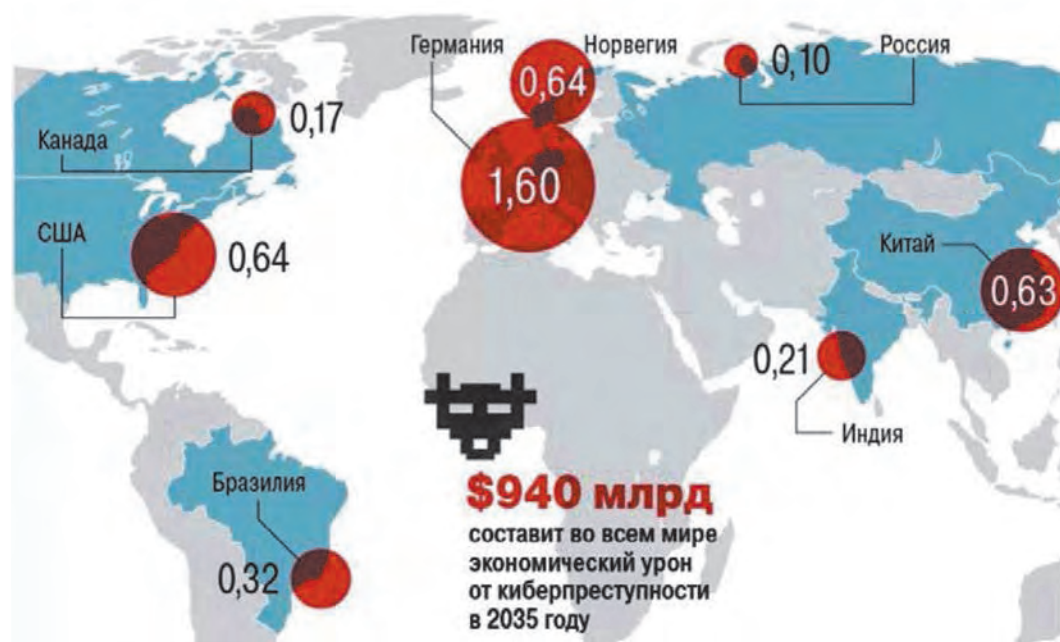
финансовые возможности организации, но и оценивать эффективность предлагаемых мер. Иногда рациональнее и выгоднее инвестировать в специалистов и обучение, чем покупать дорогостоящие технические средства.

Таким образом, оценка стоимости ущерба, определение бюджета и выбор оптимальных стратегий позволяют рационально использовать ресурсы и обеспечить надежную защиту информации предприятия.

На Всемирном экономическом форуме по глобальным рискам 2023 г. кибератаки признали составной частью единого базового глобального технологического риска [3]. Утечка данных, кибератаки и другие негативные события могут привести к серьезным финансовым убыткам.

По данным агентства стратегических инициатив на основе информации CISCO, EIA, INTERNATIONAL ENERGY экономический ущерб от киберпреступности в мире к 2035 г. может достигнуть 940 млрд долл. (рис. 1).

Рис. 1. Ущерб от киберпреступности в развитых и развивающихся странах (% ВВП)

По прогнозам экспертов, раскрытие 20% коммерческих секретов предприятия достаточно для того, чтобы спровоцировать его банкротство. В мировой практике достаточно таких примеров. Например, в 2019 г. крупный американский медицинский коллектор Retrieval-Masters Creditors Bureau Inc, один из лидеров отрасли, обанкротился как раз из-за того, что было допущено утечение сведений о более чем 12 млн клиентов. Компания не смогла справиться с обязательствами по выплате 4 млн долл. компенсаций потерпевшим, в результате чего было принято решение инициировать процедуру признания агентства банкротом [4]. Даже 5% раскрытия конфиденциальной информации компании способно привести к необратимым последствиям, например к потере лидирующих позиций на рынке.

К финансовым потерям относятся как прямой денежный, так и вероятный ущерб, возникающий из-за того, что компания лишается части прибыли, поэтому управление

финансовыми рисками является неотъемлемой частью стратегии информационной экономической безопасности [5].

Для эффективного управления финансовыми рисками необходимо провести анализ и оценку потенциальных угроз. Это поможет выявить уязвимость и оценить возможные финансовые последствия. На основе полученных данных можно разработать и внедрить меры по минимизации рисков. Утечка данных на предприятии может привести к возникновению трех основных видов финансовых рисков.

Риск ликвидности возникает в случае неспособности компанией выполнять свои финансовые обязательства. Эти риски возникают в случае утечек информации, которые способны оказать влияние на эффективность работы компании: из-за корпоративного мошенничества, хищения сырья и материальных активов.

Рыночный риск проявляется в виде снижения стоимости активов. Как правило, вследствие этого происходит потеря стоимости акций крупных компаний на срок около трех месяцев, что для ряда компаний является точкой невозврата.

Операционные риски идентифицируются как риски, связанные с выполнением компанией своих основных функций. В этом случае предсказать последствия порой просто невозможно.

Все три группы рисков могут проявляться для разных компаний по-разному. Для кого-то они могут оказаться фатальными, кто-то вынужден возмещать ущерб своим клиентам или сотрудникам, кто-то теряет часть рынка из-за того, что информация оказывается у конкурентов, у кого-то снижается стоимость активов, акций.

Поэтому важным шагом является создание эффективной системы информационной безопасности. Обучение сотрудников и внедрение политики безопасности также играют значимую роль. Регулярное обновление систем и программного обеспечения помогает предотвратить возможные угрозы.

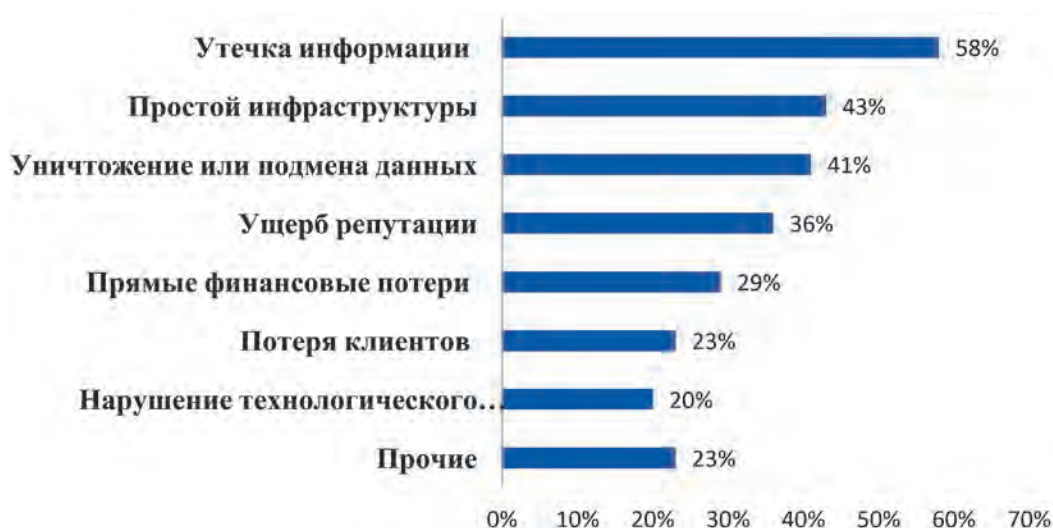
Для обеспечения финансовой стабильности и безопасности организации необходимо иметь финансовые резервы. Это позволит эффективно реагировать на инциденты безопасности и минимизировать возможные финансовые потери.

Кроме того, важно установить механизмы контроля и мониторинга финансовых рисков. Это поможет своевременно обнаружить потенциальные угрозы и предотвратить возникновение негативных последствий. Основные виды последствий кибератак, с которыми сталкиваются предприятия, представлены на рис. 2.

В первом полугодии 2023 г. средний ущерб российских компаний от действий хакеров вырос на треть, примерно до 20 млн руб. в годовом исчислении [7]. Экономические механизмы стимулирования инвестиций в информационную безопасность играют свою немаловажную роль в безопасности информационных систем и данных. В условиях постоянно растущих угроз и рисков, связанных с киберпреступностью, компании и организации необходимо активно инвестировать в меры защиты информации.

Один из основных механизмов стимулирования инвестиций в информационную безопасность – налоговые льготы. Некоторые страны предоставляют компаниям налоговые льготы или субсидии в зависимости от суммы инвестиций в информационную безопасность. Это позволяет компаниям снизить свои затраты на защиту информации и сделать инвестиции в безопасность более привлекательными [8].

Рис. 2.
Последствия кибератак (составлено автором по данным исследования аналитического центра TAdvise [6])

Еще один механизм – государственные программы финансирования. Многие страны разрабатывают и реализуют программы финансирования проектов в области информационной безопасности. Это может включать предоставление грантов, займов или возможность получения финансовой поддержки на конкретные проекты. Такие программы помогают компаниям и организациям получить дополнительные ресурсы для финансирования в свою информационную безопасность.

Также в некоторых случаях компании могут получать страховку от киберугроз. Страховые компании предлагают различные программы страхования от киберпреступности, которые могут покрывать убытки, связанные с нарушением безопасности информации. Получение страховки может быть одним из факторов, стимулирующих компании к инвестициям в информационную безопасность.

Однако, помимо этих механизмов, компании также должны осознавать, что инвестиции в безопасность – это не только затраты, но и инвестиции в будущее и защиту своего бизнеса. Вместе с тем необходимо продолжать развивать новые экономические механизмы, которые будут стимулировать предприятия к активным инвестициям в информационную безопасность.

Экономика в современном мире все больше становится основанной на программно-аппаратных платформах и сетевых технологиях. Смарт-экономика, основанная на использовании больших данных, интернета вещей и искусственного интеллекта, оказывает существенное влияние на информационную безопасность [9].

Одной из ключевых особенностей смарт-экономики является высокая степень централизации данных и их обработки. Большие объемы информации хранятся и обрабатываются на облачных платформах и центрах обработки данных, что создает новые вызовы для безопасности. Критически важно обеспечить защиту данных от несанкционированного доступа, утечек и взломов.

С развитием смарт-экономики также возникают новые угрозы и атаки в сфере информационной безопасности. Киберпреступники активно используют новые технологии и методы для осуществления вредоносных действий. Распространение вредоносного программного обеспечения, сетевых атак и фишинговых атак становится все более сложным и масштабным.

Для обеспечения безопасности в смарт-экономике необходим комплексный подход. Важно разработать и внедрить стратегии и политики информационной безопасности, которые учитывают специфику современной экономики. Необходимо обеспечить достаточную защиту данных и защиту от новых угроз, а также обучить пользователей основам безопасного поведения в цифровой среде.

Кроме того, важно развивать исследования и разработки в области информационной безопасности, чтобы оперативно реагировать на новые угрозы и находить эффективные методы защиты. Компании и государства должны сотрудничать в области информационной безопасности и обмениваться опытом, чтобы справиться с вызовами смарт-экономики и обеспечить стабильность и безопасность развития цифровой экономики.

Определение и формулировка концептуальных и стратегических направлений повышения экономической безопасности предприятия

На основе всего вышеизложенного были предложены следующие концептуальные основы повышения экономической безопасности. Во-первых, это диверсификация бизнес связей, которая позволит снизить критическую зависимость от контрагентов. Во-вторых – акцент на устойчивость, то есть создание сбалансированной системы, способной противостоять внешним вызовам (экономическим, политическим, природным), сохраняя стабильность и устойчивое развитие. В-третьих, это самодостаточность, то есть обеспечение собственных потребностей в ключевых ресурсах (энергетических, продовольственных, технологических) и снижение зависимости от импорта, что сегодня является для страны приоритетным и отражено в стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 [10]. В-четвертых – повышение конкурентоспособности за счет развития новых технологий, продуктов и услуг, повышенное внимание развитию и внедрению инноваций [11]. И, конечно же, обеспечение справедливого распределения ресурсов и возможностей, чтобы минимизировать социальное напряжение и обеспечить стабильность и сплоченность общества.

Укрепление национальной экономики с акцентом на развитие системы информационной безопасности должно касаться всех ключевых секторов во всех регионах страны [12]. Повышение эффективности, защищенности и конкурентоспособности в стратегически важных отраслях, таких как энергетика, сельское хозяйство, промышленность, IT становится одним из основных векторов прогресса [13]. Приоритетным так же остается развития человеческого потенциала за счет расширение возможностей в сфере образования, развитие научной и практической составляющих здравоохранения, стимулирование повышение квалификации и переподготовка кадров. Создание возможностей для развития предпринимательства посредством развития благоприятной среды для процветания малого и среднего бизнеса, поддержка инноваций и стартапов являются заделом на будущее. Финансовая стабильность путем укрепления финансовой системы способствует обеспечению стабильности национальной валюты, контролю над инфляцией. Также к основным стратегическим направлениям целесообразно отнести ряд более узких областей.

Обеспечение продовольственной безопасности за счет развития сельского хозяйства путем повышения его продуктивности благодаря внедрению современных технологий и обеспечению доступности земли и ресурсов [14]. Создание запасов продовольствия через формирование стратегических резервов, повышение уровня самообеспеченности продуктами питания. Развитие логистической инфраструктуры: создание эффективной и независимой системы хранения, транспортировки и распределения продовольствия.

Обеспечение энергетической безопасности путем диверсификации источников энергии, снижения зависимости от одного вида топлива, развития возобновляемых источников энергии [15]. Повышение энергетической эффективности за счет создания систем энергосбережения, внедрение новых технологий, оптимизация потребления. Развитие энергетической инфраструктуры: строительство новых электростанций, модернизация энергетических сетей, обеспечение бесперебойного энергоснабжения.

Укрепление технологической безопасности за счет развития собственных технологий через поддержку научных исследований и разработок, формирование национальных технологических платформ. Защита интеллектуальной собственности: обеспечение безопасности и приоритета национальных разработок. Сюда же можно отнести кибербезопасность, о которой было уже сказано немало.

Укрепление внешнеэкономической безопасности через диверсификацию торговых партнеров, развитие международного сотрудничества, укрепление экономических отношений с другими странами, создание альтернативных рыночных платформ. Защита национальных интересов но при этом активное участие в международных экономических организациях, проведение торговых переговоров с учетом национальных интересов.

Управление рисками, как уже было сказано, с помощью мониторинга внешних угроз, анализа экономических, политических, природных и других факторов, которые могут оказать отрицательное влияние на экономику. Разработка сценариев реагирования и создание планов действий на случай возникновения критических ситуаций. Повышение резилентности, то есть создание системы быстрого восстановления после критических событий.

Заключение

Для удержания конкурентных позиций на рынке, высоких показателей деятельности и устойчивости любое предприятие должно быть в состоянии оперативно реагировать на внешние и внутренние вызовы и иметь гибкую систему управления.

Экономическая безопасность предприятия базируется на его информационной безопасности. Актуальная и достоверная информация является главным условием для принятия решений, именно она определяет информационную составляющую экономической безопасности предприятия как приоритетную.

При этом важно помнить, что информационные технологии не только способствуют защите информации, но и требуют усиления организационных мероприятий, увеличения расходов, привлечения соответствующих кадров [16]. Взаимосвязь всех процессов на предприятии как единой системы предусматривает обеспечение его информационной и экономической безопасности в комплексе.

Библиографический список

1. Богатырев А.В., Бубнова О.Ю., Жуков М.С., Теоретические аспекты разработки показателей экономической безопасности промышленных предприятий // Экономика и управление в машиностроении. – 2024 – № 1. – С. 7–11.
2. Мезина Н.А., Назарова Э.Э. Современные тенденции проектирования высокотехнологичной авиационной продукции // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 4. – С. 4–8.
3. Мировой экономический форум. Отчет о глобальных рисках 2023 <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/23>.
4. Официальный сайт компании Солар. Финансовые и репутационные потери от утечки информации. https://it-solar.ru/products/solar_dozor/blog/2163/.
5. Ступин Р.С. Основные аспекты управления цифровизацией предприятий машиностроения // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 3. – С. 34–39.
6. Оценка киберзащищенности российского бизнеса. https://news.microsoft.com/wp-content/uploads/prod/sites/46/2019/12/Microsoft-u-Positive-Technologies_Final.pdf.
7. Информационная безопасность. Комерсантъ 14.07.2023 <https://www.kommersant.ru/doc/6098469>.
8. Богатырев А.В., Бардаков А.А., Бубнова О.Ю., Актуальные вопросы обеспечения экономической безопасности промышленных предприятий // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 4. – С. 8–12.
9. Филатов В.В. Перспективы формирования интегрированных систем на высокотехнологичных промышленных предприятиях в условиях Индустрии 4.0 // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 6. – С. 4–8.
10. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.
11. Вартанян А.А., Щетинина А.Р. Выработка стратегии развития цифровой независимости России на основе разработанного инструмента оценки ее уровня в контексте экономического суверенитета // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 4. – С. 53–59.
12. Суходоев Д.В., Шох М.А. Цифровая трансформация промышленного потенциала как фактор безопасности региона // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 6. – С. 45–51.
13. Камскова И.Д. Информационная безопасность как элемент экономической безопасности субъектов предпринимательства // Перспективы развития информационных технологий. – 2018. – № 18. – С. 169–172.
14. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации <https://ecfs.msu.ru/napravleniya-raboty/ekonomicheskie-osnovyi-pishhevoj-bezopasnosti-rossijskoj-federaczii/doktrina-prodovolstvennoj-bezopasnosti-rossijskoj-federaczii>.
15. Мещерякова Т.С. Системный подход к энергосбережению на промышленных предприятиях с использованием специализированных программно-аппаратных комплексов // Экономика и управление в машиностроении. – 2023 – № 3. – С. 23–29.
16. Осипова В.А. Информационная безопасность как элемент экономической безопасности // Вектор экономики. – 2020. – № 3 (45). – С. 47–53.

References

1. Bogatyrev A.V., Bubnova O.Yu., Zhukov M.S., Teoreticheskie aspekty razrabotki pokazatelej ekonomicheskoy bezopasnosti promyshlennyh predpriyatij // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii. – 2024 – № 1. – S. 7–11.

2. Mezina N.A., Nazarova E.E. *Sovremennye tendencii proektirovaniya vysokotekhnologichnoj aviacionnoj produkcii // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 4. – С. 4–8.
3. *Mirovoj ekonomicheskij forum. Otchet o global'nyh riskah 2023* <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2023/23>.
4. *Oficial'nyj sajt kompanii Solar. Finansovyje i reputacionnye poteri ot utechki informacii.* https://rt-solar.ru/products/solar_dozor/blog/2163/.
5. Stupin R. S. *Osnovnye aspekty upravleniya cifrovizaciej predpriyatij mashinostroeniya // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 3. – С. 34–39.
6. *Ocenka kiberzashchishchennosti rossijskogo biznesa.* https://news.microsoft.com/wp-content/uploads/prod/sites/46/2019/12/Microsoft-u-Positive-Technologies_Final.pdf.
7. *Informacionnaya bezopasnost'. «Kommersant» 14.07.2023* <https://www.kommersant.ru/doc/6098469>
8. Bogatyrev A.V., Bardakov A.A., Bubnova O.Yu., *Aktual'nye voprosy obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti promyshlennyh predpriyatij // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 4, – С. 8–12.
9. Filatov V.V. *Perspektivy formirovaniya integrirovannyh sistem na vysokotekhnologichnyh promyshlennyh predpriyatiyah v usloviyah Industrii 4.0 // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 6, – С. 4–8.
10. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 maya 2017 goda № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda».* <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
11. Vartanyan A.A., Shchetinina A.R. *Vyrabotka strategii razvitiya cifrovoj nezavisimosti Rossii na osnove razrabotannogo instrumenta ocenki ee urovnya v kontekste ekonomicheskogo suvereniteta // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 4. – С. 53–59.
12. Suhodoev D.V., Shoh M A. *Cifrovaya transformaciya promyshlennogo potenciala kak faktor bezopasnosti regiona // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 6 –С. 45–51.
13. Kamskova I.D. *Informacionnaya bezopasnost' kak element ekonomicheskoy bezopasnosti sub"ektov predprinimatel'stva // Perspektivy razvitiya informacionnyh tekhnologij.* – 2018. – № 18. – С. 169–172.
14. *Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* <https://ecfs.msu.ru/napravleniya-raboty/ekonomicheskie-osnovyi-pishhevoj-bezopasnosti-rossijskoj-federacii/doktrina-prodovol'stvennoj-bezopasnosti-rossijskoj-federacii>
15. Meshcheryakova T.S. *Sistemnyj podhod k energosberezheniyu na promyshlennyh predpriyatiyah s ispol'zovaniem specializirovannyh programmno-apparatnyh kompleksov // Ekonomika i upravlenie v mashinostroenii.* – 2023 – № 3. – С. 23–29.
16. Osipova V.A. *Informacionnaya bezopasnost' kak element ekonomicheskoy bezopasnosti // Vektor ekonomiki.* – 2020. – № 3 (45). – С. 47–53.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)»
125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4, корпус 5
Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, Volokolamskoe highway, building 5, 125993, Moscow, Russia
Мезина Наталья Андреевна / Natalia A. Mezina
Ns802@yandex.ru
Лунев Вячеслав Сергеевич / Vyacheslav S. Lunev
lunevvs@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-518-526

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

MODERN ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF HIGH-TECH BRANCHES OF RUSSIAN INDUSTRY

КОСТЫГОВА Людмила Александровна

Профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор экономических наук, доцент

Lyudmila A. KOSTYGOVA

Professor of the Department of Management and marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Doctor of Economics, Associate Professor

СОРОКИН Дмитрий Дмитриевич

Аспирант кафедры «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)

Dmitry D. SOROKIN

Postgraduate Student of the Department of Management and Marketing of High-tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Аннотация

В статье рассмотрены основные аспекты развития высокотехнологичных отраслей, которые отражают реалии современного периода, к ним, в первую очередь, относятся: консолидация усилий всех участников процесса; локализация и ускоренное развитие собственного производства высокотехнологичной продукции; реализация мер государственной поддержки и стимулирования технологического развития; учет российских условий, заключающийся в наличии и усилении роли в экономике страны госкорпораций и компаний с государственным участием. В статье дана характеристика рассмотренным направлениям, приведены конкретные примеры их реализации.

Abstract The article considers the main aspects of the development of high-tech industries that reflect the realities of the modern period, they primarily include: consolidation of efforts of all participants in the process; localization and accelerated development of own production of high-tech products; implementation of measures of state support and stimulation of technological development; consideration of Russian realities, consisting in the presence and strengthening of a role in the economy countries of state corporations and companies with state participation. The article describes the considered directions, provides specific examples of their implementation.

Ключевые слова Технологическое развитие российской промышленности, современные аспекты развития высокотехнологичных отраслей.

Keywords Technological development of Russian industry, modern aspects of the development of high-tech industries.

Введение

В настоящее время темпы научно-технологического развития являются важнейшим фактором, который определяет независимость и конкурентоспособность экономики, играет ключевую роль в «обеспечении устойчивого развития страны и, в конечном итоге, определяет ее мировое положение» [1]. Как отмечается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, «современные вызовы требуют изменения приоритетов и подходов в этой области и определения перспектив научно-технологического развития».

В сложной мировой ситуации, связанной с наличием санкционного давления со стороны недружественных государств, возникает насущная необходимость мобилизации усилий как со стороны общества и государства, так и отдельных хозяйствующих субъектов. В связи с этим был принят ряд документов [1–3], обеспечивающих «создание эффективной, целостной и сбалансированной системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования научно-технологического развития» [1]. Особую важность этот аспект приобретает для наукоемких высокотехнологичных отраслей, являющихся базисом развития экономики страны.

Цель. Целью данного исследования является исследование перспектив и акцентирование внимания на наиболее значимых, принципиальных аспектах развития высокотехнологичных отраслей, которые отражают реалии современного периода.

Современные аспекты

1. Консолидация усилий всех участников процесса.

В обновленной Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145) указано, что в «настоящее время требуется консолидация усилий всех участников этого процесса: федеральных органов, государственной власти, субъектов РФ, местного самоуправления, научно-образовательных и предпринимательских структур, институтов гражданского общества» [1]. Особенно важно обеспечение координации и сбалансированности связей вышеуказанных субъектов для развития наукоемких и высокотехнологичных отраслей российской промышленности.

В 2009 г. учеными Э.Караяннисом и Д.Кэмпбеллом была предложена концепция четырехзвенной спирали (quadruple helix). Она представляет модернизированный вариант тройной спирали (взаимодействие бизнеса, науки в лице университетов и власти), включающей в качестве четвертого элемента общество [4]. Однако ее реализация в условиях Российской Федерации требует устранения «разобщенности указанных элементов» и учета реалий реализации.

В современных условиях трудно переоценить роль государства, как основного организующего звена в области ускорения инновационного развития и модернизации экономики. Интенсивное развитие основных высокотехнологичных направлений нуждается в значительных финансовых средствах, необходимости детального планирования процесса и жесткого контроля исполнения задания. Поэтому для развития сквозных технологий в рамках десяти высокотехнологичных направлений по «поручению президента России правительство заключило с крупнейшими компаниями страны десять соглашений по развитию высокотехнологичных направлений, суть которых состоит в создании конкретных промышленных продуктов и образцов, готовых к тиражированию и серийному производству» [5]. Для уточнения алгоритма процесса разрабатываются дорожные карты, конкретные мероприятия и системы показателей. Предложено развивать такие высокотехнологичные направления, как «искусственный интеллект, квантовые вычисления и коммуникации, водородная энергетика, современные сети связи, системы накопления энергии, программного обеспечения, новые материалы, перспективные космические системы и сервисы» и т.п. [5]. Для выполнения заданий налажено взаимодействие государства, науки, бизнеса на основе соглашений о сотрудничестве, всего привлечено более 100 компаний. Только в 2022 г. подписано «21 соглашение о сотрудничестве между Российской академией наук и органами государственной власти Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, научными и образовательными организациями высшего образования, коммерческими и другими организациями» [6]. К реализации принято 10 дорожных карт, шести из них: «Современные и перспективные сети мобильной связи», «Квантовые вычисления», «Квантовые коммуникации», «Новое индустриальное программное обеспечение», «Новое общесистемное программное обеспечение» и «Искусственный интеллект» в 2023 г. имели финансирование в размере 93,5 млрд руб., из них большая часть 73,9 млрд руб. – это средства бизнеса. Только в первом полугодии 2023 г. Фондом содействия инновациям осуществлены вложения в 44 проекта по ИИ-решениям. Одним из ключевых механизмов технологического развития является ускоренное внедрение результатов научных исследований, примером является поддержка перспективных технологий. Так, например, с 2023 по 2028 г. осуществляется программа «Аддитивные технологии. Новые материалы и технологические процессы». В настоящее время актуализирована ее дорожная карта, в результате к направлениям «Полимерные композиционные материалы», «Редкие и редкоземельные металлы», «Аддитивные технологии» добавилось новое направление «Перспективные материалы и цифровое материаловедение» [5].

2. Локализация и ускоренное развитие собственного производства высокотехнологичной продукции. Обострение международной ситуации в последние годы привело к постоянному росту количества санкционных мер, что в свою очередь вызвало необходимость переориентации российской экономики на параллельный импорт, импортозамещение, локализацию и ускоренное развитие собственного

производства высокотехнологичной продукции. Если в начале 2022 г. преобладали процессы параллельного импорта и производство оборудования отечественной сборки на основе иностранных компонентов, то сейчас полным ходом организуется выпуск собственных компонентов изделий. Зарубежный и отечественный опыт подтверждает целесообразность трансформации и локализации производства [7–9].

В связи с этим была выдвинута и последовательно реализуется концепция технологического суверенитета – «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства» [1]. Специалисты считают, что реализация технологического суверенитета способствует раскрытию инновационных возможностей высокотехнологичных отраслей и повышению их конкурентоспособности [10,11].

Так например, последовательная реализация данной политики позволила в 2024 г. практически нивелировать падение 2022 г. одного из наиболее сложных рынков – рынка вычислительной техники, организовать отечественный выпуск печатных плат и литографов. Однако полное импортозамещение в этой области следует ожидать, как отмечают эксперты, через 15 лет [12].

3. Реализация мер государственной поддержки и стимулирования – технологического развития. Предусматривается реализация правовых, экономических и организационных мер. Как отмечалось выше, обеспечение высоких темпов развития производства высокотехнологичной продукции в условиях ограничения доступа к иностранным инвестициям и инновационным ресурсам требует четкого определения и реализации приоритетов при распределении финансовых средств, детального планирования и жесткого контроля исполнения намечаемых мероприятий. При таком подходе требуется государственная поддержка и стимулирование со стороны государства, в качестве инструментов их реализации используются [13]:

- специальные инвестконтракты, договоренности о защите и поощрении капиталовложений, создание кластерных инвестплатформ;
- долгосрочные заемные средства господдержки или привлечение средств на льготных условиях для мега-проектов.

Данные меры, в первую очередь, должны укрепить технологический суверенитет страны в следующих областях: «производство необходимых лекарств, медицинских изделий и оборудования, с налаживанием выпуска критически важной химической продукции, приоритетной станкоинструментальной, электронной и радиоэлектронной продукции, судов и судового оборудования, воздушных судов, средне- и высокооборотных дизельных двигателей и продукции на их основе, с развитием беспилотных авиационных систем и производством сжиженного природного газа на основе отечественного оборудования» [13]. В период с 2023 до 2024 г. планируется направить не менее 100 млрд руб. для реализации десяти мега-проектов.

Такой подход опирается на осуществление государственной политики и стимулирование технологического суверенитета, в частности, предполагает реализацию:

- национальных, федеральных, ведомственных, региональных проектов, в области экономического развития на основе отечественных технологий;

- мер государственного стимулирования спроса и предложения продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей, в том числе деятельности по «внедрению критических и сквозных технологии на основе собственных линий разработки тех-

нологий, а также меры государственного стимулирования внедрения технологических инноваций» [14].

Важным элементом реализации технологической политики является установление статуса квалифицированного заказчика при реализации национальных проектов. Таким образом будут обеспечены:

- долгосрочный спрос на объемы и виды высокотехнологичной продукции в соответствии с паспортом национального проекта технологического суверенитета, формами и юридически значимыми способами обеспечения такого спроса;
- контроль условий, сроков производства, приемки продукции в области технологических параметров и экономических условий ее производства и реализации;
- государственное стимулирование деятельности по реализации технологической политики в Российской Федерации.

4. Учет российских реалий, заключающийся в наличии и усилении роли в экономике страны госкорпораций и компаний с государственным участием. Это позволило в экстремальных условиях санкционного давления использовать в качестве инструмента технологической политики разработку программ инновационного развития организаций с государственным участием, обеспечивая таким образом долгосрочный спрос на высокотехнологичную продукцию [14]. Примером реализации данного подхода является инвестпроект «Комплексная программа по расширению производства воздушных судов, авиационных двигателей, приборов и агрегатов, в том числе в целях создания системы послепродажного обслуживания гражданских воздушных судов, реализуемая Государственной корпорацией „Ростех“» [15]. Комплексной программой определено, что к 2030 г. необходимо произвести и передать в эксплуатацию 609 самолетов, которые выпустит «Объединенная авиастроительная корпорация» (SJ-100 и MC-21-310 («Яковлев»), Ту-214 («Туполев»), Ил-96-300 и Ил-114-300 (авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина), 472 региональных и местных авиалайнеров («Уральский завод гражданской авиации»), 764 вертолета. К 2040 г. рынок отечественных гражданских самолетов, произведенных ОАК, составит 1869 единиц, в том числе 342 – SJ-100, 990 MC-21-310, 190 Ил-114-300, 315 Ту-214 и 32 Ил-96-300 [15,17].

Суммарный объем капитальных вложений по инвестпроекту оценивается в 1003051964 тыс. руб. в ценах соответствующих лет (865606881 тыс. руб. в ценах 2023 г.), в том числе [15, 16]:

- бюджетное финансирование 215564059 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет) за счет субсидий и взносов в уставный капитал в рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности»;
- 283786849 тыс. руб. в ценах соответствующих лет (28,8% всех капитальных вложений) выделяются Фондом национального благосостояния (ФНБ). В 2024 г. Минфином РФ за счет этих средств должны быть приобретены облигации Государственной корпорации Ростех;
- 380920070 тыс. руб. в ценах соответствующих лет придется на банковское финансирование;
- участники инвестпроекта внесут средства, поступающие в форме амортизационных отчислений при реализации проекта.

Средства Фонда национального благосостояния (ФНБ), выделяемые под 1,5% на длительный срок, в комплексе с поддержанием спроса на покупку и лизинг воздушных судов за счет мер, осуществляемых Минпромторгом РФ, позволяют создать для отечественных лизинговых компаний условия, аналогичные предлагаемым западными конкурентами (обеспечить конкурентоспособную лизинговую ставку), которые привлекают «длинные деньги» по невысоким ставкам [15, 16].

Из приведенных данных следует необходимость обеспечения эффективности использования средств как бюджетного финансирования, так привлеченных и собственных средств участников инвестпроекта. С этой целью в 2024 г. Минфином РФ за счет средств ФНБ должны быть приобретены облигации Государственной корпорации Ростех на следующих условиях: ставка купона 1,5%, выпускаются на 15 лет с двухлетним льготным периодом выплаты купонного дохода, капитализация дохода за этот период составит 1,5% годовых [15, 16].

Главные результаты программы заключаются в обеспечении технологического суверенитета гражданской авиации на основе формирования постоянных заказов предприятиям российской авиационной отрасли, что гарантирует ритмичное серийное производство новых воздушных судов на условиях локализации производства, обеспечивает стабильное инновационное развитие отрасли и в итоге закрепляет ее независимость и конкурентоспособность.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что реализация рассмотренных направлений развития высокотехнологичных отраслей позволит обеспечить технологический суверенитет и устойчивое развитие российской промышленности [18].

Результаты

В результате выполненного исследования установлено, что:

- темпы научно – технологического развития являются важнейшим фактором, который определяет независимость и конкурентоспособность российской экономики. Особую важность это положение приобретает для наукоемких и высокотехнологичных отраслей, являющихся базисом развития экономики страны;

- на основе анализа перспектив развития высокотехнологичных отраслей выявлены наиболее значимые, принципиальные аспекты их развития, которые отражают реалии современного периода, к ним относятся:

- консолидация усилий всех участников процесса;
- локализация и ускоренное развитие собственного производства высокотехнологичной продукции;
- реализация мер государственной поддержки и стимулирования технологического развития;
- учет российских реалий, заключающийся в наличии и усилении роли в экономике страны госкорпораций и компаний с государственным участием.

Библиографический список

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru>. (дата обращения: 19.05.2024).

2. Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 г. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://government.ru/news/48570/>. (дата обращения: 19.05.2024).
3. Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/8JsiO5kSltJA1g5IHhGd5qiQVACelECn.pdf>. (дата обращения: 24.05.2024).
4. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation Ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, no. 3/4 (46), pp. 201–234.
5. В развитии высокотехнологичных направлений участвуют более 100 компаний. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://объясняем.пф/articles/news/v-razvitii-vysokotekhnologichnykh-napravleniy-uchastvuyut-bolee-100-kompaniy/> (дата обращения: 14.03.2024).
6. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. Электронный ресурс. Режим доступа: [file:///C:/Users/725/Downloads/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%20%D0%A0%D0%A4%202023%D0%B3%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/725/Downloads/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%20%D0%A0%D0%A4%202023%D0%B3%20(1).pdf). (дата обращения: 04.01.2024).
7. Костыгова Л.А., Зарубежный опыт локализации производства в машиностроении /Л.А. Костыгова, Д.Д. Сорокин // Экономика и управление в машиностроении – 2023. – № 5. – С. 48–51.
8. Костыгова Л.А., Трансформация машиностроения в условиях глобальных вызовов / Л.А. Костыгова // Экономика и управление в машиностроении – 2022. – № 4. – С. 61–64.
9. Костыгова Л.А., Потенциал развития промышленной инфраструктуры России / Л.А. Костыгова // Экономика и управление в машиностроении – 2022. – № 3. – С. 16–19.
10. Сырцов Д.Н., Устойчивое развитие, технологический суверенитет и повышение инновационного потенциала промышленности / Д.Н. Сырцов, А.В. Колош // Экономика и управление в машиностроении – 2023. – № 6. – С. 26–30.
11. Сиваев Е.А., Научно-технологический суверенитет как научная категория с точки зрения теории конкуренции: роль значимость / Е.А. Сиваев // Экономика и управление в машиностроении – 2024. – № 1. – С. 52–58.
12. Обзор: Импортозамещение 2024. В России растет локализация производства вычислительной техники. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_2023_itogi_i_plany/articles/v_rossii_rastet_lokalizatsiya_proizvodstva. (дата обращения: 27.05.2024).
13. Михаил Мишустин утвердил перечень мегапроектов, направленных на разработку и производство приоритетной высокотехнологичной продукции. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://government.ru/news/48571/>. (дата обращения: 23.05.2024).
14. Проект ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Электронный ресурс. Режим доступа: https://storage.consultant.ru/site20/202405/24/fz_240524-632206.pdf. (дата обращения: 24.05.2024).

15. Распоряжение Правительства РФ от 13 января 2024 г. № 7-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 5 ноября 2013 г. № 2044-р и утверждении паспорта инвестиционного проекта „Комплексная программа по расширению производства воздушных судов, авиационных двигателей, приборов и агрегатов, в том числе в целях создания системы послепродажного обслуживания гражданских воздушных судов, реализуемая Государственной корпорацией „Ростех“» Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408264869/> (дата обращения: 24.04.2024).

16. Самолетостроителям предстоит сначала построить производство Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.aviaport.ru/news/samolyetostroitelnyam-predstoit-snachala-postroit-proizvodstvo/> (дата обращения: 20.02.2024).

17. Садиться на иглу китайских поставщиков не хочется Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.aviaport.ru/news/saditsya-na-iglu-kitayskikh-postavshchikov-ne-khochetsya/> (дата обращения: 24.01.2024).

18. Костыгова Л.А., Устойчивое развитие российской промышленности в современных условиях / Л.А. Костыгова // Экономика и управление в машиностроении – 2022. – № 5. – С. 52–55.

References

1. On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation Electronic resource. Access mode: <https://docs.cntd.ru> Date of application: 19.05.2024.

2. The Government approved the Concept of technological development until 2030 Electronic resource. Access mode: <http://government.ru/news/48570/> / Date of application: 19.05.2024.

3. On approval of priority directions of projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and the Regulations on the conditions for classifying projects as projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation, on providing information on projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation and maintaining a register of these projects, as well as on the requirements for organizations authorized to submit conclusions on the compliance of projects with the requirements for projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy The Russian Federation Electronic resource. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/8JsiO5kSlIA1g5IHhGd5qiQVACelECn.pdf> Date of application: 24.05.2024.

4. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation Ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, no. 3/4 (46), pp. 201–234.

5. More than 100 companies participate in the development of high-tech areas. Electronic resource. Access mode: <https://объясняем.Russian Federation/articles/news/v-razvitii-vysokotekhnologichnykh-napravleniy-uchastvuyut-bolee-100-kompaniy-/> / Date of access: 14.03.2024.

6. Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and on the most important scientific achievements obtained by Russian scientists Electronic resource. Access mode: [file:///C:/Users/725/Downloads/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%20%D0%A0%D0%A4%202023%D0%B3%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/725/Downloads/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%20%D0%A0%D0%A4%202023%D0%B3%20(1).pdf) Accessed: 04.01.2024.

7. Kostygova L.A., Foreign experience of localization of production in mechanical engineering / L.A. Kostygova, D.D. Sorokin // *Economics and management in mechanical engineering* – 2023. – No. 5. – pp. 48–51.

8. Kostygova L.A., Transformation of mechanical engineering in the context of global challenges / L.A. Kostygova // *Economics and management in mechanical engineering* – 2022. – No. 4. – pp. 61–64.

9. Kostygova L.A., *The potential for the development of industrial infrastructure in Russia* / L.A. Kostygova // *Economics and Management in mechanical engineering* – 2022 – No. 3. – pp. 16–19.
10. Syrtsov D.N., *Sustainable development, technological sovereignty and increasing the innovative potential of industry* / D.N. Syrtsov, A.V. Kolosh // *Economics and management in mechanical engineering* – 2023 – No. 6. – pp. 26–30.
11. Sivaev E.A., *Scientific and technological sovereignty as a scientific category from the point of view of competition theory: the role of significance* / E.A. Sivaev // *Economics and management in mechanical engineering* – 2024. – No. 1. – pp. 52–58.
12. Overview: Import substitution 2024. Localization of computer technology production is growing in Russia. Electronic resource. Access mode: https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_2023_itogi_i_plany/articles/v_rossii_rastet_lokalizatsiya_proizvodstva Date of application: 27.05.2024.
13. Mikhail Mishustin approved a list of megaprojects aimed at the development and production of priority high-tech products Electronic resource. Access mode: <http://government.ru/news/48571/> / Date of application: 23.05.2024.
14. Draft Federal Law «On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts Of the Russian Federation» Electronic resource. Access mode: https://storage.consultant.ru/site20/202405/24/fz_240524-632206.pdf Date of application: 24.05.2024.
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated January 13, 2024 No. 7-r On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 5, 2013 No. 2044-r and Approval of the Passport of the investment project “Comprehensive program for expanding the production of aircraft, Aircraft Engines, instruments and Assemblies, including in order to create an after-sales service system civil aircraft, implemented by the Rostec State Corporation Electronic resource. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408264869/> / Date of request: 24.04.2024.
16. Aircraft builders will first have to build an electronic resource production. Access mode: <https://www.aviaport.ru/news/samolyetostroitelyam-predstoit-snachala-postroit-proizvodstvo/> / Date of application: 20.02.2024.
17. I don't want to get on the needle of Chinese suppliers Electronic resource. Access mode: <https://www.aviaport.ru/news/saditsya-na-iglu-kitayskikh-postavshchikov-ne-khochetsya/> / Date of request: 24.01.2024.
18. Kostygova L.A., *Sustainable development of Russian industry in modern conditions* / L.A. Kostygova // *Economics and Management in mechanical engineering* – 2022. – No. 5. – pp. 52–55.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет)
125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4
Moscow Aviation Institute (National Research University)
4 Volokolamsk highway, Moscow, 125993, Russia
Костыгова Людмила Александровна / Kostygova Lyudmila
kostmisis@yandex.ru
Сорокин Дмитрий Дмитриевич / Sorokin Dmitry Dmitrievich
dmsor98@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-527-542

АНТИСАНКЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: КРАТКОСРОЧНЫЕ И СРЕДНЕСРОЧНЫЕ АСПЕКТЫ

ANTI-SANCTIONS POLICY IN AGRICULTURE: SHORT- AND MEDIUM-TERM ASPECTS

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

Alexander V. PETRIKOV

Head of Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Нелигитимные экономические санкции против России со стороны недружественных государств затронули и сельское хозяйство, несмотря на социальный характер отрасли и существенную роль России в решении мировой продовольственной проблемы. В статье анализируются меры аграрной политики, предпринятые правительством для противодействия санкциям и их влияние на развитие сельского хозяйства. Отмечается эффективность антисанкционной политики в течение 2022 г. – первой половины 2024 гг. и направления ее дальнейшего совершенствования. Особое внимание уделено повышению доходности отрасли, росту влияния малых и средних хозяйств, формированию технологического суверенитета АПК и решению социальных проблем села.

Abstract

Illegitimate economic sanctions against Russia by unfriendly states have also affected agriculture, despite the social nature of the industry and Russia's significant role in solving the world food problem. The article analyzes the measures of agrarian policy taken by the government to counteract sanctions and their impact on the development of agriculture. The effectiveness of the anti-sanctions policy during 2022 – the first half of 2024 and the directions for its further improvement are noted. Special attention is paid to increasing the profitability of the industry, increasing the influence of small and medium-sized farms, the formation of technological sovereignty of the agro-industrial complex and solving social problems of the village.

Ключевые слова Экономические санкции, аграрная политика, государственная поддержка сельского хозяйства, структурная политика в сельском хозяйстве, рентабельность сельскохозяйственного производства, технологический суверенитет агропромышленного комплекса, сельское развитие.

Keywords *Economic sanctions, agricultural policy, state support for agriculture, structural policy in agriculture, profitability of agricultural production, technological sovereignty of the agro-industrial complex, rural development.*

Перед сельским хозяйством, как и перед другими отраслями российской экономики, стоит задача адаптации к необоснованным санкциям со стороны недружественных государств. Аграрная отрасль, несмотря на свой социально-гуманитарный характер (без продовольствия невозможна сама человеческая жизнь) и большую роль России в решении мировой продовольственной проблемы, испытывает масштабное санкционное давление. Во-первых, санкции против российской экономики в целом ухудшают макроэкономические условия развития сельского хозяйства. Во-вторых, против отрасли применяются специальные дискриминационные меры (уход из России производителей сельскохозяйственной техники и оборудования, сокращение импорта ресурсов для сельского хозяйства, ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции и др.). Все это создает существенные риски для сельскохозяйственной деятельности, основные из которых сводятся к следующему: уменьшение бюджетных возможностей для поддержки сельского хозяйства; увеличение стоимости кредитов; рост производственных издержек, и, соответственно, снижение доходности производства; замедление обновления аграрных технологий и др. Это обуславливает необходимость разработки и реализации антисанкционной политики в сельском хозяйстве, целью которой является не только адаптация аграрного сектора к перечисленным неблагоприятным факторам, но и формирование потенциала для его устойчивого роста.

Учитывая, что санкции имеют краткосрочный и среднесрочный эффект, антисанкционная политика содержит краткосрочные и среднесрочные меры.

Сначала о краткосрочных мерах. Они были направлены на недопущение сокращения сельскохозяйственного производства и экспортного потенциала отрасли, содействие стабилизации агропродовольственного рынка, сохранение достигнутого уровня доходности и инвестиционной привлекательности сельского хозяйства.

С этой целью использовался весь арсенал средств государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, содержащихся в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее – Госпрограмма, см. [1]), а также инструменты регулирования ресурсных и продуктовых рынков, включая меры таможенно-тарифного регулирования. К сожалению, специального плана адаптации к санкциям в сельском хозяйстве не разрабатывалось, меры принимались по необходимости или по запросу участников агропродовольственного рынка. Стабилизации ситуации способствовали благоприятные погодные условия для сельского хозяйства в течение 2022–2023 гг., когда были получены высокие урожаи большинства сельскохозяйственных культур, особенно зерновых.

Проведение антисанкционных мер потребовало увеличения бюджетных расходов на реализацию Госпрограммы (табл. 1).

Таблица 1. Ресурсное обеспечение Государственной программы развития сельского хозяйства в 2021–2023 гг., млрд руб.

Годы	Предусмотрено паспортом госпрограммы	Утверждено Законом о бюджете	Уточненная бюджетная роспись	Кассовое исполнение			
				тыс. руб.	% к паспорту программы	% к закону о бюджете	% к уточненной бюджетной росписи
2021	256,2	256,2	326,7	325,8	127,2	127,2	99,7
2022	288,0	285,1	424,2	423,9	147,2	148,7	99,9
2023	440,4	347,5	442,7	442,5	100,5	127,3	100,0
2023/ 2021,%	171,9	135,7	135,5	135,8	x	x	x

Источник: составлено автором по [2, с. 10], [3, с. 5] [4, с. 6]

Согласно паспорту Госпрограммы, расходы 2023 г. составили по отношению к 2021 г. 171,9%, согласно Закону о бюджете – 135,7%, согласно кассовому исполнению – 135,8%. Основная корректировка расходов бюджета произошла в 2022 г., после чего были внесены изменения в паспорт Госпрограммы и увеличены расходы в соответствии с Законом о федеральном бюджете 2023 г. Вместе с тем средства, предусмотренные этим законом, пришлось увеличить в ходе бюджетных корректировок на 27,3%, что видно из уточненной бюджетной росписи 2023 г.

Рост расходов был обусловлен в основном необходимостью обеспечить доступ сельскохозяйственных товаропроизводителей к льготным краткосрочным (на сезонные работы) и инвестиционным кредитам, которые стали труднодоступны в связи ростом ключевой ставки ЦБ. На субсидирование процентных выплат по кредитам уходило до 50% ресурсов Госпрограммы: к средствам, предусмотренным в Законах о бюджете, в 2022–2023 гг. тратились ресурсы из Резервного фонда Правительства РФ (табл. 2).

Таблица 2. Субсидии из федерального бюджета на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам в АПК, млрд руб.

	2021	2022	2023	2023/2021, %
Субсидии	80,2	194,5	216,0	269,3
Доля от объема финансирования Госпрограммы, %	24,6	45,9	48,8	+ 24,8 п. п.

Источник: составлено автором по [2, с.10, 89], [3, с. 5, 64, 65] [4, с. 6, 97, 98]

Вместе с тем на фоне высокой ключевой ставки досанкционные условия льготного кредитования сохранить не удалось. По большинству направлений компенсация банкам понижена с 70 до 50% от ключевой ставки, а предельная ставка заемщикам повышена с 6,8 до 10%. Ставку 6,8% оставили для очень узкого перечня кредитов, среди которых кредиты на селекционно-генетические и селекционно-семеноводческие центры, тепличные комплексы на Дальнем Востоке и в Сибири и овцеводство на Северном Кавказе.

Благодаря этим мерам объемы льготного кредитования (число кредитных договоров и суммы выплат по ним) остались прежними (см. табл. 3), а количество льготных краткосрочных кредитов даже заметно увеличилось, правда, при почти пропорциональном снижении среднего размера кредита.

В условиях насыщенности внутреннего рынка, при относительно невысоком росте реальных доходов населения важным механизмом стимулирования АПК и повышения доходов сельхозтоваропроизводителей является развитие экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья. С этой целью с октября 2018 г. реализуется Федеральный проект «Экспорт продукции АПК», до этого экспорт поддерживался в рамках небольшого ведомственного проекта. С 2019 г. финансирование экспортакратно увеличилось и в 2022 г. достигло 63,1 млрд руб. (14,9% от всех ресурсов программы), см. табл. 4.

Таблица 3. Информация о выданных льготных кредитах по Госпрограмме развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия*

	2021	2022	2023	2023/ 2021, %
Льготные краткосрочные кредиты				
Число кредитных договоров, ед.	14 973	21 911	23 084	154,2
Сумма по кредитным договорам, млн руб.	756 261,2	913 813,9	801 324,3	106,0
Фактически предоставлено кредитных средств, млн руб.	653 512,1	772 650,3	625 343,0	95,7
Льготные инвестиционные кредиты				
Число кредитных договоров, ед.	8451	6578	8 447	100,0
Сумма по кредитным договорам, млн руб.	447 065,5	363 937,9	532 040,3	119,0
Фактически предоставлено кредитных средств, млн руб.	201 063,6	162 139,3	239 166,5	119,0

Источник: составлено автором по [2, с. 81, 82], [3, с. 58, 59] [4, с. 89, 90]

Таблица 4. Финансовое обеспечение экспорта продукции АПК

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Млн руб.	694,4	1430,7	52203,7	29670,0	36957,7	63098,8	53205,9
Доля от объема финансирования Госпрограммы, %	0,3	0,6	16,7	10,9	11,3	14,9	12,0

Источник: составлено автором по: [5, с. 11,125], [6, с. 12,14], [7, с. 5,90], [8, с. 11, 112], [2, с. 10, 106], [3, с. 5,77], [4, с. 6, 118]

Государственная поддержка экспорта включает предоставление субсидий по льготным кредитам (до 65% средств, направленных на поддержку экспорта) и компенсаций лизинговых платежей на производство, переработку и реализацию экспортной продукции; компенсацию транспортных издержек экспортеров; возмещение части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию оптово-логистических центров и других объектов, содействующих экспорту; компенсацию затрат по сертификации продукции, маркетинговым исследованиям и др.

Эти меры содействовали увеличению экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья. Он растет с 2016 г. и достиг в 2023 г. 43,1 млн долл. США (табл. 5). Начиная с 2021 г. Россия является нетто – экспортером продукции АПК, причем сальдо внешней торговли постепенно увеличивается.

Таблица 5. Экспорт/импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья РФ, млн долл. США

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Экспорт	16,2	19,0	16,2	17,1	20,7	25,0	24,8	29,6	36,0	41,3	43,1
Импорт	43,2	39,9	26,6	25,1	29,0	29,8	30,0	29,7	34,0	35,8	35,1
Сальдо	-27,0	-20,9	-10,4	-8,0	-8,3	-4,8	-5,2	-0,1	2,0	5,5	8,0

Источник: составлено автором по данным ФТС России

Основными статьями экспорта являются: зерно (37% от общего объема в 2023 г.), масложировая продукция (19%), прочая продукция АПК (15%), рыба и морепродукты (13%), продукция пищевой и перерабатывающей продукции (12%), мясная и молочная продукция (4%) [9].

Для того, чтобы вывоз сельскохозяйственной продукции и прежде всего продукции растениеводства, на которую приходится около 56% экспортных поставок, не дестабилизировал внутренний рынок и не привел к росту продовольственной инфляции и стоимости кормов для животноводства, государство активно использует меры квотирования и таможенно-тарифного регулирования экспорта (прежде всего зерна), хотя следует отметить, что это, конечно, несколько противоречит политике его стимулирования. По ряду продуктов, особенно при росте потребительских цен на них (например, на яйца в 2023 г.), стимулировался импорт.

Повышение государственной поддержки отрасли, обеспечение доступа сельхозпроизводителей к льготным кредитам, стимулирование экспорта и другие меры не допустили спада аграрного производства в течение 2022–2024 гг. (табл. 6). Высокий индекс 2022 г. объясняется, как уже подчеркивалось, рекордным урожаем зерна и других сельскохозяйственных культур.

Таблица 6. Динамика продукции сельского хозяйства в 2022–2023 гг. и за январь – май 2024 г., %

	2022 г. к 2021 г.	2023 г. к 2022 г.	Январь – май 2024 г. в % к январю – маю 2023 г.	Январь – май 2023 г. в % к январю – маю 2022 г.	Разница индексов 2024 г. и 2023 г., п.п.
Производство сельского хозяйства	111,3	99,7	101,2	101,4	-0,2
Зерно	129,8	90,5	x	x	
Скот и птица	103,0	102,0	102,9	102,8	0,1
Молоко	102,2	102,5	101,5	103,6	-2,1
Яйца	102,7	101,2	97,4	103,3	-5,9

Источник: составлено автором по [10, с. 5,11,16], [11, с. 67,70]

Сохранение достигнутого уровня производства и меры по ограничению экспорта способствовали стабилизации агропродовольственного рынка и не допустили чрезмерной продовольственной инфляции, см. табл. 7. Если в 2020–2021 гг. индекс цен на продовольственные товары превышал общий индекс потребительских цен, то в 2022 г. он стал ниже. В 2023 г. наблюдалась, к сожалению, противоположная ситуация, хотя абсолютная величина индексов снизилась; в первые пять месяцев 2024 г. продовольственная инфляция не превышает общую.

Таблица 7. Индексы цен на потребительские и продовольственные товары в 2016–2024 гг. (к декабрю предыдущего года, %)

Индексы цен на:	2020	2021	2022	2023	2024*
потребительские товары в целом	104,91	108,39	111,94	107,42	103,22
продовольственные товары	106,69	110,62	110,29	108,16	103,13
Разность между индексом цен на продовольственные товары и потребительские товары в целом, п.п.	1,78	2,23	-1,65	0,74	-0,09

Источник: составлено автором по данным Росстата, см. [12]

*Май 2024 г. к декабрю 2023 г.

Необоснованные санкции против экономики России отрицательным образом сказались на доходности сельскохозяйственного производства. Как свидетельствует таблица 8, рентабельность сельскохозяйственных организаций по всем видам деятельности в течение 2017–2021 гг. устойчиво росла, однако затем эта тенденция сменилась на противоположную, хотя уровень рентабельности в 2023 г. превышал аналогичный показатель 2017 г., но был ниже, чем в 2020 г. во время эпидемии COVID-19.

Таблица 8. Рентабельность сельскохозяйственных организаций по всем видам деятельности за 2017–2023 гг.

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023*
Рентабельность без учета субсидий	5,3	6,3	8,0	16,3	21,2	16,3	15,5
Рентабельность с учетом субсидий	12,0	12,5	13,3	21,0	25,6	20,3	18,9

*предварительные данные.

Источник: Данные Минсельхоза России

Уменьшение доходности в аграрном секторе связано с ростом себестоимости продукции в связи удорожанием импортных материально-технических ресурсов и материалов (из-за логистических сбоев при их доставке и снижения курса рубля); с повышением ставки по кредитам; с ценовой дискриминацией сельского хозяйства со стороны поставщиков средств производства и перерабатывающих предприятий; а также с ростом вывозных пошлин на экспортную продукцию и др¹.

О ценовой дискриминации сельского хозяйства со стороны его партнеров по АПК можно судить по таблице 9.

С одной стороны, наблюдается диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленные товары и услуги для ее производства. Особенно он усилился в течение 2020–2022 гг. С другой стороны, сельхозтоваропроизводители не получают выигрыша от роста цен на пищевую продукцию, а также розничных цен на продовольствие. Об этом свидетельствует зафиксированное в таблице превышение индексов этих цен над индексом цен на продукцию сельского хозяйства. Таким образом, отрасль находится в своеобразных межотраслевых ценовых тисках.

1 Так, в соответствии со статьей 21 п. 18 Федерального закона от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг.» планируется распределить в 2024 г. только 750000,0 тыс. руб. поступлений вывозных таможенных пошлин на зерновые культуры, вывозимые из РФ за пределы государств – участников соглашений о Таможенном союзе, на реализацию решений Правительства Российской Федерации, направленных на поддержку сельского хозяйства. Остальные поступления от пошлин на зерно будут использованы на другие цели.

Таблица 9. Индексы цен в разных сферах АПК (2014 г. = 100%)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции	108,5	110,5	101,8	115	109,8	124,2	141,1	135,3
Индекс цен на отдельные виды промышленных товаров и услуг, приобретенных сельскохозяйственными организациями	115,5	120,6	121,2	130,3	135,9	141,6	166,8	178,3
Индекс цен производителей пищевых продуктов	112,6	118,1	112,5	121,1	118,4	133,7	152,7	160
Индекс потребительских цен на продовольственные товары	114	119,2	120,5	126,1	129,4	138	152,7	168,4

Источник: данные Росстата

Неизбежное следствие сокращения доходности – уменьшение уровня инвестиционной привлекательности отрасли и сокращение темпов роста инвестиций в основной капитал. Из данных таблицы 10 вытекает, что начиная с 2021 г. индекс инвестиций снижается и по этот показатель в сельском хозяйстве ниже, чем по экономике в целом.

Таблица 10. Динамика инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году

	Экономика в целом	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Разница между сельским хозяйством и экономикой в целом, п.п.
2014	98,5	92,7	-5,8
2015	89,9	87,4	-2,5
2016	99,8	113,1	13,3
2017	104,8	108,5	3,7
2018	105,4	104,1	-1,3
2019	102,1	98,7	-3,4
2020	99,9	93,7	-6,2
2021	108,6	102,4	-6,2
2022	106,7	101,8	-4,9
2023	109,8	100,6	-9,2

Источник: составлено автором по данным Росстата

Снижение рентабельности неблагоприятным образом сказывается на динамике покупок сельхозтоваропроизводителями основных видов сельскохозяйственной техники (тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов и др.), см. табл. 11, хотя обновление машинно-тракторного парка отрасли еще далеко не завершено, особенно малыми и средними хозяйствами.

Таблица 11. Приобретение основных видов сельскохозяйственной техники за 2019–2023 гг., ед.

Виды техники	2019	2020	2021	2022	2023	2023/2021, %
Тракторы	10 714	13 237	15 779	12 991	13 980	88,6
Зерноуборочные комбайны	4627	5856	7036	5 385	4 735	67,3
Кормоуборочные комбайны	624	719	701	597	574	81,9
Прочая техника	39 353	41 694	50 280	38 635	40 896	81,3

Источник: составлено автором по данным Минсельхоза России

Из теории аграрной экономики известно, что в условиях рынка сельскохозяйственные товаропроизводители, с одной стороны, зависят от цен более монополизированных поставщиков ресурсов, а с другой стороны, — ограничены в повышении цен реализации своей продукции в силу ее огромной социальной значимости. Это является одной из причин государственной поддержки аграрного сектора, в том числе направленной на поддержание и повышение доходности сельхозпроизводителей. Среди основных инструментов такой политики: мониторинг паритета цен на сельхозпродукцию и ресурсов для ее производства; определение минимальных цен для различных видов сельхозпродукции и механизма госзакупок по этим ценам; компенсация части затрат при производстве сельхозпродукции; поддержка агрострахования как от чрезвычайных ситуаций природного характера, так и от рыночных рисков; планирование производства отдельных видов сельхозпродукции, включая определение объемов производства, закупочных цен и ограничений на экспорт/импорт и др.

В Германии еще в 1955 г. принят «Закон о сельском хозяйстве» («Landwirtschaftsgesetz»), согласно которому «для поступательного развития сельского хозяйства как части народнохозяйственной системы и максимально возможного обеспечения населения продовольствием аграрному сектору оказывается содействие средствами общеэкономической (торговой, налоговой, кредитной, ценовой) и аграрной политики с тем, чтобы повысить его эффективность и компенсировать существующие в нем, в отличие от других отраслей экономики, естественно и экономически обусловленные убытки» [13]. Ежегодно на основе представительного тестирования предприятий в промышленности и сельском хозяйстве (от 6 до 8 тыс. фермерских хозяйств и сельскохозяйственных организаций — юридических лиц) происходит соизмерение уровня доходов предпринимательских единиц и оплаты труда работников и управляющих. Результаты этого тестирования, а также анализ социально-экономического положения в аграрном секторе обобщается в так называемом «Аграрном докладе» Правительства ФРГ Бундестагу и Бундесрату. Доклад также

содержит предложения по выравниванию уровня доходов и государственной поддержке аграрного сектора, на основе которых принимаются соответствующие решения и утверждается сельскохозяйственный бюджет. До 2007 г. доклад представлялся ежегодно, в с тех пор каждые четыре года.

В России специальная политика по поддержанию доходности сельского хозяйства, включая меры по выравниванию диспаритета цен между сельхозтоваропроизводителями и их партнерами по АПК, к сожалению, не проводится, несмотря на то, что в ст. 7 (ч. 1, п. 16) Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» установлено, что одно из направлений государственной поддержки отрасли – «поддержание паритета индексов цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и индексов цен (тарифов) на промышленную продукцию (услуги), используемую сельскохозяйственными товаропроизводителями. Порядок расчета и поддержания паритета индексов таких цен устанавливается Правительством Российской Федерации» [14]. Это требование закона никак не реализовано: считается, что субсидии, содержащиеся в Госпрограмме развития сельского хозяйства, и меры, периодически принимаемые правительством по регулированию цен и тарифов на ресурсы и материалы для сельского хозяйства, экспортных пошлин и др. достигают цели поддержания рентабельности в отрасли и компенсации потерь сельхозтоваропроизводителей от межотраслевого обмена не требуется.

По нашему мнению, необходима разработка и реализация специальной программы, обеспечивающей доходность сельского хозяйства. Ее суть сводится к следующему: если согласно мониторингу Росстата, в течение определенного периода индекс цен на один или несколько видов промышленной продукции (услуг) опережает более чем на 10% индекс цен на сельскохозяйственную продукцию (по отношению к утвержденному базовому периоду)², при производстве которой эта промышленная продукция (ресурс, услуга) используется, правительство осуществляет следующие меры: установление на определенный период фиксированных цен на указанную промышленной продукции (услугу); введение (изменение) соответствующих импортных/экспортных квот и тарифов; выплата сельскохозяйственным товаропроизводителям субсидий, компенсирующих диспаритет индексов цен.

Перейдем к среднесрочной и даже долгосрочной антисанкционной политике в сельском хозяйстве. Ее задачи во многом обусловлены необходимостью преодоления проблем и рисков, характерных для до-санкционной модели аграрной политики, и перехода к ее пост-санкционной модели как наиболее соответствующей новым геополитическим и экономическим реалиям. В таблице 12 представлены (пусть и в весьма общей форме) основные характеристики этих двух моделей.

Основные черты до-санкционной модели, пришедшей на смену обвальная политике 1990-х гг. и окончательно сформированной в результате принятия Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» 2006 г. и Приоритетного национального проекта развития АПК 2006–2007 гг., трансформированного затем в первую Госпрограмму развития сельского хозяйства 2008–2012 гг., сводились к следующему.

1. Ориентация на развитие сырьевых отраслей АПК без соответствующего внимания к I сфере АПК, производящей средства производства и материалы для

2 Величина в 10% определена на основе расчетов за ряд последних лет, исходя из того, что ее превышение несет риски своевременного проведения сезонных сельскохозяйственных работ, что чувствительно влияет на издержки и доходы сельхозтоваропроизводителей.

Таблица 12. Основные положения до- и пост-санкционной аграрной политики в России

До-санкционная модель	Пост-санкционная модель
Приоритетное стимулирование производства продукции без необходимого внимания к развитию I и III сфер АПК, включая отрасли рыночной инфраструктуры	Ориентация господдержки на развитие первой сферы АПК, а также сферы переработки, хранения и реализации продукции
Форсированная поддержка крупных хозяйств и крупных интегрированных агропромышленных формирований	Приоритетное развитие малых и средних хозяйств, сельскохозяйственной вертикальной кооперации
Преимущественное использование зарубежных аграрных технологий	Обеспечение технологического суверенитета АПК, развитие сельскохозяйственной науки и образования
Всемерная либерализация ресурсных и агропродовольственных рынков, включая внешнюю торговлю	Усиление государственного регулирования ресурсных и агропродовольственных рынков
Экономия на развитии сельской социальной и инженерной инфраструктуры, ориентация на стягивание сельского населения в крупные городские агломерации	Приоритетное социально-экономическое развитие села

сельского хозяйства, а также к III сфере (переработка, хранение и реализация продукции). Об этом говорит само название и содержание федерального закона «О развитии сельского хозяйства», направленного на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, а не их партнеров по АПК. Такая политика обуславливалась необходимостью ускоренного наращивания производства отечественной продукции в целях продовольственной независимости страны, ведь в 1990-е гг. внутренний рынок был наполнен высоко-субсидированным импортным продовольствием.

2. Форсированная поддержка крупных хозяйств, способных в силу эффекта масштаба быстро увеличить объемы производства. Формально провозглашался принцип равноступности государственной поддержки для различных по масштабам хозяйств, но так как она выделялась под прирост объемов производства, преимущество при распределении поддержки получали крупные сельхозтоваропроизводители.

3. Преимущественное использование зарубежных технологий. В 1990-е гг. произошла деиндустриализация страны, в том числе в сфере сельскохозяйственного машиностроения, производства оборудования для перерабатывающих и пищевых отраслей, микробиологической и комбикормовой промышленности и т.д. В значительной степени был разрушен потенциал сельскохозяйственной науки и система внедрения результатов НИР в производство. Восстановление этих сфер АПК требовало существенных ресурсов и времени, что создавало риски для

форсированного увеличения аграрного производства и скорейшего обеспечения продовольственной независимости страны.

4. Всемерная либерализация ресурсных и агропродовольственных рынков, включая внешнюю торговлю. Это логичное следствие из первых трех вышеизложенных принципов. Именно крупные хозяйства, отличающиеся наибольшей конкурентоспособностью, заинтересованы в дальнейшей рыночной экспансии, включая увеличение своего землепользования, технического потенциала, расширение присутствия на внутреннем и мировом рынке.

5. Экономия на развитии сельской социальной и инженерной инфраструктуры, ориентация на стягивание сельского населения в крупные населенные пункты и городские агломерации. Все это было обусловлено стремлением государства сконцентрировать ресурсы прежде всего на решении производственных задач, а также тем, что удельные издержки по оказанию населению социальных услуг и удовлетворению его потребностей в сфере образования, здравоохранения, культуры и др. гораздо меньше в крупных населенных пунктах по сравнению с мелкими.

Эта модель аграрной политики, как уже отмечалось, обеспечила восстановительный рост производства, и соответственно, импортозамещение на внутреннем рынке и формирование экспортного потенциала, но одновременно породила ряд рисков, которые дают о себе знать в новой геополитической реальности. Перечислим главные из них.

Во-первых, это формирование гипертрофированной двухполюсной аграрной структуры, где на одном полюсе – крупные высокомаржинальные хозяйства, как правило замыкающие в своих рамках всю агропродовольственную цепочку от поля до прилавка, а на другом полюсе – большинство малых и средних сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей и личных подсобных хозяйств. Это чревато монополизацией продуктовых рынков, ростом экологических издержек, стремительным сокращением аграрной занятости и, соответственно, сельской безработицей.

Во-вторых, сложилась большая зависимость отрасли от импортных поставок средств производства, ресурсов и материалов, и прежде всего из недружественных стран (табл. 13).

В условиях санкций это приводит в лучшем случае к росту логистических издержек и, соответственно, – себестоимости продукции, в худшем – угрожает нормальному производству в ряде отраслей.

В-третьих, наблюдается высокая волатильность агропродовольственных рынков и как следствие – доходности сельского хозяйства, что находит выражение, с одной стороны, в существенных годовых колебаниях рентабельности производства (до 8 процентных пунктов в целом по отрасли, см. табл. 8, и до 30 п.п. по отдельным продуктам, см. табл. 14), а с другой стороны, – в высокой степени ее дифференциации в разрезе подотраслей (табл. 14).

Это вносит большую неопределенность в производственные планы сельскохозяйственных товаропроизводителей и снижает инвестиционную активность.

В-четвертых, село отстает от города по уровню и качеству жизни населения, что в конечном счете приводит к его оттоку в города и порождает в аграрном секторе дефицит квалифицированных кадров и социальное опустынивание сельских территорий. Согласно Всероссийским переписям населения соответствующих лет, в 2020 г. число сельских населенных пунктов без населения составила почти 25 тыс., или 16,2%,

Таблица 13. Доля отечественных средств производства и ресурсов для сельского хозяйства на внутреннем рынке (по оценкам отраслевых союзов и ассоциаций 2023 г.)

Средства производства и ресурсы	%
Сельскохозяйственная техника	58
Оборудование для животноводства	40
Оборудование для пищевой промышленности	44
Семена сельскохозяйственных культур	63
Племенной материал для молочного скотоводства	60
Вакцины	46
Фармпрепараты	43
Аминокислота лизин	67
Аминокислота метионин	47

Таблица 14. Уровень рентабельности от реализации основных видов сельскохозяйственной продукции (без учета субсидий) за 2022–2023 гг. по Российской Федерации, %

Виды продукции	2022	2023	Изменение, п.п.
Зерновые и зернобобовые культуры (с учетом риса и кукурузы на зерно)	29,4	17,3	-12,1
Масличные культуры	48,0	33,8	-14,2
Сахарная свекла	48,9	72,9	+24,0
Картофель	32,7	12,7	-20,0
Овощи открытого грунта	17,7	26,3	+8,6
Плоды семечковые и косточковые	2,2	20,4	+18,2
Молоко сырое	23,8	21,8	-2,0
Крупный рогатый скот	-26,6	-27,0	-0,4
Свины	12,1	34,2	+22,1
Овцы и козы	-16,0	-13,0	+3,0
Птица всех видов	-2,6	2,3	+4,9
Шерсть	-64,4	-65,7	-1,3
Яйца	2,4	31,9	+29,5

Источник: составлено автором по [4, с.16, 17]

в то время как в 2010 г. их было 19,4 тыс. (или 12,7%), в 2002 г. – около 13 тыс. (или 8,4%), см. [15].

Все вышеизложенное обуславливает необходимость перехода к новой модели аграрной и сельской политики, исключающей вышеперечисленные проблемы и риски (см. табл. 12, второй столбец). В своих главных чертах она сводится к следующему.

1. Усиление господдержки развития первой и третьей сферы АПК. Особое значение имеет развитие сельскохозяйственного машиностроения, производства оборудования для перерабатывающей и пищевой промышленности и других «несырьевых» отраслей АПК. Здесь очень важна совместная работа Минсельхоза России и Министерства промышленности и торговли России, а также кооперация со странами Евразэс, Брикс и другими дружественными государствами. Одновременно необходимо стимулирование перерабатывающих отраслей, товаропроводящей инфраструктуры, оптово-логистических центров, складского хозяйства и т.д.

2. Приоритетное развитие малых и средних хозяйств и сельскохозяйственной вертикальной кооперации.

Необходимо не только увеличение господдержки малых форм хозяйствования, но и улучшение их доступа к агропродовольственным и ресурсным рынкам за счет создания вертикальных снабженческо-сбытовых и перерабатывающих кооперативов, включая кооперативы второго и третьего уровней, а также развития системы контрактации продукции с крупными рыночными агрегаторами, в том числе с торговыми сетями.

3. Развитие сельскохозяйственной науки и системы освоения результатов НИР в производстве, включая создание службы сельскохозяйственного консультирования. В настоящее время отношение внутренних затрат на исследования и разработки в сельском хозяйстве к валовой добавленной стоимости, создаваемой в отрасли, почти в 1,5 ниже аналогичного показателя по науке в целом (0,64 и 0,99%). Следует исправить эту диспропорцию как за счет государства, так и бизнеса. Приоритетное внимание следует уделить научному обеспечению малого и среднего агробизнеса.

4. Усиление государственного регулирования ресурсных и агропродовольственных рынков. Речь идет о развитии биржевой торговли, интервенциях не только на зерновом, но и молочном рынке, антимонопольном регулировании крупных торговых сетей, формировании системы компенсации потерь сельскохозяйственных товаропроизводителей от «ножниц цен» на сельскохозяйственную продукцию и ресурсы для сельского хозяйства.

5. Приоритетное развитие сельской социальной и инженерной инфраструктуры и диверсификация сельской экономики.

Для этого необходимо увеличение финансирования действующих здесь федеральных и региональных программ, улучшение межведомственного и межотраслевого взаимодействия на федеральном и региональном уровнях, пополнение бюджетной базы сельских муниципалитетов. Особая роль принадлежит активизации гражданского участия в сельском развитии.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (с изменениями и дополнениями). Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/70210644/?ysclid=ly2tg4cl20704494913> (дата обращения: 01.07.2024).

2. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2021 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. М. Минсельхоз России, 2022, 200 с.
3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2022 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия М. Минсельхоз России, 2023, 115 с.
4. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2023 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (проект). М. Минсельхоз России, 2024, 152 с.
5. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2017 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия М. Минсельхоз России, 2018, 247 с.
6. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия М. Минсельхоз России, 2019, 247 с.
7. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2019 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия М. Минсельхоз России, 2020, 178 с.
8. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2020 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия М. Минсельхоз России, 2021, 231 с.
9. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. Российский экспорт. Структура экспорта продукции АПК из России в 2023 г., % // Электронный ресурс: <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (дата обращения: 03.07.2024).
10. Основные показатели сельского хозяйства в России в 2023 г. Росстат, 2024, 64 с.
11. Социально-экономическое положение России. Январь-май 2024 г. Росстат, 2024, 296 с.
12. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991–2024 гг. Росстат, 2024// Электронный ресурс: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fipc_mes_05-2024.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 03.07.2024).
13. Landwirtschaftsgesetz (Закон о сельском хозяйстве)// Электронный ресурс: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl155s0565.pdf#_bgbl_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl155s0565.pdf%27%5D__1720173125987 (дата обращения: 05.07.2024).
14. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Электронный ресурс: <https://base.garant.ru/12151309/?ysclid=ly8k62ptbh718651095> (дата обращения: 05.07.2024).
15. Переписи населения. Росстат// Электронный ресурс: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 05.07.2024).

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 iyulya 2012 g. № 717 «O Gosudarstvennoj programme razvitiya sel'skogo hozyajstva i regulirovaniya ryнков sel'skochozyajstvennoj produkcii, sy'r'ya i prodovol'stviya» (s izmeneniyami i dopolneniyami). E'lektronny'j resurs: <https://base.garant.ru/70210644/?ysclid=ly2tg4cl20704494913> (data obrashheniya: 01.07.2024).

2. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2021 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya*. – M.: Minsel`xoz Rossii, 2022, 200 s.
3. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2022 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya* M. Minsel`xoz Rossii, 2023, 115 s.
4. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2023 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya (proekt)*. – M.: Minsel`xoz Rossii, 2024, 152 s.
5. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2017 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya* M. Minsel`xoz Rossii, 2018, 247 s.
6. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2018 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya* M. Minsel`xoz Rossii, 2019, 247 s.
7. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2019 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya* M. Minsel`xoz Rossii, 2020, 178 s.
8. *Nacional`ny`j doklad o xode i rezul`tatax realizacii v 2020 godu Gosudarstvennoj programmy` razvitiya sel`skogo xozyajstva i regulirovaniya ry`nkov sel`skoxozyajstvennoj produkcii, sy`r`ya i prodovol`stviya* M. Minsel`xoz Rossii, 2021, 231 s.
9. *Federal`ny`j centr razvitiya e`ksporta produkcii APK Minsel`xoz Rossii. Rossijskij e`ksport. Struktura e`ksporta produkcii APK iz Rossii v 2023 godu, % // E`lektronny`j resurs: <https://aemcx.ru/export/rusexport/> (data obrashheniya: 03.07.2024).*
10. *Osnovny`e pokazateli sel`skogo xozyajstva v Rossii v 2023 g.* Rosstat, 2024, 64 s.
11. *Social`no-e`konomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar`-maj 2024 goda.* Rosstat, 2024, 296 s.
12. *Indeksy` potrebitel`skix cen na tovary` i uslugi po Rossijskoj Federacii v 1991–2024 gg.* Rosstat, 2024// E`lektronny`j resurs: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2Fipc_mes_05-2024.xlsx&wOrigin=BROWSELINK (data obrashheniya: 03.07.2024).
13. *Landwirtschaftsgesetz (Zakon o sel`skom xozyajstve)*// E`lektronny`j resurs: https://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl155s0565.pdf#_bgbl_%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl155s0565.pdf%27%5D_1720173125987 (data obrashheniya: 05.07.2024).
14. *Federal`ny`j zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 264-FZ «O razvitii sel`skogo xozyajstva»* // E`lektronny`j resurs: <https://base.garant.ru/12151309/?ysclid=ly8k62ptbh718651095> (data obrashheniya: 05.07.2024).
15. *Perepisi naseleniya.* Rosstat// E`lektronny`j resurs: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (data obrashheniya: 05.07.2024).

Контактная информация / Contact Information

Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова
107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1
All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A. Nikonova
107078, Moscow, Bolshoi Kharitonevsky per., 21, bldg. 1
Петриков Александр Васильевич / Alexander V. Petrikov
apetrikov@viapi.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-543-554

О РАЗРАБОТКЕ СБАЛАНСИРОВАННОЙ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

DEVELOPING A BALANCED AGRICULTURAL POLICY IN RUSSIA: PRINCIPLES AND MECHANISMS

КСЕНОФОНТОВ Михаил Юрьевич

Заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук

Mikhail YU. KSENOFONTOV

Head of Laboratory, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Doctor of Economics

ПОЛЗИКОВ Дмитрий Александрович

Старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, кандидат экономических наук

Dmitry A. POLZIKOV

Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, Candidate of Economics

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы в развитии сельского хозяйства России, включая проблемы ценовых диспропорций и ограничений на экспорт продукции АПК, риски аграрного перепроизводства. На основе ретроспективного анализа делается вывод о том, что задачи продовольственной безопасности не могут адекватно решаться исключительно за счет внешнеторгового регулирования и административного давления. Предлагаются подходы к разработке сбалансированной агропродовольственной политики, учитывающей конфликтность интересов участников рынка и изменчивость внешнеэкономической и внутренней конъюнктуры.

Abstract The article discusses the problems of restrictions on agricultural exports, price disproportions and overproduction in Russian agriculture. Based on a retrospective analysis, it is concluded that food security problems cannot be adequately solved solely through foreign trade regulation and administrative pressure. The article is aimed at describing approaches to the development of a balanced agricultural policy that takes into account the conflicting interests of market participants and the variability of foreign economic and domestic conditions.

Ключевые слова Сельское хозяйство, продовольственная безопасность, агропродовольственная политика, сбалансированность, инфляция, экспортные пошлины.

Keywords Agriculture, food security, agricultural policy, balanced development, inflation, export duties.

Введение

Несмотря на достигнутые за последние двадцать лет успехи в развитии агропромышленного комплекса (АПК), цены продовольственного рынка в России остаются волатильными, что создает риски снижения экономической доступности продовольствия – важнейшего аспекта продовольственной безопасности.

Наблюдавшиеся в ретроспективе скачки продовольственной инфляции (в отдельные периоды 2015 и 2022 гг. – до уровня свыше +20% к аналогичному периоду предыдущего года) были болезненны для большей части населения страны из-за высокой доли расходов на продовольствие в потребительских расходах, составляющей в среднем 33–35%, а для половины домашних хозяйств – более 40%.

В ретроспективе скачки продовольственной инфляции требовали оперативного вмешательства Правительства РФ, которое выражалось в введении таких экстренных мер, как соглашения об ограничении оптовых и розничных цен на сахар и подсолнечное масло, запрет на экспорт твердой пшеницы, отмена пошлин на импорт говядины и куриных яиц, антимонопольные расследования и ограничения торговых наценок в розничных сетях. С 2021 г. в России действует механизм «плавающих» пошлин на экспорт пшеницы, ячменя и кукурузы, подсолнечного масла и шрота¹ (в сочетании с квотами на экспорт зерна и запретительными пошлинами на экспорт семян подсолнечника, сои и рапса), а с 2023 г. – курсовые экспортные пошлины на молочную, мясную и рыбную продукцию, яйца, сахар и другие продовольственные товары от 0 до 7% в зависимости от курса рубля).

В экспертном сообществе идет активная дискуссия относительно целесообразности подобного регулирования. Она вызвана тем, что внешнеторговые и прочие ограничения противоречат установкам на рост аграрного производства и экспорта, а также приводят к снижению доходов сельхозпроизводителей. В нынешних условиях сравнительно низких мировых цен на продукцию АПК и высоких внутренних запасов зерна и маслосемян отраслевые ассоциации (в частности, Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств² и Российский

1 Эти пошлины определяются как разница между индикативной ценой экспорта и установленной базовой ценой, умноженная на величину корректирующего коэффициента (0,7).

2 <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/41926-fermery-snova-prizvali-otmenit-eksportnuyu-poshlinu-na-zerno/>.

зерновой союз³), а также ведущие аналитические центры (СовЭкон⁴, ИКАР⁵, Про-Зерно⁶) выступают за полную отмену или значительное снижение пошлин на экспорт зерна и масложировой продукции.

Насколько бескомпромиссны позиции сторонников и противников активного регулирования агропродовольственного рынка? Можно ли скорректировать или дополнить нынешние механизмы другими мерами таким образом, чтобы были смягчены их негативные последствия? Способна ли подобная политика адекватно учитывать и снижать влияние внешнеторговых и внутренних шоков?

Цель. Эта статья посвящена поиску эффективных компромиссов на пространстве конфликтных целевых установок и интересов участников агропродовольственного рынка. Основная цель – описать конструктивные подходы к разработке агропродовольственной политики, включая выбор приоритетов перспективного развития и инструментов регулирования.

Материалы и методы. Информационной базой исследования стали официальные данные Росстата и Министерства сельского хозяйства РФ, нормативно-правовые акты, регулирующие поддержку АПК, экспорт и ценообразование на агропродовольственном рынке, а также публикации российских ученых по рассматриваемой проблематике.

При подготовке статьи использовались общенаучные методы синтеза и анализа, обобщения и дедукции для выявления противоречий и возможностей согласования целевых установок агропродовольственной политики и интересов участников рынка. При оценке возможных последствий изменений в регулировании АПК применялись методы сценарного прогнозирования и системного анализа.

Обсуждение. Вопрос сохранения экспортных пошлин на продукцию АПК является центральным в обсуждении приоритетов и механизмов агропродовольственной политики. Есть предложения как о полном отказе от пошлин в пользу альтернативных инструментов регулирования [1–3], так и о корректировке механизма пошлин для учета связанных с ним рисков [4–8]. В ряде работ обосновывается скромное влияние изменений внутренних цен рынка зерна на динамику розничных цен, что становится аргументом против использования пошлин в целях обеспечения ценовой стабильности продовольственного рынка. Важным недостатком действующего механизма регулирования признается непрозрачный характер расходования доходов бюджета от налогообложения экспорта⁷. Но основной проблемой, по мнению большинства авторов, является то, что пошлины снижают доходность внешних поставок и ценовую

3 <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/41102-rossiyskiy-zernovoy-soyuz-snova-vystupaet-za-otmenu-eksportnoy-poshliny/>.

4 <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/39944-sovekon-predupredil-o-neminuemom-sokrashchenii-proizvodstva-zernovykh-i-maslichnykh-v-rossii/>.

5 <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/40081-minselkhoz-ne-planiruet-otmenyat-eksportnuyu-poshlinu-na-podsolnechnik/>.

6 <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/37854-minselkhoz-prorabatyvaet-vopros-obnulyeniya-vvoznykh-poshlin-na-selkhoztekhniku/>.

7 Исходный замысел введения экспортных пошлин состоял в том, что соответствующие доходы бюджета должны полностью направляться на дополнительную поддержку АПК. Но фактически объемы поддержки повысились на сумму, меньшую по сравнению с полученными экспортными пошлинами, а структура их распределения между сельхозпроизводителями не соответствовала региональной структуре экспорта и была смещена в пользу субсидирования животноводства.

конкурентоспособность отечественной продукции АПК на мировом рынке. Тем самым создаются предпосылки для сокращения агроэкспорта и снижения внутренних цен. Из-за этого уменьшается рентабельность растениеводства и возрастают риски банкротства сельхозпроизводителей, снижения сборов зерновых и масличных культур, невыполнения задач наращивания агроэкспорта в долгосрочной перспективе. В работе [9] отмечены риски формирования значительного разрыва между мировыми и внутрироссийскими ценами, а также резкого роста внутренних цен спустя несколько лет деградации отечественного АПК.

Не все из этих аргументов против нынешней практики регулирования справедливы. Во-первых, при оценке влияния пошлин на цены рынка продовольствия нужно учитывать не только прямые эффекты (в частности, влияние на уровень цен продуктов переработки зерна и масличных культур), но и косвенные эффекты (например, влияние на цены кормов и продукции животноводства). Доходы, которые «недополучают» растениеводческие хозяйства в процессе внутренних поставок, являются фактором относительного роста доходности для предприятий животноводства. При этом рентабельность продаж в животноводстве ниже, чем в растениеводстве – по данным Минсельхоза РФ, +12,2% против +27,5% в среднем за 2013–2023 гг. (с учетом субсидий). При сложившихся уровнях розничных цен именно животноводство видится сектором АПК, требующим приоритетной поддержки.

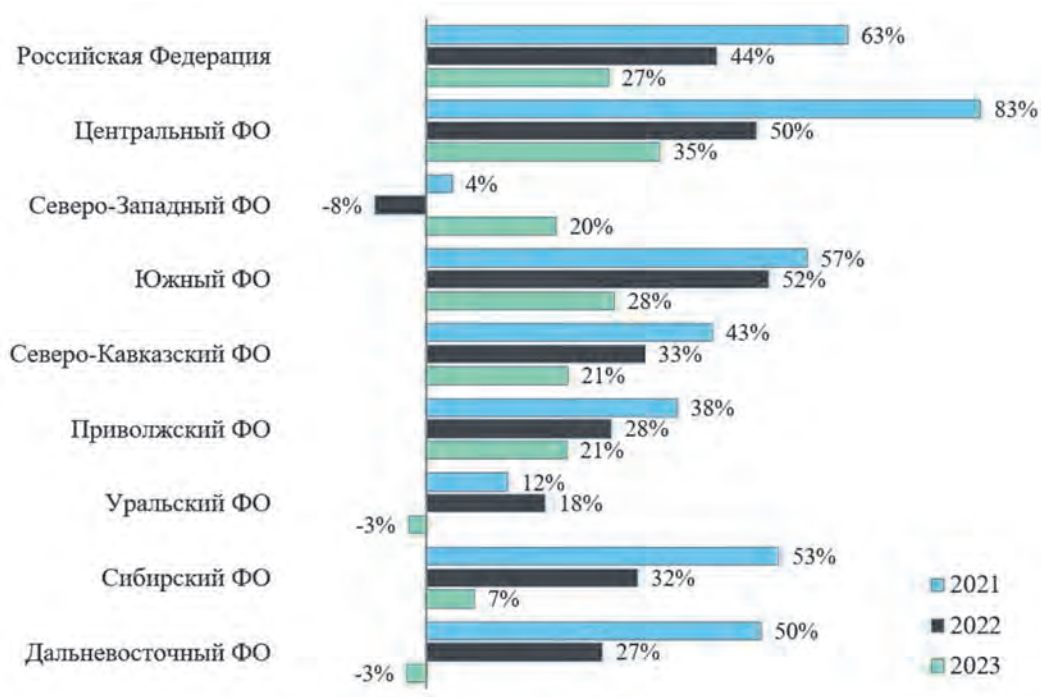
Во-вторых, оценку влияния мер регулирования на продовольственную инфляцию необходимо проводить на основе сравнения фактической динамики цен с *динамикой цен в гипотетическом сценарии, не предполагающем использование этих мер*. Есть основания полагать, что при отсутствии механизма экспортных пошлин колебания внутренних цен на продовольствие в 2022–2023 гг. оказались бы гораздо более масштабными. Дело в том, что в ретроспективе до 2021 г. (момента введения пошлин) цены на внутренних рынках зерна, растительных масел и шротов сильно коррелировали с ценами экспорта в рублевом выражении и определялись динамикой мировых цен и курса доллара к рублю. При этом до 2020 г. наблюдался эффект амортизации внешних шоков: рост мировых цен на биржевые сырьевые товары (нефть, металлы, зерно и т.д.) вел к повышению сальдо торгового баланса и укреплению рубля, а снижение мировых цен на сырье – к ослаблению рубля. Вследствие этого рублевые экспортные и внутренние цены на зерно и масложировую продукцию были относительно стабильными. Но после 2020 г. эта взаимосвязь между мировыми сырьевыми ценами и курсом рубля ослабла, а повышение мировых цен на продукцию АПК в сочетании с ростом курса доллара (как, например, в 2020 г. или I кв. 2022 г.) формировало потенциал роста цен на внутреннем рынке продовольствия. В 2020 г. этот потенциал реализовался в полной мере – и через цены импорта, и через цены на экспортируемую продукцию АПК, тогда как в 2022 г. – лишь частично (через цены импорта, прежде всего, ресурсов для сельского хозяйства) благодаря действию экспортных пошлин.

В-третьих, при оценке перспектив развития сельского хозяйства нужно исходить не из изменения рентабельности в секторе, а из целевых объемов производства и необходимой для этого доходности. В выращивании зерновых и масличных культур рентабельность продаж сократилась за 2022–2023 гг., по данным Минсельхоза РФ, примерно в 3,5 раза, но относительно *рекордных*

уровней 2021 г. (+56,6% и +114,2% соответственно, без учета субсидий). По данным Росстата⁸, в 2023 г. низкая доходность зернового хозяйства была характерна для регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, тогда как в Южном, Северо-Кавказском, Центральном и Приволжском федеральных округах рентабельность продаж оставалась достаточно высокой (рис. 1). Таким образом, проблема состоит не столько в общей низкой доходности зернового хозяйства, сколько в ее высокой дифференциации, обусловленной межрегиональными различиями в транспортных расходах и возможностях сбыта зерна.

Рис. 1. Рентабельность продаж зерновых культур в сельхозорганизациях

Источник: Росстат

В-четвертых, снижение внутренних цен и доходов в растениеводстве лишь отчасти объяснялось влиянием экспортных пошлин. Главной же причиной стали рекордные урожаи зерна и масличных культур в 2022–2023 гг., обеспечившие превышение предложения над спросом и накопление высоких запасов (рис. 2). В этих условиях цены в глубине страны опустились значительно ниже, чем цены в портах⁹ (рис. 3), а динамика рентабельности была аналогична динамике 2002, 2009 и 2017 г., которые также характеризовались резким ростом запасов. Существенную поддержку внутренним ценам могли оказать закупочные интервенции, но из-за недостаточного развития инфраструктуры хранения и низких бюджетных расходов

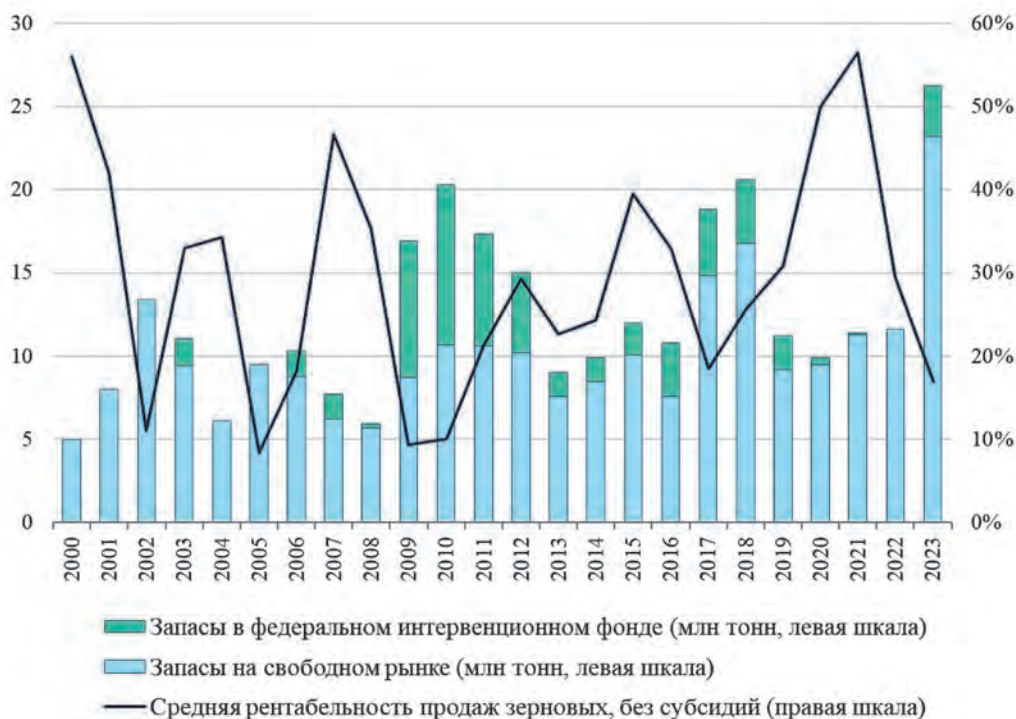
⁸ В данных Минсельхоза РФ и Росстата о рентабельности продаж есть определенные расхождения, которые, вероятно, обусловлены различиями в охвате сельхозорганизаций и учете субсидий.

⁹ Это говорит о том, что логика netback-ценообразования (то есть выравнивания доходности экспортных и внутренних поставок) на зерновом рынке в 2022–2023 гг. не работала, а преобладающим фактором ценообразования в этот период стало превышение предложения зерна над спросом, даже с учетом высокой загрузки перевалочных мощностей портовых терминалов и рекордных объемов экспорта.

на проведение закупок зерна в интервенционный фонд их объемы в 2022–2023 гг. были в несколько раз меньше объемов дополнительного предложения.

Рис. 2.
Рентабельность продаж и запасы зерна на внутреннем рынке (на 1 июля)

Источники:
Минсельхоз РФ, Русагротранс, Национальная товарная биржа

В-пятых, с учетом актуальных ограничений по внутреннему потреблению, экспорту и хранению запасов продукции АПК необходимо критически переосмыслить целевую установку на рост аграрного производства (по крайней мере, в краткой и среднесрочной перспективе). В частности, в зерновом хозяйстве повторение в 2024 г. рекордов 2022–2023 гг. по валовым сборам привело бы к усугублению ситуации с избыточным предложением и накоплением запасов (то есть к кризису перепроизводства) и могло бы стать фактором еще большего снижения цен реализации и доходности в секторе. Таким образом, рост производства не является абсолютным «благом», поскольку он может вызывать и разбалансировку внутреннего рынка, и ухудшение финансового положения сельхозпроизводителей.

Результаты. Целесообразность решений в области экономической политики нужно оценивать на основе сценарных построений с учетом комплекса возможных последствий и сложных взаимосвязей между ними. Наш анализ показывает, что потенциальные эффекты отмены экспортных пошлин являются крайне неоднозначными (рис. 4). С одной стороны, поставленная цель (рост объемов экспорта и доходности внешних и внутренних поставок продукции растениеводства) с большой вероятностью не будет достигнута из-за предельно высокой загрузки экспортной инфраструктуры и вероятного снижения мировых цен как реакции на отмену пошлин в России. С другой стороны, если эта цель будет достигнута, то возрастут производственные издержки в животноводстве, мукомольной, хлебопекарной и масложировой промышленности. Таким образом,

Эти риски, а также повышение волатильности внутреннего рынка при отказе от мер смягчения внешнеторговых шоков, могут предопределить спустя некоторое время возврат к практике экспортных ограничений и административного давления на бизнес по всей производственно-сбытовой цепочке¹⁰, тогда как для обеспечения последовательности и предсказуемости агропродовольственной политики государству нужно установить устойчивые «правила игры», приемлемые для всех участников рынка.

Конструктивный подход к разработке сбалансированной агропродовольственной политики предполагает согласование интересов и принципиальных ограничений для различных участников агропродовольственного рынка: государства (как регулятора), сельхозпроизводителей, предприятий перерабатывающей промышленности, логистики и торговли, трейдеров и населения. Для этого необходимо выделить ключевые развилки, определяющие базовые характеристики развития продовольственного рынка РФ и требующие стратегических решений. Эти решения должны формировать комплексное представление о желаемом режиме развития АПК при явном рассмотрении имеющихся противоречий. Далее, имея образ желаемого режима развития, можно определить набор механизмов, обеспечивающих переход к этому режиму.

На наш взгляд, базовыми характеристиками продовольственного рынка являются: общий уровень внутренних цен на аграрное сырье и продукты питания, волатильность цен и уровень их межрегиональных различий, а также физическая доступность продовольствия.

Исходя из этого видения, принципиальными представляются развилки в отношении необходимости и допустимости:

- регулирования экспорта и импорта аграрной продукции и ресурсов для АПК;
- регулирования объемов производства и общего уровня цен на продовольствие;
- поддержки и выравнивания доходности в различных регионах и секторах АПК;
- выравнивания и повышения доступности базовых продуктов питания для различных групп населения.

На рис. 5 представлен один из возможных режимов функционирования внутреннего продовольственного рынка с соответствующей ему системой механизмов регулирования. В этом режиме ключевые установки государства в области продовольственной безопасности (самообеспечение и технологический суверенитет в АПК, стабильность внутренних цен) достигаются за счет жестких импортных ограничений и «плавающих» экспортных пошлин, регулирования объемов внутреннего аграрного производства, расширения закупочных и товарных интервенций, субсидирования межрегиональных и экспортных перевозок.

Эти базовые механизмы определяют общий уровень и волатильность внутренних цен, наряду с доходностью производства и ее различиями по регионам и секторам АПК. В целях обеспечения баланса интересов различных участников рынка базовые механизмы должны дополняться компенсирующими мерами, такими как субсидии

10 Именно об этом говорит ретроспективная практика регулярных ограничений на экспорт зерна (в 2010–2011, 2015–2016, 2020, 2021–2024 гг.) в целях обеспечения продовольственной безопасности.

Рис. 5.
Потенциальные базовые и компенсационные механизмы сбалансированной агропродовольственной политики в России

Источник:
Составлено авторами

сельхозпроизводителям и перерабатывающим предприятиям в регионах со сложными условиями хозяйствования, адресная социальная помощь низкодоходным группам населения, точечные корректировки параметров базовых механизмов (например, экспортных пошлин) и меры стимулирования инфраструктурных проектов для расшивки узких мест агропродовольственного рынка.

Представленная конфигурация мер в существенной мере соответствует актуальному набору инструментов агропродовольственной политики. Но, на наш взгляд, целесообразно сместить акценты политики со стимулирования роста сельхозпроизводства и сдерживания продовольственной инфляции с помощью административных механизмов на поддержку развития инфраструктуры транспортировки и хранения продукции АПК, на расширение интервенций и субсидирования межрегиональных перевозок в сочетании с умеренным ослаблением внешнеэкономических ограничений и запуском федеральной программы адресной социальной помощи. «Плавающие» экспортные пошлины следует сохранить как важный механизм снижения волатильности цен внутреннего рынка, но изменив формулу расчета пошлин для учета расходов на хранение запасов и инфляции издержек в растениеводстве.

Впрочем, важна не столько предложенная система мер в рассмотренном сценарии (так как возможны и другие вполне устойчивые режимы развития АПК), сколько принципы разработки агропродовольственной политики. Они предполагают: широкое использование сценарных построений и системного подхода; учет конфликтности интересов различных участников рынка и поиск компромиссов; рассмотрение в явном виде внешнеэкономических и внутренних рисков для устойчивости АПК (среди них: колебания мировых и внутренних цен на агропродовольственную продукцию и производственные ресурсы, технологические ограничения, изменения объемов импорта, внешнего и внутреннего спроса на продукцию АПК, сокращение внутреннего производства в результате влияния природных явлений и прочих факторов); введение в практику регулирования механизмов, предотвращающих реализацию рисков или смягчающих их негативные эффекты; оценку расходов бюджета, требуемых для обеспечения соответствующего режима развития.

Принятие стратегических решений в отношении базовых механизмов регулирования под влиянием факторов краткосрочной конъюнктуры представляется контрпродуктивным подходом, демонстрирующим непоследовательность и непредсказуемость политики государства. Задачи агропродовольственной политики не могут быть решены с помощью какого-либо одного механизма, будь то экспортные пошлины, субсидии или интервенции¹¹, поскольку каждый механизм эффективен для решения достаточно узкого круга задач [10]. Требуется создание комплексной системы регулирования с регулярной донастройкой ее с учетом текущей конъюнктуры и актуальных рисков.

Заключение

Российская практика регулирования в 2010–2024 гг. свидетельствует, что задачи продовольственной безопасности (в частности, обеспечение стабильности внутренних цен на продукты питания) являются более приоритетными по сравнению с задачами развития аграрного экспорта и поддержания высокой доходности сельского хозяйства. В связи с этим в условиях роста доли экспорта в структуре сбыта продукции АПК¹² экспортные пошлины в перспективе будут востребованы в качестве одного из элементов механизма снижения негативного влияния внешнеторговых шоков на ценовую динамику внутреннего продовольственного рынка.

В 2021–2024 гг. «плавающие» экспортные пошлины довольно эффективно защищали отечественных потребителей от повышения внутренних цен под действием факторов экспортной конъюнктуры, но привели к снижению рентабельности в растениеводстве. Полный отказ от регулирования агроэкспорта в пользу использования альтернативных механизмов – интервенций и субсидий сельхозпроизводителям при внутренних поставках (аналогично механизму «топливного демпфера» на рынке нефтепродуктов) и потребителям – сопряжен с рисками разбалансировки агропродовольственной системы и затруднителен ввиду дефицита бюджета РФ и недостаточной развитости инфраструктуры хранения. Вместе с тем, существуют возможности для постепенного расширения интервенций на аграрных рынках и запуска федеральной программы адресной социальной помощи. Эти механизмы примут на себя часть нагрузки по смягчению для потребителей колебаний цен на агропродовольственном рынке и позволят снизить жесткость регулирования экспорта и административного давления на бизнес при ценовых шоках. Такая система регулирования, по нашему мнению, будет обладать большей адаптивностью, способностью к эффективной работе в более широком спектре неблагоприятных изменений ценовой конъюнктуры агропродовольственного рынка, обеспечивая как устойчивое развитие сельского хозяйства с опорой на внутренние и экспортные рынки, так и защиту малообеспеченных групп населения от резкого роста расходов на продовольствие.

11 Недостатки системы, в которой преобладают меры внешнеторгового регулирования, проявляются в настоящее время: стабильность цен реализации в условиях роста цен на ресурсы производства и колебаний погодных условий ведет к снижению доходности и обострению воспроизводственных проблем в растениеводстве. Альтернативные системы регулирования с преобладанием субсидий и интервенций предполагают повышение волатильности цен внутреннего агропродовольственного рынка (риски для продовольственной безопасности) или резкий рост расходов бюджета на АПК.

12 По нашим оценкам, в 2023 г. экспорт зерна составлял 46% от внутреннего производства, а экспорт растительных масел – около 68%.

Библиографический список

1. Сеитов С.К. Влияние экспортных пошлин на российский рынок пшеницы / С.К. Сеитов // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. – 2022. – Т. 23, № 1. – С. 126–137.
2. Сериков С.Г. Плавающая экспортная пошлина как инструмент государственного регулирования рынка зерна в России / С. Г. Сериков // *Вестник университета*. – 2023. – № 8. – С. 128–136.
3. Хейфец Б.А. Влияние регулирования экспорта на продовольственную безопасность (на примере рынка зерновых в России) / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // *Проблемы прогнозирования*. – 2022. – № 2(191). – С. 131–141.
4. Петрушина О.В. Направления оптимизации государственного регулирования цен и поддержки зернового производства / О.В. Петрушина, Д.И. Жилияков // *Инновации в АПК: проблемы и перспективы*. – 2021. – № 3(31). – С. 149–156.
5. Карашук О.С. Оценка зернового демпфера как инструмента государственного регулирования рынка зерна в России / О.С. Карашук, А. И. Большаков // *Вестник НГИЭИ*. – 2022. – № 12(139). – С. 78–88.
6. Карашук О.С. Государственное регулирование товарных рынков агропромышленного комплекса с помощью демпферного механизма / О.С. Карашук, А.И. Большаков // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2023. – № 63. – С. 135–153.
7. Узун В.Я. Выбор приоритетов политики экспорта зерна / В.Я. Узун // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2023. – № 7. – С. 90–96.
8. Прокопьев М.Г. Регулирование рынка зерна: зерновой демпфер / М.Г. Прокопьев // *Проблемы рыночной экономики*. – 2023. – № 2. – С. 38–50.
9. Власов С. Регулирование цен: когда нужно остановиться? Аналитическая записка / С. Власов, А. Морозов, А. Стерхова, Я. Чернышова, Д. Чернядьев. – Текст: электронный // *Банк России: официальный сайт*. – 2021. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131342/analytic_note_20211209_dip.pdf (дата обращения: 01.07.2024)
10. Ксенофонтов М.Ю. Регулирование зернового сектора в контексте задач обеспечения продовольственной безопасности России / М. Ю. Ксенофонтов, Д. А. Ползиков, А. В. Урус // *Проблемы прогнозирования*. – 2019. – № 6(177). – С. 22–31.

References

1. Seitov S.K. Vliyanie jeksportnyh poshlin na rossijskij rynek pshenicy / S. K. Seitov // *Agrarnaja nauka Evro-Severo-Vostoka*. – 2022. – T. 23, № 1. – S. 126–137.
2. Serikov S.G. Plavajushhaja jeksportnaja poshlina kak instrument gosudarstvennogo regulirovanija rynka zerna v Rossii / S. G. Serikov // *Vestnik universiteta*. – 2023. – № 8. – S. 128–136.
3. Hejfec B.A. Vliyanie regulirovanija jeksporta na prodovol'stvennuju bezopasnost' (na primere rynka zernovyh v Rossii) / B. A. Hejfec, V. Ju. Chernova // *Problemy prognozirovaniya*. – 2022. – № 2(191). – S. 131–141.
4. Petrushina O.V. Napravlenija optimizacii gosudarstvennogo regulirovanija cen i podderzhki zernovogo proizvodstva / O. V. Petrushina, D. I. Zhiljakov // *Innovacii v APK: problemy i perspektivy*. – 2021. – № 3(31). – S. 149–156.
5. Karashhuk O.S. Ocenka zernovogo dempfera kak instrumenta gosudarstvennogo regulirovanija rynka zerna v Rossii / O. S. Karashhuk, A. I. Bol'djasov // *Vestnik NGIIEI*. – 2022. – № 12(139). – S. 78–88.
6. Karashhuk O.S. Gosudarstvennoe regulirovanie tovarnyh rynkov agropromyshlennogo kompleksa s pomoshh'ju dempfernogo mehanizma / O. S. Karashhuk, A. I. Bol'djasov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika*. – 2023. – № 63. – S. 135–153.

7. Uzun V.Ja. *Vybor prioritetov politiki jeksporta zerna* / V. Ja. Uzun // *Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii*. – 2023. – № 7. – S. 90–96.
8. Prokop'ev M.G. *Regulirovanie rynka zerna: zernovoj dempfer* / M. G. Prokop'ev // *Problemy rynochnoj jekonomiki*. – 2023. – № 2. – S. 38–50.
9. Vlasov S. *Regulirovanie cen: kogda nuzhno ostanovit'sja? Analiticheskaja zapiska* / S. Vlasov, A. Morozov, A. Sterhova, Ja. Chernyshova, D. Chernjad'ev. – *Tekst: jelektronnyj* // *Bank Rossii : oficial'nyj sajt*. – 2021. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131342/analytic_note_20211209_dip.pdf (data obrashhenija: 01.07.2024)
10. Ksenofontov M.Ju. *Regulirovanie zernovogo sektora v kontekste zadach obespechenija prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii* / M. Ju. Ksenofontov, D. A. Polzikov, A. V. Urus // *Problemy prognozirovanija*. – 2019. – № 6(177). – S. 22–31.

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47
Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences
Nakhimovsky prospect, 47, Moscow, 117418, Russia
Михаил Юрьевич Ксенофонтов / Mikhail Yu. Ksenofontov
ksen@ecfor.ru
Дмитрий Александрович Ползиков / Dmitry A. Polzikov
dmitry.polzikov@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-555-566

ТЕНДЕНЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА

TRENDS IN TERRITORIAL DEVELOPMENT OF THE AGRIFOOD SECTOR

САМЫГИН Денис Юрьевич

Профессор ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
доктор экономических наук

Denis Yu. SAMYGIN

Professor, Penza State University, Doctor of Economics

ЖИЛЯКОВ Дмитрий Иванович

Профессор ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет
имени И.И. Иванова», доктор экономических наук

Dmitry I. ZHILYAKOV

Professor, Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanova, Doctor
of Economics

ИВАНОВ Александр Александрович

Доцент ФГБОУ ВО «Пензенский государственный аграрный университет»,
кандидат экономических наук

Aleksandr A. IVANOV

Associate Professor, Penza State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Освещаются вопросы пространственного размещения ресурсов и территориального развития аграрного производства. Отмечается тенденция к усилению инвестиционной активности в регионах, где условия для выращивания сельскохозяйственной продукции наиболее благоприятны. Обнаружено, что в таких категориях регионов каждая единица выпуска сельскохозяйственной продукции требует больших капиталовложений. Сделан вывод, что дополнительное инвестирование в производство

на территориях с благоприятным климатом без учета их конкурентных преимуществ регионов по видам продукции не будет способствовать обеспечению сбалансированности в процессе формирования физической и экономической доступности до уровня рациональных норм потребления.

Abstract

The issues of spatial distribution of resources and territorial development of agricultural production are covered. It is shown that today there is an increasing concentration of investments in regions with favorable areas for growing products. It was revealed that against this background, in regions with better natural and economic factors, the products of the agri-food sector become more capital-intensive. It is concluded that a further increase in investment in production in territories with a favorable climate without taking into account their competitive advantages by type of product will hinder the balanced formation of physical and economic accessibility of products.

Ключевые слова

Агропродовольственный сектор, аграрные ресурсы, пространственное размещение, территориальное развитие, предельная эффективность затрат, капиталоемкость продукции, физическая доступность, экономическая доступность.

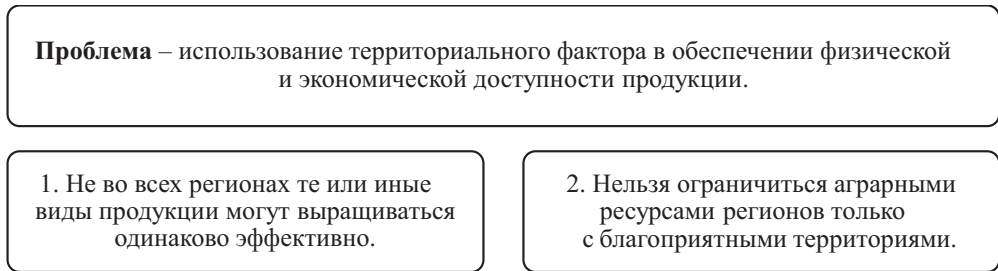
Keywords

Agri-food sector, agricultural resources, spatial distribution, territorial development, marginal cost efficiency, capital intensity of products, physical accessibility, economic accessibility.

Введение

В последние годы обеспечение продовольственной безопасности, устойчивого развития и пространственной организации АПК становится все более комплексной триединой проблемой агропродовольственной политики. Особое место здесь занимает поиск релевантных подходов, методов и механизмов стратегического планирования, способствующих рациональному использованию территориального фактора в обеспечении сбалансированности физической и экономической доступности продукции на уровне рациональных норм потребления (рис. 1).

Рис. 1. Актуальность проблемы исследования

Очевидно, что не все те или иные виды продукции могут повсеместно и одинаково эффективно выращиваться на территории огромной страны. В тоже время возможности социально-экономического роста за счет регионов только с благоприятными территориями ограничены, их аграрных ресурсов явно недостаточно для решения национальных задач в сфере обеспечения продовольственной безопасности. Чтобы достигнуть «желаемого» равновесия спроса и предложения на рынке агропродовольственной продукции важно максимальным образом

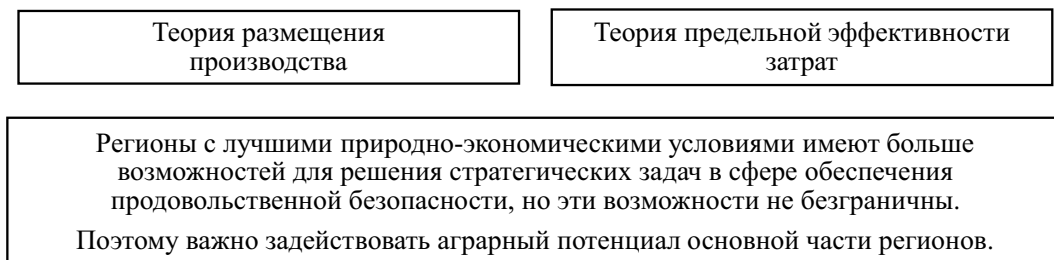
задействовать аграрный потенциал основной массы регионов. В этом контексте, ученые [1, 2] справедливо отмечают, что пространственное развитие АПК представляет собой наиболее оптимальный фактор производства конкурентоспособной продукции. Как уже было сказано, не во всех регионах те или иные виды продукции могут выращиваться одинаково эффективно. В тоже время, объективно утверждение академика РАН Г.В. Беспяхотного [3] о том, что нельзя ограничиться аграрными потенциалом регионов только с благоприятными территориями. Причем, как констатируют иностранные коллеги [4, 5, 6], имеет место не только наличие физических ограничений ресурсов (земли, животных, труда и т.д.), но и предел эффективности новых затрат на производство продукции. Как известно из теории А. Маршала, в некоторой фазе инвестирования отдача от использования дополнительных вложений снижается. На определенной стадии, как отмечает классик экономической науки [7], «затраты на производство блага начинают расти быстрее, чем само производство этого блага». К примеру, как указывают российские авторы [8, 9] для обеспечения потенциального прироста с исходного уровня урожайности зерновых культур 20 ц/га и молочной продуктивности коров 3000 кг/гол. требуется значительно меньше затрат на единицу продукции, чем на тот же прирост при урожайности 30 ц/га и продуктивности 5000 кг/гол. Это связано с тем, что при более низких исходных показателях проще добиться прироста, в то время как при более высоких значениях каждая дополнительная единица роста требует больше ресурсов.

Сегодня эти положения не находят отражения в Стратегии пространственного развития и Стратегии развития АПК. Опираясь на теорию размещения и аспекты ее применения в АПК [10, 11, 12, 13], выбор территории производства, как правило, базируется на таких критериях как максимизация объемов выпуска, экспорта продукции и прибыли, минимизация затрат и т.п. с учетом аграрного потенциала и влияния климата. В этой связи, по мнению авторов статьи, при территориальном размещении аграрных ресурсов и капитала целесообразно учитывать постулаты теории предельной эффективности затрат.

Научные основы и методы исследования

В качестве научной основы исследования учитываются положения теории размещения и теории предельной эффективности затрат (рис. 2).

Рис. 2. Научные основы исследования

Исходя из этих положений следует, что аграрные возможности субъектов РФ с лучшими природными и экономическими условиями не безграничны. Поэтому важно максимальным образом задействовать аграрный потенциал регионов со средними и менее благоприятными территориями для производства продукции.

Ключевым методом исследования является статистическая группировка и кластеризация регионов. В рамках проведенного анализа ресурсного потенциала регионы РФ разбиты на пять групп по уровню благоприятного сочетания природно-экономических условий для развития сельского хозяйства. Для аналитического выражения факторов природно-экономической среды применялся индикатор кадастровой оценки 1 гектара 1 сельскохозяйственных угодий. Статистическая группировка по данному показателю проводилась для целей категорирования регионов с учетом их биоэкономического потенциала и достигнутых результатов стратегического развития агропродовольственного сектора (рис. 3).

Рис. 3. Статистическая группировка регионов по кадастровой стоимости 1 гектара сельхозугодий

Группы субъектов РФ	Вариация кадастровой оценки к среднему уровню по РФ, %	Состав субъектов РФ
Первая	От 6,3 до 54,4	Чукотский АО; республики: Саха (Якутия), Тыва, Коми, Бурятия, Хакасия, Калмыкия; края: Камчатский, Забайкальский, Пермский; области: Кировская, Мурманская, Амурская, Сахалинская, Томская, Тюменская
Вторая	От 57,2 до 98,3	Республики: Алтай, Карелия; края: Алтайский, Красноярский; области: Архангельская, Магаданская, Астраханская, Самарская, Новгородская, Иркутская, Псковская, Кемеровская, Костромская, Новосибирская, Свердловская
Третья	От 100,5 до 123,5	Республики: Удмуртская, Чеченская, Татарстан; края: Приморский, Хабаровский; области: Волгоградская, Вологодская, Калужская, Саратовская, Тверская, Курганская, Владимирская, Челябинская, Кировская, Смоленская, Ульяновская
Четвертая	От 127,0 до 190,0	Республики: Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Ингушетия, Марий Эл, Дагестан, Чувашская, Мордовия; области: Ярославская, Брянская, Пензенская, Оренбургская, Ивановская, Еврейская автономная, Тамбовская, Рязанская, Омская, Тульская
Пятая	От 198,1 до 645,9	Республики: Карачаево-Черкесская, Адыгея, Северная Осетия – Алания, Крым; края: Ставропольский, Краснодарский; области: Орловская, Липецкая, Калининградская, Курская, Ростовская, Белгородская, Воронежская, Ленинградская, Московская

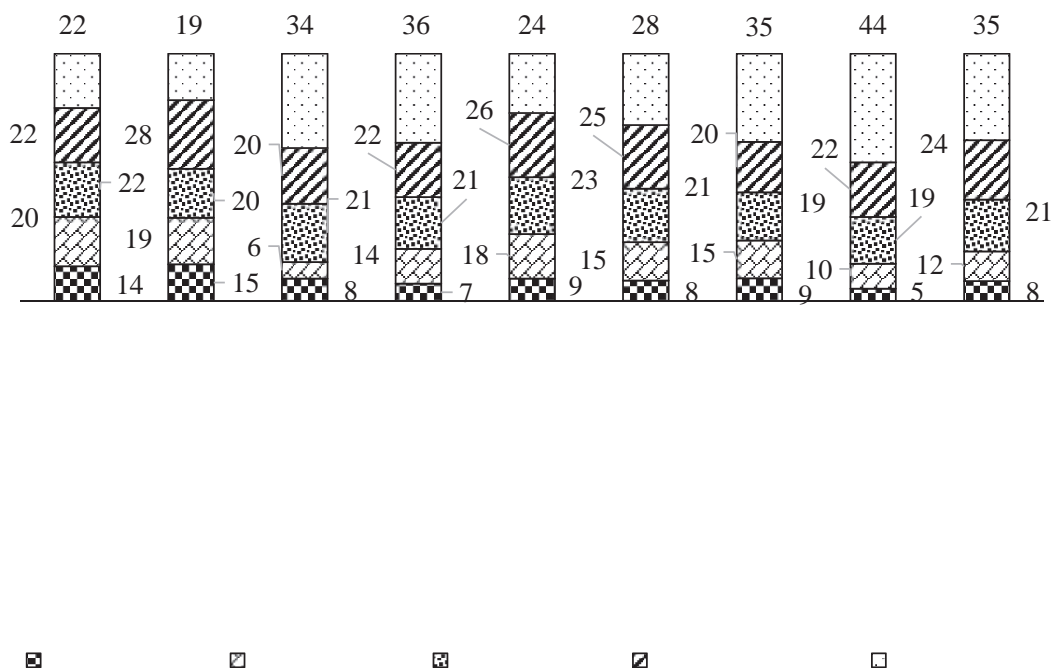
Разбитые на группы (категории) субъекты РФ в зависимости от кадастровой стоимости 1 гектара земель сельхозназначения существенно различаются между собой по уровню вложений в основные производственные мощности, выходу валовой продукции и затрат на нее, полученным финансовым результатам. К пятой категории относятся регионы с наиболее оптимальным сочетанием рентных факторов и высоким уровнем социально-экономического развития аграрного производства.

Результаты и обсуждения

В начальной стадии исследования выявлена структура ресурсного обеспечения в разрезе категорий субъектов РФ по природно-экономическим условиям хозяйствования (рис. 4).

Согласно данным рисунка 4 видно, что угодья сельхозназначения распределены между категориями регионов примерно в равных долях начиная со второй группы субъектов РФ. Также не наблюдается существенных отклонений между категориями регионов и по удельному весу поголовья животных. Явные диспропорции отмечаются в структуре размещения

Рис. 4. Удельный вес ресурсов и результатов развития аграрного сектора в группах регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий, %

трудовых, финансовых и других материально-технически ресурсов. Видно, что по этим показателям имеется прямая зависимость от оптимального сочетания экономико-географических условий. Так, например, в регионах, относящихся к пятой категории субъектов РФ по сравнению с первой, доля энергетических мощностей выше – в четыре раза, трудовых ресурсов – в 3,5 раза, основных фондов – в 4 раза, государственной поддержки – почти в 4,5 раза, текущих затрат – более чем в пять раз, инвестиций в основной капитал – почти в девять раз.

Основой аграрного производства являются земельные ресурсы, ключевым качественным показателем которых является естественный уровень плодородия. Наиболее плодородные черноземные и каштановые почвы степной зоны юга России и черноземы лесостепной зоны преимущественно сконцентрированы в 30 регионах, относимых к пятой и четвертой категории. В то же время для них характерен наиболее высокий уровень вовлечения пашни в хозяйственный оборот, что делает затруднительным дальнейший рост производства за счет экстенсивных факторов (рис. 5).

Одновременно в регионах, относящихся к трем другим категориям субъектов РФ, уровень использования пашни варьирует примерно от 55% до 65%. Это свидетельствует о сравнительно низкой степени вовлечения почвенных ресурсов в производство продукции сельского хозяйства в названных субъектах РФ.

На данном этапе исследования можно заключить, что в структуре территориального размещения ресурсов наблюдается смещение доли ресурсного обеспечения в пользу регионов с благоприятными условиями [14, 15]. Это может создавать предпосылки для превосходства регионов по социальному и экономическому развитию агропродовольственного сектора (табл. 1).

Рис. 5.
Уровень использования пашни в группах регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий, %

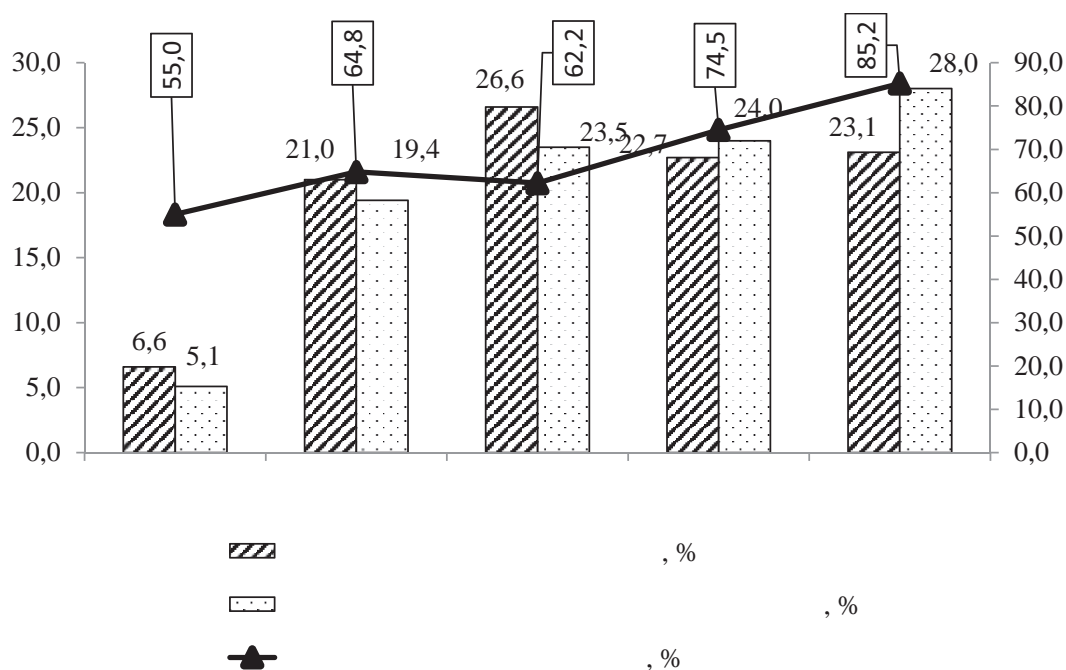

Таблица 1. Предпосылки социально-экономического развития агропродовольственного сектора в группах регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий

Показатели	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая
Фондообеспеченность, тыс. руб./га	29,1	32,2	32,9	35,8	65,3
Фондовооруженность, тыс. руб./чел	10,4	10,6	10,8	11,2	14,1
Энергообеспеченность, л.с./га	0,4	0,5	0,6	0,6	1,0
Инвестиции в основной капитал на 1 га сельхозугодий, тыс. руб./га	1,1	1,3	1,9	2,3	5,3
Объем господдержки на 1 га сельхозугодий, тыс. руб./га	0,7	0,7	1,1	1,3	1,9
Соотношение зарплаты в сельском хозяйстве со средним уровнем по региону, %	60	69	69	72	87
Индекс цен производителей продукции, %	102	100	99	99	96
Соотношение цен по основным видам продукции в среднем по региону со средним уровнем по стране (среднее геометрическое)	118	100	95	88	95

Оценка условий формирования физической и экономической доступности продукции показывает, что и здесь важное влияние оказывают рентообразующие факторы. Например, в регионах пятой категории уровень фондообеспеченности

Рис. 6.
Удельный вес в производстве продукции сельского хозяйства групп регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий, %

более чем в два раза превышает значение, сложившееся в регионах первой группы. Аналогичная тенденция видна по фондовооруженности, энерговооруженности и другим показателям. Достаточно интересно отметить факт влияния природно-экономических условий на индекс цен производителей продукции и средние цены по различным видам сырья и продовольствия. Значения этих показателей также имеют более высокий уровень в группах субъектов РФ с благоприятными территориями.

В 15 субъектах Российской Федерации, входящих в пятую группу, сконцентрировано более 40% валового производства продукции сельского хозяйства страны. При этом территориальные диспропорции в размещении производства в наибольшей степени свойственны отрасли растениеводства. Так удельный вес пятой группы регионов в производстве растениеводческой продукции составляет почти 45% от общероссийского уровня.

Здесь напрашивается вывод о том, что природно-экономический потенциал регионов создает благоприятные условия для получения более высоких экономических и финансовых результатов, способствующих лучшему формированию физической и экономической доступности продукции (таблица 2).

Таблица 2. Результаты деятельности в группах регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий

Группы регионов	Доля прибыли, %	Размер прибыли на 1 организацию, млн руб.	Прирост валовой продукции, тыс./га	Прирост затрат на валовую продукцию, тыс./га
Первая	7,5	7,9	870	459
Вторая	12,7	6,8	-737	181
Третья	12,2	5,2	636	794
Четвертая	8,5	3,2	621	1438
Пятая	59,1	23,8	-1170	2214

Несмотря на то, что существенная доля валовой продукции (более $\frac{1}{3}$ всего выпуска) приходится на субъекты РФ с благоприятными территориями, они получают неоправданно большую долю прибыли (почти 60%), хотя здесь, напомним, сосредоточено только 20% субъектов РФ, в которых осуществляют свою деятельность 24% сельхозорганизаций. В среднем на одну организацию здесь получают в год более 59 млн руб. прибыли против 7,5–12,5 млн руб. в других группах регионов. То есть за счет дифференцированной ренты в этих субъектах РФ создаются более благоприятные предпосылки для новых вложений.

Между тем, прирост валовой продукции наблюдается в первой, третьей и четвертой группах регионов. В пятой группе произошло снижение показателя, при том, что прирост затрат на валовую продукцию здесь оказался самым большим из всех групп регионов. Инвестиции на 1 рубль полученной прибыли от группы к группе увеличиваются. Это свидетельствует о признаках зарождения тенденции к повышению капиталоемкости сельскохозяйственного производства в регионах с благоприятными условиями деятельности. На это частично указывают следующие данные (таблица 3).

Таблица 3. Ресурсоемкость продукции (ВП) агропродовольственного сектора в группах регионов по кадастровой стоимости 1 га сельхозугодий

Показатели	Первая	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая
ВП на 1 га сельхозугодий, млн руб.	20,7	25,5	32,2	34,2	59,2
ВП на 1 л.с., млн руб.	48,9	48,6	55,6	62,2	70,1
ВП на 1 чел., млрд руб.	0,86	0,91	0,99	1,05	1,29
Фондоемкость продукции, руб./руб.	1,33	1,25	1,05	1,07	1,10
Затратоемкость продукции, руб./руб.	0,89	0,87	0,89	0,90	0,88
Инвестициемкость продукции, коп./руб.	5,00	5,21	6,33	7,25	8,62
Инвестициемкость прибыли, руб./руб.	1,4	1,3	1,5	1,9	2,1

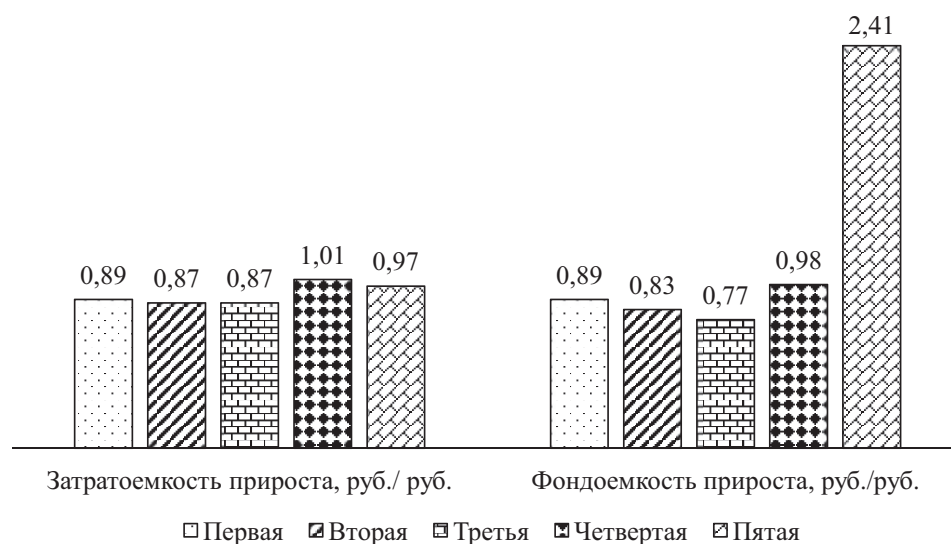
С увеличением кадастровой стоимости наблюдается рост объема производства на единицу затрачиваемых ресурсов. Например, на один гектар сельскохозяйственных угодий в пятой категории регионов, объем валовой продукции оказывается почти в три раза больше, чем в регионах первой категории. Также заметны значительные отличия в объемах валовой продукции между категориями регионов при расчете на единицу энергетических мощностей, основных фондов и трудовых ресурсов.

Необходимо подчеркнуть, что уровень текущих затрат на производство остается сопоставимым между разными категориями регионов, даже учитывая их разнообразные природные и экономические условия. В то же время, в стоимости каждого рубля продукции прослеживается снижение отдачи капитальных затрат по мере повышения категории регионов. Общеизвестно, что с определенной стадии увеличение инвестиций приводит к уменьшению их эффективности. Это означает,

что последующие вложения в регионы с благоприятными условиями может, во-первых, увеличить риски замедления общенационального роста физической доступности продукции и, во-вторых, способствовать повышению цен и сокращению экономической доступности товаров.

Для подтверждения выводов, субъекты РФ перегруппированы по уровню господдержки на 1 га сельхозугодий, и каждая группа разбита на две подгруппы с учетом медианного значения уровню затрат на валовую продукцию. На основе такого категорирования определяется прирост показателей (валовой продукции, текущих затрат и основных фондов) в группах как разность между второй и первой подгруппами. Данный подход позволяет наглядно продемонстрировать эффективность прироста текущих затрат и капитальных вложений по мере увеличения их вложений на единицу ресурсов (рис. 7).

Рис. 7.
Затратоемкость и фондоемкость прироста валовой продукции в группах субъектов РФ по уровню господдержки на 1 гектар сельхозугодий

Анализ затрат и использования фондов показывает, что экономически выгодное увеличение объема производства осуществимо преимущественно в регионах первой, второй и третьей категории. В них наблюдается минимальное увеличение затрат и инвестиций в основные средства для получения дополнительной единицы продукции. Однако, в регионах четвертой и пятой групп любое дальнейшее увеличение производства потребует более значительных затрат, что свидетельствует о достижении предела эффективности текущих и капитальных вложений.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в Российской Федерации сформировались значительные диспропорции в пространственном размещении производства и ресурсного потенциала в сельском хозяйстве. Поставленная сегодня продовольственная задача по обеспечению населения доступной продукцией решается преимущественно силами регионов с благоприятными территориями выращивания сельхозкультур и животных. Здесь сосредоточена значительная доля производственных мощностей, основных фондов, оборотных активов и трудовых ресурсов. Здесь же оседает существенная

доля инвестиций в основной капитал, государственных субсидий и прибыли. Усиливается тенденция по концентрации новых вложений в регионах, относящихся к категориям субъектов РФ с лучшим природно-экономическими условиями. На фоне сложившейся тенденции в группах регионов с благоприятными факторами уровень текущих и капитальных затрат в расчете на единицу аграрных ресурсов (земли, животных) существенно превышает уровень, достигнутый в группах регионов со средними и худшими территориями. Это привело к тому, что в субъектах РФ с лучшими рентными факторами доля вложений в каждом руб. прибыли выше, чем в субъектах с менее благоприятными условиями. То же самое можно отметить по доле вложений в каждом рубле продукции. В итоге, рост объемов производства и прибыли сопровождается ростом затрат на единицу выпуска продукции. Это подтверждает многочисленные выводы ученых о том, что возможности дальнейшего роста производства продукции сельского хозяйства в регионах с наиболее благоприятным сочетанием природно-экономических условий в значительной степени исчерпаны. Поэтому дальнейшее вливание средств в регионы с естественной инвестиционной привлекательностью может привести к повышению капиталоемкости сельскохозяйственного производства и удорожанию выпуска продукции, сырья и продовольствия. Данная проблема в существенной степени тормозит формирование физической и экономической доступности до уровня рациональных норм потребления на сбалансированной основе.

В этой связи задача территориального планирования – повышать инвестиционную привлекательность регионов с менее благоприятными факторами. В контексте реализации Стратегии пространственного развития целесообразно поднимать вопрос о перспективной аграрной специализации регионов. Она будет выражаться в формировании на территории конкретного региона совокупности производства тех видов продукции, которые обусловлены благоприятным сочетанием конкурентных преимуществ в обеспечении физической и экономической доступности. В этом контексте каждый регион, обладая своими конкурентными возможностями по производству определенных видов продукции, способен принести наибольшую отдачу с единицы новых инвестиций, снизить затратно-емкость продукции и внести максимально возможный вклад в решение поставленной стратегической задачи по обеспечению населения доступным продовольствием.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 23-28-10277. <https://rscf.ru/project/23-28-10277/>

Библиографический список

1. Алтухов А.И. *Методология формирования специализированных высокотехнологичных зон в сельском хозяйстве страны // Экономика сельского хозяйства России. – 2023. – № 7. С. 2–12. – DOI: 10.32651/237-2.*
2. Силаева Л.П. *Концептуальные основы развития и размещения производства продукции сельскохозяйственных культур и подотраслей АПК // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. № 3. С. 106–110.*

3. Беспяхотный Г.В. Планирование господдержки сельскохозяйственных предприятий: централизация или «регионализация»? // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 11. – С. 11–15.
4. Brockie M.D., Grey A.L. The Marginal Efficiency of Capital and Investment Programming // The Economic Journal. 1956. No 66(264). Pp. 662–675. <https://doi.org/10.2307/2227520>.
5. Eatwell J. Marginal Efficiency of Capital. In: The New Palgrave Dictionary of Economics. Palgrave Macmillan, London. 2018. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5_899.
6. Pitchford J.D., Hagger A.J. A Note on the Marginal Efficiency of Capital // The Economic Journal. 1958. Vol. 68. Issue 271. Pp. 597–600. <https://doi.org/10.2307/2227584>.
7. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. – М.: Прогресс: Универс, – 1993. – Т. 3. – 352 с.
8. Трафимов А.Г. Эффективность производства молока: поиск пределов роста продуктивности коров // АПК: экономика, управление. – 2018. – № 9. – С. 94–106.
9. Безносков Г.А. Предельная полезность производственных ресурсов как фактор повышения экономической эффективности производства зерна // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 12(118). – С. 67–72.
10. Svetlov N.M., Siptits S.O., Romanenko I.A., Evdokimova N.E. The Effect of Climate Change on the Location of Branches of Agriculture in Russia // Studies on Russian Economic Development. – 2019. – Vol. 30. – No. 4. – pp. 406–418.
11. Петриков А.В. Стратегические направления совершенствования аграрной политики России в условиях санкционного давления // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235. – № 3. – С. 122–133. – DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-122-133.
12. Жукова Ю.С., Шиврина Т.Б. Разработка методического подхода к определению комплексного показателя инвестиционной безопасности сельскохозяйственных предприятий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 243. № 5. С. 310–327. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-243-5-310-327.
13. Соколов О.В., Жилияков Д.И. Размещение и развитие садоводства в России // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2020. – № 7. – С. 103–111.
14. Самыгин Д.Ю., Иванов А.А. Территориальное размещение и стратегическое развитие агропродовольственного сектора // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2023. – № 5. – С. 115–133. – DOI: 10.26897/0021-342X-2023-5-115-133.
15. Самыгин Д.Ю. Концепция стратегического планирования в сфере продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2021. – № 2. – С. 14–20.

References

1. Altukhov A.I. Metodologiya formirovaniya spetsializirovannykh vysokotekhnologichnykh zon v sel'skom khozyaystve strany // Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii. – 2023. – № 7. – S. 2–12. – DOI: 10.32651/237-2.
2. Silaeva L.P. Kontseptual'nye osnovy razvitiya i razmeshcheniya proizvodstva produktsii sel'skokhozyaystvennykh kul'tur i podotrasley APK // Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii. – 2019. – № 3. – S. 106–110.
3. Bespakhotnyy G.V. Planirovanie gospodderzhki sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy: tsentralizatsiya ili «regionalizatsiya»? // Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy. – 2020. – № 11. – S. 11–15.
4. Brockie M.D., Grey A.L. The Marginal Efficiency of Capital and Investment Programming // The Economic Journal. 1956. No 66(264). Pp. 662–675. <https://doi.org/10.2307/2227520>
5. Eatwell J. Marginal Efficiency of Capital. In: The New Palgrave Dictionary of Economics. Palgrave Macmillan, London. 2018. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5_899

6. Pitchford J.D., Hagger A.J. A Note on the Marginal Efficiency of Capital // *The Economic Journal*. 1958. Vol. 68. Issue 271. Pp. 597–600. <https://doi.org/10.2307/2227584>.
7. Marshall A. *Printsipy ekonomicheskoy nauki: v 3 t.* – M.: Progress: Univers, – 1993. – T. 3. – 352s.
8. Trafimov A.G. *Effektivnost' proizvodstva moloka: poisk predelov rosta produktivnosti korov* // *APK: ekonomika, upravlenie*. – 2018. – № 9. – S. 94–106.
9. Beznosov G.A. *Predel'naya poleznost' proizvodstvennykh resursov kak faktor povysheniya ekonomicheskoy effektivnosti proizvodstva zerna* // *Agrarnyy vestnik Urala*. – 2013. – № 12(118). – S. 67–72.
10. Svetlov N.M., Siptits S.O., Romanenko I.A., Evdokimova N.E. *The Effect of Climate Change on the Location of Branches of Agriculture in Russia* // *Studies on Russian Economic Development*. – 2019. – Vol. 30. – No. 4. – Pp. 406–418.
11. Petrikov A. V. *Strategicheskie napravleniya sovershenstvovaniya agrarnoy politiki Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya* // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. – 2022. – T. 235. – № 3. – S. 122–133. DOI: 10.38197/2072-2060-2022-235-3-122-133.
12. Zhukova Yu.S., Shivrina T.B. *Razrabotka metodicheskogo podkhoda k opredeleniyu kompleksnogo pokazatelya investitsionnoy bezopasnosti sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy* // *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. – 2023. – T. 243. – № 5. – S. 310–327. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-243-5-310-327.
13. Sokolov O.V., Zhilyakov D.I. *Razmeshchenie i razvitie sadovodstva v Rossii* // *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. – 2020. – № 7. – S. 103–111.
14. Samygin D.Yu., Ivanov A.A. *Territorial'noe razmeshchenie i strategicheskoe razvitie agroproduktivnogo sektora* // *Izvestiya Timiryazevskoy sel'skokhozyaystvennoy akademii*. – 2023. – № 5. – S. 115–133. – DOI: 10.26897/0021-342X-2023-5-115-133.
15. Samygin D.Yu. *Kontseptsiya strategicheskogo planirovaniya v sfere prodovol'stvennoy bezopasnosti* // *Ekonomika sel'skokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy*. – 2021. – № 2. – S. 14–20.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
440026, Пенза, Красная ул., 40
Penza State University
40 Krasnaya Str., Penza, 440026, Russia
Самыгин Денис Юрьевич / Denis Yu. Samygin
vekont82@pnzgu.ru

ФГБОУ ВО «Курский государственный аграрный университет имени И.И. Иванова»
305021, Курск, Карла Маркса ул., 70
Kursk State Agrarian University named after I.I. Ivanova
Kursk, 70 Karl Marx Str., 305021, Russia
Жиляков Дмитрий Иванович / Dmitry I. Zhilyakov
zhilyakov@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный аграрный университет»
440014, Пенза, Ботаническая ул., 30
Penza State Agrarian University,
30 Botanicheskaya Str., Penza, 440014, Russia
Иванов Александр Александрович / Aleksandr A. Ivanov
ivanov.a.a@pgau.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-567-579

ИНВЕСТИЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

INVESTMENT DEVELOPMENT OF AGRICULTURE AND ITS INVESTMENT ATTRACTIVENESS IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND THREATS

МАСЛОВА Влада Вячеславовна

Заведующая отделом исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», доктор экономических наук, профессор РАН

Vlada V. MASLOVA

Head of the research Department of price and financial-credit relations in agriculture, Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Doctor of economics, professor RAS

ЗАРУК Наталья Федоровна

Главный научный сотрудник отдела исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», доктор экономических наук, профессор

Natalya F. ZARUK

Chief Researcher of the Department of research of price and financial-credit relations in agriculture, «Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Doctor of economics, professor

АВДЕЕВ Михаил Викторович

Ведущий научный сотрудник отдела исследования ценовых и финансово-кредитных отношений в АПК ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», кандидат экономических наук

Mikhail V. AVDEEV

Leading Researcher of the Department of research of price and financial and credit relations in agriculture, «Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Ph.D in Economics

Аннотация

Статья посвящена вопросам инвестиционного развития сельского хозяйства и его инвестиционной привлекательности. Авторами рассматриваются основные элементы экономического механизма, оказывающие влияние на инвестиционную активность в сельском хозяйстве. Выявлена необходимость оценки инвестиционной привлекательности отрасли на основе анализа инвестиционного потенциала и рисков, в целях выработки обоснованных решений при формировании инвестиционной аграрной политики и привлечения инвесторов. На основе проведенной оценки уровня инвестиционной привлекательности в разрезе субъектов РФ и федеральных округов авторами предложены меры и механизмы наращивания инвестиционного потенциала в сельском хозяйстве.

Abstract

The article is devoted to the issues of investment development of agriculture and its investment attractiveness. The authors consider the main elements of the economic mechanism that influence investment activity in agriculture. The article also identifies the need to assess the investment attractiveness of the agricultural sector based on the analysis of investment potential and risks in order to develop solutions in the formation of investment agricultural policy and attract potential investors. Based on the assessment of the level of investment attractiveness in the context of the subjects of the Russian Federation and federal districts, the authors propose measures and mechanisms to increase investment potential in agriculture.

Ключевые слова

Сельское хозяйство, инвестиционное развитие, инвестиционная привлекательность, экономический механизм, кредитование, господдержка, регионы России.

Keywords

Agriculture, investment development, investment attractiveness, economic mechanism, lending, government support, regions of Russia.

Введение

Новые политические и социально-экономические вызовы ставят перед всеми отраслями национальной экономики серьезные задачи. Геополитические условия требуют создания новой экономической модели, стержнем которой должен быть технико-технологический суверенитет. Технический и технологический прорыв не может состояться без главного движущего инструмента экономики – инвестиций. В последние годы аграрная отрасль демонстрирует рост и существенные результаты импортозамещения.

Несмотря на достигнутые положительные результаты в аграрной экономике существует еще много проблем, которые необходимо решать для перехода к устойчивому развитию. Доходность сельского хозяйства находится на недостаточном уровне (рентабельность в 2023 г. составила около 19% с учетом субсидий и имеет тенденцию к снижению), что препятствует наращиванию инвестиций в отрасли. Кроме того, сложился недостаточный уровень оплаты труда (64,6% от среднего уровня по экономике в растениеводстве и животноводстве, охоте), недостаточно развитая инфраструктура сельских территорий, которые тормозят приток квалифицированных кадров, а без развития трудового потенциала невозможна технико-технологическая модернизация отрасли. Также необходимо отметить, что в настоящее время отрасль функционирует в условиях существенных бюджетных ограничений, что препятствует увеличению объемов господдержки. Финансирование инвестиций за счет кредитования затруднено из-за высокой ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации и невозможности обеспечения кредитными ресурсами по льготным ставкам большинства товаропроизводителей.

Снижение инвестиционной активности в сельском хозяйстве обуславливает необходимость определения инвестиционной привлекательности отрасли в различных субъектах Российской Федерации, а также и по макрорегионам. Необходимо проведение регулярного мониторинга инвестиционной привлекательности в целях выявления потенциальных возможностей и существующих рисков для принятия обоснованных управленческих решений при формировании аграрной инвестиционной региональной политики и привлечения инвесторов в отрасль.

В связи с этим целью настоящего научного исследования является оценка уровня инвестиционной привлекательности сельского хозяйства как на уровне субъектов Российской Федерации, так и на уровне федеральных округов для разработки практических рекомендаций по повышению инвестиционных потенциалов и снижению рисков инвестиционной привлекательности.

Материалы и методы

Исследование базируется на нормативных правовых актах Российской Федерации, регулирующих развитие сельского хозяйства и агропромышленного комплекса [1–3]. При проведении исследования использовались следующие методы: группировок, метод сравнительного анализа, метод экспертных оценок, абстрактно-логический, экономико-статистические. Информационную статистическую базу для исследования составили официальные данные Росстата, Минсельхоза России, Банка России, отраслевых союзов.

Таблица 1. Алгоритм оценки инвестиционной привлекательности на основе анализа инвестиционного потенциала и рисков в сельском хозяйстве субъектов Российской Федерации

1) ПОТЕНЦИАЛЫ (Fr)				
Ресурсный	Кадровый	Финансово-экономический	Потребительский	Социальные
<ul style="list-style-type: none"> индекс производства продукции сельского хозяйства% индекс инвестиций в основной капитал % коэффициент обновления основных фондов в сельском хозяйстве, % объемы производства продукции сельского хозяйства на душу населения, руб.; доля посевных площадей в общей площади сельско-хозяйственных угодий, % 	<ul style="list-style-type: none"> доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике, %; трудообеспеченность, чел. на 100га; соотношение средней заработной платы одного работника в сельском хозяйстве и средней заработной платы одного работника в сельском хозяйстве объем кредитования сельского хозяйства на площадь производительность труда, тыс. руб. на чел. 	<ul style="list-style-type: none"> уровень рентабельности (убыточности) проданной продукции, % сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га; объем кредитования сельского хозяйства на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га 	<ul style="list-style-type: none"> среднедушевые денежные доходы населения, руб/мес индекс реальных денежных доходов населения, % плотность населения, чел/1000 га сельхозугодий 	<ul style="list-style-type: none"> уровень безработицы в возрасте 15 лет и старше, % уровень безработицы сельского населения, % доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в среднем по региону, %
ФАКТОРЫ				
<ul style="list-style-type: none"> степень износа основных средств в сельском хозяйстве, %; удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций, % паритетное соотношение индексов цен II и I сфер АПК, %; доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в среднем по региону, % 	<ul style="list-style-type: none"> уровень рентабельности (убыточности) проданной продукции, % сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га; объем кредитования сельского хозяйства на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га 	<ul style="list-style-type: none"> уровень рентабельности (убыточности) проданной продукции, % сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га; объем кредитования сельского хозяйства на площадь сельхозугодий, млн руб/ 1000га 	<ul style="list-style-type: none"> уровень безработицы в возрасте 15 лет и старше, % уровень безработицы сельского населения, % доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в среднем по региону, % 	<ul style="list-style-type: none"> уровень безработицы в возрасте 15 лет и старше, % уровень безработицы сельского населения, % доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в среднем по региону, %

2) Операция максимизации производится по каждому i-му показателю инвестиционного потенциала и риска для j-го региона России

$$X_{ij} = \frac{X_{ij}}{\max \{X_{ij}\}}$$

4) Интегральный показатель инвестиционной привлекательности рассчитывается как сумма полученных нормированных значений по отдельным потенциалам и рискам:

$$I = \sum_{i=1}^n \ln_{p,r}$$

3) Расчет показателей по отдельным потенциалам (Ip) и рискам (Ir)

$$I_{p,r} = \frac{1 - (Fn_1 + Fn_2 + \dots + Fn_n)}{n}$$

Проведение операции максимизации и нормирования сводного показателя инвестиционной привлекательности для равномерного масштабирования интегральной оценки (по формуле из п. 2)

где: Ip,r – интегрированный показатель инвестиционного потенциала и рисков; Fn – нормированные показатели факторов инвестиционной привлекательности (потенциала и рисков), при этом если более высокие значения показателя считается приоритетным, то значение фактора рассчитывается как разница: (1-Fnp); n – количество используемых факторов для анализа. Полученные показатели потенциала и рисков нормируются по формуле из п. 2 (Ipr,r)

Источник: составлено авторами

Результаты

В майском Указе Президента России о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. обозначены целевые показатели по «увеличению к 2030 г. объема производства продукции агропромышленного комплекса не менее чем на 25% по сравнению с уровнем 2021 г.», и «увеличению к 2030 г. экспорта продукции агропромышленного комплекса не менее чем в полтора раза по сравнению с уровнем 2021 г.», также поставлена задача «увеличения к 2030 г. объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г. за счет постоянного улучшения инвестиционного климата» [4]. Президентом в очередной раз во главу угла наряду с сохранением населения, укреплением здоровья и повышением благополучия людей, поддержкой семьи поставлена задача роста накопления основного капитала. В то же время в Национальных целях развития страны, утвержденных в 2020 г., планировалось увеличить инвестиции в основной капитал к 2030 г. не менее, чем на 70%, то есть цели корректируются и, к сожалению, в сторону уменьшения.

В экономическом механизме АПК в последнее время наблюдается усиление значимости государственной поддержки. Более 50% объемов финансирования Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее – Госпрограмма) направляется на поддержку федерального проекта «Стимулирование инвестиционной деятельности в АПК». Несмотря на это отраслевые инвестиции демонстрируют крайне неустойчивую динамику [5, 6]. За последние 10 лет в целом по экономике индекс инвестиций составил почти 127%, в сельском хозяйстве только – 100%. Причем, цифры по индексам инвестиций в сельское хозяйство Росстатом в начале текущего года скорректированы – увеличены показатели за три последних года.

Источником финансирования инвестиций являются собственные средства производителей и привлеченные ресурсы. Структура инвестиций по источникам финансирования в сельском хозяйстве коренным образом отличается от ситуации в целом по экономике. В 2022 г. доля собственных источников финансирования инвестиций в целом по экономике составила 54%, в сельском хозяйстве доля собственных источников выросла до 67%, при этом в привлеченных ресурсах за последние пять лет существенно сократилась доля кредитования – на 13,8 процентных пунктов.

Таким образом, доля собственных ресурсов в финансировании инвестиций увеличивается как по экономике в целом, так и в сельском хозяйстве. Данная ситуация обуславливается трудностями с привлечением кредитных ресурсов как с точки зрения их физической доступности, так и существенно возросшей стоимостью заимствований.

В последние годы в целом в сельском хозяйстве прибыль у сельскохозяйственных товаропроизводителей в сопоставимых ценах не растет, снижается рентабельность, не увеличиваются также объемы кредитования. Таким образом, роста источников финансирования инвестиций не наблюдается.

Что касается кредитования как источника формирования инвестиций, то около 65% всех кредитов, полученных сельским хозяйством с господдержкой, приходится на краткосрочные кредиты. Подавляющая часть бюджетных субсидий направляется на субсидирование кредитов, выданных ранее, и только всего 15% направляется на поддержку вновь выдаваемых кредитов. В этих условиях особую актуальность приобретают вопросы инвестиционной привлекательности отрасли.

Инвестиционная привлекательность является комплексной экономической категорией, представляющей собой совокупность многих факторов, характеризующих аграрный сектор экономики с позиции перспектив его развития на основе роста инвестиционного потенциала и минимизации инвестиционных рисков [7]. На основе разработанной авторской методики оценки инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации, включающей анализ инвестиционного потенциала (объединяет ресурсный, кадровый, финансово-экономический, потребительский), и инвестиционных рисков (финансовых и социальных) определяются сводные показатели инвестиционных потенциалов и рисков, на основе которых рассчитывается интегральный показатель инвестиционной привлекательности сельского хозяйства субъектов Российской Федерации.

В целях репрезентативного сравнения используемых различных, разнонаправленных показателей (проценты, рубли, гектары и др.) на основе экономико-математических методов максимизации и нормирования, определяются сводные показатели отдельно по каждому потенциалу и риску, а также интегральный показатель инвестиционной привлекательности. Алгоритм определения интегрального показателя инвестиционной привлекательности в регионах России включает этапы:

- 1) отбор факторов и конкретных показателей, характеризующих инвестиционные потенциалы и риски;
- 2) для определения сводных показателей инвестиционных потенциалов и инвестиционных рисков проводятся операции максимизации и нормирования выбранных показателей;
- 3) далее осуществляется расчет показателей по отдельным потенциалам и рискам, после чего осуществляется группировка регионов в зависимости от их уровня;
- 4) определение интегрального показателя инвестиционной привлекательности, проведение операции максимизации и нормирования, группировка регионов в зависимости от уровня инвестиционной привлекательности. Подробно алгоритм приведен в табл. 1.

При этом в исследовании не участвовали субъекты страны, в которых площадь сельхозугодий не превышает 50 тыс. га, что фактически ограничивает условия для расширения аграрного производства. К их числу относятся г. Москва, Мурманская область, Ненецкий АО, г. Санкт-Петербург, г. Севастополь, Чукотский АО. Также в оценке не участвовали субъекты страны, по которым отсутствует необходимая статистическая информация для расчетов (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области).

По нашему мнению, инвестиционную привлекательность сельского хозяйства целесообразно анализировать не только в разрезе отдельных субъектов Российской Федерации, но и в разрезе федеральных округов (далее – ФО), как административно-территориальных единиц нового типа, призванных выравнять асимметрию инвестиционного развития регионов страны и укреплять социально-экономические связи между ними.

Инвестиционный потенциал. В разрезе отдельных федеральных округов сложилась неоднородная ситуация. Например, Центральный ФО объединяет субъекты, которые практически поровну распределились по уровню инвестиционного потенциала (по шесть субъектов с высоким и средним уровнем и пять – с низким потенциалом), то есть картина достаточно пестрая (табл. 2). В Северо-Кавказском ФО у всех субъектов сформировался средний уровень инвестиционного потенциала. В Южном

Таблица 2. Инвестиционный потенциал субъектов Российской Федерации в разрезе отдельных федеральных округов в 2022 г.

Наименование федерального органа	Высокий потенциал (80 баллов и выше)	Средний потенциал(60 – 79 баллов)	Низкий потенциал (ниже 60 баллов)
Центральный	Липецкая обл., Курская обл., Орловская обл., Тамбовская обл., Воронежская обл.,	Брянская обл., Тульская обл., Рязанская обл., Московская обл., Ярославская обл., Ивановская обл.,	Владимирская обл., Калужская обл., Тверская обл., Смоленская обл., Костромская обл.
Северо-Западный	Ленинградская обл.,	Калининградская обл., Респ. Карелия, Псковская обл., Архангельская обл.	Волгоградская обл., Новгородская обл., Респ. Коми
Южный	Краснодарский край	Ростовская обл., Респ Адыгея, Волгоградская обл., Респ Крым.	Астраханская обл., Респ. Калмыкия
Северо-Кавказский	-	Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Ингушетия, Респ. Северная Осетия-Алания, Респ. Дагестан, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Респ.	-
Приволжский	Республика Мордовия	Пензенская обл., Респ. Марий Эл, Самарская обл., Респ. Татарстан., Удмурдская Респ., Чувашская Респ., Кировская обл., Ульяновская обл.	Респ. Башкортостан, Нижегородская обл., Оренбургская обл., Пермский край
Уральский	-	Курганская обл.,	Свердловская обл., Тюменская обл., Челябинская обл.
Сибирский	-	Алтайский край, Магаданская обл	Кемеровская обл., Красноярский край, Новосибирская обл., Омская обл., Томская обл., Иркутская обл., Респ. Хакасия, Респ Алтай, Респ Тыва
Дальневосточный	-	Сахалинская обл., Камчатский край., Амурская обл., Приморский край,	Хабаровский край, Респ. Бурятия, Еврейская автономная обл., Респ. Саха (Якутия), Забайкальский край
Всего субъектов	9	37	31

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата, ЕМИСС, Минсельхоза России [8–11]

ФО практически все субъекты вошли в группу со средним уровнем инвестпотенциала, но есть регион лидер – Краснодарский край и отстающие регионы – Астраханская область и Республика Калмыкия. В Приволжском ФО 65% субъектов – регионы со средним уровнем инвестпотенциала, 29% – с низким уровнем. В Сибирском ФО практически все субъекты (кроме Алтайского края) входят в группу с низким инвестпотенциалом. В Дальневосточном ФО регионы распределились поровну – часть со средним уровнем инвестиционного потенциала, другая – с низким уровнем.

Инвестиционные риски. Группа с минимальными инвестиционными рисками наиболее многочисленная – объединяет 54 субъекта Российской Федерации. В Центральном ФО в эту группу входят почти все субъекты (кроме Костромской области), при этом минимальные риски фиксируются в Курской, Липецкой и Орловской областях. В Приволжском ФО все субъекты входят в группу с минимальными рисками (наилучшие показатели отмечены в Удмуртской Республике, Республике Татарстан и Пензенской области). Также минимальные риски отмечены в трех субъектах Уральского ФО (Тюменской, Свердловской и Челябинской областях).

Из Северо-Западного и Южного ФО по четыре субъекта вошло в группу с минимальными инвестиционными рисками: Ленинградская и Калининградская области, Краснодарский и Ставропольский края, и другие. В Сибирском и Дальневосточном ФО по шесть субъектов вошли в группу регионов с минимальными инвестиционными рисками.

Во вторую группу – со средним уровнем инвестиционных рисков – вошло 20 субъектов страны. В основном эта группа объединяет субъекты Северо-Кавказского, Северо-Западного и Сибирского ФО.

Третья группа – с максимальным уровнем инвестиционных рисков, включила в себя всего три субъекта: два из Дальневосточного ФО (Забайкальский край, Еврейская автономная область) и один из Северо-Кавказского ФО (Республика Ингушетия).

Обсуждение

Проведенная интегральная оценка показателей позволила определить, что среди всех исследуемых субъектов Российской Федерации наибольшей инвестиционной привлекательностью обладают 17 регионов, большая часть которых приходится на Центральный ФО (девять субъектов) (табл. 3). При этом четыре из них набрали максимальное количество баллов – Липецкая, Курская, Белгородская и Орловская области. В число регионов, обладающих высокой инвестиционной привлекательностью, также вошли по два субъекта Южного (Краснодарский край и Ростовская область), Приволжского (Республика Мордовия и Пензенская область) и Северо-Западного (Ленинградская и Калининградская области) ФО. Высокий уровень инвестиционной привлекательности также отмечен в одном субъекте Северо-Кавказского (Ставропольский край) и одном субъекте Дальневосточного (Сахалинская область) ФО. При этом ни один из субъектов Уральского и Сибирского ФО не попал в данную группу.

Вторая группа регионов включила 32 субъекта страны, они характеризуются средним уровнем инвестиционной привлекательности. Значительная их часть – 10 субъектов, приходится на Приволжский ФО. Наилучший показатель среди них отмечен в Самарской области, Республиках Татарстан и Марий Эл. В Центральном ФО в четырех субъектах сложился средний уровень инвестиционной привлекательности.

Из других федеральных округов в данную группу входят по три субъекта, а наиболее высокие значения интегрального показателя среди них отмечены в Камчатском крае (Дальневосточный ФО), Алтайском крае (Сибирский ФО), Волгоградской области (Южный ФО), Кабардино-Балкарской Республике (Северо-Кавказский ФО), Псковской (Северо-Западный ФО) и Свердловской (Уральский ФО) областях.

В число регионов страны с низкой инвестиционной привлекательностью вошло 28 субъектов, в основном они сконцентрированы в Сибирском (семь субъектов) и Дальневосточном (шесть субъектов) ФО. Таким образом, более половины субъектов данных федеральных округов обладают низкой инвестиционной привлекательностью аграрной отрасли. Кроме того, низкие показатели отмечены в четырех субъектах Центрального ФО (минимальные – в Смоленской и Костромской областях). В Северо-Западном и Южном ФО в число регионов с низким уровнем инвестиционной привлекательности вошло по три субъекта.

Таким образом, оценка инвестиционной привлекательности показала, что в настоящее время во всех федеральных округах имеются регионы с низкой инвестиционной привлекательностью.

Самые большие дисбалансы наблюдаются в Центральном, Северо-Западном, Южном и Северо-Кавказском ФО: в них сложилась существенная полярность от наиболее инвестиционно привлекательных регионов до регионов-аутсайдеров. В Уральском, Сибирском и Дальневосточном ФО ситуация более однородная, но не благоприятная: в них фиксируется средний и низкий уровень инвестиционной привлекательности. В Приволжском ФО в основном фиксируется средний уровень инвестиционной привлекательности.

Заключение

Проведенное исследование позволило провести оценку инвестиционной привлекательности сельского хозяйства как в разрезе субъектов Российской Федерации, так и по федеральным округам. Анализ выявил существенную дифференциацию субъектов федерации по уровню инвестиционной привлекательности. Это формирует необходимость корректировки аграрной инвестиционной политики в целях выравнивания условий и факторов развития инвестиционной деятельности в различных субъектах и федеральных округах. В отдельных субъектах Российской Федерации фиксируются очень низкий финансовый, низкие производственный и трудовой потенциалы. В тоже время инвестиционные риски, как правило, либо минимальные, либо средние (за исключением трех субъектов РФ). Поэтому меры и механизмы, направленные на повышение инвестиционной привлекательности, в основном должны быть сконцентрированы на повышении инвестиционного потенциала:

– со стороны производственного потенциала, в первую очередь, необходимо обратить внимание на динамику инвестиций в основной капитал и обновление основных фондов, что требует активной господдержки инвестиционного развития с помощью различных форм (льготное кредитование, капексы, льготное налогообложение при осуществлении инвестиционной деятельности, возможность включения регионов с низким производственным потенциалом в экономическую зону с особыми условиями развития);

– со стороны трудового потенциала из-за большого оттока населения из сельской местности фиксируются очень низкие показатели трудоустроенности, а также

Таблица 3. Инвестиционный потенциал субъектов Российской Федерации в разрезе отдельных федеральных округов в 2022 г.

Наименование федерального органа	Высокий уровень инвестиционной привлекательности	Средний уровень инвестиционной привлекательности	Низкий уровень инвестиционной привлекательности
Центральный	Липецкая обл., Курская обл., Белгородская обл., Тамбовская обл., Воронежская обл., Тульская обл., Рязанская обл., Брянская обл.,	Московская обл., Владимирская обл., Ярославская обл., Ивановская обл.,	Калужская обл., Тверская обл., Смоленская обл., Костромская обл.
Северо-Западный	Ленинградская обл., Калининградская обл.,	Псковская обл., Респ. Карелия, Вологодская обл.	Архангельская обл., Новгородская обл., Респ. Коми
Южный	Краснодарский край, Ростовская обл.	Волгоградская обл., Респ. Адыгея, Респ Крым.	Чеченская Респ., Карачаево- Черкесская Респ., Респ. Ингушетия
Северо-Кавказский	Ставропольский край	Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Северная Осетия-Алания, Респ. Дагестан,	-
Приволжский	Республика Мордовия, Пензенская обл.,	Самарская обл., Респ. Марий Эл, Респ. Татарстан., Удмурдская Респ., Саратовская обл., Кировская обл., Чувашская Респ., Республика Башкортостан., Ульяновская обл., Нижегородская обл	Респ. Башкортостан, Нижегородская обл., Оренбургская обл., Пермский край
Уральский	-	Свердловская обл., Тюменская обл., Курганская обл.,	Свердловская обл., Тюменская обл., Челябинская обл.
Сибирский	-	Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская обл	Кемеровская обл., Томская обл., Омская обл., Иркутская обл., Респ. Хакасия, Респ Алтай, Респ Тыва
Дальневосточный	Сахалинская обл.	Камчатский край., Амурская обл., Приморский край,	Магаданская обл., Хабаровский край, Респ. Бурятия, Респ, Саха (Якутия), Еврейская авт., обл., Забайкальский край
Всего субъектов	17	32	28

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата, ЕМИСС, Минсельхоза России [8–11]

невысокие показатели производительности труда. Особо важным в данном контексте представляется расширение объема финансирования Государственной программы комплексного развития сельских территорий, развитие социальной инфраструктуры в сельской местности, предоставление жилья на льготных условиях для закрепления трудовых ресурсов, создание новых рабочих мест, в том числе высокотехнологичных;

– со стороны финансового потенциала в регионах-аутсайдерах фиксируется низкая рентабельность продаж, недостаточные объемы привлеченного кредитования, в связи с этим необходима дополнительная господдержка таких субъектов как с точки зрения увеличения повышающего коэффициента поддержки сельского хозяйства субъектов, расположенных в этих зонах, так и возможное установление квот для регионов с низкой инвестиционной привлекательностью по льготному кредитованию.

Таким образом, проблему повышения инвестиционной привлекательности сельского хозяйства необходимо решать системно и комплексно, учитывая необходимость активизации инвестиционного развития на всей территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Система Консультант Плюс: официальный интернет-портал. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 05.06.2024).*
2. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 г.» // Система Консультант Плюс: официальный интернет-портал. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426435/ (дата обращения: 05.06.2024).*
3. *Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // Система Консультант Плюс: официальный интернет-портал. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (дата обращения: 05.06.2024).*
4. *Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.» // Президент Российской Федерации: офиц. сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 05.06.2024).*
5. *Маслова В.В. Формирование инвестиционного капитала в АПК России в условиях глобальных вызовов и угроз / В. В. Маслова // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 235, № 3. – С. 300–309.*
6. *Маслова В.В. Структурная трансформация накопления и потребления в сельском хозяйстве в целях его неоиндустриализации / В.В. Маслова, Н.Ф. Зарук, М.В. Авдеев // АПК: экономика, управление. – 2023. – № 12. – С. 3–15.*
7. *Маслова В.В. О методологических подходах к повышению инвестиционной привлекательности сельского хозяйства и ее оценке / В.В. Маслова, Н.Ф. Зарук // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2023. – № 3(97). – С. 112–119.*

8. *Сельское хозяйство России: Стат.сб. / Росстат. Москва. – Текст: электронный. Официальный сайт Росстата. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sel_hoz-vo_2023.pdf (дата обращения: 27.05.2024).*
9. *Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 03.06.2024).*
10. *Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <https://mcx.gov.ru> (дата обращения: 05.06.2024).*
11. *Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 05.06.2024).*

References

1. *Federal'nyj zakon ot 29 dekabrja 2006 g. № 264-FZ «O razvitii sel'skogo hozjajstva» // Sistema Konsul'tant Pljus: oficial'nyj internet-portal. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (data obrashhenija: 05.06.2024).*
2. *Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 sentjabrja 2022 g. № 2567-r «Ob utverzhdenii Strategii razvitija agropromyshlennogo i rybohozjajstvennogo kompleksov Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Sistema Konsul'tant Pljus: oficial'nyj internet-portal. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_426435/ (data obrashhenija: 05.06.2024).*
3. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 ijulja 2012 g. № 717 «O Gosudarstvennoj programme razvitija sel'skogo hozjajstva i regulirovanija rynkov sel'skohozjajstvennoj produkcii, syr'ja i prodoval'stvija» // Sistema Konsul'tant Pljus: oficial'nyj internet-portal. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/ (data obrashhenija: 05.06.2024).*
4. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2024 g. № 309 «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // Prezident Rossijskoj Federacii: ofic. sajт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (data obrashhenija: 05.06.2024).*
5. *Maslova V.V. Formirovanie investicionnogo kapitala v APK Rossii v uslovijah global'nyh vyzovov i ugroz / V.V. Maslova // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. – 2022. – T. 235, № 3. – S. 300–309.*
6. *Maslova V.V. Strukturnaja transformacija nakoplenija i potreblenija v sel'skom hozjajstve v celjah ego neoindustrializacii / V.V. Maslova, N.F. Zaruk, M.V. Avdeev // APK: jekonomika, upravlenie. – 2023. – № 12. – S. 3–15.*
7. *Maslova V.V. O metodologicheskikh podhodah k povysheniju investicionnoj privlekatel'nosti sel'skogo hozjajstva i ee ocenke / V.V. Maslova, N.F. Zaruk // Jekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozjajstve. – 2023. – № 3(97). – S. 112–119.*
8. *Sel'skoe hozjajstvo Rossii: Stat.sb. / Rosstat. Moskva. – Текст: jelektronnyj. Oficial'nyj sajт Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sel_hoz-vo_2023.pdf (data obrashhenija: 27.05.2024).*
9. *Oficial'nyj sajт Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. – URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (data obrashhenija: 03.06.2024).*
10. *Oficial'nyj sajт Ministerstva sel'skogo hozjajstva Rossijskoj Federacii. – URL: <https://mcx.gov.ru> (data obrashhenija: 05.06.2024).*
11. *Edinaja mezhvedomstvennaja informacionno-statisticheskaja sistema. – URL: <https://www.fedstat.ru/> (data obrashhenija: 05.06.2024).*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ)

123007, г. Москва, ул. Хорошевское шоссе, д. 35 корп. 2

Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics» (FSBSI FRC AESDRA VNIIESH)

123007, Moscow, Khoroshevskoe highway, 35, building 2

Маслова Влада Вячеславовна / Vlada V. Maslova

maslova.ec-fin@vniiesh.ru

Зарук Наталья Федоровна / Natalya F. Zaruk

zaruk.ec-fin@vniiesh.ru

Авдеев Михаил Викторович / Mikhail V. Avdeev

avdeev.ec-fin@vniiesh.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-580-590

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

ПОНОМАРЕНКО Елена Васильевна

Заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, доктор экономических наук, профессор

Elena V. PONOMARENKO

Head of the Department of political economy, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Economics, Professor

Аннотация

Что такое технологический суверенитет? Связан ли он с санкциями или нет? Можно ли его измерить? Историзм понятия технологической независимости. Санкции как новый драйвер экономического и военного развития. Рассматривается современная модель технологического суверенитета: организационная структура, институциональные условия, этапы достижения. Импортозависимость, импортозамещение и трансфер технологий в гражданские сферы. Роль трансфера технологий из оборонно-промышленного комплекса в гражданские сектора, роль диверсификации во внедрении инноваций.

Abstract

What is the meaning of technological sovereignty? Is it related to sanctions or not? Is it possible to measure it? Historicism of the concept of technological independence. Sanctions as a new driver of economic and military development. The contemporary model of technological sovereignty is considered: organizational structure, institutional environment, stages of achieving. Import dependence, import substitution and technology transfer to civilian areas. The role of technology transfer from the military-industrial complex to civilian sectors, the role of diversification in the innovations' implementation.

Ключевые слова

Полицентричность, гегемония США, автаркия, технологический суверенитет, его измерение, санкции, критически важные технологии, сквозные технологии, импортозамещение, импортозависимость, модель технологического суверенитета, трансфер технологий.

Keywords

Polycentricity, USA hegemony, autarky, technological sovereignty and its dimension, sanctions, crucial technologies, end-to-end technologies, import substitution, import dependence, model of technological sovereignty, technology transfer.

Введение

Не только экономистам совершенно очевидна невозможность производить в одной стране все товары, когда в мире доминирует спрос на высокосложные инновационные продукты: безопасные современные самолеты, скоростные поезда, автомобили, средства коммуникации, супермедикаменты и медицинское оборудование, качественное программное обеспечение, цифровые платформы и финансовые технологии. Все они, как известно, являются продуктом совместного производства нескольких фирм, расположенных в разных странах. Россия, как и другие страны, предъявляет спрос и нуждается в лучших инновационных товарах и технологиях, однако произвести их либо приобрести на мировом рынке в условиях санкций стало крайне непросто.

Россия не стремится быть автаркией, производящей все – от зерна до современных цифровых технологий исключительно самостоятельно. Однако западные санкции принуждая страну к отказу от собственных независимых интересов в пользу интересов США, стареющего мирового гегемона, хотели бы «отрезать» Россию от рынков высоких технологий и инновационных продуктов развитых стран, современных цифровых и финансовых технологий. Для этого введено рекордное количество запретительных санкций (14 пакетов), которые наносят существенный ущерб России, однако добиваются зачастую противоположного от ожидаемого результата.

Нам необходимы самостоятельные решения в вопросах технологического суверенитета, экономической, продовольственной, цифровой, военной безопасности. Становление технологического суверенитета в России – процесс болезненный, небыстрый, однако именно он становится новым драйвером социально-экономического развития, поиска форм сотрудничества с дружественными странами, новыми центрами притяжения.

Гипотеза наша состоит в том, что мировое лидерство в полицентричном мире (который будет достигнут уже ранее середины XXI века) основывается не столько на экономическом, военном, сколько на технологическом суверенитете, цифровых платформенных трансформациях, и, что важно, – на определяющей идеологии.

Изучение опыта Китая, Индии в долгосрочном стратегическом планировании, финансировании НИОКР, внедрении инноваций, амбициях стать мировым технологическим лидером в ближайшем десятилетии активно демонстрируют путь к многополярному или полицентрическому миру. В 2021 г. Россия заявила о стратегии полноправного вхождения в число стран глобальных лидеров [5].

Методы. При написании статьи использовались методы междисциплинарного подхода институциональной экономической теории: исторический, экономический, правовой, политологический. Они дополнены статистическим анализом, логическими выводами, межстрановыми сравнениями, научным синтезом.

Технологический суверенитет – историзм категории

Суверенитет – категория многосложная: это и политический суверенитет, и экономический, научный, инновационный, цифровой, технологический который сейчас вышел на передний план.

А насколько постановка проблем технологического суверенитета нова, современна для России? В большинстве исследований у современных российских авторов подчеркивается абсолютная новизна и слабая изученность идей технологического суверенитета. Мы же, напротив, уверены, что данной категории присущ глубокий историзм.

Приведем некоторые аргументы в пользу того, что проблеме достижения технологической независимости для России (или суверенитета в современном понимании) – много лет и она достаточно успешно решалась на разных этапах развития России в советский и постсоветский периоды.

Идея индустриализации промышленности с целью «превращения страны из ввозящей машины и оборудование в страну, производящую машины и оборудование», была не только провозглашена, но и реализована в годы первых пятилеток. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. в условиях НЭПа, была реализована разработка стратегий технологического развития в советской России, причем – в условиях санкций. Мы солидарны с позицией профессора Амосова А.И.: России удалось обеспечить приоритет либо паритет как минимум – в военных технологиях, электроэнергетике, тяжелом машиностроении, тогда как США стали мировым лидером в технологиях гражданского и военного авиастроения и других сферах за счет самого важного – трансфера новейших технологий, разработанных военными, в гражданское производство. Чему, по мнению профессора Амосова А.И., нам бы поучиться у США – там был принят Закон о продукции двойного назначения (dual-use items), благодаря которому удалось бесплатно передавать новейшие технологии в гражданский сектор [1], чего не хватает до настоящего времени современной России, но к чему она стремиться уже не на словах, а на деле.

Таким образом, достижение технологической независимости в условиях запретов, санкций – достаточно давняя проблема. «Догнать и перегнать» – уже исторический лозунг, это программа действий, идеологическая установка для России, более ста лет действующая в условиях разнообразных санкций, главным образом связанных с запретом передачи новых технологий.

Мы серьезно занимаемся историей санкций против советской России с 1917 г. по настоящее время [6,7,8] и можем констатировать, что более чем за столетний период действия против нашей страны, они приобрели существенное разнообразие:

В США в 1917 г. принимается «Закон о торговле с врагом»; проводятся экономические блокады, запрет на вывоз востребованных мировыми рынками природных ресурсов (1919–1931 гг.), что актуально и сегодня (газ, нефть, обогащенный уран, зерно и др.);

■ введение лицензирования на российские товары, экспортного контроля (в 1930, 1948–1973 гг.);

■ санкции на строительство газопроводов действуют с 1963 г.; а в 2023 г. – криминальный подрыв газопровода «Северный поток–2»;

■ запрет международной торговли, выдачи кредитов (поправка Джексона-Веника);

- бойкот Олимпиады в Москве; закрытие воздушного пространства (1980, 1983, 2022);
- мощная идеологическая компонента – отключение российских СМИ за рубежом, введение персональных санкций в отношении депутатов, руководителей, крупных предпринимателей, членов их семей;
- ужесточение всех санкций (2014) в связи с присоединением Крыма.

В 2022–2024 гг. – введение 14 пакетов жесточайших санкций по поводу начала специальной военной операции (СВО) на Украине (ограничения в финансовой системе – замораживание половины из 643 млрд дол. валютных резервов, изъятие доходов от золото-валютных резервов РФ в Европе, да и самих резервов тоже; отключение от SWIFT основных банков; запрет на поставку современных технологий и оборудования, деятельности зарубежных компаний в РФ, отказ от закупки энергоносителей, и выдавливание России с европейского нефтяного, газового рынков, рынка СПГ.

Россия стала мировым лидером по числу и тяжести наложенных санкций уже не отдельной страной, а США и их европейскими союзниками.

Санкции (экономические, политические, идеологические, финансовые, технологические) против России стали серьезным и, признаем, достаточно эффективным оружием стареющего мирового гегемона в лице США и его европейских сателлитов, действующих зачастую на основе принуждения со стороны США в условиях формирования нескольких центров притяжения многополярного мира. Введение санкций, как показывает современная практика, сопровождается мощной **идеологической компонентой**, которая принимает форму идеологической войны в дополнение к войнам экономическим и реальным военным действиям.

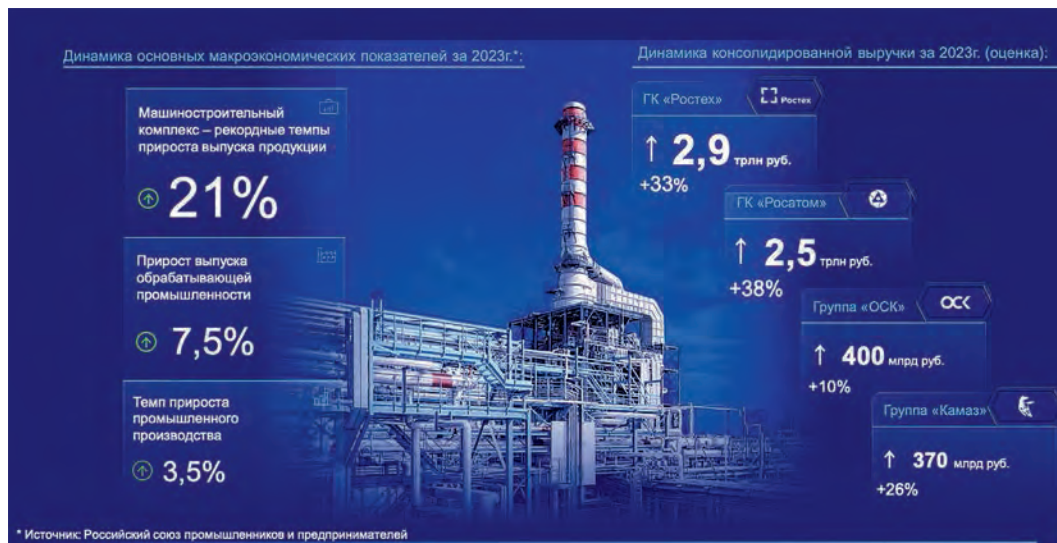
Цели западных санкций последних пакетов, частично, достигнуты – нанесен урон репутации страны перед ее европейскими партнерами, экономическому потенциалу, страны, ее финансовой системе, международным расчетам, свободе перемещения грузов, людей, валюты, спровоцирован военный конфликт России и Украины, постоянно подпитываемый западными вливаниями денежных ресурсов, военной техники и спутниковых технологий, военными советниками.

Вместе с тем длительность, масштабность санкций приводят, зачастую, к противоположному от ожидаемого для санкционеров результату – большинство санкций ударили рикошетом и по европейским странам (отказ от поставок энергоносителей для Германии ведет к ее деиндустриализации, росту цен, инфляции для граждан Европы), и по США (отказ от поставок обогащенного урана, деталей для самолетов, снижение роли доллара в мировой торговле, предсказуемые проблемы роста госдолга США). Самыми, пожалуй, серьезными последствиями становится дедолларизация мировой торговли, где роль доллара с 90% упала до 52%, инфляция, дефицит энергии, дефицит доверия к устойчивости экономики США и ее долговым обязательствам, а также укрепление «нежелательного» сотрудничества РФ со странами БРИКС, ЕАЭС, ШОС, Китаем, Индией, Ираном, Вьетнамом, Северной Кореей, Кубой.

Поэтому, исходя из междисциплинарного институционального подхода (национальных особенностей российского характера, а также основных законов диалектики – единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные), отметим, что для России

количество санкций, по нашему мнению, перешло в новое качество, становясь **нетрадиционным драйвером** экономического, военного и технологического развития, роста безопасности, сотрудничества со странами – новыми лидерами и их сетевыми союзами, особенно в сфере военного и гражданского промышленного производства, аграрно-промышленном комплексе, использовании цифровых технологий. Об этом свидетельствуют и экономические макропараметры 2023 г. (рост ВВП на 3,6%), и успехи на полях СВО.

Рис.1.
Санкции как драйвер роста экономики России. Вклад базовых отраслей в промышленный рост

Исходя из данных Российского союза промышленников и предпринимателей, в 2023 г. машиностроительный комплекс дал рост в 21%, обрабатывающая промышленность – 7,5%, на треть выросла консолидированная выручка Госкорпорации «Ростех», на 38% – Госкорпорации «Росатом», почти на треть – группы «Камаз», что подтверждает наши выводы.

Современное содержание технологического суверенитета, его измерение

К определению, данному правительственной концепцией технологического развития [10], **технологический суверенитет** – это наличие в стране критически важных сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать национальных целей и реализовывать национальные интересы, мы добавили бы – в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Обеспечивается он проведением научных исследований, разработкой и внедрением технологий, для производства высокотехнологичной продукции¹.

¹ При этом немецкие исследователи Фраунгоферского института системных и инновационных исследований определяют технологический суверенитет «как способность государства или группы государств располагать, разрабатывать самостоятельно или пользоваться, получая из сторонних экономических сфер, технологии, которые они считают критически важными для своего благосостояния, конкурентоспособности и способности вести деятельность, без формирования односторонней структурной зависимости». *Technology sovereignty for Germany and Europe. From demand to concept – Fraunhofer ISI.*

Как отмечают исследователи-практики Д.Ю. Байдаров и Д.Ю. Фальков, технологический суверенитет это не автаркия, не отмена международных обменов. Это такое состояние государства, когда оно имеет возможность и способность независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать и продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии.

В содержательном плане технологический суверенитет, как доказано выше, историческая и весьма диалектичная категория. В настоящее время представлена она, на наш взгляд, двумя составляющими (для каждой страны):

– **перечнем критически важных (перспективных) технологий**, как правило, сквозных, определенным на законодательном уровне, которые и обеспечивают реализацию национальных интересов в краткосрочной и среднесрочной перспективах,

– **возможностью измерения** их текущего состояния на основе индекса технологического суверенитета страны.

Приведем в качестве примера актуальные перечни критически важных технологий для США, Франции, России на 2023 г. и КНР до 2035 г.²:

– для Франции их 10: Кибербезопасность, Искусственный интеллект, Робототехника, Аддитивное производство, Полупроводники, Квантовые технологии, Хранение энергии, Биотехнологии, Технологии, связанные с производством низкоуглеродной энергии, Фотоника;

– для США критически важных технологий 12: Коммуникационные и сетевые технологии, Микроэлектроника и полупроводники, Искусственный интеллект и машинное обучение, Биотехнологии, Технологии позиционирования, навигации и хронометража, Технологии и инфраструктура цифровой идентификации и технологии распределенных реестров данных, Технологии производства и хранения экологически чистой энергии, Квантовые информационные технологии, Технологии автоматизированной и встроенной инфраструктуры, Био-банкинг, Автоматизированный и электрифицированный транспорт, Технологии поставок и разработки важнейших полезных ископаемых;

– для КНР в 2021–2035 гг. – это ИКТ, технологии в сфере сельского хозяйства, энергетики; биологии и медицины, космоса, обороны, модель национального замкнутого технологического цикла. Установлены 11 приоритетных направлений социально-экономического развития КНР и 68 приоритетных научных тем, 27 передовых технологий в восьми технических областях, 18 фундаментальных научных проблем, четыре значимых научно-исследовательских программ для обеспечения технологических прорывов в ближайшей перспективе [13];

² Данные взяты из официальных источников: для Франции – статья 6 Постановления министра экономики и финансов от 31 декабря 2019 г. «Об иностранных инвестициях во Франции» (полн. ред. от 28 Декабря 2023 г.); по США – Национальная стратегия Правительства Соединенных Штатов по стандартизации критически важных и перспективных технологий, май 2023 г.; по России – Постановление Правительства России от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения...» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1301344071>.

– для России в 2011 г. действовал перечень из 13 технологий³ но с 2023 г. – это перечень отраслей: авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, судостроение станкоинструментальная, фармацевтика, химическая промышленность, электронная и электротехническая, энергетическая промышленность. Разработаны условия отнесения к проектам технологического суверенитета для получения государственной поддержки по перечисленным отраслям.

Нетрудно заметить, что развитые страны обозначают критически важные технологии, а в России с 2023 г. обозначены базовые отрасли промышленности, в которых развернуты наиболее масштабные **приоритетные проекты государственной поддержки**.

Современная модель технологического суверенитета в России

Известно, что практически во всех странах, имеющих позитивный опыт инновационного развития в последние десятилетия, инициатором его выступали государство и его структуры. Из анализа международного опыта очевидно, что именно государство определяет стратегические приоритеты развития и государственный спрос на инновации, но всегда – в ограниченном списке отраслей и видов деятельности, связанных с обеспечением национальной, военной, продовольственной и других видов безопасности.

А вот развитие массового спроса и широкое внедрение инновационных продуктов возможно лишь при существенном вовлечении бизнес-структур к этапам жизненного цикла инноваций – от формирования спроса до накопления позитивных изменений в корпоративной культуре. Именно государство в развитых странах являлось мотором инновационного развития (GPS, сенсорные экраны, Интернет и др. были разработаны по заказу Минобороны США), однако затем довольно быстро инновации внедрялись частными фирмами в массовое невоенное производство, стимулируя спрос со стороны предпринимательских структур. А как в России?

Современная модель технологического суверенитета в России делает ставку на государственные корпорации, которые объединяют десятки предприятий и организаций государственной и частной форм собственности и доказали свою эффективность после 2015 г. [9] Напомним, что исходя из международной практики для усиления продвижения инвестпроектов и присутствия государственной поддержки в наиболее перспективных отраслях в РФ с 2005 г. приступили к созданию нескольких десятков институтов развития в различных организационно-правовых формах. Это и «Роснано», Внешэкономбанк, ряд Агентств по территориальному развитию, Фонд «Сколково» и т.п., которым создавались самые благоприятные условия работы. Однако, через 15 лет их существования, создать эффективную базу

3 В 2011 г. их было названо 13 технологий (Базовые и критические военные и промышленные технологии для создания перспективных видов вооружения, военной и специальной техники; Базовые технологии силовой электротехники; Биокаталитические, биосинтетические и биосенсорные технологии; Биомедицинские и ветеринарные технологии, Геномные, протеомные и постгеномные технологии; Клеточные технологии, Компьютерное моделирование наноматериалов, наноустройств и нанотехнологий, Нано-, био-, информационные, когнитивные технологии, Технологии атомной энергетики, ядерного топливного цикла, безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом, Технологии биоинженерии, Технологии диагностики наноматериалов и наноустройств, Технологии доступа к широкополосным мультимедийным услугам).

трансфера технологий на основе институтов развития не удалось – рост аппаратных издержек, отсутствие четкой координации и взаимодействия с академическим сообществом, университетами, кластерами привели фактически к признанию их неэффективности, и в 2020 г. была объявлена реформа по оптимизации институтов развития [11]. Часть институтов развития были ликвидированы, часть – переданы под управление ГК «ВЭБ. РФ.», еще 12 институтов развития были модернизированы.

Однако, модернизация институтов развития, к счастью, не затронула ряд важнейших из них по обеспечению технологического суверенитета России.

Госкорпорации – это компании, в отношении которых мониторинг разработки и реализации программ инновационного развития осуществляется Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям.

В российской модели технологического суверенитета к первой группе госкорпораций относятся: Росатом, Ростех, Роскосмос, (они включают большую часть организаций оборонно-промышленного комплекса); ВТБ, РусГидро, Газпром, РАО «Энергетические системы», РЖД, Совкомфлот, Аэрофлот, Алмаз-Антей, Транснефть, «Объединенная авиастроительная корпорация», «Тактическое ракетное вооружение», Автоваз, Ракетно-космическая корпорация «Энергия им. С.П. Королева» и др.

Ко второй группе относятся компании, в отношении которых мониторинг разработки и реализации программ инновационного развития реализуется федеральными органами исполнительной власти: ФГУП «Космическая связь», ФГУП «Почта России», ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть», ОПК «Оборонпром» и многие другие (25).

Одновременно в России действуют государственные компании, в 2022 г. их было 1187, в 2023 – 1068 [4].

Благодаря консолидации их усилий с ведущими банками, в особенности – с ВТБ идет работа с предприятиями «Ростеха» – их более 800, «Росатома» – это 461 предприятие, более 360 тыс. работающих, группой «Камаз» это 60 предприятий и 41 тыс. работников, Автоваз – 32 предприятия, 41 тыс. сотрудников; «ОДК» – 46 предприятий и более 100 тыс. работающих; ОСК (Объединенная судостроительная компания) это 56 предприятий, 400 тыс. руб. консолидированной выручки и 100 тыс. занятых. В России созданы 53 Открытых экономических зоны с объемом инвестиций в 1 трлн руб., которые объединяют более тысячи компаний и резидентов.

Модель ТС в России базируется не только на организационном каркасе (госкорпорации, объединяющие государственные и частные предприятия, госпредприятия, научно-исследовательские центры, конструкторские бюро), но и на создании и развитии институциональных условий для трансфера технологий в гражданский сектор. Эти условия включают и государственный заказ на потребности гражданских отраслей, и развитие нормативно-правовой базы о формах и способах передачи результатов интеллектуальной собственности для коммерческой реализации, и согласованную систему подготовки профессиональных кадров [2].

Для обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры создана Межведомственная комиссия [12] по обеспечению технологического суверенитета в сфере критической информационной инфраструктуры – для того, чтобы обеспечить безопасность этой инфраструктуры в РФ и координацию деятельности органов власти и организаций в обеспечении технологической

независимости, выявлению угроз отечественным информационным технологиям и сетям, а также производству отечественной техники. Активно идет формирование политики в сфере внедрения информационных и других технологий и обеспечение доступа к ним, а также заработала ГИС промышленности – онлайн-платформа для подбора и заказа необходимых товаров.

Заключение

1. Технологический суверенитет для России – категория историческая. Для нашей страны, как нам представляется – это способ противодействия жестким санкционным режимам, запретам, особенно в сферах новых технологий, международных обменов, торговли природными ресурсами и т.п. Более ста лет Россия противостоит санкциям США и их союзников. С присоединением Крыма, а особенно – с началом специальной военной операции, количество и тяжесть санкций многократно возросли, нанося ущерб не только репутации России, ее экономическому, политическому, технологическому суверенитету, но и провоцируя военные конфликты, вынуждая проведение специальной военной операции на Украине.

2. Необходимость постоянного преодоления крайне тяжелых санкционных запретов, особенно с 2022 г., в условиях ведения военных действий против военного потенциала стран НАТО, привела к мобилизации ресурсов людских, промышленных, финансовых, научных, управленческих. Санкции против России стали неким драйвером экономического роста, отстаивания независимости. Технологический суверенитет в условиях глобальной экономики выступает гарантом независимости, в том числе – технологической. Вместе с тем очевидна невозможность его реализации в условиях замкнутой экономики, автаркии, для достижения глобальных национальных интересов необходимо международное научное, промышленное, образовательное сотрудничество.

3. Не только Россия, но и страны, попавшие под санкции США, а также те, над кем нависла аналогичная угроза, ищут выход для освобождения от внешнего давления. Формируются новые центры притяжения, активизируются страны новые лидеры и их сетевые союзы (БРИКС, ШОС, ЕАЭС), открытые для международного сотрудничества в разных сферах на принципах справедливого взаимовыгодного обмена. Становление идет проблемно, не быстро, однако результативно – в 2024 г. к пяти исходным странам – членам БРИКС, присоединились еще пять стран, и почти 40 стран подали заявку на вступление в это сетевое объединение.

4. Содержание технологического суверенитета в развитых странах, и в РФ определяется наличием критически важных сквозных технологий, обеспечивающих устойчивость государства в реализации национальных интересов в средне- и долгосрочной перспективе, однако частично такие технологии и их продукты создаются на основе международной кооперации, обменов. В санкционных условиях необходимым этапом решения данной проблемы становится импортозамещение (локализация производства либо поставки из дружественных стран), а также трансфер технологий.

5. Очевидно, что именно от успеха, скорости передачи инноваций, передовых технологий из военной сферы в гражданскую, сферу реальной экономики и его обеспечение реальным финансированием, развитием цифровых технологий и профессиональных кадров зависит сегодня, на наш взгляд, возможность роста

российской экономики темпами выше среднемировых. Конструктивные примеры реализации государственного гражданского заказа уже действуют в госкорпорации «Росатом», когда для производства высокотехнологичной инновационной продукции используются и оборонные предприятия и гражданские организации различных форм собственности. Другие крупнейшие госкорпорации, объединяющие десятки и сотни компаний – Ростех, Роскосмос, производят медицинскую технику, оборудование для извлечения полезных ископаемых, информационные технологии, суперкомпьютеры.

6. Современная модель технологического суверенитета в России базируется на организационных структурах промышленного производства (госкорпорации двух групп, госпредприятия, научно-исследовательские центры, конструкторские бюро), а также на развитии институциональных условий для трансфера технологий в гражданский сектор. Эти условия включают государственный заказ на спрос гражданских отраслей, внедрение нормативно-правовой базы о формах и способах передачи результатов интеллектуальной собственности для коммерческой реализации, а также согласованную систему подготовки профессиональных кадров. В стране активно создаются условия для трансфера технологий из военно-промышленного комплекса в гражданские сектора.

Без этого нам не выстоять, ведь технологический суверенитет – весьма динамичная категория!

Библиографический список

1. Амосов А.И. О целеполагании и стратегии обеспечения технологического суверенитета // *Экономическая безопасность*. – 2024. – Т. 7. – № 3. – С. 693–718. – DOI: 10.18334/ecsec. 7.3.120766.
2. Байдаров Д.Ю., Фальков Д.Ю. «Диверсификация в атомной отрасли России» – М.: 2023. – С. 47.
3. Байдаров Д.Ю., Полосин А.В., Файков Д.Ю. Формирование новой модели отечественной экономики в контексте технологического суверенитета: принципы и механизмы Вопросы инновационной экономики. – 2023.– Т. 13. – №2. – С. 669–688.
4. Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Доклад Российской академии наук «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации». – М.: РАН, 2021.
6. Пономаренко Е.В. Политическая экономия и санкции против России: причины и следствия, взгляд эксперта. *Международная торговля и торговая политика*. – 2022. – Т. 8. – № 3 (31).
7. Пономаренко Е.В. Переход к многополярному миру и конкуренция за мировое технологическое лидерство: политико-экономические вопросы. – М.: Горизонты науки, 2023, №4.
8. Стратегии цифровой трансформации и обеспечение технологического суверенитета России. (кол. монография) – М., Издательство РУДН, 2024.
9. Пономаренко Е.В., Оддо В. Внедрение инноваций: как превратить административные барьеры в административные трамплины? М., Государственная служба. – 2021.– № 6. – С 75–82.
10. Распоряжение Правительства России от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» / КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895.
11. Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3710-р.
12. Указ Президента Российской Федерации от 14 апреля 2022 г. № 203 «О Межведомственной комиссии Совета безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

13. Четырнадцатый пятилетний план экономического и социального развития Китайской Народной Республики и программа перспективных целей на 2035 год – http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.

References

1. Amosov A.I. O celepolaganii i strategii obespechenija tehnologicheskogo suvereniteta // *Jekonomicheskaja bezopasnost'*. – 2024. – Т. 7. – № 3. – S. 693–718. – DOI: 10.18334/ecsec. 7.3.120766.
2. Bajdarov D.Ju., Fal'kov D.Ju. «Diversifikacija v atomnoj otrasli Rossii» – М.: – 2023, – s.47.
3. Bajdarov D.Ju., Polosin A.V., Fajkov D.Ju. Formirovanie novoj modeli otechestvennoj jekonomiki v kontekste tehnologicheskogo suvereniteta: principy i mehanizmy Voprosy innovacionnoj jekonomiki. – 2023. – Т. 13. – № 2, – S.669–688.
4. Vikipedija: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
5. Doklad Rossijskoj akademii nauk «O realizacii gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politiki v Rossijskoj Federacii». – М.: RAN, 2021.
6. Ponomarenko E.V. Politicheskaja jekonomija i sankcii protiv Rossii: prichiny i sledstvija, vzgljad jeksperta. *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika*. – 2022. – Т. 8. – № 3 (31).
7. Ponomarenko E.V. Perehod k mnogopoljarnomu miru i konkurencija za mirovoe tehnologicheskoe liderstvo: politiko-jekonomicheskie voprosy. – М.: Gorizonty nauki, 2023, №4.
8. Strategii cifrovoj transformacii i obespechenie tehnologicheskogo suvereniteta Rossii. (kol.monografija) – М., Izdatel'stvo RUDN, 2024.
9. Ponomarenko E.V., Odno V. Vnedrenie innovacij: kak prevratit' administrativnye bar'ery v administrativnye trampliny? М., Gosudarstvennaja sluzhba. – 2021. – № 6. –S. 75–82.
10. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossii ot 20 maja 2023 g. № 1315-r «Ob utverzhenii Konceptcii tehnologicheskogo razvitija na period do 2030 goda» / Konsul'tantPljus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895.
11. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 31 dekabrja 2020 g. № 3710-r.
12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 aprelja 2022 goda № 203 «O Mezhdovedomstvennoj komissii Soveta bezopasnosti Rossijskoj Federacii po voprosam obespechenija tehnologicheskogo suvereniteta gosudarstva v sfere razvitija kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii».
13. Chetyrnadcatyj pjatiletnij plan jekonomicheskogo i social'nogo razvitija Kitajskoj Narodnoj Respubliki i programma perspektivnyh celej na 2035 god - http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm.

Контактная информация / Contact information

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация
117485, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23
Peoples' Friendship University of Russia
23, Mikluho-Maklay St., Moscow, 117485, Russian Federation
Пonomаренко Елена Васильевна/ Elena V. Ponomarenko
elponomarenko@yandex.ru, ponomarenko-ev@pfur.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-591-603

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

THE ROLE OF DEVELOPMENT INSTITUTIONS IN ENSURING THE COUNTRY TECHNOLOGICAL PROGRESS (ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)

ФРОЛОВ Андрей Александрович

Доцент Уральского федерального университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, докторант ИЭ УрО РАН, депутат Законодательного Собрания Орловской области, кандидат экономических наук, доцент

Andrey A. FROLOV

Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institute of Higher Education «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Doctoral student Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Аннотация

Принимая во внимание технологический вектор развития страны, исходя из функций институтов развития, цель исследования состоит в том, чтобы оценить, насколько существующие институты развития соответствуют цели технологического развития страны, включая региональный уровень. Первая часть посвящена выявлению подходов к пониманию сущности институтов развития. Во второй части предложена методика анализа выполнения институтами развития таких функций. В третьей (практической части) проведено исследование результатов деятельности институтов развития Орловской обл. Рассмотрен пример особой экономической зоны «Орел» в контексте связи между функциями ОЭЗ и потребностями регионального технологического развития. Выявлено, что регион нацелен на активное применение институтов инновационного развития, но ОЭЗ «Орел» при относительно высоких показателях инновационной привлекательности имеет низкие показатели циф-

рового развития. Статья вносит вклад в обсуждение глубинных вопросов о целях и стратегических задачах институтов развития в эпоху технологического развития.

Abstract

Taking into account the technological vector of the country's development, based on the functions of development institutions, the purpose of the study is to assess how well existing development institutions meet the goals of technological development of the country, including the regional level. The first part is devoted to identifying approaches to understanding the essence of development institutions. In the second part, a methodology for analyzing the performance of such functions by development institutions is proposed. In the third (practical part), a study of the results of the development institutes of the Orel region was conducted. An example of the special economic zone «Orel» is considered in the context of the relationship between the functions of the SEZ and the needs of regional technological development. It was revealed that the region is aimed at the active use of innovative development institutions, but the SEZ «Orel» with high indicators of innovative attractiveness has low indicators of digital development. The article contributes to the discussion of deep questions about the goals and strategic objectives of development institutions in the era of technological development.

Ключевые слова

Технологическое развитие, институциональная среда, поддержка инноваций, инфраструктура поддержки, институты развития, особая экономическая зона, Орловская область.

Keywords

Technological development, institutional environment, innovation support, support infrastructure, institutions of development, special economic zone, Oryol region.

Введение

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, развитием в России информационного общества¹, фокусом на технологическое развитие², что меняет среду хозяйствования для субъектов предпринимательской деятельности; с другой стороны, необходимостью совершенствования институциональной среды в связи с переходом экономики страны на новую ступень развития экономики, связанную со диджитализацией, информатизацией. Поскольку, по мнению ученых, организационные изменения в условиях такой трансформации сами по себе не произойдут, то надо новыми способами, то есть «по-новому управлять существующими институтами или создавать новые» [1, с. 30]. С третьей стороны, институты развития, несмотря на определенную эффективность, сохраняют высокую дискуссионность взглядов на свою роль в экономике страны³ и нуждаются в исследовании своей

1 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570> (дата обращения: 13.06.2024).

2 Концепции технологического развития на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 13.06.2024).

3 РБК от 26 ноября 2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/11/2020/5fbfd4c09a7947d275912ac9> (дата обращения: 13.06.2024).

роли независимо от текущей ситуации, то есть необходимо уровень такой дискуссии снижать.

Но прежде чем создавать новые институты или адаптировать старые к новым хозяйственным условиям, необходимо проанализировать, насколько существующие ИР соответствуют требованиям текущей реальности. **Цель исследования состоит в том, чтобы оценить, насколько существующие институты развития соответствуют целям технологического развития страны**, включая региональный уровень.

Концептуальные основы деятельности институтов развития в условиях технологического прогресса страны

Необходимым условием успешного развития национальной экономики, как известно, является наличие соответствующей институциональной среды, при этом под ее инструментами понимаются «сформированные правительством институты, приобретающие вид норм» [1, с. 30]. Среди них одно из ключевых мест занимают институты развития (ИР). Подходя к ним как к инструменту государственной экономической политики, ученые трактуют их с двух позиций: с одной стороны, это особые организационно-управленческие структуры, а с другой стороны, это «упорядоченная система норм и правил»⁴, с учетом которых формируется и действует механизм стратегического планирования как дополнение к рыночным механизмам. Другими словами, институты развития могут быть представлены как различными организациями, так и законодательными актами [1]. Для снятия терминологических противоречий, а также для более четкого отражения сущности понятийного аппарата ряд ученых выделяют определение институтов развития в широком и в узком смысле слова. При этом в широком смысле слова институты развития это «(новые) правила игры, ... определенная форма деятельности, основанная на четко разработанной системе правил и норм» [8, с. 51], а в узком смысле слова они рассматриваются в рамках исключительно финансовой поддержки бизнеса.

Предназначение институтов развития проясняется через глобальную цель, которая в большинстве случаев формулируется как содействие реализации национальной стратегии (либо по различным направлениям, сферам экономики либо по проектам). Ее можно раскрыть через совокупность локальных целей, детализацию которых позволяет выполнить анализ функций. Так, помимо участия ресурсов ИР в привлечении частных инвестиций в стратегически важные для государства отрасли (в дополнение к бюджетным ресурсам), на основе, например, ГЧП, софинансирования бизнес-проектов), их функции в текущей ситуации состоят в придании импульса именно технологическому развитию [1, 5, 6]. Речь идет о стимулировании развития инновационных процессов и связанной с ними инфраструктуры, о создании условий и соответствующей среды (информационно-коммуникационной) для стимулирования продвижения новых знаний и технологий; о содействии «перераспределения ресурсов в пользу проектов реализации нового потенциала экономического роста регион» [5, с. 9].

Напрашивается вывод, что вопрос о деятельности институтов развития достаточно подробно исследован в экономической литературе [1, 3, 5, 8] и, казалось бы, здесь не осталось белых пятен. Но с ними не все так просто. С одной стороны, трудно не согласиться с мнением Ю. Симачева о том, «что сформировалось ощущение, что

4 Региональные институты развития субъектов РФ: Обзорно-аналитическое исследование. Материалы к I всероссийскому форуму институтов развития. – Екатеринбург: КРСУ, 2013. – с. 4.

институты развития способны решить все проблемы, которые есть в экономике»⁵. С другой стороны, ситуация и среда хозяйственного взаимодействия изменилась. Сегодня, когда «позиции стран в мировой иерархии определяет технологическое лидерство и ... мы не хотим остаться на периферии старого мирохозяйственного уклада» [2], для технологического развития страны следует опираться на новые императивы, включая новую роль ИР или их новые виды.

Объявленный страной курс на технологический суверенитет, который отразился в Концепции технологического развития на период до 2030 г.⁶, предполагает, по мнению Л. Гохберга, сдвинуть фокус внимания с общих фраз об инновационном развитии на следующие направления⁷: воспроизводство сквозных и критических технологий, самостоятельном технологическом обеспечении устойчивого функционирования и развития промышленных систем. Несмотря на всплеск интереса к этой проблеме в последнее время в связи с проработкой вопросов о технологическом суверенитете, следует отметить, что ученые в региональном плане постоянно обращались к вопросам экономико-технологического развития. Так, например, хорошо известна уральская школа ЭТР – экономико-технологического развития [10].

Сегодня в качестве актуальных направлений развития экономики страны следует выделить сетевые технологии, ИКТ и цифровую экономику, которые «являются предвестниками кардинальных изменений в экономике и обществе ...» [1, с. 30]. В самом общем смысле слова, цифровая экономика рассматривается как производственно-хозяйственная система, в которой развитие производительных сил и производственных отношений осуществляется на основе цифровых технологий [1]. Помимо новых технологий, цифровой трансформации промышленности, драйвером осуществления страной и ее регионами технологического рывка является производство знаний (технология это, в первую очередь, знания [10] с доминированием нематериальных активов). Инновационная экономика, для которой, характерен наукоемкий тип экономического роста, это, в первую очередь, интеллектуальная экономика, которая функционирует на основе использования именно знаний. Следовательно, институты поддержки образования необходимо развивать с той же интенсивностью, что и ИПБ (институты поддержки бизнеса).

Мы разделяем точку зрения М.В. Котванова, А.А. Аузана в том, что сами по себе ИКТ не обеспечат появления цифровой экономики [3]. Передовые технологии будут успешно развиваться в определенной институциональной среде. Причем институты поддержки должны быть нацелены не только на технологическое развитие, а в большей степени, как подчеркивает С. Бодрунов, «на опережение, используя имеющиеся заделы» [2], то есть на технологический прогресс. Как дополнительный фактор следует учитывать разворачивающуюся между странами технологическую, «инновационную гонку» [10, с. 19], которая, в свою очередь, опирается на парадигму «технологического изматывания» (неизменный атрибут «экономики консью-

⁵ РБК от 26 ноября 2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/11/2020/5fbfd4c09a7947d275912ac9> (дата обращения: 13.06.2024).

⁶ Концепции технологического развития на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406831204/> (дата обращения: 13.06.2024).

⁷ Технологический суверенитет: от импортозамещения к опережению. Институт статистических исследований и экономики знаний. Новости от 19.02.2024. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/897981056.html> (дата обращения: 13.06.2024).

меризма»). В частности, формат поддержки со стороны ИР, на наш взгляд, должен учитывать стратегию создания инновационных предприятий, а именно: «G-стратегия» (венчурный характер с высоким риском, высокая прибыль, быстрая скорость создания) или «N-стратегия» (постоянная внешняя среда, низкий темп создания, низкая норма прибыли при устойчивом спросе на продукцию) [10, с. 116].

Анализ и обобщение приведенной выше литературы позволяет нам сформулировать некоторые теоретические положения (императивы) в отношении содержания и роли институтов развития в новой реальности. Во-первых, процесс возникновения новых систем (экономических, общественных) не может происходить без участия институтов развития, а цифровизация, информатизация как раз и ведут к созданию такой новой системы [1]. Во-вторых, тенденция обновления существующих институтов и появления новых (в результате генерации новых технологий) является стабильной с начала XIX столетия и будет сохраняться в прогнозируемом будущем [3]. В-третьих, характерной особенностью институтов является то, что они «трансформируются вместе с экономикой и обществом» [1, с. 28], другими словами, концепцию их функционирования необходимо постоянно обновлять. В-четвертых, появление именно цифровых технологий в силу их фундаментальности задает тенденцию дальнейшего развития большинства существующих институтов [3].

В контексте технологического прогресса страны приоритетными областями актуализации деятельности институтов развития должны стать как старые так и новые направления⁸:

– во-первых, следует продолжить уже реализуемую институтами развития локальную стратегию поддержки технологических и наукоемких стартапов, а также проектов, направленных на перестройку позиций российских предприятий в глобальных цепочках добавленной стоимости;

– во-вторых, одновременно, при сохранении поддержки отдельных проектов, следует перейти к содействию системным новациям в уже существующих отраслях (суть этих новаций заключается в комплексных преобразованиях в большинстве крупных социально-экономических секторов, включая координации поведения разных (контр) агентов транзакций);

– в-третьих, безусловно, это содействие ускоренному формированию новых секторов экономики таких как сфера атомной энергетики, космонавтики, биотехнологии и биобезопасность [2; 4] (на наш взгляд, это потребует привлечения к деятельности институтов развития новых стратегических институциональных инвесторов);

– в-четвертых, наряду с ориентацией на сектора с «технологическим прорывом», содействие распространению нововведений в отдельных секторах (например, в сельском хозяйстве это геновая инженерия [10]).

Материалы и методы

Для анализа соответствия институтов развития на уровне региона новым задачам, а именно технологического прогресса, нами использована следующая схема методики.

Этап 1. Сформировать общую инновационную (технологическую) характеристику региона на основе имеющихся исследований, в том числе регионального индекса инноваций. Цель – выявить необходимость активизации инновационной деятельности в регионе.

8 РБК от 26 ноября 2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/11/2020/5fbfd4c09a7947d275912ac9> (дата обращения: 13.06.2024).

Этап 2. Сформировать инновационную характеристику региона непосредственно агропромышленной специализации в разрезе компонентов на основе имеющихся исследований, в том числе рейтинга инновационности таких регионов. Цель – выявить необходимость активизации инновационной деятельности в регионе с учетом его отраслевой специфики, в данном случае сельскохозяйственной.

Этап 3. Провести экспресс-анализ институтов развития как системы норм (основных законодательных актов региона). Цель – выявить их нацеленность на технологическое развитие, а также задекларированные формы его поддержки.

Этап 4. Провести анализ результатов деятельности институтов развития как институциональных единиц. Цель – определить их способность оказывать поддержку технологического развития региона.

Результаты и обсуждение

Исследование выполнено на примере Орловской области.

Этап 1. На основе регионального индекса инноваций все регионы страны объединены в пять групп⁹: А – регионы-лидеры инновационного развития; Б – регионы с высоко развитыми инновационными системами; В – регионы с сильными инновационными системами; Г – регионы с развивающимися инновационными системами и группа Д – регионы с инновационными системами, находящимися на этапе становления и накопления опыта.

Традиционно лидерами **инновационного** развития России являются г. Санкт-Петербург, г. Москва, при этом территориальные субъекты демонстрируют не очень высокие позиции рейтинга. Орловская область по итогам расчета интегрального индекса входит в группу Г, то есть это регион с развивающейся региональной инновационной системой. Поскольку рассматриваемая область относится не к группе Д (становление системы), то институты развития надо создавать не с нуля, а в соответствии с достигнутой фазой их жизненного цикла.

Этап 2. Данные рейтинга инновационности регионов Российской Федерации сельскохозяйственной специализации представлены в табл. 1.

Таблица 1. Место региона в системе регионов сельскохозяйственной специализации

Область	Позиция в рейтинге	Агрегированный показатель	Вклад группы «Инновации», %	Вклад группы «Меры поддержки отрасли», %
Воронежская	5	55	3,58	45,45
Брянская	9	46,6	3,4	41,41
Белгородская	18	38,33	9,02	43,88
Орловская	45	24,06	3,72	19,11

Составлено автором по: Рейтинг инновационности регионов Российской Федерации в агропромышленном комплексе // Россельхозбанк. ЦИФРА.Режим доступа: <https://rshbdigital.ru/agrobit/trands/rejting-innovacionnosti> (дата обращения: 13.06.2024)

⁹ Региональный индекс инноваций – 2024. <https://i-regions.org/reiting/regionalnyy-indeks-razvitiya-innovatsiy-i-index/> (дата обращения: 13.06.2024).

Данные табл. 1 показывают, что Орловская обл. занимает среднюю позицию среди аналогичных регионов. И если вклад в агрегированный индекс группы показателей по разделу «Инновации» аналогичен другим областям (при несомненном лидерстве Белгородской обл.), то такой же вклад группы показателей по разделу «Меры поддержки отрасли» в 2 раза ниже, чем у сравниваемых областей. Отсюда неоспорим вывод о необходимости активизации деятельности институтов развития в части поддержки технологического развития в регионе.

В свое время уральская научная школа провела классификацию регионов по уровню саморазвития по четырем признакам, поскольку в перечень показателей для типологии входят такие показатели как инновационность развития, обеспеченность развития знаниями и источниками финансирования, то мы считаем приемлемым рассмотреть место региона в этой системе в контексте технологического развития. Анализируемая Орловская область входит в среднюю группу СНСН, наряду с Белгородской, Брянской, Волгоградской областями, то есть «систему, имеющую потенциал саморазвития» [10, с. 134], со следующим уровнем показателей по указанным областям: «средний объем внутренних затрат на НИОКР в % к ВРП» – 107,0%; «доля занятых с высшим образованием, %» – 23,0% [10, с. 380].

Этап 3. Для обеспечения эффективной работы в инновационной сфере в Орловской области создана развитая нормативно-правовая база¹⁰, в том числе закон «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Орловской области»¹¹. О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области¹². Государственная поддержка инновационной деятельности в Орловской области осуществляется в соответствии с законом об инновационной деятельности в нескольких формах, в том числе¹³: предоставление льгот по уплате налогов, подлежащих зачислению в областной бюджет; предоставление финансового обеспечения (в том числе бюджетных инвестиций, субсидий, грантов, государственных гарантий); предоставления информационной и консультационной поддержки и другие. В рамках этого закона финансирование инновационной деятельности осуществляется за счет средств областного бюджета в пределах бюджетных ассигнований, утвержденных законом Орловской области об областном бюджете на определенный период.

Такая государственная поддержка направлена, в первую очередь, на модернизацию производства, поскольку промышленность в Орловской обл. это базовая составляющая ее экономики: «доля в общем обороте организаций по видам

¹⁰ Информация об инновационном потенциале Орловской обл. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/597/81884.php> (дата обращения: 13.06.2024).

¹¹ О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Орловской области (в редакции Законов Орловской области от 25.08.2017 № 2135-ОЗ; от 03.12.2018 № 2294-ОЗ; от 13.06.2019 № 2352-ОЗ). Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=113112996&backlink=1&&nd=113053946&rdk=3&refo id=113112997> (дата обращения: 13.06.2024).

¹² О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области. Закон Орловской обл. от 05.06.2015 № 1794-ОЗ (с изменениями на 13 июля 2022 г.) Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/428564638> (дата обращения: 13.06.2024).

¹³ Статья 7. Формы государственной поддержки инновационной деятельности. Закон Орловской области «О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области». Закон Орловской обл. от 05.06.2015 № 1794-ОЗ (с изменениями на 13 июля 2022 г.). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/428564638> (дата обращения: 13.06.2024).

экономической деятельности составляет 38%, отрасль обеспечивает около трети доходов консолидированного бюджета области, на долю промышленности приходится 95% от общего числа инновационно-активных организаций, доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции обрабатывающих производств составляет около 9,2%. Несмотря на аграрную специализацию, структура промышленности Орловской области представлена в значительной степени предприятиями машиностроения и металлургии»¹⁴.

Этап 4. Помимо государственной поддержки в соответствии с указанными выше законами в настоящее время в Орловской области успешно функционирует инфраструктура поддержки бизнеса, среди них: НО «Фонд поддержки предпринимательства Орловской области»; НО «Фонд микрофинансирования Орловской области»; Центр поддержки предпринимательства; Центр кластерного развития; Орловский региональный Центр поддержки экспорта.

Однако регион заинтересован, в первую очередь, в технологическом предпринимательстве. Эта задача выполняется через такой элемент институциональной среды как центр «Мой бизнес», деятельность которого реализуется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Для осуществления господдержки высокотехнологичных инновационных орловских компаний на базе этого центра «Мой бизнес» планируется аккумулировать федеральные и региональные меры господдержки, институты развития и представительства.

Кроме того, предпринимательское сообщество Орловской обл. уже сегодня активно сотрудничает с федеральными институтами поддержки и развития инноваций (табл. 2). Во-первых, это фонд «Сколково», который с 2010 г. помогает перспективным региональным стартапам развивать инновационные продукты. Во-вторых, регион с развитой научной базой вовлечен в российский сегмент сети Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ), которая создана по инициативе Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) с целью наращивания инновационного потенциала через обеспечение информационной и научно-методической поддержки пользователям услуг ЦПТИ в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности¹⁵. В Орловской области ЦПТИ создан в структуре Госуниверситета – УНПК (ранее – Орловский государственный технический университет), который в течение многих лет является одним из крупнейших патентообладателей и среди российских вузов, и среди крупных НПО и НИИ.

В-третьих, мы не смогли обойти своим вниманием и социальные инновации в Орловской обл.¹⁶, а их немало, в том числе: реализовано 13 инновационных социальных проектов, из них девять проектов государственных учреждений, четыре проекта муниципальных образований на общую сумму 24,1 млн руб.; область стала инициатором создания семейных МФЦ, главной целью которых является улучшение качества жизни семей с детьми, оказание им информационной, психологической,

14 Информация об инновационном потенциале Орловской обл. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/597/81884.php> (дата обращения: 13.06.2024).

15 Центр поддержки технологий и инноваций. Режим доступа: <https://oreluniver.ru/subdivision/cpti> (дата обращения: 13.06.2024.)

16 40 млн руб. выделил Фонд социальных инноваций на реализацию проектов в Орловской области в 2009–2024 гг. Режим доступа: <https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=36016> (дата обращения: 13.06.2024).

юридической поддержки, гуманитарной помощи» (уже открыто шесть семейных МФЦ и опыт подхвачен всей страной). Информация о фонде развития и инноваций в области именно социальной деятельности, что отличает Орловскую область от других регионов страны, также представлена в табл. 2.

Таблица 2. Характеристика институтов развития в Орловской обл. (фрагмент)

Институт развития	Сущность института развития действующего в Орловской обл.
Фонд Сколково, региональное представительство	Цель сотрудничества с фондом Сколково заключается в создании в области эффективной инновационной экосистемы. Орловские предприниматели с инновационными идеями смогут получать налоговую, грантовую и сервисную поддержку фонда, в том числе на стадии разработки и внедрения. Планируется провести аккредитацию регионального представителя фонда «Сколково». Орловчане уже представили несколько инновационных проектов, причем как в сфере управления (в логистике и международной онлайн торговле («Pickpack»), так и в сфере производства (вторичной гранулы полипропилена)
Фонда содействия инновациям, НО «Фонд поддержки предпринимательства Орловской области»	На базе Центра «Мой бизнес» с 12 апреля 2021 г. функционирует региональное представительство Фонда содействия инновациям. Ключевая цель деятельности Фонда – финансовая поддержка молодых ученых и малых предприятий, которые занимаются научными разработками с высоким потенциалом коммерциализации
Центр поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ)	В Орловской области ЦПТИ создан в структуре Госуниверситета – УНПК (ранее – Орловский государственный технический университет). Создана специализированная служба по интеллектуальной собственности, в штате вуза работают патентоведы. Только за последние пять лет университет получил более 500 патентов на изобретения, полезные модели; учеными вуза ежегодно создается более 1500 объектов авторского права, регистрируются десятки программ для ЭВМ
Фонд развития и инноваций в области социальной деятельности	Фонд был создан в 2020 г. по инициативе С.Н. Кутенева как продолжение его социальной деятельности. Фонд охватывают пять направлений, в том числе «Образование и просвещение». Его цель: развитие качеств, необходимых для включения подрастающего поколения в социально значимую деятельность, приобщение к достижениям цивилизации. Среди проектов фонда – создание на базе Центра им. Н.Н. Поликарпова школы «Робостанция». Занятия школы направлены на формирование базовых технических компетенций в области робототехники, развитие познавательных и творческих способностей детей

Составлено автором по: Поддержка инноваций: представители фонда «Сколково» посетили Орловскую область. Орловские новости от 22 марта 2023 г. Режим доступа: https://newsorel.ru/fn_1467742.html (дата обращения: 13.06.2024); Фонд содействия инновациям. Режим доступа: <https://fasie.ru/> (дата обращения: 13.06.2024); Центр кластерного развития Орловской области. Режим доступа: <https://ckr.msb-orel.ru/internal-page/regionalnoe-predstavitelstvo-fonda-sodeystviya-innovatsiyam.html> (дата обращения: 13.06.2024); Центр поддержки технологий и инноваций. Режим доступа: <https://oreluniver.ru/subdivision/cpti> (дата обращения: 13.06.2024); Фонд развития и инноваций. Режим доступа: <https://социальныйфонд.рф/> (дата обращения: 13.06.2024).

На внедрение инноваций особое влияние оказывает фактор состояния науки и образования. В связи с этим подчеркиваем успешное функционирование созданной в 2000 г. ассоциации «Университетский научно-образовательный комплекс Орловщины». Также большие надежды регион возлагает на проект студенческого кампуса, реализуемого в рамках нацпроекта «Наука и университеты», цель которого – увеличение кадрового потенциала региона за счет талантливой молодежи¹⁷. Но, пожалуй, наибольший интерес вызывает ОЭЗ «Орел». В своих предыдущих работах [6] мы уже демонстрировали укрупненную характеристику ОЭЗ «Орел», в новой версии (табл. 3) представлена более развернутая картина.

Таблица 3. Сравнительный анализ эффективности ОЭЗ на основе показателей национального рейтинга (кол-во баллов)

Блоки показателей Область Годы	Орловская Воронежская			Для сравнения Липецкая			
	2021	2022	Изм.	2021	2022	2021	2022
	ОЭЗ «Орел»			ОЭЗ «Центр»		ОЭЗ «Липецк»	
Функциональный блок S1	0,96	0,97	1,01	1,045	1,0	0,945	0,97
Функциональный блок S2	0,56	1,24	2,21	0,618	1,59	0,859	2,00
Функциональный блок S3	0,38	0,77	2,02	0,501	0,99	0,939	1,86
Функциональный блок S4	0,51	1,53	3,00	0,754	2,00	0,776	2
Функциональный блок S5	0,55	2,00	3,63	0,92	0,96	1,080	2
Блок S6 «Информационная открытость сайта»	0,39	0,61	1,56	0,91	0,83	0,874	1
Блок S7 «Глобальные экономические вызовы»	н/д	0,00	0,00	н/д	0,42	н/д	2
Общий балл	5,35	7,12		6,16	7,79	9,158	11,83

Составлено автором по: Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2021. Выпуск 5 / М.М. Бухарова, А.Н. Андреев, Р.Ф. Бододько и др.; редакционная коллегия: А.В. Шпиленко (отв. редактор), В.И. Зверков, А.Н. Козловский; Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2021. – 265 с. Режим доступа: <https://akitrf.ru/oez/analiticheskie-materialy/> (дата обращения: 13.06.2024); Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2022. Выпуск 6 / Д.А. Гуляева, И.Е. Гусев, Е.А. Баскакова и др.; редакционная коллегия: А.В. Шпиленко (отв. редактор), А.Н. Козловский; Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2022. – 253 с. Режим доступа: https://akitrf.ru/upload/medialibrary/06f/srf8vj1z9td93xiuewm7r8qe4qgwhvi/Biznes_navigator_po_osobym_ekonomicheskim_zonam_Rossii_2022_VI_Rating.pdf (дата обращения: 13.06.2024); Фролов А.А. Оценка эффективности функционирования особой экономической зоны как института развития региона (на примере Орловской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/7634/> (дата обращения: 13.06.2024).

¹⁷ Строительство межвузовского кампуса стартовало в Орле. Сайт Минобрнауки. Новости от 05.09.2023. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-podvedomstvennykh-uchrezhdeniy/72606/> (дата обращения: 05.07.2024).

Для анализа примем данные об итогах развития ОЭЗ по совокупности показателей, используемой Ассоциацией индустриальных парков нашей страны, состоящей из шести блоков, в том числе¹⁸: блок 1 характеризует инвестиционную привлекательность региона (компоненты индекса: эффективность экономической и инвестиционной деятельности, обеспеченность региона трудовыми ресурсами и др.); блок 2 характеризует благоприятные условия для предпринимательской деятельности (среди компонентов индекса: наличие компетенций для привлечения инвесторов, привлечение резидентов); блок 3 отражает обеспеченность инфраструктурой; блок 4 называется «Земельные ресурсы и объекты капитального строительства». По блокам, имеющим непосредственное отношение к технологическому аспекту развития региона (S6 и S7), нами даны развернутые названия в табл. 3.

Анализ данных табл. 3 показывает, что у особой экономической зоны «Орел» самый высокий показатель достигнут по блоку S5 вместе с лидером ОЭЗ «Липецк». Он оценивается по таким компонентам как отношение объема инвестиций резидентов к площади ОЭЗ, динамика инвестиций. Но с точки зрения технологического развития тревогу вызывает блок 7 со значением ноль, который оценивается по таким показателям как цифровая трансформация площадки, центр обработки данных, высокоскоростной интернет. Это означает, что в первую очередь поддержка институтов развития нужна именно в этом сегменте, стратегию которой следует выстраивать в соответствии с вышеизложенными теоретическими принципами.

Заключение

В теоретическом аспекте мы можем заключить, что с институциональной точки зрения все институты выступают «необходимым элементом, обеспечивающими достижение цели системы» [1, с. 27], в том числе региональной социально-экономической системы. Приоритетной целью сегодня является технологическое развитие страны и ее регионов. Но наряду с созданием новых институтов, в первую очередь, необходимо активизировать действующие, скорректировать фокус их деятельности. Это возможно, поскольку «характерной особенностью институтов является то, что они трансформируются вместе с экономикой и обществом» [1, с. 28]. В направлении будущих исследований большинство ученых сходятся во мнении, что требуются исследования теоретических аспектов взаимодействия цифровых технологий и ИР в процессе становления цифровой экономики [1].

В прикладном аспекте одним из активных институтов развития являются кластеры, ОЭЗ, в том числе в Орловской обл. Расчеты ученых показывают, что в последние годы увеличилось выделение средств на создание и развитие кластеров (внебюджетное финансирование возросло на 90%, величина федеральной и областной субсидий увеличились на 38% [9]. В тоже время выявлена их недостаточная эффективность в части цифровой трансформации площадки, центра обработки данных, высокоскоростного интернета. ОЭЗ Орловской области необходимо обратить пристальное внимание на этот сегмент, а также придерживаться общего тренда

18 Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2021. Выпуск 5 / М.М. Бухарова, А.Н. Андреев, Р.Ф. Бододько и др.; редакционная коллегия: А.В. Шпиленко (отв. редактор), В.И. Зверков, А.Н. Козловский; Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. – Москва: АКИТ РФ, 2021. – 265 с. Режим доступа: <https://akitrf.ru/oez/analiticheskie-materialy/> (дата обращения: 13.06.2024).

страны, который состоит в том, что основной акцент государственной поддержки кластерных проектов следует делать на финансировании совместных НИОКР-проектов, дальнейшем развитии инвестиционной и инновационной инфраструктуры [9]. Кроме того, выявлено, что анализируемый регион намерен активно использовать институты, связанные с поддержкой технологичных предприятий, например, Фонд содействия инновациям. В этой части рекомендуем при финансировании современных стартапов учесть общую тенденцию, что «если раньше проекты по поддержке стартапов могли быть относительно дешевыми, то к настоящему времени пороги входа в прорывные направления существенно возросли, ... а это требует кратного увеличения предельного объема поддержки на один проект¹⁹, особенно на ранних стадиях.

Библиографический список

1. Батов Г.Х. Теория институтов развития: типология и применение в цифровой экономике // Теоретическая экономика. – 2021 – № 10. – С. 27–37. DOI: 10.52957/22213260_2021_10_27. Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Бодрунов С. Экономика нового времени в трех измерениях. Режим доступа: <https://veorus.ru/события/хроника-мероприятий/sostoyalos-vsrossijskoe-ekonomicheskoe-sobranie-2023/> (дата обращения: 13.06.2024).
3. Котванов М.В., Рыжкова М.В., Котванова С.Г. Жизненный цикл институтов и цифровые технологии: взаимное влияние // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 3–3. – С. 410–414. Режим доступа: <https://vael.ru/ru/article/view?id=3363> (дата обращения: 20.05.2024).
4. Сухарев О.С. Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – 1. – С. 47–64.
5. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Институты регионального развития как факторы экономического роста // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 9–18.
6. Фролов А.А. Оценка эффективности функционирования особой экономической зоны как института развития региона (на примере Орловской области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. Режим доступа: <https://eee-region.ru/article/7634/> (дата обращения: 13.06.2024).
7. Цветков В.А., Сухарев О.С. Экономический рост России: новая модель управления М.: ЛЕНАНД, 2017. – 352 с.
8. Чашкин В.В. Новые подходы к классификации институтов развития // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 33 (123). – С. 31–38.
9. Чернышова О.О. Региональная инновационная политика в Орловской области. Режим доступа: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018013135> (дата обращения: 13.06.2024).
10. Экономико-технологическое развитие: методология диагностики и прогнозирования / А.И. Татаркин, О.А. Романова, А.В. Гребенкин, В.В. Акбердина. – М.: Наука, 2011. – 398 с.

References

1. Batov, G.H. Teorija institutov razvitija: tipologija i primenenie v cifrovij ekonomike // Teoreticheskaia ekonomika. – 2021 – №10. – S.27–37. – DOI: 10.52957/22213260_2021_10_27. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Data of access: 15.05.2024).

¹⁹ РБК от 26 ноября 2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/society/26/11/2020/5fbfd4c09a7947d275912ac9> (дата обращения: 13.06.2024).

2. Bodrunov S. *Jekonomikanovogovremeni v trjohizmerenija*. – URL: <https://veorus.ru/sobytija/hronika-meroprijatij/sostoyalos-vserossiyskoe-ekonomicheskoe-sobranie-2023/> (Data of access: 13.06.2024).
3. Kotvanov M.V., Ryzhkova M.V., Kotvanova S.G. *Zhiznennyj cikl institutov I cifrovyje tehnologii: vzaimnoe vlijanie* // *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki I prava*. – 2024. – № 3–3. – S. 410–414. – URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=3363> (data of access: 20.05.2024).
4. Suharev O.S. *Tehnologicheskij suverenitet Rossii: formirovanie na baze razvitija sektora «jekonomika znanij»* // *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. – 2024. – 1. – S. 47–64.
5. Tatarkin A.I., Kotljaroza S.N. *Instituty regional'nogo razvitija kak faktoryj ekonomicheskogo rosta* // *Jekonomika regiona*. – 2013. – № 3. – S. 9–18.
6. Frolov A.A. *Ocenka jeffektivnosti funkcionirovanija osobojj ekonomicheskoy zony kak institute razvitija regiona (na primere Orlovskoj oblasti)* // *Regional'najaj ekonomika I upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*. – URL: <https://eee-region.ru/article/7634/> (data of access: 13.06.2024).
7. Cvetkov V.A., Suharev O.S. *Jekonomicheskij rost Rossii: novaja model' upravlenija* – M.: LENAND, – 2017. – 352 s.
8. Chashkin V.V. *Novye podhody k klassifikacii institutov razvitija* // *Finansovaja analitika: problem I reshenija*. – 2012. – № 33 (123). – S. 31–38.
9. Chernyshova O.O. *Regional'naja innovacionnaja politika v Orlovskoj oblasti*. – URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018013135> (data of access: 13.06.2024).
10. *Jekonomiko-tehnologicheskoe razvitie: metodologija diagnostiki I prognozirovanija* / A.I. Tatarkin, O.A. Romanova, A.V. Grebenkin, V.V. Akberdina. – M.: Nauka, 2011. – 398 s.

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Federal State Autonomous Educational Institute of Higher Education «Ural Federal university
Named after the first President of Russia B.N.Yeltsin
19, Mira Str., Yekaterinburg, 620002, Russia
Фролов Андрей Александрович / Andrey A. Frolov
a.a.frolov@urfu.ru

**Научные труды
Вольного
экономического
общества России**

Информация
об издании

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЕОРГИЕВ Румен Младенов

Профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВНИН Михаил Юрьевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ГОРШКОВ Михаил Константинович

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ Джеймс К.

Член Международного комитета ВЭО России, иностранный член Российской академии наук, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ Владимир Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Первый вице-президент Союза машиностроителей России, д.т.н. (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович

Вице-президент ВЭО России, президент Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КАЛАШНИКОВ Сергей Вячеславович

Член Президиума ВЭО России, председатель Президиума Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КРЮКОВ Валерий Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор Всероссийского экономического журнала «ЭКО», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

КУЗЫК Борис Николаевич

Научный руководитель Института экономических стратегий Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КУЛЕШОВ Валерий Владимирович

Научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, заместитель Председателя Сибирского отделения Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

ЛЕЙН Дэвид

Профессор Кембриджского университета (University of Cambridge) (Кембридж, Великобритания)

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич

Заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой международной политэкономии Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

МАЕВСКИЙ Владимир Иванович

Заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАКАРОВ Валерий Леонидович

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, профессор математической экономики, доктор физико-математических наук (г. Москва, Россия)

МУРЫЧЕВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н, профессор (г. Москва, Россия)

РЯБУХИН Сергей Николаевич

Вице-президент ВЭО России, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд Алиаббас оглы

Президент Союза экономистов Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков Петрович

Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

ШИРОВ Александр Александрович

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий Васильевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», генеральный директор АО ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

АНТИПИНА Ольга Николаевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь Ученого совета экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, заместитель директора Центра Национальной технологической олимпиады НИУ ВШЭ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА Анна Вячеславовна

Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БОДРУНОВА Светлана Сергеевна

Член Правления ВЭО России, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, д.полит.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ Михаил Илларионович

Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ Андрей Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович

Член Президиума ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЁВ Александр Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

КОЛГАНОВ Андрей Иванович

Член Президиума ВЭО России, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ Владимир Александрович

Член Президиума ВЭО России, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА Маргарита Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА Галина Максимовна

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя комитета Городского Собрания Сочи по вопросам образования, науки, социальной политики, охраны здоровья; руководитель программы магистратуры «Туризм и индустрия гостеприимства» МГИМО МИД РФ, д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ Анна Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА Ольга Алексеевна

Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА Валентина Викторовна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор-главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

ТКАЧЕНКО Елена Анатольевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

УСЕНКО Людмила Николаевна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

EDITOR-IN-CHIEF OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Sergey D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL COUNCIL OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Abel G. AGANBEGYAN

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Rumen M. GUEORGUIEV

Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

Sergey YU. GLAZIEV

Vice President of the VEO of Russia, member of the Board (Minister) for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (EEC), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail YU. GOLOVNIN

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Mikhail K. GORSHKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Moscow, Russia)

Ruslan S. GRINBERG

Active member of the Senate of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey A. GROMYKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences. (Moscow, Russia)

James K. GALBRAITH

Member of the VEO of Russia International Committee, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

Vladimir V. GUTENEV

Chairman of the State Duma Committee on Industry and Trade, First Vice-President of the Union of Mechanical Engineers of Russia, Doctor of Technical Sciences (Moscow, Russia)

Alexander A. DYNKIN

Vice President of the VEO of Russia, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey V. KALASHNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Chairman of the Presidium of the International Union of Public Associations «Russian Association for International Cooperation», Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery A. KRYUKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the All-Russian Economic Journal «ECO», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

Boris N. KUZYK

Scientific Director of the Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery V. KULESHOV

Scientific Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

David LANE

Professor at the University of Cambridge (Cambridge, United Kingdom)

Petr S. LEMESHCHENKO

Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of International Political Economy of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus).

Vladimir I. MAEVSKY

Head of the Center for Institutional Evolutionary Economics and Applied Problems of Reproduction of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Valery L. MAKAROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of Mathematical Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow, Russia)

Alexander V. MURYCHEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Alexander V. PETRIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Boris N. PORFIRIEV

Vice-President of the VEO of Russia, Head of the Economics Section of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Sergey N. RYABUKHIN

Vice President of the VEO of Russia, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Ziyad A. SAMEDZADE

President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

Yakov P. SILIN

Vice-President of the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Alexander A. SHIROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV

Vice-President of the VEO of Russia, President, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN

Vice-President of the VEO of Russia, Chairman of the Board of Directors, Scientific Director of JSC Publishing House «Economic Newspaper», General Director of JSC Publishing House «Economics and Life», Scientific Editor of the Russian Classical Library «Economics and Spirituality», Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Olga N. ANTIPINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Center for the National Technology Olympiad, National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Management Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical Science (Moscow, Russia)

Svetlana S. BODRUNOVA

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Doctor of Political Science (St. Petersburg, Russia)

Aleksey O. VERENIKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Mikhail I. VOEYKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Andrey E. GORODETSKY

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction «Institutes of Modern Economy and Innovative Development» of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. DZARASOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Leading Researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Alexander A. ZOLOTAREV

Vice President of the VEO of Russia, President Head of the St. Petersburg regional public organization the VEO of Russia, Executive Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Candidate of Economics Science (St. Petersburg, Russia)

Andrey I. KOLGANOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor

Vladimir A. PLOTNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Margarita A. RATNIKOVA

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

Galina M. ROMANOVA

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Chairman of the Committee of the City Assembly of Sochi on education, science, social policy, health protection; Head of the Master's program «Tourism and Hospitality Industry» MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)

Anna V. SADOVNICHAYA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Olga A. SAVINA

Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

Valentina V. SMAGINA

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

Elena A. TKACHENKO

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

Lyudmila N. USENKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics Sci., Professor (Rostov-on-Don, Russia)

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: science@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (\approx 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12 pt, межстрочный интервал – 1,5, отступ первой строки абзаца – 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; боковые поля: левое поле – 3 см, правое поле – 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 11 pt, межстрочный интервал – 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только *курсивом* или **полужирным** начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельными файлами в форматах .jpeg или .tiff с разрешением не меньше 150 dpi.
- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию (-и) автора (-ов). Размер файла – не менее 2 МБ, формат – .jpeg или .tiff.

3. СТРУКТУРА СТАТЬИ

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе (-ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе (-ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).

- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):

- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:

- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):

- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (**стандарт транслитерации – BSI**), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru>.
- Пристатейный библиографический список нумеруются последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с **ГОСТ Р 7.0.100–2018**). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).
- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact Information):

- Для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации (-й), которую он (они) представляет (-ют), e-mail автора (-ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – **ПР999**.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию: +7 (495) 609-07-60, science@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
Том № 4 (248), 2024 г.

Учредитель: Общественная организация – Вольное экономическое общество России (125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А).
Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре – ПИ №77-3786 от 20.06.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
Адрес издателя и редакции: 125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор – С.Д. Бодрунов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор
Над выпуском работали – А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Оформление и верстка – ООО «Экономикс Медиа»
Корректор – О.В. Марсова, П.Д. Марсова

Подписано в печать 20 июля 2024 г.
Формат 20х26 см. Бумага офсетная
Выход в свет 31 августа 2024 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 351675
Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»
г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2024

ISBN 978-5-94160-237-7
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-237-7

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 4 (248), 2024 г.

Founder: Public organization - Free Economic Society of Russia
(125375, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number – ПИ №77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125375, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief – S.D. Bodrunov, Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors – Anna V. Bobina, Maxim A. Lazarev

Design – Economics Media Ltd.
Press-corrector – O.V. Marsova, P.D. Marsova

Signed for printing on July 20, 2024.
Format 20 x 26 cm. Offset paper
Publication August 31, 2024
Run of 1,000 copies, Order No.351675
Printed in the printing house
of «Viva-Star» LLC
Moscow, Elektrozavodskaya str., 20.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2024

ISBN 978-5-94160-237-7
ISSN 2072-2060

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM | МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Подробная информация
о МАЭФ размещается
на официальном сайте Форума:
<https://maef.veorus.ru>

Генеральный
информационный
партнер

ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО РОССИИ

Официальный
информационный
партнер

Российская Газета

